

Август

Дорогой Д. И. Вестники покинули меня. Я не могу даже рассказать Вам, как это случилось. Я сидел ночью у открытого окна, и вестники еще были со мной, а затем их не стало. Вот уже три года, как их нет. Иногда я чувствую приближение вестников, но что-то мешает мне увидеть их, а может быть, они боятся меня. Мне кажется, надо сделать какое-то усилие, может быть, небольшое, но при этом солгать, и вестники снова будут со мной. Но это отвратительно: лгать перед собой и перед вестниками.

Раньше я думал: может, вдохновение обманывает меня. Ведь я философ, надо писать, когда спокоен и нет желаний. Я думал написать словарь или собрание исследований, и каждое начиналось бы так: «Вот что сказал ученик Фалеса, когда учитель замолчал, так как вдохновение покинуло его». Теперь, когда нет желаний, нет вдохновения и вестники покинули меня, я вижу, что писать и думать не о чем. Но может быть, я не прав, может быть, сегодня день такой — я чувствую близость вестников и не могу увидеть их.

Яков Друскин дневники и письма

Table of Contents

[Яков Друскин. Дневники](#)

[1933. О счастливой жизни](#)

[1934. Смерть](#)

[1936. О банкротстве](#)

[1937](#)

[1939](#)

[1940](#)

[1940](#)

[1941](#)

[1942](#)

[1943](#)

[1944](#)

[1945](#)

[1946](#)

[1947](#)

[1948](#)

[1949](#)

[1950](#)

[1951](#)

[1952](#)

[1953](#)

[1954](#)

[1956](#)

[1957](#)

[1958](#)

[1959](#)

[1960](#)

[1963](#)

[1964](#)

[1965](#)

[1966](#)

[1966](#)

[1967](#)

[1968](#)

[1969](#)

[1970](#)

[1971](#)

[1972](#)

[1974](#)

[1975](#)

[1976](#)

[1978](#)

1979

Яков Друскин. Письма

Т. А. Липавской

В. В. Стерлигову

Е. Л. Фейнбергу

Д. С. Дудко

Послесловия

Корнелия Ичин: Яков Друскин и его вестники

Анатолий Корчинский: Явление являющегося, тайна
контингентности и материя мысли: не-философия Якова Друскина

Примечания

Дневники

Письма

Выходные данные

Август

Дорогой Д. И. Вестники покинули меня. Я не могу даже рассказать Вам, как это случилось. Я сидел ночью у открытого окна, и вестники еще были со мной, а затем их не стало. Вот уже три года, как их нет. Иногда я чувствую приближение вестников, но что-то мешает мне увидеть их, а может быть, они боятся меня. Мне кажется, надо сделать какое-то усилие, может быть, небольшое, но при этом солгать, и вестники снова будут со мной. Но это отвратительно: лгать перед собой и перед вестниками.

Раньше я думал: может, вдохновение обманывает меня. Ведь я философ, надо писать, когда спокоен и нет желаний. Я думал написать словарь или собрание исследований, и каждое начиналось бы так: «Вот что сказал ученик Фалеса, когда учитель замолчал, так как вдохновение покинуло его». Теперь, когда нет желаний, нет вдохновения и вестники покинули меня, я вижу, что писать и думать не о чем. Но может быть, я не прав, может быть, сегодня день такой — я чувствую близость вестников и не могу увидеть их.

Яков Друскин дневники и письма

ЯКОВ
ДРУСКИН ДНЕВНИКИ
И ПИСЬМА

Составление и примечания
Валерия Сажина

Ад Маргинем Пресс
2026

Яков Друскин
Сочинения в 2 томах
Том 2. Дневники и письма

Яков Друскин. Рисунок Веры Яновой
Ленинград, 1950-е

© В.П. Янова, наследники, 2026

Составление и примечания: *Валерий Сажин*
Оформление: *Евгений Григорьев и Анна Иванова*
Фотография на обложке: *Яков Друскин с котом Тимофеем. Фото*
Михаила Шемякина, 1963
Рисунки: коллекция издательства «Вита Нова»

ИЗЕНОБЭРИУ

Издание выпущено в рамках совместного проекта издательства Ad Marginem и Музея ОБЭРИУ.

© Яков Друскин, наследники, 2026

© Валерий Сажин, составление, примечания, 2026

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2026

* * *

Яков Друскин. Дневники

1933. О счастливой жизни

Л. говорил о счастливой жизни: спокойная жизнь в комнате, когда не можешь выйти, счастье ли это? Нет, остается незаполненное время. Также на полустанке, когда поезд стоит долго, — спокойная жизнь. Счастье ли это? Но перед отходом поезда, когда остается полчаса, зайти не торопясь на станцию и выпить рюмку водки — это счастье. Счастье — когда имеешь паузу в общей спешке, когда все торопятся.

Вот две окрестности смерти: конец, «окончателность» (В.) и вторая: спокойная жизнь и счастье. Вот окрестности спокойной и беспокойной жизни: незаполненное время, тяжесть усилий, одиночество.

Некоторые удобства, отсутствие необходимости торопиться, развлечения, свободомыслие — вот что называли красивой жизнью. Когда же жизнь потеряла удобства и всё, что с этим связано, остался скелет жизни: страх смерти и времени.

Считать преобладающим и нормальным в порядке событий, имеющих ко мне отношение, неприятное, также отсутствие и пустоту, — вот условие спокойной жизни. Но это не счастье.

Считать нормальным ощущение тяжести усилий и незаполненного времени.

Счастливая жизнь — это жизнь прибрежных жителей.

Я не люблю спать в чужом месте, потому что в чужом месте замечаю продолжение, не имеющее конца, то есть размеры. Например, новые звуки. В своей комнате я привык к звукам, и они имеют определенные размеры. На своей кровати, в комнате, к которой я привык, размеры меньше. Большие размеры вызывают ужас, это граница, которой я не могу достичь. Наибольший размер имеет смерть.

Расстояние в пространстве измеряют временем, сказал В. Я спросил его: как измерить расстояние между двумя стихотворениями? Расстояние между двумя значениями этого и того? Между двумя значениями есть не только различие, но и расстояние, его можно измерить. Меня интересует число расстояний между двумя значениями, расстояние между распусканием цветка и деревом, их числа. Меня интересует пустое расстояние и отсутствие между двумя значениями.

Мне снился переход от этого к тому. Я истекал кровью и через несколько минут должен был умереть. Страха не было, но я немного пожалел чего-то. Затем я сразу проснулся. Не было промежуточного состояния между сном и бодрствованием. Проснувшись, я подумал: состоялся переход от этого к тому.

О. тоже несколько раз видел во сне, что умирал, и говорит, что приближение смерти страшно, когда же кровь начинает вытекать из вен, уже не страшно и умереть легко.

Когда говорят: смерть — это как сон, то думают о смерти другого человека. Между тем смерть — это или мой сон, или отсутствие моего сна. Кажется, мой сон даже без сновидений я чувствую как мой сон, но сон другого человека мне безразличен.

Непонятно отсутствие меня. Когда я сплю, отсутствует **я**, но **мое** не отсутствует. Может быть, смерть — это граница между одним моим и другим моим. Было мое я, но теперь будет другое мое.

Самый глубокий сон без сновидений ближе ясного, но достаточно удаленного воспоминания.

Ужас от отсутствия и от переполнения, например система лунного света, система пузырей и жаркий летний полдень.

В детстве у меня было два кошмара. Они повторялись и позже. Сейчас бывает один из них, и я даже нахожу удовольствие от него. Происходит это между засыпанием и сном. Это ощущение, в котором

принимают участие: число пять, ощущение, которое испытывает язык, приближаясь к зубам, когда произносится слово «пять», небольшой груз, подвешенный на нитке, или зуб, уже почти выпавший, и некоторое равновесие, которое сейчас будет нарушено.

Л.: может быть, всё пространство ограничивается Землей, а всё время — небольшим промежутком, например временем человеческой жизни; всё же, что происходит в этих границах, только проецируется в воображаемое бесконечное время и пространство.

Счастье в освобождении от торопливости. Когда я, придя из школы, ложусь на диван, это счастье? Но, может быть, здесь присутствуют еще другие условия. Возможно, счастье в напряжении всех сил? Но это, скорее, может иногда дать удовольствие, а не счастье. Но всё это не определяет счастья. Счастье, быть может, в том, чтобы не ощущать больших размеров. Затем, ощущение пустоты — это ощущение расстояния между двумя предметами или событиями, причем небольшие расстояния ощущаются как очень большие, бесконечные. Это и есть пустота, скука, тяжесть времени, и это нарушает счастье. Может, счастье не в определенных событиях, а в отношении к расстояниям — это умение сокращать расстояния.

Сокращение расстояний или размеров достигается различными путями. Например, вся жизнь — один промежуток; можно ощущать это расстояние как небольшое — это святость. Но можно разбить его на множество маленьких интервалов и в каждом сокращать расстояния — такова, должно быть, жизнь прибрежных жителей. Ограничение времени, дробление на интервалы, сужение или растягивание времени — вот что отличает счастливую жизнь от несчастливой. Еще для счастья необходимо некоторое понимание. Я здесь имею в виду отношение к другим. Для счастья не так важно, как ко мне относятся, а как я отношусь к другим. Некоторое непонимание нарушает счастье.

Л. говорил о науке радости. Он думает, что радость может стать обычным состоянием, для этого надо скинуть привычки, мешающие этому. Современный святой будет всегда радостный, хотя и не веселый. И даже боль тут не препятствие. Л. пробовал стать таким святым, но не получилось. О. добавил: «Разве боль от одеколона после бритья не одна из самых острых болей, а мы ее не замечаем, так как знаем, что на нее не надо обращать внимания».

Я хотел иметь различные вещи и чувствовал себя несчастным, потому что их не было. Когда же получил одну из них, я удовлетворялся этим и мне больше не надо было. Но и эта одна вещь перестала представлять для меня интерес, когда я получил ее. Я спутал удовольствие с счастьем. Удовлетворение желания — это только удовольствие. Но обычно оно приходит с опозданием, и удовольствие не так велико. Но это не имеет отношения к счастью.

Не курить, вообще не иметь привычки, которая считается приятной, не увеличит тяжести усилий и незаполненного времени. Какую бы я жизнь ни вел, это войдет в привычку. По этому поводу правильно замечали, что путешествия развлекают. Но так же правильно замечали, что и путешествия здесь не могут помочь. Остается время, которое я ощущаю как внешний предмет, перед ним бессильно всякое напряжение, направленное на изменение порядка событий, имеющих ко мне отношение.

В некотором равновесии в порядке событий, имеющих ко мне отношение, также есть небольшая погрешность. Когда я отказываюсь от какой-либо привычки, я ощущаю в течение какого-то времени большой недостаток. Но так как потом наступает снова равновесие, не отличающееся от прежнего, то этот промежуток следует считать небольшой погрешностью.

Дается ли счастливая жизнь даром или ей можно обучиться?

Никто не имеет в виду общий порядок событий.

Одна из ошибок — разделение на тело и душу. В Евангелии: «Я скажу своей душе: ешь, пей, веселись» (Лк. 12:19).

(Сон) В ночь, когда мне исполнилось 30 лет, ко мне пришел (во сне) покойный Георг. Он показал мне смерть. Я не поверил и сподличал, но

затем увидел его товарища, и он, тоже умерший, смотрел на смерть. Это было страшно и убедительно.

После этого Георг много раз являлся мне во сне. Однажды он учил меня ходить по времени. Во сне это было просто. В другой раз он явился мне каким-то просветленным, но неинтересным. Встреча произошла на железнодорожных путях, были рельсы и провода. Я просил его подбросить меня вверх, это было испытанием на чудо. Я боялся, чтобы он не догадался. Но он не догадался и подбросил высоко, но всё же это можно было объяснить и естественно. Я попросил его снова подбросить. Он подбросил меня на этот раз выше телеграфных столбов. Значит, чудо. И сразу же Георг и само чудо стали мне неинтересными. В представлении о чуде есть погрешность: осуществленное чудо неинтересно. Л. думает, что чудо не в факте, а в стиле. Это мало что объясняет. Я хотел чуда и в то же время во сне немного боялся, что Георг покажет мне чудо. Я просил одно, а он должен был сделать что-то совсем другое, может быть, тогда бы это было настоящим чудом.

Где бы я ни был, я всегда думаю: мне предстоит удовольствие вернуться домой в свою комнату. Может быть, это некоторое счастье: ночью, один в своей комнате. Это освобождение от торопливости, хотя бы она и доставляла удовольствие.

Прежде говорили: жалко умереть в 18 лет. Чего жалко и почему жалко в 18 лет, а в 80 не жалко или не так жалко? Жалели, верно, красивой жизни, чтения газет по утрам, посещения театра, комфорта, знакомства с женщинами. Умер молодым, а мог бы еще столько раз пойти в театр, узнать столько новостей, которые будут напечатаны в газетах. Всё это нелепо. Красивой жизни нет. Внешним признаком этого служит отсутствие интереса к женщине. Сейчас даже непонятно, как это было вокруг женщины столько насочинено.

З.: «Мне кажется, что все люди, неудачники и удачники, в глубине души чувствуют себя несчастными».

Разговор с Л.: меня интересует счастье. Помнишь, у Пушкина: «С богом, в дальнюю дорогу». Что там? Один убит, другой пропал без вести, «жив иль нет, — узнаешь сам», дочь живет где-то в Лизгоре, но

«с мужем ей не скучно там». И тот мир, в который они провожают убитого, похож на мир теней, неизвестно, что хорошего там. Всё же ясно, эти люди счастливы. Им не страшно большое пространство, им не может быть скучно, и нет у них чувства ничтожества, которое понятно нам. Л.: да, у них невеселое счастье, но это счастье. Я: кто же эти люди? Моряки или рыбаки, прибрежные жители. Это не случайно. У Гамсуна тоже действие происходит в прибрежном поселке. Или в лесу. Но лес, в конце концов, то же море. И люди у Гамсуна в большей или меньшей степени счастливы. В чем же счастье? Как ответить на это точно, исследовать счастье, как Гёте исследовал цвета? Л.: есть один признак, по которому счастье можно отличить от удовольствия. Когда удовольствие минет, оно становится безразличным, его не стоит вспоминать. А счастье трогает и в старости, уже не существуя. Л. говорил о неувядаемости счастья.

Бывает ли непонимание у деревьев и вестников? Если те и другие неподвижны, то у них не может быть непонимания окрестностей. Прикрепленные к своему месту, они живут спокойно и всё знают. Они не нуждаются в обозначении, и равновесия с небольшой погрешностью они достигли. Они разговаривают медленно, с трудом выговаривая слова, не запоминают сказанного и как будто никого не знают. Они счастливы.

Я совершил ошибку. Но если бы я сейчас и мог избрать другую жизнь, я бы этого не сделал, так как боюсь жить во второй раз, даже если не ошибусь, и еще больше — самой перемены, изменения судьбы. Это ощущение единственности жизни и счастья.

Условия счастья — уменьшение расстояний, стягивание времени. Но теперь как ни дробится время, и самые малые интервалы растягиваются бесконечно. Остаешься один: до ближайшего предмета, до ближайшего человека — бесконечность. Осталось: я, время и смерть.

Передо мной непонятные фигуры, случайные расположения. Я должен найти их знаки. Это подобно наложению некоторой печати. Я свободен в выборе знаков, в наложении печати, но, когда печать наложена, я вижу, что был знаком одной из фигур. Смерть — последний

знак: чувств не осталось, память всё потеряла. Осталась пустота, и страх, и система знаков, печать, почти наложенная.

1934. Смерть

Когда перед смертью он говорил: «Больно», то выходило так: «Ему больно». Когда на лице появлялась гримаса, то это было как рефлекс, и ясно было, что душе не больно. За сутки же перед смертью он отвечал на все вопросы: «Хорошо» — и еще сказал: «И рукам хорошо, и ногам хорошо, и в земле хорошо».

Он натянул простыню на лицо, когда же спросили зачем, он сказал: «Для настроя». Простыню отодвинули, тогда он закрылся руками.

За две недели он умирал четыре раза. Первая смерть с виду была совсем мудрая, тогда он сказал: «Плечо устало, рука устала, всё устало». Вторая смерть — в полном молчании, он слабел и холодел. Третья смерть наступила за сутки, он говорил: «Всё хорошо» — и сказал: «Теперь я буду спать». После этого заснул, а затем лежал в беспамятстве с открытыми глазами. Четвертая смерть была самая страшная и непонятная и, кажется, в полном сознании.

Когда он умирал в четвертый раз, может быть за два часа до последней смерти, наступило понимание: не было произнесено ни слова, он не мог говорить, но передал мне наследие и старшинство в роде. Я видел, что он знал это так же, как и я. Это было как оправдание и передача наследия и старшинства в роде, как предвестие последнего часа п, наложение печати. Большого понимания у меня не было в жизни.

Он умирал четыре раза, он искал наиболее благоприятного способа смерти и выбрал наиболее непонятный и страшный: клочкотание в груди и изливание пены. Может быть, здесь была наименьшая погрешность.

Когда смерть подходила в первый раз, он смотрел прямо перед собой, ничего не замечая, и молчал. Что он видел? Может быть, все силы были направлены на излечение сердца? В четвертый раз он тоже смотрел, ничего не замечая, но это было иначе, кажется, был ужас, или мне было страшно. Но вдруг он посмотрел на меня, это было, когда он передал мне старшинство в роде. Взгляд был ясный и сознательный, одним глазом, другой был парализован.

Когда делалось немного лучше, он беспокоился, просил позвать врача. Когда же бывало совсем плохо и чувствовалась близость смерти, он был спокоен, равнодушен к приходу врачей и говорил, что ему хорошо, хотя знал, что умирает.

Может быть, раньше было то, что я называл второй смертью, а потом первая?

1936. О банкротстве

Что меня интересует сейчас? Во-первых, способы смерти. Затем — как я жил. Я не вижу ничего впереди, поэтому меня интересует прошлое — как я жил и зачем. Затем меня интересует некоторая пустота: мне нечего сказать.

Термин — это недоказанная теорема, новая точка зрения, отношение к существующему. Например: представление и понятие, время и пространство, категорический императив. Если бы я должен был определить Канта двумя словами, я сказал бы: категорический императив.

Такой термин у меня: некоторое равновесие с небольшой погрешностью.

Точная идея, например апории Евклида или категорический императив Канта. Но она может быть и неопределенной. Некоторое равновесие — это точная идея. У меня была другая идея, тайная, я назову ее нескромной: соседний мир. Это тоже термин. Соседний мир — это уверенность в том, что есть различные способы существования, я хотел подсмотреть **не-то**. Еще была у меня идея, я назову ее дерзкой, — идея Вавилонской башни. Я хотел узнать всё и изложить по порядку. Других идей я сейчас не помню, меня интересуют две названные. Что касается дерзкой идеи, то здесь я полный банкрот. У меня была смелость, но я не уверен, что по отрывкам, которые сохранились, кто-нибудь другой поймет это. Между тем сохранилось, должно быть, лучшее. Затем я открыл метод — метод **этого** и **того**. С его помощью исследовал соседний мир и некоторое равновесие.

Мне нечего сказать, я банкрот. В чем здесь дело? Во-первых, в том, что даже то, что я открыл и исследовал, — метод **этого** и **того**, соседний мир, некоторое равновесие и другое — даже это я сделал не так, как хотел, то есть я отказался от системы или (вернее) от полноты. Но это банкротство, по-видимому, неизбежное для человека. Помимо того, в этом и заключалось открытие: небольшая погрешность, ошибка принадлежит к существующему. Я впервые понял значение неточности. Во-вторых, я потерял точность. Я запутался в неточности, которую открыл, не вижу различия между небольшой и большой погрешностью. Когда я стремился к точности, я строил Вавилонскую башню, и она рухнула. Я открыл некоторую неточность и первое время пользовался ею как надо, но теперь потерял критерий неточности. Таким образом, сейчас нет точных идей, допускающих необходимую неточность. В-третьих, раньше я писал плохо, потом стал писать хорошо. Я имею в виду стиль или слог, но затем я приобрел некоторые приемы и тогда кончил писать: не стало мыслей. Меня удивляло, с каким упорством месяцами, годами я искал нужный термин, не пренебрегая и плохими. Я

хотел найти термин, не думая о том, хорошо ли это будет изложено или плохо, и в конце концов находил и излагал хорошо. Но плохое изложение меня не останавливало, я удовлетворился бы и плохим, если бы нашел его правильным. Когда же нашел правильное изложение, оно оказалось и хорошим. Теперь же, уже два года пытаюсь писать, я вижу, что стремлюсь не к правильному изложению, но к хорошему или красивому и не нахожу ни правильного, ни хорошего. Наконец, я пришел к такому состоянию, когда у меня нет ничего, никаких мыслей, полная пустота. Это состояние я назвал когда-то нулевой истиной, истиной нулевой степени. Много раз я обнаруживал ошибку в своих рассуждениях. Когда у меня не будет склонностей и желаний, когда будет совсем пусто, тогда я начну правильно рассуждать, думал я. Но что же я скажу теперь? Что мне сказать об истине нулевой степени?

Я открыл старые тетради: «Непосредственное и его основание» — это общее название семи или восьми исследований — страниц двести. Я не мог прочесть и нескольких строк. Можно представить себе философию скопца: бесцветный мир. Эти люди были названы людьми лунного света. «Непосредственное и его основание» — скопческая философия. Это никому не нужно и непонятно, писал ее человек с Марса. Но меня удивляет их тонкость, возвышенность и благородство.

Путь моего банкротства: высокие предметы — высокий стиль — банкротство. Высокие предметы — это те, что за смертью. Но затем пришел Георг, показал мне смерть, и я подумал: что мне до того, что за смертью, это не имеет ко мне отношения. Меня интересует, как придет смерть, как я буду перед смертью. До прихода Георга я не думал о себе, также не думал о себе после смерти. Но позже это стало лицемерием. Я хотел думать, что всё благополучно и есть бессмертие. Всё же в этом было благородство: не думать о себе, но о том, что за смертью. С одним я говорю иначе, чем с другим, с женщиной иначе, чем с мужчиной. Я писал как бы перед лицом смерти, это и есть высокий стиль. Теперь я пишу, как говорю, и в этом банкротство.

Бывает сомнение и уныние. Я могу записать то, что я думал тогда, и это может сохраниться. Если будет записано плохо, хуже, чем прежде, это не имеет значения — погрешность небольшая. Но если то, что я сейчас пишу, закончу и оно окажется лучше того, что я писал, — это будет банкротством.

Когда я нахожу что-нибудь новое — Щель или то, что я узнал от Г[еорга], я знаю это точно и некоторое время излагаю точно, но не могу сделать из этого благоприятных выводов. Но затем нахожу всё же некоторое благополучие. Новое — это новые термины и, значит, новая система, затем появляются приемы, но мысли теряют необходимую определенность, или возрастает неточность, и я теряю критерий неточности. Неопределенные мысли важнее определенных, но и в неопределенных мыслях есть некоторая точность, их неточность — небольшая погрешность, эта неточность ограничена. Поэтому

неопределенную мысль нельзя пересказать своими словами, ее надо передать точно, например: «Блаженны нищие духом». Поэтому неопределенная мысль требует большей точности. Некоторая неточность ее — небольшая погрешность — происходит оттого, что неопределенная мысль — из соседнего мира. Но бывает другая неопределенность, когда мысль не имеет значения, потому что применима ко всему, здесь совсем нет точности. Вначале я не нахожу благоприятного мне, но начало — неопределенная мысль с некоторой неточностью или почти точная. Когда же нахожу некоторое благополучие — нет необходимой точности, и тут вторая неопределенность — когда мысль не имеет значения.

Некоторое равновесие с небольшой погрешностью — это нарушение и восстановление равновесия. Это нарушение и восстановление равновесия есть сейчас и сейчас, всегда сейчас. Но когда равновесие восстанавливается — это неопределенно вторым родом неопределенности, как то — то. Нарушение и восстановление равновесия — это только способ понять некоторое равновесие с небольшой погрешностью, мы замечаем его только что нарушенным или восстановленным.

Что же сказать тогда о банкротстве и отсутствии мыслей? Если так замечаем мы восстановление равновесия, то я не вижу благоприятствующего мне. Я исследовал степень высоты и повороты и нашел здесь некоторое равновесие, когда оно нарушалось — это равновесие с небольшой погрешностью. Но как понимать восстановление равновесия, откуда вторая неопределенность? Слово нарушило равновесие. Это определенное слово, знак, в нем есть необходимая неточность. Но вот любое слово восстанавливает равновесие, и оно неопределенно и пусто, как то — то. Нет двух равновесий, нет нарушения или восстановления равновесия. Оно всегда есть как некоторое равновесие с небольшой погрешностью, я же замечаю его так или иначе. Но, замечая его как восстановленное, я ничего не вижу. Я замечаю только нарушение равновесия.

Последнее место — место последнего отсутствия — это некоторое равновесие с небольшой погрешностью, только что восстановленное.

Я думал о том, что у меня нет мыслей и что мне не о чем думать. Таким образом, я дошел до последнего места — места последнего отсутствия.

Некоторое равновесие не происходит и не возникает, не нарушается и не восстанавливается. Некоторое равновесие с небольшой погрешностью есть в видимом, в том, что происходит, небольшая погрешность равновесия есть видимость происхождения и времени, но само равновесие не во времени. Я же замечаю его как нарушение и восстановление, я замечаю небольшую погрешность. Оно открывается мне в нарушении, когда же восстанавливается, но только в видимости, потому что само не нарушается и не восстанавливается, но есть, тогда

я ничего не вижу. Я наблюдаю восстановление равновесия как пустое, незаполненное время без событий. Это время не движется, не проходит, оно просто есть. Но равновесие также не возникает, не нарушается и не восстанавливается, но есть. Время — это форма некоторого восстановленного равновесия с небольшой погрешностью. Это время пустоты и скуки. Другое время — время событий — это небольшая погрешность в некотором равновесии.

Что меня интересует сейчас во времени? Если я говорю, что время — это форма некоторого равновесия, только что восстановленного, это надо понимать так: если времени не существует, если время только видимость, то я воспринимаю время в некотором равновесии, когда оно восстанавливается. Таким образом, время пустоты и скуки — это форма небольшой погрешности в некотором равновесии, когда оно восстанавливается. Но сейчас меня интересует другое: если времени не существует, то нет изменения. Я представляю себе вечность как мгновение, всё же, что было до этого мгновения, уже не существует, это относится к состояниям или возможностям мгновения. Но в мгновении я не нахожу благоприятствующего мне. В мгновении я нахожу чужое. Меня это пугает, и я хотел бы другой вечности, которая дала бы мне успокоение; с вечностью связывается идея вознаграждения, таким образом — будущее, то есть вносится время. Но это неверно.

Как понимать начало времени? Оно бесконечно по своей природе. Но может ли оно быть вечным? Оно имеет начало. Когда некоторое равновесие нарушается, возникает время. Время — это небольшая погрешность. Но я замечаю время, когда некоторое равновесие восстанавливается, время — это пустота и скука. Таким образом, оно всегда начинается, всегда есть в возможности. Возможность времени — это и есть его начало, ведь время начинается не во времени, но в вечности время тоже не начинается. Если же всегда есть небольшая погрешность, то всегда есть возможность времени или чего-либо подобного ему, то есть какая-либо форма небольшой погрешности. Не время есть, но возможность времени или чего-либо подобного ему. Но как здесь найти благоприятствующее мне? Если я — только переход от возможности к существованию, то, мне кажется, в существующем меня не сохранится. Может быть другое предположение: есть вечный переход и колебание, и случай может дать соединение, но здесь нет уверенности, и при этом возможно возвращение из существующего в возможное, и это совсем безнадежно. Третье предположение: я осужден на вечный переход. Я хотел бы быть уверенным в уничтожении перехода, но для этого необходима реальность времени; это невозможно.

Возможность есть начало времени, если время не существует, так как тогда его можно предполагать бесконечным: оно не существовало раньше и в бесконечности, так же как и теперь. Время даже нельзя

предполагать небесконечным, потому что бесконечное продолжение и есть время, но время не существует вечно, так как не существует вообще.

Невозможно понять вечность, вечное осуждение и т. д., поэтому говорим о времени. Я не наблюдаю изменения в мгновении, но в мгновении нет благоприятствующего мне, и, может быть, тогда я создаю время.

Что отличает время от вечности? Возможно ли существование того или другого? Я могу предположить мир без вечности, и в начале моих рассуждений не будет ошибки, кроме, может быть, небольшой погрешности. Но затем я увижу, что время непонятно и должна существовать вечность. Я могу предположить и мир без времени — некоторое мгновение и его состояния — прошлое, которого нет и не было, и здесь также не будет ошибки, кроме небольшой погрешности, но это мгновение пройдет.

Таким образом, и вечность непонятна без времени. Но я не смогу соединить время и вечность.

Почему прибрежные жители счастливы? Они слышат шум моря и живут согласно природе. Их жизнь зависит от прилива и отлива, от бури и погоды. Это дает серьезность, желание и уверенность в правильной жизни. Они не знают времени, прилив и отлив определяют их жизнь, сказал Л. В связи с этим я думал: наблюдая прилив и отлив, снегопад, огонь в камине, я не замечаю времени. Это подобно мгновению, в нем есть однообразие и порядок. Что объединяет эти состояния? Их объединяет отсутствие интереса к себе.

Задача Л. В течение некоторого времени, меньше одной секунды, дрожала натянутая струна. Множество колебаний за этот короткий промежуток времени я воспринял как качество — звук. Колебания струны столь незначительны и скоры в отношении к тем расстояниям в пространстве, которые я могу видеть, и к тем промежуткам во времени, которые могу различить, что я принял их за равные. Промежуток времени, в течение которого я воспринял множество колебаний как одно состояние или качество, я назову мгновением. Может ли мгновение растянуться на час, на год, на всю жизнь? Что я увижу в этом растянутом на год мгновении? Когда увижу его — в начале, в середине или в конце? Какое оно создаст новое качество?

Всё мятется всяк земнородный.

Что лучшее у Канта? Трансцендентальная дедукция категорий и учение о трансцендентальном характере, причем и сам Кант сознавал,

что это самое важное: трансцендентальная дедукция во втором издании написана заново. Но это и самое неопределенное. Так же и у Аристотеля самое главное — это потенция и акт, материя и форма, и так же это неопределенно. Вообще у всех философов то, что ясно и определено, — или относится ко второй философии, или неверно. Но это неопределенное можно формулировать так: как понимать небольшую погрешность в некотором равновесии? Эта формулировка дает определенный путь к решению.

Если я называю несказанное, даю ему имя, и это имя — его имя, не сказанное, но пользующееся моим и сказанным, то вот существуют вестники и всё, что должно быть. Но, может быть, это только мое имя, а то, другое, неизвестно, и может быть, и нет его? Тогда как определить мое место, как найти место всего другого?

Отношение Творца к сотворенному (или Несотворенного к сотворенному) названо Отцом, отношение сотворенного к Творцу — Сыном, их общая сущность — Святым Духом (Эриугена).

Л. сказал, что мышление — это поступок. Он понимал это так: есть рисунки, на которые смотришь и не можешь понять: выпуклые они или вогнутые. Пусть всем казался он выпуклым. Но вот пришел человек, внимательно посмотрел и увидел, что он вогнутый. Мышление — это работа, сказал Л. Игра в шахматы и на бильярде — одинаково физическая работа или мышление. Открытия нельзя доказать. Человек иначе посмотрел и увидел другое.

Л. спросил: «Что такое Reiz, или приятность, у женщины?» Приятность в соединении стихии с индивидуальностью — это соединение неустойчиво, и преобладание индивидуальности небольшое. Л. спросил: «Что раньше — существование в одно время, как открытый веер, или существование одного за другим?» Но что существует в одно время? Если, например, зрительные ощущения, цвет, то цвет видим, как протяженный, можно ли видеть его непротяженным? Л. думает поэтому, что существование одного за другим раньше существования в одно время, ведь в одно время существует сложное, а не простое. Также последовательность двух звуков раньше аккорда.

Я решил начать новую жизнь. Меня спросили: — Надолго ли? — Ненадолго. До смерти.

Я никогда не покончу с собой. Но лечь на подоконник и выпасть в окно — разве это значит покончить с собой? Вопрос теперь: не как жить, а как дожить?

Может быть, я напоминаю сейчас человека, который, собираясь в дальнюю дорогу, готовится, приводит в порядок свои вещи. Но вещей много, и беспорядок большой, он суетится, торопится, и неизвестно, успеет ли уложить всё вовремя.

Искали первое, что не выводится из другого, но предполагается как очевидное. Но первым будет не то, что предполагается, а что случайно находится. Но то, что я нахожу как необходимое, уже будет предполагаемым, так как необходимость предполагается.

Философия начинается с сомнения. Затем находится что-либо, что кажется очевидным, и возникает теория, причем всегда ошибочная. Где здесь ошибка, в признании чего-либо очевидным или в дальнейшем построении? Теория первой ошибки — это наука об **этом и том**.

Явление и вещь в себе — одно и то же до разделения: во мне и вне меня даже представление и вещь — это одно и то же. Но затем разделение на внешнее и внутреннее разделяет представление и вещь. Тождество это надо понимать так: то, что я вижу сейчас и здесь до рефлексии, — это и есть реальность, и ни о какой другой реальности говорить нельзя. Видеть и чувствовать — и значит существовать, и существующее только то, что вижу и чувствую до рефлексии, следовательно, не материальное. Но это не солипсизм, то есть реальность несуществующего выше. Но нельзя сводить это несуществующее к возможному существующему.

В квантовой механике соответствие между математическими операторами и физическими явлениями. Соответствие между принципами квантовой механики и философии. Вообще, есть какие-то основные инварианты или характеры, которые можно обнаружить в самых различных явлениях. Надо искать не законы, но характеры преобразований.

1. Вещь в себе и явление, или существующее и видимость. Сюда же: чистое восприятие и рефлексия. То, что обычно считается непосредственно данным, — уже результат рефлексии. Реально — чистое восприятие до рефлексии, видимость — результат деятельности рефлексии по поводу чистого восприятия. Но чистая чувственность и чистые изолированные ощущения — тоже результат рефлексии. Но реальность в видимости — это чувство присутствия или обладания — иметь. Форма рефлексии — отношение и субстанциальность.

2. Существующее (название), несуществующее нижнее и верхнее.

Реальность неназванного вообще и меньшая реальность, чем названного, того, что только может быть названо и не названо случайно. Постулаты существования:

а. Есть несуществующее верхнее, которое не названо и не может быть названо.

б. Существующее единично и случайно. Существующим могло быть и другое, то есть и другое можно было назвать. То, что можно назвать и случайно не названо, — несуществующее нижнее.

3. Существование как степень высоты. Прежняя и новая системы.

Несуществующее верхнее и нижнее — не субстанции, а постулаты или даже методы. В каждом отдельном случае есть свое несуществующее, верхнее и нижнее.

4. Теория среднего принципа.

5. Мгновенность и длительность. Есть ли какое-либо изменение, развитие или длительность в существующем, либо оно неизменно? Если второе, то мгновение — временной образ вечности. Я имею в виду здесь не несуществующее верхнее, о котором ничего нельзя сказать, и не видимость — результат рефлексии, но реальность (названное). Время — как признак двух первых несоответствий.

6. Относительность знания. Я определяю что-либо не прямо, но называя его **ЭТИМ** в отличие от **ТОГО**. Я определяю одно только относительно другого и не имею непосредственного знания.

7. Список первых несоответствий. Он покажет, что надо постулировать при исследовании *первой разности* (термин Л. Липавского). Но сама первая разность не постулат. Исследование об **ЭТОМ** и **ТОМ** — исследование первой разности.

8. а. Надо исследовать не способность познания, а способ обозначения, так же как квантовая механика исследует операторы.

б. Мгновенную небольшую погрешность в некотором равновесии надо исследовать как преобразование. Если можно исследовать реальность, то надо построить схемы преобразований. Это в науке, в общественных науках или в истории: главным образом характеры преобразований. В философии, может быть, есть одно только преобразование — **это** и **то**, главное — характеры преобразований.

Предполагается, что направление во времени — от предыдущего к последующему. Каждое сейчас станет предыдущим, и наступит новое сейчас. Но может быть направление обратное. От настоящего мгновения я иду назад, подыскивая ему обоснования, и этот ряд назад бесконечен. Следующее мгновение — и снова я стараюсь обосновать и опять иду назад. Последовательности, идущие назад, налагаются одна на другую, и тогда возникает ощущение реальности времени. Но что значит следующее мгновение?

Можно понять направление от настоящего к предыдущему, то есть назад, а не вперед. Но время я представляю скорее как прямое направление, а не обратное, это и значит, что время течет. Может быть,

время — это проекция обратного направления, но трудно сказать на что, так как ощущение движения времени вперед — это уже результат проекции, причем при этой проекции направление меняется, то есть возникает представление о течении времени вместо обоснования настоящего, вместо ряда воображаемых предположений. Существует мгновение — некоторый промежуток. Я ищу обоснование — предположение. Затем другое предположение для обоснования первого и т. д. — ряд назад. Затем я проецирую этот ряд на некоторую реальность. Тогда возникает представление времени, или, что то же, время. В предположениях нет реальности, то есть это только предположения, но проекция реальна. Это различие предполагаемого и реального создает различие направлений, и затем уже я представляю это как прошлое и будущее.

1. Не только движение бывает как бы неподвижное, но и время — как бы непроходящее.

2. Имеет ли время качественные различия, или качественные различия принадлежат тому, что во времени?

3. Если время не существует как сосуд, то ты определишь его как деятельность или что-либо подобное деятельности; или мгновение как деятельность, а время как некоторое отсутствие.

4. Мгновение возникает, когда я обращаю внимание на то, что его нет, то есть когда замечая время или отличие времени от мгновения.

5. По всей вероятности, измеряется не мгновение, а некоторое истощение мгновения, когда еще сохранилась память о нем.

6. Где искать начало времени? Во времени время не начинается, но в вечности оно тоже не начинается. Возможность времени — это и есть его начало. Также существует не время, но возможность времени.

7. Можно предположить мир без времени — некоторое мгновение — и вечность без времени, но как соединить время и вечность?

20 августа. Возвращались ночью с Х. от Т. Всю дорогу разговор о том, у кого меньше мыслей осталось. Но, может быть, нет мыслей, потому что потерял способ обозначения или названия мыслей?

Может быть, надо сказать так: нет мыслей, потому что я не записываю их. Конечно, это всё равно: записать, запомнить или сказать, надо уметь удержать их, то есть назвать, уметь назвать некоторые ощущения или наблюдения.

Почему интересно прикосновение? Христос исцелял прикосновением. Фома неверующий должен был коснуться ран Христа. Лепесток цветка хочется осязать, то есть прикоснуться. Прикосновение к женщине. Мгновение подобно прикосновению. Творение мира я представляю себе как прикосновение.

Когда я начинаю отделять время от того, что происходит во времени, время отделяется от времени. Я нахожу время, медленное и скорое. Различие медленного и скорого для времени будет качественным. Я нахожу различные времена, но затем вспоминаю время часов, в нем содержится качественное время. Если же качественное время — это ощущение времени, то ощущение времени находится во времени? Но ведь ощущение времени — это время как-то окрашенное. Затем я нахожу время наблюдателя, время наблюдателя цветка, время наблюдателя за полетом мухи. Это не время цветка или мухи, но время наблюдателя, только зависящее не от наблюдателя, а от других предметов. Как оно соотносится с временем часов? Неясность времени оттого, что помимо одного времени часов есть еще различные качественные времена. Но если бы были только различные качественные времена, то время было бы конечным, притом это не было бы даже временем, но поступком или действием. При одном же для всех времени тоже не было бы времени, но вневременный порядок или последовательность. Если бы не было времени, прикосание не казалось бы интересным. Прикосание — это прекращение времени, некоторый разрез, начало. Но если не было бы времени, не было бы и прекращения времени. Прикосание останавливает время.

Различные виды возникновения и прекращения: начало и конец, рождение и смерть. Пробуждение от сна, внезапная мысль или наблюдение. Начало мгновения, вообще обращение внимания на что-либо. Истощение мгновения — мгновение кончается незаметно, засыпание. Обморок, постепенное ослабевание, головокружение. Внезапная тошнота — мутит. Смерть от вскрытия вен, истекание кровью. Событие, окончательность, агония, предсмертная мысль, смерть.

Предполагая какое-либо начало, основание или принцип, я необходимо должен буду предположить другой, более высокий, принцип, а ко второму — третий и т. д. Начинать надо со среднего, связывающего частный случай с общим принципом, который может остаться неизвестным. В «Некотором волнении и некотором спокойствии» за среднее я взял **то**, потом средним стало некоторое сомнение. Обладание, прикосание — эти ощущения тоже могут быть средними. Среднее — это случайное и находится случайно.

Прикосание — соединение с чем-либо. Прикосание — критерий существования. Имеющий — тот, кто касается чего-либо. Непрерывность и длительность или мгновенность существования — вот что говорят эти термины. Существующее могло бы быть непрерывным и длительным, если бы не было одного общего для всех времени.

Существование качественных времен создает видимость непрерывности.

Закон неоднородности. В исследовании не должно быть одной непрерывной линии. Рассуждение местами должно прекращаться, в определенном месте цепь выводов должна быть оборвана. Мысль не должна быть доведена до конца, стать вполне ясной. Система не должна объяснять всего, что-либо должно остаться вне системы — это последний остаток. Такая система будет неоднородной. Однородная же система, объясняющая всё, пригодная ко всем случаям, неопределенна — это пустая система, она не имеет отношения к прикосанию. Прикосание — это начало. Там, где рассуждение обрывается, где замечается последний остаток, нарушающий систему, там есть прикосание. Поэтому в исследовании должно быть несколько начал и концов, то есть должны быть паузы или остановки. Так же и в искусстве, например в аллемандах Баха.

Я прикасаюсь не ко всему, а только к тому, что мне интересно, что имеет ко мне отношение. Прикосание предполагает некоторый выбор. Имеющее ко мне отношение, прикосание, неоднородное создают вместе среднее, связывающее частный случай с общим. Также они присутствуют в том, что Л. назвал первой разностью.

Д. И., Вы предложили написать о голем человеке: как он одевается, что ест, каких женщин любит. Когда Вы это предложили, я подумал: голый человек ничего не хочет. Вот что я думал: существует ли вообще абсолютное желание, или желание относительно? Засыпая, я чувствую, как постепенно нарушается порядок моих мыслей. Некоторое время я еще могу восстановить его, но затем появляются новые мысли, я уже не думаю, я вижу и сам делаюсь участником каких-то непонятных странных событий. Это приятное состояние. Мне не надо делать усилий, не надо ни говорить, ни думать, я нахожусь в стороне от всего. И самое главное: нет ощущения времени и скуки. Я чувствую себя вестником. Причем всё это происходит со мной и для меня. Бывают сны, в которых сам как будто не участвуешь. Но даже и в таких снах ощущаешь большую связь с тем, что происходит, чем наяву. Сон отсеивает лишнее и ненужное, днем же я живу мелочами, которые когда-то имели смысл, а сейчас уже чужды мне. То же самое, что и при засыпании, было сегодня днем. Я шел по улице и думал о чем-то приятном. И вдруг я заметил: вот сейчас я могу сделать так, что то, что я находил приятным, станет безразличным, но пройдет мгновение — и я буду во власти этих мыслей или ощущений. Приятное, о чем я думал,

было связано с желанием. Я думаю, желание можно выключить. Желание является, когда хочешь желать. Но можно ли его выключить навсегда? И не является ли оно произвольным?

У голого человека желание выключено. Но, должно быть, здесь есть небольшая погрешность: может ли голый человек пожелать произвольно?

Меня интересуют вестники. Желания и то, что называли свободой воли, — вот что отличает нас от вестников. Может быть, голый человек ближе к вестникам.

О названиях и знаках. Увидев что-либо, я назвал его — и оно стало. Название необязательно произносится. Достаточно обратить внимание, повернуть голову, это то же название. Я могу смотреть и не видеть, причем я смогу даже повторить всё, что я видел, и всё же не видеть, если не было названия. Например, однажды я слышал, что били часы, но думал о чем-то другом и не сосчитал, сколько раз они били. Когда же они кончили, я захотел вспомнить, сколько раз они били, и по воспоминанию сосчитал. В первый раз я слышал, но не назвал, во второй — назвал, хотя не слышал. Здесь что-либо отделилось от названия.

Умиравший всё видит и всё же не может соединить свои ощущения, он не может назвать те предметы, которые видит; может быть, он должен дать название чему-то другому, что ближе ему, чем окружающие предметы. Название — это некоторое действие, может быть, творение. Если я вижу дерево и говорю: это цветные пятна, — это тоже название; но более сложное название, если я скажу: дерево, — и еще более сложное, когда увижу здесь и вестников. Название невозможно без знаков и без некоторой определенности мгновения. Некоторая определенность мгновения остается, когда мгновение проходит, мгновение же начинает проходить сразу же после названия. Тогда сразу же появляется воспоминание о некоторой определенности мгновения. Первое воспоминание появляется сразу же с названием. Но затем оно повторяется во втором воспоминании, когда мгновение прошло. Назвав что-либо, я дал ему знак — это первый знак. Затем он повторяется — это второй знак. Но от него должен остаться след — например, запись на бумаге — это третий знак. Третий знак — понятие или общее представление, второй знак — единичное представление во втором воспоминании, когда нет восприятия, первый знак — мгновение. Во сне есть только первые знаки, во сне всё, что я вспоминаю, — вижу.

Существует что-либо и именно сейчас, в это мгновение, но всё остальное, даже другое мгновение, только предполагается. Это мгновение, которое есть сейчас, есть всегда, и я не могу даже сказать, что оно прошло. Я забыл о нем, но вот я снова обратил на него

внимание, и оно есть. Оно не было другим и не стало другим, потому что другое только предполагается. Так же всё, что уже записано, относится к прошлому и к тому, что предполагается. Но иногда мне кажется, что это мгновение не новое, что оно повторилось. Это значит, что я не знаю всего мгновения и различно соединяю другое, то, что предполагается, с тем, что есть. Но вопрос «Существует ли что-либо вне меня и независимо от меня?» лишен смысла. Если бы не было меня, что-либо осталось бы, но оно не было бы названо и не стало бы существующим.

Если что-либо существует, когда названо, то и желание должно быть названо, то есть я должен обратить на него внимание, чтобы оно стало.

Различные виды названий: произвольное, когда мгновение расширяется и его почти не видишь, название больших мгновений, название с выбором, сосредоточенное название, рассеянное название, двойное, когда, например, сосредоточенное название совмещается с рассеянным, и другие.

Чтобы понять мир, я наложил на него некоторую сетку. Но теперь эта сетка скрывает от меня мир. Тогда я должен найти другую сетку, потому что без сетки я его не вижу, во всяком случае, не понимаю. Но прежняя сетка создала некоторую определенность — установившиеся термины, предположения, которые кажутся очевидными. Я здесь не касаюсь истории или истории философии. Последние принадлежат к вещам сомнительным. В каждом мгновении я имею старую сетку, я должен снять ее и построить новую, то есть отказаться от установившихся терминов. Я должен каждый раз начинать сначала. Когда я говорю: каждый раз, каждое начало, каждое мгновение, — в этом есть погрешность: ведь начало и мгновение только одно, и нет «каждый раз», а только один раз. Но иначе я не могу передать разнообразие мгновения. Снятие старой сетки, начало новой — рождение души.

Я должен снять старую сетку и построить новую. Какое между ними отношение? Если я оставляю те же границы между предметами, то это не будет новой сеткой. В новой сетке я должен найти новые предметы. То, что в старой сетке было способом, свойством, отношением или признаком, в новой может стать предметом; также предмет может оказаться отношением или свойством. Я наложил некоторую сетку на мир или, лучше, на мое отношение к миру. В результате этого наложения что-либо, что я имел непосредственно, разделилось. Одно я назвал предметом, другое — свойством, третье — отношением. Новая сетка изменит отношение не между предметами, а между предметом, свойством, способом, отношением. Например, сейчас я сижу за столом. Я слышу шорохи и шумы — это относится к изменениям и происходит

во времени. Но сейчас я не воспринимаю времени, и, например, шум уходящего трамвая я ощущаю как неподвижную линию. Я заменил одну сетку другой, и звук и движение стали предметом. Сколько раз это происходит? Только один, это происходит сейчас. Но мне будет казаться, что это уже происходило.

Таким образом, различие между старой и новой сеткой существенное. Старая сетка всегда ложная. Она необходима только для того, чтобы было что снять и заменить новой. Заменить старую, всегда ложную, сетку, новой — это и значит почувствовать мир. Что мешает этому? Во-первых, вера в старую сетку. Затем вера в существование времени, пространства и движения. Например, время — это некоторая сила, которая противостоит моим желаниям. Но это не что-либо существующее, скорее время — это некоторый недостаток, отсутствие, неумение видеть. Это сила отрицательная, сила отсутствия. Затем вера в существование целого, то есть чего-то, чего нет в мгновении, но предполагается где-то существующим.

Теперь я перехожу к некоторым предположениям. Положим, я снял старую сетку и наложил новую. Я исследую новую сетку. Я заменил одну сетку другой раньше, теперь же в этом мгновении у меня уже снова есть сетка. Какая? У меня всегда есть только одна — старая, ложная сетка, и всегда я заменяю только одной, новой. Всякая сетка, которая есть, — целое, но целого нет, есть только одно это мгновение. Я должен был ввести это предположение, потому что в мгновении кажется, что уже были другие мгновения, хотя мгновение одно. Замена одной сетки другой — это и есть мгновение, и оно подобно сотворению мира. Всегда это происходит сейчас, и каждый раз, когда происходит, это происходит только один раз. Здесь есть некоторая неточность речи: я говорю «каждый раз», хотя происходит только один раз. Говоря «каждый раз», я имею в виду не число, а только мое отношение к мгновению.

Замена одной сетки другой — это мгновенное название чего-либо. Что-либо, еще не названное, не существует. Но также нельзя сказать, что его нет. Оно не существует, потому что изменится отношение между способом, предметом и существованием, между существованием и несуществованием. До названия еще не определено само существование. Нельзя сказать, что его нет, потому что в нем есть некоторое существование, только еще неопределенное; существующим в чем-либо неназванном может стать одно, а может и другое. В чем-либо неназванном и несуществующем существование переходит с одного места на другое. И в этом есть некоторая неточность. Переход предполагает какое-то движение, но нет никакого движения. Что-либо начнет существовать, когда я назову его или прикоснусь к нему, и существует только в это мгновение.

Два отношения к существующему: длительность и мгновенность. Первое предполагает существование каких-то способностей:

понимания, познания и т. д. Если же существование мгновенно, тогда есть знаки, названия, способы обозначения. В квантовой механике — операторы, соответствие между математическими операторами и физическими явлениями, в философии исследуются знаки, способы обозначения, соединение знаков с чем-либо.

Может быть, есть способность обозначения? Нет, так как и я сам называю себя, существую как знак чего-либо.

Если одна сетка заменяется другой, если то, что было способом или отношением в одной сетке, станет существованием в другой и что-либо несуществующее, получив название, существует, то нельзя уже говорить, что несуществующего нет, граница между существованием и несуществованием непостоянна. Что-либо из несуществующего существует, что-либо может существовать, и другое не существует и не может существовать. Таким образом, несуществующее шире существующего и есть как существующее, так и несуществующее.

В отношении к чему-либо, в прикосновении, в снах, в больших мгновениях, в ограничении чего-либо, в переходе от способа к существованию я встречаюсь с несуществующим.

О несуществующем можно говорить только как о границе существования, эта граница переменная, она переходит с одного места на другое, то расширяясь, то сужаясь. Несуществующее — это не **то** к любому **тому**. Поэтому всякое несуществующее, о котором говорим, может стать существующим. Но тогда какое-либо существующее станет несуществующим. Но есть несуществующее, которое никогда не станет существующим, какой-то источник несуществования, о котором ничего нельзя сказать {это как черная дыра в физике}.

Кант наложил запрещение на некоторые предметы. Но нет постоянной границы между предметами, способом и обозначением. Надо воздерживаться от суждений о неназванном несуществующем. Но если оно не названо, то о нем и невозможно рассуждать; если же я назову его, то оно перестанет быть неназванным, это не то несуществующее, о котором запрещается рассуждать. Таким образом, запрещение не может быть нарушено и при желании.

Определенное, что дала философия за 2000 лет, — это только один вопрос: как понимать небольшую погрешность в некотором равновесии? Но ответа не дала. Ответы, которые она дает, например Кант в трансцендентальной дедукции категорий или Аристотель в потенции и акте, недостаточны. Но еще раньше в Библии: в начале Бог сотворил небо и землю. Один философ отличается от другого только формулировкой этого вопроса; потому что ответ уже заранее предустановлен формулировкой вопроса, часто даже одним термином. Термин — это недоказанная теорема. Но все предложенные

доказательства несостоятельны. Ответ дается отрицанием доказательства.

Сон. Пришли покойники. Живых они узнавали, а друг друга нет, хотя при жизни были знакомы. Я спросил, почему они не знают друг друга. Один из них сказал: «Нас распределяют по роду смерти, кто умер от чумы — в одном месте, кто по другой причине — в другом. Мы из разных мест».

1937

Август

Дорогой Д. И. Вестники покинули меня. Я не могу даже рассказать Вам, как это случилось. Я сидел ночью у открытого окна, и вестники еще были со мной, а затем их не стало. Вот уже три года, как их нет. Иногда я чувствую приближение вестников, но что-то мешает мне увидеть их, а может быть, они боятся меня. Мне кажется, надо сделать какое-то усилие, может быть небольшое, но при этом солгать, и вестники снова будут со мной. Но это отвратительно: лгать перед собой и перед вестниками.

Раньше я думал: может, вдохновение обманывает меня. Ведь я философ, надо писать, когда спокоен и нет желаний. Я думал написать словарь или собрание исследований, и каждое начиналось бы так: «Вот что сказал ученик Фалеса, когда учитель замолчал, так как вдохновение покинуло его». Теперь, когда нет желаний, нет вдохновения и вестники покинули меня, я вижу, что писать и думать не о чем. Но может быть, я не прав, может быть, сегодня день такой — я чувствую близость вестников и не могу увидеть их.

1939

Есть ли во сне действие? Может быть, весь сон снится сразу? Когда мне снилась дорога, я видел сразу и всю дорогу, и дом, мимо которого должен был пройти, и сад или парк, куда я шел. Сон напоминает задачу, которую некоторое время обдумываешь, прежде чем решить. И во сне, как и в задаче, от последующего сновидения возвращаешься к предыдущему: во сне время обратимо, скорее, вообще нет времени.

Я шел в школу и вдруг заметил: от трамвайной остановки недалеко, а я иду долго, совсем как во сне, не сплю ли я?

Инстинктом называли различие пространств, например муравья или человека.

Вечером и ночью с 10 на 11 июня в первый раз тени — на потолке. Когда они явились во второй раз, я, почувствовав приближение страха, сказал: чего же я боюсь, ведь я философ, — и страх прошел. Потом я смотрел на них без страха. В последний раз они были с 6 на 7 июля. Когда я их увидел, то подумал: ну вас, скучно. С тех пор они пропали совсем. Если это только галлюцинация, то я прекратил ее усилием воли. Мне кажется, я не мог бы сойти с ума. Х. — тоже, а Л. может.

Стремление к смерти так же естественно, как и страх смерти, — гробополагатели, самосожжение, удовольствие от боли: например, когда зуб шатается и болит, но несильно, приятно надавить и ощутить боль, которая при этом усиливается, так же чесание при зуде.

Днем иногда бывает, что несколько секунд, а иногда и дольше не можешь отличить, сон ли это или нет.

В искусстве мне нравится то, что красиво {то есть правильно, как говорил В.}, в природе же красиво то, что мне нравится, и я не требую, чтобы все это признавали. Абсолютность критерия в искусстве и субъективность — в природе. Может быть, мне нравится в природе то, что устанавливает некоторую связь между мной и природой.

В саду на высоком столбе стоит фонарь. Вечером на фонарь летели какие-то насекомые, вроде маленьких стрекоз, и сгорали. Земля вокруг фонаря наутро была белой от них. Должно быть, их смерть была приятной, как припадок эпилептика.

Въезд в город в «Мертвых душах» или сороки в «Местечке Сегельфос» Гамсуна — иероглиф (термин Л.). У Баха иероглиф — мотив и тема, вернее, идея мотива, потому что интервалы могут изменяться, сохраняется только направление вверх или вниз.

Когда человек умирает медленно и перед этим долго болеет, вот что страшно: каждый день ухудшение небольшое, и поэтому даже кажется, что становится лучше; но вдруг вспоминаешь: неделю назад он мог подняться, а теперь — только повернуться. Но затем забываешь, а через некоторое время с ужасом замечаешь, что уже и повернуться

человек не может, только голову приподнять. И уже в первый раз видишь неизбежность.

Так же и конец мира.

Может быть, он будет приближаться год и обязательно (наступит) в жаркое время: начнется в июле и кончится в июле. Начнется, может быть, так: из окна или на улице я увижу человека, который ничем не отличается от других, кроме походки, — он идет немного медленнее и сосредоточеннее других. На таких людей всегда обращаешь внимание и сразу же забываешь об этом. Так будет и тогда. Другие его тоже увидят и обратят внимание и сразу же забудут, причем здесь не будет никакого чуда, потому что в разных местах он будет появляться в разное время. Когда я увижу его во второй раз, я не удивлюсь, может, даже не вспомню, что уже видел его. Но через несколько дней я увижу его в третий раз, и тогда, может быть, мелькнет мысль, что этого человека я уже видел, но затем снова забуду. Такие встречи будут повторяться две недели с первого по 15 июля. После последней встречи возникнет смутное беспокойство, но затем встречи прекратятся на две недели. В первых числах августа его увидят снова. Первая встреча вызовет некоторое удивление и даже радость, как это бывает, когда возвращается что-либо привычное, но при следующих встречах беспокойство будет расти, и оно перешло бы в страх, если бы 15 августа встречи не прекратились. Бывают такие ощущения, что, как только сосредоточишься на них, они пропадают, но только перестанешь думать о них, они снова есть. Так будет с ощущением страха в это время. Говорить об этом человеке не будут, потому что такие разговоры покажутся глупыми, как глупо бывает говорить о слишком смутных предчувствиях и ощущениях. Но по выражению лиц, когда его будут встречать при мне другие, — может быть, его будут стараться обходить, не задев, — или, когда речь пойдет о людях, боящихся пространства, мне вдруг покажется, что и другие обеспокоены этими встречами. Но никто не спросит другого, потому что глупо спрашивать, когда для этого нет никаких оснований: нет ли у вас предчувствия, причем даже неизвестно чего. 15 августа встречи прекратятся, и через несколько дней все успокоится, только останется некоторая сосредоточенность, немного больше обычной. Но в первых числах сентября встречи снова возобновятся, и при первой встрече появится страх. Но и это еще предчувствие настоящего страха. После нескольких встреч, где-нибудь, где соберется много людей, а может быть, и в каждом доме кто-то случайно скажет, вспоминая какое-либо событие: это было, когда появился человек, идущий медленно. И вот это будет страх. Человек, который это скажет, остановится, и все поймут, что случилось что-то страшное и непоправимое и что все это уже знают. Но затем перейдут к обычным делам, и разговор на эту тему будет считаться неприличным, но постоянный страх уже не будет покидать людей. Дальше заметят, что появилось уже много людей,

идущих медленно, и будет казаться, что некоторые из знакомых тоже стали ходить медленнее. Может быть, заметят, что и трамваи, и поезда идут медленнее и день стал длиннее. Об этом нельзя будет говорить, но власти, желая успокоить население, будто бы случайно будут сообщать в газетах скорости трамваев, поездов и аэропланов, которые будто бы даже немного увеличились, также астрономические факты, чтобы доказать, что длина суток не изменилась. Это будет просто останавливание движения, но никакая наука не сможет подтвердить это, потому что и часы будут идти медленнее. Затем станут появляться приметы, но опять без всякого чуда и такие, что их даже нельзя принять за приметы, например, вода в Неве иногда опускается ниже среднего уровня, но затем возвращается к среднему уровню, теперь же не вернется или вернется, но на несколько сантиметров ниже. Или вечером выпадет сильный снег, а за ночь весь стает. Тут уж будет такое состояние, что малейшая, хотя бы и естественная, неожиданность будет страшной. Весна наступит очень рано, и погода будет хорошая. Март, апрель, май будет яркое солнце, иногда же дожди, но непродолжительные, пасмурных дней не будет. Но все уже видят, что движение замедлилось, даже птицы летают медленнее, и некоторое благополучие в природе и неблагополучие у людей еще больше увеличит страх: сильнее почувствуется неизбежность. Помимо того, будет пугать предчувствие жаркого солнечного дня и синего неба. Страх дойдет до такой степени, что уже перестанут отличать естественное от неестественного. Затем, уже в начале июня, утром все вдруг увидят, что солнце стало больше. И весь июнь будут стоять жаркие солнечные дни, и если и будут дожди, то только для того, чтобы люди не умерли раньше времени. А в июле случится светопреставление.

Страшно постепенное ускорение, особенно же замедление, то есть когда что-либо происходит со временем, причем когда это происходит почти естественно, то это страшнее неестественного.

Сон о смерти. Это был сон-рассуждение. Я понимал, что это еще не смерть, но всё, что я думал, — происходило. Если бы я подумал, что умираю, то умер бы. Мне показалась особенно страшной смерть от водяной собаки, стаи которых появились в Ленинграде; они плавали по Неве, выходили на берег и бросались на людей. Я сидел на столбе на Неве, довольно высоко, и думал, что я в безопасности от собак. Но затем я увидел, что собаки заметили меня и подплывают. И вдруг

понял: подпрыгнув, собака схватит меня за ногу, и был страх падения и неизбежной смерти.

Я ощущаю, как болезнь бросается во мне, то в голову, то в сердце, сейчас в ноги. Болеет не нога, не голова, а весь человек, и это уже последняя стадия, когда болезнь локализуется в определенном месте. Но и тогда еще некоторое время, а может, и всегда надо лечить не одно место, а всё тело. У некоторых болезнь локализуется быстрее и имеет излюбленные места, у других она долго не находит себе места — эти люди кажутся болезненными или слабыми, но живут дольше.

2 ноября. Генрих Шютц (Schütz). Страсти по Матфею и Иоанну.

Я назову слоями различные состояния наяву и во сне. В каждом состоянии всегда имеется несколько слоев, и явных, и сонных. Можно ли найти простые слои, инварианты отношений между событиями, действиями и впечатлениями каждого слоя?

История небольшой погрешности. Раньше небольшая погрешность была действительно недостатком в некотором равновесии, и случайно этот недостаток благоприятствовал исследованию. Небольшая погрешность — это уступка, некоторое отступление. Но затем погрешность возведена была в достоинство. Небольшая погрешность материализовалась. Философы, делавшие открытия, опровергают естественный материализм, их ученики снова восстанавливают его с помощью терминов учителя, заканчивая его систему. Завершенная система — это материализм.

Закон неоднородности в музыке: у Баха почти в любом такте — ноты различного характера (логический акцент, эмфазис и т. д.), пересечение нескольких линий, два конца. У Бетховена же — однородные ноты на протяжении нескольких тактов, например при нарастании. Нарушение некоторого плана создает неоднородность, а сложный план (например, сложный модуляционный план у Бетховена) только усиливает логичность.

В литературе: «И купите ему сосновый гроб, потому что дубовый будет для него слишком дорог». Здесь неоднородность в изменении направления, мы ожидаем: потому что он умрет. Это было бы прямое направление.

В «Воображаемом собеседнике» Пётр Петрович умирал несколько месяцев. Умирание заключалось в том, что он стал думать о смерти. Первая стадия умирания — до прихода воображаемого собеседника. Вторая — разговоры с воображаемым собеседником. Это оказалось интересным и приятным. — Но затем показалось всё неинтересным. Признак третьей стадии — отсутствие обид и злобы. Это уже не живой человек, когда не трогает.

Тридцать лет тому назад на окраине города ходили автобусы или омнибусы и паровики. В городе они не ходили, в городе ходили трамваи и конки. Была граница города с определенным признаком: паровики. За этой границей начиналась природа. Пятьдесят лет назад была другая граница, но тоже была. Сейчас город не отличается так от окраины и природа не чувствуется.

Против меня сидит сумасшедший. Он не владеет движениями головы, рук и туловища. Возможно, что каждая мысль не доводится до конца, но заканчивается неопределенным, бессмысленным движением. Законченная мысль вызывает какое-либо разумное действие, у него же смутные обрывки мыслей заканчиваются неопределенными движениями.

Из четырех стихий вода — это мудрость и это стихия Баха. Например, *Crucifixus*. Почти в каждой вещи есть несколько тактов с волнообразным ритмом.

Одну и ту же арию Бах повторяет в различных вещах. Она имеет различное значение. Это ощущение целого. Иногда неважно, что вставить, надо между двумя кусками вставить третий. {Я это понял, когда вставил отдельные части из «Критерия» в «Принадлежности». При этом небольшие изменения совершенно меняют вставленные части. В «Критерии» правильно поставлены некоторые апории. Но к концу каждой — разрешение, этим уничтожается смысл апории. Так композитор, сочинив хорошую мелодию, может быть тем и хорошую, что она не укладывается в четырех тактах, неожиданно к концу четвертого такта обрезает ее.}

В речитативах Шютца не указана длительность нот. Но это и не надо, в особенности в «Страстях по Иоанну». Длительность указывается произношением, эмфазис же к концу — нарушение плавной речи, и опять здесь не так важен способ нарушения, важно само нарушение. Если речитатив большой, то он разбивается на части, и снова внутри части ничего не происходит, важен конец. У Баха более мелкие куски и связь между отдельными кусками больше, но соотношение частей и значение конца еще напоминают отношение Шютца к речитативу.

Сон о чуде: как чудо бежало и я скрыл его от властей, которые хотели уничтожить его.

Просматривая дневник: с чего началось банкротство? С усиления одиночества или солипсизма, причем солипсизм и смерть оказались близнецами. Если бы смерть не наступила, всё равно было бы банкротство. Вторая часть — это первая попытка собрать обломки. Собрание начинается в третьей части, но затем снова всё распадается. Четвертая часть так неприятна, потому что это еще большее разложение, чем было раньше. Там распадение потому, что я дошел до какого-то предела — солипсизма, здесь же уже полное распадение и ничего объединяющего не видно.

Счастье, время, сон, смерть и еще чудо — вот темы этого дневника.

1940

{Тетрадь 1940-1941 вызывает у меня сейчас какую-то симпатическую антипатию или антипатическую симпатию. Но именно в том, что там неприятно, глупо и даже пошло, я вижу Провидение, руководившее мною всё время, несмотря на мою глупость, пошлость и жестоковейность. И всё же я хочу переписать ее, частью выкинуть и частью исправить. Почему и зачем? Может быть, здесь есть и мелкие, тщеславные мотивы — не знаю, но главное, мне кажется, не это: я хочу освободиться от неизвестного мне беса, мучающего меня уже больше месяца, сдвинуться с какой-то мертвой точки; это значит: что-то понять, понять себя, понять Провидение, руководящее мною. К тому же в июне-июле 1941 года произошел очень существенный для меня сдвиг. Исправлять я буду очень мало, в некоторых рассуждениях, очень неприятных мне сейчас, слово **ты** заменю словом **я** или безличной

формой, некоторые слишком личные, причем не ноуменально личные, а феноменально личные, то есть не абсолютно-субъективные, а субъективистские, выброшу. Дополнения или возражения себе самому буду заключать в квадратные [в наст. изд. — фигурные. — *Примеч. ред.*] скобки.

14. III.1967.}

1940

Август

Последние годы каникулы проходят быстро и незаметно, а удовольствия нет. Раньше прелесть их была в неторопливости, лени, покое и в ночных писаниях. Сейчас этого не было. В первой половине июля еще надо было бывать в техникуме, что омерзительно, а затем заболел. Да и всё равно не было бы прежней прелести, что-то ушло. Зато был пересмотр — генеральное очищение, а теперь в Келомякках почувствовал природу и снова писал: «Рассуждать — не рассуждать» и «О состояниях жизни».

Последний мой припадок у Д. И. закончился довольно глупо: скорая помощь, больница. Д. И. говорит, что я ходил на четвереньках, стараясь запрянуть голову под стол, под фисгармонию, под подушку, и напоминал одержимого бесом. Я ничего не помню.

Вдохновение пришло после болезни, когда я был еще слаб, здоровье — после природы и двух дней у Нади с Т., при этом вдохновение ослабело. Теперь же проходит и то и другое, но я продолжаю разыгрывать из себя здоровяка.

Я был с Д. И. в Эрмитаже, он говорил, что теперь, когда пришло вдохновение и здоровье и начало сделано («Рассуждать — не рассуждать»), ответственность лежит на мне и я сам буду виноват, если ничего не выйдет. Кажется, ничего не выйдет.

Великий классификатор.

Был у Л. Он без воротничка, приятен, в нем есть и мужественность, и некоторая трогательная детскость — качества, привлекающие женщин. И у Д. И. это есть, а у меня — ни того ни другого.

В августе, уже после каникул и после вдохновения, были две недели покоя: чувство, женщина, природа; море, волны, прибой, ночь, птица с сломанной ногой, лошадь, заглянувшая к нам в окно, Нерка и Иван Иванович, страх природы.

Три состояния жизни:

Первое: Бог, смерть, бессмертие, время, я.

Второе: человек.

Третье: природа.

Второе {у меня} нечисто и пусто.

К состояниям природы и жизни относится и смерть животных и ужас природы. Но, может, каждое состояние жизни ведет к состоянию смерти {или в первом, в глубине, заключено второе}, например состояние молчания, состояние прибрежных жителей («С богом, в дальнюю дорогу»). Состояния жизни стоят перед состояниями смерти, создается недоумение. И такие состояния, как состояния молчания, дыхания и воды ближе к состояниям смерти, чем смерть животных и тихое угасание в природе. Эти — естественные, а те — на границе, за которой состояние смерти.

Ш. рассказывал мне, как Д. И. передал ему историю с Неркой и Иваном Ивановичем: стая одичавших собак терроризировала Келомяжки. Друскины пошли в лес, усмирили стаю собак и привели ее домой.

В Вырице в ожидании поезда: среди белых и серых облаков проходило красное, напоминавшее птицу вроде пеликана, и это было интереснее того, что говорил П. Я. о человеческих взаимоотношениях.

Глупость Сократа: деревья ничему не могут научить меня, а люди могут. Так ответил он на вопрос, почему всегда живет в городе.

Келомяжки ночью: ошибочность или неопределенность разделения всего на две категории. {Взаимность: **всё** и определенное противоположение, то есть если исходить из понятия всего, то дихотомическое разделение — контрарное, и если исходить из контрарного дихотомического разделения, то придем к воображаемому понятию **всего**.}

Келомякки в лесу: в «Разговорах вестников» я писал, что меня интересуют деревья, их ствол, корень, расположение, сад, дождь. Теперь я написал бы: меня интересуют грибы, вереск, древесные лишай.

Келомякки на пляже: сумерки, ветер, волны. Море как свинец, и вообще противно, но ночью снова хорошо.

Сумерки и вечер в природе тоскливы, но ночь спокойна и даже не страшна. Сон деревьев.

Классификация состояний жизни.

До Георга искусство мысленных опытов. Апории. После Георга нечистый стиль.

Некоторый порядок моей жизни — 4 состояния: мама; Т; философия; некоторое удобство {под этим я понимал не комфорт, а некоторый покой, бездействие, неторопливость}.

В Розанове хорошо некоторое совмещение ума и чувства: ум, доброта, мелочность, приятность или очарование, хитрость, человечность, понимание, особый взгляд, направление ума и интерес: бабочка — энтелехия гусеницы и куколки; мумии египтян — куколки — погребальный обряд. Его книги — не философия, не искусство, а он сам, изменчивый, то один, то другой.

1941

29 апреля. Завтра я еду в Келомякки и останусь там ночевать, и это почти страшно. Во-первых, то, что я буду один, во-вторых, то, что я буду спать не в своей комнате, и, в-третьих, природа.

У прибрежных жителей небольшие расстояния, но для меня переход к ним через бесконечность. Ритм природы ограничивает расстояния, я же вижу здесь только бесконечность ударов: прибоя и отбоя. Страх перед завтрашней ночью — это страх смерти. Страх смерти может освободиться от некоторой определенности, то есть я могу и не думать, что сейчас умру, но страх, который у меня есть, — страх ночи в чужом доме и в природе, — это тот же страх, что будет при смерти. Элементы страха смерти присутствуют всюду, не связанные уже непосредственно со смертью. Природа уменьшает этот страх, но до этого должно произойти какое-то перемещение — сдвиг, должен быть преодолён страх смерти. Может, природа не уменьшает страха смерти, а только отвлекает, подчиняя своему ритму? Но я не могу ему подчиниться, и для меня получается круг: природа уменьшает страх смерти, но для этого должно что-то произойти, чтобы она не увеличила его.

Сегодня я прочел: когда не любишь, но воображаешь, что любишь, то уже любишь. Когда любишь, но воображаешь, что не любишь, — любишь меньше. Так вот: ритм природы, уменьшающий страх смерти, — это не зависит от меня. И если он увеличивается, потому что я вижу бесконечность периодических ударов, то это уже абсолютное. Если же всё зависит от перемещения — сдвига и если этот сдвиг возможен в обе стороны, а не только в одну, от ощущения ритма природы к потере его — к ощущению бесконечности периодических ударов, то это личное — механика ощущений, чувств, страстей. Сдвиг, возможный в обе стороны, — это обратимость движения. Вот страшное: если А, то В, если В, то С — пример некоторого рассуждения. Событие С вызвано событием В, событие В — событием А. Установив это, я нахожу некоторое удовлетворение. Но затем оказывается, что возможно и наоборот: если С, то В, если В, то А. Здесь страшно не то, что я не знаю, а именно то, что я знаю, что может быть и так, и иначе. В смерти и в событии страшна необратимость, здесь же уже другая область, как бы после смерти, и после смерти страшна обратимость. То есть страшно воскреснуть, когда умер совсем. Какое-то непонятное направление к ужасной цели, оно страшно своей необратимостью, но после достижения цели страшна обратимость. Когда я представляю себе воскресение, всегда думаю о некотором возвращении — это страшно, не страшно было бы совершенно новое воскресение. Задача религии: найти принципы нестрашного воскресения. (Оно уже найдено: Христос.) Такой же страх, как при мысли о воскресении, бывает при

некоторых воспоминаниях, причем страшны те воспоминания, которые сейчас не связаны со мною, например воспоминание о женщине, которую любил очень давно. Здесь уже теперь есть границы, это воспоминания после смерти. Но можно предположить и другое: воскресение — как в моем сне о смерти. Тогда после воскресения меня не будет трогать жизнь до смерти. Но и это воскресение чуждо мне. Может быть, самое страшное — это представить себе, что всё, что сейчас происходит, — это сон.

В моих припадках три стадии: 1. Озноб, потягивание (томление). К концу — головная боль. 2. Жар. 3. Пот. Первая стадия начинается незаметно. Чуть знобит, но это бывает и без припадков. И затем вдруг я замечаю, что потягиваюсь. Это значит: томит и уже припадок. После одного из наиболее сильных приступов томления и последующего потягивания внезапно томление пропадает и появляется жар. Иногда бывает один или два рецидива томления, но всегда после них внезапный переход ко второй стадии — жару. Во второй стадии жар, головная боль и легкая тошнота или просто странное ощущение во рту и желудке. Обычно это состояние приятно, вчера же тошнота была сильнее, и это было мучительно. В этом состоянии я засыпаю и просыпаюсь в третьем — от обильного пота. Обычно второе состояние бывает недолгим, я скоро засыпаю, вчера же оно было продолжительным, а третье — пот — недолгим и слабым.

Томление и резкая грань в переходе к приятному жару — вот главное в моем припадке.

Все события можно разделить на две группы так:

1. Незаметное постепенное начало — внезапное узнавание обреченности — смерть.
2. Внезапное свободное усилие — мгновение — постепенное исчезание.

Смерть и мгновение.

Томление и резкий переход к приятному жару, так же как мой сон о смерти, принадлежат к явлениям типа смерти, и оба имеют вторую часть — после резкой грани — ту, которая в случае смерти неизвестна.

Смерть — непрерывное движение до смерти, обреченность, неизбежность; ослабление сил; распуститься — вот цель в смерти, сама смерть; цель — в конце.

Мгновение — разрыв непрерывности в начале, свободное начало — соединить, сжать; цель — в начале.

Судороги в горле, или спазмы, — какого типа?

Что-то подступает к горлу, сжимает, мешает мне играть. Когда это бывает в более сильной форме — в слабой почти всегда, — я почти теряю ощущение ритма и времени — играю неровно. Пение во время

игры помогает избежать этих состояний, так же некоторое расслабление — смотришь вперед или вверх. Это тип смерти.

Июль. Геометрические таблицы-схемы Кутюра. «Логика отношений» — читал ее в очереди за противогазами.

Свобода в том, что заранее неизвестно, сумею ли я выйти за свои пределы, то есть осуществить себя. Кто не вышел, может, не получит бессмертия.

Шесть сфер жизни — выхода или распространения за свои пределы, то есть реализация права на бессмертие.

Шесть способов распространения: страсть (Апокалипсис Иоанна: «Горе вам, что вы не горячие и не холодные, а теплые»), чувство, беспристрастие, воля, отсутствие чувств, бесстрастие. Это шесть добродетелей. Им противопоставляются шесть пороков: отсутствие интереса («теплый», по Апокалипсису), черствость, пристрастность, или ограниченность, мелочность, то есть мелкий характер, чувствительность, похотливость. {По-видимому, под волей я понимал не свободу воли или свободу выбора, а может быть: «власть имеющий», «Царство Небесное силою берется»}. Границы шести способов не вполне совпадают с границами шести сфер. Можно говорить только о преимущественном для данной сферы способе.

Вот седьмая общая добродетель: некоторая нерешительность и бездействие {то есть некоторое сомнение и воздержание от суждения, может быть: пусть будет не как я хочу, а как Ты хочешь}; и седьмой общий порок: распутство — разложение личности.

Классификация

Сферы жизни: пол; искусство; рассуждение.

Добродетели: страсть; чувство; беспристрастие.

Пороки: отсутствие интереса; черствость; пристрастность.

Продолжение, или аналогии

Сферы жизни: власть; мудрость; святость.

Добродетели: воля; отсутствие чувств; бесстрастие.

Пороки: мелочность; чувствительность; похотливость.

Пусть будет четыре состояния, или термина, в которые можно вложить любое содержание (например, политическое):

А — сохранение традиций, В — нарушение традиций, С — нарушение нарушения традиций — смута, D — восстановление традиций.

А — некоторый порядок, красивая жизнь, чувства и традиции, способствующие поверхностному исследованию. Определенные реальные состояния обозначаются отвлеченными терминами. Злоупотребление словами: Бог, вера и другими. Красивая жизнь побуждает к благородству, великодушию, достоинству.

В — оголение жизни. Вместо отвлеченных терминов — конкретные. Чувство смерти и чувство Бога реже, но реальнее. Разоблачение красивой лжи. В состоянии А — ощущение реальности жизни, несмотря на отвлеченность терминов. Реальность этих терминов оправдывают в состоянии В, но только немногие. В состоянии В — реальность терминов и отвлеченный, идеальный строй жизни. Но идеальность его проверяется в следующем состоянии — С.

С — животный страх смерти, самосохранение. Немногие сохраняют конкретность, или реальность, состояния А, идеальность состояния В. В состоянии В есть мерзость запустения, тогда немногие найдут идеальность жизни. Но уже после этого, в состоянии С: «Находящиеся в Иудее да бегут в горы» и «люди будут издыхать от страха и ожидания бедствий». В: «Военные слухи, но не ужасайтесь, это еще не конец». С: «Тогда будут двое в поле...»

D — цинизм, материальность жизни. {Л. говорил: контрреволюция и реставрация будут бесстыднее и циничнее революции.} Только немногие сохраняют реальность состояния А, идеальность состояния В, апокалипсичность, эсхатологическое очищение состоянием С. Три последних состояния по времени короче первого. Я рад, что мне удалось жить в них.

В состоянии А легче всего добиться права на бессмертие, но так много соблазнов и украшений жизни, что при проверке немногие получают его. В состоянии В труднее добиться этого права, но при проверке останется больше. О состояниях С и D я пока ничего не могу сказать.

Что можно сейчас делать? Во-первых, заботиться о своем спасении, не думая о других. Это умно, но не очень красиво. Во-вторых, заботиться о своем спасении и о спасении других, хотя бы близких. Это умно и красиво. В-третьих, заботиться о спасении других, не думая о себе. Это красиво, но насколько умно — не знаю. Эти три возможности для меня отпадают. Я не могу спасти ни себя, ни других. Остается еще множество возможностей, но реальных для меня, кажется, четыре:

1. Молиться. Но для этого не хватает веры, слабость веры.

2. Жизнь ради удовольствий. Но это измена всему. Я не говорю, что откажусь от удовольствий, если они встретятся на моем пути, для этого не хватит веры, но изменой не будет. Но изменить путь, особенно сейчас, — противно. Это предательство. И не очень умно.

3. Паника. Ужасаться зверствам. Забыться. Это неумно и некрасиво.

4. Писать «Логический трактат». Это я и делаю.

Вчера был большой налет на Москву. Может, сегодня будет на Ленинград. Поэтому я хочу записать: Т. Всю ночь сны, но логика их обратная. Я жду чуда.

Чуда не было.

Чудо есть, присутствует в мире, все видят, но не хотят замечать, не хотят видеть. {Но ведь это же самое я чувствовал летом ночью 1963 года. Удивительно, как многое, что стало через 20 или 30 лет, было уже тогда и даже в этой симпатически антипатичной мне тетради обнаруживается, хотя еще не очищенным, в какой-то неприятной мне шелухе, в каком-то мусоре.}

Философия

1. Правое и левое искусство: не досидеть или пересидеть.

2. С чего начать?

а. Философия — чудо. Ничего не изменилось, но я могу совершить чудо. Этого достаточно. Если я могу совершить чудо, мне уже не надо совершать его.

б. Радость от философии, удовольствие от фиксации — то есть сделанной вещи. Философия — это арифметика вестников.

в. Небольшая погрешность. Небольшой погрешностью будет уже это начало, как и всякое начало того, что есть.

г. Учение об **этом** и **том**. Но это уже сама философия.

3. Я отвергаю все четыре пути: первый, так как чудо будет видно в конце. Второй, так как радость будет в самом философствовании. Третий, так как погрешность есть уже в самом начале. Четвертый же, как сказано, это уже сама философия. Вместе с тем это будет признанием всех четырех путей. Я начну с последнего. Что **это**? **Это** — название чего-то другого, сказуемое к некоторому подлежащему.

Может, это и дает начало философии; исследовать формально, просто технически, каким образом что-либо называется **этим**, — задача логическая.

4. Затем второе: радость от философии. Это радость от установления некоторых соотношений, от некоторой устойчивости. Затем еще одна радость, о которой я скажу сравнением. Христос засушил смоковницу за то, что она была бесплодна. Так вот, философия дает радость от некоторого плодородия. Сопоставление некоторых вещей, некоторые неожиданные возможности, вытекающие из этого сопоставления, — это и есть плодородие и радость философии. Если же больше радости даст то, что вначале покажется менее интересным, то и об этом есть в Евангелии: «Блаженны нищие духом».

5. Третье: небольшая погрешность. Об этом я скажу коротко: небольшая погрешность присутствует всюду, как душа в теле, не занимая определенного места.

6. Первое: чудо. Я не буду говорить о таких вещах, как перелет птиц, ум и знание муравьев, инстинкт, я не буду говорить о соответствии некоторых слов реальности, об общем мнении, которое, как сетка, покрывает реальность, чудо же заключается в небольшом сдвиге этой сетки, я буду говорить о чуде мысли и пространства. Мгновенность и непрерывность — сопоставление и совместимость этих двух вещей — вот чудо.

7. Зенон и Бергсон. Бесконечная делимость пространства и времени. Где предел? Предел во мне самом. Я мыслю, следовательно, существую — неверно. Я мыслю, следовательно, есть **мое**. Степени моего: мир, народ, дом, тело с чувствами и ощущениями, мысли-ощущения, состояние плоскости, состояние неба, состояние дыхания. Но здесь я уже перешел предел делимости — предел самого, своего.

8. Установим степени **моего**. Пусть наибольшая степень будет состояние, вмещающее наибольшее число состояний. Мы ищем самое глубокое, близкое мне, **мое**. Отбрасывая внешние состояния, мы приближаемся к нему. Но, переходя от более внешнего состояния, обозначенного большим числом, к более внутреннему, внезапно мы переходим некоторую границу и вступаем в область состояний совсем другого рода. Я отбрасываю всё внешнее мне, чтобы дойти до самого себя; но затем внезапно оказываюсь уже по другую сторону себя.

9. **Мое**, то есть **я сам**, — это граница — мое нулевой степени, и это действительно некоторая пустота, но затем идут состояния, которые я назову состояниями отрицательной степени. Они обладают объективностью, или, лучше, абсолютностью большей, чем положительные степени. Положительные степени — мои, здесь же, во мне, уже **не мое**.

10. Возникает еще один вопрос: я отбрасываю положительные степени или состояния **моего**, как состояния, не обладающие достаточной достоверностью, убедительностью и абсолютностью. Я сам

для себя более достоверен, чем мир. Но в чем состоит достоверность или убедительность? Для этого надо прежде всего исследовать предложение — само название, причем исследовать его просто технически: как я называю что-либо **тем**.

11. Отделяя от себя внешнее, я пришел к некоторой пустоте, к нулю, но затем за этой границей внутри нуля обнаружились новые реальности. Всё множество положительных степеней **моего**, да и вообще всё множество степеней **моего**, — потенциальная бесконечность, но множество степеней **моего** во мне, то есть отрицательных степеней, — это уже актуальная бесконечность.

Теперь же эту делимость я рассмотрю иначе, приближаясь к нулю, но не переходя его.

12. Мгновение. Начало его и потеря конца. Непрерывность в мгновении и выход из мгновения.

13. Еще более определенно в геометрии: доказательство. Истинность в сопоставлении двух элементов. Пирамида мысли, мысли разных порядков, обрезание бесконечности: определения, аксиомы, построения и пропуски.

Ощущение недолговечности, вернее, отсутствие ощущения долговечности у меня давно. Но теперь, когда все почувствовали недолговечность, у меня появилось ощущение некоторой долговечности. Я понимаю, только чудом можно спастись, но надеюсь и верю в чудо. Во-вторых, я вообще не представляю себе промежуток больше нескольких дней. Сейчас же особенно остро ощущается каждый небольшой промежуток времени. Вообще можно ли беспокоиться о том, что будет через месяц? Но так как почти все беспокоятся, значит, можно, но почему я не беспокоюсь? И что требуется для этого?

«Довлеет дневи злоба его».

И еще близко мне: «Высокое у людей — мерзость перед Богом».

Л. говорил раз о воображаемых неприятностях. Настоящие неприятности: боль, голод и другие. Он считал, что настоящие неприятности хуже. Верно ли? Но вот до войны, когда были воображаемые неприятности, мне было хуже, чем сейчас, когда непосредственно угрожают настоящие неприятности. И я думаю, когда они придут, будет не хуже, чем до войны. Сейчас у меня равновесие, которого уже давно не было. Это от твердого отказа от своей воли. Настоящие же неприятности сопровождаются страданием от ощущения своей воли.

У Островского: я празднотлюб. Это то же, что в Евангелии: «Довлеет дневи злоба его». Я немного пожалел сейчас, что не поехал на окопы. Сейчас бы я лежал в лесу, слушал шум деревьев, видел бы

небо, чувствовал природу. По Евангелию, празднoлюбие лучше трудолюбия. При этом можно даже много работать, даже копать землю, но не ходить в Техникум, вообще на службу. Но, конечно, я рад, что не поехал: это из-за мамы. Два центра: плоскость-природа и мама. Может быть, сейчас дома, когда пишу «Логический трактат», я ощущаю природу лучше, чем там — в природе. И еще сейчас: некоторое равновесие с небольшой погрешностью. Оно во всём — и в том, что пожалел, что не поехал, и в радости оттого, что остался, и в ощущении природы, которой сейчас нет. Главное же, я думаю, хорошо оттого, что я отказался от своей воли. Правда, не совсем, но всё же я перешел некоторую грань между своеволием и безволием.

Я снова стал молиться. Для этого не всегда требуется определенное положение, просто я снова почувствовал Бога, Бог — со мною.

У толпы гипноз силы: один с ружьем сильнее ста без ружей.

У женщин — гипноз ума мужа: глупость, которую можно заметить только на своей жене (О.). Но гипноз чувства: нравиться, красива — это женская природа.

Сентябрь. Первая бомба в Ленинграде: через улицу против нашего дома. Был ли страх? Только один: маминого крика. Я испугался бы, если бы мама закричала. Страшна неожиданность, причем та, которую ждешь и боишься заранее: ее ждешь, и она всегда приходит неожиданно. Может, так и смерть: она придет неожиданно. Может, страшно, что я пропущу мгновение смерти. Но к бомбе у меня нет такого страха. Может, реальная возможность смерти уменьшает страх смерти самой по себе.

Когда упала бомба, мама уже спала. В комнате посыпались стекла из разбитого окна, мама проснулась и удивленно спросила: «Что это?» Я, боясь, что мама закричит, успокаивая ее, сказал: «Не бойся, это только бомба».

Марина рассказывала, что накануне ареста Д. И. не хотел передвигать стол в коридор, он боялся, что случится несчастье, если стол передвинуть. Я сейчас снова так сильно ощущаю связь людей, вещей, событий, что думаю: может, Д. И. и был прав. Я ощущаю все личные связи и с Т. как некоторую реальность, и Т. — некоторый

стержень, в котором все они пересекаются. Я представляю себе некоторую сеть — паутину, и я — узлы этой паутины. Эта паутина — я и мир, мои отношения к нему, но отсутствует природа. В этой паутине отношений я снова нахожу себя и, переходя в центр ее, уже отказываюсь от всякого личного отношения, от себя. Я наблюдал связи и отношения незаинтересованно, я над ними, и уже не-я. Но я хотел бы иметь сильную связь, быть привязанным к чему-то выходящему из меня; мама — это я, но вне меня — люди, связи, природа и Т. — дверь в мир. И снова: всё это — сеть, паутина, узлы которой — я, но я жду более конкретной связи с людьми, миром, землей, природой, через стержень или центр. И это уже другой путь: положивший руку на плуг, не оглядывается назад.

У меня сейчас какая-то ясность и спокойствие, которое бывает перед смертью или накануне новой жизни.

Люди живут не настоящим, а заботами и страхами, сопровождающими настоящее. Мало кто удивляется движению времени, смене времен, полному изменению; сравнивая то, что было полгода назад, и сейчас, замечают только неприятности и опасности, которых тогда не было, и не понимают, что призваны как небожители на пир. Это чудо — такое изменение всей жизни. Время ощущается как то, что задерживает некоторое движение — жизнь. Иногда же, освобожденные от этой задержки, наступают увлечение, вдохновение, одержимость (Хармс), но опять-таки в некотором промежутке времени ничего не произошло.

Этот промежуток разрастается до недель, месяцев, лет — когда смотришь назад. И внезапно что-то случается. Жизнь становится другой, и это непонятно. Непонятно, как моя жизнь, определенная, подчиненная каким-то правилам, имеющая некоторую твердость и прочность, хотя бы в ощущении нетвердости и непрочности, вдруг всё это теряет и делается другой. Ощущение прочности и беспеременности — это ощущение времени. И вдруг его не стало. Так было семь лет тому назад. Но тогда тяжесть времени возросла неимоверно, возросла интенсивность времени, а сейчас — различие двух времен. Сейчас совсем другое время, почти нет его.

В чем здесь чудо? Я жил по определенным правилам, и это значит — рассчитывал на неопределенно долго продолжающееся время, на *indefinitum*. И тогда бывали ощущения вечности и жизнь была ощущением вечности, но сейчас совсем другое, хотя и сейчас ощущаю жизнь как вечность, вечность — характер жизни. {У меня сказано было

очень неопределенно, а смысл такой: до войны преимущественным было ощущение времени как *indefinitum*, а сейчас преимущественно ощущение вечности — *indefinitum*. В полном, почти катастрофическом изменении жизни, в непрочности, в неизвестности, что будет завтра, что будет сегодня ночью и, может, даже через час, в реальных опасностях я реально ощутил характер вечности. Чудо же в том, что что-либо, имеющее ко мне ближайшее отношение, и я сам, оставаясь теми же, стали совсем другими.} Я тот же и вне времени, я тот же и как тот же я уже совсем другой. Два времени, совсем различных, и оба времени — одно и то же время, определяемое мною. {То есть я почувствовал полноту и исполнение времен, эсхатологичность моего сейчас.}

Лк. 2:52. «Иисус же преуспевал в **премудрости** и в **возрасте** и **любви** у Бога и человеков».

Раньше, когда смерть непосредственно не угрожала, думал о ней и боялся больше, чем сейчас, когда она реально угрожает.

Во время воздушной тревоги я стоял в парадной и смотрел, как немецкий самолет сбросил две бомбы. Вначале они летели горизонтально, и каждая казалась не длиннее спички. Я не беспокоился за маму и Лиду, за Мишу и Надю, вероятность попадания была невелика, мне казалось, они упадут в Выборгском районе.

Раньше, если я опаздывал на час, два, дома волновались больше, чем сейчас, когда меня нет дома и я задерживаюсь из-за воздушной тревоги.

Сегодня Т. получила письмо: «Пропал без вести... основание для возбуждения ходатайства о пенсии», — эти мерзкие слова, хотя и не дают ничего нового, всё время стоят передо мною.

Несколько дней какая-то муть, сегодня разразился кризис. Стало уж совсем плохо, хуже, казалось, не могло быть. Я лег спать. Проснулся и сразу понял: поиски души. Муть была потому, что я потерял свою душу. А сейчас — рождение души: душа оставила свою душу, то есть нашла ее. Я отдалял от себя мгновение — оно могло и не наступить. Всё же еще не было полной радости. Я взял Евангелие, и она пришла.

Фрейд поймет каждое состояние души и объяснит научно. Опыты и эксперименты подтвердят. Потом придет другой и опять объяснит научно, и опять опыты и эксперименты подтвердят. Но ведь и до Фрейда Месмер, Мэри Беккер, Шарко тоже объясняли, и лечили, и подтверждали опытом. И у Мэри Беккер подтверждений больше, чем у Фрейда, у него одно преимущество — он позже Мэри Беккер. И так в науке всегда: прав последний. Но так как самого последнего нет, то где достоверность? Но вот Евангелие первое и не требует последующего. Не Фрейд, а Евангелие излечило меня от мути.

Джеймс: «Прагматизм обращается к конкретному, к доступному, к фактам, к действию, к власти». Евангелие: «Довлеет дневи злоба его»; бездействие, непрактичность, слабость: «Когда я немощен, я силен» (2 Кор. 12:10). В сравнении с Евангелием прагматизм — плебейство. Да и вне сравнения — плебейство. {Я и сейчас еще помню это состояние после чтения Джеймса. Стало так же противно и тоскливо, как весной 1917 года после чтения Бебеля «Женщина и социализм» — о коммунизме и о фаланстерах Фурье. То же самое: «своею собственной рукой».}

Я вышел в коридор курить (после чтения Джеймса). Заиграло радио, и внезапно я ощутил неимоверную тяжесть, тоску, скорбь бытия. Подобные ощущения бывали, когда я летом ночевал в чужой комнате на даче, и в детстве по вечерам, когда я не мог заснуть от страха смерти. Но сейчас это было сильнее, обнаженнее — сама боль опустошенного бытия. Это — ощущение точки, затерянной в бесконечном пространстве; эта точка — я сам. Ощущение шло волнами: и на вершине волны оно было совсем невыносимым, и если бы волны не спадали, не знаю, что стало бы со мною. Это уже не состояние души, а состояние мира, другого мира, в который я проник, в этом состоянии всё живое умирает, опустошаясь в абсолютном одиночестве. Как совместить его со вчерашней радостью очищения и рождения души? **Оно** — это состояние точки, затерянной в бесконечном пространстве, — осталось еще в глубине меня, я отвернулся от него, чтобы не видеть, оно мучительно притягивает и убивает. Это не «Логический трактат», не мысль, не теория, а сама реальность, как и вчерашнее состояние рождения души, это я сам, проникший в глубину мира, в его тайну, слившийся с нею. И вчера в рождении души — это был я, переставший быть собою, я в Боге. Может, и это какая-то глубина в Боге, в которую

страшно заглянуть? Вот уже я пытаюсь строить теорию, оправдывать бытие, доказывать, что всё к лучшему, но к чему это? — Тогда теряю то, что было. И отчего такая боль на вершине волны, ощущение полной несовместимости со всяким другим состоянием, уничтожение всего, страшное ничто? Может, всякое состояние автономно и, когда есть, не допускает другого? Но если рождение души (состояние № 1) — завершение, то это в некоторой иерархии состояний в глубине, в основе, болезненность бытия, разъедающая и разрушающая всякое состояние; еще сейчас остались его следы. Если же я располагаю оба состояния в каком-то пространственном порядке, то не результат ли это привычки отводить злу нижнее место, а добру верхнее?

Состояние № 2 — разрушительная система болезненности бытия. Это не соблазн, смотреть на него страшно, но что же? Может, этот вопрос — уже соблазн, как вкушение от древа познания? Тогда это соблазн ума, а состояние № 1 может стать соблазном чувства, и третий соблазн — соблазн схемы, соединения двух состояний системы. {Я думаю, каждое из этих двух состояний не соблазн, а реальность, может быть даже автономные реальности, соблазном же становятся, когда я хочу разделить — ϵ [экстенсивный — *греч.*]-соблазн или соединить их — ι [интенсивный — *греч.*]-соблазн. При этом ϵ -соблазн, именно как экстенсивный, раздваивается: соблазн отделить № 1 от № 2, и второй, ι -соблазн, — отделить № 2 от № 1. Потому что отделение — тоже соединение: соединение отделением. Может быть, оба состояния автономны, как два замкнутых мира на одном месте, — они и не знают о существовании друг друга. Когда же я отделяю один от другого, одно состояние уже знает другое, нарушается их автономность. Тогда возникает соблазн, само состояние становится соблазном. Это рассуждение о двух автономных состояниях правильное, но в применении к состояниям № 1 и № 2 — не знаю, правильно ли: чтобы не стало манихейского дуализма, состояние № 2 надо как-то углубить и понять.} Я постараюсь воздерживаться от своих суждений, от схем; вчерашнее состояние, которое часто поддерживало меня уже около пятнадцати лет, я буду обозначать № 1, сегодняшнее, которое тоже и раньше бывало, — № 2. Я боюсь его, боюсь даже взглянуть на него, оно сжигает и уничтожает меня.

Есть некоторые мировые константы, к ним принадлежит и слово «душа» {№ 1}. Исторические эпохи определяются отношением к этой константе: Аристон, Евангелие, Августин, Декарт — вот некоторые вехи.

Вторая константа {№ 2} не имеет таких определенных разделов и совершенных выражений, как первая. Может быть, полное и совершенное выражение этого состояния уничтожило бы того, кто

попытался бы выразить его. Может, это некоторая глубина в Боге, в которую недозволено даже заглянуть. Только намеки на нее возможны, и они есть в Евангелии. Может, еще в «Тимее» или «Законах» Платона, у Гоголя и Достоевского. Это как смерть души. Но если нет души, нет и смерти души.

Я люблю быть один и боюсь быть один. Я люблю быть один, если в соседней комнате кто-то есть, и лучше всего, если мама. Я боюсь встреч с людьми и не хочу встреч, кроме четырех. И еще Т. Сейчас Т. — дверь в мир.

Лк. 5:39. «И никто, пив старое вино, не захочет тотчас молодое; ибо говорит: старое лучше». Это ведь о Евангелии. Евангелие — молодое вино.

Лк. 8:24. «Кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее» — № 1.

Лк. 11:17. «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет». — Это о состоянии № 2 и некоторое указание на онтологическое преимущество состояния № 1, некоторое благоприятствование, потому что есть какая-то противоречивость в утверждении зла и разрушения. Но это благоприятствование как бы беспредметно, и именно беспредметность благоприятствования дает некоторую надежду.

Может, состояние № 1 — ответ на состояние № 2? Каждое состояние простое, как всякое состояние души, но при каждом воспоминании обнаруживаются различные направления и линии. Каждое воспоминание состояния — один из прошедших через мысль вариантов одного инварианта, и № 2 — смерть или одно из ее окружений.

Вялость и уныние, желание деятельности и отсутствие соответствующей деятельности. Ввели меня в это состояние или поводом были Джозии Ройс, Джеймс и прочие.

Главная деятельность сейчас — «Логический трактат». К нему же боюсь притронуться — хочу и боюсь. Боюсь же потому, что требует усилия. Чувство жизни: интерес и усилие, и второго боюсь. В первом — в интересе — тоже усилие, но исходит не из меня, и я не могу не подчиниться ему, когда оно есть. Во втором — я сам создаю себе своим усилием интерес, и это только дело рук человеческих.

Обычно Евангелие трактуют, морализируя, но нравственность сама по себе эгоистична: цель — я; так же эгоистичен категорический императив Канта. Категорический императив — высшая идеализированная форма безнравственности.

Сегодня, 25 ноября, начинаю новую жизнь. {Сколько раз я начинал ее, пока 16.X.63 не я, а Ты заставил меня начать новую жизнь и дал мне два устоя: в страдании и в радости страдания.}

Во-первых, я постараюсь отбросить все мысли и разговоры, связанные с удовлетворением голода, который я ощущаю сейчас нередко очень сильно.

Во-вторых, постараюсь подавить в себе само ощущение голода. Для этого просто надо до и после еды думать не о ней, а о других людях, заботиться о них, или думать о «Логическом трактате», или о Боге. Но, когда я буду есть, я ведь могу ощущать ее вкус?

В-третьих, постараюсь всегда быть радостным, не возвышать голоса, не сердиться.

В-четвертых, не обижаться и не считать несправедливым в отношении себя, если другие будут говорить и поступать не так, как мне бы казалось правильным. Тем более что они могут быть правы и могут понять мои мысли лучше меня. Я буду соглашаться с ними, когда они будут осуждать меня, даже если вначале мне покажется это неправильным и несправедливым. Но это трудно.

В-пятых, если же не удастся, или меня будут несправедливо осуждать, или мне покажется, что меня несправедливо осуждают, то я постараюсь найти в этом радость и радоваться. Ведь это одно из блаженств.

В-шестых, я постараюсь понять мысли и чувства близких мне людей, с которыми я сталкиваюсь, чтобы не говорить и не делать того, что им неприятно, если только это не противоречит моей совести. Я буду стараться развивать в себе деликатность и такт.

В-седьмых, если мне вообще чего-либо захочется или придет в голову какая-либо прихоть, то я не буду огорчаться, если придется отказаться от нее, в особенности если это делается ради других. Это значит: во-первых, понять, что всё хорошо — и прихоть, и отказ от нее; во-вторых, понять радость жертвы.

Это только начало. Здесь ничего не сказано о других людях, и не надо мне уходить из дома, если я и дома могу сделать так много и избавиться от стольких мерзостей. Мысли об уходе из дома часто вызываются отсутствием смирения и непониманием, что это хорошо, если меня несправедливо осуждают: начинаешь с Евангелия, а

кончаешь собою; начинаешь сердиться и возмущаться, не потому что другие люди не понимают и не следуют Евангелию, но потому что они не хотят понять **меня** и следовать **мне**, проповедующему Евангелие. И здесь они правы. Как они могут поверить Евангелию, когда я сам, проповедующий Его, поступаю не по Евангелию. И этого во мне очень много. В таких случаях я постараюсь искать ошибки не у других, а у себя. Если же я почувствую, что не могу найти правильного выхода, или стану обижаться, или находить несправедливости в отношении себя, то лучше буду молчать, чем оправдываться, разъяснять, спорить. Вообще постараюсь: когда твердо не знаю, как или что сказать, — молчать; когда чувствую, что начинаю сердиться, или обижаться, или мне кажется, что меня несправедливо осуждают, или знаю, что разговор будет всё равно напрасным, и вообще, когда нет обязательной необходимости говорить, — молчать. {Могу ли я сказать, что сейчас хотя бы приблизился к исполнению этих правил? Нет, только одно: Бог поставил меня в такое положение, что мне редко приходится нарушать их.} Вчера были безобразные сцены, виноват я, и вот записал семь правил — это и вылечило меня.

Больше всего, может быть, всегда меня интересовала магия. Л. называл мои вещи тайнописью. В Бахе меня интересовали пересечения каких-то линий, давно мне казалась его музыка задачей или загадкой, которую надо разрешить. Это я и делал в своей работе над Бахом. То же самое я ищу теперь у Хлебникова. Некоторые линии я нашел в стихотворении «В этот день голубых медведей». Скрытый смысл я искал в «Разговорах» Платона. И то, что я тогда нашел, — тайную жизнь отвлеченных, почти ничего не обозначающих слов-знаков, снова нахожу сейчас, читая «Федона». Такой же тайнописью была и иерография, которой мы занимались с Лёней и из которой затем возникла моя «Тайнопись знаков» и Лёнина «Теория слов». Раймунд Луллий, Лейбниц — тоже интересовались магической наукой: непонятными соотношениями бессмысленных знаков. Они чувствовали их реальность.

Может быть, эта магия лежит в основе мысли. Мысль — чудо: бессмысленный знак получил значение. Это по содержанию. При совершении этого чуда рождается душа.

Это чудо творения мира: пустой, ничего не обозначающий знак стал реальностью. И одновременно: из содержаний сознания возникла душа. Содержание души — не душа. Она возникла в своем содержании, но из ничего, как Бог сотворил из ничего небо и землю.

Монады Лейбница обладают только двумя способностями: представления и влечения. Может быть, это самое правильное — двойственное деление души. Душа возникает, покидая себя, оставляя

свои представления, то есть увлекаясь, и в этом увлечении только существует. Оттенки же и характеры этого влечения называются чувством, желанием, волей, мышлением и т. д. Всех этих оттенков всё равно не перечислить. Уже мышление различается: смутное, произвольное — предтеча мысли — и ясное, и иногда трудно найти в них что-либо общее. Иногда произвольное мышление ближе к чувству или желанию, чем к ясному мышлению. Здесь не может быть точного разделения, и теория трех способностей очень грубо искажает душу.

В первый же день сегодня нарушил 1, 4 и 7-е правила. Поэтому возникло некоторое уныние: от омерзения к себе. Может, это главный источник уныния. Как излечиться от него?

— «Нагнуться в глубину золотистым или темно-синим глазом и понять: я тот».

У Введенского есть поиски души: почему я не орел, почему не ковер Гортензия. Хлебников нашел бы, что он и орел, и ковер Гортензия. Его заполняет содержание души. Может быть, поэтому и необходимо соединять возвышенное с низким (Гаусс: теория чисел и землемерие). Поэтому у него нет самой души, только ее содержание.

Я читал «Многообразие религиозного опыта» Джеймса и внезапно заметил, что лампа светит тускло, ощутил, как протягиваются щупальцы с того света, и сейчас они захватят меня и станут душить, и в груди будет стеснение и тоска. Я закурил: выходить в коридор курить не буду, там станет еще страшнее. Надо читать Евангелие, лучше молиться, но как молиться в этом состоянии? Ничтожество всего, всех дел, мировой космический провинциализм.

Евангелие от Матфея 22:2-13. У Матфея нет последнего заключения: на пир пришел человек не в праздничной одежде и за это был отдан на истязание.

Евангелие не признает справедливости, абстрактного равенства: Марфа и Мария, работники на винограднике, блудный и добрый сын. Поэтому и надо радоваться, когда меня осуждают.

Бессмертие надо заслужить. Как? Найти свою душу, чтобы вернуть/отдать ее Богу.

Пять или шесть лет у меня было сомнение (с августа 1934 года). Я знал, надо немного слицемерить, сказать себе: я верю, и вера вернулась бы. Но вера, основанная на лицемерии и лжи, хуже неверия. Надо было ждать или стараться что-то делать. Я старался, но, по-видимому, не так, как надо, и мало, я больше ждал. И она вернулась, пришла сама.

{Скорее, так: как Гоголь, я мог сказать: в Христе такая мудрость, что умом я понимаю: так мог говорить только Богочеловек, но веры нет. И еще: в ночь на 17 августа 1934 года вестники улетели, через семь лет вернулись. Был ли я эти семь лет **не** верующим? Во всяком случае, неверующим я не был. Я искал, ждал и иногда чувствовал: как бы скрытый от меня или за моей спиной, но Он есть.

По-настоящему, то есть для Бога, человек или верит, или не верит. Но так как бывает, что человек воображает, что верит, хотя и не верит, а только желает желать верить, или желает не верить, или думает, что не верит, хотя верит, то есть верит, но не знает, что верит, то у людей есть четыре категории: верующий, **не** неверующий, **не** верующий, неверующий. До некоторой степени эта классификация совпадает с следующей: активно верующий, пассивно верующий, адиафора в отношении веры или пассивно неверующий, активно неверующий. Самая худшая категория, может, даже не четвертая, а третья; активно неверующий может стать активно верующим, а пассивно неверующий ничем не станет. Так вот, к последним двум категориям я никогда не принадлежал, во всяком случае, с весны 1911-го. Различие же первой и второй категории можно определить так: чувствую я или не чувствую присутствие вестников. В ночь на 17 августа 34 года вестники меня покинули, через семь лет вернулись.

Затем, второе: и у активно, и у пассивно верующего бывают состояния актуальной и неактуальной веры. Но и в неактуальной пассивной вере сохраняется ощущение моей абсолютной инвариантности, и дает ее — Бог. У пассивно верующего бывают актуальные состояния веры, но реже, чем у активно верующего. Они были у меня, хотя и нечасто, и после того, как вестники меня покинули. И последнее: в наиболее актуальном состоянии веры часто кажется, что уже давно, может, никогда еще не было такой сильной веры; может даже показаться, что я вообще впервые узнал, что такое вера. В то время — в самом конце ноября или в декабре 1941-го — у меня было актуальное состояние веры. Поэтому я и написал: вернулась вера.}

Почему я не крещусь? Потому что мне нравятся храмы, обряды, традиции. Крестившись, я бы потерял чистоту веры. Было бы больше радости и молитвы, но к истине затесалась бы фальшь.

Положивший руку на плуг и оглядывающийся назад неблагонадежен для Царствия Божия. Я не могу не оглядываться назад и не

представляю себе, что когда-либо смогу не оглядываться назад. Я могу день, месяц, год не оглядываться назад, но на всю жизнь отказаться не могу. Это последняя степень, и Евангелие не говорит, что она обязательна. Всё, что сотворил Бог, хорошо: и еда, и питье, и водка, и празднотворие. Но если бы я достиг и предпоследней степени, но подумал: вот есть для меня еще последняя степень, и не постарался бы достичь ее, то в этом уже был бы грех. Греха нет в том, чтобы любить поесть и выпить, даже напиться, если это не делается непреодолимой страстью. Грех состоит в том, что, подумав: в этом нет греха и это даже хорошо, но было бы еще лучше не делать его, — и подумав так, не постараться исполнить. Я не знаю, большой ли это грех или нет, но если в чем-либо хорошем явилась мысль о лучшем, то не последовать этому всё же будет грехом и, по-моему, большим. Потому что в этой мысли я и есть я, и здесь я не хочу отдать себя самого Богу. Я согласен отдать всё: и работу, и душу, и мысли, но не себя самого — это большой грех. Причем я знаю и верю, что в этом и есть высшее блаженство, вернее, не верю, а, как сказано в символе веры, чаю. Потому что если бы я точно знал и верил, а не только чаял, то это было бы простым расчетом и, следовательно, не имело цены. Всякая другая религия устанавливает только обряды и требует часть души. Только Евангелие требует всю душу и, я чаю, дает больше всех. Оно уже и сейчас дает не как залог будущего, но даром, по благодати.

Если бы я сейчас отказался навсегда или на время от водки, от некоторых удовольствий, но не отказался бы от «Логического трактата», я получил бы некоторые неприятности, но приобрел бы очень мало, может, даже ничего. Возможно даже, что потерял бы, так как появились бы соблазны. Но отказ от трактата во славу Божию — это было бы и отказом от удовольствий, то есть при этом удовольствия стали бы греховными, — этот отказ от Бога ради Бога я не могу сейчас совершить — это значит не оглядываться назад.

Отказ от менее дорогого ради сохранения самого дорогого иногда может быть полезен как предварительное упражнение, вообще же есть некоторое лицемерие: на Тебе, Боже, что мне негоже. Мне кажется, к этому очень часто сводится аскетизм.

Вообще, грех не в удовольствии и не в том, что мне доставляет удовольствие или наслаждение, но в самом большем наслаждении. Если расположить все блага по силе удовольствия их для меня, то ни в одном нет греха, кроме того, которое будет для меня высшим. Если составить абсолютную шкалу благ: А — В — С —..., то для одного грехом будет А, для другого — В, для третьего — С и т. д., если они соответственно высшие. И даже не это грех. Если я наслаждаюсь всеми благами вплоть до того, которое высшее для меня, то в этом еще нет греха. Но если я подумал: пусть у меня будут семь благ, все они невинны и хороши, но вот есть восьмое благо, и оно еще лучше, но ради него надо отказаться от всех других, и, главное, от седьмого, которое

казалось мне высшим, — подумать так и не сделать сразу же — это грех.

1942

10 февраля. 3-го или 4-го умер Д. И. Так мне сказали вчера, и если это правда, то ушла часть жизни, часть мира. Ночью несколько раз снилось. Сны ищут оправдания смерти, и этой ночью смерть Д. И. была как-то объяснена, но я не помню как, помню только переломленный пучок прутьев.

В последнее время Д. И. говорил о жертве. Если его смерть — жертва, то слишком большая. Сейчас она обязывает.

Первым ушел Д. Д. в конце декабря.

Со смертью Д. Д. совпало начало моего растянувшегося отдыха и провал наступления. Затем — холод, истощение. Казалось, что уже конец всему. Ходить, во всяком случае, далеко я уже не могу почти два месяца. Евангелие не читал или очень редко. Но всё же я начал работать, хотя еще не по-настоящему. «Логический трактат». Когда я его писал, было так холодно и я так слаб, что больше получаса писать трудно было. Затем мы переехали в одну комнату. Становилось всё хуже, писать перестал.

Большое мгновение: утро, полутьма, грязь. Лида встает, я еще лежу, трудно встать, хотя хочется — от лежания болят кости, но страшно холода и движений. Это уже не жизнь, а полужизнь — двигаются тени в подземном царстве. Неделю или полторы назад стало совсем плохо, и я думал, что близок конец. Меня стали еще усиленнее подкармливать.

Самое сильное ощущение голода было перед моим отдыхом, то есть в декабре. Когда перестал работать и писать, стало хуже, росла жадность. Я чувствовал, как сохнут желания и чувства. Сейчас уже не хожу. Снова осложнение: возможен Лидин, может быть, и мамин отъезд. Наконец, смерть Д. И. — уже незаменимая жертва. Чтобы она не была такой бессмысленной и ужасной, я снова должен начать писать. Но я надеюсь, может, всё же Д. И. жив?

3 мая. Физиологический период после стационара прошел. Я как-то почувствовал святость пищи, например: грех катать шарики из хлеба. Январь-февраль: умирание, полусмерть, подземные тени, как в аду у Гомера. Категории-соблазны философии — тоже неуловимый мир теней. «Царство».

Об ощущении голода. Три периода: нисходящая линия — всё чаще произвольные мысли о еде, которые трудно подавить. Но до января всё же как-то держался. В десять-одиннадцать часов вечера мама и Лида ложились спать, а я, выпив несколько чашек кофе, после чего во мне что-то как бы проваливалось, ложился на полчаса-час отдохнуть, а потом писал часов до четырех. Эти четыре часа совершенно не

чувствовал голода. В январе падение — плоть победила, но, победив, пала — потеряла силу. Это второй период, ощущение голода слабеет, даже не хочется вставать, чтобы поесть, иногда только вдруг отвратительная вспышка жадности, а потом снова безразличие. И в философии какие-то тени и вдруг подъем — «Царство».

{Уже потом мне казалось: если бы не поехал в стационар, может быть, и закончил бы «Царство» и умер. Смысл «Царства» — кеносис — Флп. 4:12, 13.}

Третий период. Ощущения голода при выздоровлении снова возрастают, но их можно подавить настолько, что не чувствуешь голода. Голод в первом периоде — ослабление духа из-за ослабления плоти. Аскетизм — в третьем периоде — подавление плоти. Настоящий аскетизм возможен только тогда, когда поймешь святость пищи, а для этого надо пройти первый и второй периоды. Надо почти умереть физически, чтобы понять, что нет греха в том, чтобы есть, но что лучше — не есть.

С 26 апреля — сторож при разрушенных яслях, неделя питания (жена Лазаря). Еще до этого приходила Т. Н. Вначале мне казалось, что она безнадежна, но теперь поправляется. Но свойственный ей (и Люсине) натурализм возрос. Затем был в больнице у Вс. Николаевича. Он возмужал и огрубел. Затем у О. Н. Верховской, вчера у С. Н. — она в унынии после смерти своих друзей.

Некоторые разговоры бестактны, бестактно говорить о своем превосходстве или возмущаться, что попадаешь в общее русло. Настоящее сознание превосходства не возмущается этим, наоборот, стремится к нему — *быть как все*; хотя и не удается.

18 мая. На подоконнике против заколоченной квартиры Д. И.

Квартира и всё, что с ней связано, — целый мир: распадение, разрушение, обнажение — тела, чувств, мира. Помогите, Господи.

19 мая. Лк. 11:24–26. За эти четыре месяца что-то вышло из меня, из всех нас, С. Н. права, и теперь, когда дом выметен и убран, возвращается. «И бывает для человека того последнее хуже первого».

Вышла некоторая конкретность, конкретность связей людей; мы заглянули по ту сторону жизни и, вернувшись в эту, не можем забыть ту, тени с того света уже здесь. Помогите, Господи.

26 мая. Переписываю и исправляю последний предвоенный дневник. По этому поводу: во всём я вижу отдельные слои, состояния, части, их

наложения, соединения. В музыке — Бах, еще раньше, в двадцатые годы, — баллада Шопена в 24 эпизодах.

Два способа видеть:

1. Непрерывность и развитие во времени, обоснование, доказательство.

2. Раздельность, вневременное наложение, аналогия, совпадение.

Так и жизнь: или непрерывное изменение, или одно неизменное состояние — сейчас, разлагаемое на вневременные слои. Прошлое только потому прошлое, что я воспринимаю его потенциально, но я могу воспринять его актуально, тогда оно настоящее. Если некоторое состояние, потенциально прошлое, освободить от несущественных признаков, оно станет настоящим.

Сейчас я сижу на камне во дворе у яслей, но я освободил это состояние от фиксирования его 26 мая 1942 года. Тогда оно отождествляется с подобным же по существу состоянием 1940 или 1941 года.

Надо различать реальность состояния и фиксирование его на определенном участке времени. В каждом состоянии есть слои, но нет времени. Фиксирование с помощью некоторых несущественных подробностей вносит время, тогда разделяет одно состояние на два, отделяя их (друг от друга) промежутком времени.

Какие-то петли, извилины, знаки, нанесенные неизвестной мне рукой на неподвижные слои жизни, раздвинули их и создали видимость времени и индивидуальности.

15 июня. Закончил дневник, доведенный до этой записной книжки. Он всё же неприятен (кроме конца), как и первый, может, еще неприятнее. Но в том, что пишу сейчас, кажется, нет этой неприятности. Потому что вернулись вестники. Вернулся Бог.

19 июня. Лк. 11:8 — неотступность. Д. И. говорил об одержимости. Это было у меня с начала войны до января 1942 года. А сейчас — неотступность.

Лк. 12:21. «...Кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет».

Лк. 12:35. «Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи».

Лк. 12:37. «Блаженны рабы те, которых господин, пришед, найдет бодрствующими».

27 июня. Вот чресла уже препоясаны. Мы эвакуируемся. Вышло это совсем неожиданно. Т. осталась. Я должен был уехать — мама, Лида. А уезжать не хотел не только из-за Т.

Лк. 12:49. «Огонь пришел Я низвесть на землю: и как желал бы, чтобы он уже возгорелся. Крещением должен Я креститься: и как Я томлюсь, пока сие совершится». Вот почему не хочу уезжать из Ленинграда.

26 июня в семь часов отошел поезд в Борисову Гриву. Хорошо было в поле. Двадцать седьмого ночь и утро на берегу Ладоги. Узнал места, где жил летом двадцать лет назад (Надя, Лёня, Хлебников, Краснуха). Восход солнца. Катер — тревога, укачало. После переезда через Ладогу всё стало мерзким. Прежде всего, поразила быстрота движений у людей, ведь в Ленинграде все мы от истощения ходили медленно. Быстрота движений напоминала кино, когда вертят {быстрее}, чем надо.

Узкая насыпь с железнодорожными рельсами на берегу Ладоги, вагонетки, быстрое движение, очереди беженцев, автобусы, пустынная дорога — всё это кажется нереальным, как плохой, нудный сон.

В Лаврово нас свалили в пустынном поле. Когда летают немецкие самолеты, милиционеры нас гонят, но куда идти — неизвестно, — всюду пусто, деревьев нет. Днем под палящим солнцем, ночью дождь и комары.

29 июня. Встал рано, пошел за крапивой — будем варить щи. Возвращаясь, снова встретил Т. Н. Ей нравится, мне всё противно, поссорились. После завтрака (щи) снова лег спать.

Мне снилось, что я должен пойти на то место, где встретил Т. Н., и лечь там на спину, раскинув руки. Проснувшись, не отличая сна от бодрствования, я сделал то, что надо было сделать во сне, то есть перешел на другое место, лег на спину, раскинув руки, и снова заснул. Прежний сон продолжался. Проснувшись, я был удивлен, оказавшись на другом месте, не там, где заснул в первый раз. В кармане я нашел какую-то грязную бутылочку: я вспомнил, что захватил ее во сне, когда переходил (уже бодрствуя) с одного места на другое, — это тоже входило в порядок сна. Тогда вспомнил сон и как бодрствование вклинилось в сон и сон подчинил его. Степень реальности и промежутка бодрствования между двумя снами оказалась меньше степени реальности сна.

Тихвин. Череповец. Вологда.

1 июля. Вчера в Вологде была пересадка. В вагоне все ссорятся. Мы втроем сидим на вещах, молчим. Полная темнота. Похоже на рассказ, о котором говорил Шура: люди едут на пароходе. Через день-два некоторая тревога. И вдруг вспоминают: они уже умерли, едут на тот свет. Понос. Я в санитарном вагоне (тоже товарный — теплушка). Конечно, никаких санитаров, все лежат на досках и делают под себя, так как двигаться не могут, да и некуда, уборной нет.

2 июля. 4 часа утра. Восход солнца: избыток цвета и оттенков.

3 июля. Котельническое озеро.

5 июля. Рано утром сильнее всего чувствуется избыток красоты: красная земля, красные деревья и различные оттенки зеленого.

Чем больше сейчас неудобств и неинтересных приключений, тем сильнее я чувствую устойчивость существования, неизменность **я**.

17 июля. Курган. Ночевали между железнодорожными путями. Чуть не попали под поезд. Комары. {В Кургане, по-видимому, мама и получила малярию.} Целую неделю здесь. Комары. Наконец, в настоящем поезде, а не в теплушке, едем в Кособродск, где нас будут встречать.

21 июля. Позавчера вечером приехали в Чашу. Окончание этой проклятой эвакуации бездарно растягивается, как концы бетховенских симфоний. Два дня в грязи без своего угла в Кособродске. Да и здесь: хаты нет, вещи не разобраны, какая-то унылость во всём. Встречи с людьми (простыми). В связи с этим: может, Россия вообще еще не начинала жить — гениальные начала без продолжения.

22 июля. Думаю сейчас, кажется, только ночью во сне. Утром, просыпаясь, нахожу какие-то мысли или обрывки мыслей, которые быстро забываются. Днем я ощущаю, как весь погружаюсь в землю: голова — в живот, живот — в ноги, ноги — в траву и землю. Состояние без головы.

Я представляю себе некоторую сферу, разделенную экватором на две части. В верхней части — голова, в нижней — живот и ноги. Верхний свод — небо, нижний — земля. Затем происходит некоторое опустошение верхней полусферы, она уходит в нижнюю, нижняя — в нижний свод, в землю. Осталось: верхний свод — небо, верхний полушар пуст, нижний — земля. Я — в нижнем полушаре, погружаюсь в нижний и по своду перехожу на небо. Между землей же и небом, там, где голова, — пусто...

23 июля. Мы всё в таком же положении: эвакуация не может закончиться.

Когда мы приехали в Кособродск, меня удивило вот что: впервые после начала войны я увидел нормальные здоровые человеческие лица; жизнь, не порвавшую с природой, с естественностью. Это обрадовало меня и было особенно удивительно в сравнении с противоестественностью и безобразием эвакуационной жизни.

Могут быть какие угодно способы жизни: и жизнь в своем доме, и без дома, и в путешествиях и разъездах, даже в теплушках, но жизнь под железнодорожные гудки на железнодорожных путях, как в Челябинске и Кургане, — это уже слишком противоестественно и бездарно. Железнодорожный путь может быть красив, как и паровоз и поезд, но сортировочные, депо, разъезды, гудки — это уж слишком фабричное и безобразно.

В Ленинграде я чувствовал голод меньше, чем здесь. Во-первых, у меня была комната и занятие. Во-вторых, естественность, природа, к которой здесь я ближе.

Здесь — жизнь ощущений, чувств, погружения в землю. Но вот она обдумана и записана, тогда стала отвлеченной жизнью. В Ленинграде была отвлеченная жизнь и мысли. Но она переходила в пространство мысли — в ночном бдении, в плоскости от земли до неба, и вот она ощущается.

25 июля. Лида в связи с определенным фактом в эвакуации сказала (не обо мне): человек — функция живота. Это неверно и сказано было в связи с определенным случаем, хотя сейчас я, кажется, подтверждаю это: столкновение двух систем — беспечности и благоразумия. Во время голода в Ленинграде я часто думал, особенно до января, о приятности первых насыщений. Что же оказалось? По дороге — наполнение до изжоги невкусной холодной пищей, чередующееся с голодом, если поезда запаздывали к эвакуопунктам; затем — система благоразумия. Мне казалось, ничего не было бы плохого даже в культе

еды в первое время: «Умею жить в скудости, умею жить и в изобилии» (Флп. 4:12).

26 июля. Сегодня месяц, как мы выехали, и сегодня, наконец, Лида нашла комнату, и кажется, хорошую. Если опять что-нибудь не случится, то Лида блестяще завершила эвакуацию — вообще этот год был для нее самым тяжелым.

Месяц тому назад — 26 июня в три часа дня выехали на грузовике к Финляндскому вокзалу. В семь часов поезд отошел. Вагон переполнен, духота, воды нет. — Ладога — Тихвин — Череповец — Вологда — Вятка — Пермь — Свердловск: снова пересадка — Курган. Двое суток под открытым небом. Здесь мне исполнилось 40 лет — между железнодорожными путями. Городок Курган мне понравился. В Кособродск ехали в настоящем пассажирском вагоне — 600 км.

Моя абстрактная любовь к путешествиям реализовалась, и даже в теплушке езда мне часто нравилась: некоторая устойчивость и постоянство в неустойчивости.

10 августа. Чаша опротивела мне, здесь хуже, чем в дороге, вернее, я сам себе опротивел: мерзость запустения.

(Сон.) Я на Петроградской, недалеко от Липавских. Я думаю: через пять минут я буду у них и увижу Т. и Л. Это реально, абсолютно достоверная реальность. Но произойдет какое-то не зависящее от меня преобразование системы координат, и я буду считать эту реальность сном, а мерзкий сон о какой-то «Чаше» — реальностью. Я мучился всю ночь: как остановить ход времени? Как предотвратить непонятное, неизбежное преобразование системы координат?

18 августа. Нет писем ни от М — Н, ни от Т., мерзость запустения, боязнь благополучия, какая-то адская бездна.

31 августа. Косвенное доказательство интереснее прямого, в прямом я не выхожу из своей собственной мысли. Косвенное доказательство — намек на что-то более важное. Косвенным доказательством был мой сон о смерти. И так же сейчас: мерзко как никогда, и я вспомнил, что раз я выпил виноградной водки — она вкуснее обычной — и, выпив, подумал: обыкновенная водка противнее, поэтому приятнее. Так и сейчас.

19 ноября. Я в больнице в большой светлой палате, один. Дома, в нашей полутемной, закопченной избушке, — теснота, я, больной, в углу — не ад ли это? Нет, ад — здесь: пустота, а там — любовь.

В чем моя болезнь? — Я предпочитаю сидеть, а не стоять, лежать, а не сидеть и совсем не выношу хождений. Затем постоянная напряженность и внимание к своему дыханию, я всё время чувствую, как дышу.

Больного положили на обследование в больницу. В истории болезни каждый день одна запись: состояние больного удовлетворительное, жалоб нет, больной поправляется. И, наконец, последняя: больной умер.

20 ноября. «И с отвращением читая жизнь мою...» — может быть, это обязательное чувство при воспоминании, во всяком случае, у меня сейчас. Когда становится плохо или наступает соответствующий возраст, или существенное изменение жизни, или остаешься один, то с омерзением вспоминаешь свою прошлую жизнь. Омерзительно не то, что я писал, и не люди, с которыми встречался, а мое поведение при встречах. Чем омерзительно? Глупостью или актерством. Глупое актерство, что-то ненастоящее. Чувство омерзения возрастает при взгляде назад пропорционально времени до какого-то мгновения, а затем снова убывает. Может, потому что чем дальше в прошлое, тем я глупее и дальше от себя сейчас, то есть какой я есть сейчас, более чужой себе. Эта глупость — только моя глупость. Не совсем верно называть это глупостью, ведь тогда я писал трактаты, а сейчас не пишу. Сейчас я не мудрее, а умудреннее, ближе к некоторой зрелости или совершеннолетию. Ближе к смерти.

21 ноября. Отвращение к себе и своей жизни надо дать формулой. Поэтому упоминание года неуместно, надо сказать: возраст. В этой формуле будет выражено, во-первых, отвращение к себе, во-вторых, некоторая проекция назад, в-третьих, ощущение уменьшения степени самочувствия, в-четвертых, двойное отношение отвращения к длине проекции: чем дальше в прошлое, тем больше отвращение. Почему? Я, тот же самый, чем дальше прошлое, тем дальше от себя сейчас. Отвращение увеличивается пропорционально длине проекции. С другой же стороны, чем больше длина, тем я уже дальше от себя и откинул часть себя, переставшую быть мною. Так как от меня осталось меньше, то и отвращение будет меньше. Так что в оставшейся части

отвращение возрастет, но сама часть будет меньше. С увеличением длины проекции возрастает интенсивность ощущения и уменьшается часть меня, на которую оно направлено. Общее ощущение складывается из этих двух движений, и вначале отвращение увеличивается, так как интенсивность перевешивает, но затем убывает, так как начинает преобладать уменьшающаяся экстенсивность.

Это общая формула отвращения к себе. В различных случаях точка поворота от увеличения отвращения к уменьшению занимает различное положение, то есть место на проекции, оно может меняться и зависит от данного состояния сейчас и от характера воспоминания. Область изменения места точки поворота — величина непостоянная: от нуля (то есть первого воспоминания) до настоящего мгновения, но обычно границы значительно уже. Для меня сейчас верхняя граница, то есть конец прошлого, — начало войны, а нижняя, или точка поворота, — 1928-1929 годы. История с С. лежит ниже точки поворота, моя глупость тогда — сейчас меня не трогает, тот **я** — уже не **я** {то есть тот **я** во внешних отношениях, во внутреннем же — тот же}.

Отвращение к себе происходит, по-видимому, от раздвоения меня. Я нахожу себя, отбрасывая часть себя от себя. И здесь две ступени: на первой — отвращение, на второй — безразличие к тому, что отброшено. Или: отвращение к непосредственно отбрасываемому прошлому и безразличие к позапрошлому. Во-вторых, проекция себя на воображаемую ось — время, которого уже нет, воображение оси проекции — времени. Есть граница между **я** сейчас и **я** полтора года тому назад, вернее: я — сейчас и я, который мог бы быть сейчас, если бы остался тем, которым был до этой границы, то есть до войны. Мне противен тот я, которым я мог бы быть сейчас {даже не тот **я**, которым я был, а тот **я**, которым я **мог бы** быть сейчас, если бы остался тем же; именно если бы я остался тем же, то не был бы тем же, то есть собою, каким я есть сейчас}. Отсюда воображение оси проекции — времени.

Когда почему-либо сосредоточишься на смерти, то наступает это раздвоение, потому что всё другое, что бы я мог сделать в это время, если бы не сосредоточился на мысли о смерти, будет ничтожным в сравнении с этим.

Во-первых, смерть, во-вторых, некоторая погрешность — отклонение от нее, в-третьих, снова возвращение к ней — вот что определяет жизнь и время.

23 ноября. Формула отвращения к себе определяет жизнь и время смертью. Переход же — разделение себя, потому что, сосредоточенный на себе, я должен был бы не отклоняться от мысли о смерти. Что здесь явное? Отвращение к себе. Что явление? Разделение себя — первое

явление. Смерть и погрешность, жизнь и время — второе. Что будет определением? Формула. Здесь есть движение мысли. Отвращение будет чем-либо. Формула — замыканием {этот термин я намеренно взял из топологии}. Во-вторых. Отвращение будет одним, погрешность и отклонение — другим, ведь это и вызывает отвращение. В-третьих. Смерть будет одним, жизнь и время — результаты погрешности — будут другим. В-четвертых. Отвращение будет одним. Смерть, жизнь и время — другим. В-пятых. Смерть, жизнь и время — одним, погрешность и раздвоение — другим. В-шестых. Смерть будет одним, отвращение — другим. В-седьмых. Жизнь и время — одним, отвращение — другим.

2-7. Замыкание отвращения.

2. Одно непосредственно другому без перехода.

3. Одно и другое — оба замкнуты.

4. Что-либо открытое замкнулось.

5. Одно будет другим. Переход — погрешность. Или: что-либо замкнутое открылось в переходе.

6 и 7. Замкнутая часть открылась непосредственно.

Если же взять обратные отношения, то что-либо открытое замкнулось в части.

Значит, такие отношения:

1. Одно и другое (3).	}
2. Одно есть другое (5).	
3. Одно имеет другое (2).	
4. Открытое замкнулось (4).	}
5. Замкнутое открылось (5).	
6. Открытое замкнулось в части (6, 7).	}
7. Замкнутая часть открылась (6, 7).	

Если открытое замкнулось, то будет одно и некоторое удвоение его — другое и оба замкнуты: одно и другое.

Если замкнутое открылось, то одно есть другое.

Если открытое замкнулось в части или замкнутая часть открылась, то одно имеет другое.

Всё это — замыкание чего-либо: одна семичленная формула. {О самой диалектике одного и другого без применения к отвращению я писал, кажется, еще в декабре 41-го — январе 42-го и еще раньше, когда занимался Платоном, — двадцатые и начало тридцатых годов.}

25 ноября. Позавчера, когда я еще лежал в больнице, вечером в соседней палате закричал ребенок. Сиделка подошла к нему. Должно быть, взяла его на руки, успокаивала, и, должно быть, это доставляло удовольствие и ей. А мне это было бы противно. И я подумал: если бы гриб обладал сознанием и прилетело бы существо из другого мира и сравнило бы нас троих — гриба, сиделку и меня, если бы оно сравнивало не по внешним признакам, а по уму, интересам, склонностям, чувствам, то оно, возможно, признало бы гриба и женщину родственными существами, а меня — чуждым им. Я говорю это не в укор сиделке, а себе. Я оторван от жизни.

Человек окружает себя или окружен кругом меньшего или большего радиуса и интересуется тем, что входит в его круг. Интерес к своему кругу связывает с интересами к другим кругам: интерес к своему кругу понятен каждому, поэтому круги пересекаются. Радиус же моего круга равен нулю. Меня интересует круг деревьев, круг соседнего мира. Таким образом, у меня нет своего круга, я интересуюсь чужими кругами, но чужой всем.

{Помимо «Формулы чего-либо», диалектику одного и другого я или начал писать, или продолжал в апреле — мае — июне. Эвакуация же выбила меня из колеи, только в конце сентября 42-го я пришел в себя, тогда и начал писать «Квадрат миров». Возможно, и в декабре 1942-го написана «Формула несуществования». Она возникла внезапно: наша изба была дырявая, щели мы затыкали ватой, воробьи вытаскивали ее, дверь на двор плотно не закрывалась, дуло, а морозы бывали и до 50 градусов. Утром вода в ведре замерзала. Писал я поздно вечером в пальто и шапке — так было холодно. Керосина не было, а на скипидаре (кажется) коптилка каждую минуту гаснет, спичек же мало. Поэтому на столе стояли две коптилки: гаснет одна, зажигаю от первой вторую. И вот вечером внезапно что-то пришло мне; кажется, написал всё сразу. Я долго сам не мог понять «Формулы несуществования», одно я знал твердо: это не нигилизм, совсем наоборот, наиболее сильное утверждение Бога и Его Провидения, это апофатическая теология. И такое же у меня было ощущение, когда я писал: всё кругом трудно, страшно и плохо — и это именно хорошо.

Я хочу записать один случай, это было в январе или в феврале 1943 года. Русская печь в нашей избе была с дырой, когда ее топили, через дыру виден был огонь. Однажды, когда мне не надо было идти в институт, я что-то делал в комнате и вдруг упал и не могу встать — ноги не держат. Лиды не было дома, я лежу на полу — не понимаю, что случилось. Вдруг слышу, в соседней комнате упала мама. Встать я не могу, я пополз, помог маме переползти в мою комнату, чтобы нам быть вместе, мама тоже не могла стоять на ногах. Мы лежим, я на полу, мама — не помню, на полу или на кровати, и разговариваем. Мы думали, что это сердечный припадок и мы умираем. Страх смерти не было, мы только боялись за Лиду, думали, что будет с нею, когда мы

умрем. Подробности разговора не помню, но от него осталось очень хорошее чувство-воспоминание. Через некоторое время мы, кажется, уснули и проснулись еще до Лидинога прихода. Мы просто угорели.

После этого решили: надо чинить печь. Это было, как и всё у нас, очень трудно: хождение по всяким учреждениям, поиски печника, кирпичи я должен был сам привезти — они лежали где-то далеко в поле. Я уж не буду описывать, как это было всё трудно, но когда я наконец привез кирпичи и печник посмотрел их, он сказал: «Это необожженные кирпичи, а надо обожженные, а чинить печь всё равно надо, она может обвалиться каждый день». Значит, всю эту волокиту надо было начинать сначала. Мама сказала: «Как будет, так будет, авось печь не обвалится». И печь действительно не обвалилась.

В Чаше и до сентября бывало не только плохое, но и хорошее: разговоры с мамой, разговоры с Лидой во время наших коммерческих прогулок: мы обменивали вещи на продукты в соседних деревнях, потому что по карточкам давали очень мало. И еще хорошее — сами хождения, природа, возвращение домой. Но всё же основное состояние — раздражение и уныние от бездарной бестолковости эвакуации и эвакуационной жизни. Я помню, как раз на корове я вез дрова из института домой. Оба мы — и корова, и я — были очень унылы и не понимали, откуда вся эта бестолковость, пошлость и глупость и почему мы должны заниматься делами, абсолютно нам не свойственными, ни корове, ни мне. В сентябре 1942-го уныние прошло, я разделился; эвакуационная и прочая суeta отделилась от меня, при встречах с внешними людьми еще бывало иногда, что я раздражался, иногда я даже старался казаться раздраженным и заинтересованным только едой, внешними неудобствами и бестолковостью, но это уже была мимикрия — ради самосохранения, чтобы думали, что я просто обыватель: ведь я писал и у меня хранились рукописи — мои, В., и Х., и О.}

1943

3 января. Год тому назад, 25 декабря, я потерял часть себя. Следующие три месяца — постепенное умирание — только закончили то, что произошло 25-го. Уже в январе я писал «Политический трактат».

В ноябре-декабре 1942-го — «Трактат о мысли». Здесь была в самых сложных соотношениях ясность и чистота, это тоже небо, далеко от земли, но соблазнов не было. Через несколько недель — погрешность: «Политический трактат», соблазны. {А «Царство» ведь предшествовало «Политическому трактату»?} В ноябре-декабре я перешел границу, тогда же от голода стал бесполом. В январе в новый мир вошла погрешность. Здесь прибавление через отнимание: я потерял часть себя, и пришел соблазн. Как это случилось? Я видел, как слабеют силы, глохнет звук, гаснет свет, умирает ощущение, отпадают чувства. Я видел покойников на улице, смерть и свою собственную. Я — на границе; и возник соблазн. Появились призраки: люди-призраки и миры-призраки. Они появились в действительности: опухшие или высохшие лица [два способа умирать от голода], жадность, потеря чувств, утренняя полутьма и тени людей. Я был наблюдателем подземного мира, в вечерней же полутьме — его участником. Тогда я стал писать о призраках и мирах-призраках.

10 января. Снова было так холодно, что вода в тазике после умывания замерзала. Жизнь неудобств.

Записная книжка — поиски себя. Это связано с Евангелием, через Евангелие нахожу себя. Что осталось от меня?

Жизнь неудобств. Я весь день, даже ночью — всё время ощущаю неудобства. С утра: холод, уборная на дворе, институт. Затем: холод, неудобное сидение — жесткий табурет без спинки, больно сидеть, картошка, от которой давит, коптилки, которые всё время гаснут. Ночью: неудобная постель, холод. Теперь не трудно отказаться от своего. Оглядывающийся назад неблагонадежен для Царствия Небесного. Но уже почти не на что оглядываться, вся жизнь — сплошное неудобство. От этого некоторая отвлеченность, отвлеченность самой жизни — продолжение ленинградской в январе-апреле 1942-го — полусмерть.

Ленинград, май-июнь 1942-го: открыли вторую комнату, вычистили, цветы {принес из ясель}. И вместе с тем невеселое существование — печаль и обреченность, особенно по вечерам. Тогда писал «Формулу чего-либо» и продолжал «Соблазны» — что-либо, одно и другое. Теперь

снова жизнь неудобств. — Вот три стадии отвлеченности. Отвлеченность последнего периода в полном разделении: жизнь неудобств, которая и сама отвлеченна, и «Соблазны», которые пишу. Здесь всегда было разделение, но не такое, не полное, сейчас — полное. Раньше, когда писал, сидел на удобном стуле, и когда кончал писать, не чувствовал неудобств и такого сильного разделения, мог думать и говорить о том, что писал. Конечно, и раньше было сильное разделение между жизнью и тем, что писал, но не такое полное, когда даже во время писания сидеть неудобно и холодно. {Сейчас, мне кажется, и эта отвлеченность была мне полезна. Во-первых, запись в больнице 19 ноября, я получил опыт любви, я получил его именно из-за отвлеченности жизни, этот опыт любви — самая высокая конкретность. Во-вторых, соблазн должен войти в мир, и «Соблазны», которые я писал, были именно преодолением соблазнов. И так же без отвлеченности жизни я не понял бы их: мелкие соблазны закрыли бы от меня большой соблазн, и я соблазнился бы.}

11 января. Сны.

Мама сидит, обнявшись с Надей, вынимает изо рта зубы и передает их Наде в рот, Надя, обсосав, возвращает их маме. Я понял: Надя чистит мамины зубы у себя во рту, таким образом мама испытывает Надино отношение к себе. Ну уж это слишком, подумал я.

Пришел Л. Я спросил его: как ты думаешь, Д. И. жив? — Он расстрелян. — Почему? — Было дело преподавателей. — Но он же не преподаватель? — Да, но он неодобрительно относился к Конституции. Потом я намеками старался узнать у него, почему он так давно не появлялся. Он ответил, что бывал. — Тогда отчего же Тамара так огорчается? — Он привел какой-то убедительный довод. Я стал думать, как совместить все эти противоречия, и настолько сосредоточился, что внезапно проснулся, причем снова не было перехода от сна к бодрствованию.

Сон о милиционерах, учивших переходить улицу, о розовом и черном дыме.

Проезжали три повозки: с лондонцами, поляками и евреями. Евреи хоть и битые, но всё же довольны. Я поднял воротник повыше: на всякий случай.

Сон о конце мира. Конец мира должен был произойти на каком-то озере. Там уже всё было готово для этого, и стоял пустой дом. Я думал, может, в нем можно спастись? Но потом понял: и он погибнет. Я стал искать надежное место и нашел, но как описать его, не знаю. Я помню это озеро, но не знаю, как назвать координаты этого места, может быть, оно не было в пространстве. Но, находясь в этом месте, я не погиб бы при светопреставлении, но стал бы тучей или цветом тучи.

1 февраля. Сон. Я шел с Лидой по улице, и вдруг мне стало плохо. Идет врач с длинным шприцем, аршина в два. Я хочу сказать, что мне не так плохо, чтобы делать укол, но мне так плохо, что я не могу говорить. Врач приближается ко мне и на ходу делает укол. Меня уносят. Меня несут в какое-то помещение, потом по улице. Тут я понимаю: это сон или инсценировка смерти в лицах. — Но всё же, — думаю, — и во сне небезопасно умирать. Но уже поздно — я умер. Меня оставляют лежать на улице, и все уходят. Мне делается так страшно, что я вскакиваю и бегу. По улице скачут лошади, едут автомобили, трамваи, и всё это чуть не наезжает на меня. Я думаю: только что чуть не умер, и вот, снова на каждом шагу угрожает смерть. Я лезу на какое-то недостроенное здание, проползаю между досками, каждую минуту чувствую: вот сейчас нога подвернется, и я полечу в пропасть. Так преследовала меня этой ночью смерть.

17 февраля. Сон. Мы трое в избе. Что-то случилось. Я вспоминаю и, вспоминая, рассказываю: кто-то вошел. Это покойник без головы. Мы все видим — призрак. Он приблизился ко мне, прикоснулся к шее. В груди сдавило, дыхание остановилось. В это время кто-то вошел. Я вспоминаю и, вспоминая, рассказываю: кто-то вошел. Это покойник без головы. Мы все видим — призрак. Он приблизился ко мне, прикоснулся к шее. В груди сдавило, дыхание остановилось.

Был ли этот сон бесконечным круговым, или я предвидел события и мой рассказ предшествовал ему?

Записи в дороге, когда возвращался в Чашу.

1. Если нет ничего бесполезного, то колебание некоторой неопределенности равно нулю, тогда нет индивидуальности. Излишек добра и зла, может, и есть бесполезное (не необходимое).

2. Лейбниц: пространство — это порядок и отношение не только между существующими вещами, но и между возможными, как они существовали бы, если бы существовали.

3. Само бытие невоспринимаемо. Но что значит само бытие? Имеется ли в виду **само**? Но тогда заранее утверждается некоторое ограничение и невоспринимаемость. Имеется ли в виду бытие? Тогда утверждается некоторая неограниченность и несознаваемость.

4. Мысль вступает в пространство мысли и воспоминания.

5. Дионисий Ареопагит: Вечное существо знает из опыта то, что временное, — по предвидению.

6. Вещь, ее образ и ее понятие. Понятие вещи, ее образа и ее понятия. Понятие мыслимой вещи.

28 февраля. Грех мира — это его внешняя реальность. Сила быть «чадами Божиими» — это также уменьшение некоторой внешней реальности. Жизнь в Чаше, отвлеченность ее, писание, так резко отделившееся от жизни, — всё это — уменьшение силы внешней реальности. Но дает ли это другую силу? Обратный переход есть (не у меня), но прямой?

1 марта. «По-видимому, ничего и не останется» — так кончается мое «Исследование о несуществующем». Как это понимать? Ничего не останется — это можно понимать как уничтожение некоторой внешней реальности — ведь не останется ничего существующего. Затем, это можно понимать как призрачность и недостоверность всего существующего. Затем — как бессмысленность существующего. Затем — как бессмысленность моей жизни, отсутствие радости, печаль. Опять некоторый квадрат:

Несуществующее — призрачность.

Бессмысленность — печаль.

И всё это — одно. Ощущение жизни — во мне, и жизнь идет из меня. Это одна реальность: два моря, соединенных проливом. И если во мне жизнь бессмысленна, то и вне меня. Эта бессмысленность жизни ослабляет доверие к ней и делает ее призрачной: я не нахожу в жизни ничего устойчивого. От призрачности жизни я перехожу к несуществующему. Над несуществующим пронеслось облако — на одно мгновение оно закрыло несуществующее, и возник призрак жизни. Но вот оно прошло, и снова видно: есть одно несуществующее — безоблачное, пустое.

Это не просто личное ощущение, случайно возникшее, но абсолютное ощущение *реальности, причем пустой, незаполненной* {то есть сама реальность, само бытие}.

Раньше часто, засыпая, со страхом внезапно пробуждался: а вдруг засну и не проснусь. То же было и у Шуры, он мне рассказывал. Теперь этого страха нет и это тоже от абсолютного ощущения реальности открывшегося перед нами незатемненного и неприкрытого несуществующего, несуществующего, лишенного всякого смысла и жизни, безоблачного и пустого.

{Из зачеркнутых строк в записной книжке видно, что первое «Исследование о несуществующем» написал не 1 марта, а раньше. А второе — возможно, именно 1 марта. Меня притягивало это ничто — *mysterium fascinosum*. Затем: реальность, о которой я говорю здесь, — абсолютная полная реальность, тогда — Бог, а реальность несуществующего — Бог несуществующего; потому что в сравнении с

Ним — всё несущее, и смысл — бессмыслица, и жизнь — не жизнь. Я пишу, что это не случайное ощущение. Верно, что оно не случайное, а абсолютное, но узнал я его, может быть, случайно — вследствие отвлеченности жизни в Чаше, ослабления внешней реальности и поэтому усиления внутренней. Затем еще: само соединение слов — абсолютная реальность несуществующего — антиномично и для разума противоречиво. Может, это *Kreaturgefühl* или *Majestas Dei*, во всяком случае, — религиозное чувство, прикосновение к Богу.}

8 марта. Сны.

Сонные превращения: книга — миска — велосипед. Книга была загажена. Я боялся заразы и думал: жалко, что не сжег. Через некоторое время я обжигал ее, ставшую теперь глиняной миской, в печи, которая была просто кроватью. Дрова не разгорались, и я сомневался, уничтожу ли заразу. В это время кто-то проехал на велосипеде. Это была всё та же книга или миска, и я подумал: хорошо, что не сжег. Еще, может, и не заражусь, а теперь какое удовольствие.

Мне снился Л. Просыпаясь, я подумал: вот уже это не сон, сразу видно, что не сон, доводы убедительные... и понял, что это сон. Доводы убедительны, но сама убедительность неубедительна. В снах-рассуждениях испытываешь сон на реальность, бодрствуя — не испытываешь, сегодня же испытание продолжалось и наяву, но недолго.

Классификация просыпаний

Внезапное, без перехода, в снах-рассуждениях, когда сосредоточишься на доводах, и в снах, когда умираешь: когда умрешь, сразу проснешься.

Повторные пробуждения во сне, когда снится, что проснулся, и это еще сон, и снова проснулся и думаешь: это уж не сон, и снова просыпаешься.

Обычные просыпания, когда между сном и бодрствованием — смутные состояния.

И еще сегодня: уже проснулся, но некоторое время наяву продолжал рассуждение сна, доверяя ему.

13 марта. Сон и воспоминания. Я вспомнил, что мне снилось что-то. Когда? Мне показалось, что снилось это сегодня. Я стал вспоминать. Мне показалось, что и раньше мне казалось, что снилось сегодня. Когда

же мне снилось это? Передо мною некоторое состояние — сон. Три возможности. Это состояние было некоторой реальностью — переживаемым сном — вчера, или позавчера, или раньше. Или сегодня. Или сейчас — в то мгновение, когда мне это показалось. Сейчас я прошел через состояние, длившееся по внешнему времени одно мгновение и почти не замеченное, но в себе самом оно имело начало и конец и длилось не одно мгновение. То есть то, что называем сном, может, бывает и наяву: некоторая реальность — сон, имеющая свое время, вклинивается в реальность явной жизни, и так как там — свое время, то здесь она не занимает и секунды — здесь она между двумя мгновениями. Может быть, сонные состояния проникают в явные так же, как иррациональные числа — в множество рациональных, так что, хотя между любыми двумя явными мгновениями всегда найдется третье явное, между ними найдется и множество неявных. Или, может, делимость явного времени не бесконечна, и оно распадается на атомы времени — конечные мгновения, и между ними — сонные состояния со своим временем?

17 марта. Магическая философия.

24 фигуры. Знаки восьми состояний. Я пишу Т.: «Когда остался один и обратился к себе, нашел омерзительную пустоту». Что это? — От соблазнов — к магии: квадраты, знаки. Но что было не пустым? Встречи с людьми, удобства. В философии: небольшая погрешность, состояния жизни. Но теперь остались состояния смерти. Если я один и почти вне жизни, то что может быть иное? Могла бы быть природа, но от этого я отвернулся. Так что: природа, люди, смерть. Вот три возможности. Смерть — это **то**-светное. Но как это можно выразить иначе, чем в знаках — пустых, ничему не соответствующих, потому что всякое соответствие будет с природой, людьми или жизнью. Пустота же эта омерзительна, потому что я, очевидно, еще хочу жить. Она должна быть омерзительна для жизни. Может, так: вот Бог и вот природа, люди, жизнь — погрешность в Боге. И вот еще: схема погрешности, некоторое условие в Боге. И эта схема без Бога неутешительна. Бог — погрешность — жизнь. И здесь жизнь, как отклонение от Бога, — погрешность. Но всякая жизнь — от Бога, и жизнь без Бога — плоха, а погрешность без Бога — пуста.

Жизнь — некоторая погрешность.

Здесь — состояния жизни и природы.

Здесь — некоторая грусть, но и радость.

Затем, схема погрешности. И здесь — пустота, и это неутешительно.

Затем Бог, дающий жизнь и наполняющий пустое.

Всё это — различные состояния и не претендуют на полноту. Остается, например, радость философии, схемы или чудо мысли.

27 марта. Пустота оттого, что плохо молюсь. Состояния жизни, люди, природа — в этом есть Бог. Если же лишишься этого, то должна быть молитва. Она должна быть и там, в состояниях жизни, но здесь она просто необходима: я один. В некоторой приятности жизни есть Бог: благодарность за жизнь. Но Бог вполне, Бог целиком, если останешься один. Если же при этом нет Бога, то омерзительная пустота.

Думать — значит ничего не делать. А я всё время что-нибудь делаю: то математика, то Бах, то философия. Здесь не я думаю, а думается: проходит через меня. Но когда начинаешь думать, то остаются три вещи: Бог, смерть и я. Этому научил меня Розанов. Он действительно ничего не делал, а только думал. Но опять хочется схематизировать. А если через меня проходит Бог? Но когда проходит? Тогда ли, когда писал «Квадрат миров», или когда думаю, или просто: думается. И еще: вот некоторое напряжение и сосредоточение на чем-либо внешнем, или на том, что проходит через меня, или на себе самом, или наконец некоторое рассеяние, ничегонеделание. Когда проходит Бог? Но опять начинаются схемы. Тогда просто так: я соскучился по себе самому. Но что я сам? Розанов пишет о себе самом, но сколько лиц он упоминает. Мне же упоминать сейчас некого. Выходит, что я — это связь с другими людьми. Я — это жизнь. Но я нахожу ее в других или, лучше, в себе через других. Но другой способ непосредственной: Бог и молитва.

Здесь три определенные мысли: думать — значит ничего не делать. В жизни, не лишенной приятности, есть Бог: благодарность за жизнь. Я соскучился по себе — что я? Жизнь, которую нахожу в себе через других людей, или через природу, или приятную жизнь, если же этого нет, то прямо в Боге и молитве.

«Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную».

9 апреля. Два дня только было непрерывной молитвы (умной), и уже на следующий день иногда вдруг делалось совсем хорошо. И одно из таких мгновений запомнится, должно быть, навсегда: действительно почувствовал, как в меня входит какая-то сила или разливается теплота. И тогда я уже получил или почти получил дар слез, но устыдился — это было по дороге из института домой. Но на следующие дни уже не хватило силы сосредоточиться и повторял молитву как формулу. Опять заботы века.

Ин. 5:26. «Ибо как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе».

Жизнь в Самом Себе, если же я ее не имею в себе, то надо добиться.

Какие у меня заботы? Скорее уныние, а не заботы, и не добиваюсь не из-за забот, а из-за уныния; легче не добиваться.

10 апреля. В амбулатории, ожидая, читал Хлебникова и, кажется, понял, что в нем плохо или несовершенно. Лучшее стихотворение в моем сборнике — «Тризна». Хорошо: «Семеро», «Мария Вечоре», но «Вила и Леший», «Лесная тоска», «Три сестры», «Горные чары» сейчас мне просто неприятны. Это мелко и слащаво, какая-то игрушечная природа, дешевая олеография. Хлебников идет к природе, но большей частью останавливается на поверхности: цвета, краски, ветер, шорох леса или шум моря, небо, восход или закат солнца — само по себе это неинтересно. Этим противны реалистические картины. Элементы природы: голубой цвет неба, синий или зеленый — воды, природные шумы и шорохи — отвратительны сами по себе, если за ними ничего нет. Так же делается мерзко, если потеряется способность видеть в природе что-либо, помимо этого. Этим же неприятен импрессионизм. Хлебников в большинстве своих вещей, импрессионизм в живописи, Равель, отчасти Дебюсси, в музыке — всё это внешность природы, ее элементы, бессмысленно разрозненные. Чтобы стало значительным, надо пойти дальше, и здесь возможны два пути: дальнейшее разъединение, затем страх природы, смерть. Или: закон, сила или Бог.

Даже социальные стихи Хлебникова лучше его «Лесной тоски». В. вообще выше Хлебникова, например в «Элегии» или монологе Банщика. Крымские стихи Хлебникова просто ни к чему — это личное и поверхностное, а «Ковер Гортензия» В. — тоже как будто личное, но идет вглубь.

11 апреля. Сны.

Надо было спускаться с отвесной горы. Посмотрел вниз — неприятно, но всё же не так страшно, как это бывает в подобных случаях во сне. Полез, оборвался и полетел. Снова подумал: нехорошо, хотя во сне бывает и хуже, — вспоминая во сне подобные сны, упорно считал этот сон действительностью.

Посмотрел в зеркало: на кончике носа язвочка, идет гной. Надавил — нос провалился. Пожалел, пропал нос; ну, ничего, проснусь, снова будет. Проснулся. Прежде всего — за нос. Нет носа, провалился. — Уж это совсем плохо, если и наяву нет, — подумал я и проснулся, нос цел.

Мы снова были все вместе, и я готовил угощение: газированную воду. Мы посмотрели друг на друга и рассмеялись. На кого мы стали похожи? Вот Л. Он и я — мы сильнее всех изменились. Но вот еще другой Л. — он уже почти совсем не похож на себя. Вот третий Л., и я

бы никогда не сказал, что это Л. А. Д. И.? Я бы его даже не узнал, может, это и не Д. И., но это должен быть Д. И. Были еще люди, и один из них был Шура, но кто? А еще был Пулканов. У этого даже фамилия изменилась.

30 апреля. Здесь очень настойчивая зима. Весна начиналась несколько раз, недели две тому назад было уже очень тепло и много солнца, а почки на деревьях не раскрылись даже после дождя. И действительно, наступили морозы. А после морозов в первый же день, когда еще было довольно холодно и снег не всюду стоял, почки раскрылись. Деревья почувствовали, что через неделю наступит весна.

1 мая. Ин. 6:39. «Воля же пославшего Меня Отца есть та, чтобы из того, что он Мне дал, ничего не погубить».

Ин. 6:35. «Я есмь хлеб жизни, приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда».

Страх смерти — это только отрицательное ощущение и может быть преодолено и заполнено не только Евангелием. Но «хлеб жизни», «ничего не погубить» — это уже положительное ощущение жизни, наиболее сильное. Не из страха смерти возникло Евангелие, но из этого ощущения. Всё хорошо, если заполнено этим хлебом жизни.

Вот какие-то схемы, теории, пусть квадрат реальностей или что-либо другое. Это скелет жизни, но в нем должно быть оставлено неопределенное место для хлеба жизни, и тогда он заполнится плотью. Всякая система пуста сама по себе, но первый критерий истинности — она не должна быть повсюду плотной, то есть такой, чтобы не оставлять никакого свободного места для заполнения. Повсюду плотная система — самая пустая. Оставить место для Бога — вот что надо, и Он Сам придет туда. Это уже второе: Бог заполнит всякую пустоту, надо только освободить Ему место. И это трудно; тогда — молиться.

19 мая. Когда ехал из Ленинграда, я любил из окна вагона, вернее, из двери теплушки смотреть восход солнца. Я находил избыток красоты. Вчера, возвращаясь из техникума, я увидел избыток безобразия и бессмысленности. Это коровы. Они напоминают лунных коров Уэллса. Вследствие какой-то случайной жестокости природа создала существ, предназначенных только для кормления других существ. Что здесь страшно? Что корова для себя только функция желудка, а для меня — только молока и мяса. Она почти не испытывает

радости жизни и не играет, как дикие животные. Я смотрел раз на скворца. Он сидел перед скворечником, махал крыльями, подпрыгивал, кричал, видно было, что ему некуда девать избыток своей радости. Это и есть молитва: радость и благодарность за жизнь. Ведь жизнь — это удивительная случайность.

4 июня. Голод, любовь и игра — вот три признака жизни.

Сон. Я потерял свою палку и ищу новую. Лежат какие-то толстые дубины, или слишком короткие обрубки, или полусгнившие аршины. Вдруг в окне появляется папина голова. Он полез по стене на второй этаж, чтобы позвать меня. Иди скорее, — говорит он, — маме плохо. Я тороплюсь, чтобы захватить хоть какую-нибудь палку. Снова появляется в окне папина голова: иди скорее, прямо через окно, а то будет поздно. Через окно вижу: и Миша, и Надя зовут меня. Они стоят не на земле, а где-то в воздухе. Я подхожу к окну, становлюсь на подоконник. Полечу или разобьюсь, думаю я. Но и разбиться мне кажется нестрашным. Я прыгнул и полетел. А внизу все стоят здоровые и поощряют меня знаками. Я летел легко, сделал круг, поднялся и проснулся. Давно уже так не летал. Высота, время и дальность полета с возрастом сильно уменьшились. Раньше летал так высоко, что земли видно не было. Сейчас выше чем на два метра подняться не могу. Только вот когда по лестнице надо спуститься, так во сне я всегда перелетаю ее. Один из последних больших полетов был лет двадцать тому назад. Я шел по железнодорожной насыпи. Слева было море, за море заходило солнце. Я оступился и полетел высоко над морем.

Антиномия. Она определяется словами: святость и мудрость. Евангелие вполне достаточно для жизни, и большего не надо. Затем — жизнь. Здесь закон соединения и разделения, новый порядок и прочее. Это осуществляется средствами далеко не евангельскими. История жестока, как и природа, и свои цели, если она их имеет, осуществляет с излишеством жестокости. Глупо говорить о каком-то равновесии или объединении этих двух тенденций. Они взаимно исключают друг друга, и каждой довольно для жизни. То есть можно жить по Евангелию и нужно, и тогда всякая другая точка зрения только погрешность.

О теократии. Эта идея иудейская и ветхозаветная, Новый Завет — старчество: никакой внешней власти, старец — не чин, это отрицание государственности и всякой власти, основанной на внешнем авторитете. Пусть будет не по-моему, а по-Твоему, причем полная свобода подчинения. Церковь как организация не противоречит Евангелию, но не необходима. «...Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я...» (Мф. 18:20) — это уже Церковь. Но для этого не надо никакой организации.

Иудейство. 2000 лет тому назад объединилось несколько культур, но только иудейство противоречило римской культуре. Боги других народов вошли в римский храм, но Иегова не вошел и запретил всякое сношение с язычниками. Нетерпимость, вот чего Он требовал. Но и Новый Завет не допускает сношения с язычниками. Тогда иудейство другим путем проникает в европейскую культуру: через христианство — Библию и Евангелие, затем экономически — деньги и их власть. Проникновение иудейства в европейскую культуру интересно было бы посмотреть на Бахе — различить, например, в чувственных ариях Баха семитический и германский характер чувственности. Например, «Am Abend» из МР — германский характер, чувственность же многих фигур (петли и другие) — семитический.

Смысл молитвы: сосредоточиться, поэтому достаточно хотя бы повторение одного бессмысленного слова. Поэтому же, когда молишься, необходимо сохранять одно и то же положение и, по возможности, даже не дышать. Надо застыть в том положении, в котором начал молиться.

От тоски вначале худеют, но умирают редко, потом же начинают полнеть. И дикие животные в неволе едят и, должно быть, полнеют, но часто не размножаются. Это чувство в неволе и в чужом месте может пропасть, но вкус еды остается.

Кукушка куковала, и я начал считать, и хотя не верю в это, но до трех или четырех считал с некоторым опасением: вдруг остановится, когда же перешло за четыре — успокоился. Но с шести или семи снова появился страх, и он стал возрастать: прожить так долго — страшно.

Два непосредственных ощущения: в нормальном состоянии живешь в расчете на вечность {не на вечность, а на *indefinitum*, оттого и возникают последующие страхи: не только смерти, но и бессмертия; так как бессмертие понимаешь не как вечность, то есть *indefinitum*, а как *indefinitum*, то есть снова временность, а именно временность страшна}. Непосредственно кажется, что будешь жить всегда, — смерть непонятна. Никто не верит в смерть. Затем — рассуждения и страх смерти, и затем уже — непосредственная боязнь бессмертия, даже очень долгой жизни. Первое — вера в непрерывность некоторой длительности, наблюдаемая сейчас, второе — страх перед обрыванием этой непрерывности, и третье — тоже страх перед обрывом непрерывности, так как долгую жизнь представляешь себе как другую жизнь, которая прервет эту. То есть представляешь себе некоторый промежуток между жизнью сейчас и какой-то другой, которая названа будет долгой.

Я думал, что лучше знаешь то, чего в тебе нет, чем то, что есть. Например, если во мне нет доброты или зависти, то это я знаю, но

редко завистливый признается, что он завистлив, также если добрый или скромный скажет «я добр» или «я скромн», то он не добр и не скромн. И это верно, если отсутствие какого-либо качества не есть присутствие противоположного, но последнее еще неизвестно. Чаще же всего добрый найдет в себе злость, злой же считает себя добрым. Но всякое ли состояние имеет противоположное? Например, зависть? К нему противоположным будет сочувствие и радость чужой удаче. Тогда есть и среднее: я могу не завидовать чужой удаче, но и не испытывать при этом большой радости. Если это верно и для других состояний, то отсутствие какого-либо одного не есть присутствие противоположного.

Этот закон объясняет сущность состояния. Иметь какое-либо чувство или состояние — это значит понимать в нем больше других. Тогда, будучи добрым или завистливым, я имею представление о совершенной доброте или зависти, и отсутствие во мне этого совершенства безразлично мне, и я считаю это противоположным — злом или сочувствием к чужой радости. Этот закон можно выразить еще так: если имеется какое-либо состояние, то отсутствие его будет определенным отрицанием и, значит, противоположным состоянием, но если этого состояния нет, то нет ни прямого, ни противоположного, и это будет неопределенным отрицанием: некоторым безразличием к тому и другому.

5 июля. В основе даже тех поступков, мотивы которых кажутся моральными, часто лежит только самолюбие. Поэтому часто бывает, что человек руководствуется как будто бы моральными мотивами, а результат получается безобразным. В этом часто причина всяких некрасивых столкновений, и это и есть первородный грех — самолюбие. Если же говорят: почему Бог сотворил человека таким, что он стал способным к первородному греху, то пусть скажут, каким должно быть существо, не моральный механизм или автоматический ангел, но склонное к нравственности и вместе с тем свободное.

24 июля. Сегодня три раза шел на комиссию. Первый раз с некоторым волнением — комиссия не состоялась. Во второй раз [идя] в военкомат, думал — как будет, если буду призван. В военкомате никого не было. Наконец, в третий раз уже ничего не думал, без всякого желания и воли — и получил отсрочку до 31 декабря. Так же, как в Ленинграде было, но тогда сознательно: пусть не по моей воле, но по Твоей будет, а сейчас просто надоело жить по своей воле, вернее, действовать, решать и предполагать. Заслуг же с моей стороны никаких; наоборот, вчера отогнал мальчика от малины, сегодня со

злой думал о девочке-нищей, которая упорно, как будто назло, не закрывает за собой калитку.

Еще неприятные мысли: как М. доехал.

25 июля. Беспокойство об отсутствующих (близких) и связанное с этим соблюдение примет — это ощущение некоторой общей связи. Некоторые системы мира:

1. Я сам, выделенный из мира, к которому я вполне безразличен. Здесь я сам буду некоторой замкнутой системой. Замкнутость ее от отсутствия чувства и понимания другого. Всё другое будет вне этой системы. Это моральный и эмоциональный солипсизм, границей же замкнутой системы — меня самого — будет непонимание, так что гносеологически — скептицизм.

2. Я сам, включающий в себя мир. Здесь нет места страху или беспокойству за других, основное чувство — радость. При этом есть интерес к другому и некоторое понимание. Это гносеологический солипсизм, при этом морально и эмоционально утверждается некоторая жизнь и через сочувствие — жизнь в другом, что есть во мне. Плоский концентрический мир.

3. Множество самостоятельных, независимых, замкнутых, подобно мне, систем. Общей связи нет. Этот гносеологический атоанизм в отношении чувства и понимания будет догматическим скептицизмом. Уверенность в некотором благополучии, зависящем от воли действующего лица и не зависящем от воли другого, необоснованна. Точечный мир.

4. Множество систем-монад, заключенное в каждой монаде, так что есть сочувствие к другим во мне и некоторое понимание. При этом мир не станет плоским концентрическим, и есть основания для страха и беспокойства, так как хотя реально другое во мне, но в возможности и я буду другим в системах другого.

Некоторый страх и беспокойство вносят новое измерение в мир.

Письмо к М. и Н. Вот мы снова одни. Но этот год приучил нас к терпению, и ждать встречи теперь не так трудно. А я по-прежнему верю, что скоро встретимся в Ленинграде, или, вернее, по дороге в Ленинград.

По этому поводу М. расскажет Н. теорию двух истин. У нас же всё как и раньше, только вчера я был на комиссии, и мне продлили отсрочку, и еще директор сказал, что в Новосибирск ни в коем случае не поедет, а поедет в Москву, то есть институт поедет в Москву, а меня отпустят. Еще вчера мы радовались, получив под вечер письмо от

М. из Кособродска, а вечером — телеграмму из Свердловска. Вот и всё. Встал я сегодня рано, в 4 часа, позаймусь, а потом пойду в институт и в лес за хворостом, и день пройдет, как и все дни, — не слишком интересно, и об этом М. тоже расскажет Н. Еще я собираюсь читать вторую половину «Анны Карениной», а почему вторую, а не первую, и «Анны Карениной», а не «Войны и мира», М. легко поймет и расскажет Н.

28 июля. В математике меня интересует не доказательство, но построение, заменяющее доказательство. Построение — это постулирование и разделение того, что возникло путем постулирования (то есть сотворения). Так возникает некоторая иерархия постулируемых, или утверждаемых, состояний. Но обычно одной иерархии и одного постулируемого недостаточно. В этом отличие от рационализма. Если же будет несколько утверждаемых и несколько иерархий, то они пересекаются. Тогда к постулированию и разделению присоединяются пересечение, совпадение и несовпадение и неполное совпадение. Если они не пересекаются, но соприкасаются, то будет неполное совпадение. Так что добавляется еще прикосновение и неприкосновение, и если неприкосновение, то сходства, различия, подобия и аналогии.

31 июля. «Трогает», «понятно», «близко» — всё это один из видов иероглифа (Л.). Соприкосновение с некоторой реальностью происходит здесь через чувствительность. Во-первых, иероглифы. Во-вторых, композиция или соотношение иероглифов. Но это тоже иероглиф: отдаление и удвоение конца, некоторый рисунок, расположение, знак. Наконец, возможны и такие произведения, где иероглифами будут только соотношения, то есть первоначальные иероглифы [нрзб.] + иероглифы-элементы или содержания пусты. Две тенденции: иероглифы преимущественно материальные или отвлеченные. Последние в чистом виде уже математика. Так что две деятельности: деятельность материальных иероглифов и отвлеченных, и первое в чистом виде еще не искусство, но область ощущений, область приятного или неприятного, а последнее — область чисел и знаков — математика.

Ощущение и число или знак, из их смешения — искусство и философия.

1 августа. Догадка, изобретение — способность фантазии. Подтверждение, доказательство — способность рассуждения. Последнее разделяется: обзор — перечисление всех возможных случаев, и вывод — заключение, последнее и есть собственно рассуждение. Так что — изобретение, обзор и вывод. В последнем я слабее всего, особенно когда это касается математики.

О чуде. Во-первых, чудо должно быть исключением в общем естественном порядке. Оно всегда будет противоестественным, но не должно быть всеобщим, то есть всегда кто-нибудь найдет, для кого определенное чудо будет естественным. Но для него может быть чудом что-либо, что для другого будет естественным.

То есть первый закон чуда; естественный закон всеобщ и необходим для всех, чудо же всегда для кого-нибудь и не может быть всеобщим и необходимым. Это не значит, что чудо воображается. Оно реально, но не обладает всеобщностью. Чудо индивидуально — это частный случай. Можно представить себе некоторую всеобщую естественную систему и затем частные индивидуальные естественные системы, и последние не всюду плотные — в них есть прорывы — места для чудес. Всеобщая естественная система — это просто сама закономерность, естественность частной системы. И это условие для моральной свободы, иначе если бы всё исполнялось по желанию и было бы только чудом, то не было бы моральной свободы. Чудо в частной системе не естественно, поэтому не всеобще. Но можно представить себе полный разрыв естественной системы, когда чудо вырвется из мест, предназначенных для него, и станет естественным, уничтожив таким образом всеобщую естественность. Чудо — это прозрение, и не всякому оно дано и не всегда. Но всегда видеть чудо, то есть уничтожить всеобщую естественность, может только святой. Чудо становится естественным, уничтожив естественность. Это и значит: «Смертью смерть поправ». Во-вторых, для чуда необходимо сильное желание, но здесь надо различать необходимое желание и желание, которого можно избежать, и второе может быть даже сильнее первого и всё же не необходимо. Но человек часто не знает, что необходимо. В-третьих, для чуда необходима вера, и здесь надо отличать веру от желания. Желание может быть очень сильным, а вера слаба. Вера — некоторая чистота и непредубежденность, сомнение в естественности и отказ от своей воли. Это чистое настроение: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». В-четвертых, чудо бескорыстно и почти бесцельно. Чудо не логический довод и не служит для посрамления кого-либо или для обращения неверующих. Поэтому оно редко приходит, когда его ждешь или оно должно быть по рассуждению. Чудо — это дар и приходит даром. Но некоторая чистота и чистое настроение могут предсказать его. В-пятых, чудо может быть и без желания, и без веры, и без необходимости. Чудо — дар и дается даром по благодати.

12 августа. Сон. Я был у кого-то, кто он, я не знаю. У него давно умерла жена. Он показывает мне ее портрет — рисунок, который он сам нарисовал. Это молодой мужчина. Рисунок начинает расти и превращается в труп молодой женщины. Она лежит на полу, а он танцует в честь покойницы фокстрот. Проходя мимо нее, иногда переступает, иногда наступает ей на живот, и тогда она приподымается. Я боюсь: она же мертвая, он надавит на живот, изо рта потечет сукровица.

Я проснулся около четырех, хотел встать и вспомнил, что перед сном забыл прочитать «Отче наш». Тогда решил, не открывая глаз, еще в полусне, прочесть «Отче наш» и всё, что полагается. Но никак не мог довести до конца, всё появлялись какие-то глупые вставки или изменения вроде «хлеб белый» вместо «хлеб насущный» — как будто кто-то подсовывал вместо настоящих слов какую-то чушь. Это как у Толстого: бес старается соблазнить какими-то пустяками — ничего плохого в них нет, они просто неумны, и грех будет не в них, а в моем отношении к ним. Прошел целый час в этой борьбе с глупыми словами или с неумным бесом.

15 августа. Шесть или семь лет тому назад я написал рассуждение «Чем я противен». Но как это всё было красиво. Может быть, это и было противно — красивое. В. говорил, что это хвастовство. Тогда была некоторая поза, и это стало мне противно. Но от позирования я не смог отказаться и в дальнейшем — до войны. Я хотел отказаться, но не мог. И в начале войны была еще поза... Я не мог, не умел быть искренним, то есть собою. Последние два месяца прошлого года я стал самым собою. Но что тогда было? От меня ничего не осталось, не было личного, только писание. Если бы была хорошая настоящая молитва, но был «Логический трактат», а я ведь не трактат. Потом болезнь, умирание. Потом радость выздоровления и весны. Но меня еще не было, я только начинал находить себя, обнаруживать жизнь. Но вот в Чаше я нашел себя. И какая это некрасивая мерзость. Здесь уж хвастать нечем. Но теперь хочется довести до конца, принять позу. Мне стыдно купаться в озере. Мне кажется, все с отвращением должны отвернуться от меня, противен упитанный дряхлый старик с одутловатым, немного ожиревшим лицом. Это уже поза, я просто не умею сказать, чем я противен, вернее, знаю, но не хочу. Это слишком некрасиво.

В некотором многообразии сделан разрез или сечение — плоскость жизни. Таких сечений-плоскостей жизни может быть множество, и еще могут быть плоскости смерти и умирания и рождения. Я строю множество плоскостей жизни и смерти, и все они пересекаются в одной

точке — во мне. Сейчас я лежу в лесу, и вот некоторая зыбкая плоскость природы: цветов и звуков, лесных шумов, неба и воды, равновесия, не вполне установившегося. До этого — плоскость духов и демонов. Я был в плоскости не естественной, не природной и ощущал себя в середине иерархии нематериальных существ. О. представлял себе вестников в виде бутылей с цветной жидкостью, выставленных в витринах аптек. Действительно, вестники неподвижны и прикреплены к месту, но свободно проникают в тела, пространство, плоскость природы, и их можно представить в виде сосуда, наполненного разумом и чувством и еще, несомненно, ощущением. Ощущение — это некоторое понимание. В иерархии нематериальных существ они выше меня. Ниже меня — демоны и бесы. Это полулюди, хотя и лишенные тела. Их нельзя сравнивать с животными. Животные в плоскости природы, имеют свой ум и в своем роде умнее бесов, бесы же — полуразумные существа, и слабость ума у них не заменяется никаким естественным умом. По схоластической терминологии, в них не хватает сущности или существа — *ens*. И животные, и люди, и, может быть, даже растения — существа; вестники — сверхсущества, в бесах же — недостаток существа — это бестелесные полулюди.

Еще о телесности. Я имею в виду естественную телесность, но другая телесность заключается, может быть, в некоторой сосредоточенности, сгущении ума, внимании, напряжении чувств, интенсивности ощущения. Тогда и вестники, и бесы имеют тела, но для нас — переменные тела: они исчезают, внезапно появляются, изменяются. Именно потому, что вестники нематериальны, они прикреплены к месту: и растение, и дерево движется, и камень со временем меняет свое место, вестник же, оказавшись в каком-либо месте, при пересечении своей плоскости с плоскостью природы, там и останется. Он находится как бы в одном месте, находясь везде.

Плоскости природы, жизни и смерти, состояния жизни и ощущений — всё это я, ускользающий от меня.

24 августа. Иногда у меня появляется отвращение к вычислениям. И это не потому, что я плохо вычисляю, а потому, что есть что-то неприятное и плоское в числах — скелет мира.

26 августа. Мне нравится сейчас читать стихи Введенского, как раньше играть Баха, — разгадывать иероглифы.

Введенский. «Кругом возможно Бог»

1. Эф и девушка, движение.1
Разговор о жизни, о времени.
2. Казнь Эф — Фомина.3
Мертвый господин.5
3. Пирушка у Стирkobреева. Дуэль.5
4. Лес. Нищий.8
5. Беседа часов.9
6. Софья Михайловна и Фомин.10
7. Венера.10
Мертвый господин (4 раза).10
Фомин и Венера. Тот свет?11
Мертвый господин.12
8. Фомин и женщина.12
Носов, женщина и Фомин.14
Дормир, Носов, дормир.
9. Фомин и народы.15
10. Речь Фомина к родоначальникам о превращении. 16
11. Фомин и Остроносков — превращения.
Мир накаляется Богом.16
12. Труп мира.18
Мертвый господин.

27 августа. Сажу не за столом, а за кроватью на опрокинутом боком табурете, так как стол залило: протекает крыша. Еще обваливается печь, ветки промокли, дров нет, холодно. От всего этого жизнь делается нереальной: не то — тот свет, не то — по дороге на тот свет. Да и тот свет какой-то скучный — ад, который посетил Одиссей. Здесь уж действительно только «сон — дневных трудов награда».

Показал М. — первому — первую часть этого дневника. М. сказал, что дневник будет пользоваться успехом, но мои вещи отталкивают своей убедительностью или деспотичностью.

Я никогда не писал в расчете на читателя, читатель — дурак. Но это его право. Он устал от гнета. Некоторая мудрость дурака: меня и самого иногда раздражает принудительность моих вещей, и уже давно я хотел написать неторопливое, спокойное повествование по философии и назвать его «Перед принадлежностями чего-либо». Что-либо — это некоторый храм, вступая туда, я чувствую свою ничтожность. Но я его создал, и здесь всякий, кто поймет его, будет его творцом. Я играл Баха, разгадывал в его партитах иероглифы и, разгадав, испытывал радость и чувствовал себя их творцом. Читая стихи Введенского, я испытываю то же. Здесь неважно, кто написал.

Есть законченные вещи, удивительные построения, соседние миры, и когда я проник в них — я их творец, кто бы их ни создал. Это значит: приходит Бог. Но ты скажешь: меня не стало, и пришел Бог. Но теперь я интересуюсь самим собой. Где я и что во мне **я сам**. И здесь тоже, может быть, я приду к отречению и к Богу, но это уже через себя. Может быть, так: вот соседний мир и Бог, и вот я, и вот еще третье: некоторая погрешность. Некоторую погрешность я увижу и в мире, и в себе, и в отношении: я и Бог. Но вот опять схемы-иероглифы, контрапункт. Остается одно: в убедительности и абсолютности есть погрешность. В личном праве — тоже погрешность, и притом большая, ведь это Чайковский, Бальзак.

В искусстве и философии: пусть эта погрешность будет темой. Она может быть изложена в иероглифах — принудительная необходимость и убедительность отталкивают меня, погрешность станет системой. Некоторая же субъективность — я буду исходить из личного — уничтожит самую погрешность — некоторое неравновесие. Я найду в себе некоторую часть, и она станет целым. Я найду мост от себя к системе. Но, перейдя мост, я остановлюсь в недоумении: система или личное? Остается одно: я ничего не понимаю. Что-либо — некоторый храм. Перед принадлежностями чего-либо — это преддверие храма. Здесь нет еще принудительности: я могу поступить как хочу. Может быть, эти записки и будут Принадлежностями. Они несовершенны, но иными они и не могут быть; преддверие еще не храм.

16 сентября. Вчера перед сном при произнесении обычной формулы мелькнула мысль о чем-то хорошем, что могло быть и не было и что было, но уже не будет, во всяком случае в такой же степени, и о страшном. Но сразу же подумал: не так страшно: mors sanat [лат.], то есть смерть избавит. Это, кажется, в первый раз почувствовал смерть как избавительницу. Несмотря на страх смерти, бывало и так, что ощущал ее как облегчение от боли, как успокоение, но сейчас — как какое-то распутывание всех сложностей, устройство, порядок. Я не понимал, как это старики иногда ждут с нетерпением смерти. Но теперь мне представляются две системы: жизнь и смерть, и еще возраст — некоторая равнодействующая между жизнью и смертью. Каждый определенный возраст — равнодействующая с перевесом жизни или смерти, и вот наступает некоторый возраст, когда смерть начинает перевешивать жизнь. Может быть, так: первое совершеннолетие — это 7-10 лет, когда впервые возникает мысль о смерти. Для меня — с 9 до 19 лет — всё это время окрашено совершенно безумным страхом смерти. Может быть, я не нашел здесь необходимой равнодействующей. Второе совершеннолетие — под 20

лет. Третье — 30-33, и здесь, может, полное равновесие. Четвертое — под 40 лет, смерть начинает перевешивать жизнь.

Еще снился сон об удаче. У меня было испытание на удачу, и я его выдержал. Испытывавший меня и я были некоторой системой удачи. Испытание удалось. Затем была вторая система удачи. Это тоже было испытанием удачи, но здесь было уже больше вероятности удачи: я был здесь посредником, и моя удача перешла на третьего, он был уже почти гарантирован в удаче, и я сказал ему: у вас возраст удачи, вы нашли совершенную равнодействующую между жизнью и смертью, и вам нечего опасаться. Он, этот совершенный удачник, был небольшим бронзовым болванчиком в тележке на рельсах. В каком бы направлении его ни толкнуть, он откатывался на небольшое расстояние и затем возвращался на прежнее место, при этом кланялся, и движения его, всегда одинаковые, выражали удовлетворение и благоприятствующую ему судьбу.

17 сентября. Об очевидности. Последняя инстанция для проверки истинности, последний критерий — очевидность, причем очевидность одна и та же и в случае истины, и в погрешности. Очевидность изобретения или озарения доставляет наибольшую радость и чаще других видов ее бывает обманчивой. Сама по себе не может быть проверена и нуждается в другой очевидности и в проверке. Но что это? Вдруг всё становится ясным и понятным через какую-то подробность в общем. Блеснет истина, ложь ли, но на мгновение всё займет свое место и будет небольшая погрешность — некоторая подробность. И это озарение будет одинаковым и в случае истины и лжи. Но что здесь истина и ложь? Очевидность, явившаяся в озарении, дает начало некоторой системе, и если она истинна или не вызывает сомнения, то, по-видимому, всё благополучно. Если же найдется ошибка и система будет ложной, причем ошибка именно в том, что казалось раньше очевидностью, как быть с нею (системой)? И здесь я вижу две возможности. Первая: истинная система и ложная оказались помимо очевидности озарения. В озарении же была другая система — арациональная, истина же и ложь относятся к рационализации этой системы. Вторая: ложная система, основанная на некотором озарении, или, лучше, интуиции, ложна только по отношению к другой, истинной, системе в той же интуиции, они обе взаимно ложны, но сами по себе истинны. Различие двух этих возможностей в том, что в первой ложь допускается внутри системы, то есть имманентная, во второй же — внешняя — по отношению к другой системе. Если есть имманентная ложь, то должны быть логические законы имманентной истины, то есть непротиворечивость некоторых положений в одной системе. При внешней лжи придется различать несколько случаев: одна интуиция и несколько систем, удовлетворяющих ей. Здесь несоответствие будет только кажущимся. Одна интуиция и несколько систем, причем в

некоторых будет имманентная ложь, то есть они не удовлетворяют своей интуиции. Это близко к первому случаю. Ложь здесь противоречие своей интуиции. Две интуиции о том же самом и две системы. Здесь тоже несколько случаев: две совместимые интуиции — виды совместимости: иррациональная совместимость интуиций — их различие в индивидуализации одной интуиции. Или же две индивидуальные интуиции, несоединимые, но совместные, как два различных цветка, то есть несравнимые, а потому и совместимые. Или же одна интуиция войдет как часть или некоторый момент в другую. Во всех этих случаях противоречие кажущееся. Если же интуиции несовместимы, то противоречие неустранимо. Противоречие неустранимо и при узких интуициях; интуиция может быть деспотичной в двух отношениях: допускает другие интуиции как свои моменты или же (узкой) — не понимает и не допускает никаких других интуиций. Во всех этих случаях, кроме очевидности интуиции, предполагается еще другая, более специальная очевидность: проверки, соединения, непротиворечивости.

Первоначальная мысль, которая мне пришла, когда я нес воду: думая о числе возможностей в одном случае, я вдруг всё понял, вспомнив об одной подробности. Это была интуиция озарения, когда увидал одну, не замеченную раньше подробность в общем. Но, обдумав, я увидел, еще не дойдя до дома, что допущена ошибка. Тогда я подумал: что же значит эта очевидность? Ведь только что всё было ясно. Тогда мне показалось, что так как очевидность — последний критерий, то, может быть, одинаковое право на существование имеют и истинные, и ложные системы и нет никакого, кроме имманентного, различия между истиной и ложью? Может быть, запомнив и обдумав последнюю интуицию, я бы устранил те случаи, которые сейчас считаю истинными и которые противоречили этой интуиции, а оставил бы те, которые сейчас считаю ложными, но соответствующими этой интуиции? Так что нет никакого принципиального различия между истиной и ложью, кроме имманентного.

18 сентября. Недавно встретил Н. И. в институте и сразу же о продуктах — что привезла. Довольно противно. Отчасти это намеренно: я стараюсь изображать больного брюзжащего старика, думающего только о болезни, неудобствах и питании. Иначе кто же я? Это уже больше 25 лет, но в городе моя личная жизнь скрыта, а здесь на виду. Здесь я особенно сильно почувствовал свое положение — инородного тела в системе. Отчасти это будет всегда: о чем мне говорить с Н. И.? Это совсем не от пренебрежения. Это дешевка — считать себя выше других, непонятым, вообще высокомерие. Больше или меньше — всё это одного масштаба, а я инородное тело. Может, главное, почему мне

неинтересно с Н. И., потому что она неверующая. Может, это главный критерий. Хороши ли они или плохи, умны или глупы, лучше или хуже меня эти неверующие интеллигенты и полуинтеллигенты — всё это мне абсолютно безразлично и неинтересно, и уж, конечно, я предпочту им нашего хозяина, хотя он и удивился, как быстро истлела на нем рубаха: только два месяца, говорит, не менял ее, очевидно и не мылся, а истлела.

Это одна из узких интуиций: неверие. Может быть сильная или слабая вера, может быть сомнение, переходы от веры к неверию, искушения, отчаяние, что угодно, но когда человек определенно решит: никакого Бога нет и думать об этом нечего, и успокоится на этом, то он перестанет даже быть человеком, вообще существом или сущностью в аристотелевом и схоластическом смысле. Я допускаю даже человека, который не верит и не может поверить, но не успокаивается на этом. Наконец просто: интерес к вере, не этнографический или какой-либо другой научный, но личный — хотя бы какое-либо любопытство и самое смутное ощущение чего-то близкого себе во всём, что касается веры и Бога, человека, пусть неверующего, то есть считающего себя неверующим, но который, услышав слово «Бог», насторожится: просто чувствующего, что в этом есть что-то интересное и значительное. Вот это главное: интересоваться и чувствовать значительность всего, что имеет отношение к вере и Богу, — это уже вера и то, что отличает человека не от животного даже, а вообще от живого существа. Неверующий, то есть не интересующийся верой, ниже не только животного, но даже растения, даже камня, если он имеет какую-либо индивидуальность. Может быть, вера или отношение к вере — это уже вера — и есть индивидуальность. Сомнение отличает человека от животного. Я верю и сомневаюсь, животное просто верит в Бога. Скворец, который пел, кричал, махал крыльями от избытка сил, молился, благодарил Бога за жизнь. Он верил без сомнения. А человеку свойственно верить с сомнением. Степень и качество сомнения отличает одного человека от другого. Так что вера с сомнением — видовое различие человека, а определенная степень и качество сомнения и веры — индивидуальное. Отсюда же следует еще некоторое пренебрежение, иногда же и произвольное отвращение к науке. И вот, по полному отсутствию этого отвращения к науке, по научному высокомерию, по некоторой интеллигентности сразу же можно определить неверие и отсутствие интереса к вере. Это только **некоторое** отвращение к науке, так что можно быть и ученым, и обычно ученые скорее верующие, но в какое-то мгновение вдруг почувствуешь первородный грех науки, мерзость всякой научности. И, скорее всего, это бывает именно у тех, кто знает свое дело, а не у интеллигентов, полуинтеллигентов и научных работников.

Вера — это стиль человека. Неверующие — люди без стиля, то есть без индивидуальности, то есть просто не люди. Лучше быть гонителем

веры, лучше быть мерзавцем и подлецом, для них есть еще какие-то возможности, чем равнодушным к вере, — этим уже ничего не остается. Но может ли нравственность совмещаться с полным равнодушием к вере? Я думаю, нет. Нравственность окажет влияние на характер жизни, направит интерес к оценке, к долгу, к нематериальным ценностям и поневоле — к вере. Но я не смешиваю мораль и веру. Нравственность, может, облегчает путь к вере, но вообще это другое, и деление людей на нравственных и безнравственных неинтересно, на верующих же и неверующих — необходимо. Может быть, только случайно нравственность облегчает путь к вере, то есть здесь есть случайное совпадение.

19 сентября. Индивидуальность — различие ли сущности или видовой особенности? Иногда мне кажется, и исторические эпохи, и люди — повторение одного основного прообраза, индивидуальность же — некоторая подробность. Около тысячи лет тому назад Элоиза писала Абеляру и чувствовала так же, как и сейчас чувствуют. Она отличается от какой-либо современной женщины не больше, чем одна современная женщина от другой.

Другой пример: может быть, каждый проходит через болезнь — революционность, но хорошо тому, кто прошел ее в молодости — до второго совершеннолетия (19–20 лет), он тогда получит иммунитет на всю жизнь. Но, кажется, даже Кант сочувственно относился к Французской революции, значит, он не прошел этого в молодости. Но Платон, может, лучше всех понял революцию: это стоглавая гидра, которая, когда пожрет всех, начинает пожирать себя и так кончается сама собой. Это интуиция революции, нельзя ее так понять извне, только как наблюдатель, если же сам был болен этой болезнью, можешь понять всю ее мерзость. Так что и здесь: различие между людьми — когда прошел через эту болезнь, и если до совершеннолетия, то останешься жив и здоров на всю жизнь и получишь прочный иммунитет, но если болезнь затянется и после совершеннолетия, то или станет человек инвалидом на всю жизнь, или оставит она следы и не будет прочного иммунитета. Чтобы понять что-либо, надо самому стать этим, и если это произошло до совершеннолетия, то и стал, и понял, и отверг. В противном случае не могу понять всю эту мерзость, значит, могу заразиться.

Если же во всём один прообраз, тогда соблазны: соседние миры, вестники, контрапункт. Это соблазны. Бог дал мне один прообраз человека или, вернее, Богочеловека, я же проявляю праздное любопытство к соседним мирам и вестникам.

1 октября. Мои «Формула чего-либо» и «Формула несуществования» противоречат ли друг другу? И противоречит ли «Формула несуществования» Евангелию? Вот есть мир — некоторая реальность. Но уже, сказав это, я допустил погрешность. Могу ли я утверждать, что есть одна реальность? Поэтому исправлю: есть некоторые реальности. Но и здесь найду погрешность: сказав — некоторые реальности, — я предпочел существующее несуществующему. Тогда скажу: есть что-либо. Но, сказав о нем это или то, снова допущу погрешность: почему то лучше не того. Тогда я выбираю какое-либо что-либо и иду от него, ограничивая от другого. Я не отрицаю другого, но ищу некоторый частный мир — частную реальность. Найдя какую-либо, я остановлюсь на ней и начну снова. Начну сначала с чего-либо и идя дальше и ограничивая от другого, приду к другой реальности. Противоречат ли они друг другу? Они несравнимы, каждая будет некоторой полной реальностью. Какое основание предполагать, что моя система будет полной? Хорошо, если мне удастся найти некоторую реальность, но совместить всё мне не дано. Что это значит? Внешне они будут противоречить друг другу. Но уже в себе самом я нахожу противоречивые состояния, откуда же мысль о полном совмещении и, значит, понимании всех реальностей? Когда я вижу какую-либо реальность — я вижу ее как всю реальность. Но может ли быть иначе? Это и значит: реальность — полная реальность. Но неполная реальность — вообще не реальность. Но между полными реальностями я всё же не могу сделать выбор. Они отличаются не объемом, но силой. И еще оттенком или качеством — индивидуальностью. Но и я сам — одна индивидуальность, нахожу в себе различные состояния, почему же реальности, которые я нахожу, должны быть все одинаковы? Они тоже отличаются силой, оттенком, качеством — индивидуальностью. Что значат такие слова, как «время», «смерть» и «бессмертие», «душа», «Бог»? Это знаки каких-то наиболее сильных реальностей. Но, может, иногда ко мне приблизятся эти реальности, если вместо «душа», «Бог» я скажу просто **это, то, не-то, одно** или другое? Может, о душе если говорить прямо, она ускользает, и, чтобы увидеть Бога, надо найти Ему другие имена, не прямые, и, может быть, самые обыкновенные Ему больше пристали, чем возвышенные? Тогда надо понимать самые простые слова и находить Бога и там, где уже ничего не останется и что называем несуществующим. И где же и является скорее всего Бог, как не там, где уже ничего не осталось? И об этом хорошо говорил уже Майстер Экхарт. Так вот, я не боюсь внешнего противоречия и несовместимости, и, хотя я писал о различном всегда, пишу об одном, и подхожу к нему с разных сторон, и то ужасаюсь, то радуюсь, трепещу, уничтожаюсь, удивляюсь, возвеличиваюсь, прихожу в отчаяние, восхищаюсь. Вижу его величие и пустоту, богатство и бедность, полноту, жизнь, уничтожение, ничтожество, силу и мощь, вижу его как существующее и несуществующее, и за ним — Бог. Относительность ли

это, релятивизм? Признавая различные реальности, признаю ли множественность самостоятельных реальностей, какую-то множественность миров? Нет, за тем, что я вижу, — один Бог. Но что мне сказать о Нем прямо? Что надо было сказать прямо — сказано в Евангелии. Поэтому я ищу Его не прямые имена — знаки, приметы, улики Бога — знаки Его знаков. И то, что мне не совместить, я не стану считать несовместимым для Бога. Я не могу уже совместить некоторые знания с верой, я не могу совместить Бога с человеком, но тем сильнее я верю в Богочеловека, в этом и сила веры — она побеждает рациональную очевидность, но если бы всё было очевидно и понятно, не было бы и веры — мир опустел бы, просто ничего бы не было.

2 октября. Люблю ли я Россию? Вопрос неясен. Я люблю Ленинград. Люблю ли я русских? Опять вопрос неясен. Чашинцев я не люблю. Но хотя я ждал, я предпочитаю русского полицейского немецкому или английскому, и, может быть, даже русского милиционера. Мне неприятно было бы видеть на перекрестке в Ленинграде немецкого или английского, хотя бы он и был вежлив, и я предпочел бы русского, даже если он хам. Люблю ли я русского мужика? Наш хозяин мне нравится, особенно же старик, который к нему приходит, но их свинская жизнь в одной избе, чуть не десять человек, лежащих на печи, фамильярность, влезание в душу, какой-то естественный коммунизм — все на виду у всех, отсутствие потребности в одиночестве — это мне противно. Я не нашел то, что называли русской душой, может быть, то, чем пугали Гоголь, Достоевский, — нелепый бессмысленный хамский бунт — совершилось, и ничего больше не осталось. Но, может, я не заметил другого. Люблю ли я евреев? Я люблю Библию, люблю некоторых евреев, иногда нахожу в них особое понимание, отличное от русских, так же как русский понимает многое, чего не поймет немец или француз. Но русского предпочту немецкому или английскому еврею. Между русским же и русским евреем выбора сделать заранее не смогу. Люблю ли русский язык? Да. Больше ли других языков? Да. Люблю ли русскую литературу? Да. Больше ли других литератур? Да. Мне кажется даже, что уже сто лет или больше есть только одна литература — русская, на Западе же — отдельные крупные писатели и очень немного гениальных — Гамсун и еще один или два, и еще несколько талантливых. Чего во мне больше — русского или еврейского? Не знаю, самому ответить на это трудно, еврейского языка я не знаю, но, может быть, во мне много даже жидовского, сам я не могу ответить на это. Иногда мне кажется, что еврейское и русское отчасти нейтрализовали друг друга — и, особенно из-за изоляции, в которой я нахожусь уже 25 лет, я стал всюду и для всех каким-то инородным телом.

Есть статья, исследование, трактат, записки. Первая мне чужда, это вне стиля и вне индивидуальности. В статье обязательна общедоступность, статья демократична и поэтому скучна или противна. Последние же три — индивидуальны. В исследовании и трактате я буду избегать личного и руководствоваться только индивидуальностью предмета. Если же и обращаюсь иногда к себе, то только как к некоторому объекту, иногда же это прием. Так что всегда здесь индивидуальность предмета, но и в себе я могу найти что-либо предметное или объективное. Еще в исследовании или трактате должен быть высокий стиль. Что же касается записок, то я не знаю, ни какими они должны быть, ни нужны ли они вообще. Но уж если писать записки, то личные, то есть не записывать просто «мысли», но сделать себя абсолютным объектом. Ведь трактат пишу я же со всей своей мерзостью. «Мысли» же — это опять что-то безличное и демократичное. Разговоры Гёте с Эккерманом скучны, а «Исповедь» Руссо или «Опавшие листья» Розанова — интересны.

6 октября. Сегодня мне снились характеры и склонности из «Соблазнов». Мне часто снятся мысли в виде людей и вещей, некоторые задачи как будто разрешаются во сне, но отвлеченное становится там конкретным. Обычно наутро я помню только факты, но отношение их к отвлеченным вещам забывается.

Сон. Из этого сна я запомнил мало: я иду с какой-то женщиной, молодой, небольшого роста, худой, с ребенком. Проходим мимо какого-то дома. Затем мы на концерте. Д. И. — распорядитель. Он усаживает нас, но места неудобные, ничего не видно. Разочарование — важно было самому найти места. Ребенка убрали, моя спутница забывает о нем и заводит флирт с соседями. Получает записки. Один пишет: от 11 час. утра до 6 вечера жду вас там-то. Другой: от 6 вечера до 11 утра жду вас там-то и др. В это время нянька подошла к дому, мимо которого мы проходим. Хозяйки (моей спутницы, должно быть) нет. Нянька бежит домой — и дома хозяйки нет. Нянька возвращается — хозяйки нет. Мне это кажется очень смешным. Я просыпаюсь и понимаю, что сон не закончен, но вижу связь его с «Соблазнами», а то, что нянька не находит хозяйки, кажется мне настолько смешным, что я продолжаю смеяться, уже проснувшись.

7 октября. В нравственности есть некоторые положения, очевидные, как геометрические аксиомы, и убедительные, как теоремы.

Первое положение. С нравственной точки зрения я могу оценить только свой собственный предполагаемый, а не совершенный поступок.

Разобраться правильно в мотивах уже совершенного поступка я не всегда могу, но что мне надо сделать сейчас, как поступить, это я знаю. Погрешность: бывают случаи, когда и относительно себя не знаешь, как поступить, например две обязанности или два долга по отношению к двум лицам: исполнение одного нарушит долг по отношению к другому. Случаи сомнения.

Первая аксиома: нравственной оценке подлежит только мое решение и только в тот момент, когда я его принимаю.

Из этого следует:

Второе положение. Совершенные мною поступки принадлежат к прошлому и, значит, не относятся ко мне. Но не прямо: некоторые внешние прошлые события я отношу к себе, и поэтому и они принадлежат, если не прямо, то косвенно, к области нравственного суждения. Пусть это будут приблизительные нравственные суждения, или суждения второго порядка. Здесь не может быть точности, как в нравственных суждениях первого порядка. Погрешность же может быть трех родов: переоценка своих прошлых поступков, равнодушие и недооценка, и найти надлежащий средний путь почти невозможно.

Вторая аксиома: чужие поступки и чужие решения не могут сделать меня ни хуже, ни лучше, не могут оказать влияния на мое нравственное состояние.

Третье положение. Чужие поступки меня не касаются. Но всё же я отношу их к себе еще более косвенным образом: ставя себя на место совершающего поступок или на место лица, к которому относится совершённый поступок. И здесь возможны приблизительные нравственные суждения, и они будут третьего или четвертого порядка. Когда я одобрил нравственный поступок и у меня есть сочувствие к пассивной стороне, то, если он не доставит последней удовольствия, порядок суждения будет равен трем, а если доставит — четверем, потому что в этом случае при оценке, может быть, участвовала моя пристрастность — я ставлю себя на место пассивной стороны. И подобно этому, когда есть сочувствие к активной стороне и когда осуждаю: пристрастие уменьшает точность нравственного суждения. И если нет пристрастия ни к той, ни к другой стороне, то точность только третьего порядка, не выше. Погрешность: чрезмерный интерес к нравственной оценке — лицемерие. Недостаток же интереса — формальность. Страсть к осуждению: лицемерие и фарисейство.

Четвертое положение. Чужие поступки, направленные на меня, еще меньше касаются моего нравственного состояния. Поэтому лучше всего не замечать их. Но косвенно я отношу их к себе. Если у меня есть пристрастие к активной стороне, то если поступок доставит мне неудовольствие, то точность нравственного суждения не выше пятого порядка: мне неприятна не сама неприятность, а предполагаемая безнравственность поступка. Если же доставит удовольствие, то шестого — к оценке добавится пристрастие. В случае же неприязни,

если будет удовольствие, то оценка шестого порядка, а если не будет, то пятого. В случае же безразличия — всегда шестого. Здесь трудно определить мотивы оценки. Погрешность: обидчивость или равнодушие.

Обе аксиомы, из которых вытекают эти четыре положения, основаны на непосредственном ощущении реальности мгновения: то, что сейчас совершается, — это и есть я сам, всё же другое может быть сомнительным. И если я знаю, как поступить: что выбрать и что отвергнуть, то это путь нравственного суждения, но если я не знаю, что делать, сомневаюсь и нахожусь в некотором созерцании, — это что?

11 октября. Всё чаще бывает, что не хочешь личного бессмертия. Я устал от моего и не хочу его больше. Значит ли это, что я не боюсь смерти? Нет. Личное бессмертие противоположно безличному или другому неизвестному состоянию. Смерть только противоположна вечной жизни, той, о которой говорит Евангелие. Я хочу освободиться от ощущения *я, свое*, но что получу взамен — не знаю.

Л. сказал раз: теперь, когда бессмертие показалось лишним, может, увидим, что оно есть. Показалось лишним личное бессмертие, безличное же вообще ни к чему, но что будет третьим? Смерть же мерзка, во-первых, своей окончательностью, как говорил В., во-вторых, есть мерзость в уничтожении жизни, в-третьих, мерзость бессмысленности и бесцельности — зачем жил? При некотором среднем нулевом состоянии смерть не такая мерзость, но если некоторое среднее состояние выше нулевого, то смерть — мерзость. Может, это косвенное доказательство, намек на то, что среднее состояние выше нулевого, — этот страх смерти? Ведь если среднее состояние — нулевое, то откуда страх и отвращение к смерти даже тогда, когда в жизни не останется удовольствия и она станет омерзительной, когда хочешь от нее избавиться?

Смерть противоположна не жизни, но вечной жизни. Но наша жизнь — не укороченная вечная жизнь, как время не часть вечности, но просто не та жизнь и скорее смерть, чем жизнь.

Если раньше, когда были Т., Л., В., Д. И., О., — это было примером не вполне определенного отрицания, затем, когда осталась только Т., — пример неопределенного отрицания, то если не будет и Т. — это уже абсолютное отрицание, и совсем страшно — по поводу отсутствия писем от Т.

14 октября. Получил вызов и не обрадовался, как думал, а огорчился. Значит, опять служить, а пока ходить в милицию и пр. учреждения.

Главное обвинение: все должны быть деловыми людьми. Я не выношу дел: ходить, узнавать, справляться, хлопотать, а сейчас, и до войны еще, жизнь так устроена, что без этого нельзя. Эта суета возведена в правило и в добродетель даже, и неделовым людям жить нельзя. Я как-то сказал: джентльмен никогда не бывает занят, в крайнем случае он только перебирает бумаги. А здесь какая-то подлая, не джентльменская, конечно, деловая жизнь. Это гос. принцип. Отвращение и омерзение к суете и делам — основание для неравенства. Ведь есть же люди, которые не имеют этого отвращения к делам и которым это нравится. Это природные организаторы и правители. Пусть же они организуют и управляют, но меня оставят в покое. Это прислуга, правда зарвавшаяся, которая, помимо чрезмерного жалования, требует еще и почета. Я готов ей и поклониться, и уплатить, сколько она хочет, только бы оставила меня в покое. Вот мое отношение к государству и власти: я не хочу управлять, не хочу ничего организовывать, ничего не хочу знать об этом, найдется достаточно дураков и пошляков, которые займутся этим с удовольствием; оставьте меня в покое, за это я буду кланяться вам сколько угодно и платить сколько ни запросите.

Никогда не писал так долго и не думал так много, как сейчас над «Соблазнами», и много раз уже казалось, что не удастся. Но сейчас вдруг сдвинулось, и каждый день нахожу новые удивительные и прекрасные соотношения и удивляюсь, как это мне, такому мелкому и не очень умному, а сейчас просто омерзительному, дано увидеть столь прекрасное. Но что здесь прекрасно, не могу сказать, и то радуюсь и восхищаюсь этой красотой, то ужасаюсь и отчаиваюсь от открывшейся пустоты. Я вижу некоторую погрешность — небольшую погрешность в некотором равновесии — и в восхищении и ужасе уже не могу сказать, прекрасно ли это или пусто и страшно, потому что не осталось уже ничего моего, не осталось меня. Когда ужасаюсь, то уже не знаю, чего: пустоты ли того, что открылось, или опустошения, которое оно произведет во мне. Но, может, мне надо опустошиться, чтобы принять **то**? И пройти сквозь страх и ужас к восхищению? И чего пугаюсь? Открывшегося ли передо мною несуществующего, или жалко облачка, закрывавшего его, — моей жизни, меня? Может, это несуществующее — несуществующее в сравнении с привычным существованием, может, это вечная жизнь, противоположная смерти — моей жизни, которой жалко? И тогда она необходимо должна представиться как противоположное и несуществующее, ведь существующему одно противоположно — несуществующее. И если **это** — существующее, тогда **то** — несуществующее? И если в **этом** есть чувство и склонности, то в **том** — нет. Может, это и жалко: уже многого нет и умерло, и другое умрет. Во мне самом умирает и многое умерло, то, что было однажды. И если и в **том** будет какое-то вечное однажды, то всё же не то. Может, оно и сохранится в **том**, и, может, всё прекрасно, но какое-

то незначительное, но **мое** мгновение прошло, я сам только какой-то, возможно, знак прекрасной системы, знак знака ее, который должен пройти, и мне жалко, что он должен пройти. Жалко чувств, которые не сохранились, жалко потери свежести первого чувства, жалко солнечного света, который не светит уже так ярко, как десять лет назад, жалко своей молодости и всего, что прошло. И если и всё хорошо и прекрасно, то мерзко всё же, что что-то, что было **мною** и **моим**, должно умереть, чтобы стало **то**. Для чего бы то ни было, смерть всегда мерзость и мерзость — смерть чувств. Пусть их не должно быть, и пусть хорошо, когда их нет, но их смерть — мерзость. Вот что страшно.

16 октября. Некоторое освобождение от чувств — вот общая задача и мо, я и В. Это условие для некоторого понимания. Освобождение Бога от чувств или извлечение Бога из чувств. Еще Кант: очистить место для веры. Но надо не только от разума, но и от всякой склонности, интеллектуальной и эмоциональной. Это некоторый сдвиг отношений. То, что было умом, пониманием, чувством, после небольшого сдвига исчезнет, и тогда откроется Бог, останется один Бог.

Писать слишком понятно и длинно для понятности — это даже невежливо по отношению к читателю, заранее предполагаешь его дураком. Надо читать и думать. Но есть длинноты из вежливости и длинноты ради стиля — это тоже из вежливости.

{21.XII.43 мы выехали на грузовике из Чаши. До станции Кособродск — 30 км. Чего не было в Чаше? — Людей, книг, природы, последнее я понял, когда проезжали лесом. Природа всё же была, мне чего-то не хватало, чтобы видеть и иметь ее. Или, скорее, было что-то лишнее — соблазны, те, о которых я писал в «Квадрате миров» и «Числах», то есть соблазн отвлеченности; потому, может, и не было у меня природы, а не потому что лес в Чаше был плохой. Когда летом 1962 г. я сидел в дождь на веранде и смотрел на чахлое деревцо в саду, я подумал: это чахлое деревцо дает мне больше, чем другому поездка по Крыму, Кавказу и Италии. В этом чахлом деревце я ощущал всю природу.}

22 октября. Нестерпимая мерзость. На улице ни одного лица, только страшные рожи.

27 октября. Вечером приходила Вика и рассказала о Т., было письмо. Бог хранит меня — большое мгновение.

Браудо говорил: мыслитель или борец. Я один, и кругом пусто — с кем бороться? М. Н. Л. Т. — это я, мама, уже совсем я. И вот сейчас,

уйдя совсем в себя, я почувствовал себя борцом. Я один — вот сила. Без положения, без места, без друзей, даже без своего угла — это хорошо. Бог — моя сила.

29 октября. Я не хочу никакой должности, никакой обязанности, никакой работы, тогда буду работать. Боюсь должностей, положений, людей, разговоров.

Те, кто выжили, устроились, кто не устроился — не выжил. Я не устроился и выжил. Круг сужается. Страшно подумать, чем кончится.

6 ноября. Искусство можно разделить на бестелесное и телесное, в телесном всегда будет немного Schwülstigkeit. Чехов — телесный, Бунин — бестелесный {неверно, просто с неприятным душком}.

Способ жизни, несвойственный мне. Три возможности: жизнь внешняя, телесная, женщина; жизнь ума — способ знания; жизнь идей — диалектическая. Но тогда еще жизнь переходов, сдвигов, совпадений, наложений, различие жизни внешней и диалектической. Но жизнь ума — непонятна, не лучше внешней {по-видимому, под внешней жизнью я подразумевал конкретность, экзистенциальность, иначе дальнейшее непонятно}. Совпадение внешней и диалектической жизни — они совпали, как **это** и **то**. Тогда и не живя внешней жизнью, в совпадении пережил ее. Тогда и страх или тоска, печаль и безнадежность — всё значительно и радостно. Ощущение некоторой реальности, освобожденной от времени. В этом совпадении я ощущаю **есть**. Что бы ни было, **есть** — уже хорошо. **Есть** {то есть сущее и в конце концов — Сущий} противоположно смерти, убивает ее; освобождает от времени, от его тяжести, от самой временности.

Первое понятие онтологии, то есть бытие, определяется совпадением жизни внешней и диалектической, некоторый переход (1), затем — противоположность смерти (2), затем — свобода от времени и его тяжести — необходимости (3). Первое объединяет опыт в целом или лучше: опыт с не-опытом. Второе вносит некоторый **личный** момент, настолько же эмпирический, как и априорный — отвращение к смерти, третье — эстетический: свободу от времени. {Я подчеркнул «личный», то есть экзистенциальный. Объединение опыта с не-опытом, по-видимому, того же порядка: видимого с невидимым. Априорный момент в отвращении к смерти я понимаю так: не биологический страх, но — сверхъестественное. В третьем — эстетический, по-видимому в смысле Кантовой трансцендентальной эстетики.}

7 ноября. И еще путь: найти себя самого — путь Евангелия. Но тогда: «положивши руку на плуг, не оглядываться назад».

9 ноября. Господи, как мерзко.

Страх — вот главное. При людях — меньше. Но при чужих еще больше. Но при своих — круг сужается и еще страшнее.

25 ноября. От трусости люди не думают о смерти. Страх смерти — от смелости. Может, судьба посылает мучительную смерть трусливым, кто мало думал о ней. Скрябин был мнителен, всю жизнь боялся заражения крови и умер от заражения крови, Тургенев был труслив и умер после тяжелой болезни. Как будто надо продумать смерть при жизни, а кто не продумает, тому Бог удлинит предсмертное время.

26 ноября. В каждой системе, философской или физической, есть иррациональный остаток. Когда эпигоны рационализируют, система становится плоской — ложной. В физической теории это может показаться оттого, что появились новые факты. Но это только повод, многие из этих фактов были известны и раньше. Закон иррациональности всякой системы, вернее, необходимости иррационального остатка. Поэтому лучше уж заранее отвести ему место в системе. {Это нельзя сделать преднамеренно, он возникает сам собою, намеренное введение остатка — претенциозно. Пример такого претенциозного введения остатка — Дильтей, Гадамер, современный историзм, философы, философствующие ни о чем.}

Сон. Молодая женщина у врача. Он что-то пишет. Я вижу знак: 000. Это же не рецепт. Но женщины уже нет, и я понимаю: всё это уже было. Молодой человек любит эту женщину, сегодня она должна дать ему ответ. Но ответ отрицательный. Врач — злой демон. Он знает ответ и посылает молодому человеку записку. Три нуля означают: кончай с собой.

Умирает двойник врача — злого демона. Посылают за врачом (злым демоном). Но он боится мертвых. С отвращением берет руку двойника, чтобы пощупать пульс, но сразу же отбрасывает ее: чего же смотреть, умер. Двойник открывает глаза: нет, не умер. Нет, умер, со злобой говорит врач. Нет, не умер, спорит покойник. Тогда умрет! — Не умрет,

кричит двойник. Разъяренный врач ложится на пол и начинает делать гимнастику. Все хохочут.

Молодой человек возвращается к себе домой, находит записку с тремя нулями и рядом порошок — яд, который прислал врач. Он в горе, но потом решает — не умру, назло врачу, пусть сам умирает. Ложится на пол и начинает делать гимнастику.

5 декабря. Я хочу найти, в чем основное разделение. Я знаю некоторые конечные пункты, и за всеми ними — Бог, Которого я не чувствую, почти не чувствую, поэтому мне и не удастся.

Почему я не чувствую Бога? Во-первых, грех уныния. Если бы были хоть соблазны, но их уже нет. Последний соблазн от голода — чувство голода, и этот уже прошел. Если же иногда бывает, что я отвлекаюсь от Бога, вернее от намерения сосредоточиться, то это уже не соблазны, но только повод уклониться. Желание уклониться представляет мне их соблазнами. Меньше греха соблазниться, чем уклониться без соблазнов. Во-вторых, и этого значительно меньше, — недоверие, боязнь ошибиться, боязнь лжи. Первое важнее, и от этого такая мерзость. {По-видимому, это закон, хотя и не общий: когда приближаешься к какому-то настоящему видению, то есть к живой вере, то непосредственно перед этим падаешь в какую-то бездну уныния и безнадежности. Я записал: «...Бога, Которого я не чувствую, почти не чувствую...» — и уже 8 декабря запись, из которой возникли «Свердловские трактаты».}

8 декабря. У нас Бог нужен и есть возможность для Бога: предметность, но Его нет — что-то Его не терпит. Там Он есть, но нет Лица, и Он — безличный Бог. Это антиномия Бога: Он нужен и может быть как Лицо, но Его нет. Он не нужен, и есть безличный Бог. Это Его природа, надо совместить обе части антиномии. Это — как некоторое сомнение и колебание между тем и другим. Когда же совместится — это уже не Бог; это Его природа и дыхание. Сам Он — за этим.

24 декабря. Виды некоторого знания: созерцание акта, например некоторого равновесия с небольшой погрешностью. Созерцание несуществующего, ничем не прикрытого. Бесформенный экстаз {как у меня при эфире}. Бог — природа. Бог в благодарности. Бог в жалости. Бог в любви. Непонимание и жалость к обиженному Богом. Бог в унижении, и сила через собственное унижение. Созерцание плоскости от неба до меня. Бог — уныние. Но на этом надо остановиться. Как это,

смертный грех и Бог? Но это некоторое состояние, и из него должен быть выход, и это состояние, как возможность выхода, — Бог. Созерцание себя как точки, затерянной в бесконечном пространстве, — ужасное созерцание. Созерцание смерти, наступающей через мгновение, предпоследнего мгновения и неизбежности последнего. Созерцание необратимости и окончательности.

25 декабря. Когда я о чем-нибудь думаю и пишу, то, еще не дописав, я уже начинаю думать о другом, что должно в каком-то отношении превзойти то, что пишу сейчас. Поэтому так мало закончено.

В частности, сегодня думал о том, что напишу, когда закончу «Принадлежности». Но ведь до их конца еще далеко. Даже если скоро вернусь в Ленинград, то ведь это еще не конец. Да и то, что написано из «Принадлежностей», еще надо переделать. Но теперь хочу писать о прошлом как о прошлой жизни, и писать спокойно и бесстрастно. Я писал: жизни нет, есть воспоминание о жизни и ожидание жизни. Так вот, хочу писать воспоминание о жизни.

26 декабря. Исполнение приговора (повешение) встречено аплодисментами. Это из газет. Добавлять нечего. Но самое страшное, кажется, то, что есть что добавлять: никто этого сейчас не понимает.

29 декабря. XVII-XVIII вв. — природный человек. XIX-XX — человек-ум. Отношение куколки к бабочке. Но, пожалуй, это неверно, скорее — живого тела к скелету. Но и это неверно.

Прочел «Исповедь» Руссо. Совершенно удивительно: близость к природе и отсутствие вполне выделенного, ясного сознания *я*. В чем эта чистота *я*: ощущение не морали или морального чувства, но долга. Но долг — только вступление к *я*, которое можно и откинуть. К чистому *я* относятся или окружают его страх смерти, время, непонимание. Это всё спутники *я*, но не само *я*. Что же само *я*, то, что у Руссо не выделилось еще из природного? Само выделение из природы, отбрасывание внешних оболочек. У Декарта, у Руссо, у Лейбница интуиция *я* как всего мира или моего мира. То есть мир — мой. Раньше границы *я* расширяются, *я* захватывает весь мир. Это — экстенсивный солипсизм. Затем *я* сужается. В *я*-мире находится как бы точка, поглощающая реальность остальной части. Эта точка втягивает в себя реальность всего *я*-мира, так что только она и остается. Но она пуста. Если бы она не была пуста, снова был бы *я*-мир. Это чистое *я* не может иметь никакого содержания, его содержание — беспредметная,

бессодержательная реальность наибольшей силы, это действительно точка: мгновение, граница, смерть. И отсюда спутники *я*: время, пространство, жизнь и умирание, предсмертное мгновение. Это интенсивный солипсизм. Приложение экстенсивного солипсизма, например Бах, интенсивного, например Гоголь, вульгарное приложение интенсивного солипсизма — Чайковский, Бальзак и пр.

Всякое содержание есть содержание сознания, *я*. То есть мир мой или *я* — это *я*-мир. Это во-первых. Реально же в этом *я*, или *я*-мире, или в содержании то, что не есть и не имеет содержания. Оно ничего не содержит, но и не содержится ни в чем, потому что хотя и найдено в содержании, но когда найдено, то содержания уже никакого нет, вся реальность в нем — бессодержательном и ни в чем не содержащемся, потому что ничего нет. Это — во-вторых.

Вульгаризация: *я* — форма сознания. Это, кажется, самое неумное и скучное, что можно сказать о *я*.

30 декабря. «Исповедь» хороша еще тем, что состояния там не естественные, а абсолютные. Например, не простое развитие событий, и в связи с этим развитие чувств, и не излияния чувств, но чувство и природа сами здесь некоторый трансцендентальный объект, раздробляющийся на отдельные состояния. Во-первых, не Руссо, а чувство и природа — герои. Во-вторых, раздробленность и границы. Это относится, конечно, к первой части.

Два **этих**. Во-первых, **то**, а затем **это**. Во-вторых, **то** первое и **это** первое и **то** второе и **это** второе. Сами по себе они, может, ни хороши и ни плохи. Затем, в-третьих, они соединяются: **это** и **то** первое и **это** и **то** второе. Только через соединение и в соединении они стали первым и вторым, сами же по себе просто **то** и **это**. **То** — скорее, правило, **это** — факт. **Это** и **то** первое. Нарушение правила, стыд, мерзость. **Это** и **то** второе. Исполнение правила, удовлетворенность. Отчего различие? От различия правила, факта, соединения? Или, скорее, некоторого общего расположения? Некоторое общее расположение определило правило, отношение к факту, факт? Или оно определило факт и через отношение — правило? Или отношение и через него правило и факт? Или правило подбирает факт, или факт — правило, и они создают отношение? Или как иначе?

1944

5 января. Шпет: отвращение к себе, которое так естественно присуще каждому.

Уход от себя — философия.

Именно тела-то и не стыдно — это выдумки Востока, — а души своей бывает стыдно. Затем кощунство: «Христос умер понапрасну». И конец: «Иерусалим или Афины», — и Шпет выбирает Афины. Но стыдно не души, а того, что пристает к душе. Шпет не отличает души от того, что пристает к душе. Но это как раз и открыло Евангелие.

Шестов: «Философия начинается не тогда, когда человек найдет критерий, но когда растеряет все, которые у него были, так же как спящий просыпается не тогда, когда убеждается в единстве своего сонного сознания, а лишь тогда, когда убедится, что спит».

6 января. Если говорить вполне искренно, то я не понимаю различия между телом и душой, вообще что значит две субстанции: душа и тело. Я нахожу в душе различные ощущения, локализованные в определенном месте, локализованные в неопределенном месте: голод, жажду, нелокализованные чувства и т. д., но тела, в отличие от души, я не знаю.

7 января. Я вполне ясно и отчетливо вижу: мир — мой мир. Я это чувствую, и меня не смущает независимость некоторых явлений от моего каприза и произвола. И если гора по моей вере сдвинется, я не удивлюсь, потому что и гора — моя, и скорее я удивлюсь, что гора не сдвигается. Но так же ясно и отчетливо я вижу: мир — не мой мир, и я в нем подчинен неизвестной мне силе. Я это чувствую, и вижу связь свою с другими людьми, и ощущаю как судьбу. Мое счастье и несчастье зависят от судьбы, которой я не знаю. И иногда я понимаю ее, проникаюсь и радуюсь, и если при этом и гора сдвинется по моей вере, то я знаю: это будет не по моей воле, но по воле судьбы. Если же не понимаю, то страшусь, и отчаиваюсь, и ищу ее признаки и благоприятствующие приметы. И отдаленное движение в другом — будет знаком для выбора в моем мире. Мир же — весь мой, но не подчинен мне, и в нем не по месту и не по времени, но по некоторой близости — мой мир. Один мир — мой: мой и не мой и в нем не по месту и не по времени другой — только мой — по близости или оттенку, и отдаленное движение в другом будет приметой и знаком для выбора в моем: поступок на основании приметы определит место только моего в

том, что не только мое, оттенок того, что мое и не мое, направление одного в другом. Но недостаточно будет одной приметы, и недостаточно любого числа примет, и мир, в котором мой мир, не мой, и оттенок не определен, и направление неясно. Не хватает примет, и беспокойство останется, и страх. Я это чувствую и ясно и отчетливо вижу: мир — и мой мир — не мой, я подчинен неизвестной силе и отдаленное движение в другом отразится на моем. Так что два ясных и отчетливых взгляда и не совмещаются, и один есть другой.

Карлейль: труд религиозен. Истинный труд и есть религия. Древние монахи говорили: трудиться — значит молиться.

14 января. Пусть этот мир есть или не есть. Пусть Бог, необходимость, случай или последнее слово реализуют его, но хотелось бы необходимо вывести некоторые подробности его, необходимые или случайные. То есть с необходимостью вывести определенную случайность. Хотелось бы, чтобы этот мир был единственным как некоторый недостаток. Если от **нашего** перейду в **не-наше**, хотелось бы, чтобы не только **не-наше**, но и **наше** было единственным. Поэтому во всяких возможных мирах есть что-то неприятное, от чего мутит, и иногда даже предпочтешь трансцендентальное единство самосознания. Оно хоть единственное. Это не страх смерти, а страх профанации индивидуальности.

17 января. Наиболее убедительный довод в существовании Бога — не абсолютная необходимость Его существования, но именно абсолютная ненеобходимость.

У нас нужен, но нет.

Там не нужен, но есть, но безличный.

Сам по Себе не необходим.

Это три постулата веры в Бога.

Но в Бога верим, а воскресения только чаем. Таких же постулатов личного бессмертия нет. Я — между явным и явлением. **Это**, существующее как **это, это, это...** — дает только возможность личного бессмертия: мгновенное, неуловимое место я между явным и явлением; множественность **этих** в одном **этом**; множественность основных **этих**, из которых каждое есть **это, это, это...**

Легко классифицировать внешние предметы. Еще легче классифицировать абстракции внешних предметов. Но, подходя к самому себе, нахожу препятствия: восприятия, ощущения, ощущения от восприятий, переживания, объективированные ощущения, ощущения реальности, ощущения времени, ощущение смерти, ощущение Бога,

мысли. Во-первых, я могу определить истину как соответствие или тождество предположения с предметом, во-вторых, иногда могу, иногда же не могу, потому что предмет здесь целиком совпадает с предположением, ничем от него не отличается и не имеет ничего больше. Предположение нуждается в реализации: мысль о притяжении и притяжение — одно и то же или нет? Если одно и то же, то нет ложных мыслей в этой области. Значит, реализация приходит извне. В геометрии реализацией будет доказательство. Но в таких, как объективированные состояния, интуиция, например интуиция *одного* *двух*, предположение и есть непосредственно сам предмет. Я могу говорить о нем, предполагать это предположение — это разговор, но я могу замолчать и некоторым усилием ума увидеть это предположение, тогда предположение и есть предмет предположения. Иногда оно является и само собой, основное же: очевидное и полное совпадение предмета предположения с предположением. Но, может быть, в этом состоит всякая реализация. В ясном представлении доказательства, то есть в переходе: А, следовательно В, в обнаружении факта, подтверждающего предположение, может быть то же самое очевидное совпадение. Не сам факт подтверждает закон, но он ставит меня между фактами, на место, где действует закон. Факт — средний термин.

18 января. И в философии золотой путь — среднее между общими рассуждениями и системой.

19 января. Неинтересно: гуманизм (Зиммель). Интереснее: антропологическая критика разума (Фриз). Еще интереснее: «Критика чистого разума». Но еще интереснее, и это моя тайная любовь, такие как Шпет в последней статье, Шестов, Гершензон, Эри. Например, Эри: что такое ratio? Это среднее арифметическое разума всех людей. Это мало что говорит и, может быть, неверно, но у всех их тайная упорная мысль: Бог.

20 января. Фриз оказался неимоверно скучным, а Эри — неумным. Вообще, большинство книг или умны, но скучны, или с каким-то тайным соблазном, но неумны.

29 января. Какое-то утончение — мгновение — чувство-ощущение — второе мгновение — ничто, и тогда смерть или Бог.

10 февраля. Предположение-действительность или предположение о действительности.

Например, Фет: «Измучен жизнью, коварством надежды...» — здесь описание, но не сама действительность, поэтому скучно читать, это иллюстрации к чему-то, здесь к Шопенгауэру.

Но у Пушкина, например, «Как с дерева сорвался...» — само действие. Это как блестящая молния, и глаголы здесь — ее изгибы: сорвался, прилетел, приник, дхнул, взвился, бросил... прожег.

Строки: 1 дерева рв д т

2 диявол

3 дхнул добычей смрадной

4 гортань геенны гладной...

5 рога

6 врага

И личное может стать действием, а не описанием, например: «Как часто плачем вы и я». И в философии может быть действие и описание. Даже трансцендентальное единство апперцепции, категорический императив — это действие. Действие — теория — видение. Это разрыв эмпирической действительности, остановка движения. Поэтому предположение-теория не может не совпадать с реальностью. Одно есть: теория-реальность. И надо спрашивать, не почему это одно, но почему это стало не одним. Теория-реальность — это реальное ощущение жизни и тогда ощущение моей жизни как не моей. Потому что если моей как моей, то это — субъективное переживание, а не сама жизнь. Отчего же разделение? Оттого что **мое** — **не-мое** сознается не просто как не мое, но **мое** — **не-мое**. Тогда есть и возможность для **моего** — **моего**.

11 февраля. Умереть через 100 дней или через 100 лет — всё равно, имеет значение только: сейчас или потом. Но тогда отпадает часть из осуждений войны. То, что сколько-то человек умерло раньше, важно ли это? И для меня самого важно не когда я умру, а то, что я умру. И жить еще 100 или 1 день, какое это имеет значение для сейчас? Так что это отпадает. Но остается: хорошо ли или, во всяком случае, не плохо ли убивать? Но если так, как в «Илиаде», то ответственность снимается, ответственность лежит на богах. Но так ли это? Остальные же доводы против войны — глупость: казарма, ограничение воли — всё это не абсолютные, но относительные доводы и против них можно выдвинуть

такие же относительные: бесстрашие, мужество, долг. Различие в том, что с одной стороны я, с другой — множество людей. Для меня важно только смерть, время; для тех — долг, родина и пр. Для меня осталось самое важное в жизни вообще, что важнее родины, какой-то скелет жизни; для тех — многое другое и обязательно некоторая неискренность и фальшивое положение. Но всё же это положение. Но возможно ли что-либо без всякого положения? Может быть, эти положения скорее приведут к тому, чего с помощью одного только скелета жизни не найти.

12 февраля. Во всякой философии два мира. Но если установить соответствие, значит, и этот хорош. И это лицемерие философии: все знают, что этот мир плох.

13 февраля. Откуда эта тяжесть бытия? И когда, кажется, всё хорошо, вдруг станет плохо и хуже не может быть? Это состояние точки, затерянной в пустом пространстве, ощущение невозвратимости, совершенности, пустоты. Может быть, это второе рождение в муках? Может, не смерть, а уже эта жизнь есть рождение той? Это действительно муки, но, когда рождается ребенок, он тоже не знает, для чего мучается. Может быть, эта жизнь, сама жизнь, каждый день и час есть муки рождения. И чем сильнее муки, тем ближе к тому, что станет. Что? Не знаю. Одно два — форма рожденного, и только иногда проникаешь и подозреваешь, что там. Не смерть рождение той жизни, смерть — в том же порядке — естественном, если же не в том, то уже та жизнь и тогда смерть нашей, — но именно наша жизнь и эти состояния тяжести бытия — рождение той. Не один из наших актов есть акт другой жизни, но наше состояние есть только акт той жизни. В этом и состоит различие природ. Акт — акт — отношение естественное, но состояние — акт уже неестественное отношение: в одной природе — состояние, в другой — акт.

Возраст — борьба с природой. В детстве весна и утро увлекают и подчиняют меня, мое настроение. Но с возрастом, после больших потерь, солнце светит слабее, слабее чувствуешь весну и утро, когда же утро природы слишком сильно действует и не можешь его побороть, то это только увеличивает тяжесть бытия. Но и в детстве бывают внезапные приступы страха природы, особенно в это время — 2 часа дня. Только там они разделены — состояния радостного подчинения

природе и страх, а затем уже начинается борьба с ней и страх не природы, а тяжести бытия.

Равнодушная природа — вот что страшно. В детстве еще находишь в ней таинственность, а к старости — всё меньше.

В детстве я боялся ночи и темноты, а сейчас ночь предпочитаю дню. Когда я писал «Щель и грань», тогда понял ночь и предпочел дню. Остатки страха ночи проходили в Детском, Келломяках, Чаше — это уже практически ночью в природе. Может быть, ночью природа не так бесстыдна и цинична в своем равнодушии. Потом, в ночной жизни больше и смысла, и цели. Это я заметил и позже — во время эвакуации. Перед самым рассветом есть какой-то излишек богатства цветов — излишек красоты. С рассветом же это проходит и цвета грубее, меньше оттенков. С рассветом природа — только эта природа, и трудно освободиться от ее грубости.

17 февраля. Пантеизм как представление моря с каплями-индивидуальностями так же неинтересен, как и материализм, но представление одной только сущности, которая становится на место, освободившееся от индивидуальности или возможности индивидуальности, соблазнительно, как и солипсизм.

3 марта. Умозаключение не совершается по правилу, но есть правило. В моей системе выводов это очевидно. Но и в обычных силлогизмах всё сводится к Dictum и условному умозаключению. Должно быть, так же и в математике. Это и страшно, что нет ничего, кроме пустого правила, и материализация его в примерах, то есть телесность и конкретность, только видимая, от слабости ума. Нет примера к правилу, вот что страшно.

6 марта. Удовольствие от боли. Пушкин — «Как с древа сорвался» — чистая, не омраченная чувствами боль. Затем, сегодня по радио: польские песни. Это боль, но уже омраченная некоторым чувством, еще благородным. Наконец, сейчас — из «Сильвы». Это уже чувственная физическая боль. Откуда это наслаждение болью? Предвкушение смерти?

Первый страх, вернее не первый, а предварительный, — в детстве два часто повторявшихся кошмара: скрежет зубов и цифра пять. Это преддверие страха. И еще — приятно тошнотворно сладостное и иногда страшное ощущение — название каши — «Нестле».

Первый страх: рождения и смерти, когда мне было 9 лет. И потом непрерывный страх смерти, особенно по вечерам перед сном, в течение 10 лет. Затем прошло и только иногда возобновлялось. Взамен этого страх смерти близких, и ужас в «Первоначальном и законе», и дифференциация страхов. Последние годы: страх забвения, страх окончательности, страх, что всё пройдет и всё ничтожно, страх раздвоения личности близких, страх невозвратимости, страх наслаждения болью и последний, самый страшный — точки, затерянной в пространстве.

11 марта. После перерыва, кажется несколько лет, сейчас снова «мировоззрение в носу». Но совсем уже без таинственности. Ощущение мерзкого греха.

17 марта. Я всю жизнь искал себя — то, что дальше всего от сна. Мне казалось, что я всё время живу во сне. Просыпаюсь же опять во сне. И снова просыпаюсь, и опять это только сон. И вот я искал наиболее ясного, не сонного состояния. И теперь боюсь, что нашел: это оно, которое приходит помимо моей воли, и, когда приходит, я избегаю его, предпочитая сон, так это страшно.

Несколько дней я читал скучные книги и болел, сейчас же вернулся к себе. Я заметил это потому, что мелькнуло **оно**, и я пытаюсь отвернуться от него.

16 апреля. Люди интеллектуального типа от уныния много едят, эмоциональные же при унынии теряют аппетит. И это не только потому, что при интеллектуальной деятельности забываешь о еде, внешняя же деятельность развивает аппетит, но еще потому, что те, кто не поддаются впечатлениям, понимают, что физическое удовольствие, если обратить на него внимание, остается.

Об этом (?). Помимо разделения души и тела удовольствия, кажется, и тело удовольствия имеет свою душу, например в различии наполнения и очертаний очертания — душа тела удовольствия.

О стихах Введенского: в каждой фразе главное направление мысли и погрешность. Погрешность здесь материализована: словом, нарушающим смысл главного направления. Стихи В., по крайней мере, двухмерные.

23 апреля. Как я буду умирать? Смогу ли сосредоточиться? Не пропущу ли главный переход? Мне кажется, если это пропустить, то умрешь уже навсегда.

7 мая. Если бы люди были уверены, что нет бессмертия, то было бы больше самоубийств. Ведь часто удерживает от самоубийства не боязнь потерять эту жизнь, но ту. Но и это не совсем верно. Эта жизнь оправдается той, она единственная, если есть та жизнь. Жалко потерять не ту жизнь, той не знаю, а эту, и жалко, что прошла она так неудачно, потому что единственная и уже не повторится. Но жалость к ней потому, что предчувствуется другая, и для нее эта ценна, но совсем не так, как она для меня сейчас ценна; для той эта, может быть, только средство, только некоторый знак чего-то, печать, билет на вход в ту. Для меня же она сейчас единственная и неповторимая, потому что только мне сейчас близка, а там она будет только заслугой или правом на вход. Но если совсем не было бы той, что была бы эта? И что жалеть то, чего уже нет?

8 мая. Значение этой жизни для той и для меня различно: она нужна и для той, но эта жизнь — моя. Так как она нужна для той, то имеет ценность. Так как моя, то единственная. Поэтому мне и жаль, что прошла неудачно, кому же еще жалеть? И оставить ее жалко, потому что есть, быть может, еще другая и оставление этой не простое уничтожение и в то же время вернуть уже нельзя будет.

2 июня. Вчера выходило, как будто мы скоро уезжаем. Сегодня — как будто уже не скоро, во всяком случае я. Кажется, всё у нас так устроено, что обязанность каждого служащего гадить другому. Неудивительно, что тогда ничего не получается. Это к свидетельским показаниям. А главное вот что: после всех этих мерзостей и бессмысленной сегодняшней беготни по директорам, предместкомам и пр. мне вдруг так захотелось музыки, как, кажется, никогда за три года. И как всё у нас, и это неосуществимо. Говорят: я имею моральное удовлетворение от службы. Я имел моральное удовлетворение от службы один только месяц, когда был сторожем при разрушенных яслях.

10 июня. Мы видим некоторый ритм в движении светил, в смене дня и ночи, времен года. Мы чувствуем некоторый ритм в шуме морских волн, шорохе леса, в движении животного. В физике мы сводим движения к периодическим или почти периодическим. Если же, как это большей частью и бывает, это сведение не удастся, мы говорим о наложении нескольких периодических движений. Присущ ли этот ритм природе сам по себе, или это только результат нашей рефлектирующей способности? Именно физика вызывает это сомнение, так как большинство движений не удастся свести к простым периодическим колебаниям и для этого придуманы почти периодические движения, периодические с затуханием и суперпозиции. Но, может, в природе основное движение не периодическое, не ритм, а какое-то другое, неизвестное нам, видимые же нами немногие ритмические движения можно было бы объяснить наложением этих неизвестных сейчас основных. Ведь наше представление о ритме связано с кругом, и наши машины основаны на применении круга, в природе же круга нет и движение достигается без помощи круга. Круг — интеллектуален, и, создавая орудия передвижения и машины, мы не следуем природе, и так же, может быть, мы искажаем природу, внося в нее ритм.

Две наиболее естественные для нас линии: круг и прямая — наиболее чужды природе.

8 октября. Мф. 9:12. «Не здоровые имеют нужду во врачах, но больные. Пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы. Ибо я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию». Христос вне системы. Если бы всё было хорошо, то есть в совершенной замкнутой системе, Христа не надо. Я не завидую этой совершенной системе без Христа. Совершенная система — совершенная предельность — смерть. История небольшой погрешности: первоначально погрешность была именно погрешностью — неизбежным недостатком. Но затем я увидел, что система без погрешности включает в себе еще большую погрешность — погрешность предельности. Тогда погрешность стала достоинством. Но при этом она перестала быть погрешностью. Непонимание, недоумение, боль (бытия) нельзя исключать из погрешности, как это делали мы с Д. И.: некоторое непонимание есть понимание. По-видимому, впервые я это понял еще в Александровском парке, когда возникло «О деревьях». Совершенная система без Христа — система без погрешности. Непонимание-понимание — это и есть Благая весть.

30 октября. Я не умею думать. Когда я пишу, я не думаю, мне думается. Когда же прихожу к сомнению, как сейчас, когда ищу погрешность к абсолютному, опять не думаю — не умею думать, но ложусь спать. И за ночь, наутро или за несколько дней недумания само придумывается.

Есть бесплодное желание писать: когда приходишь к тупику и надо подумать, но думать не умею. Или писать не думая и совсем ни о чем, без всякого намерения. И иногда бывает хорошо. Или сидеть без дела и мысли, и тоже бывает хорошо. Но сейчас буду писать о том, о чем давно уже думал: о способах поведения, о Л., Х., В., О. Один способ — играть роль. Это Х., а Х. говорил, что самый большой актер — я. Но это, может, и верно было до войны, сейчас неверно. Но о Д. И. Введ. говорил: он не только пишет стихи, он сам искусство. И Д. И. говорил мне раз (в Летнем саду), какую жизнь считал бы он для себя наиболее удачной: не писать стихи, но сделать жизнь. Но перед исчезновением у него появилось другое: «Зажечь беду вокруг себя» — это из «Добротолюбия». Но это продолжение того же: не писать, но жить. Еще интересно, что только у Д. И. была дружба, не интеллектуальная, но настоящая мужская дружба. Раньше Д. И. и Введ., потом Д. И. с Ол[ейниковым], потом, кажется, и с Заб[олоцким], наконец со мною. У меня это было только один раз в жизни. Другой способ — О. Это тоже блестящий способ поведения. Х. был всегда самим собою или, скорее, не самим собою, а тем, кого он изображал. О. — единственный человек, который мог не бояться пошлости. Женщинам он говорил: фарфоровая куколка, божья коровка, провозглашал тосты: за человечество, за человечество, за человечество. Но всё это с какой-то гениальной интонацией, передать ее невозможно, и было очень смешно и немного страшно. Еще я помню, как он изображал слепого гусяра. Это была замечательная игра. Д. И. играл самого себя, а кого играл О. — не знаю. Внешне это производило блестящее впечатление. Третий способ — ничего из себя не изображать, и так вели себя В., Л. и я после войны и даже еще раньше. Игра кончилась, когда нашел себя в писании. Может, потому у Х. и у О. меньше удалось, что у них больше ушло в жизнь.

1 ноября. Я подумал: простит ли Бог или не простит. Ведь это было, то есть совершилось, и есть вне времени. То есть стал ли я другой или обстоятельства переменялись, а если бы повторилось, то было бы, может, то же? Но потом я подумал: прощу ли я это Богу. Ведь, если я понял, я виновен, а если не понял? Зачем надо было, чтобы это было, зачем надо было, чтобы один не понял, а другой понял и виноват тот,

кто понял? Я понял, и я виновен. Я мерзость. Зачем нужна была эта мерзость?

Затем еще. В Чаше у нас был котенок. Он заболел и умирал, должно быть с голоду. Мы тоже голодали, но не так уж сильно. Но было очень плохо. Плохо было то, что Чаша для нас — неволя и мы очерствели. В крайнем случае уж как-нибудь, может, и можно было достать молока для котенка. Умирал он ночью в соседней комнате-кухне. Проснувшись, я слышал, как он плакал, как ребенок, и я не взял его к себе в постель отогреть.

Но если, предположим, сейчас я бы и взял его к себе в постель, будь он такой же грязный: от слабости он делал под себя, — разве это что-нибудь изменило бы? Сейчас обстоятельства другие. Но кто создал обстоятельства, как не Бог? Но, с другой стороны, легко быть хорошим, когда хорошо или не слишком плохо. Но опять можно спросить: до каких же пределов терпеть? И нет ли пределов для всякого человека?

Еще о котенке, трогательное: он старался, пока мог, не делать под себя, и когда надо было, вылезал из ямки под печью, хотя это было уже очень трудно.

Но предположим, я бы взял его и отогрел, и ему было бы не так страшно, но он всё равно бы умер, не в эту, так в следующую ночь. Было бы менее страшно умирать ему, лежа со мной в постели? Может быть, когда всё другое было бы лучше, то умирать было бы страшнее? Но положим даже, что лучше. Меня бы не мучила сейчас эта смерть, я бы не чувствовал ответственности. Но ведь всё равно смерть останется и виновного, и невинного, и отвечает за нее и за всякую смерть или я, согрешивший в Адаме, или кто-то другой. Я не говорю, что не должен был взять, было бы лучше, если бы взял, но было бы хуже, если бы, взяв, я успокоился после его смерти. Я почти одинаково виноват и взяв его, и не взяв. Если бы и взял, то на какую-то каплю сократил море своей мерзости, но если бы, взяв, успокоился, то еще бы увеличил.

Может, это и есть любовь, которой у меня нет и которой я не понимаю. То есть я увидел ее, но она в стороне от меня. Еще я не понимаю, как можно стать лучше, если нет времени. Но, с другой стороны, ведь есть-то только сейчас и то сейчас, которое сейчас. Но здесь опять непонятно, ведь сейчас обстоятельства лучше и сейчас взять не то, что тогда. Но если бы сейчас стало, то сейчас что бы я сделал? Затем, многие возьмут к себе в постель умирающего котенка, но возьмут ли прокаженного? Тогда что стоит их любовь к котенку? Затем еще: когда начинаю писать и думать, то помимо того, что думаю, приходит то: или как та боль (бытия), или как непонимание, или как мутит от науки, или как точка, затерянная в пространстве.

Еще: как любовь из моральной, затем из жалости и сочувствия, затем из боли становится онтологической, ведь так предполагается? Ведь она должна быть не только очищением, но и заполнением, причем не только заполнением чувства, но и заполнением некоторого сверхчувственного? Кажется, я немного понимаю это, когда представляю Христа, идущего по воде. То есть *одно два* или в нем, или за ним, я должен найти эту любовь. Она должна не только успокоить, то есть удовлетворить меня, но и просветить. И не только через эту любовь, но в ней я должен найти что-то.

3 ноября. Положим, есть десять степеней совершенства, я дошел до третьей и вот уже не могу спуститься ниже, но или останусь на третьей, или перейду на четвертую. Теперь же так: дохожу до шестой или седьмой и падаю на вторую, и что знал, уже не знаю. Или у Бога другой счет степеней совершенства? — «Высокое у людей — мерзость перед Богом». Мне казалось, я уже понимаю и четвертое Евангелие, и вот снова не понимаю.

7 ноября. Я до того не умею думать, что мысль возникает у меня вместе с написанным словом, а сейчас я заметил, что мысль явилась, когда больше половины фразы было написано — на середине слова «противополагалась».

Со вчерашнего вечера я в новом восхищении, и это удивительно, что я еще могу быть в восхищении, и это что-то от Бога.

Мне казалось, что я уже отстоялся, и я думал: как хорошо было раньше, можно было уйти в монастырь. Не просто покой и воля, но именно монастырь — уйти от света и даже от воли, то есть от своей воли. Но это же одно: воля, то есть свобода, и воля — желание. Это интересно: отрицательное понятие — независимость от чужой воли и положительное — своя воля обозначаются одним словом: воля. Я хотел уйти в монастырь...

В Евангелии что понимаю, то люблю и понимаю, а чего не понимаю, не понимаю и верю, и хочу верить, не понимая. Но теперь снова Евангелие от Иоанна непонятно и странно почти всё, и уж я не знаю, что сказать. А Деяния и Послания не нравятся. Мне всё кажется, что Апостолы укрывают от нас настоящего Христа, не понимая Его. И зачем столько дел и суеты. Сразу же после Христа не Мария, но Марфа заняла первое место. Да и не может быть иначе: всегда на первом месте

Марфа. Мария не будет Марией, если сядет на первое место, она избрала благую часть.

В критике Евангелия всегда есть что-то некрасивое и неумное, но всё же я отделяю как-то Благую весть от написанной Книги. Я бы хотел целиком, абсолютно, безоговорочно принять хотя бы четыре Евангелия. Еще первые три я принимаю безоговорочно: что понимаю — люблю, верю и понимаю, чего не понимаю — люблю, верю и не понимаю. Я закончу Послания и Апокалипсис и снова начну Евангелия.

У Флоренского мне понравилось не то, что он говорит, — он вообще ничего не добавил и не разъяснил, но цитаты о Святом теле и одно постановление Соборов, или Отцов: анафема тому, кто не женится не ради святого девства, но потому что гнушается. И еще: совершенно непонятно о Богоматери. От Нее будто бы сохранились две записки или письма. Не говоря уж о том, что это страшно безвкусно: письма Богоматери; я могу верить в беспорочное зачатие, но всё же должна быть какая-то дистанция. Вообще легче поверить в то, что никто никогда не видел. Очевидцы и свидетели не только нарушают чистоту веры, но даже ослабляют ее. Я верю в чистое чудо, но в зафиксированное поверить мне труднее. Мне кажется, люди просто не думают об этом. Может быть, никто не верил бы в беспорочное зачатие, если бы увидел письмо Богоматери. Или же не поверил бы в письма Богоматери. Да и вообще, как может писать и вообще что-то делать Та, с Которой случилось величайшее из чудес? Мне кажется, Она должна была бы всю жизнь после этого молчать.

Это можно записать формулой. Пусть:

$A \rightarrow B \rightarrow C \rightarrow D \rightarrow E \dots$ —

это естественный ряд.

Тогда:

$A \rightarrow B \rightarrow \dots \rightarrow X \rightarrow a \rightarrow b \rightarrow c \rightarrow \dots \rightarrow C \rightarrow D \rightarrow E \rightarrow \dots$,

и здесь X — чудо, $a, b, c, \dots$ — то, что из чуда последовало, и лучше так:

$A \rightarrow B \rightarrow C \rightarrow D \rightarrow E \rightarrow \dots X \rightarrow a \rightarrow b \rightarrow c \rightarrow d \rightarrow e \rightarrow \dots$

То есть чудо было, было с нами и есть сейчас, но всё же оно не связано непосредственно с естественным рядом. Понимание этого — некоторый такт, и в Евангелии есть этот такт. Но если бы:

$A \rightarrow B \rightarrow X \rightarrow C \rightarrow D \rightarrow E \rightarrow \dots$,

то есть чудо вошло в естественный ряд как его член, то оно не было бы чудом. — Это одна ошибка. Противоположная ошибка — удалить чудо совсем от нас. Чудо должно быть с нами совершенно реально и конкретно. И я верю, что «Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца». Но в письма Богородицы я не верю, и в Евангелии о них ничего не сказано, и слава Богу, что никто никогда не сможет этого доказать, иначе трудно было бы поверить в то, что Слово стало плотью. Ведь если это было бы доказано, то я стал бы сомневаться, что родившийся

от Нее — Бог. Но если бы и это было доказано, то зачем верить? И стало бы уже законом природы и таким же недостоверным, как всякое знание. Но вера сильнее и реальнее знания.

10 ноября. Бог должен быть нигде, ничто, никак и еще никогда. Пространство, время, субстанция и качество — вот что неприменимо к Богу. Может, только **Кто** можно оставить в применении к Богу. Но лишив Его и этого, еще более возвысим.

Церковь — собрание. Где двое или трое соберутся во имя Мое. Зачем собираться вдвоем и втроем? Затем ли, что так легче, или вдвоем и втроем узнаем больше, чем по одному? Ведь главное, подумай о душе. Но также: люби ближнего своего.

Люби Бога и люби ближнего. Любить Бога и значит думать о душе. «Люби ближнего» можно ведь толковать так: не люби себя, то есть подумай о душе. Тогда любовь к ближнему только средство для того, чтобы думать о душе и о Боге. Но зачем собираться вдвоем и втроем? Я не говорю, что этого не надо, раз в Евангелии сказано, что надо. Я только не понимаю и спрашиваю: дается ли этим только поощрение ради нашей слабости; тогда, собираясь вдвоем или втроем, я как раз не думаю о своей душе, но или отдаюсь некоторому приятному стадному чувству, просто избегаю одиночества, чтобы не думать о главном, или отдаюсь тщеславию, рассказывая, как я хорошо и умно думал о душе, или честолюбию и властолюбию — поучая. В лучшем случае я утешаю другого, но и это не так хорошо. Во-первых, я получаю от этого какое-то эмоциональное удовлетворение, которое само по себе, должно быть, не очень хорошо, то есть я думаю: как я хорош. Во-вторых, отвлекаюсь от главного. В-третьих, тому, кого утешаю, даю камень вместо хлеба. Он удовлетворится, ничего не узнав, и лучше уж ему быть плачущим: блаженны плачущие, ибо они утешатся. Но утешение, которое я могу дать, только суррогат. Если же всё это не так, и чтобы молиться, надо не уйти в свою комнату, как говорит Христос, но собраться всем вместе и вообще собрание что-то дает, то что? И здесь я не удовлетворюсь общим ответом, что дается благодать, потому что она дается и одному, или что церковь тело Христово, потому что тело Его — хлеб и кровь Его — вино, или что так легче найти путь, потому что легкий путь не есть еще правильный, и о трудности пути говорит Евангелие. Я спрашиваю ясно и хочу получить такой же ясный ответ:

1. Что такое любовь?
2. Почему надо быть не одному, а вдвоем, втроем, вообще в собрании — церкви?

Это два различных вопроса, и в первом я еще нахожу некоторые оттенки и виды любви, но всё же ответа не нахожу. Но если и найду полный ответ на первый вопрос, второй останется.

Доказанное неубедительно. Наиболее убедительно то, что ускользает от доказательства и вполне неуловимо.

Сон. Он лежал в могиле, и хотели испробовать какой-то способ его оживить. В могиле прокопали дыру на несколько саженей вглубь, он лежал как бы в колодце. Затем надо было уложить его в определенном положении и сделать укол. Я вижу, что на его месте, кажется уже на кровати, лежит другой он. Он же, но другой и как будто уже живой, а тот еще мертв. Второй занимает его место, и я говорю: как же сделать ему укол, если его место занято другим — его двойником? Но вот они на разных кроватях. Тот, кому должны сделать укол для оживления, встал с кровати, делает гимнастику, обтирается, готовится к уколу, а я лежу с другим. Да, еще до этого кто-то назвал одного из них моим отчимом, а другого — отцом, и я всё думал, как же это, я их одинаково люблю, и оба — один и тот же, но всё же один из них в каком-то смысле раньше и, значит, тот — отец. В то время как один из них готовился к уколу, я вдруг подумал: да ведь укол-то надо делать не ему, а тому, кто со мной на кровати лежал, всё перепутали, теперь тот утомился и умрет, а этот не оживет. Значит, на кровати со мной лежал тот, кого надо было оживлять, а оживлять хотели живого. Тогда тот, кого надо было оживлять, встал с кровати и начал готовиться к уколу, но было уже поздно. В это время я проснулся, причем во сне, и стал повторять сон, чтобы не забыть. Но я помнил так хорошо, что не надо было повторять. Я смотрел вдаль: темное небо, лес или поле — и думал: почему их двое? Ведь он один и умер, и я понял, что потому и два, что умер. Потом появились какие-то люди, но я не мог с ними остаться и, чтобы длинно не объяснять, сказал: я не могу остаться с вами, так как сейчас будут оживлять моего отца и отчима, и пошел к ним, то есть к нему и его двойнику. Я не мог определить, кто из них он, кто двойник. Потом началось оживление, то есть то, что было раньше.

Я какой-то отверженный. Во-первых, не умею разговаривать с людьми. Во-вторых, боюсь, когда ко мне кто-нибудь льнет. Я здесь боюсь, должно быть, некоторой несамостоятельности души. Ведь Т. я говорю и о том, что думаю, и выбираю ей книги, и когда она сказала: я ученица Я. С., — мне понравилось, но, что бы я ни говорил, у нее есть

свое, то есть у нее свой взгляд на мир. Несамостоятельность души — это некоторое отсутствие души — безличность. Здесь есть боль. Почему Бог сотворил одну душу как вот эту единственную, а другие — подобными друг другу, без того, что делает каждую единственной? Чтобы отказаться от своего, надо иметь это свое. Но я думаю, есть и такие избранные, которые уже от рождения не имели и не искали ничего своего — блаженны нищие духом. Но когда ко мне кто-то льнет, я чувствую, что у него нет своего, но он, вместо того чтобы радоваться, ищет свое у меня. Но что я могу ему дать? Я не Бог. Помимо того, боль.

20 ноября. О предчувствиях. Жизнь я сравнил с шариком, который катится по рулетке. Он пущен с определенной скоростью, и у него есть опасные смертные числа, например 4 и 9. Первое благоприятное, второе неблагоприятное. Около этих чисел — небольшая неровность, так что шарик притягивается к ним, проходя мимо. В конце концов он остановится на одном из этих номеров. Шарик обладает некоторой свободой воли и может приближаться к любому номеру, но не знает последствий своих поступков, так как не знает всех неровностей доски, а также счастливых номеров. Поэтому большей частью решает случай: прошел ли он свои смертные номера. Приближение к смертным номерам — предчувствие смерти, вернее окрестностей смерти, смертной полосы, смертных номеров. Поэтому предчувствие может не оправдаться: я благополучно прошел окрестности смертных номеров, хотя был близок к ним, и вступил в новый круг.

24 ноября. Формула особого существования. Три места — три Лица. Первое место пусто, на нем второе Лицо. Оно должно быть пустым и на самом деле пусто, но пока как бы не пусто и всё, что на нем есть, пока как бы есть. Когда же пусто и на нем второе Лицо, первое место станет вторым: первым и вторым. Здесь должно бы быть третье Лицо, но это место безличное. Почему всё-таки здесь не будет второго Лица? На первом месте может быть Лицо, но без существования. На втором — существование без Лица. Но оба необходимы для реальности. Второе Лицо переводит это в то, которое есть это и то. Это и есть особое существование. Второе Лицо есть на первом месте, тогда нет первого места, но второе — первое и второе. Но переход со второго места на третье должен быть иным: в **не-то**. Но может ли он быть так же рационально обоснован, как прежний? Это должно быть формулой особого несуществования.

28 ноября. Когда я говорю: я хуже другого, то есть хуже среднего человека, в этом чувствуется какое-то двойное фарисейство, и, значит, я действительно хуже другого. Двойное же фарисейство вот в чем: когда я говорю — я хуже другого, я сразу же думаю, даже не думаю, а чувствую или мелькает — я сознаю, что хуже другого, — вот как я хорош, я не фарисей, я лучше другого. Это двойное фарисейство, так как простое — сказать: как я хорош. Но затем будет тройное фарисейство и т. д.

Но это действительно: если я делаю хорошее, то или потому что люблю того, кому делаю, и, значит, мне это нетрудно, или потому что мне это легко. В обоих случаях — цены не имеет. Но, с другой стороны, мне многое легко, потому что мне уже не надо многого своего, так как в этой жизни вижу не эту, но **ту**, то есть абсолютную. Это хорошо. Но, признав, что это хорошо, признал, что и я хорош. Это уже снова плохо. Но вот теперь некоторые абсолютные состояния.

Во-первых, когда вижу **то**, а не **это**.

Во-вторых, когда ощущаю мерзость и ощущаю ее как свою мерзость, то есть не могу отделить этой мерзости от себя и сам себе нестерпимо мерзок. Остальные — сомнительны, в этих же нет оценок: когда вижу **то**, мне хорошо (если не страшно), когда вижу мерзость, мерзко.

Где Бог? Дальше всего. Но ничего нет, кроме Бога. Значит, ближе всего.

5 декабря. У Флоренского я прочел. Отцы церкви постановили: анафема тому, кто соблюдает девство не ради девства, а потому что гнушается женщины. Это значит: не должно быть предпочтения одной женщине перед другой, тогда гнушаешься другой. Я не должен развратничать не потому, что следует предпочитать одну, но потому, что «кто может вместить, да вместит», но дается послабление: с одной можно. Тогда развратник, не отдающий себя целиком ни одной, праведнее влюбленного в одну. Вообще на том свете обнаружится много неожиданностей.

26 декабря. Я ощущаю себя искрой в пламени и живу, пока вспыхиваю. Это почти ощущение прагматизма, во всяком случае близко к нему. У Бергсона вместо пламени — жизненный поток. Бог должен быть дальше, жизненный поток, пламя — среднее между мною и Богом, и это абсолютизирует прагматизм. Но, поставив Бога дальше всего, я придвину Его ближе всего, так как всё среднее неустойчиво и не будет ничего между мною и Богом. То есть имеются только два: я и абсолютное; и абсолютное или в какой-то мере однородно мне, и это

прагматизм, тогда третье — Бог — фикция, или вполне неоднородно, тогда второе — мир, жизненный поток, действующее **я** — фикция. Первое абсолютизирует объект, называя его Богом или **я** — всё равно, или, как это делаю я, само отношение, второе — субъект.

Ведь абсолютизация субъекта не в том, что его делают объектом, а в том, что абсолютизируют субъективность. В первом же случае приходим или к **я**, или к Богу, и их не совместить, или к некоторому состоянию отношения: оно — абсолютное, но не Бог, Бог дальше. И оно не станет между мною и Богом, потому что это состояние — я сам и это состояние — ничто.

Почему физические удовольствия и особенно физическая боль не запоминаются, а другие, не физические, запоминаются лучше и иногда и некоторые из них часто даже переживаются с той же силой?

Почему воспоминание всегда неприятно или печально? Внешний ответ: потому что вспоминаю, когда не действую, значит, не радуюсь. И это верно, но главное или какой-то внутренний слой: всё, что подвергнулось действию времени, мерзко.

Я вспоминаю себя в прошлом, и всё в нем глупо и мерзко. Было ли глупо и мерзко тогда? Может, так: я совершаю поступок, но, совершив, вспоминаю. Совершаю в одном слое — вневременном, вспоминаю в другом, во времени, и не то, что было, не вспоминаю, а придумываю. Они вполне различны: одно было, другое, придуманное, придумывается как воспоминание: для того чтобы связать придуманное с тем, что было, оно называется воспоминанием. И в первом я действительно свободен, во втором нет никакой свободы. Это понял Кант — трансцендентальная и эмпирическая характеристики.

При повторении события в воспоминании оно механизмуется.

Франциск Ассизский называл свое тело: брат осел. Сейчас у меня брат осел непривередлив и смирен. Но и я ему иногда потворствую. Он ест у меня беспорядочно и нерегулярно и особенно не жалуется. А так как он непривередлив, то, когда у него в брюхе пусто или просто ему скучно, я и разрешаю ему иногда напихаться сколько душе влезет, и он удовлетворяется чем угодно, хотя бы и одним хлебом, даже черствым. Может, это тоже иногда от некоторого уныния, ведь скука от уныния, но всё же лучше, чем меню на две недели вперед; это — культ еды, а то — обжорство. Обжорство — русское и лучше западного гурманства. Ведь и брюхо создал Господь Бог, и не грех заполнить его.

То, что я называю состоянием точки, затерянной в мировом пространстве, или мировым провинциализмом, в каком-то отношении дальше боли, хотя боль — более общее и включает в себя и это состояние в третьей категории — ничтожестве.

Я шел по улице усталый, и сердце болело, но я этого сейчас не замечаю, и думал: я и Бог, вот что осталось, почти только это, и теперь осталось последнее: уничтожить **я**, не насильственно, но через понимание, и останется один Бог.

28 декабря. Верно ли, что если одно предполагается так, что другого нет, то такое предположение ложно и одного нет, и если одно находит место другому и предполагает его, то такое предположение истинно и одно есть? Если же так, то некоторое сомнение, не утверждая себя ни полной достоверностью, ни полной недостоверностью, но допуская возможность и той и другой, истинно. Как это возможно? Оно истинно, не имея формы истины.

1945

14 марта. 1. В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. 2. Оно было в начале у Бога. 3. Всё произошло чрез Него, и без Него не начало быть ничто, что произошло. Мне кажется, Иоанн различает: абсолютное и Бог. Начало — абсолютное, но не Бог. Если во всяком начале — обозначение и знак, то в абсолютном начале абсолютный знак — Слово.

Формула существования: здесь, там, там-здесь и там, там-здесь и там — у нас. Но тогда — за тем: там-здесь и там; за тем; там — не там, а за тем; там-здесь и там, не там, а за тем и у нас.

Здесь —————	там —————	В начале было Слово
Там —————	за тем —————	Слово было у Бога
Там-здесь и там —	там — за тем —	Слово было Бог
Там — у нас —	за тем — у нас —	Оно было в начале у Бога

За тем — не только не наше, но еще дальше, чем **там**. Но за тем находим наше и **здесь** за тем, и **за тем** Через Слово и у нас. То, что дальше трансцендентного и выше высокого, через Слово стало моим.

Иной способ бытия: существующее не в существующем, а за существующим — оно есть не там, где есть, но **за тем**, причем дважды: первое возвышение: в начале — у Бога. Второе: у Бога — Бог. Если существующее акт, то двойной акт: от своего — к моему и от моего к не-моему, причем этот двойной акт — один и второй — осуществление и существование первого. У Иоанна: два места Слова — в начале, то есть в творении, и собственное Его место — у Бога, это первый переход. Вторым же переходом: Слово было Бог — уничтожается возможность всякого регресса и объективирования, то есть ошибки гностицизма.

Абсолютное — не вещь и не субстанция, а начало — творение. Творение обращено в две стороны: к нам — в начале было Слово, и к Богу — и Слово было у Бога. Бог как творец, то есть поскольку Он сотворил мир — Слово — и Слово было Бог.

Иоанн начинает не с Самого Бога, то есть с Отца, но с Сына и с творения: в начале... Сам Бог — первое, но нельзя о нем сказать: первое. Сказанное уже второе. Это уже чисто философское правило: начинать не с абсолютно первого, но с среднего принципа, начало и есть этот принцип — не абсолютно первое, а первое сказанное. Но, начав с абсолютно первого, мы сделаем его отраженным абсолютным.

Абсолютное — не только творение, но и возвращение к Творцу. И это тоже сказано: в начале было Слово. Здесь начало сразу же и начало, и конец: Слово, которое было у Бога и которое есть Бог. Абсолютное начало — завершённая система — начало и конец. Но тогда нет мира, нет меня. Абсолютное начало как незавершённое есть завершённая система: «Оно было в начале у Бога», в начале — незавершённость, у Бога и Бог — завершение. Это противоречиво и немыслимо; мыслимо как немыслимое.

Одномерное, плоское, только мыслимое и непротиворечивое — сотворённое: то, что в нем только мыслится, предполагается.

Двухмерно — творение, абсолютное. Трёхмерен — Бог.

Одномерность и многомерность — это и в искусстве. Первое — на естественном пути, второе — на особом.

Двухмерность начала и творения — отделение и новое соединение: то, что не мое и никогда не было моим, только то и есть мое.

В начале было Слово. Два толкования:

1. Начинать не с первого, а с среднего, не с Отца, но с Сына. Значит, о способе исследования.

2. Начало — творение. Содержание начала.

Сейчас я снова перечел Евангелие от Иоанна.

1:4-5. В Нем (Слове) была жизнь человеков, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его.

1:9-10. Был свет истинный, который просвещает всякого человека, приходящего в мир. В мире был, и мир произошёл чрез Него, и мир его не познал.

1:12. ...Верующим во имя Его дал власть быть чадами Божиими.

1:14. И Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины.

1:17. Ибо закон дан чрез Моисея, благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа.

1:4. Жизнь, которая была в Нем, — существующее или абсолютное — творение, и эта жизнь — свет человеков, то есть путь в творении от сотворённого к Богу. Акт, которым Бог творит мир, душа возвращается к Богу.

1:5. Свет и тьма — действительное и возможное.

1:9-10. **За тем** — у нас. Это же в 1:14.

15 марта. Ин. 3:16. Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного... Во-первых, Бог не раньше сотворил мир, а потом отдал Сына, но *жертва Сына и была творением мира*, и только для нас это два. Бог как творец есть Сын и тогда жертвует Собою — Сыном. Творение невозможно без жертвы и без боли, *творение и есть жертва и боль*. Бог — не одно, а *одно два*, его природа — сверхприрода — Мир

перед Богом. Во-вторых. Жертва — погрешность, но теперь служит к еще большей славе Бога: дабы всякий верующий в Него имел жизнь вечную.

3:17. Ибо не послал Бог Сына своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него. Сотворенное отпало от Бога, теперь оно может вернуться к Богу по суду и по вере. Два способа видеть и иметь: суд и вера. Суд — судить — суждение — случайно ли это?

3:18. Верующий в него не судится, а неверующий уже осужден, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия.

3:19. Суд же состоит в том, что свет пришел в мир. Во-первых, Бог послал Сына не судить, но спасти — верующий не судится, а неверующий уже осужден. Во-вторых, суд в том, что свет пришел в мир. Суд в том, что нет суда. Но всё же это суд, так как произойдет отделение. Подобно этому и воздержание от суждения, которое есть суждение воздержания от суждения.

20 марта. Когда ничего не действует, ни чувств, ни мыслей не осталось, Евангелие пробуждает, но и это не всегда. В Чаше и Свердловске, и в ничто, и в боли была жизнь. А сейчас? При этом я хорошо сплю и спокоен, как боров, как каплун. И это, кажется, единственная мука, что нет муки.

25 марта. Ничегонеделание само по себе приятно. Почему же так мучительно сейчас? Я заинтересовался статьей об Авенариусе, но чувствую, как сейчас подступит о н о и всё станет неинтересным. Что это? Состояние боли или точки, затерянной в бесконечном пространстве, или предвечерняя тоска, или тоска по Абсолюту? Я хочу понять это, но как понять то, что лишает меня всякого понимания?

6 апреля. Небольшие погрешности в изложениях тех же событий различными евангелистами только подтверждают историческую реальность Христа.

10 апреля. Говорят, жизнь коротка. Но каждый вечер мне кажется: и этот вечер, и этот день был невероятно длинен.

11 апреля. До какой степени это дойдет? Чем кончится? Кажется, так еще не было. Всегда кажется, что так еще не было. А эта тетрадь и еще другая? Но здесь ничего не сделано, только обрывки мыслей. Мне показалось: в этом распаде и в этих обрывках мыслей что-то есть, но я уже забыл что.

19 апреля. Зиммель: именно нерелигиозные люди нуждаются в трансцендентной реальности... кто не имеет Бога в себе, тот ищет Его вне себя... У религиозных гениальных и творческих людей внутренняя религиозность была настолько плодотворна, что не довольствовалась формулированием жизни, но проецировалась в бесконечное, чтобы оттуда вернуться назад под видом трансцендентного... Вера — это *Beschaffensein*.

Эта *Beschaffensein* противнее материализма и атеизма, они просто глупы, *Beschaffensein* — лицемерие. Что бы ни говорили, но на вопрос «смертью смерть поправ или не поправ?» надо ответить прямо: да или нет. А Бог *als ob* вообще никому не нужен и не Бог.

Воббермин: лучше вместо Бога говорить о трансцендентной реальности. Но ведь это две совершенно разные вещи: Бог и трансцендентная реальность.

20 апреля. Философия, как и математика, доходит до последних неопределяемых элементов, только число их должно быть не слишком мало — ошибка выведения, и не слишком велико — ошибка неопределенности.

25 апреля. Апория времен в истории. Россия — настоящее, Европа — время. Прошлое реально сейчас, это не прошедшие минуты, часы, годы, но воспоминание о прошедшем. Два рода жизни: сейчас и сейчас, обремененное воспоминанием. Я подумал это по поводу прекрасной истории о бретонском дворянине-прядильщике в воспоминаниях Ренана. У нас нет истории, поэтому нечего вспоминать. Или наоборот: мы живем сейчас, поэтому не вспоминаем. И так было, должно быть, всегда — икона.

{История не в перечислении событий, но в обремененности настоящего прошлым. Всегда есть только сейчас. Но это сейчас или есть сейчас как было, или сейчас как будет, и второе — в Евангелии: «Итак бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий». Два сейчас: вспоминать или ожидать.]

4 мая. Шперк: свобода воли или в природе чистой воли, тогда ничтожная воля, или в природе мотива воли, тогда абсолютная. Чистая форма — отсутствие содержания — небытие, поэтому сознание и воля, как чистая форма, — небытие.

Небытие выражено не в смерти, а в чистых формах — в сознании и воле. Если так, то мы мертвы частично, поскольку обладаем индивидуальностью, совершенная индивидуальность — смерть, а вечная жизнь неиндивидуальна. Сейчас мы на середине пути. Но от чего к чему? От небытия в совершенной индивидуальности к вечной неиндивидуальной жизни или от жизни и вечности к совершенному индивидуальному небытию?

По Шперку, первое.

11 мая. Если некоторое равновесие было нарушено, то оно уже восстановлено, так же как и облако, мелькнувшее перед ничто. И я сейчас уже на границе перед этим восстановлением нарушенного равновесия — безоблачным ничто, и я уже там, в нем.

12 мая. То, что ощущающий и чувствующий смертен, всё же не так страшно, как то, что думающий смертен. Ощущения и чувства прошли, и не бесследно, и то, что они прошли, и всё же не бесследно, — это мысль. И то, что проходит, — остается, мысль сохраняет, сама же не сохраняется — это страшно. Что **мое**: ощущение и чувство или мысль об ощущении и чувстве? Страшна смерть не чувства, но мысли о чувстве.

2 июня. Две крайние точки понятны, вернее представимы: Бог с тремя Ипостасями и Христос, идущий по воде, то есть Иисус Христос, сын Марии и Иосифа, родившийся при Ироде. Но объединение или отождествление Иисуса Христа со второй Ипостасью и Логосом непонятно и даже страшно. Жалко потерять Христа, идущего по воде.

Закончил новое исследование о времени. Я хотел бы запомнить сегодняшнюю ночь. Часа два, до 12, после первой записи я сидел и ничего не делал. Думать я не умею. Я вспоминал некоторые случаи из своей жизни. Когда я стоял перед событием, которого я желал и к которому долго стремился, когда уже подходил к нему и, казалось, достижение зависит только от меня, я отступал, даже не отступал, а воздерживался. Жалею ли сейчас, что воздерживался? Не знаю, мне всё равно, кроме, может, одного случая. Отчего я воздерживался? Трусость

или честность, мне кажется, не были главными причинами. Еще я нахожу две причины: не смотреть по сторонам, не менять самовольно пути. Затем: жертва. Если же сейчас я немного жалею, то как это понимать? Я жалею, что родился. Но это сожаление относится не к прошлому, прошлое — знак настоящего. Когда я закончил одну из частей «Щели и грани» — об овце, вкушающей почки деревьев, было такое же утро мая или июня, не месяц важен. Было то же самое. И даже не могу сказать, что сейчас хуже, настолько сейчас то же. То же было и тогда, и так же сегодня лягу спать, как тогда, и то же будет утром, когда встану. Но ведь будет хуже, нет того, и Л. не придет слушать «Новое исследование о времени», как пришел тогда. Но это — рассуждение, то есть способ речи.

15 июня. Два ощущения истории: релятивистское, циническое — Шпенглер и апокалиптическое; первое — сейчас воспоминание, то есть не сейчас, второе — сейчас ожидание, это противоположение времени — сейчас. Первое — либерализм, свободомыслие, но ограничено. Именно благодаря свободомыслию ограниченность.

9 июля. Архитектор создал план удивительного дворца или храма. Ему скучно брать чертежные инструменты и выписывать подробности. Он дал набросок плана, кое-где привел цифры — результаты вычислений, сделанных в уме. Пришел глупый человек, посмотрел на наброски и сказал: что за пачкотня, надо выбросить. Пришел образованный строитель и сказал: вычисления неточны, фундамент не выдержит. Пришел умный архитектор, выполнил вычисления, сделанные первым в уме, сделал чертежи и построил здание. Это по поводу моего «Трактата о критерии».

9 августа. Может, настоящая жизнь не жизнь, а некоторая пауза в жизни. Некоторая пустота в паузе, может, и есть настоящая полная жизнь.

22 сентября. Я пошел встречать Лиду и торопился, чтобы увидеть, как подходит поезд, потому что люблю, когда подходит поезд. Когда по радио объявили, что сейчас подойдет курьерский поезд, и увидел его вдали, вдруг как бы проснулся после двухмесячной спячки. Поезд —

иероглиф (Л.). Иероглиф вырван из времени и из общей связи, то есть вечен.

И еще одно событие: в магазине медленно двигалась по полу большая крыса. Она была больна или, может, стара и вышла умирать на свежий воздух. Когда люди приближались к ней, она приподымалась, пытаясь защищаться. Ясно было, что ей уже не удастся умереть своей смертью.

Только тот, кто совсем не думает о смерти, легко относится к убийству, хотя бы животного. Жалость к другому — это жалость к сотворенному, так как оно обречено.

Вот что было страшно: замедленный темп смерти. Крыса уже была в той комнате, в которую меня вели во сне, не было ни борьбы, ни надежды, она хотела только, чтобы ее оставили в покое в ожидании того страшного, что ей предстоит. Это был образ чистой смерти и также моя смерть.

Две жалости: к себе, ограниченному от другого и Бога, — сентиментальность, цинизм, атеизм; и к себе через другого и через Бога, тогда устранение себя, своих границ.

10 октября. В молодости: всё, что случалось, и хорошее и нехорошее, — хорошо, ощущение Провидения. Также и Д. И. Но сейчас я в этом сомневаюсь. Небольшая погрешность. Теодицея же безнравственна и нечестива: между мной и Богом не должно быть никого. Бог творит мир, имея в виду не весь мир и не целое, но каждого в отдельности и других для каждого. Теодицея должна объяснить страдание каждого, значит, мое, а не вычислять общую сумму страданий. Как будто бы Бог не мог сделать так, чтобы желания людей не сталкивались. В моем последнем унынии я ощутил некоторую значительность, но не могу даже сказать чего, и это мгновенное ощущение значительности важнее «Трактата о критерии».

11 ноября. Счастливым был Евклид, сидя на берегу моря и рисуя палкой на песке геометрические фигуры; он спокойно и не торопясь выводил теоремы одну за другой. Счастье было в том, что никто его не гнал и он никуда не торопился, и в том, что у него было дело на каждый день и он не знал *ignaviae*. Но не посещала ли и его *ignavia* и не казалось ли иногда и ему, что Бог не вычисляет и математика для Него пошлость, так как он видит всё сразу? То, что признается потом всеми, то есть общепризнанно и может быть доказано, то легче найти и меньше зависит от случайности; кто ищет общее, тому легче избежать *ignaviae*. Общее есть и в философии, например силлогизм Аристотеля, его

материя и форма — частное. Когда я искал свои 52 или 104 формы, время можно было заполнить и я не знал *ignaviae*, кроме существенной, когда всё общее — пошлость. Хорошо ли подавлять существенное пошлостью? Но что хорошего расплываться в общей несущественной *ignavia*? Но третье — выбрать то, чего боюсь и от чего бегу. Полная смерть — быть нерожденным.

8 декабря. Гений должен быть хоть немного неумным. Но так как в каком-то отношении он должен быть и умным, то надо разделить понятие ума.

Во-первых, умный тот, который быстро или хотя бы хорошо соображает, то есть делает правильные выводы, но это еще не ум. Находит необходимые и часто неожиданные послышки. Видит сходное и различное там, где другие не видят. Видит далеко вперед, то есть дальнейшие выводы, и также назад, то есть послышки. Причем всё это он видит и умеет не только в своей специальности. Это умный в общем смысле.

Во-вторых, умный тот, кто в своей работе умеет найти некоторое равновесие или гармонию, то есть в материале, который он создает, умеет пожертвовать частью ради целого, а также в своей области умеет сделать всё то, что умный в общем смысле. Это умный в частном смысле.

В-третьих, умный в смысле — практический. Это сюда не имеет никакого отношения.

Так вот умный в общем смысле, мне кажется, не может быть умным в частном смысле, во всяком случае не должен им быть обязательно, и, скорее всего, ум в общем смысле вредит уму в частном смысле. Может быть, не всякий даже вполне умный в частном смысле гений, но гений всегда умен в частном смысле. Но гений и ум в общем смысле несовместимы.

Что мне вредит? Ощущение истории, теории вроде — гений-пузырь. Вот эта теория, возникшая по поводу Толстого: гений подобен пузырю, который от внутреннего напряжения должен лопнуть, то есть в каком-то месте прорваться. Ему всё равно, где лопнуть, но он лопнет там, где поверхность его тоньше. Тонкость — это, во-первых, предрасположение, то есть талант, способность, интерес, склонность; во-вторых, внешние условия, воспитание и мода, то есть интересы общества и века; в-третьих, случайность или неслучайная случайность.

Я привел это как пример: определенная задача относится к области ума в частном смысле. Это требует некоторой нетерпимости и отрицания всех других задач. Разрешает эту задачу и, значит, отрицает все другие решения и задачи гений. Признание других задач и других решений требует некоторой широты, ощущения истории. Определяет

место данного решения и данной задачи в последовательности всех задач и решений умный.

Это значит: гений — абсолютный солипсист и в отношении других я и других мгновений в своем времени. Умный же тот, о котором в Апокалипсисе сказано: горе вам, что вы не холодные и не горячие, а теплые.

10 декабря. Как я представляю себе мир. В виде какого-то мерцания. В одном только мерцании, не в нескольких, только в одном мгновении. И это одно мерцание подобно некоторому ходу мысли, только не отвлеченной, а перенесенной в пространство мысли, то есть получившей существование благодаря новой координате, как об этом сказано в «Симфонии». Само же это одно мерцание, подобное ходу мысли, — **один** ход мысли в пространстве мысли, но у нас разлагается на ряд ходов, и они изложены в первой части «Соблазнов» — в «Квадрате миров». Это существующее. Затем во второй части — в «Числах» — это одно реальное мерцание должно быть изложено так, как оно кажется, — как система. Тогда, как незакрепленная сеть узлов должна распуститься в одну нить, так и эта система разложится в ничто. Здесь уже пронеслось облако над несуществующим и открылось ничем не затемненное ничто. В третьей части «Соблазнов» — в «Царстве» — выход или прорыв из существующего, из одного мерцания в то, что выше, то есть к Богу. Это мерцание то же, что и грань двух столкнувшихся ничто, и небольшая погрешность, и сдвиг в апории.

19 декабря. Нарисовал шесть мразей.

23 декабря. Об уклончивости: это вообще, кажется, самый правильный ответ на некоторые вопросы. Ответ на главный вопрос в «Свердловских трактатах» я так и назвал «уклончивым ответом», то же и апория. Но ведь если наш язык не приспособлен к тому, чтобы прямо ответить на некоторые вопросы, то прямой ответ будет ложью и отклонением, это сетка, искажающая действительность. Теперь о себе. У меня часто бывают зрительные образы, так сейчас я увидел дерево — прямой ствол с немногими ветвями, и все люди на стволе как бы кора, и только немногие отходят в сторону — к ветвям. Это не имеет отношения к гениальности, гении тоже на стволе, и как раз какие-то бездарные отщепенцы на ветвях, во всяком случае большей частью так. А может, просто не знаем...

Еще об уклончивости: надо давать неопределенный и уклончивый ответ, в котором точно подсчитаны все степени неопределенности, как в квантовой механике. Я подумал это в связи с «Человеком из подполья» Достоевского, потому что он дал здесь прямой, не уклончивый ответ, и в этом ошибка. {Верно ли?} Лучше Передонов у Сологуба. Я всё уклоняюсь и всё не могу сказать, в чем мое отщепенство. Есть какая-то главная линия, я подумал это, когда читал сегодня «Тия Уленшпигеля», — линия телесного аромата, и я от нее далек. Филипп мне понятнее Тия. Но это уже слишком определено, потому что есть еще другая главная линия, это столкновение двух граней, погрешность, мерцания. Но всё это опять отклонения, ведь первый вопрос был таков: достаточно ли я думаю о своей мерзости, стараюсь ли избавиться от нее, думаю ли о Боге и о любви? Здесь уже четыре вопроса. На первый я отвечаю, слишком много, если здесь есть слишком. О втором: мало, *ignavia* подавляет, а может, вследствие этого мало о третьем и о четвертом. Всё время что-то скрыто от меня, но всё время я ощущаю свою мерзость.

1946

1 января. В «Трактате о критерии»: что выше, человеческое разумение или то, что не есть человеческое разумение? «Выше» понимается здесь как принадлежность — в чем. Не прихожу я к отрицанию души? Что-либо, или то, существует так, что есть возможность отношения и в этом отношении возможность воспринимающего и воспринимаемого и в воспринимаемом снова является и тогда уничтожает воспринимающего. И у Экхарта, и в Евангелии всё время говорится, что душа должна опустошить себя, и когда совсем ничего не будет от своего, тогда станет Бог. И когда душа начинает отделять от себя всё не свое, то что остается в конце концов, кроме самого акта отделения? Что же тогда душа, если всё, что она содержит в себе, не она и не ее? Если что-либо существующее назовем **то**, тогда в **том** мы не найдем ничего, помимо диалектических ходов: одного, другого, того же самого. Это множество ходов есть один ход, только являющийся множеством, и отсюда качественность **того**: грань двух столкнувшихся ничто и другие абсолютные состояния. Это не Бог, но **мое** и **не мое**, соединение которых обнаруживается в этих ходах и которое, может быть, является его (абсолютного состояния) сущностью, принадлежит к некоторой сущности или глубине Бога. Это последнее существующее также лишено существования — безоблачное ничто, так что не существует ни то, что у нас, ни то, что там. Тогда есть только Бог.

2 января. Надо сделать опись того, что имею. Но когда я подумаю об этом, мне кажется, что ничего не имею. Так же бывает, когда скажут: расскажите что-нибудь интересное. Это верный способ заставить совсем замолчать. Я не умею писать **о чем-либо**. Это признак некоторой глупости, во всяком случае не ума. Исследование-предмет пишу не-я, оно идет через меня. Но вот теперь через меня ничего не идет, и я хочу сам писать, для этого исследовать, как пишу, то есть как вижу. Это и есть метод.

Возможно ли вообще писать о методе? Прежде всего, надо дать разделение философии. Я дам пока хотя бы не полное и случайное, не разделение даже, а перечисление предметов или тем. И это мне трудно, потому что во всех моих исследованиях было одно, и его трудно разделить. С другой стороны, в каждом исследовании было о многом, и трудно разделить это многое и сравнить одинаковое в разных исследованиях.

1. Это и то. Исследования о высказывании этого и того. Сказать до того, как сказано, то есть предварение. Высказывание одного возвращается к высказыванию этого или этого и того. Это уже метод: как делить, как называть разделенное и как продолжать разделение. Но в исследованиях об этом и том имеется и о названии, и о погрешности, и о времени, и о мгновении, и о последовательностях. О методе у меня уже есть: «Характеры преобразований» и еще в «Числах» — второй части «Соблазнов»: о разделении на два и о 24 фигурах.

2. То и не-то. Прежде всего в «Разговорах вестников» (в первой и второй главах), затем в «Числах» — о неопределенном отрицании и в «Логическом трактате», затем в «Свердловском трактате».

То и не-то логически: неопределенное отрицание.

То и не-то как различные виды трансцендентности: не-то — за тем.

То и не-то и сомнение.

То и не-то — оба одно: *одно два*.

3. Одно, другое, то же самое. Это и то — высказывания этого и того, то есть названия. Высказывание одного не больше высказывания этого и того, и всё это — только то. Одно же, которое здесь, уже за тем. У меня есть некоторая словесная двусмысленность и даже больше чем двусмысленность. Иногда я называю тем то, о чем не могу думать, иногда не-наше, иногда наше, но обычно это видно по смыслу. Но двусмысленность эта вынужденная, так как то и не-то не что-либо определенное, но смысл смысла.

4. Само и основание порядка. В «Исследовании о единице», во второй части «Критерия», возможно, в «Числах».

6 января. Эти четыре темы как раз и относятся к методу или уже к диалектическому методу. Но это, то, не-то, одно — некоторые сущности, и их исследование не то рассуждение о методе, о котором я думал. К рассуждению о методе относится:

1. Выделение абсолютного состояния, то есть выделение из психологического состояния. Отбросить всё, что имеет отношение ко мне, к приятному и неприятному, к настоящему или будущему благополучию. Не считать принятое у людей за высокое — высоким, низкое — низким: высокое у людей — мерзость перед Богом. Например, не считать уверенность лучше сомнения.

2. Уничтожение субъекта и объекта. Уничтожение субъекта: абсолютное состояние не принадлежит мне и не имеет носителя. Уничтожение объекта: в отношении к чему-либо надо отбросить что-либо, само отношение должно стать чем-либо. Реальное не один из членов отношения, но само отношение.

7 января.

3. Не я имею что-либо, но что-либо имеет меня, имеющего что-либо.

4. Реализация понятия в пространстве мысли.

Первая часть «Критерия» начинается с вступления, существующего как предмет, но без предисловия (предисловие — о чем-либо). Вторая часть тоже начнется с вступления как предмета, но затем идет короткое предисловие. Если так и останется, то во всяком случае это красиво: здесь двойная небольшая погрешность: предисловие ко второй части, а не к первой и не перед вступлением, а после. Я это ощущаю музыкально, и подобное можно, должно быть, найти в двухчастных кантатах Баха.

9 января. К рассуждению о методе: есть определенное различие в отношении к своим переживаниям, и это всё то же великое разделение. Оно мне всё неясно. Приведу примеры. Я буду обозначать их: воображаемые и действительные.

Вижу правильный путь и не вступаю на него из боязни: положивший руку на плуг не оглядывается назад. Это действительное страдание, если вижу главную причину. Если же удерживают определенные удовольствия, то воображаемое. Раскаяние в том случае, когда ощущаю свою мерзость, действительно, а когда представляю себе неотразимость соблазна — воображаемое. В обоих случаях воображаемого страдания я просто предпочитаю некоторое удовольствие, но при этом хотел бы сохранить и невинность, так что забываю об основном: положивший руку на плуг не оглядывается назад.

В рассуждении о методе первая часть, может быть, будет практической. Раньше надо подготовить к исследованию себя самого: правильно разобраться в своих состояниях. В рассуждении о методе я начинаю с того, что передо мною: передо мною жизнь. Как она мне дана? В ощущениях, чувствах, желаниях. Всё это я буду называть состояниями. Прежде всего это мои состояния: я вижу, слышу, ощущаю, чувствую, желаю. Эти состояния не просто мои. Это некоторый факт, и существование этого факта я обозначу словами: абсолютное состояние. Абсолютное состояние — это мое состояние, которое я обнаружил как **не мое**. Я не употребляю здесь таких слов, как «внешний мир», и не буду говорить о том, существует ли он независимо от меня или нет. Когда это говорят, то часто имеют в виду некоторый физический факт, не имеющий отношения к существованию чего-либо вне меня, именно: регулярность некоторых ощущений, возможность установления приближенного соотношения между ними и числами, то есть числовых

зависимостей. Это не имеет никакого отношения к существованию **не моего**. Действительно же здесь вот что:

1. Ощущение и состояние **моего** и **не моего**.
2. Освобождение **моего** от содержания и пустота чистого **моего**.
3. Освобождение от субстанциальности, то есть предметности.
4. **Не мое** как некоторая сила.
5. **Мое** как принадлежность **не моего**.
6. Состояние точки и т. д., то есть **то**.

Но это уже в теоретической части, а в практической надо исследовать, может быть, самые простые, личные переживания и научиться в них отделять **не мое** от **моего**.

10 января. О правильном пути: самое трудное отказаться не от удовольствия, но от мысли об удовольствии. Это и есть: положивший руку на плуг и оглядывающийся назад неблагонадежен для Царствия Небесного.

Добавление о раскаянии: действительное раскаяние только тогда, когда видишь только свою мерзость. Когда же добавляется жалость к себе, то воображаемое.

Бесстрастное исследование себя.

Нравственная реализация. Главное не дела, а мысли. Но если мерзкие мысли при приближении возможной реализации испаряются, пропадают не вследствие робости или других безразличных в нравственном отношении причин, но просто становятся неинтересными, то что это значит?

Л. и О. сказали про «О некотором волнении и некотором спокойствии», что здесь виден сам автор. Д. И. сказал, что из нас я наибольший актер. В этом, то есть в «Некотором волнении и некотором спокойствии», я, во всяком случае, не актер, то есть в основном не актер. Но иногда я вызывал это состояние искусственно, в этом был актером. Сейчас я к нему (состоянию) как будто приблизился. Просто я что-то распустил в себе. Но, кажется, то, что надо было, и стал естественным.

15 января. Ignavia не просто пустота и уныние от пустоты. Очень давно летом бывало, что, окончив занятия, я устраивал себе каникулы: лежал, читал, играл (на рояле), ходил куда-нибудь. Но это бывало очень давно, потом уже хороших каникул не было. Может, уныние от перегруженности и невозможности освободиться? Невозможность же освободиться значит: я не вижу и не понимаю, что во мне. И надо сделать какое-то невероятное усилие, и не одно, а множество усилий,

упорно искать, где можно прорвать замыкающую меня преграду. И эти поиски, пока не нашел, и есть *ignavia*.

16 января. Если зло, как считал Лейбниц и другие, только недостаток и результат ограничения, то останется ли индивидуальность после смерти, не правы ли аверроисты? Сберечь индивидуальность надо иначе, перенеся Бога выше, в несуществующее.

Если есть какое-либо **что** или **мое**, как избежать общности **чего** или **моего**?

17 января. Мне всё кажется, что я в разные времена — это разные **я**. Но дальше: **я** разных состояний тоже разные **я**.

28 января. Душа, индивидуальность, сознание, жизнь. Это не одно и то же. Художник написал картину. Она обладает только индивидуальностью {и душой, и жизнью}. Но если нет двух одинаковых капель воды, то и капля воды обладает индивидуальностью. Я ввел здесь индивидуальность, потому что душа — единственное, что может не обладать индивидуальностью. Я имею в виду всякого рода аверроизм. И наоборот, я не уверен в существовании души, вернее, для жизни не необходима душа. Может, это и есть интуиция двух субстанций Декарта — Лейбница? Тогда спросим: что же душа? Для ощущения боли и удовольствия не требуется души или сознания. В ощущении боли между растением и человеком разница, может, лишь в степени, а иногда и она пропадает, например на войне. Может, душа случайно сопутствует телу и обнаруживается только отрицательно: в сомнении, в колебании, в наблюдении со стороны. Возможно, также и в моральных актах.

29 января. Какие разговоры я вел с Лёней: во-первых, мысли. Мысли, значит, определенные мысли. Не так уж их много, бывало, что и совсем нет. Но обычно это не те мысли, которые входили в мои исследования. Во-вторых, ощущения, и особенно болезненные. Л. любил об этом слушать. Но и эти ощущения не были абсолютными состояниями, о которых я писал. В-третьих, способ исследования и часто просто технические приемы. Это метод и даже еще хуже: психология творчества, и об этом я не писал. В-четвертых, история, философия

истории, мое положение, то есть положение нас, смена интуиций, и об этом уж ясно, что я не писал, это соблазн. В-пятых, и это связано с четвертым, — «ФУ», то есть уныние — любование унынием. И об этом что же писать? Это я рисовал. В-шестых, о некотором понимании, о понимании, нам присущем, и о других людях — как они понимают или не понимают. И об этом я не писал. В-седьмых, разное. Это то, что я говорил Лёне, и выходит, что говорил больше о себе, а не о том, что писал, в писаниях же своих о себе никогда не говорю, и вообще о своем, только о том, что мне как бы дано. В разговорах же удивлялся и радовался: как это мне, такому маленькому и ничтожному, бывает дано так много.

О чем я говорил с Д. И.:

1. В этой части Л. был шире.
 2. С Д. И. больше об абсолютных состояниях и меньше о болезненных.
 3. Почти не было.
 4. Мало.
 5. Больше, чем с Л., и здесь у нас было даже соревнование.
 6. В этой части разговоры с Л. были более теоретическими, а с Д. И. — более практическими, и было больше людей, о которых говорили, — посетители Д. И. Здесь был какой-то союз с Д. И.: мы, двое, среди остальных его посетителей.
 7. С Д. И. больше, так как была музыка.
- С Л. я говорил больше на две крайние темы: история и я сам. С Д. И. больше на промежуточные темы: мы, представителями которых были Д. И. и я, и наше отношение к другим взглядам, людям, событиям.

Предустановленная гармония между телом и душой не только не наивна, но очень даже правдоподобна. У меня есть один ученик. Я смотрел на него на экзамене, и все его движения и даже морщины на лбу от как бы размышления — всё это производило механическое впечатление, и даже как бы размышление не требовало души. Также в филармонии на концерте уже не один человек, а много людей производили такое же впечатление. Это реальная интуиция, способ смотреть, а подтверждения — нечувствительность, или, вернее, несознание боли. Об этом говорит и Лейбниц в «Теодицее». Боль чувствуется, но сознание этого чувства — другое, и оно усиливает боль.

15 февраля. Теперь установился некоторый порядок, надолго ли? Пишу почти каждый день, хотя и немного. Когда ж подходит трудное место, то, посидев час-два бесплодно, бросаю, и если на следующий

день недоумение не разрешается, опять оставляю, и так иногда несколько дней. Потом же вдруг приходит разрешение. Откуда? Как? Это как чудо и от Бога.

17 февраля. Проснувшись, я стал вспоминать сон от конца к началу и заметил, что начало всё уходит от меня, то, что мне только что казалось началом, оказывалось не началом, и вдруг мне показалось, что начала и вообще не было. Может быть, сон существует только в воспоминании сна: некоторое первоначальное недифференцированное мгновенное ощущение при столкновении двух реальностей: сон — бодрствование является как сновидение. Так что сны видим не во сне, когда спим, но наяву, когда вспоминаем просыпание.

Мне кажется, что этот сон был только при воспоминании, до воспоминания он и не снился. При пробуждении бодрственное состояние еще не совсем вытеснило сонное. Я захотел вспомнить первоначальное ощущение и тогда на языке бодрственного состояния стал рассказывать себе сонное состояние. События сна шли в обратном порядке. Первым было последнее, и от него я шел назад. То, чего я уже не помню, то и не снилось мне, потому что ничего не снилось, но воспоминание остановилось и перестало присоединять, или, вернее, сочинять, предыдущее к последующему, потому что бодрственное состояние окончательно победило сонное.

Сны. Я и Л. зашли к Д. И. Я вспоминаю, что позавчера тоже видел Л. у Д. И., а потом, говорю, оказалось, что это был сон. Ты возникаешь и исчезаешь столь внезапно, что я сомневаюсь, существуешь ли ты. В реальности Д. И. я не сомневался.

У нас дома полный приятный старик, кажется, это доктор. Он что-то говорит, я обрадовался: как хорошо он говорит, совсем как Олейников. Да он и нестарый, скорее молодой, и без бороды. Он идет ко мне, но, пока подходит, у него вырастает маленькая острая бородка и усы. Потом борода начинает уменьшаться и совсем пропадает, потом снова растет и так всё время, на глазах у всех. Я удивлен, спрашиваю, отчего это у него. Он ответил, что у него давно так, с самого детства.

21 февраля. Книга о Франциске Ассизском, кажется, хорошая, но был ли он таким? По книге, он умный, но тогда был ли он святой? Пусть будет суждение или действие первого и второго порядка, второго — суждение о суждении или действии. Поступок всегда будет первого порядка. Ум относится к действиям второго порядка. Кажется, святость

не допускает действий второго порядка. Анахорет Памва, кажется, не допускал действий второго порядка, поэтому святой Франциск если умен, то в крайнем случае мудр, а не свят. То есть: обсуждение нравственного поступка безнравственно, если я свой хороший поступок нахожу хорошим, то это уже плохо, если же плохим, то это похоже на лицемерие и фарисейство, если же плохой — плохим, то это обсуждение, а не раскаяние, если же чужой, то: «Не судите...»

Если утром вспоминаешь сон и во сне снилось, что когда-то раньше видел другой сон, то, проснувшись, уже нет никакой возможности решить, действительно ли снился этот вспоминаемый во сне сон, или только во сне так казалось. Здесь могут быть реальности четырех порядков: бодрствование, сон, сон во сне и сон, который вспоминается как сон, снившийся в другом состоянии. Когда снится событие, бывшее наяву, оно снится всегда иным и принадлежит ко второму порядку. Сон во сне — это третий порядок и обнаруживается как третий при просыпании во сне. Четвертый порядок: во сне вспоминается сон, причем обычно вспоминаются события из другого сна, например в моем сне: дорога, дом, вспоминался определенный дом, как будто я уже раньше бывал в нем; бывал ли я там в другом сне или только в этом сне — мне показалось, что я уже бывал там, и значит, другого сна и не было, но в этом сне мне показалось, что этот дом мне уже снился. В последнем же сне я прямо вспоминаю некоторые события как события, происходившие во сне, то есть сон как сон. Бодрственные состояния, когда снятся, снятся измененными, сны — теми же самыми. Лучше всего сны вспоминаются утром и затем под вечер, между пятью и семью, когда сознание не такое ясное. Но мне всё кажется, что первое воспоминание сна и есть сон, то есть сновидение, и снился сон не в том времени, куда относит его воспоминание, но когда он впервые вспоминается.

27 февраля. Я тупею, бесконечно тупею. Иногда я чувствую себя совсем идиотом, и когда вдруг у этого идиота мелькнет мысль, я удивляюсь, откуда она. Так и сейчас я записал, или, вернее, записалось, не знаю как, мой закон неопределенности: места и предела, и не понимаю, откуда взялась мысль у такого идиота.

Я мудрил с хулой на Духа, а ведь это просто. Совсем не с самоубийством это связано, и не в том дело, что я говорю: нехорошо, когда Бог сказал: хорошо. Ведь если я говорю: нехорошо, то только по

названию о том же самом, о чем Бог сказал хорошо. Но часто, может чаще всего о себе самом, говорю нехорошо. И ведь когда уж всего противнее и омерзительнее, то наиболее омерзителен я сам, то есть самому себе омерзителен, свое — омерзительно. Самоубийство же не прощается, просто как последняя степень уныния, и ведь если убил себя, то в самое последнее мгновение, то есть сейчас был в унынии — в самом мерзком смертном грехе, и уж этого не исправить. Но хулу на Духа так и надо понимать прямо: на Духа, а не на плоть, или на человека, или на самолюбие, или на свое, или на свое у другого. Но Дух написан с заглавной буквы, и Дух Святой не потому, что дух во мне самое высокое, то есть в переносном смысле, но буквально Дух Святой — Бог, не я, но станет во мне, и это самое высокое. Рожденные не от плоти и не от желания, но от Духа — вот что это значит. Даже хула на Сына Человеческого, то есть на Бога, простится, потому что это от глупости, а на Духа — искажение и извращение образа и подобия Божия. Только это и есть кощунство, внутреннее, а внешнее — только глупость. Хула на самого Бога — глупость, ведь никто не видел и не знает Самого Бога, здесь хулим то, чего не знаем, а хула на Духа — хула на образ, на образ и подобие Божие в себе. Не Дух — образ и подобие Божие, но когда я нахожу в себе образ и подобие Божие, я знаю и Духа и нахожу Его, то есть Бога, или Он находит меня. Когда же я этого не вижу — это близко к унынию, и только так уныние соединяется с хулой на Духа Святого.

Мф 12:36. «За всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда».

2 марта. Сравнения Царства Небесного. Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем, закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло всё, сокровищу, скрытому в поле, которое найдя человек утаил, купцу, ищущему хороших жемчужин, неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода, человеку, посеявшему доброе семя на поле своем. Во всех этих сравнениях имеется:

A: взять, посеять, найти, утаить, искать, закинуть.

B₁: вырастет, станет больше всех, **вскиснет** всё.

B₂: укрываются в ветвях его, вскиснет **всё**, жатва, наполнится.

B₃: плевелы сжечь, выбросили вон.

B₄: продать всё.

Четыре элемента Царства Небесного:

A: сделать что-то, причем когда я это захочу (B₄ — продать всё). Это делает за меня Сын Человеческий.

B₁: когда я сделаю, то есть решу, то само уже делается.

B₂: и покроеет собою всё.

Вз: а вся рака отпадет сама собой.

Не всё ли равно, как прийти к Евангелию, важно только полюбить его по-настоящему, и это значит поверить в Благою весть. Причем и верить можно различно, и можно даже не быть уверенным во всех чудесах и в подлинности всего Евангелия, главное — признать в нем хоть немного чуда. Л. сказал раз О.: главный недостаток ваш, что вы не понимаете Евангелия. Но под конец О., кажется, полюбил Евангелие, Библию он любил и раньше. Как нехорошо подходить к Евангелию чисто литературно, то есть снисходительно признавать его поэтичность, и также чисто морально. Хорошо: здесь, кажется, есть три отношения: 1. Жить по Евангелию. Это не просто моральный подход, значит, положить руку на плуг и не оглядываться назад, высокое у людей — мерзость перед Богом, иногда это даже не морально и жестоко: враги человеку домашние его, возненавидеть отца и мать, оставить мертвым погребать своих мертвецов, не мир, но меч, довлеет дневи злоба его, участь Марии, а не Марфы. 2. Понять это, но не в силах сделать. Это подход от ума. Понять ум и мудрость Евангелия. К этому близко 3. Понять особенную красоту Евангелия. Это подход через язык, слова, но не просто поэтический. Здесь одно слово, или выражение, или сравнение станет вдруг понятным, понятной некоторая красота его, что станет выше всей литературы, всех писателей. И так же как и в первом случае есть противоречие обычной морали, так и здесь противоречие традиционным литературным канонам. В случаях плохого отношения к Евангелию оно оценивается, хотя бы и высоко, по критериям, лежащим вне Евангелия. В случаях хорошего отношения Евангелие само становится критерием оценки. Или Евангелие сравнивается с другими вещами и мнениями, или Евангелие станет вне сравнения.

Еще есть один хороший подход к Евангелию — путь мытаря, молившегося вместе с фарисеем, то есть через покаяние — Я пришел призвать не праведников, а грешников к покаянию. То есть через сознание собственной пустоты.

3 марта. Что душа? Я могу жить, работать, любить, испытывать удовольствия без души. То есть я не вижу никакой необходимости быть душе для всего этого. Душа из всего этого исключается. Но для того чтобы обдумать всё это, необходима душа. Для суждения, может быть, не требуется души, но для вторичного суждения или обсуждения уже нужна душа. Но теперь душа начинает расширяться. И для того чтобы почувствовать чувство, должна быть душа. Душа расширяется и захватывает мир. Но, может быть, это уже недопустимое расширение способности суждения. Несомненен определенный факт: я могу жить и действовать без души и иногда только замечаю: всё же у меня есть душа, только она загнана куда-то далеко, сидит молча, отстраненная

мною от всех дел тела или, может быть, отстраненная телом от всех его дел.

Также и в истории можно отделить душу от тела. Что будет телом истории? Не события, ведь их творят люди. Записанные же факты: в таком-то году произошло то-то — это даже не тело истории, но некоторая оболочка или внешность тела, телом истории будет интуиция, например интуиция души и тела — тело XVII века или одно из тел XVII века. К телу истории первой половины XVIII века отойдут несколько сот арий Баха, потому что они написаны по некоторому шаблону. Но несколько десятков арий Баха отойдут к душе. Если каждая интуиция, связанная с некоторым шаблоном, есть тело, то история — борьба этих тел. Тогда она выходит из времени, потому что эти интуиции вечны. Но что будет душой? Во-первых, некоторые исключительные создания этой интуиции. Но это не совсем верно: исключительные творения будут просто более оживленными телами, телами, которые кажутся на самом Деле одушевленными. Но всё же это тела. Но то, что выходит из интуиции и становится отдельно, то будет проявлением души. Во-вторых же, и это более важное, — отношение отдельного человека к интуиции, и прежде всего к господствующей интуиции, — это проявление души. Я имею здесь в виду отрывок из Аристофана, который я нашел в какой-то русской книге и показал Л., или переписку Абеяра и Элоизы. То, что выходит из пределов интуиции, становится над ней или занимает к ней какое-то отношение — отношение второго порядка: не суждение, а обсуждение, — то отойдет к душе, к действиям души. Это некоторое преодоление истории. Есть взаимодействие тел-интуиций, оно вне времени, и есть отношение души к интуициям — к взаимодействию тел, это тоже вневременно: отношение Элоизы к Абеяру такое же, как сейчас. Но то, что взаимодействие тел приурочивается к определенным точкам времени, — такая же небольшая погрешность, как и моя жизнь, та часть ее, которая уже прошла. Главное, что в истории найдено что-то устойчивое: тело-интуиция и душа — отношение к телу и, чаще должно быть, оппозиция к нему. По всей вероятности, и здесь нет реального взаимодействия, но предустановленная гармония.

Теперь я применю всё это к себе, буду искать свою душу. Когда я знаю, что писать, и не пишу, но **само** пишется, это относится, скорее, к телу. Когда я становлюсь в затруднение и думаю или так как не умею думать, то стараюсь думать и ищу, ищет, мне кажется, не тело, но душа. Но что ищет? Некоторое соответствующее ей тело, не мое тело. Когда я нахожу или душа находит — в очевидности высочайшее единство — близость души и тела. *Когда меня угнетает ignavia — это тоска тела по душе, тоска, так как не вижу души.* Когда бывают состояния мучительного стеснения в груди и страх и то, что Л. назвал тоской по Абсолюту, — это *тоска души по другому телу — по интуиции.* Наконец самое страшное — **то** — это тоска души, освобожденной от

всякого тела, моего и высшего, от всякой возможности тел. Кажется, я начинаю понимать тело Христово, может, это и есть другое тело, не мое. Так что: мое тело — душа — Христово тело. Или: материя — форма материи — форма как содержание и как новая материя для второй формы.

Только Бог без тела, но моя душа не может быть без тела, и поэтому такой страх перед **тем**. Отношение души к телу — это и есть форма материи. Но что станет с моей душой, когда она станет материей для второй формы? Или место души не постоянное, душа и есть реализация материи и также моя душа, и когда она станет материей для второй формы, то есть примет тело Христово, моя же душа станет второй формой — ничто Бога? Но дальше ей уж некуда, Богом не станет, но будет Его материей — ничто Бога, под Богом. Это покой души.

Если мы говорим: покой души, то понимаем так, что душа успокоилась, и это было однажды и прошло, и наступил покой. Успокоения мы не боимся и иногда кажется даже высшим наслаждением, но покой пугает однообразием и отсутствием сейчас или однажды. Но это у нас так, а **там**, может быть, вечное мгновение — вечное успокоение. **Там**, может, не надо говорить мгновению: остановись, оно остановилось, но не стало длительностью, а всегда ново. Подобно этому имеем редко и сейчас, когда говорим: несколько часов прошли как мгновение, или в творчестве.

12 марта. Как будто звучит во мне некоторая гармония, не от меня, но от Бога, я только прислушиваюсь к ней. Я пытаюсь уловить ее и передать формулой. Формула — это как знаки нот. Кто знает ноты, услышит и музыку. Соразмерность частей и небольшая погрешность, я хотел бы сказать: гармония сфер.

13 марта. Есть некоторое созвучие в трех формах — гармония сфер и погрешность в созвучии — душа.

16 марта. Всё время живу в страхе игнавии.

2 апреля. Раз я сказал Л., что нормальный человек не верит в смерть и живет так, как будто никогда не умрет. Но до войны у меня не было этого ощущения. Затем, когда у всех это ощущение нарушилось вследствие войны, у меня оно вдруг появилось. Но, может, это было

другое. Я не перестал верить в смерть, но поверил в бессмертие, реально ощутил: «Блажен, кто посетил сей мир В его минуты роковые» (!). И у Пушкина: «Всё, всё, что гибелью грозит, Для сердца смертного таит Незыблемы наслажденья — Бессмертья, может быть, залог» (!). Теперь же снова ощущаю смерть как близкое, и настолько, что кажется: зачем кончать мои вещи, да и успею ли? Раз, еще до войны, у меня болели зубы. И на какое-то мгновение реально представилось: стоит ли лечить, когда всё равно скоро после этого умирать.

Вообще здесь есть три вещи:

1. Неопределенность моего положения в силу особенных условий. Нормально человек имеет работу, и внутренние и внешние побуждения к ней объединены. У меня же есть только внутренние. Внешней жизни почти нет, кроме всевозможных опасений, страхов и тяжелой работы. Настоящая же работа не имеет внешних побуждений. Поэтому расстояние до смерти сократилось: между настоящим и смертью ничего не вижу, нет ни надежд, ни перспектив. Расстояние кажется короче, если оно не заполнено другими предметами. Но что же здесь плохого? Не есть ли это: зажечь беду вокруг себя?

2. Положим, не будет особенных условий. Но тогда будет меньше тяжелого труда, меньше неприятностей, но останутся те же страхи и опасения. Но когда станет меньше неприятностей и даже появится приятное, не станет ли ближе смерть? Ведь освободившемуся от суеты и мелочей что же останется, как не она? Не уменьшится ли дистанция между мной и ею? Если сейчас нет ощущения долговечности вследствие незаполненности расстояния между мною и смертью, то тогда, освобожденный от мелочей, что я буду делать, ведь ничто другое уже не увлечет. Тогда-то и будет: зажечь беду вокруг себя.

Вера в бессмертие, то есть ощущение, касание бессмертия. Придет ли снова от роковых минут, от беды вокруг себя или от чего другого, но поскорее бы, а то будет поздно.

3 апреля. Есть некоторые события, которые помнишь и 10, и 20 лет спустя и будешь помнить до самой смерти, и они настолько омерзительны, что кажется, будь я Богом, не создал бы я мир, в котором возможна хоть одна такая мерзость. И если воспоминание об этом событии придет перед самой смертью, то как страшно будет умирать, даже если и не я виновник его. И может быть, если воспоминание о нем *не* придет, то сопровождающее его ощущение придет, и может, это и есть страх смерти.

16 апреля. Может быть, бессмертие получит тот, кто поверит в него, то есть ощутит или коснется его еще здесь.

17 апреля. Можно пренебрегать и презирать (Т.). Мне кажется всё же правильным пренебрегать, а не презирать. Презирать, значит, ставить себя в некоторое отношение к презираемому, то есть унижать себя. Я не презираю муху, которая надоедает мне, но если нет возможности избавиться от нее, то пренебрегаю ею. Но отдать всю свою жизнь на борьбу с мухой — унижительно, лучше научиться пренебрегать ею. Можно опускаться мудро и не мудро. Валя, ограничившись малым, опустилась мудро. Да это я и не называю опускаться. Но если бы я, бросив философию, стал много работать, чтобы жить, как говорят, по-человечески, то это и значило бы опускаться, причем не мудро.

10 мая. У меня-то ничего нет, во всяком случае в том, что предполагалось, но теперь другое, более страшное, и если подтвердится, то это уже беда вокруг себя и в самой страшной форме. В связи с этим подумал, что одно из условий святости: ничего не забывать. Самое страшное не в том, чтобы отказаться от соблазнов, а в том, чтобы всё помнить: и то, что было, и то, что будет. По-настоящему всегда помнить: хорошее, что было и прошло; близких, которых нет; плохое, что сделал и чего стыдился, — это уже путь к святости, после этого не захочется ничего и того, что здесь, у нас. Затем то, что будет: смерть. И если этого не забывать, то с жизнью покончено. Но не дает ли святость радости?

Это уже потом, после самых больших страхов и ужасов, но пока их не перешел, даже непонятно, какая еще может быть радость и может ли вообще быть?

В жизни так: идут радости, затем потери, затем снова радости и снова потери, и если во время потери не сосредоточишься на том, что потерял, и не запомнишь навсегда, то снова что-нибудь получишь. Но на какой-то потере сосредоточишься, и запомнишь, и не пожелаешь новой радости. Это значит: уже умудрен, готов. Как будто Бог дает мне радости только для того, чтобы я потерял их, чтобы понял их тщету и ничтожность. Ничтожность их не в самом ощущении радости, это действительно, но в том, что предмет земных радостей не абсолютен. Я имел что-либо, что считал абсолютной ценностью, и ощущение радости при этом действительно. Затем потерял. Затем забыл и получил что-либо другое, и это считаю абсолютной ценностью, и снова доволен. Но это не абсолютная ценность, если может быть заменена другой. Тогда

уже не захочешь никакой ценности, которая может быть заменена другой. Но я этого еще не понял и сейчас хочу одно: не потерять ценности, которая была у меня около 44 лет. Это была у меня первая ценность, первая и по времени. Временами мне казалось, что у меня есть и бóльшие. Я терял их и убеждался в их ничтожности. Уже давно я понял: во всяком случае, это абсолютная ценность, без которой в жизни не будет уже никакой радости. Господи, оставь мне ее.

По сравнению с тем, что будет, философы кажутся легкомысленными детьми, забавляющимися игрушками. Даже Кант и Платон. Как возможны всеобщие синтетические суждения? Но какое мне до них дело? Но и ответы на два других вопроса: что я должен делать и на что могу надеяться — легкомысленны. Только молиться, а если не дан этот дар, так же как и второй — дар слез, то ничего не остается. Но Кант как раз отвергал молитву.

Я не оставляю «Критерия», не оставляю «Логического трактата», но что бы ни было, даже в случае благоприятности, я никогда не забуду этих двух страшных дней, и каждый день перед сном ли, утром, днем или вечером я буду вспоминать их и то, что будет.

Даст ли мне радость «Формула Мира»? Нет, только суетное удовлетворение познанием. Но разделение времени на промежутки не освободит ли от страха? Нет, только средство забыть и получить новую радость. Пусть есть только одно мгновение. Но ведь это одно, которое не только одно, и то ощущение страха и ужаса, которые могут быть послезавтра, ведь они уже и сейчас в ожидании этого страха и ужаса. И пусть того мгновения не будет, так же как и вчерашнего, но ведь они уже есть в этом, которое сейчас. Ведь я же не утверждаю, что есть только это одно мгновение. Есть это мгновение, и другого нет, но одно это мгновение — не только одно. Первая реальность — это мгновение. Вторая — этот ограниченный промежуток времени. Но другой ограниченный промежуток времени уже не реальность, то есть не то, что есть. Для святого этот единственный реальный промежуток времени расширен: от рождения до смерти.

Категорический императив Канта, как и стоические добродетели, — это, может быть, только попытка утешить себя, новые радости после потерь, менее сильные, но более устойчивые. Но это ограничение промежутков. Но вот другое ограничение: довлеет дневи злоба его.

11 мая. Может, только теперь, впервые в жизни я подумал серьезно. Философия шла через меня, я не умел думать. И теперь серьезно думаю не о философии. Я не могу стать бесстрастным наблюдателем и, положив руку на плуг, не могу не оглядываться назад. Философ и бесстрастный наблюдатель если и боится смерти, то только своей. Страх смерти — это страх своей смерти.

Я боюсь другого мгновения. Значит, я не серьезно не верил в другое мгновение. На это можно возразить: не входит ли страх перед другим мгновением, которого нет и не будет, в это?

Расширение промежутка до всей жизни — серьезность и святость. Сужение до мгновения — серьезность, бесстрашие. И в том и в другом случае одно мгновение: мгновение — жизнь, мгновение — вот это. В первом случае остается место для жалости, для боли за других.

13 мая. Кант считал, что очистил место от теоретического разума для практического и, значит, для веры. Но его «вера в пределах чистого разума» очень жалкая. Но верил ли этот хитрейший из мистиков в свою веру в пределах чистого разума?

Эти три страшных дня как-то опустошили меня. Затем снова **то**. Его еще нет, но я чувствую, что оно близко. Или это оттого, что я один в комнате?

Сейчас я больше, чем раньше, боюсь быть один. Я боюсь **то**, оно приходит, когда я один. Потом я боюсь, что всегда всё может случиться.

29 мая. Продолжал бы я писать, если бы точно узнал, что через три месяца умру? Нет, я бы стал по-настоящему думать, и если бы сумел, то молиться. Может быть, молиться и значит по-настоящему думать. А всё остальное не по-настоящему.

5 августа. Записывание помогает думать. Записывание не помогает молиться. По-настоящему думать и молиться — одно и то же. Два способа думать: думать — обозначать, то есть думать словами. И потом есть другое думание — ноуменальное. Вчера я два часа думал — молился. Вначале я просил: повторил много раз три слова. Потом я перестал просить определенное и повторял много раз восемь слов. И здесь я заметил, что эти восемь слов были некоторым вещественным, реальным стержнем, вокруг которого мелькали обрывки мыслей-слов. Может быть, они были и интересны, но я отгонял их, потому что без слов было интереснее. Была мысль без слов и без знаков, ноуменальная. Затем, по мере того как мое напряжение ослабевало, мысли-слова начинали преобладать над ноуменальной мыслью, так что под конец я уже смог заметить и запомнить мысли-слова, одна из них то, о чем я сейчас пишу, то есть о ноуменальной мысли. Подобное этому было при гашише: самое сильное я не запомнил, оно шло без знаков, без наблюдателя и прошло. Я нашел нужное слово: наблюдатель. Когда

я думаю словами, я наблюдаю свою мысль. В ноуменальном мышлении я одно с мыслью, наблюдателя нет. В мышлении словами, вообще знаками, то есть логическом, наблюдатель исчезает только в очевидности. В ноуменальном — его вообще нет, это сплошная очевидность. Но это не произвольное течение мыслей, не рассеяние.

Может быть, молитва — это не просьба, ведь Бог знает, что мне нужно, а понимание того, что мне надо. Может быть, когда я молюсь, то начинаю понимать, что мне нужно из желаемого, ведь осуществляется по молитве тоже не всё и не так, как просил, но так, как надо. В молитве я понимаю то, что осуществится, и когда пойму, то и хочу. Когда говорят: осуществилось по молитве, это верно, но осуществилось по молитве понимание того, что осуществилось. Что значит: его молитва доходчива? Как осуществляется по молитве других моя нужда? Должно быть, так же: другой понимает за меня и дает понять мне. Может, даже не непосредственно словами. Но, впрочем, я не знаю как.

15 августа. Раз я сказал Л.: отчего люди плачут? От жалости, что родились. Есть некоторое предчувствие: человек создан для счастья. Так как счастья нет, — жалость, что родился. Это седьмое состояние, которое бывает у меня всё реже и реже. Затем: когда счастье есть, то когда посмотреть со стороны, то еще больше несчастье: не оттого, что у меня его (счастья) нет, а от его ничтожности и от «отец не понимает сына». Человек создан для счастья, и одновременно: человек не создан для счастья, он не умеет его выбрать, воспользоваться им так, чтобы оно не стало ничтожным. И даже в счастливой жизни прибрежных жителей сильнее всего тоска по Абсолюту.

13 сентября. Разум, рассудок, **я**, отвлеченная способности т. д., то есть то, «что предписывает законы природе», должно быть вполне моим, а не каким-либо разумом или сознанием вообще. Две ошибки: абсолютизм и прагматизм. Эта способность — не научное мышление, не зависящее от меня, но обычное, из которого я не могу выйти. Его особенность: всеобщность и необходимость, поэтому каждый судит не по своей мерке, но по общей. Но общую меру нельзя отделить от своей: у меня нет другой меры, кроме этой общей. Это суждение не синтетическое, а аналитическое: *общность меры входит в понятие меры*. Без этого же нет Бога, так как или нет ничего, кроме только моего, то есть только моей меры, или же общая мера трансцендентна мне, и я сам выпадаю из нее. Но общая мера — не Бог, но именно я, а я — ее отрицание — что-либо, которое есть ничто Бога, то есть ничто,

принадлежащее Богу. Таким образом, получается то, что называли конкретным единством, но не положительно через общую меру, а отрицательно: конкретное единство с Богом через отрицание моего, то есть моего отвлеченного и отраженного абсолютного.

30 сентября. Жизнь просеялась, и остались самые страшные воспоминания: тот вечер летом 1911 г., когда впервые понял смерть, а до этого предчувствие чего-то страшного и радостного, непонятного весной, когда гулял с папой. Затем 1934 г., август: когда сидел у окна и вестники меня покинули. Затем 16 августа то, о чем никогда не скажу. Такое же с котенком в Чаше. Такое же с крысой в магазине летом 1945-го. Последние три — это боль и **то**.

9 ноября. Гуманность и моральность не следуют одно из другого, то есть независимы. Моральность сильнее была до XIX в. — ощущение греха, совесть, с XIX в. — гуманность вместо моральности. Искусство, даже светское, падает; когда светские чувства получают свободу, освобождаются от подчинения долгу, совести и вере, искусство теряет способность изображать их. Авторы Дон Жуана относились и с сочувствием, и с порицанием к своему герою.

Культура и Евангелие несовместны. Культура невозможна без ощущения трансцендентности, и это давала церковь: границы. Когда же границы пали, пало и искусство. Но Евангелие проводит границу слишком близко от души и ничего не оставляет помимо души. Но, может быть, всё же церковь — компромисс между культурой и Евангелием? Имманентизм всюду, и в философии, и в жизни, несет гибель.

20 декабря. Сейчас по радио: Горовиц — две мазурки Шопена и этюд. Я вспомнил всё то время, и мне показалось, что жизнь уже прошла, и прошла глупо. Не только показалось, так и есть. Я вспомнил, как пошел к зеленой — я не помню, как ее звали, но она всегда у меня связывалась с зеленым. Она играла «Карнавал», когда я пришел. Куда мы пошли, я не помню, но всё это было очень глупо. Потому ли, что ни одно из этих дел не было доведено до конца? Во-первых, всегда было глупое ощущение, как будто я полез туда, куда меня не звали и куда мне не надо было идти. Во всех делах, кроме философии, у меня всегда было ощущение глупости, и всегда я как будто лез туда, куда не надо было. Но предположим, во-вторых, я довел бы до конца какое-нибудь из этих дел. Но откуда я знаю, что бы тогда было? Может быть, ощущение

глупости уменьшилось бы за счет отвращения. Впрочем, это уже рисовка, мне ведь хотелось только записать искреннее ощущение возобновления того, что было 20 лет тому назад, и ощущение некоторой бесполезности и ненужности моей жизни. При этом от жизни отделяется философия, она нужна. Вообще у меня какой-то уж очень глупый и нудный брат осел.

1947

13 января. Легко понять или сделать вид, что понял, придумав пустые слова, крайние точки: человек и Бог, смерть и бессмертие, время и вечность. Этих крайних точек самих по себе и нет {в том смысле нет, что и Бога я знаю только в его отношении ко мне, и себя самого я знаю только в моем отношении к Богу, которое само есть в отношении Бога ко мне}, а есть отношение Бога к человеку, человека к Богу, смерти, бессмертию и т. д. Это отношение определено у меня апорией. Но человек не может выйти из формы этого предельного мышления, в крайнем случае можно только покидать эту форму. Это значит: порядок по природе не существует сам по себе, но всегда только в отношении к порядку по понятию или рассмотрению. Я не могу всегда быть вне формы предельного мышления, самое большее я могу всегда, при всяком удобном случае покидать ее. Это уже и есть заключение «Исследования о критерии», это и есть критерий: при всяком удобном случае покидать форму предельного мышления, [нрзб.], **ВОТ ЭТО ВОТ**, начало и что-либо — признак этого критерия. Труднее всего в каждом частном случае найти среднее. В «Исследовании о критерии» это было выведение возможности возможности.

30 января. Если множественность — категория, то и множественность душ, множественность сейчас — тоже категориальны. Принцип индивидуализации не в материи (Альберт Великий, Фома Аквинат) и не в форме (Дунс Скот), но в форме материи и точнее: в **моем**. Но **мое** — не свое, а именно не мое — Бог. Как единственно существующее, то есть само существующее, так и единственное **само** индивидуальное — Бог.

15 февраля. Непонимание от различия времени, места, пола и возраста: времени — историческое, места — обычаи, пола и возраста понятно. Но это классификация внешняя. Не всегда более раннее непонятнее более позднего, также и места. Эти различия создают только различия внешних оболочек и одеяний, но даже не тел интуиций.

25 марта. Различие системы как предмет и как часть. Первое — совершенно по плану и всегда несовершенно по выполнению, но это величайшие произведения в философии и искусстве: «Дон Кихот», «Мертвые души», «Страсти по Матфею», «Критика чистого разума». Если бы Кант стал исправлять «Критику чистого разума», чтобы добиться совершенства выполнения, то, во-первых, он не достиг бы этого и никогда не написал бы «Критику практического разума» и «Критику способности суждения» и, во-вторых, и по содержанию он должен был бы изменить свое отношение к вещи в себе. Но этого он не мог сделать, пока не написал бы «Критику практического разума» и «Критику способности суждения», так как там как раз и разъясняются отношения к вещи в себе. Значит, начав совершенствовать изложение «Критики чистого разума», он не закончил бы ни одной из трех «Критик».

Второе — система как часть: так как здесь нет общего плана, то возможно совершенство произведения, нет общего плана не в отношении к данной вещи, но данная вещь не претендует на некоторую общность. Так что человеку дано достичь или некоторого совершенства общего плана без совершенства частей, или совершенства частей без общего плана.

21 июня. В выведении категорий всегда есть какая-то нечестность. Вначале излагается не всё, что можно сказать, а потом появляется недоумение. Ясно, что оно появилось, раз не всё было сказано. Я заметил это на своем «Исследовании о критерии». У меня осталась еще какая-то гегелевская закваска.

26 июня. Непонимание-боль, и если рядом человек голоден, а я сыт, то непонимание, и если чтобы дать одному, отнимаю от другого, то непонимание и боль, и даже просто: думать о себе и делать для себя есть солипсизм, непонимание и боль. Ограничить себя своим: собою или семьей. Мне сейчас противна мысль: этот глупее меня, этот хуже меня. Я остерегаюсь говорить это, но всё время вижу. Я вижу: это глупо, это суетно, это плохо, но значит: этот глуп, этот суетен, этот плох. Тем самым я уже хуже этого плохого, так как он не видит, что это плохо, я же вижу и делаю то, что еще хуже: осуждаю. Во-первых, во мне много дряни, я уже не говорю о главной, да и трудно сказать, что главная дрянь. Во-вторых, я это понимаю и не оправдываю. И здесь я хуже того, который имеет и не понимает. В-третьих, если какой-то дряни у меня нет, которая есть у другого, то, может, еще худшая дрянь — иметь это непонимание и боль. Но опять апория: иметь эту боль — значит понять

непонимание. Но также: иметь эту боль — значит осудить и значит не понять непонимание. Как должно быть: жалеть людей, и главным образом не за физические страдания, а за то, что не понимают, что надо. Или: жалеть людей, и главным образом за физические страдания, а то, что не понимают, простить. И то и другое у меня получилось нехорошо и самодовольно. В первом я хотел сказать: не ощущать непонимания и боли — значит не доходить до некоторой глубины. Как идеал же — святой, он жалеет. Во втором: но это мне дальше — соборность, и идеал — радующийся святой.

17 июля. Искусство писать в том, чтобы не сказать слишком мало или слишком много. Слишком мало — неопределенность, например Метерлинк «О смерти». Слишком много — противоречивость. {Я здесь имел в виду бессмыслицу досмысловую, а не сверхсмысловую. Сверхсмысловая — всегда противоречие, парадокс.} Некоторый последовательный путь от неопределенности к противоречивости и где-то на середине истина. Так и исторически: предшественники — неопределенность, последователи при продолжении вступают в противоречие. Когда опровергают какую-нибудь систему, опровергают обычно не интуицию, а продолжение этой интуиции. Но, может быть, нет такой интуиции, продолжение которой не могло бы быть опровергнуто, и мудрость в том, чтобы остановиться и не договорить.

Между намерением и осуществлением намерения всё же есть разница. Я бываю готов в намерении к осуществлению чего-либо, но при приближении осуществления я останавливаюсь. Что останавливает меня? Пропадает интерес, и я не знаю, относится ли это к моральному или к чему-либо другому.

21 июля. Вчера у Ст[ерлигова] говорили о радио и бычьих нервах. Я всё думал: почему меня внешнее не раздражает, неужели у меня бычьи нервы? Я думаю, это от некоторой сосредоточенности. Два типа: вовне и внутрь. Первый Ст[ерлигов] и Х., второй — В. и я. Поэтому и на улице, и в трамвае если раздражаемся, то Х. — благородно, а В. и я — неблагородно. У них это не только от неудобства, но связано с чем-то бескорыстным, у нас — просто от неудобства.

Когда я смотрю природу, я вижу кругом под углом в 360° и вверх — на 90° — весь небосклон. Но художник, передавая природу, ограничивает оба угла. Поэтому невозможен реализм.

8 августа. Если мне скажут: пиши яснее, писать кратко — неуважение к читателю, я отвечу: если бы математик, доказывая теорему, подробно объяснял бы и те теоремы, на которые он ссылается, математики обиделись бы и сказали: что́ это, неужели он считает нас дураками? Писать длинно — неуважение к читателю.

13 августа. Различие между моими рисунками и философией:

Философия	Рисунки
Ответственность.	Формула уныния.
Гордость (от ощущения силы).	Тщеславие.
Знание того, что делаю и что надо сделать.	Не знаю, что и как делать, просто: получается.

14 августа. Новая интуиция всегда нарушает какие-либо установленные прежними интуициями категории и их порядок. Поэтому при критике новой интуиции частные указания на смешение категорий, пример логической и реальной возможности, — несостоятельны. Новая интуиция как раз и устанавливает новые отношения между логическими категориями. Задача, которую я не выполнил, но которая помогла бы понять мою интуицию:

1. Прежние интуиции — это некоторое общее место, здравый смысл.
2. Но и это общее место есть некоторая общая интуиция, и тоже не одна. Есть несколько общих интуиций, может, это то, что я назвал телом интуиции.
3. Каждый философ нарушает порядок некоторой общей интуиции. Показать это хотя бы на одном, например на Канте, причем точно по номерам выписать, скажем, слева отношения и категории общей интуиции, справа — у Канта.
4. Составить такой же двойной (слева и справа) список нарушений у меня.

21 августа. Основатели философских систем открывают тождество мысли и существующего, отсутствие времени, для них всё это продумано, и они это действительно видят и не боятся самых необычайных выводов. Последователи же стараются приспособить необычное к обычному, оставляют только слова, так как не видят

(открытия) и не верят в открытия основателей. Тождество мысли и существующего или отсутствие времени они понимают только в переносном смысле. Так было и с Евангелием.

22 октября. Грех алчный гонится за мною по пятам. Уже в XIX в. теряется ощущение греха, вместо этого — филантропия. По поводу Фр. Мензы в «Розе» Гамсуна. Ведь с точки зрения филантропии смерть Фр. Мензы причинила бы ему меньше страдания, чем его жизнь доставляла страдание его сожителю. Но никакого другого страдания, кроме физического, психологического и пр., филантропия не знает. Филантропия — арифметический расчет доступных ей удовольствий и неудовольствий. Помимо того, что и доступно-то ей немного, и самый расчет производится на ложных основаниях, из которых первое: пусть будет по моей воле, то есть грех.

Если же не филантропия, то теократия. Но теократия совершает, может быть, еще больший грех, выдавая за волю Бога волю какого-либо человека, таким образом присоединяя к греху еще обман. Если же не филантропия и не теократия, то что? Апория как некоторый путь. Практически это значит признавать и соблюдать законные традиции, даже уважать их, не придавая им особенного значения. Какие традиции законные? Те, которые не основаны на протесте и на гордости. Протест — первородный грех.

Это до сдвига — соблюдать законные традиции, а в сдвиге — одно: Евангелие, значит: довлеет днєви злоба его, и не думать о завтрашнем дне. Но государственные установления: право, суд, войско — всё это предполагает завтрашний день. Но апория действительна в сдвиге.

12 ноября. Может быть, философ сохраняет значение только до того времени, пока он не будет полностью понят. Когда же всё станет понятно, всё окажется неверным и будет опровергнуто. Понятно $2 \times 2 = 4$, то есть пошлость. Во всём, кроме математики, как только будет доказано, что $2 \times 2 = 4$, станет ложью. Затем я подумал, что это шире, и в искусстве также. 25 лет назад Кшенек и многие другие (композиторы) казались гениями. Сейчас, когда Кшенек понят, видно, что это не так. Скажут: мало ли что кажется в молодости. Но почему в молодости увлекаются? Потому что не понимают, поэтому и кажется гениальным. Но непонимание двух родов: 1 — отвергаемое, то есть то, чего не понимают, отвергается, не занимая места в некоторой системе. Так современники не понимают гениев и «отец не понимает сына»; 2 — отвергаемое занимает место в некоторой системе — это по критерию понимания, и как только что-либо заняло место в системе, оно вполне

понятно и стало ложью. Если же что-либо не отвергается, то есть что-либо в нем понятно, а что-либо осталось непонятным, то это непонимание второго рода. Так что два: понятное — пошлость — система. И: великое — а рациональное — непонятное.

При непонимании второго рода есть: понятное, непонятное и понимание непонятного, и это среднее есть тайна понимания. При этом необходимая поправка: тайна непонимания.

1948

2 января. Мне иногда говорят: чудак. Я считал бы это высшей похвалой, но сам знаю, что я не чудак.

6 января. «...Счастья нет, но есть покой и воля» — это первая ступень к покою. Вторая: нет ни счастья, ни покоя, ни воли. Понять это тоже есть некоторый покой и воля — и в беспокойстве, и в неволе.

В жизни важно завершение. Сотни Яблочковых открывали электрическую лампочку, а открыл ее всё же Эдисон. Я — без воспоминаний, нечего вспоминать, так как ни одно вспоминаемое дело не доведено до конца.

Когда материалисты говорят, что души нет, они говорят это по глупости и просто не понимают, что это значит. Есть некоторые психические состояния — дхармы без субстанции, или, вернее, состояние субстанции есть такое же психическое состояние дхарма, как и другие, причем не необходимое и большей частью отсутствующее. То есть большая часть жизни, во всяком случае у меня, других я не знаю, проходит без души, и это надо понимать буквально, а не как интерес, напряжение и даже сознание — всё это может быть без души. Может быть, детерминированность — это и есть отсутствие души. Когда я вдруг замечаю: это не **я**, а только **мое**, замечает душа. Но сама она невидима, я не могу сказать: это **не-я**, но не могу сказать: это — **я**, то есть что есть **я**, а не только **мое**.

6 марта. Есть неофициальные мысли. Это мысли не от разума, вернее не обоснованные разумно, но некоторые из этих мыслей наиболее умны. Это то, чего не понимал Толстой. Разум официален. Неофициальные мысли бесплодны, то есть из них нельзя построить системы, они необоснованны, ничего не обосновывают, ни к чему не ведут, не имеют никакого применения, то есть морального или другого. Возможна ли классификация необоснованных мыслей? Во всяком случае, только эмпирическая, то есть поверхностная и внешняя. К неофициальным мыслям принадлежит и магия чисел. Также большинство наиболее интересных рассуждений о душе, смерти и Боге. Также мысль о существовании неофициальных мыслей есть неофициальная мысль.

2 апреля. О работе. Я не переношу даже слово «работа». Или этим словом обозначают скучное безделье, например собрание. Или же «работать» значит «работать в поте лица». То есть в понятии «работать» заключено понятие «в поте лица». Это проклятие, наложенное на Адама и на нас в Адаме. Поэтому, когда я пишу, я никогда не говорю: работал.

В Евангелии, во-первых, Христос — Бог, Слово; во-вторых, Христос вочеловечившийся. И греческие философы искали посредника между Богом и человеком, но, кажется, только в Евангелии тот же Бог есть Христос. Таким образом, есть только два: наше и не-наше. Вочеловечившийся же Бог значит: не-наше есть наше, когда не станет своего, то есть не-нашего и нет, а один Бог. Догмат: рожденный Девой, не может быть ни понят, ни объяснен. Он просто необходим как простое констатирование непонятности необходимого тождества Бога и вочеловечившегося Бога, то есть высшей конкретности и Личности Бога. Догмат непорочного зачатия Богоматери допустим как констатирование непонятности тяжести бытия, то есть боли, но не необходим.

20 августа. Вчера была **великая** ignavia. Потом после этого были мысли о времени и о возможности. Время — это возможность, значит, возможность возможности, возможность возможности возможности...

Если существующее не только существующее, тогда существующее и возможное, ведь возможное и есть то, что не действительное.

Состояния:

Ignavia. Возможно, что здесь нет настоящего, то есть я всё время не вижу мгновения. Но тогда я имею чистую возможность, возможность возможности... и это нестерпимо.

Летом в траве, в лесу, у моря. Здесь нет дифференциала времени, нет мгновения. Но время ли это? Некоторое содержание, но не время. Время я замечу, когда приду в себя, то есть вернусь к мгновению, то есть когда уже во всяком случае нет времени.

Я имею некоторое содержание — качественность, когда я обращаю внимание на эту качественность, я не могу сказать: есть, было, будет. Когда же хочу определить: есть, было или будет, я возвращаюсь в мгновение. Я могу вспомнить то, что хотя бы только что было, я вспоминаю сейчас, но я не нахожу длительности, я не могу сказать, что эта качественность проходит, она есть или ее нет. Если ее нет, а только

что была, то это значит, что настоящий дифференциал времени, в котором нет определенной качественности, определен некоторой последовательностью, в которой эта качественность предполагается.

Время идет медленно. Это значит: нет некоторой качественности и не вижу мгновения.

6 сентября. Может быть, истинна только одна философия — та, которая уничтожает себя как философию и вместе с собой всякую философию. Но и это уничтожение может быть двоякое: очистить науку от всего нерационального или очистить место от всякого ratio, то есть от всякой науки, в том числе и от рациональной теологии. Это сказал уже Кант: очистить место для веры.

Мгновенное состояние материализма: нет детерминизма в микроявлениях — это ведь значит только: принципиально не можем обнаружить детерминизм в микроявлениях, но это не значит, что нет его — он непознаваем. Когда ехал в автобусе, на мгновение представилась логически необходимая и неопровержимая убедительность полного детерминизма в мире и отсутствия чего-либо сверхчувственного. Но ведь мне представился не полный детерминизм и отсутствие чего-либо сверхчувственного, но логически необходимая и неопровержимая убедительность системы полного детерминизма и отсутствия чего-либо сверхчувственного, и это не лучше и не хуже всякой другой логически необходимой и неопровержимой убедительности — это только стороны апории. Это состояние принадлежит также к объективированным или абсолютным состояниям, подобно состоянию точки, затерянной в бесконечном пространстве, предвечернему состоянию, состоянию «отец не понимает сына», состоянию боли и другим. Всё же непонятно это состояние, состояние некоторого неверия.

Апория: некоторое состояние; я делаю из него выводы, и это сомнительно. Я не делаю из него выводов и тем ввожу его в систему апории. И это сомнительно. Может, здесь и есть некоторое высшее утверждение апории, но это уже невысказуемо.

Человек, который говорит: я верю хорошо, а ты веришь плохо, на самом деле имеет в виду: я хороший, а ты плохой. Фарисей говорил: я верю хорошо, мытарь повторял только: прости меня, Господи.

24 октября. «Душа и тело человека в их взаимном соотношении звучат». Что значит душа и тело? Это цитата из XIV в. (Якобус). Это интересно, но всё же непонятно. Я не понимаю отличия души от тела. Я знаю свое тело, поскольку я его ощущаю и испытываю удовольствие

или неудовольствие, то есть я знаю тело в душе. Я знаю отношение души к чему-то другому, чего я не могу назвать своей душой, и только это, то есть некоторое отношение моей души к другому, что не есть моя душа, я называю телом. Кажется, называли телом принцип индивидуализации. Я думаю, тело — это только выражение или способ выражения **я** к **не-я**. Может, это нехорошо сказано и лучше: отношение души к тому, что не есть моя душа. Но что значит тогда: звучат? И дальше в цитате сказано: получается определенная гармония. Мне кажется, получается дисгармония. И от этого апории.

Может быть, самое производительное время, когда не пишу и, конечно, не читаю. Я думаю, что в такое время знаю то, чего не знаю. И это же у стариков. Случайные внешние проявления старчества — это ведь только в моем восприятии. Высокое у людей — мерзость перед Богом. Пусть плохо проявляется. Но ведь это плохо только по моим критериям. Но, может быть, эта неудовлетворенность, которая внешне воспринимается как самолюбие и пусть эгоизм, обидчивость и что угодно, и есть сознание души. И, может, у меня неудовлетворенность оттого, что не пишу и не знаю хотя бы и такой незначительной вещи, как внесиллогистические умозаключения, — тоже есть только проявления сознания души, то есть просто души. Мне даже кажется, если есть смысл жизни, то только в сознании неудовлетворенности в чем бы это ни было: самолюбие, глупость или раскаяние. Только сознавая некоторый недостаток, имею душу. То есть в избытке и благополучии я не имею души: или ничего не имею, или есть Бог, в недостатке же — я. Но «есть Бог» без меня этого тоже недостаточно. Надо, чтобы был недостаток и стал Бог, то есть в недостатке стал Бог. В этом Благая весть.

Лк 12:19-20. «И скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись. Но Бог сказал ему: безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?»

30 октября. Два способа исполнения интуиции:

А. Некоторый частный случай — часть мира становится миром, то есть в определенном состоянии, явлении обнаруживается некоторая сущность. Определенная часть становится тем, что называют «целое», правильнее — некоторая частность становится общей интуицией. При этом осуществление этой интуиции в определенных частностях бывает нелогичным или шаблонным.

В. Интуиция строится из элементов — рассмотрения частных случаев и объединения. При этом в частных случаях проявляется много ума и остроумия, но возможно, что в общей интуиции не хватает некоторой глубины.

Отношение А к В: высокомерие, «отец не понимает сына», теории понимания.

Отношение В к А: непонимание и отрицание без понимания именно потому, что непонятно.

А, исследуя В, ищет интуицию в В. В, не понимая А, исследуя его, выбирает отдельные предложения и рассматривает их сами по себе. В этом, может, основное различие: В считает, что каждое предложение имеет только тот смысл, который в нем непосредственно обнаруживается, и отрицает, во-первых, другой смысл, во-вторых, связь с другими предложениями и изменение смысла от этой связи. Но благодаря этому недостатку В с большей тщательностью, глубиной, умом и остроумием исследует отдельные предложения, а часто довольствуется схематичными, трафаретными, лишенными смысла обобщениями А.

А: Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель, отчасти Гербарт.

В: Больцано, должно быть, Brentano, затем к В принадлежит определенный род рассуждений, осуществляемый математической логикой: Рассел, Гильберт, причем логики и формалисты, но интуиционизм ближе к А. Затем, к В принадлежит, я думаю, определенный род рассуждений, связанный с духом французского Просвещения и энциклопедизма.

28 ноября. Великая игnavия.

Великаяигnavиявеликаяигnavиявеликаяигnavиявеликаяигnavия.

1 декабря. По-прежнему великая игnavия. Пробую заняться «Квадратом миров». Когда дошел до главы 9, показалось, что там, где начинается главное, — полная неопределенность. Сегодня же понял, что там нет неопределенности. И дальше, кажется, хорошо, во всяком случае термины: мир того же самого, обратный мир, мир взаимного несоответствия и мир другого. И как будто некоторая пустота немного заполнилась, то есть обнаружил в себе некоторое содержание. Ведь игnavия — это полная пустота. Теперь я нашел что-то интересное в некоторых отношениях. Во-первых, я нашел **что-то**. Некоторое удовлетворение от определенного содержания, кто бы его ни нашел. Во-вторых, я понял это сейчас — здесь, некоторое удовлетворение от самого **акта** понимания. В-третьих, хотя и не сейчас, но нашел это я.

Здесь некоторое удовлетворение оттого, что нашел это я. Хорошо ли это последнее? Первое — хорошо, во втором во всяком случае нет плохого или очень плохого, не очень же хорошо может быть потому, что я должен был направить внимание на другое, более важное. Первое же хорошо, как хорошо всякое что-либо. Но третье как? Это не тщеславие, ведь никто не знает «Квадрата миров» и, может, никогда не узнает. Я думаю, это и не гордыня. Может быть, так: я знаю, что должен освободиться от своего, то есть отдать свое, но если нечего отдавать, то что отдать? От этого игnavия. Здесь же я ощущаю некоторую силу, я имею что-либо, я через это что-либо чувствую некоторую связь и имею что отдать. Он говорил как власть имущий. Может, это пример для всех: не иметь власть, но быть как власть имущий. Но еще лучше, должно быть, потом отдать ее, то есть не власть, а ощущение власти имущего. Но как это отдать? То есть как перейти к самому главному?

4 декабря. Раньше мне снилось, что он не умер, а ушел к другой семье. Сегодня снилось, что он уходит, ему надо куда-то уйти. Я говорю: я ведь знаю, куда ты идешь, поможет ли? Я имел в виду, что после смерти он уже раз ушел в другую семью, но всё же опять умер, как бы не умер в третий раз. Но главное, кажется, было ощущение непонимания и боли.

8 декабря. Человек мучается: ищет Бога, а я отчего? Что это за игnavия? Если бы стал писать, она прошла бы. Но о чем писать? Кажется, это всё равно: продолжение «Логического трактата» или «Соблазны». Но если бы стал читать Гильберта или делать выставку, игnavии тоже не было бы, но тогда бы: заботы века сего, оболъщение богатством и другие пожелания, входя в них, заглушают слово. Вообще Гильберт, может, и не «заботы века», но сейчас он мне не нужен, когда же начну писать, может, и очень будет нужен. Иногда мне кажется это очень мелким: ведь нет необходимости сказать что-либо определенное: именно внесиллогистические заключения или именно «Соблазны»; это подобно различию любви и похоти, и некрасиво. А может, так: есть определенное назначение мое — сказать что-либо, например А, В, С... Предположим, я уже сказал А и В осталось С, D... и здесь уже всё равно что сказать, С или D, а игnavия оттого, что не могу сказать ни С, ни D. Но, должно быть, не так.

Нехорошо то, что писание для меня некоторая естественная потребность, от неудовлетворения которой я и мучаюсь. Ведь я могу думать и не писать. Если бы мог, то не было игnavии. Значит, тоже не

то. Во-первых, я не умею думать, я думаю, когда пишу. Это от ограниченности. Во-вторых, ничего не получается, то есть думание, даже когда пишу. В-третьих, не кажется достаточно важным или интересным. Но сейчас, кажется, главное второе. Предмет мысли ускользает от меня. Может, так: не могу довести определенное рассуждение до конца, так как наступает неопределенность. Во-первых. Имеется некоторая последовательность (I) понятий или предложений: А, В, С... Затем имеется некоторое неясное представление Р, определяющее достаточное число предложений последовательности (I). Это число неясно, но я всегда могу определить, когда последовательность (I) обрывается раньше, чем надо, затем неправильные переходы. Но всё это надо сказать проще:

Во-первых. И в диалектическом рассуждении нельзя прийти к тому, что возможны все случаи, то есть к полной неопределенности.

Во-вторых. Неопределенность может быть в переходах, когда от А можно перейти к чему угодно, или в конце, когда можно прийти к чему угодно.

В-третьих. Если определенная последовательность становится неопределенной, но за явно неопределенным обнаруживается другое, неявное, но определенное, например если бы все предложения, состоящие из двух слов: «я» и глагола, оказались бы неопределенными, а за этим я обнаружил бы грамматическую форму и определенную категорию, то в этом нет неопределенности.

17 декабря. От великой игнавии стал пересматривать свои старые вещи. Хорошие вещи от начала до конца редко больше 8-10 страниц. Если же больше, то (кроме «Критерия» и «Логического трактата») начало хорошо, а дальше не выдерживаю напряжения. Это значит: нет ясного представления целого и соотношения частей. От этого тоже бывает неопределенность.

Одно может быть понято каждым — например, если из А следует В, а из В следует С, то из А следует С. Как образец — математика.

Для понимания в этом случае требуется только некоторое напряжение внимания. Другое же не может быть понято всяким даже при наибольшем напряжении внимания, даже умным человеком. Например, Больцано не мог понять не только Гегеля и Фихте, но даже Канта. В чем различие этих двух видов понимания? Для математического понимания требуется понимание логического вывода. Что требуется для второго, пусть философского, понимания?

Но и для первого, когда оно подходит к началам, уже недостаточно одного только логического понимания.

18 декабря. По своей душе я узнаю всю мерзость человеческую. Когда я сделал что-либо хорошее, я чувствую, что я сделал это не так, как надо было, что были какие-то скрытые мерзкие мысли, или что я похвалил себя, или я умилился себе, что самое мерзкое. И когда меня похвалят, мне стыдно. Никто не знает скрытых намерений, только Бог видит, и я представляю себе, какой это ужас. Кажется, в этом смысл явления Христа. Я вижу человеческие намерения, скрытые и отделенные от человека. Мне представляются они теми диалектическими движениями мысли, которые я никак не могу открыть. Человек же только непонятное и жалкое явление этих скрытых намерений — движений мысли, неодушевленный придаток к ним.

1949

11 января. Сон «формула жизни».

Я иду по Большому к Т. У Матвеевской меня окликают из окна второго этажа: он просит зайти. Я захожу. Из шкафчика он берет курицу, отрезает кусок, чтобы угостить меня. Есть мне не хочется, я чувствую себя неловко. Он сообщает, что ушел от нас, а мама уехала в Ялту. К себе приходить не приглашает. Я прощаюсь и ухожу. По дороге привязывается какой-то мальчик. Отстань, говорю, не до тебя. Подхожу к дому. Большой мрачный дом, внутри темно, мы живем на четвертом этаже в маленькой комнатке. Поднимаясь по витой лестнице, я думаю: как я скажу всё это Лиде и как мама одна доедет.

Проснувшись, вспомнил, что это продолжение сна о дочери Тургенева от Авдотьи и о ее брате. Затем вспоминаю, что уже был у Т., там была В., а сейчас шел во второй или в третий раз. Затем вспоминаю, что этот сон был о жизни, о моей жизни и о том, как тяжело: с каждым годом и кругом прибавляется новая тяжесть и сгибаешься всё больше.

12 января. Сон «формула жизни» продолжался сегодня. Одно из продолжений: он пришел со службы, пообедал и уходит. Я спросил куда. Ответил: есть работа. Я спросил, придет ли ночевать? Ответил: зачем? Я сказал: если там (то есть в новой семье) ближе тебе, то незачем. Через некоторое время вернулся. Мы с Лидой обрадовались, но он сказал: кто-то из вас сейчас взял на рояле септиму, там это слышно и неприятно им. Сказав это, ушел. Лида расплакалась. Я побежал за ним, догнал и сказал: это возмутительно, ничего больше не нашлось у тебя для нас, Лида плачет. Он вернулся и, улыбаясь, сказал Лиде: ну, давай поговорим, всё выясним. Я ушел играть на рояле, чтобы не мешать им. Стало холодно. Я закрыл окно, но дуло слева, где была занавеска. Я встал, чтобы закрыть окно за занавеской, но там не оказалось не только окна, но и стены, был пляж и море. Пошел к морю, но усилился дождь, и я вернулся. Потом ходил по улицам, по набережной, там стояли какие-то яхты. Я понял, что это была прежняя игра, но сейчас никакие игры меня уже не занимали и яхты стояли без всякого значения.

16 января. Днем. В эти дни я хотел многое записать. Отпускать прегрешения может только тот, кто берет на себя грех. Для этого должна быть любовь. Отпустить прегрешение другого — это значит

взять его грех на себя и мучиться так, как будто этот грех совершил я. Должно быть, Христа мучил грех каждого человека, поэтому Он мог отпускать. Но может быть, поэтому Он и был Бог. То есть человек может взять на себя грех одного, двух или нескольких человек, а Тот, кто может взять на Себя грехи всех людей, — Бог. Но кто может взять на себя грехи нескольких, а не всех людей, может только отпускать, а не прощать грех, то есть только облегчить мучение.

Реальна — душа, но не та, которую я знаю. Затем реальность — некоторые движения души. Но и их я не знаю. Но **что** этой реальности состоит только в том, чтобы не быть **своим**, то есть не быть **чем**. И здесь я имею некоторые соприкосновения с реальностью: во-первых, в абсолютных или объективированных ощущениях и состояниях, во-вторых, в чистых моральных актах, в-третьих, в познании законов движений души самой по себе. Последнее не психология, но диалектика — ходы мысли, освобожденной от предмета и вообще предметности. «Исследование о критерии» — это очищение являющейся души от всякого явления и являющегося **что**. Оказалось, что никакого **что** и нет, и тогда это предполагаемое **что** или просто ничто — сдвиг вниз, или ничто Бога — творение — сдвиг вверх.

19 января. Днем. Нет общей системы. Но и частные системы могут быть несовместны. То есть по поводу одного предмета или состояния может быть несколько частных несовместных систем, и каждая из них может быть истинной или, лучше, действительной, так как и состояния эти не вполне тождественны, и каждая из несовместных частных систем открывает разные стороны этого состояния: волновая и корпускулярная теории света. Но объединения этих частных систем и не требуется, так как каждая дает некоторую достаточную полноту. Также нет общей истории философии, можно только указать некоторые последовательности.

Кант освободил реальность от категорий теоретического разума. Реальна душа, не являющаяся, а ноуменальная. Вещь в себе — душа. Но в практической деятельности она реальна, то есть ноуменальна. Дальнейшее освобождение души-реальности — в состоянии апории, реальность души в том, чтобы не быть собою, то есть не быть **что**. Практическая же деятельность и моральность — только один из способов реального существования души.

24 января. Если бы мне предложили на выбор: написать великую вещь, причем я буду точно знать, что она великая, и больше никто этого знать не будет и не будет признавать, или написать бездарную

вещь, которую все будут считать великой, отчего мне и материально будет хорошо, то я бы выбрал первое. Но если бы мне предложили: написать великую вещь или полную моральность и даже святость, то есть предложили бы: быть или самым мудрым, или самым хорошим, я бы тоже выбрал первое. Может, это оттого, что святость непонятна и ведь первое условие святости — не считать себя святым. Но если бы мне предложили величайшую мудрость с полным признанием и материальным благополучием или счастье в этой жизни, я не знаю, что бы выбрал. Может быть, я всё же выбрал бы первое, так как не представляю себе жизнь без философии. Но если бы предложили счастье в этой и в той жизни, тогда бы отказался от мудрости. Но это уже непонятно, может ли быть счастье в той жизни без некоторой мудрости в этой? И если в этой жизни от мудрости может быть хуже, то сомнительно, чтобы и в той хуже.

Но и во второй дилемме выбор святости мне кажется большей гордыней, чем выбор мудрости, и даже вообще наиболее греховным. Даже в желании быть святым без всякого признания есть что-то неприятное. Вообще, может быть, мудрость тоже некоторый путь к святости, если нет лучшего пути — любви. По-видимому, к святости три пути: мудрость, то есть рассуждение, отвращение к себе и любовь. Но она (святость) не может быть целью, то есть не может быть целью личное совершенствование.

28 января. Основная интуиция у меня одно два. Поэтому я так и не люблю всякое гегельянство и синтез. Но триединство я признаю, но не ощущаю так, как тождество двух. Флоренский тоже говорит, что третье Лицо пока непонятно. Я признаю три Лица в Троице, как Сам, Кто и То, но так как третье место — ничто (первое — **само**, второе — **что**), то я думаю, и не может быть ощущения, кроме чисто религиозного и не философского, триединства: триединство понимается, может быть, логически необходимо, ощущается же в крайнем случае только религиозно. Но тождество двух ощущается философски или мистически. Может быть, так: то, что логически обосновывается или хотя бы дается в виде некоторых положений, — философия или религиозное учение, то, что при этом ощущается, — мистика. Тогда тождество двух понятно философски и переживается философски, то есть будет философски-мистическим. Триединство же в крайнем случае только понятно философски, ощущается же, может быть, только религиозно-мистически. Так что различие философской и религиозной мистики. Возможно, что есть и другие виды мистики, например ощущение природы, ощущение некоторого тождества с природой, как в ту ночь в Мельничном Ручье, ощущение ночи, ощущение полдня или сумерек. Может быть, главное для всех мистических ощущений — ощущение

тождества несовместных элементов, причем или не зависящих от меня: одного и двух, трех Лиц, или меня и другого, обычно при этом я уничтожаюсь и переношусь в другое состояние, и это другое состояние ощущаю как тождественное себе. Затем еще одно, но, может, не необходимое свойство мистических состояний: когда у меня бывает мировоззрение в носу и я останавлиюсь на нем, чтобы изучить его, оно постепенно как бы испаряется и я к концу уже не имею его. Я говорю тогда: не было никакого мировоззрения в носу, только казалось мне, и, сказав это, уже сразу вижу: оно стоит как бы в стороне прочно и непоколебимо. Может быть, таковы мистические состояния, они почти не допускают изучения, вообще некоторого сосредоточения внимания. Они не умещаются в форме предельного мышления, поэтому при завершении формы предельного мышления исчезают.

Вторая интуиция — небольшой погрешности или некоторого равновесия с небольшой погрешностью, она непосредственно связана с первой.

Третья интуиция — способов иного бытия, способа существования, который есть существование **как и что**. Сюда же относится интуиция границы существования и границы понимания: граница существования и есть граница понимания.

Четвертая интуиция — интуиция ложной бесконечности, то есть сказать одно через другое или сказать до того, как сказано. Это — то, что не тождественно стороне апории.

Пятая интуиция — интуиция разделения на наше и не-наше; основное представление жизни нашей — как той или той — как нашей. Эту интуицию особенно ясно я ощущаю в разделении искусства, например Чайковский и Бах. Но все эти интуиции, может быть, только дополнения или частные случаи первой. Но также можно начать с любой из них, кроме третьей и четвертой, остальные же будут разъяснением к ней.

Шестая — интуиция души: душа в том, чтобы не быть собою, то есть в оставлении себя. Но в этом же сущность второй природы: что есть что только постольку, поскольку не остается собою. **Поэтому** душа есть единственная реальность.

19 февраля. Когда выпьешь, являются мысли о жизни, настоящие мысли. Обесцвечивание мира с возрастом. Может быть, ряд состояний, в которых я находил ощущение **того**, только соблазны. Я имел в виду определенные ощущения, например природы. В троллейбусе я думал: жизнь похожа на некоторое сужение горизонта; отпадает всё лишнее, лишним, может быть, окажется даже природа. Останется **я**, душа. А затем и это будет лишним, то есть лишнее **свое**. Сейчас я это только понимаю, а затем и почувствую. Тогда смерть. Тогда смерть не

страшна. Впрочем, этого я не знаю. Это я впервые подумал: природа — соблазн, причем последний. Я не знаю, верно ли это, во всяком случае, логически в некоторой последовательности это так и должно быть: я не находил мгновения в ощущениях природы. Но я рассматривал это как содержание мгновения. Логические доводы, доводы последовательности не доказывают, а, скорее, опровергают. Но здесь есть два несовместных, одинаково убедительных, как мне кажется, довода: в ощущениях природы нет мгновенности — это против реальности этих ощущений, за соблазнительность их; ощущения природы — содержание мгновения — это за их реальность и против соблазнительности.

Сужение кругозора: конус, вершина которого — смерть.

25 февраля. Мне это еще неясно, поэтому трудно записать: человек думает, что он думает одно, а на самом деле он думает другое. Что он на самом деле думает, я не знаю, и он сам не знает, и кажется, и не может знать, самое большее только установить некоторые отношения к некоторым личным событиям. Когда же поймет, что он думает не то, что думает, что останется? Недоумение и боль. Это признак рождения некоторой реальности. Может быть, все мысли сводятся к одной: я жил и совершил непоправимую ошибку. Это как одно событие — погрешность и связано с смертью, и смерть здесь, скорее, освобождение и исправление погрешности. Всё сводится к одному: понять и ощутить жизнь как погрешность.

Я писал о необходимом лицемерии систем. И в моей погрешности я часто лицемерил. Понятие погрешности возникло из боли. Но затем я забыл о боли и погрешность возвел в совершенство. Но это вне понятий совершенства и несовершенства, и без боли нет погрешности. Одна мысль: тяжесть бытия. Я не верю в откровения и экстазы Плотина, в них не было боли. Но «Щель и грань» у меня были, кажется, реальным откровением.

13 марта. Ощущение нереальности времени. Я думаю о каком-либо определенном событии. Когда оно было? Год или два тому назад? Я не могу этого вспомнить, как будто его и не было, а есть только результат его сейчас. Сейчас — некоторое состояние; представление о причине его, отнесенной к прошлому времени, — только некоторый знак этого состояния, должно быть, знак его несовершенства.

19 марта. Степени посвящения и тайны, и как великую тайну посвященным высшей степени открывают последнюю тайну: нет никакой тайны.

Формула: посвященным открывают последнюю тайну: нет никакой тайны.

Это не материализм и не рационализм, а опровержение разума и погрешность как боль. Ведь если бы можно было открыть или раскрыть тайну, была бы система, и система спасения.

Некоторые обстоятельства моей жизни, именно: неудача, непонимание и некоторые определенные события и черты моего характера — дали возможность понять погрешность как боль. Когда я смотрю на других людей, у которых, может, не было этих обстоятельств или свойств характера, я нахожу у них другие обстоятельства или черты характера, которые должны вызвать у них также ощущение погрешности как боли. Из этого я заключаю, что погрешность как боль есть абсолютное, а не субъективное состояние. Если же у других нет этого состояния, то потому, что они не преодолевают времени, то есть живут во времени: забывают то, что считают прошлым, и не думают, то есть не замечают того, что называют будущим.

Есть что-то самое главное и самое страшное. Это, во-первых, есть сейчас и, во-вторых, должно быть сейчас. Когда я не хочу о нем думать, так как это тяжело и страшно, хотя необходимо, то: во-первых, называю прошлым, когда отказываюсь думать о том, что уже есть, и, во-вторых, будущим — когда отказываюсь думать о том, что станет сейчас. В нем — двойственность: оно есть и есть как будет, то есть оно есть как сейчас становящееся. Но не как длительность или процесс, но акт: сейчас станет.

Формула великой тайны говорит, что ничего нельзя знать, ничего нельзя понять, и когда это поймешь, то понимаешь и знаешь, причем знание уже не формальное, а материальное, то есть знаешь не форму знания, но определенное содержание: погрешность как боль.

Формула великой тайны — это формула незнания и непонимания: когда понял, что ничего нельзя понять, то имеешь понимание материальное, формального же всё равно нет, потому что понимание непонимания формально есть тоже понимание; поэтому формально и нельзя понять, что ничего не понимаешь; если и ничего не понимаешь, то хотя бы это, то есть невозможность понимать, понимаешь. В этом Больцано и другие правы.

Но от полного непонимания нет вывода к пониманию полного непонимания, и тогда непосредственный переход к пониманию содержания полного непонимания.

7 апреля. Необходимое (но недостаточное) условие гениальной вещи — некоторая чистота. Она есть даже в некоторых симфониях Бетховена: Шестой, Восьмой, но в Седьмой (финал), в Третьей и в финале Девятой — нет; у Гоголя, у Лескова в «Соборях» есть, но во многих других вещах Лескова ее нет; должно быть, у Гойи есть, но у Шостаковича нет. Как определить эту чистоту? Она не связана, например, с чувственностью арий и речитативов Баха. Я думаю, эта чистота имеет отношение к формуле. То есть чистая вещь — некоторая формула. И второе: нет личного. Может, это главное: в гениальной вещи не должно быть личного, поэтому она и будет формулой, хотя этого еще и недостаточно для гениальности. Отсутствие личного не есть отсутствие индивидуального: все вещи-формулы одного автора имеют общее, отличающее их от вещей-формул другого автора, также могут различаться между собой. Но если они и выражают индивидуальность автора, то не личную, а художественную, философскую или научную. Для чистоты требуется, чтобы автор чувствовал себя только посредником, передающим то, что он увидел, не добавляя ничего от себя. Таким добавлением будет также и его отношение к факту. Всё, что он добавит от себя, нечисто.

Шостакович сказал кому-то, что ему нравится писать музыку, потому что интересно смотреть, как ноты располагаются хвостиками то вверх, то вниз. Мне кажется, он хотел этим скрыть субъективное, то есть нечистое отношение к своей музыке.

1950

17 января. Мне бы дописать «Соблазны», и тогда, кажется, можно и умереть. Не для читателей или потомства надо дописать, а для себя, чтобы понять и побороть.

31 января. Во взглядах и убеждениях есть некоторый внутренний деспотизм: мне что-либо нравится, я считаю это красивым и хорошим, но, по моему убеждению, это некрасиво и плохо. Я здесь имею в виду не приятность и удовольствие, здесь разделение телесного вкуса и убеждения естественно, но красивое и хорошее, как, например, стихотворение, музыка или поступок, которые мне нравятся, а по убеждению не нравятся. Этого разделения нет у людей, у которых нет убеждений, и больше всего, когда убеждения примитивные, например как у меня было в 16 или 17 лет. Откуда это разделение? Возможно, что от непостоянства — от того отвращения, которое вызвал «Квадрат миров», — возможность быть другим. От этого разделения — некоторая неопределенность. Философия должна уничтожить это разделение. Но как? Введя некоторую неопределенность в убеждения. Это не значит,

что уничтожается убеждение или оно нетвердо, но в само убеждение входит неопределенность, причем в определенных границах. Но некоторое убеждение всё же при этом уничтожается.

26 марта. Д. И. хотел написать рассказ: человек каждый вечер стоит перед шкафом и что-то думает. Он знает: совершится чудо, и он подымется над шкафом. Но он всё не подымается. Однажды, стоя перед шкафом, он увидел картину и вспомнил, что он видел ее и вчера, и позавчера. И вдруг он вспомнил: картина-то висела за шкафом и, не приподнявшись над шкафом, ее никак нельзя было увидеть. Так и я. **Я всё думал: увидеть Бога. Но ведь я уже увидел.**

Не я, но Бог. Я перешел — надолго ли — какую-то границу. Мне всё неинтересно, кроме одного. Но это и значит: Бог. Из картин, которые я вчера видел, мне больше всего понравилась «Дверь» В. В.[Стерлигова]. И в этом я опять вижу одно.

В «Квадрате миров» я говорю, что не ищу даже истины. Тем более мне безразлично, в комнате один или несколько человек — это о том, что говорил В. В. Я хочу очиститься от грязи. Тогда во мне Бог. Мне кажется, что истиной тоже прикрывали Бога.

Всё это не то. Я хочу написать, что я один и тогда со мной Бог.

Об умерщвлении плоти. Не всё ли это равно: умерщвлять плоть или не умерщвлять. Главное, чтобы был со мною Бог.

Где Бог? У каждого различно. У меня: в некоторой формуле, в некотором точном рисунке, в вере: верю, Господи, помоги моему неверию.

Главное: Бог в некотором отношении меня к чему-либо другому, не-я. Я один. Я не один, со мною Бог.

Сомнение. Я ограничил себя: не я, но Бог. Но люди? То есть другие? Когда я прошу выздоровления другого и верю, что по моей вере будет, это не другой, но **я**, тем более что мама, то есть мир первого радиуса. Но ведь есть еще другое — любовь. Я перескочил это, и в этом недостаток. Бог выше всего, но через любовь. Чужая боль меня не трогает. Я не понимаю, почему у меня должно болеть, если болит у другого. Но я готов нести эту боль вместо другого, не потому что мне больно за другого, а потому что, так мне кажется, мне не будет больно, если боль будет у меня. Это уже не то. Я не сочувствую чужой боли, но не чувствую своей. Потом еще: я не чувствую чужую физическую боль, но моральную, ту, о которой я писал в «Формуле мира», то есть «отец не понимает сына». Можно было бы сказать: никто никого не понимает. Эта боль мне ясна, и я чувствую ее как свою.

Я вижу величие происходящего, и это со мною, я перешел из этого в то. Я перехожу из **этого** в **то**.

28 июля. Я верю, что есть Жизнь вечная и что я к ней причастен или могу быть причастным. Я знаю, что должен заслужить право быть причастным к Ней. И эта вера есть для меня критерий моего отношения к людям, книгам, музыке, картинам.

16 августа. 14-го было вдохновение. Если его нет, надо каждый день работать, и тогда придет. Почему не работаешь? Во-первых, не знаешь, во-вторых, кажется неинтересным, в-третьих, физическая вялость, в-четвертых, игнория. Третье — проходит, когда заставишь себя заниматься; первое и второе — надо побороть. Два вида вдохновения: подготовленное и неподготовленное, то есть самопроизвольное.

У Гамсуна много наворочено вокруг женщины и любви, но всё же благополучных концов нет. Значит, если и находит он что-то у женщины, то только как отрицательное. Нагель не женится на Дагни, а топится.

4 сентября. Неверно, что если жизнь бессмысленна, то нет теории бессмыслицы и бесцельности жизни. Утверждение говорит: жизнь бессмысленна и бесцельна, потому что то-то и то-то. Но это уже теория. Затем, отрицание всякого определенного смысла и цели не есть вообще отрицание смысла и цели, как это показано в «Критерии». Затем, отрицание некоторой определенности, и даже всякой, само не должно быть слишком неопределенным. И неопределенность здесь может быть, во-первых, в отрицании возможности обсуждения и мысли, и это уже не неопределенность, но некоторая определенность, значит, наоборот, отрицает неопределенность, эта неопределенность только непоследовательность, то есть неспособность и нежелание думать. Во-вторых же, это неумение думать и рассуждать, само рассуждение становится неопределенным, так что есть предмет мысли, не только неопределенное ощущение, но нет соответствующего ему выражения, как это у меня и было до вестников. Значит, во-первых, отсутствие предмета мысли и, во-вторых, неумение изложить его. Значит, есть предмет мысли — некоторая неопределенность, — отличный от ощущения некоторой неопределенности. В чем отличие? Во-первых, есть некоторая реальность, но это не предмет мысли, это ощущение, во-вторых, эта же реальность как предмет мысли. Она станет предметом мысли, когда душа или **я**, отбрасывающий от себя всё мое, как **не-я**, обратит на него внимание. Тогда реальность из субъективной станет абсолютной — предметом мысли. При этом без некоторого моего

воздействия она субъективна, мое же воздействие на нее сделает ее абсолютной. Но **я**, действующий на нее, тот **я**, который отбросит всё мое, как **не-я**. То, что здесь сказано, надо понимать широко: как границу во всяком исследовании, писании, искусстве: субъективное или абсолютное, и субъективное — само субъективно, абсолютное же если само, то или невидимо и невысказываемо, или субъективное, выдаваемое за абсолютное. Это не значит, что я отрицаю его самостоятельность и независимость от меня, но я так устроен и создан, что должен устранить себя, а не просто быть, чтобы иметь его: «Ибо Царствие Небесное силой берется». Различные степени абсолютного требуют различной степени устранения моего, и последняя — полного.

30 октября. Сны.

Он умер, и ему готовят гроб, один уже готов, а второго всё нет. Я иду к хозяйке и говорю: что же это такое, всё нет второго гроба. Она смеется: но сегодня же праздник. Какой праздник, говорю я, вчера он только умер. Но вспоминаю, что, действительно, на сегодня назначен пирог. Впрочем, говорит она, вот второй гроб, мальчик отнесет его вам.

Я возвращаюсь домой. Наконец-то ты пришел, говорит мама. Лида растирает в тарелке булку с кремом. Мама пугается: зачем ты это делаешь? Я сообщаю, что уже всё готово, гробы есть, можно хоронить. Когда я вошел в комнату, мне стало как-то легче: обычная наша комната, мама, Лида. Но оттого, что стало легче, стало тяжелее и так плохо, что я проснулся.

Из середины (другого) сна: мальчик бежит по лестнице. Это же кощунство, думаю я, вчера только он умер. Я хватаю мальчика за ногу, он падает, разбивает себе лоб. После этого он полгода пролежал в больнице; всё же думаю: не кощунствуй.

Я написал в прошедшем времени — «пролежал». Это надо было написать в будущем времени — «пролежит». Я знал, когда он упал, что он пролежит в больнице именно полгода.

Когда я замкнусь на год, я закончу «Соблазны» и займусь «Принадлежностями». Если удастся привести их в порядок, я закончу их так: «И вот я дошел до настоящего мгновения. Вот жизнь — полвека, и она уже как не моя. Была ли она? Мне кажется, она есть только сейчас как несуществующая и бывшая, и она кончилась, хотя и не была. Научила ли чему-либо? Я стою „Перед Принадлежностями чего-либо“, как стоял перед ними четверть века назад. И каждое мгновение было как это: жизнь всегда была как несуществующая и бывшая. Еще к

этому мгновению принадлежит неудовлетворенность и томление: я ощущал себя кусочком грязи, прилипшим к мгновению».

16 декабря. Я сомневаюсь, чтобы у меня была свобода воли, когда я должен решить или предпринять что-либо, ставя себе какую-либо цель. Во-первых, сомнительно, чтобы цель не нарушила моей свободы выбора. Во-вторых, желание ограничить свободу. В-третьих, незнание последствий тоже может ограничить. В-четвертых, мне может опротиветь моя свобода, так что я сам откажусь от нее. Но я верю, что обладаю свободой немотивированных, бесцельных и бесполезных поступков, которые нельзя даже назвать поступками, так как они почти не связаны с чем-либо внешним. Я верю в свою свободу, но только тогда, когда она почти не приводит к каким-либо заметным последствиям. Но свобода принять интуицию? Не обусловлена ли благодатью? Соблюдение закона (по отношению) к себе или к Богу? Не обусловлено ли оно сознанием закона? Но если акт перехода к трансцендентальному характеру свободен, то после перехода не обусловлен ли я законами трансцендентальной свободы?

1951

14 января. Евангельская любовь. «Любите друг друга» (Евангелие от Иоанна) часто заменяется: любите только друг друга, а других ненавидьте. Или сентиментальным любованием, или таким же сентиментальным умилением. Когда я в Свердловске дал уборщице свой завтрак, а она расплакалась, и я умилился, мне стало противно от мысли, что сейчас может прийти мысль о том, что я сделал хорошо, и я только повторял себе: подлец, подлец. Но истинное умиление было, когда я получил слезный дар в Чаше или на кладбище. Какая должна быть любовь? Я здесь ничего не знаю и знаю только, что она должна быть без мирного умиления, когда оно происходит от любования собою, без всякой сентиментальности, жалости к себе, без всякого индивидуального предпочтения, при этом только индивидуальная, то есть я не должен любить человека потому, что у меня с ним особые связи: родственные, сочувствия, общности, но первого попавшегося, и при этом не должен любить людей вообще, но этого первого попавшегося и так, как будто он мне самый близкий.

У меня нет дара любви, или рассуждение убило его. Я хочу думать, что я вступил на какую-то самую низшую, предварительную ступень любви и сильно отстал от других людей, но на этой ступени я стою прочно. Эта ступень — понимание непонимания и ужаса непонимания, то, что Л. называл: «отец не понимает сына»; никто никого не понимает, и от этого сочувствие к каждому, и в особенности к

виноватому, когда он один, брошен другими; боль бытия. От этого жалость, связанная с сочувствием, к тем, кто совершает грех, как это было давно, когда я увидел в автобусе женщину и мужчину, связанных, как мне казалось, грехом, и когда закончился мой душевный праздник.

Не здоровые имеют нужду во враче, но больные, в этом начало любви. Осужден грех, но к тем, кто совершает грех, — жалость и любовь, жалость за то, что им грозит потеря души, и любовь, как к несчастным: наиболее несчастен — грешник, ведь хуже того, что с ним будет, не может быть; жалость и любовь, так как, может быть, он заранее осужден, не имея благодати; жалость и любовь от боли бытия, иначе быть не может, и эта боль бытия наиболее сильно осуществляется в нем — в грешнике, он потому и грешен, что бытие тяжело. Всё это индивидуально, к вот этому человеку, первому попавшемуся, сейчас стоящему передо мной. Но это не значит, что оправдан торжествующий грешник, в особенности тогда, когда совершает грех (по отношению) к другим, или грешник вообще, не стоящий сейчас передо мною; «грешник вообще», неиндивидуальное имя, связанное с величайшим грехом, мне трудно отделить от самого греха. Я не знаю, что было бы, если бы он сейчас оказался передо мною поверженный, я не представляю его как вот этого человека, но как сам грех, его имя — символ греха.

19 мая. Во-первых, я был в Келомякках и прочитал там четыре Евангелия и Апокалипсис. Во-вторых. За год после «Квадрата миров» ничего не закончил: «Числа» довел до опровержения системы квадратов. При этом и написанное надо исправлять. Из четырех диалектических трактатов первый довел до половины, или трех четвертей, и пока оставил. Трактат о «Небе и но» пишу уже 3 или 4 месяца. Почти дошел до конца и опять начал сначала. Это похоже на то, что было до «Вестников».

Сейчас передают Собинова: Ленский, Ромео, Левко, Лоэнгрин, и очень стало нудно и тоскливо; кажется, он неплохой тенор, но почему я никак не могу отделить его гения от адвокатского, журналистского, либерально-интеллигентского окружения предреволюционного времени? А может быть, он плохой тенор и потому, слушая его, я не могу отделить его от его времени? Что здесь нудно? Кажущееся благополучие, порядочность и поверхностность. Несильно били — вот и порядочны; кроме того, неприлично было быть непорядочным. Затем вся эта жизнь: утром прислуга подает чай, кофе и свежую газету, газета входит в завтрак. Затем днем — присутствие, адвокатство. Вечером — театр или несерьезная болтовня на серьезные темы и с претензией на серьезность. «День проходил как всегда: в сумасшествии тихом». Блок был связан со всем этим, но всё же

понимал, как это нудно и противно. Всё это очень антирелигиозно: говорить легкомысленно о Боге хуже, чем совсем не говорить о Нем.

19 августа. У Тынянова и вообще формалистов много интересных наблюдений и остроумных объяснений. Так же как исторический подход к Евангелию и Библии дает много интересного, но обходит главное, так и объяснения формалистов. Тынянов объясняет, почему возникло определенное стихотворение, кого Пушкин имел в виду, кого пародировал или кому отвечал, смену стилей и их борьбу. Может, всё это и так, но, помимо этих исторических условий, существует еще и метафизический смысл стихотворения, который имеется вопреки историческим и бытовым условиям. Пушкин сел писать потому, что хотел ответить Катенину, или потому, что ему нужны были деньги, или по какой-либо другой причине, до которой, в конце концов, никому нет дела. Когда же его коснулся «божественный глагол», то он написал уже не только ответ Катенину, но помимо своей воли вложил и другое содержание. Вот это содержание формалисты обходят. Существует два объяснения исторической и внеисторической метафизичности. Может быть, и первое имеет право на существование, но второе вернее. Если Форкель объясняет Баха симметрией, то, во-первых, это неверно, для Баха как раз характерно нарушение симметрии или равновесия — небольшая погрешность в некотором равновесии, а во-вторых, ничего не объясняет, потому что можно спросить: а зачем нужна симметрия? Но существует, мне кажется, два окончательных ответа, и разумный человек уже не спрашивает почему. Эти ответы: Бог и небольшая погрешность в некотором равновесии. К этому сводится и формула Баха.

1952

7 января. Опровержение солипсизма. Как могу существовать только я сам, если само не реально в применении ко мне, но только к Богу? Именно сам я, то, что делает меня самим, есть первая, основная иллюзия, создающая все другие.

13 января. Это опровержение, или, вернее, устранение, солипсизма будет общим. Но затем потребуется еще специальное. Устраняя от себя всё свое, что не-я, я не дохожу до себя. Если законно сомнение в другом, то еще более законно сомнение в себе самом. Может, это и

имеет в виду индусская философия в формуле «ты есть я», хотя вряд ли, потому что я устраняю именно **я**: пусть будет не по моей воле, а по Твоей — вот общее опровержение солипсизма. Причем это так и есть, то есть не по моей воле, надо это понять, так как я думаю, что могу что-то сделать по своей воле, и от этого видимость. Думая, что я могу что-то сделать по своей воле, я придумываю к тому, что есть не по моей воле, а по Твоей, свои собственные категории. Это — предельная форма мысли.

Специальное опровержение солипсизма. Мое — непосредственная данность. Надо отличать мое как непосредственную данность мне от своего как принципа своеволия, не непосредственности. Тогда с устранением всего своего не устраняется мое как непосредственная данность, наоборот, она впервые полностью открывается. Эта непосредственная данность и **что**, то есть некоторая чистая качественность без всякой предметной формы, освобожденная от мысли, и есть сущность — **что**. Может ли это что без всякого самого остаться, то есть быть само? Оно не может быть, чтобы не стать самим, но нельзя ли предположить, что акт освобождения от своего и есть только акт освобождения, что что никогда не останется, потому **что** никогда и не станет чистое **что**? Тогда я могу освободиться от своего, в пределе или на самом деле, но мое останется только моим, так как как только какое-либо что станет чистым что, найдется другое что, еще не вполне чистое, когда же оно станет чистым, найдется третье и т. д. Таким образом, этот акт понимается нами, хотя и не есть, как процесс. Наконец и в самом акте я могу найти неполное освобождение от своего, так что никогда всё мое не станет не-моим. Можно ли это опровергнуть? Кажется, нет. Тогда первая часть: «пусть будет не по моей воле» — осуществляется, а вторая — «а по Твоей» — нет. Тогда требуется специальное опровержение, и, может, оно осуществимо только верой: «Пусть будет по Твоей воле», или критерием понимания, вообще в сдвиге. Эти два опровержения, общее и специальное, можно назвать формальными. Но затем должно быть и материальное: доказать необходимость **каждого** и **другого**. Можно ли это обосновать, или другой выводится только любовью? Или, наоборот, с помощью: «Отец не понимает сына». Доказывать необходимость **каждого**, мне кажется, не нужно, а только **другого**. Может, с помощью «вот этого вот, как всякого». Один из признаков критерия: «Вот этот вот, как всякий и этот, и тот, и другой». Этот признак, может быть, и близок формуле «ты есть я». Некоторая категория одного как многого.

21 марта. Чем плох Баадер. Во-первых, тенденциозностью. Д. И. говорил, что не понимает, что значит: объективно это хорошо, а субъективно мне не нравится, и ввел различие абсолютного и

субъективного: субъективно он предпочитал, например, арбуз дыне, а абсолютно — Гоголь — хороший писатель, а Стендаль — плохой. Тенденциозность субъективна, а не абсолютна, я знаю из вещей Баадера его личные пристрастия и постоянное искание и разоблачение врагов истинной веры, а это ни к чему, хороши ли эти пристрастия или плохи. От этого и полемика. Это то же, что и у других. Недостаток мысли, то есть интуиции, если она не может быть сказана без полемики. Во-вторых, терминология и стиль, то есть способ обозначения. Brentano обвиняют в возобновлении схоластической терминологии. В этом я не вижу вины, это классическая терминология Аристотеля и Платона. Но терминология и способ исследования Бёме, хотя, может быть, и выше, чем у Фомы, но неофициальны и слишком индивидуальны, чтобы их можно было возобновить. Пусть будет неофициальный стиль, но не чужой, а свой, но повторять чужой неофициальный стиль неправильно. Это совершенно неплодотворно, то есть не дает ничего, кроме опошления Бёме.

23 октября. Фихте: понять непонятное как непонятное. Это и генезис, выросший из трансцендентальной дедукции Канта, — две основные ошибки Фихте. Оставить непонятное как непонятное: непонятное, оставшееся непонятным, и не понятое и есть сомнение. Фихте ищет место непонятного в системе, но тем самым непонятное входит в систему, то есть в систему предельной мысли, поэтому он всё время колеблется между признанием знания как последней реальности и Богом. Бог у него иногда только условие знания и возможность, а знание — осуществление. Но непонятное вне системы есть уничтожение всякой системы.

О стиле. Стиль — проявление внутренней силы, или, лучше, интуиции, или, еще лучше, освобождения от своего: как я освобождаюсь от своего. Чем больше сила освобождения от своего, тем неподражаемое стиль. Поэтому подражать Евангелию — безвкусица, так как никакой силы не хватит превзойти Евангелие, то есть Его силу. Если же нет или недостаточно своей силы, то лучше писать вне стиля, то есть — научная терминология. В математике стиль — метод.

Стиль — уничтожение старой сетки, наложенной на реальность, то есть прошлого. Сейчас всё, что не сейчас, — прошлое. От этого необходимость нового стиля. Поэтому же нельзя писать под Баха или под Леонардо, так как это не сейчас, а стиль — сейчас: освобождение от своего, то есть определенной сетки и прошлого.

«Он был потрясен и, согнув два пальца, коснулся ими лба». Другой стилист поправит: «это плохо, так как потрясение сопряжено было с воспоминанием, то надо было сказать: он был потрясен и, согнув один

палец, коснулся им уха». Кажется, это китайцы, и сейчас это поняли футуристы.

Проявление чувства — бесстыдство, недержание чувств, Бальзак. Это отсутствие вкуса, дилетантство и пошлость. К искусству это не имеет никакого отношения.

24 октября. У нас дилетантство и в искусстве, и в философии от отсутствия формул. На востоке — формулы: термин выражает не понятие или слово, а целую связь вещей. При этом и магическое значение. Мы случайно находим одну формулу: «Он был потрясен и потому, согнув два пальца, коснулся ими лба», а там — система формул. Зато у нас Евангелие.

В формуле потрясения связь разнородного: чувства и жеста, причем не логическая, а магическая, то есть логически бессмысленная. Евангелие отменяет формулу, потому что отменяет всё.

1953

12 января. Философ, комментатор-эпигон и историк философии.

У философа всегда неясности, комментатор-эпигон делает всё ясным, ставит точки над *i* и устраняет дух; историк — три типа:

1. Добросовестно излагает, при этом поневоле устраняет некоторые неясности, потому что они непередаваемы, и обнаруживает ошибки и непоследовательности, при этом устраняет и дух.

2. Классифицирует и распределяет философов по полкам, при этом вносит свой схематизм и этим тоже устраняет дух.

3. Рассматривает философов как выражение развития культуры или неиндивидуального духа и своей идеей развития уничтожает индивидуальный дух философа.

В каждом историке объединяются особенности всех трех типов, но у Гейнце — преимущественно первый, у Эрдмана — преимущественно второй, у Виндельбанда и особенно у Куно Фишера — преимущественно третий.

Почему у философа есть дух, то есть интуиция, взгляд, но неясности, ошибки и требует комментария, а у комментатора — ясность, правильность, но нет духа, интуиции, взгляда? Потому что философ видит осуществленное противоречие, а для комментатора противоречие только логическая несовместность двух предложений. Интуиция, дух, взгляд имеют несколько несовместных измерений, философ видит и имеет эти несколько несовместных измерений как одно — абсолютное, Бог. Комментатор-эпигон и историк разлагают эту интуицию на ее только возможные части-измерения, историк находит их несовместность, значит, ошибки и непоследовательности философа,

комментатор-эпигон выбирает из этих измерений одно, подходящее для него, а другие устраняет. Других он не видит, потому что не хочет видеть, так как его взгляд не вмещает нескольких измерений, но только **одно**. Он **может** не видеть других, так как объединение их у философа не механическое: в каждой части объединены все. Философ видит свет солнца, в котором объединены все цвета. Комментатор-эпигон видит свет сквозь цветные очки, пропускающие только один цвет. Историк поочередно надевает очки то одного, то другого цвета, но без очков тоже боится смотреть.

Я здесь не хотел осуждать ни комментаторов, ни историков (кроме, разве, Куно Фишера), но понять сущность интуиции: она по необходимости противоречива, то есть многомерна и составляющие ее измерения несовместны, по крайней мере некоторые. Затем еще: Гёте говорил: хорошее стихотворение не может не быть темным, то есть непонятным, хотя бы отчасти. Это относится и к философской интуиции, причем обязательна темнота двух родов: 1. Что-либо останется невыясненным, может, даже неупомянутым, противоречащим интуиции. 2. В самой интуиции что-либо будет темным и неясным. В обоих случаях необходимо есть некоторый темный остаток, который или не упоминается, но необходимо противоречит интуиции, или упоминается, но неясно, темно и, может, тоже противоречит интуиции. Противоречит только для комментатора, для философа же это — ясная темнота.

13 января. В некоторых случаях, если я понимаю, почему что-либо не может быть так, а должно быть иначе, я отнесу это к моему пониманию и не буду утверждать, что что-либо действительно есть не так, а иначе. Скорее, если я не понимаю, почему что-либо есть так, я буду считать мое непонимание существованием чего-либо. Это в случае суждений апории, то есть ее тождественной стороны.

25 января. Доказательство существования радикального зла, то есть злой воли и, возможно, положительности зла, то есть того, что злая воля не есть просто отсутствие доброй воли: я могу сделать так, чтобы мне не хотелось курить. Но когда мне не хочется курить, то мне хочется хотеть курить. Раз мне не хочется курить, то я не ощущаю неприятности от того, что не курю. Но я представляю себе возможные удовольствия, и мне хочется иметь их — удовольствия, отсутствие которых не есть для меня неудовольствие, то есть появляется желание желать курить, и это есть злая воля. Если я хочу устранить определенное неудовольствие, то это не есть злая воля, но в крайнем

случае слабая воля. Если же из возможных удовольствий я хочу именно то, которое не дозволено, хотя отсутствие его не есть неудовольствие, то это злая воля. Кажется, это относится ко всем желаниям.

Противоположный взгляд: так как нет желания без желания, причем второе не сопровождает, но вызывает первое, то это желание желания, то есть чистое желание, или воля, есть стремление к совершенству и тоска по Абсолюту, хотя бы осуществление и было ошибочным. Это взгляд Спинозы и Лейбница. Может, оба взгляда совместны, если это абсолютное, по которому тоскуем в желании, отраженное. Тогда это желание — злая воля, то есть чистая воля — злая, а добрая воля — не желание: пусть будет не по Моей воле, а по Твоей.

1954

21 января. Я и Бог — единственно, что мне сейчас интересно. Поэтому Лейбниц, как я им иногда и ни восхищаюсь, всегда был чужд, он стоял вне этого отношения. Декарт и Кант в этом отношении ближе к **я**. Спиноза, Якоби, Кьеркегор — к Богу. Спиноза — вечность и *quatenum*. Якоби — отрицание системности. **Кьеркегор** — непримиримость Евангелия, Фихте — ближе к **я**, но ищет выхода из **я**.

23 января. В других религиях степени совершенства, в Евангелии только одна степень: пусть будет не по Моей воле. Поэтому то, что в других религиях максимум, в Евангелии минимум. Евангелие требует меня всего, то есть я сам, весь я сам должен отдать себя. Но отдавать себя по частям — всё равно что не отдавать.

8 февраля. Оправдывает ли искренность веры веру? Нет, так считало язычество. Оправдывает ли предмет или содержание веры веру? Нет, так считали фарисеи. Что же делает веру истинной верой? Некоторый оттенок веры: не я, но Бог. Но этого мало. Бог не должен быть абстрактным, или необходимо понимание, что я — это я сам, то есть начало абстракции. Парадокс (Кьеркегор): Богочеловек. Фарисей, искренно считавший себя добродетельным и действительно добродетельный, искренно не мог бы понять, за что он осужден (Шестов). Он не мог понять того, что выше этического: парадокса. Или проще: он был **сам**. Я допускаю, что Анна или Кайафа искренно считали Христа богохульником, и уж во всяком случае искренен был Савл. Значит, искренность и не самое главное, во всяком случае если перед глазами как бы ширма: они не видят и поэтому упорствуют; виновны ли

тогда? Всё-таки виновны: они жертва и всё же виновны. Это новое, что дало христианство.

22 июля. Странно, что во сне бывает другое отношение к людям, то есть к определенным людям, с которыми сейчас встречаюсь или уже много лет не встречался, и даже к умершим. Я не ищу объяснения этому, прав ли Фрейд, или Бергсон, или, может, оба сразу, амбивалентно ли мое отношение к людям, странно то, что самое близкое мне, как мне являющемуся кажется, вдруг делается совершенно другим во сне: человек, который мне сейчас безразличен, вдруг делается мне самым близким, и наоборот. Ведь мне кажется, что это я, и вдруг во сне **я** сейчас совсем **не-я** сейчас. При воспоминании наяву я всегда знаю, что это воспоминание, я вспоминаю чувство, которое было, вспоминаю с умилением или отвращением, но сейчас уже не то чувство. И это, конечно, странно, но всё же я остаюсь собою, во сне же я — не-я. Что же остается от единства эмпирической личности?

Некоторые считают память и воспоминание тем, что во мне есть трансцендентного. Скорее, воспоминание принцип **самого**, то есть психологический факт, который одновременно есть трансцендентальный принцип *a priori*. Но тогда странно и даже страшно это разрушение единства эмпирической личности, частичное — в воспоминаниях и полное — во сне и при психических заболеваниях.

За это время я хотел многое записать. Сейчас запомнил два больших мгновения: ночью, когда лежал в кровати и смотрел на небо — желто-зеленое. И ощущение, когда проходил несколько раз мимо дачи напротив: я не находил, вернее не ощущал, критерия бодрствования, под страхом спасения жизни я не поклялся бы, что не сплю сейчас, мне казалось, надо сделать какое-то невероятно большое усилие, и рассеется кошмар этой жизни — я проснусь.

13 августа. Талант отличается от гения тем, что первый имеет границу, то есть сказал всё, что мог сказать, исчерпал себя, а гений не имеет этой границы, не понимает самого себя. И еще так: у таланта концы с концами сходятся, у гения — противоречия. Гений тот, кто не только увидел противоречивость мира, но противоречивость отношения **я** — мир, **я** — Бог, правильнее — противоречивость высказывания этих отношений, и не только увидел, но осуществил — противоречивость формы и содержания, высказывания и его содержания. Поэтому разница между ними качественная, а не количественная, и неосуществленный гений может быть даже бездарен. Якоби, арационалист, боровшийся с разумом, всё сказал: перечитывая его

зимой, я вдруг понял его до конца, увидел его границу. Канта и Фихте, более склонных к рационализму, я не могу понять до конца. Они и сами себя не понимали до конца, они безграничны. Якоби только говорит о непонимании, о арациональном, а они осуществляют. Как Якоби ни умен и ни симпатичен мне, всё же я вижу, что он говорит **о чем-либо**, а они — **что-либо**. Рассуждение о **чем-либо**, хотя бы и арациональном, — рационально, а **что-либо** арационально.

1956

29 января. Античность, индусы — бессмертие; тело, жизнь — случайная оболочка, перевоплощения, смерти нет; логическое завершение — неиндивидуальное бессмертие — Аверроэс. Христианство: не бессмертие, а воскресение, поэтому обязательно смерть; сравнение с зерном, которое должно умереть, чтобы дать плод, с женщиной, рожаящей в муках, «умереть в Адаме, воскреснуть в Христе». Тело — принцип индивидуализации — воскресение — индивидуальное бессмертие в противоположность античному безличному. Душа сама по себе может быть только одно: или «пусть будет не по Моей воле», или «пусть будет по моей воле», первое — Христос, второе — антихрист. Значение плоти и смерти: единственность жизни — единственность смерти — единственность Воскресения — единственность души. Может, индивидуальность в способе освобождения от **своего**? Для античности — только результат, тогда гипостазирован и безличен. Затем: что единственно для каждого — освобождение от своего или некоторое утверждение? Может, только первое индивидуально, а второе общее? Ведь чистый разум практический и как разум — общность и пошлость.

Если тело — случайная оболочка, то в логическом завершении два начала, их независимость: манихейство, гностицизм и крайняя степень — каиниты, искариотцы и др.

Христос: после воскресения не женятся и не выходят замуж, но пребывают, как Ангелы. Дух животворит, плоть не пользуется нимало. Но это не опровергает значения тела и смерти.

Все эти вопросы возникли в связи с автопортретом Т. Н.[Глебовой]. Что мне не нравится в некоторых картинах Т. Н., Шурика Тр. [аугота], в вещах Шостаковича? Плоть и кровь, слишком человеческий запах и в то же время формула (отчасти). Мне кажется, они перешли некоторую допустимую границу, поэтому у них разделение телесного и душевного, а не духовного. У меня же слишком разделено практически плотское и духовное, против моего желания практическая склонность к разделению и дуализму гностицизма и манихейства даже в его аморальных вырождениях.

Дьявол — антихрист, а не антибог.

27 августа. Перечел Лёнины «Разговоры» и не узнал в них ни себя, ни других, только стиль Лёниных вещей. Правда, это 1933–1934 гг., то есть годы распада и разложения. Когда я читаю свои старые вещи, даже до 1933 г., я и сейчас согласен во всём, кроме, может, некоторых технических подробностей, но с некоторыми моими высказываниями в «Разговорах» я не согласен сейчас. Когда я вспоминаю себя 33–34 гг., я сейчас почти такой же, но это «почти» и различает, меняется что-то внешнее, видимое для всех, для меня же — ничто. Поэтому, может, и Шеллинг считал, что он не изменился, а историки насчитывают от трех до семи периодов. По-видимому, есть какое-то ноуменальное ядро в моих вещах — оно сохраняется, но не в моем поведении и устных высказываниях для других. Когда же я писал в «Квадрате миров» о точке поворота, я, может быть, имел в виду это внешнее — поведение?

Но сейчас оно меня не интересует.

Когда я думаю о чем-либо и делаю правильные выводы, бывает, я вдруг замечаю: как я глуп, как я раньше не замечал, что из С следует D, а не E, ведь это просто безграмотность, какой же я философ? Тогда я беру старые вещи, в которых, мне кажется, я писал, что из С следует E, и вижу, что и тогда я правильно вывел из С — D или близкое ему утверждение, из которого непосредственно следует D, но нигде — E. Это тоже различие веры и субъективного признания. Когда я говорю или думаю — это часто только некоторые опыты или субъективное признание, но в настоящих вещах я записываю то, что приходит независимо от меня, вернее, есть независимо от меня, не помещающееся во мне. Вот это не помещающееся во мне и есть настоящее во мне, и, по-видимому, уже не-я. Оно не меняется, хотя в разное время я вижу его с разных сторон и сейчас некоторые подробности не помещающегося во мне вижу яснее.

Небольшая погрешность была сформулирована, когда мне было 30 или 31 год. Но еще в школе, когда мне было лет 12, я писал доклад о дарвинизме, и там уже я видел небольшую погрешность, пытался сформулировать ее очень наивно в виде каких-то не вполне совпадающих треугольников и в плохих терминах, заимствованных из плохих и глупых книг. Мне кажется, польза от чтения книг есть: чем больше книг я читаю, тем меньше верю им и вместе с тем меньше верю себе самому; вместо субъективного признания всё больше открывается не помещающееся во мне.

Две рационалистические глупости: *tabula rasa* и врожденные идеи Лейбница. Я знаю, что до апреля или мая 1911 г. глаза и ум у меня были закрыты и внезапно открылись на прогулке: Большой — Введенская — Кронверкский — Александровский пр. — Большой. Глаза открылись, и я увидел тайну, не помещающуюся в моей душе, и затем, в июне-июле, — смерть. Тогда я стал думать. Думание заключалось в том, что я

освобождался от думания и мысли. Ум закрывает глаза — тогда не вижу. Видит тайну не ум, ум мешает видеть.

Изменяются тела, а не души интуиций. Так же и я: не помещающееся во мне не меняется, только различно открывается. А изменение меня самого? Это что-то несуществующее, меня самого нет. Или я сам случайная акциденция не помещающегося во мне.

1957

15 января. Стерлигов: общий язык. Раньше был, сейчас нет, даже с самим собою. Общий язык должен быть, если есть главный путь. Как найти его? Прежде всего, понять непрямоту, то есть искривленность самого разума. Начало пути Декарта правильно: непосредственность жизни мысли, пространство мысли. Но направление неправильное, так как Декарт не знал непрямоты или искривленности найденного пути, то есть противоречивости непосредственного тождества — одностороннее тождество в абсолютном факте, тождество апории.

27 января. Я не уважаю себя, не человеческую природу во мне, а именно себя — вот эту свою мысль, это желание, это намерение. Человеческая природа, если не абстрактное понятие, то именно то, что я имею общего с другими людьми. Тогда, не уважая себя за свою человеческую природу, я не уважаю не столько себя, сколько других людей и Адама, в котором я пал. Тогда, скорее, уважаю себя, что понял это. Затем, это кощунственно: ведь человеческую природу создал Бог, и виноват не Адам, а я сам, Адам создал возможность моего падения, вкусив от древа познания добра и зла. Но создал и возможность спасения и возвышения даже над ангелами, не знающими различия добра и зла. Тогда я должен быть, скорее, благодарен Адаму и моей человеческой природе. Грехопадение нельзя абстрагировать и удалять назад: я пал и унизил себя именно сейчас этой определенной мыслью, определенным пожеланием. И вообще неверно разделение: высокое общее и низкое конкретное, это. Высокое — в низком, конкретном вот этом вот.

Апория праведности — неправедности. Я не уважаю себя. Но теперь я понял это, понял, что не уважаю себя, и уважаю себя за то, что понял, что не уважаю себя. Но это уже фарисейство. Тогда не уважаю себя за то, что уважаю себя за то, что понял, что не уважаю себя, и т. д.

Другая форма этой апории: я могу доказать, что я хуже того, кто говорит, что не уважает себя за свою человеческую природу, хуже любого грешника. Это доказательство или верно, или ошибочно. Если

верно, то я хуже любого грешника. Если ошибочно, то гордость или кокетство. Тогда тоже хуже.

9 февраля. На вертикальном непонимании основано кастовое деление. Низшая каста ненавидит высшую, высшая презирает, скорее, безразлична и не замечает низшей. Сейчас осталось духовное кастовое деление. Фихте: догматик сердится, идеалист спокоен и презрителен. Злоба взбунтовавшегося раба против господина, он чувствует, что господин выше, не может опровергнуть его, потому что не понимает, поэтому хочет уничтожить его физически, пример: сейчас. Кастовое деление всегда было, материально-духовное, как в Индии, примитивное и неполное. Завершил духовно Христос, сведя к двум кастам: сыны неба и дети века сего, от высших и от низших. В основе — последнее разделение, непонимание и боль. Христос завершает его и преодолевает: взбунтовавшийся раб — мерзость, ниже господина, смилившийся раб — выше господина, выше царя. Об этом я начал писать в «Контрапункте» (третья часть): «Царство». Провинциализм: С[оллертинский] возмутился, что я сравнил фабзавуч, где я служил, с его Филармонией. Провинциализм не в том, что я интересуюсь своей работой, даже службой, но что я считаю себя как преподавателя фабзавуча выше преподавателя ликбеза. Это провинциальная гордость — рабья. Об этом же у Д. И. в «Четырех иллюстрациях». Когда я считаю себя рабом, ничего не стоящим, — я образ и подобие Божие, когда бунтую — говно. И Взбунтовавшийся раб Ницше сказал, что христианство — рабья религия. Как взбунтовавшийся раб, он не мог понять аристократичности Евангелия, мог только ненавидеть. Вообще ненависть — плебейское, лакейское чувство.

Белинский — другая сторона Фаддея Булгарина, победив, он показал себя тем же Булгариным, провинциализм, плебейство, взбунтовавшийся раб.

1958

9 марта. Треснула моя физическая оболочка. Треснула моя душевная оболочка. Я вылезая из себя самого. Я вылезая из жизни.

Началось это пять лет тому назад, когда кончил последнюю редакцию «Критерия». Потом Евангелие. Есть первый шедевр. Есть последний. Сейчас пишу свой последний шедевр. Но это еще не конец, конец — «Перед Принадлежностями чего-либо». Это же — серьезность, последнее разделение. Это — взгляд. Всё или ничего. Я суетен, мелочен, но я разделил: не шучу серьезным и серьезно не шучу. Всё или ничего: всё, если есть хоть зерно вечности.

М. спросил у Занд[ерлинга]: что вы хотели слушать, умирая; и сам ответил: я хотел бы умирать под Стравинского. Но, может, и не под Стравинского, а в молчании? Но твердо знаю: под Бетховена, Чайковского, Шостаковича не хочу умирать. Я понял Вечного Жида: я бегу от III, V, VII и IX Бетховена и попадаю под Чайковского, бегу от Чайковского и попадаю под Шостаковича, бегу от Шостаковича, попадаю под Бетховена. Поэтому Вечный Жид и не мог сидеть на одном месте, он убегал от тяжести бытия, но убегал только от одной тяжести и попадал в другую. Тогда хочешь смерти как прекращения тяжести бытия, хотя бы в ничто.

Это связано и с концами у Бетховена и Баха: вечная смерть или смертью смерть поправ.

Сейчас я играю больше Баха, чем Шютца. Но перед смертью победит Шютц.

Но почему всё же ходить, а не сидеть? — Я имею в виду Вечного Жида. Это сила отрицания и зла. Я не могу не уходить от зла, хотя знаю, что перейду в другое, не меньшее, внутреннее самопоедание. Он ел себя от тяжести бытия, он сам — тяжесть бытия. Выход: ма́кар — не ешь себя, блаженства.

Понять тяжесть бытия хорошо, плохо с самолюбованием погружаться в нее. Выход: ма́кар.

12 апреля. Liberté, égalité, fraternité — антихристова пародия на истину. Liberté — внешняя, а не внутренняя свобода: пусть будет по моей воле. Истинная свобода в самоотречении: если Сын освободит вас, то вы истинно свободны будете. Égalité — равенство рабов, шигалевщина. Духовное: кому много дано, тому прибавится, кому мало дано, отнимется и то, что он думает, что имеет. Притча о хозяине виноградника и рабочих — притча о рабской справедливости и зависти: ты получил свое, что же тебе жалко, что я добр? — Социализм. Fraternité — фамильярность и лакейство. Евангелие: нет больше той

любви, как отдать жизнь свою за ближнего; любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас. А fraternité — ненавидит. Вообще ум — плебей, лакей и лакейские все три лозунга царства разума, злая весть антихриста. Аристократичность Евангелия: блаженны нищие духом.

III, V, VII, IX Бетховена преимущественно liberté — моя воля. Чайковский — fraternité — самолюбие, обидчивость, справедливость, лакейство. Также у Шостаковича — Смердяков.

Liberté — принцип, égalité — реализация, осуществление (шигалевщина), fraternité — внутреннее содержание.

2 августа. То, что Соловьёв, Бердяев, Булгаков, Флоренский, Франк, Лосский, Алексеев-Аскольдов хотели сделать, но не сделали, то, кажется, сделал я: онтологическая и религиозная теория познания. В этом отношении я русский философ. Но им не удалось, потому что у них не хватало, во-первых, страстности или зилотизма, они были либералами, во-вторых, спекулятивного таланта, они не понимали, что схематизм, абстракции, отвлеченность преодолевается схемами же, абстракциями и отвлеченными рассуждениями, а не лирическими излияниями. Зилотизм и спекулятивность — еврейские черты, и в этом отношении я еврей. Но я использовал всю европейскую философскую технику, и прежде всего Платона, Аристотеля, Майстера Экхарта, Канта, Фихте и Спинозы. Поэтому моя философия также продолжение европейской.

Розанову был ненавистен либерализм, в «Смене вех» ему понравился только Гершензон — зилот.

Русские дали: икону, храмы, литературу XIX в. Но даже Лобачевский, может быть, не такой большой гений. Гений универсален и нов. Но неевклидова геометрия носилась в воздухе: Саккери, Больяй, Гаусс. То, что именно Лобачевский первый написал пангеометрию, — случай. Но Фихте не имел предшественников, и кроме того, у него есть неофициальные мысли и отклонения. Гений ли Шопен? Или только гений рояля?

Когда я жил в Детском в 1934 г., Московские ворота были для меня началом координат. Иногда я заходил в Екатерининский парк. Но когда я сейчас вспоминаю, как я ходил в Екатерининский парк, я никак не могу вспомнить пути, у меня сейчас другая система координат и другое начало, и я не могу уже произвести преобразования системы координат, чтобы найти прежний путь в новой системе: я помню только начало и конец пути. Так же бывает, когда едешь в трамвае, задумался и вдруг кажется, что едешь в противоположную сторону. То же самое в жизни и в понимании: я привык к определенной системе координат, и хотя другой идет туда же, куда и я, но я не могу представить себе его

пути в моей системе координат, не могу произвести необходимого преобразования. От этого взаимное непонимание. Тогда философия — абсолютная система координат с законами преобразования любой системы в абсолютную. Мы поймем друг друга, если преобразуем свои индивидуальные системы в абсолютную. Это слишком неопределенно: и наука, и искусство тоже абсолютная система координат.

8 августа. Я впервые играл Фрескобальди. Мне очень понравилось, я играл целую неделю, причем, закончив, начинал сначала, и так по несколько раз, и, кончая, никогда не испытывал полного удовлетворения, мне снова хотелось играть сначала. Но Баха я редко повторяю, только если увидел что-либо новое и хочу лучше сыграть. Вчера я понял. Я взбираюсь на высокую гору, и вот я на вершине и вижу весь мир. Когда я подумаю, взобраться ли снова, на какое-то мгновение мне становится даже страшно: я преодолел громадные трудности, каждый шаг подъема был труден и одновременно давал радость. Когда я подумаю: снова взбираться, снова эти страшные трудности, хотя и радость, на мгновение я пугаюсь. Да и к чему снова взбираться: передо мною весь мир, он уже в моей душе. Так бывает, когда я хорошо сыграю какую-нибудь вещь Баха, особенно медленную, то есть полное удовлетворение. Не так с Фрескобальди: он очаровывает, как наркотик, но его действие кончается, я снова нюхаю или делаю укол. Формально, несмотря на острое столкновение лада с тональностью, красивые мелодии, хорошие кадансы, интересный ритм, у него отсутствует действие — ничего не происходит, только намечено, схематично, то есть беспомощность в развитии или проведении темы — например, тема появляется только то в тонике, то в доминанте, отдельные кусочки хорошо соединены, но самой вещи всё-таки нет. Из канцоны, которая мне понравилась, можно было сделать три хорошие вещи, но не вышло ни одной. Ее хочется повторять много раз потому, что кусочки, из которых она склеена, прекрасны и очаровывают, но не дают удовлетворения, потому что возможности, заложенные в них, не проявились.

14 августа. Бах: урегулировать вопросы музыки во славу Божию.

Сезанн: столкновение моего маленького ощущения и мира — картины, которую раскрывает передо мною Бог. Живопись в голове (а не в натуре).

Введенский: я совершил критику разума значительно более радикальную, чем первая. Время, смерть, Бог.

Кант: очистить место, занимаемое разумом, для веры. Но здесь надо иметь в виду не официальную религию в пределах чистого разума, а неофициальные мысли Канта, то, что он не сказал, но просвечивает уже в «Критике чистого разума». Блок о Канте: хитрейший из мистиков. Вообще у Канта самое великое не то, что он сказал, а то, чего недосказал и даже не сказал.

В каждом из этих четырех утверждений чувствуется универсальность гения. Универсальность может быть интенсивной и экстенсивной. Экстенсивной у Лобачевского не было потому, что, кроме пангеометрии, у него нет ничего великого. Интенсивной тоже, кажется, не было: он не обобщил три геометрии в одну и открыл ту, которая физически имела наименьшее значение.

17 августа. Как Кьеркегор, Бах мог бы сказать: Фрескобальди писал красивую музыку, легкую, как облако, проносящееся на небе. Пахельбель писал сладостную музыку, залечивающую все раны, Букстехуде писал благородную мужественную музыку. Телеман писал музыку приятную, как сновидение. Скарлатти писал музыку приятную для пальцев, пальцы играют сами собою. Я буду писать музыку неудобную для пальцев, и для голоса, и для души. Играть ее — мука. Но некоторые поймут: эта мука и есть радость и блаженство.

Иногда мне кажется, понять Баха может только тот, кто играет его. Только играя его, можно понять всё неудобство этой музыки для души. Сделать жизнь трудной, невозможной — вот его музыка. Он понял сладость противоречия, бессмыслицы, тайны; отсюда нарушение метра, симметрии, любовь к проходящим нотам, остановка на IV ступени, незавершенность кадансов. У него всё время: надо совершить то, что невозможно совершить, и он совершает невозможное. Он понял небольшую погрешность в некотором равновесии. И наконец он пишет уже совершенно неудобную, не исполнимую ни на каком инструменте музыку — *Kunst der Fuge*.

Неудобство души — вот что главное. Надо сделать, чтобы душе стало неудобно.

14 ноября. Как и во всём, XIX в. напутал и в эстетике.

1. Два вида эмоционального по формуле:

арбуз — дыня — арбуз.

2. Об индивидуальном. Связь с религиозным, с одной стороны, и с красивым — с другой. Вот что я имею в виду: мне кажется что-то красивым благодаря окружению и индивидуальному переживанию. Например, песенка за ужином. При других обстоятельствах она мне не

покажется красивой. Но даже и за ужином я могу сделать некоторое выключение части себя, и я увижу, что песенка пошлая и неприятная. Но затем дальше: то, что мне кажется красивым, выключая себя, я вижу некрасивым. Для меня, например, это Третий или Четвертый фортепианный концерт Бетховена, соната opus 106 и многое другое. Они мне могут доставить удовольствие, но вдруг я произвожу некоторое выключение, частичное, себя, и уже нет удовольствия. Этот процесс выключения имеет различные степени. Что происходит? Выключается часть себя самого. Вернее, каждый раз выключая полностью себя самого, кажется, нет постепенных выключений. Но здесь будет погрешность: остается некоторое окружение, поэтому если не экстенсивно, то хотя бы интенсивно есть различия. Я выключаю себя самого, но сразу же возвращаюсь. Здесь есть интенсивность или радикальность исключения, может, это «сразу» имеет длительность и это определяет радикальность исключения. Может, это и есть окружение. Затем, в чем индивидуальность: в **самом** или не в самом. В первом случае индивидуальное с выключением уменьшается. Но это неверно: Бах индивидуальнее Бетховена. Если же индивидуальность не в **самом**, то в чем? По-видимому, Христос — полнота индивидуальности. Но тогда много других вопросов. Для эстетики же важна градация или иерархия красивого, начиная от приятного и простой красоты до наивысшей, и связь ее с выключением, двумя видами индивидуального и окружением.

3. Два вида прекрасного: например, последний хорал Баха, о нем уже нельзя сказать: красиво. Или так: красиво, потому что некрасиво. Мне это еще очень неясно, хотя я чувствую это вполне ясно в каждом отдельном случае. Это не имеет никакого отношения к эстетической красоте того, что житейски некрасиво и о чем много шумели в XIX в. — В. Гюго. Может, этот второй вид прекрасного и есть наивысшая степень: освобождение от всего, что может в какой-либо степени ласкать чувства: слух, зрение и т. д.

4. К двум (по Швейцеру) источникам эстетического действия добавить третий: игра чувства, представляющей способности, интеллектуальной. Кажется, Швейцер относит ее ко второй, во всяком случае это представление формы представления: геометрически — линии направления, арифметически — отношения, число повторений.

5. Эмоциональное воздействие бессмысленного: глоссолалии, юродство, выделение у Баха в речитативах и ариях слов, не имеющих особого значения. Эмфазис на таком бессмысленном месте действует значительно сильнее, чем на осмысленном. Эмоциональное чтение бессмысленного отрывка. «Орфей в аду» Р. Мейера — громкий бессмысленный шепот. Бессмыслица эмоциональнее осмысленного. Тоска по бессмыслице — начало искусства.

15 ноября. Тоска по бессмыслице и у греков, иначе не было бы и искусства, но они настолько предметны и рассудочны, что изгоняли ее возможно дальше. Но и так снова опредмечивали: богиня судьбы властвовала даже над Зевсом — иррациональное изгнано выше небес и снова опредмечено. Фортуна с повязанными глазами. Бездна тоска от соприкосновения бессмыслицы с предметностью, удаление бессмыслицы и всё же опредмечивание ее.

1959

21 января. У каждого человека есть своя тайна — это то, что он есть. Если она большая, то лежит глубоко, маленькая — на поверхности. Общение людей, особенно дружба, основано, во-первых, на том, что друг помогает понять мне мою тайну, во-вторых, я интересуюсь его тайной. Эта тайна в какой-то степени неприкосновенна, поэтому я хочу открыть ее и в то же время скрываю. Поэтому по-настоящему ссорятся только друзья — слишком близко подошли к тайне. Если она небольшая и лежит на поверхности, то человек играет внешнюю роль, чтобы преувеличить ее. Я боюсь, что у М. В.[Войцеховского] она на поверхности, поэтому он создаст внешнее неопределенное окружение, чтобы запутать, и не выносит, когда слишком вглядываются в него. Может быть, потому он и не любит Ст[ерлигова], что тот знает о нем больше, чем он хотел бы. Д. И. тоже играл, но его игра — внутренняя, он играл свою тайну, и его тайна была игра. Он играл, чтобы открыть свою тайну. Или так: скрывал свою тайну, чтобы открыть ее. Но М. В., может быть, нечего скрывать, и он играет, чтобы скрыть, что нечего скрывать.

22 января. О критерии определения величины тайны. Абсолютного критерия нет, относительный решает с какой-то степенью вероятности, иногда очень большой. Но и при самой большой истинным может быть невероятное.

Критерий. Тайна выражается частично, причем словами. Слово интендирует к чему-либо. Если в словах имеется неопределенность больше необходимой или есть несоответствие между словами и интендируемым предметом, то в прямой зависимости от величины неопределенности или несоответствия уменьшается тайна. Тайна выражается в соразмерности небольшой погрешности, то есть в достаточной определенности слов и в соответствии между словами и интендируемым предметом. Поэтому у гения всегда тайна большая, у бездарности — маленькая, но у человека, ничего не создающего ни в искусстве, ни в науке, ни в философии, у совсем неизвестного, может быть и большая. Один человек стал плохим искусствоведам, у него

маленькая тайна. Если бы она была больше, он стал бы, может, хорошим сапожником.

3 июля. Прежде чем определять философию, попробую исключить то, что не необходимо для философии. Не необходимы: полнота и непротиворечивость системы, последовательность, тщательная детализация. Но уже здесь я могу сказать и противоположное: необходимы интенсивная полнота, то есть в чем-либо одном, и из этого уже следует тщательная детализация в одном направлении и последовательность. Но это другая детализация и другая последовательность. Всё равно я снова ничего не сказал.

Я вижу — вот единственное, что требуется для философа: вижу, и слышу, и осязаю, и обоняю не глазами, не ушами, не умом даже, а чем? Не знаю. Философия сказана или записана, поэтому есть речь. Речь, видимая, слышимая, осязаемая, обоняемая не глазами, не ушами, не умом даже, а не знаю чем, есть философия. Вот почему не умом: доказательства и обоснования в философии ничего не доказывают и не обосновывают. Значит, непосредственно. Философия есть речь, непосредственно видимая, слышимая, осязаемая, обоняемая; непосредственно — значит: не через органы чувств и не через логические формы речи.

16 июля. В конце концов, философы только и делали, что поднимали себя за волосы. Это неосуществимо. Но эта неосуществимость и есть высшее осуществление. Еще у греков было: познай самого себя. Но они не могли этого сделать, так как тайна — безумие для эллинов. Только с Христа: блаженны нищие духом, блаженны плачущие, блаженны алчущие и жаждущие, возненавидеть себя самого, потерять свою душу, чтобы спасти ее, великое у людей — мерзость перед Богом. Только после этого открытия души и духа могла возникнуть гносеология и все связанные с нею противоречия. Но прошло еще много сот лет, прежде чем философы со всей серьезностью стали поднимать себя за волосы. Я не знаю, кто, кроме Майстера Экхарта, занимался этим в Средние века, может быть, Дунс Скот. В Новое время Декарт осторожно попробовал и сразу же отступил, придумав рациональное убежище. У Лейбница, кажется, уже нет; его глупая фраза: всякая боль, и духовная, в конце концов сводится к физической. Если даже трактовать это в благоприятном смысле — сотворенность — материальность, Бог не страдает, значит, и дух не страдает, страдает тело, хотя бы духовное (апостол Павел), — то всё же это язычество и Аристотель. Для Лейбница тайна креста тоже безумие. Первый, кто понял вытаскивание

себя за волосы, — это Спиноза: quatenum, модусы. Фихте: генезис и его отмена. Шеллинг — позитивная философия. Фриз — антропология. Гуссерль — феноменологическая редукция. У меня: интенсивное и экстенсивное — гипостазирование обсуждения, исследование, как листы исписанной бумаги; то, с чем я сейчас столкнулся: видеть то, чего я не вижу. Может, здесь есть первая и вторая ступень невозможности: первая — точечная система, некоторое сомнение, жертва и система как пример; вторая — запись и обсуждение этого перехода с внутреннего места на внешнее; это уже последнее разделение.

24 августа. Четыре месяца или больше была игnavия, и, как всегда, я это понял только к концу, когда увидел, что это не просто игnavия, а великая игnavия. Иногда казалось, что она проходила, я пробовал писать, знал, что надо, но через день-два снова бросал и ничего не мог делать. Неделя, как она прошла. Еще до этого была одна ночь, когда казалось, что она прошла, но затем снова вернулась. Но вчера я понял: эта игnavия была мне на пользу. «Я осужден на смерть и позван в суд загробный — и вот о чем крушусь: к суду я не готов». У меня уже давно была глупая мысль: я пожертвовал вечным спасением за некоторое чрезмерное знание. Во время игnavии я думал: чем мешает мне это знание? *Не сваливаю ли я собственную вину на Бога? Блаженны чистые сердцем, они узрят Бога.* Мне надо только очистить сердце. И вот снова загрязнил. Я почувствовал вчера, что Провидение обо мне печется. Бог дал мне на четыре месяца игnavию, чтобы я подумал, что к суду я не готов и что на суде меня будут спрашивать, не сколько хороших книг я написал, но сколько хороших дел сделал. Но чтобы не убить меня совсем, Бог на время убрал от меня игnavию.

У Джеймса я прочел отрывок из исповеди юноши, который грешил и каждый день каялся в своем грехе, ненавидел его, но не было силы отказаться от него. А Джеймс добавляет: вы видите, какая чрезмерная моральная чувствительность, какие пустяки он считал грехом. И после этого Джеймс считает себя религиозным человеком. Не понимает, что, во-первых, религия — отношение не к другому, а к себе самому и к Богу: я и Бог. Во-вторых, если религия не дает всего и, значит, человек не отказывается от всего, то это не религия. В связи с этим о лицемерии. Предположим, я описал все свои подлые мысли, и это, и курение, и мелочность, вообще всё. Какой-нибудь Джеймс, прочтя, скажет: какая тонкая моральная чувствительность. Когда я это подумал, мне стало мерзко, что я это подумал. Ведь я сам в глубине души всё это знаю и потому и не уважаю себя. И здесь хитрость и парадокс лицемерия, о котором я уже, кажется, писал. Я говорю: вот как я мерзок. Но, сказав это, я думаю: я это осознал, значит, уж не так

мерзок. Но, сказав это, я сразу же думаю: я еще более мерзок, сказав, что не так мерзок. Но теперь предположим: я отказался и от курения, и от этого, и от раздражительности и нетерпеливости, и от гордыни. И я боюсь, что я так мерзок, что на чистое место вернутся бесы и приведут с собою новых злейших, и последнее будет хуже первого. Это не значит, что я не должен отказаться от своих мерзостей, но значит, *что человек не может сам, своими силами отказаться от греха. Если он сделает это сам, отвергнув помощь Бога, то придет злейший бес — гордыня.*

Чистота сердца и есть узрение и созерцание Бога.

Есть разные формы игнавии, но и самые страшные, о которых писал Д. И., может быть, важнее всяких трактатов и исследований. Игнавией Бог заставляет меня думать о своей душе.

Но я запишу сейчас и свою самую подлую мысль: почему мысль о тождестве последнего соединения и последнего разделения и об оправдании последнего недоумения тайной явилась мне сразу же после этого? Но я не продавал своей души черту и не продам ее ни за какое знание, тем более за какие-либо суетные блага.

Что значит продать свою душу черту ради спасения души? Это хитрость разума. Этой антихристовой пошлости я противопоставляю тайну: потерять свою душу, чтобы спасти ее. И здесь я не думаю, как Больцман, что в первом случае душа — жизнь. Майстер Экхарт понимал правильнее.

Сегодня я написал Лиде: это вмешательство черта или, что *почти* то же самое, результат нашей общей внутренней несобранности и эманация нашей душевной нечистоты. Но только *почти* то же самое.

По-настоящему молиться мешает уныние и гордыня — вот два близнеца. Чтобы отказаться от греха и не впасть в злейший грех гордыню, даже не сознающую себя гордыней, — смирение паче гордости, — надо молиться. Предел гордыни — это пустота всеобъемлющая, потому не сознающая себя гордыней, в этом пределе гордыни ты даже не знаешь, что бес покорил тебя. Но как совместить это с сознанием своей низости и ничтожности? Или это снова смирение паче гордости? Но омерзение к себе самому, величайшее омерзение совместно ли с гордыней?

Я созерцаю и размышляю, а всё не молюсь. Господи, почему не сокрушишь меня, дай мне сокрушенное сердце. Я хотел бы мучиться не из-за внешних обстоятельств и не потому, что не мучаюсь, а потому, что к суду я не готов. Но это вышло внешне. Я хотел бы, чтобы причина мучения был я сам, чтобы я мучился из-за себя, ради себя и о себе, чтобы я сокрушался сердцем. Я бы хотел, чтобы были только я и Ты и я сокрушался бы сердцем, что я нечист. И опять я лгу, здесь правда вот что: если бы Ты сокрушил меня, если бы у меня было сокрушенное сердце, я бы пришел к Тебе.

1960

11 февраля. Была неделя смятения. Во-первых, Девятая симфония Бетховена: материальность темы радости и вообще всей музыки, затем пот; аскет стоит на столпе, может быть, год и не моется. Я не знаю, благоухает он или нет, но если и пахнет потом, то не так, как от Девятой симфонии. В Девятой симфонии — это пот здорового, сильного человека, если и забывающего помыться, то потому что некогда, и если забывающего себя, то ради себя же, своего самоутверждения. Это не пот аскета, но и не пот бездарности, но здорового человека-затылка, пот естественного гения. Для меня это был первый удар по голове: гениальная разорванная форма; aus einem Guß; несмотря на разорванность, железная логика и воля. Второй удар: «Дамбартон Окс» — икона умиления, реставрированная и подкрашенная руками варваров. Третий удар: Орф в исполнении ансамбля красноармейской песни и пляски. На следующий день я был в полном унынии. Бывают дни уныния. С утра пьешь, куда-то идешь из дома в дома и наконец ночью возвращаешься домой. И хотя и дома невесело, но всё же дома, и нет того уныния. На следующий день после Орфа я слушал Палестрину и Орlando Лассо, Хиндемита и под конец Хоральную прелюдию Баха. И под конец я почувствовал: кончились удары по голове, кончилось уныние, я дома, хотя и немного скучно. Я дома: птицы имеют гнезда, и звери лесные — норы, а Сыну Человеческому негде приклонить голову. — Но это уже даст мне только «Canticum sacrum» Стравинского.

19 февраля. Естественно: человек имеет какое-либо желание. Он удовлетворил его и затем до появления следующего желания занимается своим делом, то есть действует. Но может быть так, что желание бесконечно, а объект желания в естественном состоянии всегда конечен. Или способность действия сократилась до нуля, тогда желание возросло до бесконечности. Объект может быть и физическим, и духовным, но и духовный ограничен, вернее, пользование им ограничено. Например, я хочу слушать «Священную песнь св. Марку». Слушание продолжается, положим, полчаса. В эти полчаса я имею блаженство. Но вот я прослушал. Способность к действию у меня равна нулю. Что я буду делать дальше? Еще раз слушать? Но до каких пор? Желание не удовлетворится, даже если наступит усталость. Это уже какой-то практический предел. И здесь требуется совершить, или получить, или и то и другое вместе что-то противоестественное — благодать. Брамс, Четвертая симфония. Он усыпляет мою совесть, а я хочу, чтобы ее пробуждали. Воспоминание о каком-то благополучии,

ушедшем и невозвратимом, а потому фальшивом, — вот что дает эта музыка. Шуман и *сейчас современнее, потому что он в свое время был современным*, а Брамс в свое время смотрел назад. То же «Бабушкины сказки». Как и Прокофьев, он благороден и добродетелен. Но и добродетели язычников — пороки. У Прокофьева — потому что он только благородный честный русский дворянин, у Брамса — потому что он не современен, то есть не живет сейчас. Прокофьев вне добродетели, его «Бабушкины сказки» в этом отношении внешни. Брамс — интенсивен, то есть внутри, и касается нравственности и веры, но не сейчас, поэтому тоже только «бабушкины сказки». Оба они только успокаивают, а надо мучить.

20 февраля. Бессмысленное занятие: искать критерий истины, надо искать не критерий истины, а истину. Из философов, может быть, один Спиноза сказал прямо: истина есть критерий себя самой. Это формально, а по содержанию: «Я есть истина и путь и жизнь». Поэтому вопрос о гениальности и графомании (Лёня 40 лет назад) практически для меня отпал. Откровения гения и бормотание идиота — одно и то же. «Бог избрал безумное мира, чтобы посрамить мудрых».

22 февраля. Что есть истина? — глупый вопрос. Апостолы желали истины, потому и увидели и получили, а образованный Пилат не хотел ее, а потому и не увидел, хотя она была перед его глазами. Он не искал истины, а исследовал критерий истины — это предлог для самоуспокоения, слабость духа.

24 февраля. Истина, когда имеешь ее, каждый раз открывается как новое, то есть всегда творение из ничего. Когда я рассуждаю о ней, я знаю, что знал ее и вчера, и год тому назад, когда же имею, то каждый раз сейчас впервые. Сегодня ночью, как впервые, понял: но ведь это так ясно: Слово стало плотью, не пришло к Сыну Марии, но стало Сыном Марии. Сын Божий стал Сыном Марии, стал им от самого рождения, а не только после крещения, когда сошел на Него Дух Божий. Может быть, это и есть рождение от Девы? В Томосе Льва: «Что рождает плоть — это человеческая природа, что рождает Дева — Божественное могущество».

Актуальность истины: ее нельзя исследовать, но только иметь: стучите и откроют вам; Царствие Божие силой берется, и употребляющие усилие восхищают его.

28 февраля. Шёнберг объяснил мне непонятное место из Библии — после оперы или оратории «Моисей и Аарон». Вот что значит золотой телец, который сделал Аарон по просьбе народа, когда Моисей долго не возвращался с Синайской горы: народ захотел Бога видимого и ощутимого, то есть религиозного соцреализма. Шёнберг и в оратории, и в «Современном псалме» подчеркивает невидимость и непредставимость Бога. Но человек боится чисто духовного и стремится к материальному. Духовность Бога — вот что это значит, и величайший грех слабость духа, когда человек не может, то есть не хочет, возвыситься до духа и заменяет его творением — предметом. Это язычество. Абсолютная трансцендентность Бога, хотя Он и здесь, со мною. Его нельзя ни представить, ни понять, и всё же все молятся Ему: *Trotzdem bitte ich Wunder und Gnade und Gefühl Einigkeit mit Dir* — то есть несмотря на абсолютную трансцендентность. Тот же грех и в художественном соцреализме. И у Трауготов, когда они уничтожают различие между душой и духом, — это соцреализм эмоционального.

Шёнберг, как Моисей, вывел искусство из египетского плена, вернее — из античного плена, античность построила теорию музыкального царства природы — консонанс и тяготение — «поет в душе».

1963

1 ноября. Савл стал Павлом однажды и бесповоротно. И всё же воспоминание о Савле стало жалом в плоть Павла, и его мучил ангел сатаны. Я же сколько раз на мгновение становился Павлом и снова возвращался к Савлу, как пес на блевотину свою. Сколько же у меня жал в плоти и сколько мучит меня ангел сатаны. И последнее жало: когда Бог хочет погубить, лишает разума. Как легкомыслен я был последнюю неделю до 16. Как будто затмение нашло, слабость, руки, ноги не поднимались, легкомыслие и слабость духа. Я жил как в тумане, я делал всё необходимое, всё что надо, а надо было собрать все силы, всё разумение, сосредоточиться в одной точке и сделать больше того, что надо было сделать. Знал же я, что в главном человек осуществляет неосуществимое, невозможное, но Бог лишил меня разума, или я сам, окаянный, не смог собрать себя и не осуществил неосуществимого. И теперь я уже не молюсь: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, но: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, казни меня.

Вот вопросы, которые я задаю себе.

Я точно знаю, если бы мне сказали: вот выбирай: или Бога нет, ты умрешь и сгниешь. Или Бог есть, но ты, окаянный, после смерти пойдешь в ад. Ад — это значит не видеть Бога. И всё же я выбрал бы второе. Во-первых, пока я не умер, я не могу жить, если Его нет. Во-вторых, пусть мука, но пусть Он есть. Теперь же: кого я больше люблю, маму или Бога? Я ответил: маму. И понял, что глупый вопрос и глупый ответ. То, что я люблю маму, то, может быть, и есть любовь к Богу. Ведь Бог не человек. Какой-то строй души, горе, постоянная мысль об одном — это и есть любовь к Богу. Не Бог — строй души, но любовь к Нему и вера — строй души. Теперь дальше, я спрашиваю себя снова: если бы Бог — там не взял к Себе маму и предоставил мне выбрать, куда идти — к Нему или от Него к маме, я опять выбрал бы: к маме, и «выбрал бы» значит «навсегда выбрал». Во-первых, как бы она могла быть без меня, особенно если плохо, а во-вторых, и я хочу быть с ней. И снова, должно быть, глупый вопрос и глупый ответ. Он отделил ее от меня, и так как я знаю свою вину, свой грех, свое окаянство, то говорю: казни меня, казни еще больше. Но ведь Он не отдаляется от меня, как человек, и Его предопределение не человеческое принуждение, и моя свобода — не свобода выбора.

Но этим вопросы мои еще не кончаются. Я задаю последний страшный для меня вопрос: вот здесь слева стоит мама, справа Иисус Христос и говорит мне: иди ко Мне и предоставь мертвым погребать

своих мертвецов. И снова я пойду к маме, а не к Нему. Должно быть, и здесь и вопрос, и ответ глупый. Вопрос здесь другой:

1. Личное отношение к Богу. И[исус] Х[ристос] — откровение Бога, Богочеловек, значит, и человек.

2. Единение с Богом и отречение от этого единения, хотя бы временное, ради человека. Но ведь так сделал и Сам Бог, пожертвовавший Своим Сыном, и Сам Сын, добровольно пошедший на эту жертву, на жертву быть оставленным Богом. Но что значит временное и не временное, то есть вечное, отречение от Бога? Если отрекся, то сейчас и сейчас навеки, сейчас вечно. Ведь не так: отрекись, проживу, а потом вернусь. Если уж отрекся, то отрекся. И если Христос сказал: что Ты покинул Меня, то это было вечное отвержение, сейчас — вечно, хотя через три дня Он воскрес и сел одесную Отца. Он должен был испить чашу до конца, значит, быть полностью сейчас навеки отвергнутым. Здесь ι — $\epsilon 1$: интенсивно Он сейчас навеки отвергнут. Экстенсивно Он сейчас навеки отвергнут, сейчас навеки принят. Оба предложения должны быть несоединенными, но сказанные — уже соединены, тогда снова ι . Но как применить это ι , ϵ -различие для себя, как правильно спросить и ответить — я не знаю. Всё равно для меня остается страшный вопрос.

2 ноября. Неверно, что Бог предоставляет мне выбор. Бог предоставляет мне не выбор, тогда выбор уже детерминирован, но выбор или отречение от выбора. Слово «или» не имеет здесь обычного разделительного смысла, но просто: выбор-невыбор, и я не выбираю, но или выбираю, или не выбираю, и снова «или — или» — несовершенство мысли, пользующейся общими понятиями. Если я выбрал, то для меня снова есть выбор или отречение от выбора, если же отрекся, то есть только отречение: невыбор. Эта поправка к вчерашним вопросам не снимает их. Для меня самого вопрос всё равно остается: ведь не другой, а я сам отвергаю себя и не другой, а я сам остаюсь с мамой. Если и исправить псевдоактуальную форму вопроса, для меня самого всё равно остается некоторый иррациональный излишек или остаток: я сам. И я не знаю, как мне справиться с этим остатком, не знаю ни теоретически, ни практически.

Пусть будет воля Твоя, страшная воля.

Пусть будет воля Твоя, страшная воля.

5-12 ноября. Господи, дай знак, что она слышит меня, чтобы я знал, что она слышит меня, и она знала, что я знаю, что она слышит меня, —

один тройной знак, как Ты — Один в трех Лицах. И еще, если можно, если можно, от нее знак, и чтобы она знала, что я услышал ее.

Верю, помоги моему неверию.

Я не прошу ни успокоения, ни забвения, ни уменьшения боли и не хочу этого, но только знак. Я знаю, что это много, но ведь для Тебя нет невозможного. Ради Твоего Сына дай знак, именем Твоего Сына Единородного, умершего за меня на кресте, прошу: дай знак.

13 ноября. Четвертая среда после той среды. Иногда бывает, что боль ослабевает: от усталости, когда думаю о настоящем, от слабости духа. Но я не хочу, чтобы она ослабела, пока не получу знака, это было бы хитростью природы, слабостью духа, кощунством. Этого и нет. Она снова возобновляется в пустых промежутках, при пустых разговорах, при встречах с людьми, а иногда просто так, как молния с неба.

14 ноября. Если есть личное бессмертие и там времени нет, то возникают вопросы, очень важные для меня, но ответа на них нет, потому что сам вопрос, форма его уже ложная. Сам вопрос, во всяком случае его форма, может быть от маловерия, но для меня это сейчас самые главные вопросы.

Если там времени нет, то сейчас там она уже со мною, хотя я здесь и для меня еще разделен с нею?

Или есть как бы два сейчас, и я в моем сейчас, и она в своем вечном сейчас разделена со мною, пока я не приду к ней, пока оба сейчас не отождествятся? Но что значит «пока»? Если не время, то что?

Если же я прошу знака, то, если и когда он будет мне дан, мое сейчас в знаке отождествится с вечным?

И снова: если она в вечном сейчас, то отделен ли от нее я, как она отделена от меня для меня? И то, что я сейчас мучаюсь, знает ли она, и мое мучение для нее — мучение?

Можно ли из определенного индивидуального отношения «я — мама, мама — я» исключить время, заменив различием двух сейчас так, чтобы это различие не стало снова временным? Мне кажется, можно; но без этого не сохранится индивидуальность.

В 1935 г. 17 августа я записал: выпал год жизни. А что я напишу через год? Ведь тогда была большая потеря — первое нарушение целостности семьи, но семья и порядок жизни остались. А теперь выпал порядок жизни и сама жизнь.

Последний раз уезжая в Детское и уже попрощавшись со мною, он вдруг сказал: ну давай еще раз поцелуемся. Но настоящего понимания с ним я достиг только в последнюю ночь, когда держал его руку, было ноуменальное понимание. С мамой же большее понимание началось с 1934-го, особенно же с 1950-го и всё возрастало — ноуменальное понимание. Поэтому выпал не только порядок жизни, но и сама жизнь.

В монастырь уходят не из стремления к единению с Богом, это можно и в миру, но от невыносимого отвращения к миру и к себе самому, оттого что до конца возненавидел свою жизнь и свою душу. И еще, если станет для тебя невыносимой и ненавистной твоя свобода выбора. Еще от ненависти к греху. Грех и я; и монастырь — спасение от соблазнов или спасение от себя самого.

21 ноября. У меня есть и всё время очень хорошее — мама. Не воспоминание о ней, а именно она сама. Это стало как-то вдруг, то есть вдруг я заметил, что нет острой боли, потому что она со мною. Я не знаю, как это понять или объяснить и что это, но до этого сегодня весь день и всю последнюю неделю было очень трудно, плохо и тяжело. И вдруг меня коснулась тихая радость — мама. {Вечером была Т. Записано после того, как Т. ушла.}

22 ноября. Утром проснулся и сразу же посмотрел: есть — мамино присутствие. И за этим — Его присутствие — тихое веяние ветерка.

Она была беззащитна, и все ее как бы бросили, тогда я полюбил ее еще сильнее и через любовь увидел то, что в ней есть, то — что она есть и чего бросившие ее и возвышавшиеся над ней не имели, и тогда снова полюбил ее еще сильнее. Теперь она под Твоей защитой и всё равно нуждается во мне, как и я в ней. Если в вечной жизни сохраняется индивидуальность, то ведь наша взаимная любовь была ее и моей индивидуальностью. Я не понимаю бессмертия души, индивидуального бессмертия. воскресения из мертвых, вечной жизни, вернее, я понимаю различия этих понятий, но не их сущности, и верю и

не верю сразу, поэтому и прошу знака. Я знаю, нет другого блага, кроме Тебя, но, если индивидуальность в какой-то степени или как-то сохраняется, даже так: Ты — Лицо и мне дал лицо и мое земное благо — мама — через Тебя и в Тебе благо, и значит, вечное благо, поэтому и просил знака, и снова прошу, хотя и получил духовный. Ведь в моей любви к маме я сам отвергал себя, поэтому Ты был в моей любви. Ведь в этом моя индивидуальность, не я сам, но я сам, отвергающий себя самого. Сохраняется ли она и та любовь в совершенной и полной любви к Тебе? Если нет, то будет ли любовь к Тебе индивидуальной, то есть личной? Ведь если не я вообще, но именно я, может даже я сам, отвергающий себя самого, люблю Тебя, так ведь этот я — тот, который любит маму, и если эта любовь не сохранится вечно и не даст вечности своему объекту, то не стану ли я, любящий Тебя, каким-то общим я? На что Тебе такой я и такая любовь? Если же я люблю Тебя всей душой, всем сердцем, всем разумением своим, так ведь всё-таки «своим», а не общим. Поэтому снова прошу знак и верю, что теперь, когда Ты со мною и у меня в тихом веянии ветерка, Ты дашь мне его в среду — четверг — субботу.

Ты знаешь все мои мысли еще до того, как я подумаю, поэтому прости меня за то, что я подумал, и даже не знаю, подумал ли, или мне показалось, что я подумал.

Себе я не верю, а не Тебе.

Мне казалось уже, что Бог меня покинул совсем, и когда я сказал себе: Бог покинул меня совсем, Он явился и дал знак.

Острой боли уже сутки нет, и я испугался, как будто я сплю и не могу проснуться, и теперь прошу: дай острую боль, чтобы снова стало так страшно, что невозможно жить.

8 декабря. Мне снилось, во-первых, что я знаю, что мама умерла, и во-вторых, что я знаю, что мама поправляется и надо сделать усилие, чтобы она опять не умерла. Кажется, это снится каждый день, и сегодня я не знал, как выразить эту двойную мысль, когда во сне встретил В. В.[Стерлигова] и хотел ему сказать, что в этом году мы не поедem на дачу, так как, во-первых, мама умерла и, во-вторых, поправляется и, может, не умрет.

Смерть не умещается в мысли, и от этого боль.

Каждый человек для меня единственный, так как другого такого же нет. Его круг индивидуальности пересекается с моим, и нет двух

одинаковых пересечений. Когда же общая часть пересекающихся кругов индивидуальностей ноуменально почти совпадает, то боль оттого, что смерть не уместается в мысли, настолько сильна, что парализует всякое намерение действовать. Поэтому мне нужна Твоя помощь и второй знак — знак Фомы. И снова прошу и каждый день прошу: дай второй знак.

Смерть не уместается в мысли. Даже смерть неблизкого человека вызывает ту же острую боль, но, если общая часть пересекающихся кругов небольшая, боль быстро забывается, мгновенная же ее сила, может, всегда та же. Бог сказал Моисею: Я Сущий. А человек не сущий, от этого боль и от этого же забывание, Бог ничего не забывает. Но свою боль я не могу забыть, так как я и есть эта боль, и эта боль ограничила меня, отделила от мира и от жизни. В этой боли я стал совсем один.

10 декабря. Желание получить знак — не признак неверия, но именно веры — экзистенциальный признак живой веры. Но разделение двух знаков — экзистенциальный признак недостаточной веры: верю, Господи, помоги моему неверию. Может, и Христос не считал достаточным один только первый знак — нужен ли был бы тогда Христос? Он требовал даже не объединения, а отождествления обоих знаков, тогда вера движет горами. Без первого знака вообще нет веры, без второго — вера не экзистенциальная, то есть не живая, а абстрактная, деистическая, их разделение и желание получить второй знак — тоска по живой вере,двигающей горами, их отождествление — вера,двигающая горами.

19 декабря. Я как человек, из которого вынули скелет. Он сразу размяк, осел, плюхнулся на землю и с трудом ползет. Был стержень жизни: от мамы и высоко до самого неба, до Бога. Еще полгода тому назад, ночью, я не спал и вдруг понял: но ведь я счастлив, счастье со мною, рядом, хотя кругом всё очень тяжело, просто я не замечал его. И счастье рядом с каждым человеком, просто его не видят, не хотят видеть. Так было несколько дней или недель, и опять я по легкомыслию, по слабости духа потерял его. И наступила бесплодная напряженность, а потом затмение и смерть. Месяц тому назад я ощутил рядом с собой тихое веяние ветерка. И побоялся, не поверил, просил второго знака. И опять прошло, а второго знака не было. Я жду его, всё время жду, но придет ли он сам по себе, или и я должен что-то сделать, совершить невозможное.

Молитва и пост. Поста в буквальном смысле нет, а по существу, может, и есть. Ведь пост не в том, чтобы чего-то не есть, но чтобы еда стала невкусной. Но бдения, то есть молитвы, не хватает, и когда делается пусто или страшно, я отвлекаюсь: чтением или ненужными мыслями. Мне трудно, надо сделать еще труднее, а я боюсь, и не хватает силы духа. Кажется, сегодня ночью что-то приближалось, может, даже сегодня, но я не знаю, как удержать Его, потому что боюсь солгать. И еще не знаю, как соединить с Ним утерянное индивидуальное, самое большое личное благо, которое у меня было. Это благо не было ложью, и оно было чисто, и в нем я находил даже святость, ведь и ее Ты сотворил по образу и подобию Своему, может, в ней я видел и любил Твой образ и Твое подобие, так как она вела меня к Тебе. Может, это и есть чистая освященная любовь — видеть в любимом Тебя. Я должен был ограничивать себя в своих желаниях и прихотях и даже не должен был, это происходило само собою, и бремя было мне легко, и иго — благо. Это было мое величайшее благо и мое счастье, и в этих ограничениях себя я имел Тебя, и пока у меня хватало силы духа, я был счастлив. Но последнего шага я всё же не делал и от этого часто слабел. Я знал, что эта жизнь — счастье, и клал руку на плуг, и оглядывался назад. А сейчас уже и оглядываться некуда, и всё же оглядываюсь. Помоги мне, Господи, и, во-первых, разреши мое сомнение об индивидуальной, личной любви, и к Тебе ведь тоже должна быть индивидуальная, личная любовь, а не любовь вообще. И, во-вторых, дай мне знак Фомы, укрепи меня.

В 1934 г. я думал: надо по возможности стремиться к ситуациям, положениям, которые бы напоминали мне его. Тогда, пройдя через острые боли при частых воспоминаниях, я скорее привыкну. Прошел год или больше, пока я привык, но до 1941-го еще являлась острая боль. Но тогда оставался стержень жизни, а сейчас его нет, нет его основания. И каждый раз, когда я кладу сейчас вату в папиросы, я снова вспоминаю, как мама мне говорила при этом: довольно, зачем так много папирос, мама хотела, чтобы я меньше курил. Сейчас одинаковые положения не уменьшают остроты боли. Но вот я всё это написал, вышло из меня что-то, я опустел, и как будто стало легче, до следующего приступа. Отчего это? Может, потому, что говорю это только Тебе? С людьми об этом не говорю, когда же говорю, но о другом, боль не ослабевает, особенно после разговоров, даже возрастает. И снова сомнения: говорить Тебе, зачем же записывать? Не примешивается ли здесь что-то нехорошее? Затем: я хочу, чтобы была боль, чтобы было жало в плоть.

Уже давно, а сейчас особенно сильно, после всякого разговора с человеком остается неприятный осадок и боль сильнее. А после записи, то есть разговора перед Тобой и с Тобой, этого нет.

20 декабря. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, тот недостои́н Меня. Кто не возненавидит отца своего и матери... а притом и самой души/жизни своей, тот не может быть моим учеником. Не мир, но меч. Чтобы возненавидеть, надо любить, и возненавидеть — значит отрезать от себя, отрезать и свою душу от себя. Свою жизнь и душу я возненавидел уже давно. Полностью ли? Мама вошла в мою душу. Во-первых, я отрезал от себя многое ради нее, и это бремя было для меня благом, я это знал твердо и не только знал — чувствовал и радовался. И всё же часто бывал и легкомыслен, и нетерпелив, и думал еще и о прихотях своих. Значит, отрезал от себя душу свою не полностью. В мысли отрезал, и во многом не только в мысли, и всё же не полностью, и от этого сейчас так мучаюсь. Во-вторых, она была в моей душе. Все ее как бы бросили, только я остался с нею, и только мне она была нужна, так же как и я ей. Раз она сказала: когда ты уходишь, я иногда думаю, а вдруг ты не вернешься, что я буду делать, ведь я же беспомощна. Это была не столько физическая беспомощность, сколько духовная, и я сейчас беспомощен без нее. Когда я уходил ненадолго, она иногда страшно беспокоилась, не случилось ли что со мною, и когда я приходил, радовалась, и я радовался с нею. Мог ли я тогда отрезать ее от себя? Но если бы я только исполнял свой долг по отношению к ней, и даже лучше, чем я это делал, отказываясь от всех прихотей, — это было бы хуже, это была бы только легальность. Ей нужна была не моя физическая помощь, а моя любовь: она нужна была мне так же, как и я ей, и это ей и надо было: чтобы она мне нужна была так же, как и я. И вот здесь начинаются мои недоумения: во-первых, тогда. Тогда я не мог отрезать ее от себя, я должен был вместе с нею — мы оба вместе должны были отрезать от нас самих себя. Во-вторых, сейчас. Но могу ли я сказать, что сейчас она не нуждается во мне? Сейчас у нее непосредственно есть Защитник больше меня, но могу ли я сказать определенно, что сейчас она не нуждается во мне? Может, постоянная моя мысль о ней и сейчас помогает ей и необходима? И если я, не отрезая ее от себя и сейчас, рискую даже навеки погубить свою душу, если есть хоть и ничтожный шанс, что моя постоянная мысль о ней помогает ей и там, то я не откажусь от нее и сейчас, не отрежу ее от себя, хотя бы и погубил свою душу. И это жало в плоть не есть ли тоже отрезание жизни от меня? Кто же должен возлюбить Тебя, отвлеченный или индивидуальный я? Кто я, который должен отрезать себя от себя самого?

Я сам, пустой, намерение себя самого. Я сам индивидуальный, тогда мама — некоторая характеристика меня, отрезающего от себя себя же, и без этой характеристики — я не я. И каждый из них и субъект, и объект, так что четыре возможности. Во всяком случае отрезание не должно быть отвлеченным, конкретное же будет ли полным? И еще неясно: между я отвлеченным и я конкретным еще один я, у которого одна мысль: она. Я совпадаю в этой мысли с нею. Я и есть эта мысль.

Антиномия. Для полного отрезания необходимо ли жало
в плоть, то есть постоянная память о маме
и боль?
При полном отрезании сохранится ли жало
в плоть?

Здесь возможны четыре случая, и в некоторых оба тезиса совместны.
Скорее всего, должна быть именно несовместность.

Любая встреча с людьми снова вызывает боль, прямо или косвенно.
Косвенно: я бы рассказал ей о встрече, может не ноуменально, иногда
же явно ноуменально и всегда по существу ноуменально, ее это
радовало и меня тоже, а сейчас нет этого.

Предположим, я бы старался подавить боль — отрезать ее от себя;
предположим даже, что мне это удалось и что я сделал это самым
лучшим способом — стал бы снова писать ТФТ. Не потерял бы я тогда
живую веру, экзистенциальное отношение к Богу? Не наступило бы
тогда подлое себялюбие и подлое самочувствие? Предположим, я бы
хорошо исправил ТФТ, не было бы это тогда только чисто
профессиональным достижением, а значит, и не вполне хорошим и
потерей того, что необходимо и для ТФТ и может явиться только в
результате обострения боли? Я уже не говорю о том, что в отношении
себя самого и в отношении к Богу это было бы уже потерей всякой
экзистенциальности, всякой встречи с Богом, осталась бы только
псевдоэкзистенциальная встреча в воображении, фантазировании и
подлом самоуспокоении. На это я не пойду, даже если и совсем брошу
писать ТФТ и вообще писать. Может, это ропот, может, это попытка
оправдаться, я не знаю, но я получил жало в плоть и не должен, не
хочу и не могу забыть его, ни ослабить его боль. Но я не знаю, что мне
сейчас делать, ничего не знаю и снова прошу: дай знак Фомы, научи,
укрепи меня в боли.

И снова через несколько часов, как написал и как будто освободился
немного от того, что меня мучило, оно снова мучает меня. Должен я или
не должен подавить боль, я не могу подавить ее, и слава Богу, что не
могу.

28 декабря. Как у Кашея Бессмертного душа хранилась в ящике под водою, так и моя — под землею на Серафимовском кладбище. В маме я потерял себя. Я как будто и говорю, иногда и по-настоящему, и читаю, и что-то записываю, и всё же это не я, я — только в боли, в жале в плоть. В боли я снова просыпаюсь, но перенести ее не могу и убегаю в сон.

Во-первых. Вот два пути: один путь — не путь, но акт — *μετανοια*. Второй путь — нравственного и религиозного совершенствования. Но между грехом и святостью — бесконечность. Как же пройти ее конечному существу в конечное время? Значит, только акт: совершить невозможное, перескочить через бесконечность. Это невозможное станет действительным не через возможность, но только через невозможное — веру, это и есть вера: Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную. Обратная сторона этой веры — свободная жертва, то есть бескорыстная — бремя, которое легко. Лютер говорит: всякий человек во что-нибудь верит, чему-то доверяет, на что-то полагается, значит, нет неверующего, но только: в кого верит, кому доверяет, на кого или на что полагается? Если же я ради мамы отказывался, может, и от многого, вообще же от себя, и это «многое» в акте отречения становилось для меня ничем, так что я не находил в этом отречении никакой заслуги, потому что то, от чего я отрекался, в акте отречения уже было ничем — перед этим актом было чем-то, вернее казалось чем-то, а в акте отречения было ничем. Значит, я отказывался от ничто, поэтому и не считал своей заслугой и не любил, когда мне ставили это в заслугу, потому что не было здесь, действительно не было здесь никакой моей заслуги. Я делал это ради мамы. Но в акте совершения это уже было и не ради мамы, иногда я даже думал: сделай я это ради другого человека, я имел бы ту же радость. Значит, я отказывался от ничто и мама была сопутствующей причиной. Но конечно, и в этом сопутствовании и до акта, и в нем, и после она была и действующей, и конечной причиной, иначе была бы легальность, а не ноуменальная любовь. Но всё равно, без веры человек ничего не может сделать, даже пальцем двинуть. Тогда на что я полагался, кому доверял, кому и в кого верил в этом акте радостной жертвы? По-видимому, на Тебя полагался, Тебе доверял, в Тебя верил. Свободная и чистая жертва — другая сторона веры. Я даже не скажу, что дела — плод веры под благодатью, а только другая сторона веры, совершаемая по благодати не мною, но через меня Богом. Потому что то, что в этих делах мое, то есть ограничение себя, бремя и иго, уже не ограничение, не бремя и не иго. Когда я уже ограничил себя, уже нет и ограничения меня, потому что нет и меня — в самом акте меня нет. Поэтому дело есть, но моего в этом деле нет, моим были некоторые усилия, их тяжесть, но если жертва была чистой, то и усилия — уже не усилия, и тяжесть — не бремя, и бремя легко. Что же осталось моего? Ничего. Я пишу это не для кого-нибудь, пишу перед Тобой,

действительно, в жертве бремя Твое было мне легко и иго — благо, и совершенно реально в этой жертве не было ничего моего, и не было меня, и я был ничто — что как ничто, и, значит, была у меня Твоя благодать, и не я делал, а Ты через меня, моей же заслуги тут не было никакой. И не раз в этой жертве Ты не только совершал ее через меня, но и являл Себя мне, как ночью в Пушкине, когда мы жили у Екатерины Ивановны.

Во-вторых, как и во всём, у нас погрешность. В акте жертвы две погрешности, условно назову их качественная и количественная.

Качественная погрешность — это погрешность первого пути. Вот я совершил акт жертвы — акт отречения — акт веры. Но здесь надо различать акт жертвы и акт веры, хотя это и две стороны одного и того же. Акт жертвы — акт деятельной любви. В самом акте я как будто уже совершил всё: я — что как ничто, меня уже нет, есть Он и Его благодать надо мною. В чистой жертве деятельная любовь и полная вера. Но как сохранить это дальше в том, чего нет, — во времени? И здесь наступает некоторое разделение — два момента веры: я отрекся в вере от себя, но я еще не отрекся от своего намерения отречься, не от намерения, а от своего намерения. По-видимому, акт веры объективировался, поэтому не стал полной жертвой себя самого. Когда есть сопутствующая причина, она же станет действующей и конечной, тогда легче совершить акт отречения в деятельной любви. Но как сделать это, когда ее нет? И что мне делать сейчас, когда ее нет у меня? Как и у Иакова, у меня была лестница от земли до неба, и я видел ангелов, сходящих на землю и восходящих на небо, а сейчас Ты убрал от меня основание этой лестницы, и я не вижу и самой лестницы. Увижу ли я ее снова, если Ты не дашь мне знака Фомы?

Количественная погрешность от качественной. В отречении от себя два момента — от своего дурного **намерения** и от **своего** дурного намерения или: отречение и отречение от **своего** намерения, хотя бы и хорошего, но своего. Но вот акт совершен, и я снова пал на землю. И здесь от меня требуется снова полная вера, доверие и намерение, и вот оно разделилось: *есть только намерение намерения, но нет силы для намерения. Чистое серьезное намерение сразу же и осуществлено и уже не намерение — это первый путь. Если же силы мало, то намерение объективируется и станет только намерением намерения, намерением намерения и дальше так же*, и это второй путь. Во-первых, актуальное намерение уже и не намерение, а сама онтологическая реальность; если же это намерение, то уже объективируется: всякое намерение есть намерение намерения. Не объективируется только такое намерение, которое сразу же станет ненамерением. Во-вторых, в внешнем осуществлении во времени реальное намерение-ненамерение в своих проявлениях в жизни для других, может, и не отличается от объективированного намерения, их различает только Бог. Но в конце концов объект деятельной любви, а через него и субъект почувствует

это различие и отличит реальное намерение от объективированного. И мама это чувствовала, и через нее и я. {В акте деятельной любви объект — уже не объект, а субъект деятельности.}

Человек выбирает первый путь: путь, который не путь, но акт, намерение ненамерения. Я неверно сказал: выбирает. Не выбирает, а становится на первый путь. По слабости же сходит на второй: путь намерения, путь намерения намерения и дальше так же. Это путь человеческой слабости, человек, желая себя оправдать, называет его путем нравственного или нравственно-религиозного совершенствования. Тогда это лицемерие. Есть качественная и количественная погрешность во времени первого пути, от этого подъемы и падения. Когда же, оправдываясь, погрешность называют путем нравственного совершенствования, лицемерят. Как утверждение второго пути погрешностью — ложь и лицемерие.

В-третьих. Сопутствующая причина жертвы помогает совершению первого пути — «совершению», потому что первый путь — не путь, а акт. Теперь я перехожу к моей единственной сопутствующей причине, которая была и действующей, и конечной причиной, которой я живу и сейчас или по видимости существую, — к маме. Сейчас ее у меня нет. Как мне совершить жертву? Я знаю, я должен возлюбить Тебя всей душой, всем сердцем, всем разумением, и у меня это постоянная мысль намерение, но большей частью объективируется и становится намерением намерения. А сопутствующей причины для жертвы нет. Что мне делать? Затем еще. Сопутствующая причина придавала некоторый личный оттенок жертве. Плохо ли это? Нет, и в самой причине я увидел святость — Тебя, освящающего человека в страдании. Я любил Тебя, но я любил, и деятельно любил, и того, кого Ты освящал, — моего ближнего. Ты дал мне счастье быть необходимым для моего ближнего. Теперь Ты лишил меня этого счастья. Я только констатирую и знаю ответ: мало ли несчастных рядом с тобой. Мне надо как-то изменить свою жизнь, коренным образом изменить, но из возможностей, которые представляются мне, ни одна не лучше и не хуже другой, и я стою перед ними и умираю от голода, как буриданов осел. Главное же, что я пальцем шевельнуть не могу сейчас то от боли, то от пустоты, иногда скрывающей или затемняющей боль. Помоги же мне. Что мне делать? И еще. В акте я должен любить сопутствующую причину, иначе будет только легальность. А вне акта, когда Ты убрал ее от меня? Как должен я сейчас относиться к ней? Ты освящал мою жизнь через нее, но ведь Твое освящение вечно, и я должен помнить это всегда, всё всегда должно быть, как сейчас, и сейчас. И снова прежние вопросы об индивидуальном отношении к маме и к Тебе. И также об личном оттенке, который сопутствующая причина придает самой жертве, акту жертвы. Будет ли он моим индивидуальным, личным актом без этого оттенка или станет актом вообще, то есть легальностью? Может ли он быть живым без личного оттенка? И может ли быть личный оттенок без

интенции к сопутствующей причине? И как лишить его интенциональности, чтобы не осталось никакой интенции, чтобы был Ты один, но в живой личной вере?

О количественной погрешности первого пути: число жертв, то есть конкретных актов, безразлично; число жертв не безразлично. Первое — потому что жертва всегда одна, полная и совершенная. Второе — потому что я всё время забываю сейчас и живу в воспоминании, и снова сейчас просыпаюсь. И хотя я не знаю, что значит «снова», то есть «снова сейчас», но сейчас вспоминается или воображается множественность актов: я вдруг просыпаюсь, и затем не замечая, как засыпаю, и сплю, и снова вдруг просыпаюсь и дальше так же. Всё это в воспоминании, потому что сейчас одно и не уходит — я ухожу от него в сон. И что меня сейчас особенно мучит — то, что я мог совершить во много раз больше жертв, и не совершил, и не совершил последней: отдать все свои прихоти, всё время бодрствовать и, значит, бодрствовать при маме и с мамой.

А я отвлекался, слабел и засыпал.

В-четвертых. Вот ясное бодрствование: в острой боли. Вот другое состояние: сейчас, когда я всё это вспоминаю и говорю Тебе. Вот еще состояние: когда я писал раньше, например ТФТ. При этом как будто что-то проходило передо мною или через меня, а я был в стороне, смотрел и удивлялся. Первое состояние — я. Второе — я перед Тобою, третье, может, Ты передо мною. Вот еще состояние: я читаю, по поводу прочитанного приходят мысли, иногда я их записываю. Бодрствую ли я при этом? Или это только автоматизм привычной мысли? Но мысль о Тебе не должна стать привычной, она всегда должна быть новой, как сейчас, и иногда страшной.

Дай мне постоянное бодрствование и бдение, разреши мои сомнения, дай мне второй знак, знак Фомы.

Ин. 15:9. Как возлюбил Меня Отец, и Я возлюбил вас; пребудьте в любви Моей.

Ин. 15:13. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих.

30 декабря. Сопутствующая причина абсолютно индивидуальная, единственная.

Антиномия: 1. Всякая сопутствующая причина, если чистая, то абсолютно индивидуальная, личная, единственная, причем духовная — ноуменальная. При этом всякая сопутствующая причина если чистая и абсолютная, то ноуменальная и единственная.

2. Но если она единственная, то исключает всякую другую сопутствующую причину, иначе не будет единственной. Антиномия здесь в том, что я должен любить, и не легально, а экзистенциально,

каждого своего ближнего, то есть каждый должен быть единственным, но единственный исключает всех других, то есть такую же любовь к другим. Одинаковая же любовь ко всем — только легальность, то есть равнодушие. Основание этой антиномии в Самом Христе; у Него был любимый ученик. Он требовал к Себе, именно как к человеку, а не только к Богу, единственного отношения: нищих всегда будете иметь при себе, а Меня не всегда. Теперь я обращаюсь к основанию моего стержня жизни, к моей лестнице Иакова.

Во-первых, это основание было моей плотью и кровью — мамой.

Во-вторых, страдание — это стало и моим страданием. Это была уже боль бытия, абсолютно индивидуальная, личная, ее и моя, и одновременно онтологическая, ноуменальная и религиозная.

В-третьих, подъемы и падения. Это и есть индивидуальность и боль, и было абсолютно единственным откровением, и личным, и метафизическим, и религиозным, так же как и страдание.

В-четвертых, некоторая мудрость и индивидуальный оттенок мудрости. Этот оттенок, может, и есть сама мудрость и святость. Проявлялось это не только прямо, но, что может быть еще важнее, косвенно, причем особенно в последние годы: в языке, в словах, иногда в словообразованиях. Однажды я выпил и в разговоре с мамой слишком часто употреблял слово «я». Мама сказала мне: что ты всё якаешь. Не якай. Этот индивидуальный, личный оттенок — главное, в нем оправдание всего и было оправданием моей жизни. Оттенок ее жизни-мысли обладал силой выходить за свои пределы, переходил на меня и обратно отражался от меня на нее — это ноуменальная любовь — абсолютность личного духовного состояния, ставшего ноуменальным взаимодействием.

31 декабря. Конец последнего года жизни, теперь — житие. Но пока и его еще нет, пока не будет второго знака, какой-то пустой промежуток между жизнью, которой уже нет, и житием, которого еще нет. С весны 1960 г. три с половиной года я жил в ожидании этого страшного времени. Но сколько еще будет продолжаться пустой промежуток. Научи меня, Господи, дай силу в боли, дай второй знак, знак Фомы.

Все дни должны быть одинаковые, один как другой, и отличаться только внутренними признаками, то есть внутренним состоянием. А сегодня условно особенный день, так как в 12 ч. ночи условное начало нового года. И то, что сегодня особенно тяжело из-за этой условности,

пусть будет и каждый день. Дай мне постоянную боль и жало в плоть,
силу в боли и знак Фомы.

1964

16 января. Вчера было очень нехорошо, и жало в плоть, и какое-то унылое окружение жала, и полная безысходность. Причины: 1. Накануне читал не только Введенского, но и свое, и, кажется, произвело впечатление. Говорил не только глупое, но и умное. Было много людей: М., Орловы, Саша [Утешев]. 2. Получил верстку своего перевода и работал, а мамы при этом не было. Она бы радовалась, потому что понимала, что нельзя расплываться в самочувствии и слабости духа. Настоящее созерцание — не расплывание в самочувствии и не самочувствие. 3. Кажется, есть какой-то круговорот и некоторая закономерность в постепенном нарастании боли, доходящей до максимума и потом спадающей до следующей волны. Вот этой закономерности — естественности волн боли я и побоялся, когда мне был первый знак, и, кажется, напрасно побоялся. Потому что естественное спадение наступает после ночного сна, а тогда это было под вечер, вдруг и в состоянии бодрствования {после Т.}. Уже позавчера, когда они пришли, боль приближалась к максимуму, а вчера достигла максимума. Первые две причины создали только нудное, унылое и безысходное окружение. Я забыл еще одну причину. Пост, как и всякое ограничение, которое я налагаю на себя, должен быть добровольным. Просто еда должна стать невкусной и всё, от чего я отказываюсь, — неинтересным. Тогда объект интенции как бы исчезает, а вместе с ним и сама интенция — нетрудно отказаться от того, что стало для меня ничем. Есть ли здесь моя заслуга? Кажется, нет. Освобождение от интенции приходит, например, в молитве. Непосредственно ли Бог по моей молитве освобождает меня от интенции или мое благоговение? Но и во втором случае, мне кажется, Объект благоговения становится Субъектом исключения моей интенции. Так вот, вчера, на подъеме болевой волны, было очень нехорошо, и я нарушил одно из добровольных ограничений. Не потому что надо было или чего-либо хотелось, наоборот, потому что мне ничего не хотелось. Это от слабости духа, и стало еще хуже. Ограничить себя мне очень легко: стоит актуально вспомнить маму, то есть ясно, потому что помню всё время, и любая интенция исчезает: объект ее становится ничем, тогда пропадает и интенция.

22 января. Умная связь слов: блаженство и блаженный. У мамы иногда бывали состояния блаженства. В одном из таких состояний — мама сидела тогда на кровати, и я рядом с мамой, — это было вечером, мама хорошо говорила со мною, а потом, забыв, что она даже в комнате ходить не может, сказала: почему мы с тобой никуда не ходим? Пойдем

завтра в зоологический сад. Было блаженство, и в этом состоянии мама была блаженной.

Другое блаженное состояние. Я уходил и пришел домой поздно, в 2 или 3 часа ночи, а мама еще не спала. Сказала, что ей очень хорошо, и, должно быть совершенно не ощущая времени, что бывает при блаженном состоянии, спросила: почему ты пришел так рано?

Но чаще бывали молчаливо сосредоточенные состояния и мучительные. При молчаливо сосредоточенном состоянии она раз больше недели ничего не говорила, ни на что не жаловалась, но на вопросы отвечала спокойно, даже приветливо, когда ее поцелуешь — ответит, но всё время погружена была даже не в мысль, а во что-то большее мысли.

У нее часто болела голова, иногда ноги, иногда еще что-нибудь.

Когда в одном из молчаливых состояний я спросил у нее, болит ли что, она ответила: у меня всегда что-нибудь болит, но сейчас терпимо. Но в состояниях блаженства ничего не болело.

Затем были страшные, мучительные состояния, и по-настоящему я понял их только сейчас, а тогда бывал и нетерпелив, и как сейчас каюсь. А если бы сейчас вернулось хоть одно из самых страшных, мучительных и для меня состояний, как бы я радовался.

Еще бывали сосредоточенные состояния спокойного, жизненно мудрого разговора, например когда мама сказала: я ее не люблю, она фальшивая и лживая. Достаточно и так в жизни фальши. Это мама сказала о последней сиделке — очень неприятной и действительно хитрой и фальшивой, — мы же поняли это позже. Тогда не было блаженного состояния, и какая-то боль, по-видимому не только физическая, мучила ее.

Еще бывало состояние:

Либер Готт. Готтеньки. Обрах Монес. Афтун.

Когда я раз спросил у мамы, что значит Обрах Монес и Афтун, мама сказала: сжался, и вверху, по-видимому: Ты, Сущий на небесах, сжался.

2 февраля. Это было вечером осенью последнего года. Я был занят, кажется приготавливал лекарство маме на ночь. Мама очень сосредоточенно и мрачно говорит сиделке: позовите его. Я подошел, что-то сказал и продолжал готовить лекарство. Мама снова сказала: позовите его. Я подошел, не помню, что сказала мама, что я, вскоре я поцеловал маму и пошел спать, так как было уже поздно. А мама осталась одна с чужим, недобрым, фальшивым человеком. Маме

неприятно было при ней даже назвать меня по имени. Хоть бы полчаса я посидел. Сложность положения — ночные вставания и др., так как Женя болела тогда, — не оправдывают меня, я не могу простить себя. И подобных случаев было много. Найти другую сиделку было очень трудно, и всё же надо было искать. Я не сделал всего, что мог, я бесконечно виноват.

Прости меня, Господи, она меня всегда прощала, дай силу духа, дай знак Фомы.

Я начал читать Евангелие от Матфея и вдруг почувствовал, почти увидел Храм, в Котором я, и Он же во мне, и Он укрепляет меня. Я побоялся: может, это создалась привычка, может, это я создал, и потому успокаивает меня. Но как я мог создать это, это создал Бог, только Бог может это сделать, теперь я должен удержать.

Помоги, Господи.

3 февраля. Прости меня, Господи, Ты знаешь мои мысли еще до того, как я их подумаю, и мои мысли, которых я не знаю. Я подумал, если бы Ты сказал: Я верну тебе маму, но лишу тебя Моего присутствия, исключу из Своей Радости, хочешь? Я бы сказал: хочу. Но ведь это я придумал глупый вопрос в предельной форме свободного выбора, Ты так не спросишь. Потом подумал: ограничена ли сейчас моя радость — Твоя совершенная Радость? Нет, я переполнен ею, я боюсь выплеснуть хоть одну каплю, Ты ввел меня в Свою Радость — Радость Господина моего. И всё же, как ни полна моя радость, я хотел бы, чтобы и мама радовалась, и если бы я знал, что и она вошла в Твою Радость и ей так же хорошо сейчас, как и мне, то я, спокойно и всегда радуясь, ожидал бы, пока Ты призовешь меня окончательно и навеки в Свою Радость, и если возможно, я хотел бы, чтобы мы оба — она и я — были всегда вместе в Твоей Радости. Но если Твоя Радость у меня неограниченна и бесконечна, хорошо ли, что я сказал: вместе? И еще: то, что я записал и обозначил 22 январем, было 22 января или 21-го, но записал я это только вчера, и там было о маме, а вечером Ты ввел меня в Свою Радость — и снова у меня прежние вопросы.

Может, это второй знак? Я переполнен Твоей Радостью, дай мне силу удержать ее, благодарю Тебя, Господи.

4 февраля. Я прилег днем и только задремал, как увидел маму и услышал, как она мне сказала: бедный мой мальчик.

Спал я, может, 1-2 секунды, потому что сразу, как задремал, увидел и услышал ее, и проснулся от острой боли, так как ее нет здесь со мною, и сразу же радость, потому что увидел и услышал ее.

5 февраля. Расплескал я всё-таки мой сосуд с Радостью. Но она была, и реальность ее была сильнее реальности мира. Она была полной реальностью. Поэтому осталась надежда: она будет снова.

И вторая радость-страдание: я видел и слышал маму не в прошлом, а сейчас — знающую, что свершилось. И тоже осталась надежда: я увижу и услышу снова.

17 февраля. Иногда ночью вдруг мелькнет не мысль — полумысль: ну вот, кажется, и лучше, проходит. Расскажу маме, как было тяжело. И сразу же: не прошло, не проходит.

В последнюю неделю мама не ела, почти не пила, ничего не говорила. Я же, по-видимому, поверив глупости мудрых, думал, что она и не слышит, и не понимает. Но ведь потянулась же она один раз к Лиде со стоном и на поцелуи отвечала. Я думаю, у нее было как в «Метаморфозах» у Кафки, она всё понимала, но не могла говорить. Я же, окаянный, поверив мудрости века сего, думал, что она не понимает, не знаю, что я думал, я ничего не думал, Бог лишил меня разума за окаянство мое.

Однажды, еще до этого, я кормил ее, она не владела руками. Мама не хотела есть, я же был нетерпелив, и она сказала: Яшенька, дорогой, пожалуйста, не сердись.

Ей было очень плохо, на меня же нашло затмение. Это уже не подсознательное *Schuldbewußtsein*, а вполне ясное сознание вины, но пришло уже после 16.X. Я был виноват в своем затмении, здесь нет никакого извиняющего обстоятельства, это мой грех навеки, жало в плоть до конца моих дней. Пошли мне второй знак, Господи, дай знак Фомы.

Когда человеческий суд осуждает, а Божий — оправдывает, это не страшно. Но бывают ситуации, когда ни один человеческий суд, зная

все подробности, не осудит и найдет тысячи извиняющих обстоятельств, а Божий суд через мою совесть осуждает, — это страшно.

21 февраля. У меня зачесалась верхняя губа, и я почесал ее нижними зубами и вспомнил, как это делала мама и, если чесалось выше, просила почесать, потому что сама уже не могла, руки не работали. И снова не уместается в мысли. Жизнь должна быть однообразной, один день как другой, но не должно быть привычки. Или пусть будет как сейчас — пятый месяц, как время остановилось, и всё, что тогда стало, и теперь так же, такое же новое и страшное, кроме трех дней: одного дня тихого веяния ветерка, одного дня Радости и одного мгновения радости-страдания; или — второй знак, знак Фомы. Или того, чего не знаю, но только не привычки, чем привыкнуть, лучше пусть будет, как сейчас.

В Старом Завете — книги на все случаи жизни, при нужде.

Екклезиаст — во-первых, для тех, кто надеется на себя, на свою силу, на свою мудрость, но еще больше для верующего, когда он почувствует, что Бог оставил его: Боже мой, почто Ты оставил меня, удаляясь от моего спасения, от слов вопля моего? (Пс 21:2). Еккл 7:14: во время счастья пользуйся счастьем, а во время несчастья выжидай: и то и другое устроил Бог для того, чтобы человек ничего не постигал за Ним.

Когда Бог оставил меня, Екклезиаст еще сильнее отделил меня от Него, углубил пропасть, возвысив Его и уничивив меня. Я еще рассуждал, и Екклезиаст унижил меня, и я замолчал. Чем больше пропасть между мною и Им, тем более сокрушается мой дух. И тогда Он приходит ко мне: жертва Богу сокрушенный дух и смиренного не отвергаешь Ты. Так говорит Всевышний Святой: Я живу на высоте небес, в святилище и близ сокрушенного сердцем и смиренного духом, чтобы оживить дух смиренных.

Когда станет такая темнота, что темнее уже не может быть, когда скорбь придавит тебя так, что от тебя уже ничего не останется и уже ничего не ждешь, тогда и придет свет. Если же не приходит, значит, еще недостаточно придавлен, еще ждешь, еще надеешься.

Апостол Павел: скорбь → терпение → опыт → надежда. Опыт — это терпение до конца, до полной безнадежности. И тогда надежда сама придет, потому что она от Бога, а пока я после скорби и в скорби надеюсь — еще на себя надеюсь.

27 февраля. Сегодня я был на кладбище. Потом зашел в церковь. И снова слезный дар. Что это — я не знаю, то есть почему именно в церкви?

28 февраля. Ноуменальные отношения — не естественные, поэтому кровная связь, какой бы сильной ни была, еще не ноуменальная. Хотя и может стать ноуменальной, как у меня с мамой. Сейчас у меня остались еще две кровные связи, но их ноуменальный характер слишком слаб, чтобы приостановить дереализацию общего мира. Он становится тем, что он есть, — трансцендентальной иллюзией. Новых ноуменальных отношений нет, а прежняя реализует только два личных мира — ее и мой, и так как ее мир ноуменально присутствует сейчас только у меня и никак не соприкасается с другими личными мирами, то через ее мир я уже не могу проникнуть в другие личные миры, у меня остались только два личных мира — один мир, ее и мой. А до 16.X у нее были хотя бы интенциальные отношения с другими, а иногда и ноуменальные встречи с другими, хотя и не такие сильные и глубокие, как со мною. Поэтому через ее мир я проникал и в другие миры, и они и объективировались, и реализовались для меня через мое ноуменальное отношение к ней и ее интенциальные и ноуменальные встречи, она была посредником между ее и моим личным миром и другими личными мирами. А сейчас остался один мой мир — ее и мой.

8 марта. Моя постоянная мысль о маме, может, и нужна ей, но обратное отношение непредставимо: ведь мое мучение сейчас — во времени, но ведь сейчас я вспоминаю и помню и те три дня и могу представить себе, что осуществится моя надежда, и то сейчас снова будет сейчас, хотя и непонятно, что это значит, и это непонятное я обозначаю словами: Провидение, Ангел-хранитель. Я знаю, что вся моя жизнь, если можно сказать «вся», не сумма мгновений, но одно Сейчас, но сейчас я не вижу это Сейчас, только один из моментов его: вот это вот. Сейчас я вижу как один из моментов вот этого вот Сейчас; хотя в нем и нет численной множественности моментов, но нет и пустоты аналитического тождества. Каждое мгновение я забываю мгновение, но разве она сейчас забывает? Тогда как видит мое отдельное мучительное мгновение? Но здесь я ничего не могу сказать. Дай мне, Господи, второй знак, знак Фомы.

11 марта. Сон. Он болен. Пришлось взять сиделку, а она восстановила его против нас, так что мы не могли даже подойти к

нему. Он вышел из комнаты, и я говорю сиделке: нехорошо так восстанавливать против нас, но вот он уже возвращается, высокий, худой, как Дон Кихот. Он подходит к кровати и падает на тумбочку возле кровати, подымается, падает в другую сторону. Я обращаюсь к сиделке: да помогите же ему, а она, оцепенев от страха, смотрит вперед. Я повернулся: он стоит, вытянувшись, у стены, ноги медленно подкашиваются, он наклоняется вправо, медленно опускается, изгибаясь, как на иконе «Снятие с креста». Мне стало страшно, и я проснулся.

12 марта. Как и вчера, сон был длинный, может всю ночь, помню только конец: я получил способность посещать тот свет; так как там времени нет, то всё наше там уже свершилось, и мама просит меня, чтобы я узнал там, что будет с Мишей, то есть его гороскоп.

Еще был у меня разговор с мамой на моральные темы, но ни я, ни мама еще не знали, что у нас свершилось, то есть о моем несчастье. До этого: сны-задачи и сны-препятствия.

Сейчас хорошая, солнечная погода, и она кажется мне такой лишней, ненужной, кощунственной.

Это не просто настроение; так как у меня нет сейчас ноуменальной реализации других миров, кроме моего и маминого, то весенний солнечный день — бесстыдство природы в моем мире.

14 марта. То, что я читал Иова и Екклезиаста, хорошо, а то, что в связи с этим думаю о завтрашнем дне, когда должен буду говорить об Иове и Екклезиасте, — плохо и противно, и после этого всегда расплата. К тому же завтра предполагаем поехать и к Ст[ерлиговым]. Но если послезавтра поеду на кладбище, расплаты, может, и не будет, очистит от того, что прилипнет во время разговоров. Отчего прилипает? От свободы выбора, от слабости духа, вялости, но в пустыне этого не было бы, даже если бы ко мне и приезжали и я бы говорил. Но и сейчас, когда я по-настоящему думаю о моей единственной ноуменальной любви — о маме, — всякая прилипшая шелуха отпадает, и я снова ближе к Богу. Ведь и то, что я писал в последнее время: о свободе выбора и о реализации чужого мира, вызвано было бесперспективностью моего настоящего и моей ноуменальной связью.

16 марта. Экзистенциальная герменевтика обнаруживает вечный инвариант в эмпирическом временном явлении. Инвариант — не общее, а индивидуальное, личное, но освобожденное от временных облачений или одеяний, то есть от случайностей общего языка, установившихся взглядов, от общего мнения. Вариант (явление) — это инвариант с примесью общих понятий, ограниченный и скрытый за рационалистической относительностью языка и общего мнения. Например, бессмертие. Мы и сейчас не понимаем его, и в символе веры сказано: не верю, но чаю, то есть ожидаю, воскресения из мертвых. Это всё же менее категорично, чем «верю». Но представить себе бессмертие или хотя бы приблизительно определить его мы не можем, мы сразу же наталкиваемся на непреодолимые препятствия. Например, когда саддукеи, спрашивая Христа, рассказали о женщине, имевшей семь мужей. Так как они уловляли Его, то Он и ответил на их вопрос: заблуждаетесь, не зная Писания, в Царствии Небесном не женятся и не выходят замуж, но пребывают, как Ангелы небесные. Этот ответ достаточен для улавливающих Его, но недостаточный, если мы подумаем: что же такое индивидуальность, или личность, которая воскресает и сохраняется? Ведь брак — не только физическое сожительство, но и духовное, тогда для нашего ограниченного ума возникает вопрос: чьей же духовной женой она будет после воскресения из мертвых? Более широкий вопрос: у меня единственное ноуменальное отношение. Может, у меня есть и другие ноуменальные отношения, но единственное — одно. А через десять лет у меня уже другое единственное ноуменальное отношение и, значит, тоже одно, исключительное. Уже от этого мутит, где же моя личность и ее единственность, единственность всякого личного отношения? Мутит оттого, что проходит, оттого, что я, Его образ и подобие, не тот же самый в различном, как Он. Для меня же «то же самое» — только пустота аналитического тождества.

Теперь вопросы неизбежные, но бесплодные: а как будет после воскресения из мертвых? Или вообще не будет единственного ноуменального отношения, но каждое будет как единственное? Но что это значит — я не понимаю, и как я останусь **я** без моего единственного ноуменального отношения, без его единственности? И как ты нашей единственной ноуменальной взаимности ноуменально относится к своему прежнему единственному ноуменальному отношению? Одно и то же **я** может принадлежать разным ноуменальным взаимностям, но как оно может принадлежать разным абсолютно единственным ноуменальным отношениям? У нас тяжела и омерзительна возможность изменения единственного ноуменального отношения. Мутит от «я забыл», Бог ничего не забывает. Еще мутит, когда во сне вдруг переносишься в то ноуменальное состояние, которого сейчас нет, когда вдруг единственным стало то ты, которое сейчас наяву не только не единственное, но вообще для меня не существует, а может быть, даже

и неприятно. Здесь втройне мутит: оттого, что я (наяву) забыл то, что в свое время считал незабываемым; оттого, что я во сне вспомнил то, что забыл, и то, что мне сейчас не надо, вдруг стало нужным, как и тогда; и третье: теперь уже во сне я забыл то, что сейчас наяву кажется для меня незабываемым. Где же тожество или хотя бы единство моей личности? Когда все эти возможности и вопросы продумаешь не вообще, а конкретно, применительно к определенным личным событиям, людям и случаям, то мутит невыносимо. {Кажется, после чтения Сведенборга.}

И всё же у меня есть ощущение тожества моей личности во всех моих воспоминаниях. С детства я тот же. Я не так тот же, как Бог, Он не забывает, я забываю, это мой первородный грех, и всё же, подобно Ему, я тот же. Если это не иллюзия, то инвариант меня того же самого в постоянном прехождении, и что бы человек ни говорил, каждый непосредственно верит в свою тожественность — инвариантность в прехождении. От этого изменения и прехождения себя мутит, но моя инвариантность сотворена по Его образу и подобию. Эта инвариантность — не общее понятие, но именно самое индивидуальное, личное во мне, причем субстанциально личное. Всё другое, кроме, может, моего единственного ноуменального отношения, принадлежит мне, значит, уже не я, только принадлежит мне, я могу мысленно отделить его от себя, но моя неизменная в своей различности инвариантность неотделима от меня, это уже я, не я сам или само, но именно я.

Снова возвращаюсь к бессмертию. Формально, с точки зрения имманентной герменевтики, авторы Екклесиаста и Иова, может, и не верили в бессмертие. Но прежде чем утверждать это, надо определить бессмертие, найти его сущность, ядро или центр: я верю в абсолютную инвариантность своего я. Во-первых, я здесь не я сам, не общее понятие и не полюс интенционального отношения, но именно я — я, тожественный себе самому. Определить его я не могу, но непосредственно вижу и имею его: я есть я и по Его образу и подобию то же самое: всегда тот же я, тот же в противоречивости, различности и временном прехождении. Я вижу то же самое в себе не только в том же самом, но и в своей различности, в своем прехождении и забывании. Оттого меня и мутит, что я тот же самый и всё же забываю. Бог тоже не формальное аналитическое тожество и, значит, — тожество различного, но Он не изменяется и не преходит, а я изменяюсь и прехожу. В этом моя несущность, тварность и грех, вернее, только грех. Так что вера в мою абсолютную инвариантность, во-первых, есть непосредственное ощущение моей инвариантности, во-вторых, отрицательно: меня мутит именно потому, что я непосредственно знаю свою инвариантность, но в форме изменения и прехождения. Поэтому *моя инвариантность, то есть тожественность, не единство или абстрактная форма моего я, но именно сущность, форма же —*

ИЗМЕНЧИВОСТЬ, и от этого мутит: от изменчивости и прехождения тождественного.

Во-вторых, непосредственное ощущение моей инвариантности абсолютно и исключает время и временность. Время только форма моего изменения, прехождения и воспоминания, сущность же, то есть тождественность, вневременна, и так как моя инвариантность, или тождественность, не абстрактное аналитическое тождество понятия, но некоторой реальности, то и вневременность моего тождества не абстрактная вневременность понятия, но вечность. Это и есть инвариант бессмертия — непосредственное ощущение бессмертия. Я не доказываю и не собираюсь доказывать бессмертие души, оно недоказуемо. Я только утверждаю: если инвариантность моей души не иллюзия, то инвариантность души предполагает ее бессмертие, инвариантность души и есть ее бессмертие. А это решает уже вера — иллюзорность или реальность инварианта бессмертия.

Возвращаюсь к Екклесиасту и Иову. Формально там трудно и, может, с большими натяжками можно найти веру в бессмертие, а экзистенциально есть, так как на языке того времени сказана абсолютная инвариантность, или тождественность, моего я, а это и есть инвариант бессмертия.

То значение, которое авторы Екклесиаста и Иова придают моему я, серьезность и абсолютность самого рассуждения о человеке, о его отношении к Богу и Бога к нему — это и есть абсолютная инвариантность моего я — инвариант бессмертия. В конце концов, и мы сейчас знаем о бессмертии не больше, чем авторы Екклесиаста и Иова.

17 марта. В абсолютной инвариантности моего я бессмертие заключено, может быть, не столько в инвариантности, сколько в ее абсолютности: моему изменению и прехождению, внешней оболочке противопоставляется неизменность моей сущности, ее неслучайность, причастность образу и подобию Божьему, а потому вечности и бессмертию. Это, во-первых, ощущение противоположения случайности и чуждой мне цели в природе — внутренней телеологичности моего я и, во-вторых, непосредственное ощущение причастности к другой жизни, абсолютной. Тогда инвариантность реализует мою абсолютность, реализует в моем ощущении — субъективная реализация; абсолютная реализация — вера в реальность абсолютной инвариантности моего я.

18 марта. Бог на меня смотрит, ни на мгновение не выпускает меня из поля Своего зрения, всё время на мне Его взгляд. Это и есть бессмертие, инвариант бессмертия: Его взгляд на меня и на мне. Не

только книга Иова, но и Екклесиаста проникнута этой верой — Его взглядом.

19 марта. Каждый бессознательно верит в инвариантность своего я, но эта наивная вера не доказывает еще ни бессмертия души, ни инвариантности я, потому что, во-первых, тождественность вспоминаемых я с нынешним я и само это ощущение тождественности моего я в прошлом, как я вспоминаю его сейчас, может быть иллюзией; и во-вторых, само это ощущение имманентно и феноменально, это не абсолютная, только относительная инвариантность. Но вера в абсолютную инвариантность моего я есть ощущение взгляда Божьего на мне. Эта вера может быть тоже наивной, но всегда превосходит границы имманентного: взгляд Божий на мне. И та, и эта вера — чувство-ощущение, но та — чувство-ощущение субъективное, а эта субъективно-абсолютное.

Реализация сейчас: 1. Интенсивного не-я — своего мира не сейчас. 2. Своей абсолютной инвариантности. 3. Экстенсивного не-я — мира другого. Это реализация верой: сейчас взгляд Божий на моем мире не сейчас, сейчас взгляд Божий на мне сейчас, сейчас взгляд Божий на твоём мире. Выводится же только возможность моего мира не сейчас, моей души, твоего мира. Так как выводится, то только во мне. А взгляд Божий реализует, и если во мне, то через веру.

24 марта. «К суду я не готов, и смерть меня страшит».

К суду я не готов. Может ли кто сказать: готов? Только святой. Но «смерть меня страшит» я уже не могу сказать так категорически. Если отбросить всё эмпирическое — физическая боль, а главное — Л. и М., то, во-первых, останется: страх Божий. Этого нельзя забывать, пока живу — есть надежда, а когда придет последний вздох — не знаю, что будет. Во-вторых, бесперспективность настоящего поглотила всю прелесть свободного выбора, не осталось ничего, что бы я пожалел при последнем вздохе, это было бы только освобождением от тяжести бытия — возможности свободного выбора — и еще надежда встретиться лицом к лицу с нею и с Ним.

Войди в радость Господина твоего.

И снова те же вопросы: хорошо ли — с нею и с Ним? Но если без нее, буду ли я — я или только — я вообще? Но на что Тебе я вообще?

Помоги, Господи, разреши мое недоумение, дай знак Фомы, введи меня в Твою Радость.

Но Ты уже ввел меня в Твою Радость, с утра и еще до того, как я просил, я всё время радуюсь в Твоей Радости и Твоей Радостью.

Я жил как в пустоте, все предметы, люди — вне меня, между мною и ими, мною и жизнью, мною и миром — пустота, это — дистанция, и наибольшая, между мною и Тобой. А сейчас дистанция исчезла, пустоты нет, всё заполнено Тобою, и я в Твоей Радости.

Кругом меня Бог, и это «кругом» — во мне. Вернее, то, что кругом меня, — Ты — вошло в меня и вобрало меня в себя. Кругом меня Бог.

Я отрицаюсь, и это стало как-то помимо меня с утра, как я встал, а я не видел, это всегда, а я не вижу. Я ничего не отрицаю, ничего не делаю, Радость сама пришла, не от меня, я только радуюсь в Твоей Радости.

Кругом меня Бог. Кругом меня — Ты.

26 марта. Алеша Карамазов целовал землю. Это состояние может быть пантеистическое. Но Радость, которая была у меня два раза, — Сам Бог, Его Радость. Пантеистическое состояние может быть и без Бога, но Радость — Его Радость и не может быть без Него. Может, и «звездное небо над нами» только тогда не будет пантеистическим состоянием, когда возвышает над миром, станет наглядным, образным путем к Богу. Пантеистическое состояние всё же *Naturreligion*. Звездное небо над нами может стать путем к возвышению над сотворенным — к Творцу, само же по себе это состояние — благоговение перед творением, станет же религиозным, если направится от творения к Творцу. Нравственное и ноуменальное отношение к человеку может быть одновременно и благоговением перед Творцом:

а. Деятельная любовь к человеку открывает Бога.

б. Некоторая ноуменальная система отношений к человеку, особенно если он болен и страдает, открывает активному, а в конце концов и пассивному участнику системы Бога. Очевидно, я здесь имею в виду мое отношение к маме и «а» можно назвать содержанием (Л1), а «б» — формой (Л2). Потому что Бог — любовь. Состояние «а» — скорее, созерцание, состояние, а «б» — скорее, деятельность, но оба — деятельная любовь и как деятельность.

31 марта. Эта тетрадь нужна мне сейчас, чтобы освободиться от пустоты, заполняющей меня, как вчера и позавчера. Само по себе то, что было вчера и позавчера, не пустота и не плохое, но отвлекает меня. Тогда она очищает мою мысль, дает мне чистую мысль в страхе Божиим, огненным мечом ведет к Тебе. Вразуми меня, Господи, дай

знак Фомы, чтобы всегда была чистая мысль, дай знак Фомы, огненный меч, направляющий к Тебе.

15 апреля. Всё освящено Тобою, и это, но мне ни этого, ничего не надо, всё есть. Бог.

Я удивлен, изумлен, переполнен Тобою.

Я вошел в Радость Господина моего.

Снова Ты дал мне Свою Радость, как удержать Ее.

Молился, и Ты дал, еще раз молился, и еще раз дал.

Господи, благословенно Имя Твое.

Я внимаю Тишине, и Тишина переполняет меня Радостью, переливается через край. Я повторяю за Тобой: хорошо.

16 апреля. Я не сохранил Радости, но какой-то оттенок или тень Ее была и вчера вечером, и сегодня утром. Какое-то удивление, изумление к Его Тишине или Полноте осталось и сейчас, хотя и далеко не такое сильное, как вчера, какое-то отражение вчерашней Радости. Я не знаю, как это сказать, может, Он примирил меня с Собою, может, благословил, как Иакова, боровшегося с Ним. И еще, как и в прошлый раз, — автоматизм записывания: я не всегда сознавал, что пишу.

Началось это на кладбище, но слезный дар пришел в церкви, куда я зашел после кладбища, а изумление раньше. Всё началось на ее могиле после первой молитвы. Там, у нее, я молюсь лучше.

В 1934 г. и позже, до войны, перед 17 августа делалось тяжелее, а 17 августа после возвращения с мамой домой становилось легче, потому что была мама и был дом. А сейчас есть Лида, но дома нет, нет порядка и центра жизни. И хотя я на кладбище, у нее, молюсь лучше, облегчение если и бывает, то только от молитвы, а возвращение домой не облегчает, потому что у меня уже и нет моего дома, остался только Его дом. И вчера было хорошо не потому, что вернулся домой, а потому, что там меня посетила Твоя Радость и оставалась со мною и дома.

И сейчас еще изумление, и внимание, и примирение не омрачается ее отсутствием, как будто она со мною.

2 мая. Сколько пустого и ненужного в человеке, то есть во мне. То, что мне совсем не нужно, какая-то чушь еще волнует и закрывает

нужное. И снова нет чистой мысли. Какая-то пелена передо мною, завеса. И снова не могу удержать мою Радость.

Два вопроса:

1. Я был нужен маме, именно я, и никто другой не мог заменить меня. Это было спасением для меня, спасением от пустой мысли, она очищала меня. Хотя и тогда бывали пустые мысли, и сейчас я расплачиваюсь за них. Но у меня был стержень жизни, лестница Иакова, а сейчас нет. Я нужен Л., но ничего сделать ей не могу, потому что и не я ей нужен или я, но не тот я, который я есть. Кому я нужен и кто мне нужен? Тогда надо уйти в пустыню или хотя бы в монастырь. Но в монастырь я не могу уйти, во-первых, из-за Л., а во-вторых, из-за «хотя бы». Монастырь не дом отдыха и не санаторий, хотя бы и душевный, а в духовном смысле не знаю, имею ли право пойти туда. Значит, пока остается что-то среднее: бессмысленное существование между жизнью, которой уже нет, и житием, которого еще нет.

2. То, о чем я писал 30 лет тому назад: «Чем я противен», особенно в Добавлении. Если исключить всякое самолюбие и суетное временное облегчение от встреч с некоторыми людьми, то остается не только теоретический, но и нравственно практический вопрос: что отталкивает людей от меня? Я бы хотел понять это, мне нужно это не только теоретически, но и практически. Мама сказала раз: какие мы скучные. Когда Ст[ерлигов] был у меня днем в последний раз, он хотел говорить об этой моей неприятной сущности. Но, боясь обидеть меня, обидел. Вначале я обиделся и стал оправдываться; хотя и нельзя было понять, что он хотел сказать, но почти сразу же я понял, что мое оправдывание глупее и хуже, чем его обвинение, потому что хотя формально он, может, и не прав, но по существу прав, и я сказал, как Иов: беру назад свои слова, отрицаюсь и раскаиваюсь. Но и он не понял меня, поэтому и сказал прощаясь: вы ничего не поняли. Таким образом, мы оба ничего не поняли: я — того, что он говорил, он же не понял, что я именно и хочу услышать о себе самое нехорошее, и чтобы это было сказано без боязни обидеть меня, именно это мне и надо.

Вопрос в том, почему я никому не могу помочь, хотя и никому не отказываю, искренно не отказываю и искренно доброжелателен. Но несмотря на доброжелательность, добра не оказываю.

4 мая. Есть трансцендентальный характер или трансцендент[альная] природа человека: материальный, душевный, духовный человек. То, что кажется изменением природы, — не изменение, а раскрытие природы: обращение.

Есть по природе субстанциально утверждающие себя: пусть будет по моей воле. Это — духовно-антидуховные, интеллектуально-волевые, слуги антихриста. Духовное зло — злые духи, павшие ангелы. Люди,

вдохновляемые злыми духами, добровольно принявшие их, не материальные. Они утверждают и любят не свои прихоти, не себя эмпирического — себя эмпирического они могут и ненавидеть, — но свое в себе: пусть буду я, я сам. Они никогда не бывают нищими духа, потому что полны собою, своим своеволием и постоянно едят себя, то есть уже при жизни в аду. Это первое зло — субстанциональное. Второе зло — то же, что и первое, но акциденциальное: себялюбие принадлежит к сущности человека, но человек может противиться ему, не принимать его добровольно и сознательно. Даже духовный человек не может полностью исключить из себя самолюбие или себялюбие, может, даже святой не всегда способен на это. Третье зло в человеке — материальное: угождение своим прихотям, оно может быть и у духовного, но не у святого. Четвертое зло — одержимость бесами помимо воли человека, и она может быть и у духовного, и скорее у духовного, чем у материального.

Первое зло: человек добровольно принял в себя зло, это духовно-антидуховный.

Второе зло: человек не отождествился с бесом, но не устоял по слабости и может освободиться от беса.

Третье зло: ясно.

Четвертое зло: а) дьявол попутал — или это второе зло?

б) одержимость бесами — чаще, кажется, у духовных. У антидуховных — сознательное приятие зла, активное слияние с ним, фанатизм зла. Полная вина. У духовных же — пассивная невозможность противодействовать злу — бесу, овладевшему человеком помимо его воли. Когда это наступает, когда бес приближается, бывает, что человек это видит, и боится его, и всеми силами противодействует ему, но бессилён, парализован в своих действиях. Какой-то таинственный паралич сердца, то есть духовного начала в человеке, и сам одержимый освобождается от вины, невиновен.

Когда это начиналось у мамы — раз, я ясно помню, как это было, — мама просила меня: я не хочу кричать, сделай, чтобы я не кричала, прошу тебя, пожалуйста. И это было не раз. Но когда бес овладевает человеком, он уже ничего не может сделать сам, уже не он, а бес в нем действует. А я, окаянный, ничего не понимал, давал снотворные, был нетерпелив, сердился, верил мудрости возвышавшихся над нею. И что еще хуже, что еще усугубляет мое окаянство, что я не вполне верил этой мудрости века сего, и понимал, что это бес, и не делал того, что надо было: от снотворных мама засыпала иногда даже на 12 часов, но часто после этого бес с еще большей силой овладевал мамой после просыпания. Бес сном не изгоняется, только случайно.

Когда бес соблазняет меня, а я подчиняюсь ему — это моя вина. Но в одержимости бес вселяется в человека помимо его воли и против его воли и мучает его, а человек безволен. Об этой одержимости рассказывает Евангелие, таких одержимых исцелял Христос. Из Марии

Магдалины Христос выгнал семь бесов, и она была преданна Ему не меньше, чем апостолы, а может, и больше: не оставила Его и на кресте.

Воспитанность, добродушие, чувствительность, филантропичность, альтруизм — всё это естественное, но с религиозной точки зрения само по себе ничего не стоит. И есть духовная любовь и мудрость — это по благодати. И так же, как при одержимости меня самого уже нет, бес помимо, даже против моей воли занял мое место, так и в духовной любви и мудрости человек отказывается от себя, но добровольно, и не он говорит и действует, но Бог в нем.

Ты знаешь, Господи, что я думал, когда писал это, знаешь мою вину, знаешь мои мысли и о чем прошу Тебя всегда и сейчас так же.

9 мая. В 34 г. у меня тоже было сознание непоправимой ошибки, но мой грех, мое окаянство было не настолько велико, бесконечно велико, как сейчас. К тому же я был вдвое моложе и оставался стержень и порядок жизни. А сейчас его нет, и я исчерпал всю свою любовь, то есть в ней. Должно быть, это нехорошо и бедность моей любви, но что делать сейчас — не знаю.

11 мая. Иногда я прошу Бога помочь мне, чаще же ни о чем не прошу или о маме: чтобы ей было хорошо, а мне плохо. А о себе — чтобы Он казнил меня. Но я не понимаю, как можно просить Его ради себя, чтобы Он простил меня, даже «христианской кончины живота» — то есть только о себе. Ведь это так естественно, что я хочу быть с Ним и даже в аду любил бы Его.

Я не понимаю молитвы о своем спасении: во-первых, я достоин казни, во-вторых, Его Сын Своей кровью искупил мой грех, если я верю в Него, если это деятельная, живая вера. Я прошу, чтобы Он дал мне эту веру, всегда прошу, а осуждение или прощение получу по вере.

Просить же для себя, мне кажется, во-первых, суетно и эгоистично и, во-вторых, нехорошо: как будто прошу, как у человека, протекции, чтобы устроил меня и без веры. Я должен просить не о прощении, а о казни — это и есть покаяние. И еще о вере.

Я прошу, чтобы Он смирил мой дух и сокрушил мое сердце, но просьба о прощении — не есть ли сомнение в бесконечности Его любви? И еще, в конце концов, может, и себялюбие: как грешница, ухватившись за свою луковицу, отгоняю других, в крайнем случае забываю о них и говорю: моя луковка. «Блажен муж, который на содеяние спасения и преспеяние всех взирает как на свое собственное» (Нил Синайский).

Господи, Боже, Ты всё знаешь и знаешь, что мне сейчас нехорошо, потому что я не могу рассказать, что было и как это было, маме, и ты знаешь, Господи, что я не знаю, грех ли это или нет, не то, что было, а моя печаль, и знаешь, почему грех или не грех, и знаешь, что я записал это для Тебя, чтобы всегда помнить Тебя. Да будет воля Твоя.

12 мая. Мне кажется, не вера без дел мертва, а, скорее, любовь без веры мертва. Любовь естественна, и также любовь к Богу. Она станет сверхъестественной, то есть благодатной, по вере, потому что только вера *gratia gratis data*. Закон Божий написан в сердцах людей, и также Он вложил в человека любовь к Себе. Но только вера освящает любовь, даже любовь к Богу. Вера не может быть мертвой, мертвая вера — не вера. А любовь может быть мертвой — без веры. Если есть вера, есть и любовь, она даже не плод веры, а другая сторона ее. Если за центр условно приму себя самого, то центростремительно вера — ε, так как *gratia gratis data*, а любовь — ι: мой ответ и благодарность Богу. Центробежно вера — ι: она уже во мне, как только Бог дал мне ее, а любовь — ε: как мой ответ Богу и людям — деятельная любовь.

Как естественное, любовь всегда со мною, и также к Богу. Поэтому мне и непонятны заботы о спасении своей души, спасение — быть с Ним, то есть любить Его и чтобы Он принял мою любовь. Но не любить Его я не могу, любовь не зависит от моей воли, просто или любишь, или не любишь. Если же люблю и верю в Его любовь, то как я могу просить Его о спасении моей души? Не маловерие ли это? И еще: чтобы не потерять свою душу, ее надо возненавидеть. Тогда о чем просить? В заботах о своей душе часто есть расчет, иногда бессознательный. Затем, материализация Царствия Небесного — Его обители и психологизм: я прошу, чтобы мне было хорошо. Но разве я знаю, что мне хорошо? Из трех: вера, надежда, любовь — апостол Павел говорит: важнее всех любовь. Но разве он говорит о естественной любви? Нет, о любви, освященной верой. Но просить этой любви, кажется, нехорошо и бессмысленно. Апостол Павел говорит, что она останется и тогда, когда мы увидим не гадательно и не через тусклое стекло, но лицом к лицу, и вера тогда станет непосредственным видением, а сейчас не всегда бывает такой. Любовь же, если освящена верой, и у нас уже явная и полное видение. Можно сказать, что любовь, освященная верой, это трансцендентное и одновременно уже полностью имманентное, а вера — трансцендентальное, а *priori* любви по благодати. Вера иногда ослабевает, иногда Бог как бы оставляет меня или {испытывает} искушает, как Авраама, чтобы я стал опытнее в вере, любовь же никогда не оставляет. Поэтому любовь — общий корень и природного,

естественного, и сверхприродного, сверхъестественного, Божьего. Вера же — принцип только сверхприродного, Божьего, и без веры общее основание — любовь разделяется и остается только естественное. Поэтому одного только прошу у Тебя: укрепи меня в вере, дай непрерывную живую веру, непрерывное бодрствование и еще дай мне знак Фомы, и как жало в плоть, и как второй знак, и как ответ на мои недоумения, и как поддержку и подкрепление в вере.

Любовь — основание и реализация и царства природы, и царства Благодати, поэтому общий корень всего Божественного домостроительства от ветхого Адама до нового, и доныне, и навеки. Но без веры, не освященная верой, будет только корнем царства природы, и большей частью эта естественная любовь к некоторым есть безразличие, а часто и ненависть к другим. Но верой Бог благословляет и освящает естественную любовь, и тогда она не плод веры, но сама вера, явная, открывшаяся — моя благодарность Богу за Его дар мне.

Вера — дар, даром получаемый, любовь — благодарность за этот дар, и если вера живая или любовь деятельная, то неотделимо одно от другого. Но мертвая вера — суеверие, а не освященная верой любовь — не деятельная, а природная, даже если и сопровождается деятельной суетой: эгоизм личный, семейный, сословный, национальный, интернациональный или космополитический, в конце концов всё равно — гуманизм.

7 июня. Почему так редко видишь во сне то, что хочешь видеть, вернее так, как хочешь видеть, и видишь так, как не хочешь видеть, хотя бы думал об этом целый день и целые дни? Может, это инстинкт самосохранения — инстинкт моего тела смерти, защищающегося от меня, чтобы сон не стал для меня жизнью, а жизнь — нудным сном? Или наоборот: дух хочет, чтобы душа бодрствовала и не поддавалась наркотическому действию сна?

10 июня. Уже давно я сказал, что в жизни не чувствую себя как дома. Но оставался еще экстенсивно небольшой уголок жизни, бесконечный интенсивно, — мама, где я чувствовал себя как дома. А теперь и дома не чувствую себя как дома. Но ведь так и должно быть для того, кто положил руку на плуг и не оглядывается назад, и чтобы негде было приклонить голову.

17 июня. Сон: мама опять больна, ей очень плохо. Опять не уберегли, думаю я, теперь в ее могиле будет два гроба.

24 июня. Если А, то В, если В, то С... И когда доходят до L, M, N, то бывает, что забывают о первом — А, ради которого строится вся система. Если так бывает в философии и особенно в теологии, то это мертвая система. И у меня сейчас так практически.

1 июля. Поздно вечером мне захотелось есть. Я пошел на кухню поискать чего-либо. Но, придя на кухню, подумал: вот гадина, есть захотел, и уже не хотелось есть.

10 августа. Кладбище. Господи, Господи. Да не усохнет душа моя, на что Тебе усохшая душа? И сейчас, Господи, бывает страшно, как и тогда, и я бегу от страшного. Дай мне силу не бежать от страшного, дай мне постоянное жало в плоть, чтобы всё время жало в плоть, чтобы всегда была та же боль, чтобы не усохла душа моя. И я верю, что не только Тебе, но и ей нужна моя неусохшая душа, чтобы всегда была и мысль, и память, и молитва о ней. Господи, Твоя вечная память не человеческая, и нет в Тебе разделения человеческого, и Твоя вечная память есть вечная жизнь — о чем Ты подумаешь, то и есть, и мне дай частицу Твоей вечной памяти, и я верю, это нужно и ей, и мне, чтобы не усохла душа моя, чтобы я не бежал от страшного, чтобы всегда был страх Божий. В этом Твое милосердие, этим я живу, да не усохнет душа моя.

12 августа. По-прежнему страшно, и виноват, кажется, я сам. Может, это своеволие и гордыня ума. Кьеркегор вышел из церкви, чтобы быть в ситуации одновременности с Христом, а я для этого же хотел бы совершить обратный путь: войти в церковь. Тогда, может быть, был бы покой, и я не терял бы Тебя, как сейчас. И был бы верный внешний критерий для моего мнения и ограничения его. А может, это снова только моя уловка, чтобы оглядываться назад. Оглядывание назад: курение, пустая мысль, чтение часто {ненужных мне} пустых книг, и всё это, чтобы не продумать до конца страшного, когда станет так страшно, что время остановится. Господи, пусть будет еще хуже, еще страшнее и помоги мне, дай знак Фомы.

Должна быть внутренняя пустыня.

15 августа. {Сон.} Я сидел на кровати рядом с мамой, обняв ее. Мы оба не знали еще, что случилось. Потом звонок — пришла дачная хозяйка узнать, поедem ли мы в этом году на дачу. Я сказал: не поедem, мама больна. И вдруг, как молния с неба: не больна, умерла.

27 августа. По слуху только я слышал о Тебе; ныне же око мое увидело Тебя. Поэтому я отрицаюсь и раскаиваюсь на прахе и пепле. — Когда око Иова увидело Бога? Когда он возроптал на Бога. А друзья его так и не увидели Бога, Бог осудил их и простил только за молитвы Иова. Иов пошел против Bestehendes, против принятого, установленного благочестия, он боролся с тем, что установил Бог, и тогда он увидел Бога. Как и Иаков, он боролся с Богом, тогда увидел Его и, увидев, смирился. Вчера утром я читал Иова, ночью понял свой грех. Уже больше 10 месяцев, как я потерял вкус к жизни, и удовольствие мне не удовольствие, и радость — не радость. Я почти умер для жизни и мира. Теперь я ищу причину моего умирания. Непосредственная причина, causa efficiens — мама. Но ведь сама causa efficiens вызвана Тобою, Ты убрал от меня маму, Ты — causa finalis. Да, верно, жизнь потеряла свой вкус для меня, потому что ее нет сейчас со мною. Если я и ропщу, то ведь не на то, что Ты убрал ее от меня, а на затмение, которое нашло на меня в октябре, которое Ты послал мне за мое окаянство, за мою бесконечную вину перед ней. Ради кого я почти умер для жизни? Не ради Тебя, потому что жизнь потеряла вкус для меня с тех пор, как ее не стало. Но в результате я приблизился к Тебе, потому что остался один. Поэтому я не нахожу греха в том, что не ради Тебя, а из-за нее я почти умер для жизни. Ты так направил, Твои пути неисповедимы. Как при жизни она вела меня к Тебе, так и сейчас, когда Ты взял ее к Себе, она по-прежнему ведет меня к Тебе, через нее огненным мечом Ты ведешь меня к Себе.

Я продолжаю искать свой грех. Отчаялся ли я, разуверился, потерял ли надежду? Да, отчаялся, разуверился, потерял надежду. В чем отчаялся, в чем разуверился? В том, что я сам, или какой-либо другой человек, или какое-либо событие в моей жизни сможет мне дать радость или хотя бы удовлетворение, которое сейчас же не омрачится горем, не перестанет быть радостью или удовлетворением. Да, я потерял надежду, я не надеюсь. На кого? На себя и на других людей. Но на Тебя я надеюсь, вся моя надежда на Тебя, только на Тебя. Значит, и не здесь мой грех.

Я задавал глупые вопросы, я противопоставлял ее Тебе, я говорил: вот слева стоит она, справа Христос, я пойду налево. Да, это глупо, но грех ли это? Было бы лучше, если бы я сказал: пойду направо? Не осудил бы Ты меня тогда, как осудил друзей Иова? Есть естественная любовь и есть ноуменальная. Естественная любовь может быть грешной, но не ноуменальная, ноуменальная всегда свята, и грех ее забыть или отказаться от нее, это всё равно что отказаться от Тебя. Я глупо выразился, создав дилемму, но ведь я только человек.

И всё же все эти вопросы — ропот. Я, горшок в руках горшечника, спорил с Тобой, противился Тебе, шел против Тебя. Но, идя против Тебя, не приближался ли тем самым к Тебе? Не приближал ли Ты всё время меня к Себе, именно тогда, когда я шел против Тебя? Тогда и это не

грех: Ты восстанавливал меня против Себя, чтобы я шел к Тебе, Ты отдалял меня, чтобы приблизить. Чтобы я любил Тебя всем сердцем своим, всей душой, всем разумением своим.

И всё же я виноват. Я глубоко чувствую свой грех, свое окаянство, вижу множество своих грехов — проявление коренного своего окаянства, а сам грех снова неясен, скрыт от меня. Помоги, Господи, чтобы я мог сказать так же чистосердечно и глубоко, как Иов: по слуху только я слышал о Тебе; ныне же око мое увидело Тебя. Поэтому я отрицаюсь и раскаиваюсь на прахе и пепле.

28 августа. Снова возвращаюсь к тому же самому. Может ли быть личное бессмертие без сохранения личной, ноуменальной любви к конечному ты? Может ли быть индивидуальность {личность} или самосознание без отношения к конечному ты? В вечной жизни может ли не быть самосознания, хотя бы и в неизвестной нам форме? Конечно, здесь можно предположить всё что угодно, можно рассуждать и так: у Адама была возможность вечной жизни без самосознания. Тогда Бог создал ему соответственного помощника и допустил падение Адама, чтобы он получил самосознание. Получив же самосознание, Адам уже не нуждается в соответственном помощнике, теперь у него один помощник — Бог. Но не будет ли это рассуждение слишком человеческим, причем эгоистически-человеческим? Не противоречит ли апостолу Иоанну: любите друг друга? Не противоречит ли и другим Евангелиям, и апостолу Павлу, и второй заповеди, на которой основаны Закон и Пророки? Не противоречит ли даже катег[орическому] императиву Канта в его лучшей формулировке: относиться к каждому человеку как к самоцели, а не как к средству? Если и мой соответственный помощник был только путем к Тебе, то не станет ли для меня только средством? И верно ли, что он только путь к Тебе, не был ли, скорее, он моим Ангелом-хранителем, огненным мечом, и сейчас направляющим меня к Тебе? И не были ли мы именно в нашей ноуменальной любви вместе в Тебе? И не есть ли вечная жизнь общение святых, то есть ноуменальное общение конечных ты в Твоем Царствии, в Святом Духе, в Тебе и с Тобою?

И еще: Иоанн Креститель и Сын Твой начали свою проповедь словами: Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное. Я грешник, бесконечно грешен и прежде всего перед Тобою. Но если я скажу: я грешен только перед Тобою, перед людьми не грешен, не будет ли это лицемерием и гордыней? И если я грешен перед Тобою, прежде всего перед Тобою, то не значит ли это, что я грешен и перед каждым моим ближним? Не в том смысле, что я грешен перед ближними моими, а потому и перед Тобою, это тоже верно, каждый мой грех перед ближним — грех перед Тобою, но главное — я грешен перед Тобою, а

потому и перед моим ближним, и каждый мой грех, совершенный ближнему, грех перед Тобою. Но могу ли я исключить совсем или отдалить от Тебя мой грех перед ближним? Но тогда и покаяние прежде всего перед Тобою, но ведь и Ты простишь мне прегрешения мои, если и я прощу должникам моим. Но если есть должники у меня среди моих ближних, то неужели и я не являюсь должником моих ближних? В покаянии я переживаю свой личный грех не только перед Тобою, но и перед моими ближними, вернее, и перед Тобою, и в Тебе я каюсь перед моими ближними.

И также: каясь перед моими ближними, я каюсь и перед Тобою, и в Тебе, иначе это естественное, а не благодатное покаяние. И не есть ли это покаяние и мысль о моем грехе к ближнему, живому или умершему, когда это покаяние и мысль ноуменальные, экзистенциальные, — покаяние перед Тобою и мысль о Тебе? И обратно: могу ли я из мысли о Тебе исключить из Тебя общение святых? И еще: я виноват перед Тобою, прежде всего перед Тобою, бесконечно перед Тобою. Но не значит ли это, что в этой первой вине нераздельно скрыта и вторая — перед моим ближним? Ведь пока Ты не создал Адаму соответственного помощника, он был безгрешен. И еще: не легче ли смириться перед Тобою, чем перед своим ближним? И не есть ли покаяние и смирение только перед Тобою — скрытая гордыня? И не станет ли покаяние и смирение лицемерием без личного ощущения греха и вины, то есть ощущения вины перед определенным человеком? Может ли быть у конечного, сотворенного *я* личное ощущение греха и вины без ощущения греха и вины перед конечным же *ты*? Первый грех перед Тобою, но в этом первом и главном грехе и второй — перед *ты*, и без ощущения первого греха покаяние во втором — естественное, сентиментальное и безблагодатное, но без ощущения второго греха нет и ощущения первого, основного, это уже какое-то абстрактное, не индивидуальное покаяние, покаяние в своей глупости, но не в своем падении, низости и искажении Твоего образа и подобия. Ощущение *ты* и моего греха перед *ты* — индивидуализация моего покаяния перед Тобою. Но не покайся я не вступлю в Твое Царствие.

Я не знаю вечной жизни. Я только предчувствую ее, иногда касаюсь, иногда даже, так мне кажется, уже сейчас причастен ей, а чаще только ожидаю ее и еще чаще боюсь потерять ее, так как погряз в своем окаянстве, и надеюсь только на моего Искупителя, на Сына Твоего Единородного. Я не знаю, в каких формах она придет, я ничего не знаю о том, что будет, но я знаю, мне кажется, что я знаю, сейчас, если я забуду мое ноуменальное *ты*, если забуду жало в плоть, которое Ты мне дал, я потеряю и Тебя, я стану еще худшим грешником, фарисеем и лицемером.

Первый первородный грех — перед Тобою, но в нем же или от него второй — перед ближним, и это как второй знак — знак Фомы. Для Ангела он, может, и не нужен, достаточно и первого, а для падшего человека нужен. До падения — естественно-сверхъестественное. После падения добавляется к естественно-сверхъестественному — сверхъестественная благодать, к первому знаку — второй, к отношению к Богу — отношению к ближнему. Поэтому — вечная память о ближнем, когда он умер, и до смерти боль и жало в плоть.

Вчера я снова читал Исаака Сирианова. У него есть хорошие места, он сам хороший и старается всем помочь; и мне помог, и я благодарю его и Тебя, что Ты дал мне понять его. И всё же у меня есть некоторые возражения ему. Иногда, читая его, я забывал, что он христианин, так мог написать и Платон, и веддист или брахманист, и многие другие языческие мудрецы. Мне кажется, он слишком возвышает созерцание над покаянием, грех часто понимает не как мое полное падение, но, скорее, как глупость, или незнание, или плотский соблазн. Такое возвышение созерцания над покаянием не поведет ли к гордыне? Конечно, и он предостерегает от гордыни, и иногда очень хорошо, говорит и о благодати, и о том, что созерцание дает мне только Бог, но всё же мне дает. Он часто предупреждает, чтобы я не гордился тем, что Бог дал мне созерцание Себя, но без постоянного ощущения своего греха не проскользнет ли всё же незаметно гордыня? Он добр, может, даже слишком добр — апостол Павел умел быть не только добрым, но и суровым, — и всё же Исаак ставит созерцание выше любви.

Недавно я читал статью Бультмана о Павле. Сирианов, может, и преувеличивает значение созерцания, может, в чем и ошибается, но у него живая вера и добро, а у Бультмана больше ум и всё же не полный. Прочитав Бультмана, я больше благодарен апостолу Павлу, чем Бультману, потому что он вряд ли и думал обо мне или о каком-либо другом грешнике, когда писал об апостоле Павле. А Исаак Сирианов, когда писал, думал и обо мне, и я всё время благодарю его и Тебя, что Ты мне помог. Помоги, Господи.

Мф. 25:45. ...Тогда скажет им в ответ: истинно говорю вам: поелико вы не сделали сего одному из сих меньших, то не сделали Мне. Не скажет ли Он также: Я умер, и вы забыли Меня, потому что забыли одного из меньших Моих, когда он умер. Бог никогда, ничего и никого не забывает.

1 сентября. Господи, вот я жил, и сейчас еще как будто бы живу, и сколько было, сколько было лишних, ненужных встреч, и ненужных связей, и ненужных событий, и ненужных действий с моей стороны, кроме нескольких ноуменальных связей и прежде всего моей единственной ноуменальной любви. И всю жизнь сколько неудобств физических и духовных, которых я мог избежать, и почти всегда я не чувствовал себя в жизни как дома, кроме как с мамой, а сейчас и этого нет, и негде приклонить голову. И несмотря на всю мою глупость, на всю чушь моей жизни, я чувствую всё время и всегда чувствовал Твое руководство. И это страх Божий, Твой страх, всегда я перед Тобою, Господи, всегда Ты руководишь мною, несмотря на мою жестокость, на упорство, с которым я противостою Тебе, прости меня, Господи, прости мое окаянство, дай силу жить, дай силу веры, трудно мне очень сейчас, помоги мне, Господи.

8 сентября. Иногда, слишком часто и уже давно, я ощущаю себя как какое-то нулевое состояние, как 0 между — ∞ вечного осуждения и + ∞ вечной жизни, и этот 0 есть тоже, может быть, одна из форм — ∞ : горе вам, что вы не горячие и не холодные, а теплые. Раз я написал: я мучаюсь оттого, что не мучаюсь, и это еще сильнее, чем простое мучение, — тоска по Царствию Небесному, а сейчас тем более.

Необходимо ли включает в себя живая вера в Бога и в искупительную жертву Христа также и веру в мою призванность, а не только званность? Можно ли отделить веру в Христа и Его бесконечную любовь и в то, что Он сказал «дабы всякий верующий в Него не погиб, а имел жизнь вечную», — от веры, что и меня Он принял от века в жизнь вечную?

Верую, Господи, помоги моему неверию.

9 сентября. Уже очень давно у меня бывают состояния сомнения относительно себя самого, своей отверженности: мне кажется, что именно мне дано что-то знать, чего не знают другие, дано знание какого-то блага, но вкусить его мне не дано. Не то чтобы я знал его рассудочно, оно открывалось мне непосредственно, и нередко я и вкушал его, и Ты был со мною, и всё же мне казалось, что полного вкушения — вечной жизни — я не удостоен. Это не связано с моей греховностью или окаянством, или, скорее, это и есть моя греховность и мое окаянство, моя пустота. И в то же время непосредственно в этом я не виноват, это не зависит от меня: кто-то должен сообщить, но сообщивший уже непричастен к тому, что сообщит. Мне казалось — в этом вся моя философия, — что я больше или лучше других понял

Благую весть о Царствии Небесном, но именно это понимание помимо моей воли изгнало меня из Царствия Небесного. Не вообще это понимание изгоняет из Царствия Небесного, наоборот, оно приводит, но тот, кто первый поймет и сообщит, тот потеряет реальную связь с Ним — вкушение, причастие, — а других приведет к Нему. Первый понявший глубже Благовую весть извержен, может, это греховность древа познания, но извержение или отвержение относится только к первому, кто поймет; потому что само это понимание — благо, так как понимание Благой вести. Первый понявший — жертва. Это ощущение отверженности или изверженности было у меня чуть ли не с детства, и несмотря на то, что до войны у меня были дружеские ноуменальные отношения, какие редко у кого бывают, но и с ними — Л., В., Х., О. — у меня бывали иногда ощущения отделенности и от них. Вот это ощущение отделенности, неоткрытости другим, несмотря на глубочайшее желание открыться (добавление к «Чем я противен»), непричастности к «общению святых», и есть моя практическая отверженность — следствие онтологической отверженности. Может, для того чтобы увидеть, надо быть не только внутри, но и вне, и я чаще и больше вне. А может, это просто гордыня. И единственное мое утешение — моя ноуменальная любовь к маме. Здесь я был не вне, а внутри, и Ты был между нами и с нами. Помоги мне, Господи, сейчас очень трудно мне без нее, совсем я отвержен, помоги, Господи.

Это бедность моей любви. В моей единственной ноуменальной любви через нее Ты заполнял Собою мою пустоту и нищету. Заполни Собою, Господи, сейчас мою пустоту, сейчас, когда я потерял возможность прежней деятельной любви, а для новой уже нет сил, в той я истощил всю свою любовь. Я знаю, это грех, это бедность моей любви, прости меня, Господи, заполни Собою мою пустоту.

10 сентября. Причина, или корень, моей отверженности в том, что я думаю. Вот у меня какое-то состояние. Я не могу долго оставаться в нем, потому что начинаю его исследовать-обдумывать. Тогда я уже не в нем, а вне его, и его уже нет. В результате исследования (например, Л, Р, П, Т), мне кажется, нет погрешности, кроме разве небольшой; может, я не так подхожу к ним, может, в самом подходе есть некоторая нечистота или неглубина? Сказывается ли в результатах? Я не говорю уже о других моих грехах, я говорю только о корне моей отверженности. А корень в том, что я не могу остаться внутри и вкушать, потому что меня тянет увидеть извне и понять, и вот я вне. Но не к этому ли Ты и предназначил меня и избрал меня, и пристойно ли мне, горшку в руках горшечника, спорить с Тобою, на какие нужды Ты меня предназначил и изверг, чтобы я был больше вне, чем внутри? Я не оправдываюсь, я знаю свои грехи, свою окаянность, свою вину и перед

нею, и перед Тобою, я говорю только о корне моей отверженности, о моем несчастье — о невозможности остаться внутри, о том, как я всё время извергаюсь вон, вовне, и от этого же невозможность мне открыться другим и Лиде, и в своем открывании я извергаюсь вовне открывания, кроме моей единственной ноуменальной любви, которую Ты дал мне. Но и там я недостаточно открылся, сколько ноуменального не сделал явным, и как каюсь сейчас.

Может, я и ошибаюсь, может, это извержение вон и есть мое окаянство, но не есть ли и это извержение вон — мое предназначение, не предназначил ли Ты меня к этому, ведь я не могу не думать и думаю о Тебе же, и уже не я, а Ты субъект моей мысли, а я извергнут вон. Я не оправдываюсь, я только ищу корень своей отверженности — извержения вон, и сейчас, когда я много раз в день, каждый день вспоминаю ее — с ней я был внутри, — я думаю, что мне делать, как оставаться внутри без нее и не быть изверженным вон. Помоги, Господи.

Кладбище. Я шел и думал, и не я думал, а думалось, и я был не вне, а внутри. Я был под Твоим руководством и в Твоем руководстве. И я видел, что это было всегда, от первых дней, как я помню. И еще я думал: как мудро Ты устроил. Предположим, можно было бы доказать: нет случая, всё — Твое Провидение. Но ведь доказательство Провидения детерминировало бы его: доказанное детерминировано. Но ведь и опровергнуть его тоже нельзя. Ты оставил мне абсолютную свободу увидеть Твое Провидение, Твое предопределение от века, абсолютную свободу принять его. Но, и не приняв Тебя, я принимаю Тебя: извергнутый вовне, в свободу выбора, я скован его необходимостью, раб греха, но Ты по-прежнему ведешь меня и извергаешь, чтобы вразумить и принять. Ведь свобода выбора — двойное рабство: рабство мотива и детерминизм формы выбора, тогда определено Тобою же — как будто бы свободно, по моим прихотям, на самом же деле Тобою против моей воли. Потому что в грехе моя воля — не принять Твое руководство, в грехе я иду против Тебя, свободно выбираю, Ты же, оставляя мне до времени верить в мою мнимую свободу выбора, руководишь мною по-Своему, а не по-моему, пока я не пойму свою ложь и уже абсолютно свободно буду исполнять Твою волю. Твоя воля станет моей.

И еще: когда я шел и был внутри и сейчас внутри, я видел и вижу, что Твое Провидение ведет к вечной жизни, что есть онтологическая экзистенциальная связь между Тобою как Сущим, Твоим Провидением и моим что, которое есть что как ничто, и вот эта онтологическая личная связь между Тобою и мною — Твоим творением по образу и подобию Твоему — и есть вечная жизнь. Сохрани меня, Господи, в Твоей Радости, Радости Господина моего, да будет воля Твоя.

11 сентября. И еще Твоя мудрость в том, что ей нельзя научиться от людей, только Ты Сам можешь научить. Предположим, я скажу или пойму: да, что бы я ни делал, Ты делаешь, и моя свобода выбора — мнимая свобода, и если временно я и достигаю цели, которую сам себе ставлю, то ведь и это в лучшем случае не всегда и не так часто бывает, а в конце концов я всё равно умру, и до этого еще умрут мои близкие, и дело моих рук, которое я сам выполнял во имя мое, а не Твое, Ты всё равно разрушишь; если я пойму это сам, своим умом и сам, своим умом скажу: да, всё, что я сам делаю, напрасно, откажусь от свободы выбора, приму Твою волю, — если я сам решу это, всё равно я сам не буду знать, как отказаться от свободы выбора, без Тебя это всегда будет только свободным выбором отречения от свободного выбора, то есть снова свобода выбора, пока Ты не дашь мне свою благодать — *gratia gratis data* — благодать абсолютной свободы исполнять Твою волю.

7 октября. Кладбище. Я жил как в скорлупе, заключен в скорлупу. Я думал: это жизнь, но я натыкался на скорлупу, на стену, меня заключавшую, как слепой котенок тыкался я носом в стену. Кругом была тьма, я жил как в Шеоле. И внезапно скорлупа прорвалась, Ты прорвал ее, Господи, Ты со мною. Благословенно имя Твое Святое, благословен Ты, Господи.

Это стало сразу, ведь я и не думал ехать сегодня на кладбище и вдруг решил. Не я решил, вышло, Ты решил и вдруг посетил меня на кладбище, стал рядом со мною, взял меня в Себя, в Радость Твою, Радость Господина моего.

Господи, дай мне сохранить Твою Радость, сохрани меня в Твоей Радости, сам я не могу сохранить ее. Господи, очисти меня от моей скверны, освободи от окаянства, удержи в Своей Радости.

Сохрани меня в Твоей Радости, очисти от скверны, меня разъедающей.

Я думал: вот пустота, снова пустота, снова живу в пустоте, ничего не буду делать, ничего не буду думать, умру при жизни, буду как умерший, и Ты Сам посетил меня. Сам заполнил Собою пустоту мою. Благословенно имя Твое Святое, благословен Ты, Господи.

9 октября. Сны сегодня ночью.

Я с папой куда-то еду. Как нудно, думаю я, а потом ведь придется назад ехать, и уже как будто один еду... (Многоточия — забытый переход к другому сну.)

...Я возвращаюсь с мамой, и вдруг мы видим Мишу с Надей. Он уезжал, вернулся и пошел навстречу маме, мама обрадовалась, обнимает его...

...Мама куда-то ушла, в комнате я и Лида, потом мама вернулась. Мама мне: ты умер. Я: да. Я не знал еще, что случилось, но была такая же тяжесть, боль и жало в плоть, как и сейчас наяву — то же чувство, но без знания его причины, ведь я не знал, что мама умерла, и она же говорит мне то, что я сейчас чувствую и ощущаю.

...Три розы без стеблей: две из них полувядавшие, одна начинает вянуть. Я думаю: налью в ванну воды, пущу их плавать, может, еще оживут, хотя бы одна из них...

Утром я подумал, что три розы без стеблей — это папа, Надя и мама.

Внутренняя жизнь человека, и душевная, и интеллектуальная, и духовная, выражается с помощью знаков, которые что-либо обозначают; символичность, а не непосредственность языка, науки, философии, искусства, теологии. Формы выражения, то есть сами символы и их соединение — строй символики, — меняются, быстрее всего в искусстве, медленнее в науке и философии, так же и в теологии: сейчас о двух природах Христа, о Троице мы говорим иначе, чем в IV веке. Вера непосредственна, но выражение веры, например в молитве, тоже символично, если это не чисто мистическое созерцание или молитва без слов. Меняется ли строй символов веры, то есть наиболее непосредственная форма ее выражения? Или символы веры инвариантны? Если инвариантно отношение «я — ты» и символизация этого отношения, то так же и отношения «я — Ты» и «не я, но Ты». Может, единственное, что не меняется в жизни, — это два отношения: я — ты и я — Ты и еще третье: я — я через ты и Ты, то есть: я — ты — я и я — Ты — я. Символизация этих отношений наиболее непосредственная, то есть в самой глубине **я**: ноуменальная любовь и ноуменальная вера. Поэтому псалмы современны и сейчас.

10 октября. 7-го вечером, когда пришли Ст[ерлиговы], еще сохранялась Радость, и в начале разговора у меня было какое-то ощущение мирного согласия с тем, что говорил Ст[ерлигов], хотя я и не

согласен был с его пониманием молитвы, или, скорее, соборности, и даже не пониманием, а отношением к ней. Я просто не мог возражать, не мог спорить, я всё принимал, всё хорошо. А потом суета, и не суета сама по себе — суета для меня, и я снова потерял свой мир — не Мир, а мир. Вернувшись домой 7-го, я подумал: это не экзальтация, это руководство, руководство прочно. Может, уже эта мысль была некоторым сомнением или извержением вовне, желанием не только быть внутри, но и видеть извне? А сейчас уже ничего не думаю, ничего не знаю, помощи, Господи.

11 октября. Воскресение ~ 13.X. 52 недели тому назад в воскресенье у меня еще оставалась надежда, что чаша сия минует меня. Это была вялая надежда без веры, окаянное маловерие, затмение, Bestehendes. Я жил в Bestehendem, поэтому чаша не миновала меня. Последняя чашка чая. И даже когда она выпила эту чашку чая, я не понимал в своем окаянстве, что надо сделать сверхчеловеческое усилие, то есть сделать невозможное, что, может, еще не поздно — совершить невозможное. Я закоренел в своем окаянстве, в возможном. Возможное, Bestehendes поглотило меня, маловерие, то есть фальшивая вера, хуже безверия.

15 октября. Если я должен сораспяться Христу, то, во-первых, Страсти Господни и Евхаристия должны стать для меня личным и, во-вторых, снизу вверх: в себе самом я должен найти, увидеть и почувствовать свою рану и отождествить ее с раной, в которую Фома хотел вложить перст свой. Живая вера сразу и сверху вниз и снизу вверх: Страсти Господни — мои страсти, и в моих я нашел Страсти Господни. Поэтому эта неделя для меня страстная. Но если личное, самое личное останется вне веры, то вера мертвая. И снова те же вопросы: отвергнуть ли всё личное? И если отвергнуть, то останется ли живая, личная вера? Если же я что как ничто, и отвергнуть всякое конечное что, и индивидуально само отвержение, то не останется никакого интенционального отношения. Но разве вполне ноуменальное отношение, ноуменальная любовь интенциональна? И конечное ты — не предмет и не объект отношения, но именно ты, сотворенное Тобою по образу и подобию Твоему. Может, оно и возникает, и существует через Тебя и в Тебе или Ты через ноуменальное конечное ты определяешь и мое личное, ноуменальное отношение к Тебе?

Не отвергается всё личное, если оно переносится на Тебя, к Тебе не менее личное отношение, и не станет оно безличным, если будет

только к Тебе. Но также: где двое или трое собраны во имя Твое, там будешь и Ты. Помоги мне, Господи, в эту мою Страстную неделю, дай знак Фомы.

16 октября. {Сон.} Мама лежит на столе, живая или нет, я не могу понять. Ее накрывают с головою простыней и еще серым холстом, который плотно подтыкают под нее. Если бы еще только простыней, думаю я, а так ведь может задохнуться. Холст движется — это мама глубоко вздохнула. Я не могу понять: если она умерла, то это не имеет значения, а если не умерла? Надо что-то сделать, что-то сказать, но я ничего не могу сказать, весь сосредоточился, упорно думаю. Уже просыпаясь, я понял: ничего не надо говорить, я сам разверну холст.

17 октября. С самого утра, а сейчас уже три часа дня, какое-то парение ума и мысли, мечтание. Мысли иногда хорошие, иногда нехорошие, но без всякого разбора и контроля, иногда умные, иногда глупые толпятся во мне, мешают думать, быть с Тобою. Как будто бы кому-то другому, а не мне всё равно чем заполнить мой ум, только бы заполнить, и он заполняет. Какое-то бесовское горение ума, и, хотя плохих мыслей, кажется, нет, а иногда неглупые, всё же они закрывают меня от себя и от Тебя. Как будто уже кончилась моя Страстная неделя. Пусть она не кончится до самой смерти, помоги, Господи.

Я говорил: я сам должен отвергнуть себя. Во-первых, в четвертом выборе через ноуменальное отношение к ты я отвергаю себя. Но кто этот я? Тождествен ли мне самому? Чистый я сам — полюс интенционального отношения, само начало интенциональности, но так же сам свободный выбор. Но не Ты ли между я и ты, тогда Ты даешь мне силу отвергнуть себя, принять Тебя. Всё же я отвергаю, хотя бы в простом приятии, в акте абсолютной свободы. В каком отношении я абсолютной свободы и я сам свободного выбора? И во-вторых. «Сам» пугает меня, ведь может быть отречение от себя самого и в свободном выборе невыбора. Тогда это снова выбор, только формальный, что еще хуже: в вычищенное помещение бес возвращается и приводит с собою семь злейших бесов. И последнее для человека бывает хуже, чем первое.

Кто же я — я, любящий маму, я, любящий Тебя? Для меня это один я, я с постоянным жалом в плоть, любящий Тебя. И я грешник, противящийся Тебе, жестоковыйный, окаянный, тот же, любящий Тебя. Но любовь к маме, верность ей — что это: моя жестоковыйность или

именно вера Тебе и любовь к Тебе? Мой ответ и желание Ты знаешь, помоги, Господи.

18 октября. Пусть будет мне жало в плоть до самой смерти, пусть моя Страстная неделя не кончится до последних моих дней, и пусть Воскресением моей Страстной недели будет мой последний день и воскресение к жизни вечной, если Ты дашь мне ее. Но прежде: все ее прегрешения вольные и невольные, Ты знаешь, на мне, и пусть будет ей хорошо. И просвети Лиду, помоги ей, и также Мише, и также всем, и мне, окаянному, пусть сильнее будет жало в плоть, и пусть продолжается моя Страстная неделя до последнего дня. Укрепи меня, Господи, в боли и в вере, дай знак Фомы.

19 октября. Кладбище. Господи, Боже мой, всё принимаю, всё принимаю с радостью, и боль, и жало в плоть, и физические боли, всё хорошо. Господи, пусть будет и ей хорошо, дай ей место в Царствии Твоем, пусть она будет в Радости Твоей, как и я, Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, как Ты был всегда между мною и ею, вместе с нами, так будь и дальше. И продли мою Страстную неделю до последнего моего дня, до воскресения в Тебе, чтобы она и я были в Твоем Воскресении. И помоги Л., и М., и всем, и мне, окаянному, поддержи меня сейчас, когда у меня нет земной поддержки и мне не на кого надеяться, кроме как на Тебя. Господи, усиль мою веру, дай силу веры в боли, дай знак Фомы, сохрани меня в Радости Твоей, Радости Господина моего, помоги нам, Господи.

И за нее, Господи, прошу Тебя, и ее прегрешения вольные и невольные, Ты знаешь, Господи, на мне. И ей дай место в Царствии Твоем и примири их там. Помоги нам, Господи, дай силу Твою в боли и в вере.

20 октября. Есть два состояния: Р — это радость, переливающая через край, одна только радость и еще радость-страдание, радость и меч, пронзающий душу, рана, в которую я вкладываю перст мой, — Твоя и моя рана. В обоих случаях дистанция между мною и Богом сокращается до нуля, но в первом случае я, скорее, в Нем, а во втором — Он рядом со мною, и здесь отношение грешника к его Искупителю и Твое руководство. Я рассуждаю сейчас как бы извне, и всё же я внутри, в Твоем руководстве. Не извергни меня вон, Господи, сохрани меня в моей Страстной неделе, в радости-страдании.

20 октября. Бывает, что человек слицемерит, чтобы покрасоваться. А я в мыслях сделал наоборот, то есть слицемерил наоборот. Даже не я это сделал, сделалось, я не знаю как. И стало так нехорошо, как давно не было, никогда не было, и мне казалось, что я схожу с ума. И я сказал: оставил Ты меня, нет Тебя снова, совсем нет. И стало как чудо, Ты снова здесь со мною. Когда я вспоминаю, что было 10 минут тому назад, я не понимаю ни того, что было, ни того, что стало. Было так плохо, что хуже не могло уж быть, я подумал такое, что и повторять не хочу. Не я подумал, подумалось, бес шепнул, а я испугался, отчаялся, и стало совсем плохо. Потом просил помощи и получил, почти сразу получил. Это было чудо. Я очень испугался, когда мелькнула не моя мысль, не я подумал, а она сама пришла, и мне показалось, что я схожу с ума. Потому что сойти с ума — это то же, что потерять Бога, то есть когда Он оставит. Я просил помощи и получил. Это было чудо. Не оставь меня, Господи.

22 октября. Снова напишу, что было вчера. Было нехорошо, в особенности к вечеру. А полпервого я пошел на кухню, и вдруг мне пришла на ум не моя мысль. Не я подумал, а именно пришла не моя мысль, ничего подобного я никогда не думал. И я стал не я, не моя мысль вытеснила меня. Я страшно испугался, я не стал что как ничто, а просто ничто, ничто второе, само ничто, так как Бог меня оставил, совсем оставил, Бога не было. Я решил, что я схожу с ума, потому что, когда Бог совсем оставляет человека, он сходит с ума. Я подумал: больше ни слова не напишу, ничего не буду говорить, кроме самого необходимого, о настоящем не буду говорить, потому что я потерял его, его нет, ничего не осталось. И я стал молиться, уже ничего не зная, не понимая, в полном сокрушении. И почти сразу же стало как чудо, свершилось чудо: я ясно почувствовал, как Он снова стал рядом со мною и *вынул из меня, убрал из моего ума не мою мысль. Да святится имя Твое, Господи, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя и на земле, как и на небе.*

23 октября. Ночью, после того как Ты убрал не мою мысль, я думал, я просил: казни меня, и вот получил казнь; я говорил: я готов быть и отлученным от Тебя ради мамы, и вот отлучен. И это было так страшно, что казалось, я схожу с ума. Чего же я хочу, чего прошу? Казалось, получил просимое — самую большую казнь — и десяти минут не вытерпел, просил освободить меня от нее, и Ты освободил.

Ты оставлял меня за мое окаянство, когда же я начинал бояться, что Ты совсем оставил меня, Ты возвращался — Ты не хочешь смерти грешника. Но тогда было другое: я не боялся, что Ты совсем оставишь меня, но Ты совсем оставил меня, вера не от меня, непреодолима, дар Твой, и Ты убрал ее от меня, я перестал быть я, не моя мысль вытеснила меня. Потеряв Тебя, я потерял себя, в ужасе я стал просить маму, просить Сына Твоего Единородного помочь мне, и когда стал читать «Отче наш», еще не дошел, кажется, до третьей просьбы, как Ты явился и убрал не мою мысль.

Когда Ты совсем оставил меня, убрал свой дар, я стал молиться: значит, Ты не совсем оставил меня, не совсем убрал дар Свой? Потеряв веру, я стал молиться. Значит, я не верил, что потерял веру? Я боялся, что потерял веру, но оставалась надежда на Тебя? {Нет, никакой надежды не было, никакой веры. Была только вера, которая не верит, — в этом ее сила.} Значит, я всё же верил Тебе, верил, что нельзя потерять веру, *хотя ее уже не было*, верил против всякой очевидности, верил, что Ты вблизи сокрушенного сердцем и не уберешь совсем дар Твой? {Нет, и этого не было.} Я не верил, ничему не верил, и всё же верил.

Я потерял тогда всякую человеческую надежду, была полная безнадежность, полная безысходность, и тогда Ты пришел.

Когда Ты убрал от меня дар Твой, когда я потерял его на десять минут, меньше чем на десять минут, стало так, как будто я потерял себя, я перестал быть я. Но ведь я и должен, и хочу отречься от себя. Но здесь было не то. И я понял: я — я от Тебя, без Тебя я — не я, а я сам, и «я сам» вынести человеку невозможно. Отрекаюсь же от себя не я сам, а я, тождественный себе самому, я, который есть я, тождественный себе, я абсолютной свободы, тождественный я свободы выбора. Потому что совершает это не часть меня, а я в целом, и я абсолютной свободы есть я абсолютной свободы, тождественный я свободы выбора. И в этом тождестве я свободы выбора, то есть я сам, стало ничем, а я — уже в Тебе, я — что как ничто и Твоя воля уже моя воля. Без этого же отождествления не я, а я сам устранию себя в выборе невыбора, и это формальное утверждение себя самого, а не устранение, не что как ничто, а второе ничто. Всё это я ощутил меньше чем за 10 минут: дар, который я имею от Тебя, — дар лица, то есть личности, потеря этого дара — бесовская безличность в не моей мысли, смрад греха в свободе выбора, в жизни, вернее в смерти без Тебя, в «я сам». Казни меня, Господи, казни еще больше, но дай силу веры, силу выдержать жизнь, не извергни меня совсем вон.

24 октября. Потеря блага еще больше убеждает в его ценности, если это не прихоть, а истинное благо, и я чувствую это уже второй год.

Возвращение же утерянного хотя бы на 10 минут блага снова подтверждает его реальность. И хотя я и раньше, до не моей мысли, не сомневался, кажется, никогда в его реальности, сейчас я увидел как бы некоторую другую сторону реальности. Не только в чистой мысли, в боли и в бдении Ты со мной, но и когда оставляешь меня и казнишь, я еще чувствую Твою руку, поддерживающую и направляющую меня. Но когда мною овладела не моя мысль — что это было? Какое-то адское раздвоение: не моя мысль изгнала меня, кто же мучился и просил помощи? Казни меня, Господи, но не извергни меня совсем вон, вовне.

28 октября. Вина моя, грех мой перед Тобою. Но Ты даешь мне понять ее как вину перед другим человеком — моим ближним, тогда это вина перед моим ближним и покаяние — его и моя реализация в Тебе. Что Ты думаешь, то и есть, и понимание, которое Ты даешь, не только понимание, но бытие. В отношении я — Ты я — грех и каюсь перед Тобою, а Ты перенес мой грех, мою вину на отношение я — ты, тогда я виноват перед моим ближним, каюсь перед ним, виноват за всех. «Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой». Это ноуменальное включение каждого в Твое домостроительство: я иду к Тебе принести Тебе свой дар, но Ты не принимаешь меня, пока я не принесу свой дар ближнему моему. Ты принимаешь меня через моего ближнего. Я иду к Тебе, но Ты не принимаешь меня, если я по дороге не захвачу с собой моего ближнего. Отношение я — Ты стало: (я — ты) — Ты или: Я — Ты — ты. Это элемент или атом Твоего домостроительства.

Я подумал это, вспомнив мамину ноуменальную боль — Лиду. Я вспомнил три маминых фразы: одну о Лиде... другую об отношении Лиды (и М.) к маме и третью — о моем отношении к Лиде, особенно в сравнении с моим отношением к маме. Здесь уже три отношения, три ноуменальных атома, потому что Ты был между мною и мамой, и они были объединены через мамину ноуменальную боль в ноуменальную единицу уже второго порядка, если атом — первого. Я реально ощутил сейчас это включение в Твою ноуменальную систему: я — Ты — мама — Ты — Лида — Ты, от Тебя через маму к Лиде и снова к Тебе и в Тебе. Помоги, Господи, не извергни меня вон.

30 октября. У меня сны наоборот: снится то, чего я не хочу видеть, вернее, так, как я не хочу видеть. И сегодня на мой главный вопрос мама отвечала отрицательно: из точки можно опустить только один

перпендикуляр на прямую. Я возражал: из центра окружности можно опустить бесчисленное множество перпендикуляров на окружность — я имел в виду радиусы. А потом совсем чушь: какая-то женщина говорила, что во сне осуществилась ее детская мечта: люди научились сами хорошо устраивать свою жизнь, довольны и живут совсем без Бога. Я рассердился и спросил: а потом подымают и сгнивают?

Помоги, Господи, не извергни меня вон, пошли знак Фомы.

14 декабря. Я чувствовал себя плохо и ночью думал: этой ночью я могу умереть, надо всё продумать. Во-первых, кажется, я могу с чистой совестью сказать: меня ничего не привлекает в этой жизни, я оставляю ее без сожаления, пресытился жизнью. Во-вторых, если же я еще не хочу умереть, то ради Лиды и также ради Миши, им будет очень тяжело и трудно без меня. В-третьих, боюсь ли я смерти? Естественный, то есть природный, страх смерти если и есть, то, кажется, небольшой, слишком пресытился жизнью. Затем, страх Божий — готов ли я к смерти? Этого я не знаю. В-четвертых, что меня ожидает? И прежде всего я подумал, прости меня, Господи, прости меня, Иисусе Христе, не о Тебе, а о маме — может, я ее встречу? Всякая хула простится, кроме хулы на Духа Святого. Солгать перед лицом смерти, перед Тобою, солгать Тебе — хула на Духа Святого. Поэтому я прямо и говорю Тебе, высказываю свой грех: это уже не глупые дилеммы, которые я придумывал, а непосредственное чувство: я прежде подумал о маме, а потом уже о Тебе — не грех ли это? Я подумал: если я умру, может быть, мне предстоит большая радость — встретиться с мамой. Но ведь тогда я уже не через тусклое стекло, а лицом к лицу встречу с Тобою. И опять я стану оправдываться: но ведь она была и есть мой Ангел-хранитель, огненным мечом и сейчас ведущий к Тебе. Грех ли, что раньше я вспомнил ее, огненный меч, сразу же направивший меня к Тебе, или еще больший грех, что сейчас я оправдываюсь? Прости меня, Господи, прости меня, Иисусе Христе.

15 декабря. Когда я обращаюсь к Богу с нуждой ли, с покаянием, со страхом Божьим или с любовью, Он для меня Ты, моя помощь, мое прибежище, мое утешение, и нет никаких сомнений, никаких не моих мыслей. Но иногда мелькнет какое-то глупое человеческое измышление, когда подумаю о Нем по-человечески, вернее не по-человечески, а по-философски, но только на мгновение, и становится страшно, как бывало, когда появлялось оно. Это от лукавого. Избави меня от лукавого.

Философский соблазн — другое. Здесь же, скорее, противоположный ему соблазн — от здравого смысла, от мира сего. В этом соблазне лукавый является под видом совсем глупого и пошлого черта — сама пошлость. И вот тогда и становится страшно. Спасение от этого — псалмы и «Отче наш».

Это состояние бывает редко и мгновенно. И, кажется, в нем два момента, но разделить их трудно: одно — это *tremendum*, другое — формулировка пошлого черта, настолько пошлая, что даже и записать стыдно. Оба вместе можно сказать так: одиночество Бога, и это связано с тем же ощущением и страхом, которые бывали в состоянии космического провинциализма и точки, затерянной в бесконечном пространстве. Демонизм же и пошлое бесовство, может, в том, что бес, соблазняя меня, помимо моей воли вводил в меня мысль о природе Бога, причем такую глупую и пошлую, что я и понять не могу, откуда она у меня взялась. Бес хотя и хитер, но глуп и пошл. Вообще же мысли о природе Бога — демонизм и *Naturreligion*; правильное отношение к Нему — как к Ты, поэтому псалмы и спасают от бесовской пошлости.

Правильное отношение к Богу не теоретическое, а практическое, то есть в молитве.

16 декабря. «Мир перед Богом», имманентная, сотериологическая и откровенная Троица, когда я о Ней пишу, — теория? Да, но интендированная к практике. Я исследую там не природу Бога, а в конце концов мое отношение к Нему: в «Мире перед Богом» — мое отношение к Нему как к вечному и в то же время живому Богу, Богу — Творцу, в имманентной Троице — Божественный ритм в отличие от моего несовершенного ритма, в сотериологической и откровенной Троице — Его откровение мне в онтологическом и гносеологическом отношении. Он Сам — вне всякого отношения. Сам по Себе и в Себе. И всё же спускается ко мне. Тогда Он у меня, рядом со мною, во мне. Мое отношение к Нему — ноуменальное, то есть уже не отношение, а присутствие у Него и в Нем в Его присутствии у меня и во мне. То есть я у Него в его присутствии у меня.

28 декабря. Без борьбы с Богом, может, и нет настоящей, живой веры в Него — Иов. В двух отношениях: у меня есть моя радость и моя скорбь, и хорошо, если радость и скорбь о Боге, но бывает, и может часто, не о Боге и не в Боге. И если скорбь — меч, пронзивший мою душу, тот же, что пронзил душу Твоего Сына, и скорбь моя

отожествилась с Его скорбью — это хорошо, но как часто они разделяются. Они разделяются, потому что я, положив руку на плуг, всё же оглядываюсь еще назад, вернее, я оглядываюсь еще назад, потому что люблю свою скорбь, как свою, Ты знаешь, о чем и о ком я говорю. Я иду к Тебе и одновременно бегу от Тебя к своему, к своей скорби, Ты тащишь меня к Себе, а я, как лошак несмысленный, противлюсь. Я люблю Тебя, и всеми силами стремлюсь к Тебе, и держусь за свое, упрямо держусь за свое и боюсь потерять его. Ты сокрушаешь мой дух и смиряешь мое сердце, и я с радостью принимаю и сокрушение, и смирение, но почему же Ты не разрешишь мое последнее сомнение — Ты знаешь, о чем, о чем говорю Тебе всё время, почему не успокоишь меня? Но без Тебя что я могу здесь сделать сам? Я не ропщу, что Ты убрал ее от меня, но я нахожу, так мне кажется, во всяком случае иногда, может часто, что есть какая-то несовместность в моей скорби о ней, любви к ней и любви к Тебе, и я стараюсь оправдаться. То, что я стараюсь оправдаться, это грех, даже сам грех, это я знаю. Но я не знаю, что грех — сама эта дилемма или то, что я придумал ее и задаю Тебе эти вопросы? Может, и нет этой дилеммы, может, я ее сам придумал — тогда мои вопросы грех. Но еще не сам грех, сам грех — что я хочу разрешить этот вопрос и, разрешая, оправдываюсь, то есть оправдываю себя. Но, оправдывая себя, тем самым, что оправдываю себя, в глубине души, почти бессознательно, борюсь с Тобою, обвиняю Тебя. Что же Ты молчишь, почему на этот самый главный для меня вопрос Ты не даешь ответа? Как ребенка, Ты иногда берешь меня к Себе, утешаешь, как ребенка, вводишь в Свою Радость, но ответа на главный вопрос не даешь. Или я должен сам решить его? Но ведь все попытки решить его уже сколько времени сводятся к самооправдыванию и борьбе с Тобою. Или Ты хочешь, чтобы я боролся с Тобою, и, идя к Тебе, убегал от Тебя, и, убегая, приближался к Тебе? Что же мне делать? Будешь ли Ты со мною без этого постоянного мерзкого самооправдывания, без борьбы с Тобою, пока Ты, Ты Сам не ответишь мне на этот вопрос?

Я, грешник окаянный, как Иаков, цепляюсь за Тебя, несмотря на все мои грехи, на самооправдывание и окаянство, несмотря на всю мою ложь, не отпускаю Тебя и говорю: не отпущу, пока не благословишь. Помоги мне, Господи, в моем борении с собою и с Тобой, дай силу веры, усиль веру, дай знак.

30 декабря. Помимо хорошего, у Исаака Сирианова есть, кажется, и не очень хорошее: 1. Три степени ведения, мне кажется, упрощенная и не очень глубокая популяризация отчасти индуистской мистики, отчасти гностической, отчасти Филона (телесное, душевное, духовное). 2. Иногда слишком эвдемонистическая апология отшельничества. Неприятно оправдание молчальника, отказавшегося прийти попрощаться с умирающим монахом. 3. Страх потерять полученное благо — чтобы не гордиться, уверенность в прочности приобретенного блага может повести к его потере. Это отчасти верно, но, во-первых, апостол Павел не боялся потерять полученное от Христа благо и был уверен, что не потеряет его, страх и неуверенность в этом случае были бы маловероятны: он не мог не верить, если Христос явился к нему и призвал его, не мог не верить Христу. Во-вторых, я знаю этот страх, иногда же — уверенность. Страх этот или страх Божий, или от маловерия и малодушия, а уверенность бывает двух родов: уверенность, что Бог не может меня совсем оставить; и самоуверенность — тогда Бог оставляет меня. 4. И здесь я уже не знаю, недостаток ли это у Сирианова, и у него ли плохо или я плох, и потому вижу плохое там, где его нет. Мне кажется, что его поучения и советы напоминают советы какого-то психоаналитика или психиатра: что надо делать и как жить, чтобы иметь удовлетворение от жизни и чтобы была здоровая психика. У меня создалось такое впечатление или явилась такая нехорошая мысль, потому что мне кажется, что в его рассуждениях есть какой-то эгоистически-эвдемонистический оттенок. Если у него этого нет, а только мне кажется, то от нечистоты моего сердца: «Кто всех людей видит хорошими и кому никто не представляется нечистым и оскверненным, тот подлинно чист сердцем». Исаак Сирианов. Слово 21.

1965

8 января. И снова тот же вопрос. Во-первых, когда я беру на себя грех другого, то ведь это реально ноуменальный акт, и я, грешник, беру свободно и добровольно грех моего ближнего на себя, как Христос, безгрешный, взял на Себя грех мира. И здесь я облакаюсь в Христа и со-распинаюсь с Ним. Тогда мой акт реализуется Его жертвой, смертью и воскресением, мой акт тогда такой же сущий, как и Его, причастен Ему, получает от Христа существование, реализуется в Нем. И в реальности моей жертвы и покаяния реализуется и я, и тот, чей грех я беру на себя в ноуменальной любви. Тогда мы оба — я и ты, грех которого я ноуменально взял на себя, — мы оба получаем существование от Сущего. Но Он вечен, и Его существование вечно, и, может, также вечно ноуменальное я — ты, если оно от Бога и в Боге. Этим не предрешается форма бессмертия, или, правильнее, вечной жизни, и я ничего не могу сказать, как сохраняется память о прежней жизни, как я общаюсь там с моими ближними, строго говоря, я не могу даже сказать «сохраняется память» или «общаюсь», потому что я не могу себе представить сохранение памяти вне времени, и общение вне разрозненности, и ограничения меня самим собою, то есть вне пространственности. К «сохранению памяти» я должен добавить: но не во времени, и к «общению» надо добавить: вне пространственности. Во всяком случае я могу с определенной уверенностью отрицать два слишком человеческих представления вечной жизни:

1. Представление той жизни во времени и последовательности, подобной нашей. Это уже натурализация представления вечной жизни. Поэтому у евреев поздно явилась мысль о личном бессмертии — воскресении, потому что они не могли принять натуралистических и, значит, мифологических представлений вавилонян, египтян и других окружавших их народов. Вначале у евреев бессмертие относилось к Израилю как избранному мессианскому народу — и в этом тоже есть особый смысл, потому что Израиль — свидетель веры и будет существовать, пока не вернется к Христу, то есть до наступления зона Святого Духа. Затем или в то же время бессмертие относилось к Христу и тогда, через Него, уже и ко всем нам.

2. Представление той жизни, как ограниченное мною, то есть моей самостью, — индивидуально эгоистическое замкнутое созерцание Бога. Исаак Сирианин думал, что там забывается вся прошлая жизнь и нет общения святых, чтобы не было ни зависти — если другой созерцает Бога лучше, чем я, ни гордыни, если я созерцаю Его лучше других. Но неужели и в ту жизнь переносится способность к зависти и гордыне? Не есть ли это снова натурализация вечной жизни? Это слишком человеческое представление вечной жизни, к тому же противоречит не

только официальному православию, но и Старому и Новому Завету. В Царствии Небесном не только не женятся и не выходят замуж, но и не завидуют и не гордятся.

Во-вторых, может ли вообще что-либо вызванное Богом к жизни умереть? Не вечно ли оно в Боге?

В-третьих, в конце концов человек верит или в дух, или в материю. Если верит в дух, то и в Дух, верит в Сущее; если верит в материю, то в несущее. Но всякое сущее вечно, как и Сам Сущий, дух, как и Дух, бессмертен и вечен. Это неточно: сущее и дух сотворены, но как только получили бытие от Сущего, приобщились к вечности и к Сущему. Приобщились ноуменально через веру и в вере, а до этого не имели бытия. То, что получило бытие от Вечного, вечно через Него же и в Нем.

9 января. Когда меня оставляют люди, меня принимает Бог, когда я совсем один, приходит Бог.

Мне никто не нужен, кроме Тебя. Через нее я пришел к Тебе. В тебе нашел и ее.

Мне никто не нужен, кроме Тебя.

Мне никто не нужен, кроме Тебя. Но могу ли я отделить от Тебя Твое Провидение, Твое руководство? Но тогда я не могу отбросить от себя те отношения, в которые Ты меня поставил, это было бы самоволием. В этих отношениях и проявлялось, и проявляется Твое руководство. Если же я повторяю: мне никто не нужен, кроме Тебя, то я хочу сказать, что, когда я сейчас к чему-либо в жизни или к кому-либо привязываюсь, вернее только начинаю немного привязываться, я сразу же обнаруживаю в себе мелочность и грех. Я замарываю своим грехом всё, к чему прикасаюсь. Я имею в виду себя, свое отношение к другим и к себе. Замарываю ли и других — не знаю. И еще я знаю: мне надо по-настоящему, актуально вспомнить маму и вспомнить жало в плоть, которое Ты мне дал, и я освобождаюсь от своей грязи, и тогда говорю: мне никто не нужен, кроме Тебя, мне нужен Ты. Не оставь, Господи.

11 января. Есть отношения нужные и ненужные. Во-первых, может, никаких отношений не нужно, кроме как к Тебе. И снова: что же тогда значит общение святых? И не будет ли самоволием порвать те отношения, в которые Ты меня поставил и ставишь и сейчас? Не в этих ли отношениях я нахожу Твое руководство, Твое Провидение? И не моя ли лестница Иакова, а теперь жало в плоть, направляет меня к Тебе? И не вечна ли ноуменальная любовь? Во-вторых, ненужные отношения могут стать нужными. Не переходят ли в ноуменальные? Этого я не знаю, но здесь есть соблазн двойной: 1. Нарушение молчания, желание говорить, тщеславие. И хотя стоит мне серьезно подумать о маме, о жизни, о Твоем руководстве, как эти соблазны теряют свою соблазнительность, всё же иногда, может нечасто, но всё же иногда появляется утерянный вкус к жизни, очень ненадолго, и так же быстро проходит, и потом еще большее отвращение к жизни, и всё же иногда, редко, но появляется. А это отвлекает от Тебя. 2. Сентиментально-чувствительный бес, он тоже иногда соблазняет меня. Полного иммунитета от этих двух соблазнов у меня еще нет. Помоги, Господи, не введи меня в искушение, избави от лукавого.

17 января. Всё же, мне кажется, за прилог человек отвечает, и прилог тоже грех. С 16.X.63 еда и не только еда, вся жизнь потеряла для меня вкус. Это не моя заслуга, потеряв свой стержень жизни, я рухнул, всё рухнуло, и остался Ты один. Сегодня вечером за ужином я посмотрел на колбасу с неожиданным для меня вождением и подумал: должно быть, это вкусно. Это было прилогом, и хотя я отверг его сразу, но всё же в свободе выбора: я выбрал невыбор — это тоже выбор, то есть грех, и лучше бы я просто взял колбасу и съел бы ее, в этом не было бы греха. Через несколько секунд я уже забыл о колбасе, но всё равно грех был совершен: выбор невыбора. И хотя прилог беса чревоугодия был отвергнут, но в форме выбора невыбора. Этим воспользовались и другие бесы и опутали меня вконец. Прости меня, Господи.

Не колбаса грех, не еда грех, а выбор всё равно чего, и выбора, и невыбора, и, может быть, прилог и есть соблазн введения в форму выбора.

23 января. На одно мгновение я закрыл глаза, даже не успел еще по-настоящему вздремнуть, и точно так же, как год и три месяца тому назад, передо мною встало страшное и необратимое, что случилось, стало точь-в-точь, как и тогда. Это жало в плоть свято, так как ведет к Тебе, чтобы я ни на мгновение не забывал Тебя.

Потом я немного дремал и, проснувшись, вспомнил, как папа после обеда, ложась на диван, говорил: разбуди меня через 15 минут, как я засну. Это связь с прошлым, с теми, кого нет сейчас на земле, — связь с вечностью, с Тобою.

30 января. Душевность — это сентиментальная чувствительность, соединенная с себялюбием, то есть эгоизм; ложь, духовная сонливость и самооправдывание — у всякого человека, но в том, что люди называют душевностью, особая ложь: сентиментальной чувствительностью скрывается себялюбие, потому что трудное — любовь и отречение от своих прихотей — заменяется легким: душевно-сентиментальным отношением. Душевность и автономная этика долга — нижнее и верхнее абсолютное, то есть нетождественная сторона апории. По терминологии «Трактат Формула Бытия»: душевное — это, долг — другое это, то есть то как это, оба — естественные состояния, теонимная этика — то, то есть тождество этого и того.

Если М. привлекает к себе людей, то не душевностью, а чем-то другим, а я отталкиваю от себя не отсутствием душевности, а чем-то другим.

2 февраля. Когда передо мною конкретно в связи с возможностью осуществления какого-либо желания возникает вопрос: а зачем тебе это, не лишнее ли? я ясно слышу, что не я ставлю вопрос, ведь я большей частью именно хочу осуществления этого желания, то есть я желаю (*concupiscentia* в широком смысле: не только похоть плоти, но и похоть очей и мирская гордость). Само по себе это желание, может, и не грех, но когда я слышу этот абсолютный вопрос: а зачем тебе это? не лишнее ли? я сразу вижу: лишнее, не надо. И когда этот вопрос возникает для меня во вполне абсолютной, не зависящей от меня форме, ответ мне ясен и всякое желание пропадает. Вчера вечером этот вопрос снова явился в связи с звонком на Марсово поле, и я думаю: действительно, зачем мне эти встречи и нужны ли и им? Я не знаю, как будет дальше, но одно я знаю: раз мне приятны эти встречи, раз я жду их, значит, они мне не нужны, лишнее для меня. Помоги мне, Господи.

12 февраля. Руку на плуг я положил давно, может быть уже в мае 1911 г., когда мне было первое чудо, я еще не осознал его тогда, но ясно ощутил как чудо. Это было часов в 5 дня. Папа повел меня с Мишей гулять. Мы шли по Большому — Введенской — Кронверкскому — Александровскому пр. и снова по Большому. Еще не доходя до

Введенской, я почувствовал, что что-то изменилось, вернее, всё стало другим. Я был удивлен, поражен, но что случилось — не понимал. Меня посетил Бог. Это я теперь понимаю: меня призвал Бог. Ощущение, которое было тогда, напоминало то, что бывало при Радости: я впервые вошел в Радость Господина моего. Это была не только радость, но и непонятное, и удивление перед непонятным величием. Я ни у кого не спрашивал, что это значит, мне казалось, об этом нельзя говорить. Кажется, с тех пор весной и летом в солнечный день, время с 5 часов до 7-8 кажется мне таинственным и страшным. В Свердловске в это же время мне пришел на ум «Уклончивый ответ» в «Трактат Формула Бытия». Второе чудо летом этого же года: я почувствовал страх смерти. Я думаю, с тех пор у меня появилось самосознание.

Положивший руку на плуг и оглядывающийся назад неблагонадежен для Царствия Небесного. Положить руку на плуг мне было нетрудно, потому что и не я ее положил, а Ты взял мою руку и положил ее на Свой плуг, и это всегда было моей радостью. Но я боялся сказать: не буду оглядываться назад, потому что это значит: **никогда** не буду оглядываться назад, а сказать человеку **никогда** — страшно. Только 16.X.63 я осмелился сказать и сейчас повторяю: не буду оглядываться назад, никогда не буду оглядываться назад. Но здесь я должен внести две поправки: 1. Конечно, и сейчас, когда я говорю «никогда», меня охватывает страх, но это уже не страх, что я потеряю что-то земное, а страх перед словом «никогда», страх Божий. 2. Когда я говорю: я **никогда** не буду оглядываться назад, я имею в виду строй моей жизни, строй души: я не хочу никаких изменений жизни, не хочу новых интересов, новых привязанностей, не хочу ни к кому и ни к чему в этой жизни привязываться, я хочу, чтобы всегда, до последнего моего дня, сохранялось жало в плоть, которое Ты дал мне год и скоро 4 месяца тому назад, чтобы всегда оно вело меня к Тебе, чтобы всегда Ты был со мною. Когда я говорю, что не буду оглядываться назад, я имею в виду путь, на который я встал, на который Ты поставил меня 16.X.63. Конечно, и на этом пути я буду много раз оглядываться назад, хотя и оглядываться уже некогда. Это другое оглядывание: в пустоту, в ничто, на месте которого когда-то стояло что-то, соблазнявшее меня, а сейчас ничего нет. Зимой 41/42 г. я не собирался оглядываться назад, и всё же меня пугало это **никогда**, пугало ничто, на месте которого что-то **могло бы** стать. А сейчас ничего и не может стать. Меня больше всего пугает именно возможность новой прочной жизни. Когда я только подумаю о какой-либо возможности новой прочной жизни, мне делается еще страшнее, чем в самые страшные мгновения сейчас, страшнее, чем оно. Я не хочу никакой другой жизни, кроме той, которую веду сейчас, а поэтому говорю: я не буду оглядываться назад, никогда не буду оглядываться назад, и это значит: всегда помнить мой стержень жизни, который Ты убрал от меня, мою лестницу Иакова, ставшую моим жалом в плоть, ведущим к Тебе. Но я знаю: и на этом

пути есть искушения, и соблазны, и пустые мысли, и ничтожные удовольствия, и не всегда они безразличны для меня, и в этом смысле я еще оглядываюсь назад — в пустоту, в ничто, в ничто, в котором ничего нет и быть не может. Помоги мне, Господи, помоги не оглядываться назад, не вводи в искушение, избави меня от лукавого.

13 февраля. Страх перед **никогда**. Помимо того, что я записал вчера, здесь есть еще, может быть, три момента: 1. То, что Введ. обозначал словом «окончателность» или «свершенность» (о вырванном зубе), необратимость, и это сводится ко 2 — к страху перед временностью, в которой что-то происходит, которая и сама есть происхождение, изменение, прехождение, не «то же самое в различном», но различное в различном. От этого и синтетическое тождество разделилось на пустое аналитическое тождество и различность — прехождение, тленность. И еще здесь страх перед неопределенно долгой, как бы не имеющей конца продолжаемостью времени: человеческое **никогда** обнаруживает эту ложную бесконечность, то есть ложь самого времени. И это переходит в 3 — страх перед непонятностью вечности: я невольно заменяю ее ложной бесконечностью времени, тогда делается страшно, и в то же время знаю и чувствую ложь этой лжи. Помоги мне, Господи, осуществить мое **никогда**, исполнять мое **нельзя**, не вводи меня в искушение, избави от лукавого. Ты знаешь, Господи, от чего прошу меня избавить, освободи меня от пустой мысли, опустоши и заполни Собою.

15 февраля. Два взгляда: вечный — всё чудо, всё, что встречается мне; и ограниченный, конечный — позитивизм. Ограниченный взгляд сомневается, спрашивает: мог ли Христос ходить по воде? Но для бесконечного взгляда непонятно: а почему же Он не мог ходить по воде? И Пётр ходил, пока была вера, а умалилась вера и стал тонуть.

Вера движет горами. Когда есть моменты или состояния такой веры, то внешние горы просто неинтересны — это исчезающие холмики. Тогда есть внутренняя гора, и вера ее движет.

16 февраля. Есть тщеславие в широком смысле, общее, убежденное и тщеславие мелкое, мгновенное. Второе и у меня иногда бывает, может быть, когда хочу говорить перед другими, но первого нет, и, если бы мои вещи были напечатаны под именем кого-либо другого, меня бы это не трогало. Но есть другое: когда я у Гуссерля, К. Барта или Кьеркегора нахожу свои мысли, меня это удивляет, и скорее

неприятно, чем приятно. Это первое, непосредственное впечатление, а потом снова: не всё ли равно. Я не знаю, от хорошего ли это, или от плохого у меня, или просто усталость: пресытился жизнью.

19 февраля. Сегодня, как и всегда, снилась мама, за что-то упрекала и убеждала чего-то не делать. И снова забыл, хотя и знаю, за что упрекала, — *servus indignus Dei sum*, особенно позавчера, — и знаю, чего не делать, — то, что буду делать сегодня, то есть говорить, и, по всей вероятности, напрасно. Но это происходит без моего активного вмешательства в ход событий, имеющих ко мне отношение. Но сегодня хочу попробовать немного восстановить их против себя. Ты знаешь, Господи, что я не хочу их видеть, потому что хочу, а потому и прошу, если возможно, не вводи меня в это искушение, избави от соблазна говорить перед людьми, говорить перед кем-либо, кроме как перед Тобою. Помоги мне, Господи, *servus indignus sum*, помоги, Иисусе Христе.

22 февраля. «Мысль изреченная есть ложь» — как общее суждение это всё же неверно и немного даже смешно, но, когда человек говорит о себе перед другим человеком, это большей частью, кажется, верно. Так и вчера, говоря с М[иррой Мейлах], я всё же лгал, так же как и Г. [Орлов], когда он каялся ночью. Когда я говорю не о себе, а о том, что думаю сейчас экзистенциально перед другими, например Орл[овыми], я не красуюсь и не думаю о том, приятно ли мне, а только о том, что говорю. Мысль о приятности разговора если и появляется, то до или после разговора, но не во время разговора. До разговора — желание высказаться перед другим, как будто мне мало Тебя, мало жала в плоть, которое Ты дал мне. Может, к этому и присоединяется мысль о приятности, может, даже желание покрасоваться — не знаю, во всяком случае только до разговора. После разговора — некоторый стыд, что я нарушил молчание, — разговор с Тобою, что я на время забыл своё жало в плоть, направляющее к Тебе. В последний раз я сказал Орловым: так как мне приятно, когда вы приходите ко мне, то я не хочу, чтобы вы приходили. Здесь не было лжи, я не хочу, чтобы мне было приятно. Значит, когда я говорю перед ними, мне приятно? Да, но мысли о приятности во время разговора нет, и я говорю не для того, чтобы мне было приятно. И вообще это не та категория. Здесь совсем другое: я хотел бы вместе сорадоваться и вместе «бояться сего славного и страшного имени Господа, Бога нашего». Но получается всё же другое, и входят соблазны, и один из них: я жду человека, чтобы нарушить молчание — разговор с Тобою. Нехорошо это ожидание.

Когда я месяц ожидал встречи с М. В[ойцеховским], чтобы обличать его, это ожидание и само обличение (у Ст[ерлигова]) было очень неприятно мне. Потом я думал: когда приятно сказать другому человеку неприятное, тогда не надо говорить неприятное, когда же неприятно, очень неприятно и не хочется говорить неприятное, тогда можно и, может, даже надо говорить. Может, так и со всякой встречей с людьми и со всяким разговором. Когда его не ждешь и не предвкушаешь, тогда можно говорить и соблазна нет, причем в ожидании и предвкушении соблазн и грех тем больше, чем выше ожидаемое и предвкушаемое, то есть чем оно духовнее. Здесь смешивается высокое с низким. Помогите мне, Господи, избавьте меня от ожиданий и предвкушений, чтобы мне ничего не ждать от жизни, помогите, Господи.

29 февраля. Протестантские книги и статьи, включая Кьеркегора, дали мне много, и всё же это всё то, что во мне есть, они открыли мне то, что я знал, хотя и не знал, что знал. Псалмы, Иов, Екклесиаст, Пятикнижие Моисеево, которые я знал раньше плохо, а также и Евангелие, которое я и раньше хорошо знал, открыли мне и всё время открывают то, чего я не знал и сам узнать не мог, — не мое, а Божье. В этом их боговдохновенность. Но, помимо того, есть и другое: больше всего, может быть, я ищу сейчас соборности — это тоже не мое, а в протестантизме не нахожу ее. Это то, чего у меня нет и что мне надо: как Я и Отец одно, так и вы будьте едины. — А в протестантизме всё-таки не нахожу этого.

В прошлом году я прочел много православных книг и статей и, кроме Хомякова и Исаака Сирианова, ничего настоящего; всё остальное — пелагианизм, открытый синергетизм, неумение думать, а главное: не экзистенциально. Затем, когда я их читаю, особенно католические статьи, создается впечатление, что церковь заменяет православным и особенно католикам Христа. Это уже не церковь, основанная Христом на камне веры, а церковь, заменяющая собою Христа. Конечно, я говорю о самой церкви, а не об отдельных верующих.

17 марта. Когда в 1911 г. Ты взял мою руку и положил на Свой плуг, Ты дал мне лицо, то есть личность, она от Тебя. С этого начинается мое самосознание, это первая ступень самосознания — как первый рассказ о творении человека: Ты сотворил меня по Своему образу и как Свое подобие. Но с первого же дня рождения это подобие — Твой ритм, Святой Дух — было повреждено моим грехом. Поэтому первая ступень моего самосознания еще не полное самосознание. Грех повлек за собой

смерть, завершение самосознания — сознание своего греха, это как второй рассказ о творении человека. Но раньше явилось сознание следствия греха — страх смерти, который Ты дал мне почувствовать через месяц или два после первого чуда (В. Гюго. Восставший раб). Моя кровать была у окна и расположена на запад. С того дня каждый вечер, ложась в постель, я смотрел в окно и каждый вечер думал: вот сейчас солнце зайдет, и сегодня уже солнца не будет. И так же неминуемо, неизбежно и окончательно, как сейчас солнце зашло и сегодня уже не встанет, так же неминуемо наступит день, когда я неизбежно и окончательно в последний раз вздохну: в последний раз выдохну воздух, а вдохнуть не смогу, и это смерть, неизбежная, окончательная. С тех пор 10 лет у меня был страх смерти, особенно перед сном, до тех пор пока Ты не дал мне веру. И об этом я тоже никому не говорил, я боялся сказать это, мне казалось, об этом нельзя говорить. Но до того как Ты дал мне веру, Ты подготавливал меня. Как у меня явилось сознание моей греховности и вины, я не помню, мне кажется, после Твоего первого и второго чуда у меня появилось некоторое ощущение нечистоты и своей также. Во всяком случае, вскоре появилось то, что Л. называл тоской по абсолюту, а она, хотя бы смутно, предполагает сознание неполноты и несовершенства. Л. думал, что всякая страсть к коллекционированию есть сублимированная тоска по абсолюту, ведь настоящий коллекционер, коллекционирующий со страстью, стремится собрать все предметы из тех, что он коллекционирует. Я стал собирать марки. Но вскоре я бросил это и стал коллекционировать жуков. Но годам к 13, может, к 14 я подумал: всё равно ведь даже за всю свою жизнь я не смогу собрать всех жуков, то есть жуков всех видов, какой же смысл тогда в коллекционировании жуков? И я бросил это дело. Тогда же я прочел «Происхождение видов» Дарвина. У меня явилась новая мысль, я понимал, что это дело на всю жизнь: составить родословную жизни на Земле от первых живых организмов в допотопное время до человека. И тут у меня явилась мысль о возникновении жизни вообще. Сейчас не помню этой мысли, помню только, что я рисовал какие-то треугольники, совмещал их, и получалось неполное совпадение. Мне кажется, это был уже первый намек на то, что Ты открыл мне позже, лет через 15: небольшая погрешность в некотором равновесии. Кажется, и в ТФТ у меня есть что-то о неполном совпадении.

Вскоре я понял, что и это дело неосуществимо для человека, человек не может составить полной родословной жизни. Потом началась революция, и я почти сразу же увлекся марксизмом. Это был, может быть, самый мрачный период в моей жизни и продолжался года 3 или 4. Сейчас я нахожу и в этом Твою руку, я вижу, что Ты вел меня. Что привлекало меня в марксизме? Во-первых, Рай на земле, во-вторых, принцип систематичности, и первое, и второе — это снова мечта о абсолютной полноте и совершенстве, во-первых, практически и, во-

вторых, теоретически, причем совершенстве, осуществляемом человеком своими силами, независимо от Тебя: «своею собственной рукой». Но, кажется, уже весной 1917 г., когда я прочел «Женщину и социализм» Бебеля и книжку о фаланстерах Фурье, мне показался этот земной рай, это совершенство, осуществляемое «своею собственной рукой», настолько тоскливым, нудным и беспросветным, что мне стало страшно. Этот страх оставался, пока я не покончил с марксизмом, кажется в 1920 г., в крайнем случае не позже 1921-го, когда я готовил и читал доклад о марксизме в семинаре у Лосского. Уже когда я писал доклад, я чувствовал, что концы у меня не сходятся, чувствовал, что нет полноты и непротиворечивости системы, и даже думал: честно ли будет, если я всё же прочту этот доклад, не правильнее ли будет просто сказать, что я не могу построить полной и непротиворечивой системы марксизма. Это снова первый намек на невозможность полной и непротиворечивой системы (Критерий II). Всё же доклад я читал, он занял 2 часа. Следующие 2 часа было обсуждение. Что там говорилось, я не помню, помню только, что Лосский сказал мне: это не марксизм, ваша система близка к философии Марбургской школы. Тогда я еще не знал Когена. Сейчас я понимаю, моя система была той же сублимацией тоски по абсолюту: вывести из одного принципа систему всей жизни, всей культуры. Это была последняя попытка построить идеальный мир «своею собственной рукой», и она тоже рухнула, как и прежние. Теперь, когда Ты довел меня до последней попытки построить своим умом идеальную систему и идеальный мир и разрушил все мои построения, сломил мою гордыню, я был почти готов, чтобы принять Тебя. Но и все эти попытки, и мои построения, которые Ты разрушал, были — я вижу сейчас — путем к Тебе. В 1911 году Ты явил Себя мне, призвал меня, и я пошел к Тебе. Ты вложил в меня тоску по Абсолюту — по Тебе, но ветхий Адам во мне, соблазняемый дьяволом, вел меня к Тебе по неправильному пути, по пути, который уводит от Тебя. Ты не вмешался сразу, не направил меня сразу, не избавил меня от ошибок и страданий, чтобы я абсолютно свободно пришел к Тебе: многими страданиями надлежит нам войти в Царствие Божие. Но и тогда, когда Ты разрушил последние построения моих рук, Ты еще не сразу открылся мне. Я уже почувствовал Тебя, поверил Тебе и всё же блуждал еще около 10 лет, пока Ты, наконец, не открыл мне Своего пути. Свою Благую весть. — Это было в то время, когда я писал «Щель и грань» и «Соприсутствие». Но еще долго, уже на пути к Тебе, я оглядывался назад, пока, наконец, 16.X.63 Ты не дал мне жало в плоть, и мне уже некуда оглядываться назад. Помоги мне, Господи, Иисусе Христе, поддержи меня, освободи меня от всех моих пустых мыслей, чтобы я ничего не ожидал от этой жизни, ничего не ждал, дай мне силу всегда быть с Тобою, дай мне Твой знак, знак Фомы, не оставь меня, Господи.

Вот дальнейшие периоды или вехи моей жизни под Твоим руководством и с моей жестоковейностью:

1928–29: «Щель и грань». «О Критерии».

1932: Сон о Георге. Вестники.

1934.17.VIII.

1941.VI.

1960.V–VI.

1962.12.1.

1963.16.X.

Еще я забыл написать: в мрачный период 1917–1920, помимо марксизма, у меня было еще другое увлечение, которое я считал незаконным, — символизм, декадентство. Мне нравились стихи символистов и декадентов, русских и французских; я чувствовал какую-то раздвоенность в себе: как марксист я должен был отрицать символизм и декадентство, считать это идеологией разлагающегося класса буржуазии, и в то же время эти стихи мне нравились. Мне неприятна была эта моя раздвоенность, перед собою я не скрывал ее, но другим не говорил и как преодолеть — не знал. Сейчас я знаю: только когда Ты даешь мне Твою живую веру, только тогда нет раздвоенности.

Еще характерно, что я увлекался не только марксизмом, но и марксистами. Они были для меня идолами. Мне бывало неприятно, когда я узнавал что-либо нехорошее или некрасивое о Марксе, например его хамское отношение к Вейтлингу, и также когда я прочел, что у Бебеля была мастерская и наемные рабочие, а он был хозяином, то есть капиталистом, а проповедовал коммунизм. Я верил не только в учение, но в человека, я нуждался в человеке, и Ты привел меня осторожно, не насилуя меня, к совершенному Человеку, к Богочеловеку. Помоги мне, Господи, Иисусе Христе.

2 апреля. Все ереси, кажется, воплощены во мне телесно. Как Несторий, я слишком сильно разделяю в себе телесное и духовное и не могу их объединить. Как гностик-либертинец, я часто недостаточно глубоко чувствую плотский грех. Как монофизит-докет, я часто безглаголиво отношусь к телу своему и, что хуже, своего ближнего. Хотя безглаголивость я преодолел уже в молодости, но безглаголивость к телу сидит где-то глубоко во мне и иногда проявляется, причем как-то амбивалентно: по-несториански разделяю тело и дух, и по-

монофизитски временами бывает отвращение к телу и к телесному. От этого же, я думаю, у меня какая-то скрытая склонность к сентиментальности — это, скорее, несторианство, но еще больший страх перед сентиментальностью и душевностью — это, скорее, монофизитизм. Но ведь духовность не отрицает хорошего, даже душевного, отношения к людям, пример — апостол Павел. А я этого не умею, бездарен в этом отношении. Мой страх перед душевностью доходит до того, что в своих вещах и в письмах к близким я никогда не ставлю восклицательного знака.

Из этого следует, что ереси — действительно грех, а не только теоретическая ошибка.

10 апреля. Langeweile — длинное время. То есть само время и есть скука; развлекательность — его заполнение, мгновение — его устранение, то есть несущность времени.

4 июня. У Исаака Сирианина есть просто ошибки и иногда грубые, например о будущей жизни, и всё же в нем нет соблазна, как в Лютере. Хотя именно Лютер в XVI в. освободил христианство от мертвой буквы и от морализирования, у него есть соблазн имманентизма, и сейчас меня мутит от этого невыносимо, не от Лютера, а от имманентизма, соблазн которого вошел через Лютера.

Я не могу еще точно сказать, в чем этот соблазн: между Богом и много — пропасть, и эта пропасть заполняется только Богом, а всё остальное — от лукавого. Лютер понял это и всё же не всегда заполняет ее Богом, иногда и своими человеческими мыслями и делами. Между Божьей волей и моей — пропасть, и выход один: Божья воля — чтобы Божья воля стала моей.

Когда я читаю у Лютера о слове Божьем и о проповеди, иногда я вспоминаю керигму Бультмана, затем Зиммеля, затем Фейербаха, и становится очень нехорошо. Но, может, это и не Лютер, а я виноват, потому что всё еще нехорошо, очень нехорошо.

Лютер всё время говорит о Христе, и хорошо говорит. И всё же: Христос не делал скидки на человеческую слабость, но и не осуждал грешника. А Лютер делает скидку на человеческую слабость и всё же осуждает многих. Когда я читаю Евангелие, открывается небо, и я вижу Ангелов, сходящих на землю, слышу Бога, вижу бесконечную пропасть между Ним и мною, и Христос Сам заполняет ее, Ты заполняешь Собою мою пустоту. Тогда невозможное для человеков возможно для Тебя и Ты Сам делаешь во мне то, что для меня невозможно. Помоги, Господи, очисти меня от мути, заполняющей меня.

5 июня. Соблазн во всём, мутит от всего, кроме Евангелия и Библии, очищают: Евангелие, Пятикнижие, Пророки, Книги Руфь, Ионы, Иова и особенно Псалмы. Но в исторических Книгах Библии тоже есть соблазны, например Книга Иисуса Навина, Книга Судей. Даже в Пятикнижии есть места соблазнительные. Но в Псалмах даже соблазнительные места уже не соблазняют меня. Как представлять себе Бога? Так, как сказано в Псалмах, — практически: Ты, Который всегда передо мною, Ты, иногда гневающийся на меня, иногда оставляющий меня, но никогда не оставляющий меня совсем; я бегу от Тебя, борюсь с Тобой и возвращаюсь к Тебе; отталкивая меня, Ты притягиваешь меня к Себе, оставляя, приходишь ко мне. И наконец самое страшное — Ты совсем оставил меня, чтобы я возопил громким голосом, и Ты сразу же вернулся. Господи, помоги, мутит меня невыносимо.

6 июня. Мутит, а я всё это время не брал ни Евангелия, ни Псалмов. Почему? Не хватает силы духа. Но что это значит? Паралич сердца или страх? Чего? Но не чего, а от чего: от лукавого. Господи, не введи во искушение, избави от лукавого.

25 июня. Я прочел: Кальвин не просто сжег Сервета, а два часа медленно поджаривал его. Сервет кричал, просил поскорее убить его, а Кальвин любовался его мучением. Что это?

Боль бытия, духовная и физическая. Фрейд говорит: два основных подсознательных стремления: причинить боль себе, убить себя и причинить боль другому, убить другого. Это естественный человек без благодати: удовольствие от причинения боли себе и другому, второе — чувственная форма чувственного греха, то есть чувственной сублимации или чувственной видимости греха. А первое? Во всяком случае, в некоторых формах аскетизма при страхе перед телом, даже своим, это сублимация того же чувственного греха. Я не против аскетизма вообще, а против аскетизма в свободе выбора. Если остается страх перед телом, моим или другого человека, и брезгливость, то это античувственная чувственность, то есть снова чувственная форма греха — античувственно-чувственная. Раз есть еще страх, есть и грех. Христос освобождает от страха.

У Игн. Брянчанинова я прочел об одном монахе, который перед смертью сказал: 30 лет я боролся с соблазнами и вот только сейчас победил их. А если бы этот монах не боролся 30 лет с соблазнами, то

искушали бы они сейчас его, слабого старика, перед смертью? Не напрасно ли он боролся? Не была ли сама борьба его с соблазнами — соблазном, наиболее искушенным и утонченным? Не поддался ли он дьяволу именно своей борьбой с дьяволом? Он весь был проникнут соблазнами, дьявол захватил все его мысли, всего человека, играл с ним как хотел, а он думал, что борется с ним. Он сам боролся с дьяволом, потому дьявол и овладел им.

Может, покорив его, дьявол оставил ему небольшое утешение, забаву — думать, что он борется с дьяволом. Ведь он жил в одной мысли, в соблазне наиболее утонченном: соблазн в форме борьбы с соблазном. Я не знаю, может, Игн. Брянчанинов не понял и плохо изложил борьбу этого монаха, но мне кажется, он сам боролся, без Христа, не сердцем, а только своим умом призывал Его, поэтому оставался в себе самом, в своем грехе. Если во мне не живет Христос, то всё, что я делаю, всё грех. Всё, что не Бог делает во мне и через меня, — всё грех.

Один опакостится, продолжает пакоститься, привыкает к пакости. Другой не может привыкнуть к ней, тогда пакость исковеркает его и его жизнь, тогда всё равно опакостится, и еще хуже, чем первый, как тот монах, 30 лет боровшийся с пакостью и в этой борьбе погрязший в ней. Но, может, есть и третье, когда в этих падениях и подъемах всё же что-то открывается, какая-то тайна? И Христос не оставляет совсем? Может, это то же, что и «опыты» Розанова (в «Уединенном», кажется)? Затем, сохранившие от рождения цельную мудрость. Был ли таким Спиноза? Но почему он не только не знал, но и не понимал ни греха, ни грехопадения? Не понимал детей? Тогда был ли цельным человеком, была ли у него полная, цельная мудрость? Затем, достигшие полной, цельной мудрости. Тогда и в браке, может быть, сохраняется святость, ведь апостолы (кроме Павла) были женаты? Но если у меня античувственная чувственность, antilibido, я не увижу и не пойму ее.

Мировоззрение в носу впервые явилось мне летом 1917 г.; оно сразу же соединилось с миром людей лунного света, то есть с антисексуальностью, не с асексуальностью, то есть невинностью, а именно с антисексуальностью. Обнаружил я это в поезде-«кукушке», когда увидел двух молодых людей (ему и ей было лет 30), связанных, как я почувствовал, грехом. Они напомнили мне Вронского и Анну Каренину. Они сидели молча, мне казалось, грех замкнул им рты. Они очень заинтересовали меня, этот интерес был антисексуально-сексуальный. Они были неприятны мне и жалкие. Но антисексуальность

— тот же грех: выбор невыбора, это как два отраженных абсолютных, и иногда одна форма чувственной видимости внезапно переходит в другую, иногда же и не отличить античувственную чувственность от чувственной, так как корень один. Грех поработил человека, своими силами я могу в крайнем случае перейти из одной формы греха в другую, а освобождает только Путь, Истина и Жизнь.

То, что я видел в автобусе в 6 утра в 1928 г., когда закончился мой душевный праздник, другое: они тоже, по-видимому, были связаны грехом, но было, кажется, и покаяние, и прощение, а тогда, в 1917 г., — только грех.

4 июля. Я увидел радугу. Это было несколько минут, может, одна минута: она появилась справа налево и ушла. Но ведь радуга — это свидетельство Твоего завета с Ноем и его потомками: Ты не хочешь смерти грешника, но чтобы он обратился и жил. Не мне ли было это свидетельство?

6 июля. Я не люблю себя. Мне часто даже доставляет удовольствие делать себе неприятное, иногда даже физически — неудобства. Но я люблю свою боль, свою нелюбовь к себе. Прости меня, Господи, помоги мне, Иисусе Христе, дай мне Твой покой. Покой — это значит: сильнее жало в плоть, чтобы всегда помнить Тебя, давшего мне это жало, чтобы всегда Ты был со мною.

29 июля. Вл. В. [Стерлигов] говорил о вате, которая окружает человека, то есть о вате, которая закрывает его от себя самого, от ближнего и от Бога, — это уже мое толкование, то есть о непонимании. И рассказал, как эта вата была преодолена или убрана в встрече с Вл. Андр. [Каменским]: открылся Рай. Я же сказал: для меня сейчас каждая встреча — соблазн. Весь наш разговор или диалог был некоторой диалектической системой целого. Во время разговора я хотя и не высказал этого, но готов был признать некоторую погрешность в моем тезисе, а В. В. хотя этого и не высказал, но готов был признать — так мне казалось — некоторую погрешность в своем тезисе. Но затем между нами встала та же вата, и я остался при своем, хотя разговор и внес некоторое сомнение, и так же В. В. Мне показалось, что диалог был некоторой диалектической системой, независимой от участников диалога, мы были только его случайными признаками, и, во-вторых, не В. В. убедил меня и не я убедил его, а сам диалог убедил нас обоих, автор его не В. В. и не я, а Бог. Помогите нам, Господи.

Антропология антропоцентрическая и теоцентрическая, Фейербах и Кьеркегор. Парадоксальная связь между ними: Кьеркегор почти игнорирует вторую из двух заповедей, на которых стоят закон и пророки, — любовь к ближнему. Фейербах всё свел к этой заповеди, в результате опустошил свою антропологию. А Кьеркегор через Гёффдинга, Шремпфа, Хайдеггера, Бультмана сблизился с Фейербахом. В некоторой недолжной аппроксимации и обострении односторонностей каждого их последователи пришли к противоположному тому, из чего исходили. И снова здесь не Кьеркегор и не Фейербах, а Бог — автор некоторой системы, включающей и Кьеркегора, и Фейербаха. — То есть то, что я писал в «Квадрате миров»: я опустошаюсь, Он наполняется. И Он наполняет. Опустоши меня, Господи, опустоши и наполни Собою.

30 июля. Без Бога любовь к ближнему становится ненавистью: Фейербах — Маркс — Сталин. Без любви к ближнему теизм становится атеизмом: Кьеркегор — Гёффдинг — Шремпф — Хайдеггер — Сартр.

Иногда мне даже кажется: не человеку пришла на ум мысль, а мысли пришло на ум выбрать себе определенного человека, иногда, по нашим взглядам, даже неподходящего, а почему — не знаешь, хотя потом большей частью оказывается, что выбран подходящий, несмотря на все его недостатки; может, они и оказались наилучшими для реализации идеи, выбравшей человека. Идея эта необязательно рациональная, большей частью даже арациональная. Эта несвобода человека в отношении к идее, выбравшей его, и есть его абсолютная свобода, тождественная предопределению, — Провидение и воля Божья. Фейербах за антихриста, Кьеркегор — за Христа, но оба исполняют волю Божью, один — отрицая ее, другой — утверждая.

И всё же ответственность не снимается: Фейербах ответственен и за современную пошлость, и за зверства Сталина; Кьеркегор — за глупость и нигилизм Сартра, за имманентизм Бультмана и за Sein zum Tode Хайдеггера. Имманентизм Фейербаха перешел в абстрактный трансцендентизм революции — коммунизм стал трансцендентной идеей, абстрагированной до полной потери всякого содержания, до полной пустоты, — трансцендентное ничто. Трансцендентизм Кьеркегора перешел в эмоционально-психологический имманентизм и феноменализм Шремпфа, Хайдеггера, Сартра. И снова: любовь без Бога — злоба и ничто, Бог без любви — эмоционализм, сентиментализм, психологизм. Вернее, так:

I. Любовь без Бога → а. Ненависть
↳ б. Трансц[ендентное] ничто.

II. Бог без любви → а. Феноменализм
↳ б. Схематизм, фарисейство,
законничество

Так как и в I, и во II два отраженных абсолютных и схематизм и фарисейство — тоже только мое, а не Божье, то есть имманентное. А ненависть не соединяет, а разделяет и опустошает, потому тоже относится к абстрактной трансцендентности. Так что дважды два отраженных абсолютных:

I. Абстрактный трансцендентизм: а) в форме
имманентности,
б) « «
трансцендентности.
II. Абстрактный имманентизм: а) « «
имманентности,
б) « «
трансцендентности.

Начало этих односторонностей еще раньше:

I. Адоптианизм — иудеохристианство — Несторий —
Пелагий — Фейербах.
II. Пневматизм — эллинизация христианства —
монофизитизм — Кьеркегор.

В центре же — Богочеловек, всё, что не осуществляет этого совершенного тождества Бога и человека, всякое отклонение от него — ошибка, ложь и грех. Руководство Твое в том, что сразу же с отклонением в одну сторону появляется и отклонение в другую, уравнивающее первое. Иногда же отклонение в одну сторону со временем переходит в свою противоположность — отклонение в другую сторону.

История мысли — история человеческих ошибок, история односторонних отклонений от истины, история человеческих предубеждений. Истина открылась людям: Слово стало плотью. Но не только свои не приняли Его. И чужие, сказав, что принимают, приняв на словах, упорствовали в своих предубеждениях: сразу же уже при апостолах наступило «последнее время», когда «из наших вышли не наши» (1 Ин. 2). Кроме апостолов, может, нет ни одного, не отклонявшегося ни вправо, ни влево. Более чистого сердцем после апостолов, чем Исаак Сирианин, я не знаю. И всё же и он бывал не прав и сильно отклонялся. Я уже не говорю об Августине, Лютере,

Кьеркегоре. Редко кто так хорошо понимал апостола Павла, как Лютер, и всё же он ответственен за имманентизм XIX в., за Кьеркегора и за Фейербаха: так как он не смог полностью отождествить обе заповеди — трансцендентизм и имманентизм, то из него вышли оба отклонения — я могу это прямо указать на цитатах из Лютера. И всё же вся эта история человеческих ошибок не случайна, вся она под Твоим руководством совершает Твое домостроительство. Не оставь меня, Господи, помоги мне.

15 августа. Из письма.

Переход к теме: медицина в древности — при храмах. И это правильно: болезнь не только физическое состояние, но духовное: ноуменальное, религиозное.

Тема: вот что бывает страшно у пьяного: когда о нем уже нельзя сказать: пьяный, но только: пьяное. У него уже нет лица — *Persönlichkeit* [нем.], место его **я** занял зеленый змий, как и все бесы, он безличен.

Вот что меня испугало в пятницу вечером и в ночь с пятницы на субботу. И этот грех тоже на мне, тоже мой, прости меня, Господи, прости нас, Господи.

19 августа. Ищущий имеет, именно в искании получает и имеет, но в жизни только имеющий не имеет: в Царствии Небесном больше радуются одному грешнику кающемуся, чем 99 праведникам, не имеющим нужды в покаянии; блаженны алчущие и жаждущие правды. Но это имение в искании, кажется, не то, что думал Лессинг, сказав, что искание истины предпочитает самой истине. Скорее, это *Innerlichkeit* и абсолютная субъективность Кьеркегора. Поэтому хотя я раньше хотел встретиться с Вл. Андр. [Каменским], то теперь боюсь: если он преимущественно имеющий, а не ищущий и имеющий, то из встречи ничего не получится. Тогда моя теология покажется ему грязной эстетикой (по Ст[ерлигову]).

Закон духовной жизни: всегда жить сейчас, то есть быть сейчас, ибо не знаете, когда придет Хозяин дома. Но так как человек сотворен, то есть телесно-духовное существо, то реализация сейчас отделяется от сейчас:

во-первых, реализация сейчас в его фиксировании,

во-вторых, материальное фиксирование, тогда одновременно с реализацией — материализация, окостенение, умерщвление: сейчас становится прошлым — сейчас не сейчас.

Тогда надо зафиксировать сейчас так, чтобы оно осталось незафиксированным, поэтому единство, даже тождество, искания и имения.

Преобладание искания — феноменализм, имманентизм, релятивизм, психологизм.

Преобладание имения — классицизм, умерщвление или заостенение духа, фарисейство и законничество.

Тождество искания и имения — экзистенциализм, в музыке — Шёнберг: неустойчивое равновесие, как на острие ножа, поэтому всегда сейчас; но у Веберна преобладает уже имя, поэтому элементы классицизма. Экзистенциальная математика — Брауэр; концептуализм.

22 августа. Микрочастица находится нигде и всюду (Эддингтон). Так и человек должен быть нигде и всюду. Один всюду нигде, другой нигде всюду, то есть через всюду — нигде или через нигде — всюду, оба нигде и всюду. Аналогия с теологией креста и теологией славы.

27 августа. Вчера был на кладбище, и было так же плохо и то же уныние, и даже шум в ушах не прошел: когда я заметил это, шум перешел в свист, и я отчаялся и думал: совсем Ты оставил меня. Не шума или свиста в ушах и голове боюсь я, а что Ты оставишь меня, оставление же шума на кладбище было для меня знаком, что Ты со мною. И сегодня с утра еще был свист — свистит мой грех, а когда стал читать Евангелие, прошел. Благодарю Тебя, Господи, Иисусе Христе, помоги мне сохранить Тебя, не оставь меня.

Дерзай, чадо; прощаются тебе грехи твои (Мф. 9:2).

Дерзай, дочь: вера твоя спасла тебя (Мф. 9:22).

По вере вашей да будет вам. И открылись глаза их (Мф. 9:29-30).

28 августа. Когда я вспоминаю прошлое, мое призвание Тобою в 1911 г. и дальнейшее, мне могут сказать: это ретроспективное воспоминание есть только проекция настоящего на прошлое. На это я отвечаю: а вы знаете, что значит настоящее, что значит прошлое, что значит сейчас, которого сейчас нет, что значит время, которое прошло, событие, которого уже нет? Я верю и вижу, что то, что было, есть и сейчас, что Ты меня призвал, и если бы даже и нашлись внешние

свидетели, которые самыми точными свидетельскими показаниями опровергли то, что я помню, как Ты призвал меня, Твое постоянное руководство, — я бы сказал: всякое эмпирическое свидетельство, всякое эмпирическое знание относительно, а то, что я знаю — верю, вижу и знаю, верю, вижу и знаю в Тебе, в Сыне Твоем Единородном, абсолютно, и никакая мирская мудрость не может поколебать его. Помоги мне, Иисусе Христе, моим жалом в плоть, чтобы оно было сильнее, чтобы бремя Твое было тяжелее, тогда оно легко. Не оставь меня, дай знак Фомы. Прости нас, грешных, и меня, окаянного, помоги.

4 сентября. Вчера был М. Ш[емякин]. Жалко его. Потом я подумал, что все жалкие, должно быть, и я со стороны. Но себя не жалко, это же самое противное, когда себя жалко.

Распинают Христа не неверующие, а именно верующие. Распял Христа самый благочестивый народ в мире, избранный Им народ. А с Пилата что требовать? Иудеи знали истину, но не узнали ее, когда Она явилась им. А его вопрос — что есть истина? — стал формулой, шаблоном или знаменем для всех пустых людей — для всех рака́. Чтобы распинать Христа, надо самому уже чем-то быть и, может, даже верить в Него и любить Его.

9 сентября. Я не могу ничего делать. Уже несколько дней даже не читаю. Сейчас просматривал свои старые вещи. Пока читаю, интересно, а кончаю читать, опять ничего не знаю, ничего не могу сказать.

Господи, Иисусе Христе, очень плохо и очень страшно, помоги мне, Иисусе Христе, я не знаю, что со мной происходит, плохо и страшно, помоги.

10 сентября. Вчера перед сном думал: что страшно? Скоро два года, как я потерял свой стержень жизни, как Ты убрал основание моей лестницы Иакова. Это страшно. Всё же я жил, и Ты помогал мне, поддерживал меня. Отсутствующим постулатом регулирования моей жизни, моим жалом в плоть Ты продолжал регулировать мою жизнь, всё время руководил мною. Но вот уже месяц или больше, как что-то снова произошло, снова страшное. Признаки его:

1. Уже сколько времени я забываю или плохо запоминаю сны, и главное — сны с мамой.

2. Уже сколько времени, как прекратились мои записи на отдельных листках. Я не могу заставить себя записывать, даже когда есть что записать. Я написал, что несколько дней не читаю. Это не совсем верно: иногда и читал, но то, что мне не нужно, — Лондона, — просто потому что случайно оказался под рукой. Большей же частью лежу на кровати в каком-то парении мысли и мечтаниях. Действительно, бес вышел, помещение выметено и прибрано, и он вернулся и привел с собой 7 злейших бесов. И последнее хуже первого. Эти новые бесы хуже всякого беса, даже блудного. Иногда, особенно к вечеру, я боюсь даже подходить к открытому окну: так оно тянет.

В чем же дело? Что стало?

Если бы была мама, я не боялся бы и открытого окна, был бы стержень жизни. Моим жалом в плоть Ты продолжал поддерживать меня полтора года, как раньше поддерживал моей лестницей Иакова. А сейчас Ты послал мне новое испытание, и я не знаю, как выдержать его. Ты послал меня в ад. Я писал: моя любовь к Тебе сожжет и адский огонь. Но пока не сжигает. Что делать мне? Научи меня, Господи.

Я не могу сказать, что совсем потерял Тебя, как было год назад, когда мне пришла не моя мысль. Я чувствую Тебя всё время. Но большей частью Твой гнев. Смилуйся, Господи, либер *Готт, Готтеньки, Обрах Монес*, афтун.

Вчера перед сном я думал: Ты знаешь, я потерял вкус к жизни, жизнь стала мне настолько неинтересной, что смерть была бы блаженством. Но так же, как ветхий Адам во мне не удовлетворяется удовольствием — отсутствием неудовольствия, но стремится к сверхудовольствию, так и я сейчас хочу не блаженства, а сверхблаженства. Я не боюсь смерти — полного неощущения, нечувствования, полного отсутствия сознания — по сравнению с тем, что сейчас, это блаженство. А я хочу сверхблаженства — быть с Тобой, в Тебе. Но у меня ослабело ощущение моей абсолютной инвариантности, то есть вечной жизни. А без ощущения вечной жизни невозможно жить и во временной. Может, Ты послал мне это новое испытание, чтобы я понял не только умом, а всем существом своим, ноуменально, что без вечной жизни нет и временной? Но ведь сам я всё равно не пойму это, откройся мне, помоги.

Но разве Ты уже не открываешься мне в этой мысли, не Ты ли внушил мне такой страх, что я боялся к окну подойти, чтобы не выпасть, не Ты ли сказал мне: без вечной жизни нет и временной?

Пусть A — вечная жизнь, B — наша жизнь во времени. Тогда: $\bar{A} \rightarrow \bar{B}$, следовательно: $\bar{\bar{B}} \rightarrow \bar{\bar{A}}$. Но по интуиционистской логике: $\bar{\bar{A}} \neq A$, также $\bar{\bar{B}} \neq B$.

Это можно толковать так:

ложно, что нет временной жизни, из этого следует, что есть некоторая временно-подобная жизнь. Здесь акцент, скорее, на слове «жизнь», потому что истинная — вечная жизнь. И также: вечно-подобная, то есть подобная вечности, жизнь. Здесь акцент на обоих словах: вечная жизнь. Вывод: я не понимаю временной жизни, не понимаю вечной жизни, но есть некоторая жизнь, которую я называю временной, — временно-подобная жизнь, значит, есть и другая жизнь, о которой я ничего не знаю — своим умом не знаю, кроме того, что она не подобна временной: $A = \bar{\bar{B}}$, где отрицание неопределенное. И именно в этой временно-подобной жизни я чувствую и вижу не подобную ей, вечную. Вот что значит заключение: $(\bar{A} \rightarrow \bar{B}) \rightarrow (\bar{\bar{B}} \rightarrow \bar{\bar{A}})$.

Теперь дальше. Более полутора лет Ты поддерживал меня жалом в плоть, которое послал мне 16.X.63. Ты возложил на меня Твое бремя, и часто оно было мне легко и иго Твое — благом. Но в последнее время Ты возложил на меня новое бремя, и я растерялся, мне казалось — нет сил вынести его. Я запутался в бесплодных мечтаниях, в бесовском парении мысли. Помещение выметено и прибрано, и вернулся бес, приведя 7 злейших бесов.

В чем бесплодность и бесовство этих мечтаний и парений? В том, что в них нет ничего плохого. То есть в каждом отдельном мечтании, в каждой мысли нет ничего плохого, иногда даже умные мысли. А в целом — бесплодность и бесовство: я теряю лицо, которое Ты дал мне, то есть Твой образ и подобие, эти мечтания и мысли отделяют меня от Тебя.

Если бы среди этих мыслей были плохие, пусть хоть самые плохие, пусть блудные, я бы знал, с чем бороться, но этого нет: мне противостоит, а что — не знаю, меня отделяет от Тебя, но я не знаю, что отделяет. Я не знаю, что преодолевать, с чем бороться, что делать. Я лежу на кровати, и не я, а какое-то оно мечтает, парит в мыслях. Я ничего не могу делать, помоги мне, Господи.

Но, кажется, Ты уже помог мне, прорвалось что-то во мне, Ты прорвал мою греховную ограниченность, помог мне выйти из себя

самого, выйти из границы, поставленной моим грехом, помоги мне, Иисусе Христе.

10-11 сентября. На днях был Ал[ександров]. Я говорил об экзистенциализме и классицизме (Шёнберг — Веберн). Может, я говорил неплохо, но снова отвлекло от Тебя. Я почувствовал какую-то надобность здесь, во временно-подобной жизни, по содержанию, может, это и хорошо, а формально, то есть актуально, снова нехорошо, так как отвлекло от нового испытания, которое Ты посылаешь мне, — нового крушения. Сегодня были Орловы. Я не говорил об экзистенциализме и классицизме, как думал до их прихода, и вообще серьезные разговоры не ладились. Я почувствовал свою эмпирическую ненадобность, и тоже нехорошо. Нехорошо, потому что вместе не сорадовались и не боялись сего славного и страшного имени Господа Бога нашего. Нехорошо, потому что я не смог прорвать свою греховную ограниченность; нехорошо, потому что я почувствовал или мне показалось, что потерялось что-то в наших отношениях, некоторое ноуменальное ядро, которое, может, и было.

Но страха перед открытым окном у меня уже нет. Не оставь меня, Господи.

11 сентября. Вечная жизнь нужна не после смерти, а именно сейчас, до смерти, чтобы иметь силу вынести тяжесть и боль бытия временной жизни. А то, что она будет и после смерти, — это уже *gratia gratis data*. Вечная жизнь — абсолютная инвариантность моего я во временном изменении. Но так как это **абсолютная** инвариантность, то она не ограничена моим временным существованием, то есть временем. Поэтому не только субъективная уверенность в инвариантности моего я абсолютно субъективная — абсолютная субъективность, которая необходима мне сейчас, во временной жизни, но сразу же, как есть, выходит за ее пределы. Но о формах вечной жизни после смерти мы ничего не можем сказать, кроме того, что это не античное бессмертие души — оно безлично (Аверроэс), но личное воскресение из мертвых, к которому мы причастны уже сейчас, до смерти. Вечная жизнь — уже здесь связь с Богом, Который не есть Бог мертвых, но живых.

Вечная жизнь нужна не столько для будущей жизни, сколько для этой. Прикасание к вечной жизни дает силу жить сейчас. Но дальше — по моей прежней терминологии — без особого усилия следует вечность вечной жизни. Это не тавтология. Если сейчас появились имманентные теологии без Бога, утверждающие только имманентность Бога, то есть существование Его только в вере (Зиммель), то и вечную жизнь можно

толковать имманентно: как бы вечную (als ob). Поэтому я говорю: если вечная жизнь не иллюзия и не суррогат, то действительно вечная, то есть продолжается для меня и после моей смерти. Слово «продолжается» здесь неправильное. Она есть сейчас, всегда сейчас, до моей смерти я касаюсь ее и вижу как через тусклое стекло, после же смерти надеюсь вкусить ее полностью: чаю воскресения из мертвых.

13 сентября. Не только животные, каждые две капли воды различаются, то есть индивидуальны. Но у человека — у меня — есть еще что-то другое, сверх естественного, то есть индивидуального, отличия. Это именно сверхъестественное, сверхприродное, чего нет ни у какого другого существа в природе. Поэтому три постулата Канта если и недоказуемы строго логически, то всё же допускают некоторое логическое обоснование с помощью разума. Правда, этот естественный свет разума будет действительно светом, если освещен верой. А без этого освещения — тьма разума, а не свет.

Так вот, разум, освещенный верой, говорит мне:

1. Во мне есть что-то, чего я не нахожу в других природных вещах и существах, что-то, что нередко заставляет меня поступать против моих естественных желаний, даже когда исполнение их ничем не угрожает мне. Угрожающее мне: неприятности, последующие за нарушением законов, правил приличия и дрессировки. Под дрессировкой я понимаю воспитание. Я нахожу в себе какое-то **нельзя**, которое не порабощает меня, как все другие естественные или привитые воспитанием нельзя, а, наоборот, освобождает, и не только от чувственных пожеланий и от человеческих ограничений и правил, внушенных дрессировкой, но и от моего ума и моей воли, от свободы выбора, от того, что Кант гипостазировал под видом категорического императива и чистой воли. Это именно та Истина, которая делает меня свободным, я же, освобожденный Ею, то есть Христом, уже не свобода воли, а именно абсолютная свобода, которая выражается парадоксально: пусть будет не моя, а Твоя воля. Я свободен, когда во мне Христос.

Это сверхприродное я воспринимаю отрицательно как **нельзя**, положительно — как то, что определяет мою личность, мое я, как трансцендентальный принцип моей личности, без которого ее и нет, как то, что создает и сохраняет мою абсолютную инвариантность и свободу. Подтверждается же и отрицательно во вполне реальном ощущении потери личности, в мечтаниях и парении мыслей или в не моей мысли, в ощущении греха, угрызаниях совести, раскаянии и покаянии, даже в тех случаях, когда не нарушен ни один закон, ни одно правило дрессировки и ни один человек не знает и не может узнать о моем прегрешении, которое могло быть и только мысленным прегрешением. Это и создает мое ноуменальное **я**, как бы его ни

назвать: душа, самосознание, абсолютная свобода, абсолютная инвариантность. Я нахожу это в себе не как природное, но именно в расхождении с природой, в каких-то отступлениях от естественного, в моих конфликтах с природой, в недовольстве ею, возмущении ею. Я ощущаю себя каким-то изгоем в природе, ее незаконным сыном, я отчужден от нее, выкинут из природы. Я не только в природе, но и вне природы.

2. Дальше мой разум, освещенный верой, говорит мне: это **нельзя** не сводимо ни на законы природы, ни на правила дрессировки, так как абсолютно. Оно не может быть ни от природы, ни от воспитания, так как именно противоречит природе, а часто и внушенным мне с детства правилам поведения. Естественный разум, освещенный верой, говорит мне: есть что-то, что действует на меня сильнее, чем природа и то, что называют культурой, что противоречит и природе, и культуре, чья сила и мощь превосходит силу природы, человеческого общества и культуры. И еще я нахожу другую силу, о которой сказано: грех стоит у дверей; он стремится к тебе, но ты должен господствовать над ним. Но так же точно я знаю, что если должен, то сам, своими силами я только **могу** господствовать над ним, всегда только **могу**, поэтому уже не могу:

во-первых, грех — это тоже не природное, животные не знают греха, безгрешны; грех — это нарушение того, что я нахожу в себе как сверхприродное. Во-вторых, то, что превосходит и природу, и культуру, то уже не я, но то, что создает мое **я**, и оно же преодолевает мой грех. Это — Бог.

Ошибка всех доказательств бытия Бога в рационализме. Еще Гаман, кажется, сказал: бессмысленно само выражение — доказательство **бытия** Бога, как отделить Бога от Его бытия? В доказательствах бытия Бога Его подчиняли условиям моего мышления, то есть моего разума. Схоластические постулаты: (1) в действии меньше бытия или силы, чем в причине (онтологическое доказательство). Но бытие не предикат. (2) Всякое действие имеет причину, значит, есть последняя причина (космологическое доказательство). Но само понятие причины только категория или свойство моего ограниченного ума. (3) Для всякого порядка есть основание порядка (физико-телеологическое доказательство). Но порядок природы для меня, скорее, непорядок: смерть — оскорбление человеческого достоинства (туземцы маори). Если же освободить эти постулаты от рационалистической шелухи, то есть от самой формы доказательства, то обнаружится их истинное ноуменальное ядро, очевидность которого только затемнялась формой доказательства:

(1) Во мне я нахожу то, что превосходит меня природного. — Это уже ядро онтологического доказательства.

(2) Я нахожу в себе то, что уже не мое я, чему я противодействую в грехе, чего нет нигде ни в природе, ни во мне, — это ядро космологического доказательства.

(3) То, что преодолевает мой грех, руководит мною как Провидение, — физико-телеологическое доказательство.

3. То, что я нахожу в себе и называю моей душой, ноуменальным я, как превосходящее природу, не подчинено законам природы. Значит, я не могу сказать, что с моей естественной физической смертью оно умрет. Правда, я не могу сказать и противоположного, что и после моей физической смерти оно будет продолжать существовать так же, как и существовало до смерти. Слова «после», «продолжать», «так же» — временные категории. Строго логически я могу только отрицать смерть души с моей эмпирической смертью. Поэтому для разума вечная жизнь — только неопределенное отрицание эмпирической смерти без всякого утверждения. Дальше — уже вера.

Господи, снова я увидел Твою руку, Твое Провидение. Ты дал мне страх, Ты запутал меня, чтобы распутать. Ведь всё свелось к той ночи, когда я уже потерял веру в вечную жизнь, тогда и временная потеряла для меня всякий последний смысл: я не видел вечной жизни во временной, тогда совсем не видел ее. Ты снова направлял меня месяц или два, чтобы, не насилуя меня, осветить верой мой запутавшийся жестоковыйный разум. Благодарю Тебя, Господи, помоги мне, Иисусе Христе, поддержи меня жалом в плоть, чтобы оно было сильнее, поддержи Твоим бременем, чтобы оно было тяжелее, тогда оно легко и иго Твое благо, дай мне знак Фомы.

21 сентября. У одного человека была собака, которую он очень любил. Последние годы она болела, он водил ее по врачам, делал уколы, но ничего не помогало. Последние дни она часто будила его по утрам, должно быть, ей было нехорошо. Раз утром она разбудила его, а он сказал ей: отстань, дай поспать. Она ушла на двор, потом в поле и умерла там. А может, она просила помощи у своего божества или перед смертью хотела с ним попрощаться. Как страшно, Господи, и еще страшнее, что это бывает и с людьми, и с самыми близкими: глаза тяжелеют.

Вы всё еще спите и поживаете, вот приблизился час...

22 сентября. Нравственный смысл страдания понимали и языческие мудрецы: воспитание воли, атараксия — невозмутимость духа, но не религиозный. Некоторое предчувствие его было в мистериях, но только

предчувствие, причем сильно натурализованное — связь со временами года, с физическим рождением, периодические повторения и т. д.

Сократ, умирая, был невозмутим, вел философские разговоры, шутил, а Христос тосковал, пот на Его лбу был как капли крови, а на кресте возопил громким голосом: Эли, Эли, лама савахфани.

«Дикари» маори говорят: смерть — оскорбление человеческого достоинства. Религиозный смысл страдания и смерти они поняли лучше Сократа.

Страдают и животные, но они не ропщут. Смерти они не знают, пока не приходит время умирать, когда же приходит, они не считают смерть оскорблением своего достоинства. Потому что они вообще не знают достоинства, достоинство — образ и подобие Божие, по которому Бог сотворил человека, только человека. Не зная достоинства, животные не знают и греха, безгрешны. Грех — нарушение достоинства, искажение мною и осквернение образа и подобия Божьего, нарушение первоначального, Божественного ритма во мне, повлекшее за собою проклятие на всю землю и смерть.

Страдание естественное — физическая боль. Но затем я, в отличие от животного, спрашиваю: почему мне больно и нехорошо, а не скорее хорошо? Греческий мудрец, со своей невозмутимостью, пытается уподобиться животному, он не хочет выйти из естественного состояния. Невозмутимый мудрец — это какое-то уродство, атавизм.

Человеку свойственно роптать, то есть восставать на природу, оскверненную грехом. Чьим? того же самого человека, который сам же, своим грехом осквернил природу, ставшую ему врагом. Это первая ступень понимания, возвышающегося над природой. А невозмутимый мудрец пытается искусственно вернуться в воображаемое состояние, в котором он фактически никогда и не был. Потому что животным человек никогда и не был, разница между ним и животным качественная, а не количественная, состояние же невинности — довременное, человек помнит, что он потерял что-то, но то, что он потерял, он уже не помнит.

Вторая ступень духовного понимания — страдание: человек рождается на страдание, чтобы, как дитя пламени, устремиться ввысь (Иов). Это уже религиозное.

Главный вопрос: что же страдание — субъективное, имманентное состояние или в нем есть духовное, сверхъестественное, абсолютное, трансцендентное ядро? Мое страдание уже не естественное, потому что я ропщу на природу, восстал на нее, чувствую внеприродное и положительно, и отрицательно — грех, то есть нарушение какой-то неестественной, внеприродной нормы, имею ощущение абсолютности, хотя бы как его нарушение. Ощущение нарушения нормы одновременно есть ощущение абсолютной нормы, которой я не нахожу ни в природе, ни в себе как члене природы.

Симеон сказал Деве Марии: и твою душу пронзит меч. И мою душу пронзает меч, и всякого человека, вплоть до Богочеловека. И никакой греческий мудрец не может доказать человеку, что он не страдает и что страдание не оскорбляет его человеческого достоинства. И только поняв это, я понимаю, что страдание освящает и возвышает меня — радость страдания и в страдании.

Есть духовная, сверхприродная жизнь, и есть абсолютный Субъект этой жизни — Бог. Тогда и Бог страдает. Но, как страдающий, Он уже не Бог Отец, а Бог Сын, хотя и тот же Бог. Бог так возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную. Тогда главное в жизни — крест, в котором я сораспинаюсь Христу, и мое страдание отождествляется с Его. Как Он берет на Себя мой грех, так и мое страдание. Страдание — точка соприкосновения с Богом в ИХ, поэтому начало всякой веры и всякой теологии.

Но, взяв на Себя мой грех, Он взял на Себя и мое страдание и освобождает меня от силы греха, силы страдания и смерти. «Смертью смерть поправ». Воскресение из мертвых.

Абсолютность и одновременно фактичность, или контингентность, страдания. Мое страдание фактично, ядро его абсолютно, я нахожу его в вере, именно в вере в крест — Распятый фактически реализовал абсолютность страдания, поэтому оно и абсолютно, и фактично. Без контингентного, то есть вочеловечения Бога, абсолютное было бы только абстрактным, то есть другим естественным. Абсолютное без фактического абстрактно и тогда другое естественное, то есть одно из двух отраженных абсолютных. Фактическое без абсолютного — другое естественное или другое отраженное абсолютное.

Физические страдания бывали и бóльшие, чем у Христа, но не духовные. Если я страдаю за грех моего ближнего, то это большее страдание, чем физическое или за мой грех. Христос же взял на себя грех всего мира, тогда Он реально испытал страдания не только своих ближних, но всего грешного мира. Затем — оставленное всеми, даже Богом: Эли, Эли, лама савахфани. Это уже самая сильная вера — вера, которая не верит, и она движет горы. Поэтому Он и воскрес, не только как Бог, как Бог Он и не умирал, но и как человек.

Парадокс: абсолютность и, значит, трансцендентность без своего отрицания — фактичности и контингентности — имманентна; то есть: сама абсолютность, именно как сама, есть свое отрицание. Должно быть и обратное, так как обе сами по себе — отраженные абсолютные. Дальше: так как в моем страдании я порвал с природой, то есть с естественным, и нахожу в нем абсолютное ноуменальное ядро, то, кажется, и чисто логически я могу сделать вывод: абсолютное фактично и контингентно в страдании — Богочеловек и крест. В этих двух словах — Богочеловечность и крест — весь экзистенциализм, и в этом отличие христианства от язычества.

Контингентность вочеловечения Слова и креста не в том, что они могли и не быть, но в том, что времена, сроки и формы пришествия Мессии были неизвестны; вочеловечение Слова было необходимо, и больше 1000 лет избранный Богом народ ждал Мессию (обетование Аврааму, завещание Иакова, Пророки, Исаия, гл. 53 и др.), контингентны время и форма пришествия Мессии. Поэтому и могло случиться так, что те, кто ожидал Его так долго и упорно, с постоянством и страстью, когда он пришел, не узнали Его. И это тоже меч, пронзающий душу: к своим пришел, и свои не приняли Его. И в этом тоже контингентность абсолютного.

23 сентября. Необрезанный иудей, некрещеный христианин, от одних отстал, к другим не пристал. Какая-то ирония, какая-то ироническая трансцендентальная схема жизни. Но не так ли и должно быть, Господи? Лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову.

У меня есть своя комната, мне легче всего в моей комнате, особенно сейчас; она пустая. В моей пустой комнате я один с моим Богом, с моим жалом в плоть, с моим крестом. В моей пустой комнате крестом Господа моего, Иисуса Христа, мир распят для меня и я — для мира. Не оставь меня, Господи, не оставь меня, иудея необрезанного, христианина некрещеного, не оставь меня, Иисусе Христе.

24 сентября. Боязнь мира у меня всегда была, должно быть, это грех моей эгоистически-солипсистской ограниченности, препятствующий осуществлению другой моей потребности — соборности. Но я всегда ощущал некоторый прямой путь, на который Ты меня поставил. Это узкий путь и тесные врата, и я всё время сбивался с него. Теперь же боязнь мира стала распятием его для меня и меня для него, Твоим крестом. Поддержи меня, Иисусе Христе, дай знак Фомы, чтобы глаза мои не тяжелели, чтобы я всегда бодрствовал.

1 октября. Что значит свободен? Что значит занят? Один весь день лежит на кровати. Это еще не значит, что он свободен. Другой весь день занимается делами. Это не значит еще, что он занят.

Есть другая свобода и другая занятость; занятость Тобою, которая есть свобода в Тебе, — Истина сделает вас свободными.

3 октября. Весь экзистенциализм в одном предложении: Слово стало плотью. Затем: к своим пришел, и свои не приняли Его. И наконец: крест. Для эллинов же крест — безумие, в этом отличие экзистенциализма от классицизма или духовного от душевного.

Парадокс: когда духовное не только отделяется от душевного, но и противопоставляется ему, как, например, у Платона, то оно делается другим душевным, абстрактное в определенном противоположении то же душевное, может быть, форма душевного. В Евангелии противоположение неопределенное, тогда и отождествление — Слово стало плотью; тогда и душевное одухотворяется.

Односторонность Кьеркегора. Он забыл слова Христа: могут ли печалиться сыны чертога брачного, пока с ними Жених? Но придут дни, когда отнимется у них Жених, и тогда будут поститься (Мф. 9:15). Поэтому 1800 лет (а сейчас уже 1900) имеют значение. При Нем из наших не могли выйти не наши (1 Ин.).

4 октября. Теодицея Лейбница просто скучна: он не понимал, что наиболее убедительно то, что недоказуемо, что не укладывается ни в какую логическую, рациональную форму. Поэтому для него в конце концов, как и для эллинов, крест — безумие. Ветхий Адам в нас не понимает, что «безумное Божие мудрее человеков и немощное Божие сильнее человеков... Бог избрал безумное мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное, чтобы посрамить сильных... Мудрость мира сего есть безумие перед Богом... Мы безумны Христа ради». И всё это: сораспяться Христу.

19 октября. В мысли надо различать:

1. Содержание мысли, оно обусловлено логикой мысли.
2. Предмет мысли — тоже не от меня, и здесь я не свободен.
3. Акт мысли: мне приходит на ум некоторая мысль — это не от меня, прилог. И вот здесь наступает некоторая ограниченная свобода: я могу обдумать ее, могу отложить обдумывание, могу думать традиционно или свободно. Это может быть какая угодно мысль: теоретическая, практическая, намерение, решение.

Мысль — возможное, по содержанию возможность детерминирована, формально же, то есть в отношении акта мысли, вполне возможна, то есть несуществующее, ничто. И вот в этом полном ничто — начало моей свободы: во-первых, формальная, относительная, во-вторых, абсолютная свобода: ничего не приписывать себе.

Экзистенциальное рождается в самом неэкзистенциальном — в только возможном, в ничто.

20 октября. О Иуде. Соблазн должен прийти в мир, но горе тому человеку, через которого он пришел, лучше бы ему не родиться. — Горе ему, это верно: горе Иуде. Это на земле. А на небе? Может, Бог сказал ему: горе тебе, ты будешь проклят на земле всеми, как самый последний предатель, но не на небе, так как тебе предстоит совершить величайшее дело: предать Сына Моего возлюбленного, предать Меня, чтобы спасти людей от их грехов; для этого Я тебя и избрал: ты совершишь величайшее зло, чтобы свершилось величайшее добро.

Я не понимаю этого, это страшно.

21 октября. Бывают какие-то мысли — начало мысли, и только подумаешь, вернее, только придет мысль и еще не успеешь додумать ее даже до середины, как видишь ее абсурдность. Так было летом, в июне, когда я пошел первый раз в Таврический сад. Мне очень не понравилось там, особенно тоскливо было сидеть. И пришла мысль: так тоскливо, пойду скорее домой к маме.

Я это часто вспоминаю, и подобные мысли или полумысли приходят часто. Благодарю Тебя, Господи, за эти полумысли, за эти прилоги, которыми Ты поддерживаешь меня моим жалом в плоть, ведешь к Себе.

2 ноября. Когда бес шепнул мне не мою мысль, он был *causa efficiens*, *causa finalis* — Ты. Ты меня совсем оставил, оставление Тобою и есть проникновение беса. Тогда я возопил громким голосом: Эли, Эли, лама савахфани.

Во-первых. Антоний Великий сказал: бес может только усилить в человеке ту мысль, которая в нем есть, то есть обнаружить ее. Он прав, но, кажется, только до некоторого предела. Потенциально во мне все грехи, в том числе и не моя мысль. И всё же и потенциально тогда не было во мне не моей мысли. Если Антоний прав безусловно, моя относительная свобода расширяется, а свобода Бога ограничивается, как будто Он не может быть конечной причиной мысли, которой у меня нет.

Во-вторых. Мог ли я не возопить? Тот я, которого Ты вторично родил в 1911 г., не мог не возопить. И всё же я мог не возопить. В самом акте не моей мысли, то есть в то мгновение, когда она пришла ко мне, когда бес шепнул, а я услышал, я мог отмахнуться от нее, отстранить ее, не думать, лечь спать. Я мог отложить обдумывание не моей мысли.

Наконец, я мог обдумывать ее, то есть своими силами пытаться преодолеть ее. Всё это было бы ошибкой, может, грехом, но всё же я мог сделать, так же как я мог сделать то, что сделал: возопил. Это было моей относительной свободой. Если бы я отмахнулся от нее, ничего бы не делал — и это тоже делание — и лег спать или сам пытался бы преодолеть ее, я детерминировал бы мой акт мысли и потерял бы и относительную свободу. Я мог это сделать, но не сделал, а только возопил громким голосом. Этот вопль был молитвой, и в этом вопле моя относительная свобода стала абсолютной свободой.

Если при виде опасности я совершаю подвиг, в этом есть моя заслуга. Если же при виде опасности я только кричу от страха — какая здесь заслуга? Я увидел опасность и закричал от страха.

Вообще понятие заслуги переносит меня, вернее, оставляет и закрепляет меня в возможности, в грехе.

Если заслуга исключается, сохраняется ли вина? Но вина за грех и заслуга — понятия, принадлежащие к разным родам:

заслуга — предельное понятие, то есть понятие, принадлежащее к предельной мысли. Приписывать себе заслугу — грех: исполняя всё повеленное вам, говорите: мы рабы, ничего не стоящие. Фарисей в храме гордился своими заслугами.

Абсолютная свобода ноуменальна, то есть вне предельной мысли. Греховный акт — пограничное понятие: он сразу у нас и не у нас, причем дважды: он всегда ноуменален, то есть относится к моей сущности; затем: когда совершен — только у нас, и уже нет никакой свободы, даже относительной, когда преодолен — я уже там, и он преодолен моей абсолютной свободой: Божья воля — Божья и моя. Но заслуги нет: Истина меня освободила, не я сам, а Истина.

Приносишь ли ты доброе или злое, грех лежит у дверей, он стремится к тебе... Вот грех лежит у дверей, стремится ко мне, могу ли я избежать его, в моей ли это власти? Нет, не в моей власти; как только я решу сам, своими силами, своей властью избежать его, я уже впал в грех, может даже больший, чем тот, что лежит у дверей: я понадеялся на себя, тогда он уже господствует надо мною. Не в моей власти избежать его, но в моей власти некоторый акт возможности, я не могу даже назвать это актом, потому что это только потенциальность, в которой нет никакой актуальности, именно возможность — несуществующее. В моей власти некоторое несуществующее, я уподобляюсь Богу, сотворившему что из ничто: Он всё предопределил, всё делает, ничего мне не оставил, и из этого ничто я творю что, когда у меня открываются глаза, как Бог, я различаю добро и зло. Это не акт, потому что акт совершает Бог, только некоторая мысль, то есть возможность, некоторый оттенок мысли или акта мысли — возможность возможности. Но в этом оттенке акта мысли я относительно свободен: относительно — потому что могу сразу потерять эту свободу, решив что-либо сам, положившись на себя, приписав себе; но могу и

реализовать ее — ничего не приписав себе, увидеть, что не я живу, а Ты во мне. В первом случае я виновен: я согрешил, вина на мне, даже если совершил повеленное мне, так как себе приписал Твое. Во втором случае я не согрешил, вины нет, но и заслуги нет, и я перенесен в другую область, где нет заслуг, кроме одной: заслуги Сына Твоего Единородного. Тогда не я живу, Христос живет во мне. Одна заслуга — Его, одна слава — Ему.

4 ноября. Мк. 8:35 — Мф. 16:25 — Лк. 9:24. Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня (Мк.: «и Евангелия»), тот сбережет ее.

Ин. 12:24-25. Если пшеничное зерно, падши на землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плодов. Любящий душу свою потеряет ее, а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную.

Постоянный мой вопрос к Тебе — грех, так как от желания сберечь свою душу; не содержание вопроса, а сам вопрос. Но не задавать вопроса, то есть избегать его, — тоже грех. Не исполнял ли я Твою заповедь — идя к Тебе, захватить и своего ближнего, возлюбить его, как самого себя? А сейчас мое жало в плоть не есть ли ненависть к моей душе в мире сем? Не ведешь ли Ты меня к Себе моим жалом в плоть? Но я снова оправдываюсь, прости меня, Господи.

Этот вопрос снова возник для меня неделю тому назад в машине, когда я ехал к М., и снова сейчас, когда думаю: могу ли я что-либо сделать? Что оставил Ты на мою долю? Ты оставил на мою долю очень много, всё — Твое ничто: из ничто, подобно Тебе, делать что. Абсолютная свобода: когда мне ничего не оставлено, из ничто делать что.

Связь между ничто, творением из ничто, абсолютной свободой и контингентностью. Контингентность — ключ к моей свободе. Так же как Слово от века предопределено было, предопределило Себя к тому, чтобы стать плотью, но в совершении вочеловечения, само это свершение было контингентным, а потому абсолютно свободным, так же и я от века предопределен к тому, что я совершаю, но и мое свершение контингентно, абсолютно свободно.

9 ноября. В моих воспоминаниях, в возвращении к прошлому Ты ведешь меня вперед к Себе — именно этим возвращением к прошлому. Ничего не забывается, возвращаясь к прошлому, я живу сейчас, то есть иду вперед, к Тебе. Помоги, Господи, жить сейчас, то есть уничтожить

мнимую временную границу между прошлым и будущим, всегда бодрствовать, и днем и ночью, дай знак Фомы.

16 ноября. Раз мне дано жало в плоть, то я не могу и не должен забыть его: ни забыть, ни смягчить. Поэтому каждый день прошу: помоги мне, Иисусе Христе, помоги мне моим жалом в плоть, чтобы было больнее, Твоим бременем, чтобы оно было тяжелее, дай знак Фомы, чтобы бодрствовать мне и днем и ночью.

17 ноября. Сны — это чистилище. В снах искупаешь грех: свой или своего ближнего, когда взял его на себя. Поэтому они так тяжелы: еще не искупил. И только редко бывает хороший сон, умиротворяющий: значит, искупил какой-то грех, свой или своего ближнего.

20 ноября. Сон. Мама рассердилась на меня. Я не знаю за собой никакой вины, пытаюсь оправдаться: это только недоразумение. Но мама не хочет слушать, прогоняет от себя. Я ухожу в другую комнату. У меня ранка на пальце, течет кровь. Я пытаюсь забинтовать, но ничего не получается. Мне хотят помочь, я отказываюсь. Мама в соседней комнате беспокоится за меня, зовет к себе. Я говорю: ты же меня прогнала, и не иду. Мама сама приходит, но полного примирения всё же не было. Это один из вариантов обычных сейчас снов — мое чистилище.

В этих снах проявляется какой-то мой грех: обида и жестоковыйность.

27 ноября. Игнавия, уныние, оставленность Богом, безнадежность — всё это одно: я хочу возопить громким голосом и не могу. — Я хочу возопить, Господи, и не могу, не есть ли эта невозможность уже вопль, помоги возопить громким голосом.

В наиболее неэкзистенциальном, в только возможном оттенке акта мысли принять или отвергнуть мысль я свободен. И когда несвободен, в этом же несвободен: желанию предшествует мысль об удовольствии от возможного удовлетворения желания, и также в свободе выбора. В моих ли силах, в абсолютной ли свободе или в свободе выбора мой вопль?

Господи, дай мне вопль, дай возопить громким голосом.

14 декабря. Вчера написал рассуждение «О воскресении из мертвых», заключение и вступление закончил уже 14 декабря в 2 часа ночи. — Мой подарок ко дню рождения.

Три темы, больше всего интересующие меня после 16.X.63:

1. Предопределение и абсолютная свобода. — Allwirksamkeit Gottes.
2. Ноуменальные отношения. — 4 выбора.
3. Воскресение из мертвых.

Связь их с 16.X ясна.

Два варианта инварианта бессмертия: соборный и индивидуалистический. Может, это необходимая религиозная антиномия? Связь ее с антиномией любви к ближнему:

1. Любить каждого ближнего своего, как самого себя.
2. Но как я один, так и ближний, которого я люблю, как самого себя, один, то есть единственный. Антиномия: каждый и единственный. Первое может повести к легализму, второе к эгоизму. Соблазны двух вариантов бессмертия и недолжные аппроксимации.

16 декабря. Если порвется связь с единственным ноуменально ближним, то тем более с другими. Может ли сохраниться моя личность, если порвется всякая связь с другими личностями? Если же порвется, останется ли мое отношение к Богу личным? Если не останется, то сохранится ли личность Бога, не станет ли Он только Божество, а не Бог? Не станет ли тогда и Провидение только естественной необходимостью? Но я знаю, Господи, нет, не станет. Но верна ли сама эта последовательность, необходима ли связь вопросов?

Три темы:

1. Склонность к акосмизму у меня всегда была, особенно ясно стало это в построении практического основоположения («Исследование о критерии» II). Акосмизм — теоретический вывод, неправильное аппроксимирование вывода из Allwirksamkeit Gottes. С 16.X.63 практически Allwirksamkeit Gottes в двух формах: положительно — Провидение, отрицательно — Бог меня оставил. Оставление Богом — тоже Божье дело. Ощущение греха, богоборчество. Гнев Божий = оставление меня Богом = богоборчество, как завершение и самосознание греха — вопль.

2. Я понял ноуменальное отношение, потеряв его — когда Ты убрал ее от меня. Тогда понял себя: я — ты — я; я — Ты — я; я — Ты — ты — я.
3. Знак Фомы.

25 декабря. Бог хочет, чтобы я с Ним боролся, поэтому Он и допустил мне соблазниться и пасть, чтобы у меня открылись глаза. *В этом смысл свободы выбора; моя* мысль, *мое* намерение, *мое* решение, *мое* сомнение, пока не дойду до предела полного сомнения в безнадежности, до полного сокрушения духа и не завоплю громким голосом: Боже мой, Боже мой, что Ты оставил меня. Тогда Ты приходишь и мою борьбу, мое сомнение обращаешь на меня же, и это равносильно тому, что Ты даешь мне веру. Ты доводишь меня до вопля — тогда я верю: жив Господь, жива душа моя.

Отказаться от своей свободы выбора я не могу, потому что сам отказываюсь, то есть выбираю невыбор. Я сам могу только стремиться к увеличению своей мнимой свободы выбора. Но это усиление себя самого может идти разными путями, в основном двумя:

прямой путь: явное своеволие, гордое сомнение, утверждение своей воли;

косвенный путь: неявное; сомнение до безнадежности и отчаяния.

Гордое сомнение всегда поверхностное, не полное, не до конца. Достоевский о неверии. Смирненное сомнение глубже, потому что я и ты, я и Ты соединены ноуменально. Настоящее сомнение в ты, вообще в не-я, в телеологичности моей жизни, в Тебе невозможно без сомнения в себе самом. Но гордый сомневается в чем угодно, кроме себя самого, в себе самом он уверен. Но поэтому его сомнение поверхностно. Только у верующего может быть глубокое, полное сомнение до отчаяния и безнадежности, до вопля. И тогда это уже полная, живая вера, которую Ты даешь.

Простое эмпирическое наблюдение, опыт: когда Ты ближе всего мне: когда я борюсь с Тобой в самооправдывании, когда мешаю Тебе, желая помочь, мешаю своими глупыми мыслями, своими рассуждениями, своими делами, когда от маловерия и слабости духа сомневаюсь до того, что только воплю от страха. Тогда Ты приходишь ко мне. Исключения, которые были у меня, может, только по видимости исключения: я не заметил или не запомнил, как шел против Тебя.

Христос пришел к Савлу, когда он восставал на Христа.

Иов.

28 декабря. Пока я не почувствую страшное в жизни, то есть страшность жизни, какую-то ненормальность, уродливость, *perversitas* [лат.] жизни, и не только умом, но всем существом своим, всем сердцем, всей душой, всем разумением своим, не почувствую так, что завоплю от страха, до тех пор, кажется, еще нет настоящей, живой веры, только предчувствие ее. Какая-то бессмысленная бойня не только в переносном, но и в прямом смысле, ведь первоначально Бог предназначил для еды животным — травы, людям — плоды. И не случайно изнасилование — от насилия. Затем, ложь, лицемерие, самооправдывание и нечистота. Из этих немногих компонентов складывается то, что называют жизнью, Карл Барт — эросом. Когда я это чувствую и воплю от страха, приходит Бог. Я не говорю: только тогда. Но если этого чувства-ощущения вообще никогда не бывает, я не знаю, приходит ли Он.

Синтетическое тождество различного, образец и основание которого Богочеловечество Христа, в грехе разделилось: предельность мышления, то есть ноуменальная дихотомичность павшего, поврежденного ритма моей души; от этого и свобода выбора. В Библии это сказано очень точно — вопрос змия: а подлинно ли сказал Бог... Этот вопрос и есть разделение синтетического тождества Богочеловечности и свобода выбора.

Адиафора — теоретическое обоснование благодушия, прикрывающегося словами: благообразие, благолепие, благодать, причем совершенно не понимают, что благодать — точный термин для страшного (страх Божий) и радостного — нуминозное, *mysterium tremendum*. Так оно было и для Августина, а сейчас, особенно для православных, это закрывание глаз на меч, пронзивший душу, на крест — соблазн для иудеев, безумие для эллинов, на серьезность и страшность жизни. Иногда же просто оправдание жизни бабочки-однодневки. У католиков — оправдание авторитета, для этого же теоретическое обоснование неуверенности в своем спасении или гибели — неполная вера и вера угольщика.

Адиафоре противопоставляется абсолютная небезразличность, полная уверенность:

а) в Провидении, руководящем моей жизнью, в моей абсолютной инвариантности, а значит, призванности и вечной жизни; в абсолютном смысле моей жизни, абсолютном — это значит: я нужен Богу, значит, всегда нужен, вечно;

б) в моей непризванности, в моей отверженности, оставленности Богом, отчаяние и сокрушение духа до полной безнадежности, так что ничего не остается, как только вопить от страха: Эли, Эли, лама савахфани.

Не колебание между этими двумя абсолютно несовместными полными уверенностями, не бесстрастная адиафора к ним, а полное отождествление их есть живая вера. Для человека это невозможно. Но невозможное для человека возможно для Бога. Только Он дает мне отождествление этих двух несовместных для меня уверенностей. «Моя сила совершается в немощи» — в немощи моего ума, моей мудрости, в немощи всех моих сил.

В грехопадении я разделился:

а) сохранение и утверждение одной только уверенности без вопля — фарисейское самодовольство;

б) сохранение и утверждение в одной только уверенности в непризванности, бессмысленности моего существования, в конце концов только уверенность в себе самом, тогда — Sein zum Tode. Ставрогин.

Легкомысленная и пошлая форма этого сомнения — атеизм: Лукиан, Вольтер, Монтень (должно быть), Сартр и др. Часто соединяется это с сентиментально пошлой и очень противной жалостью к себе — Хемингуэй («Молись, товарищ, вечному ничто»), часто со злобой, наглостью и бесстыдством — Вольтер, у Шостаковича, кажется, и то и другое. Конечно, вопля: Эли, Эли, лама савахфани — здесь нет. В основе самовозвеличение:

а) в **своей** праведности, то есть лицемерии, так как своей;

б) в **своем** уме, то есть глупости, так как своем.

В обоих случаях я занимаю высокое место на пиру. Тогда хозяин пира подходит ко мне и говорит: это не твое место, пересядь пониже.

Тождество а и б через крест, через вопль. Я занимаю последнее место на пиру. Тогда подходит хозяин пира и говорит: друг, пересядь повыше, там твое место. Он называет меня уже своим другом. Это тождество и сразу: justus peccator — интенсивное, и во времени: временем искушение, временем утешение — экстенсивное.

30 декабря. К. Барт, кажется, много написал, да и вообще многие теологи много писали. Я не понимаю, а когда они думали? Когда искушались и соблазнялись? Когда просто так лежали на кровати, ничего не делая? Когда предавались мечтаниям и бесовскому парению мыслей? Если же бес не искушал их соблазнами и праздными мечтаниями, то что они знали?

Господи, избавь меня от мечтаний и бесовского парения мыслей, не введи в искушение, избави от лукавого, дай знак Фомы.

1966

11 января. Сейчас я убедился, что вина на мне, я виноват, виноват в своей замкнутости, в своей ограниченности, ограниченности собою, греховной закрытости, прости меня, Господи, дай силу прорвать мою греховную замкнутость, дай знак Фомы.

Сейчас, в 2 ч. 30 мин. ночи 11.1, ушел Г. [Орлов], и я понял свою ноуменальную вину, свою отверженность, свой грех. Он не в словах, не в намерениях, не в мыслях, а глубже, во мне, в глубине меня. Я несправедливый грешник, эта несправедливость сидит глубоко во мне, так глубоко, что я бессилен, не знаю, как добраться до нее. Грех замыкает меня.

Так же непонятно, не занимая никакого места, стоит передо мною, когда я один, ничто, парализующее всякую возможность действия, превращающее меня в раба, ленивого, неверного; и так же непонятно во мне самом другое ничто, так же невыразимо не занимая места, и так же реально во мне, как и ничто внешнее, вне меня, передо мною. Когда я ищу его, оно ускользает от меня и снова прочно стоит во мне. Я не могу назвать его, указать на него, оно замыкает мне рот, реально замыкает меня.

Может, один грех в двух видах, невыразимая, непередаваемая никакими словами глубина греха в двух формах, два реальных ничто:

ничто вне меня, лишаящее меня всех сил, делающее меня рабом, ленивым и неверным; и ничто во мне, замыкающее меня. Оба ничто — один грех, мой грех, прости меня, Господи, Иисусе Христе, помоги.

Утром. Когда я знаю свой грех, я знаю, чему противодействовать, не говорю: могу противодействовать — когда могу, не могу — но знаю, то есть имею мысль, в мысли могу не мыслить от себя — это могу уже другое: из ничто создать что. Самое страшное, что я не знаю, чему противодействовать; что вчера противодействовало мне: не было никаких плохих ни мыслей, ни намерений, было ноуменальное отсутствие — *μηδὲν* [греч.], был сам грех, сам дьявол в форме ничто, и он замкнул мне рот. Была внесенная им дьявольская путаница жизни под предлогом обсуждения М. — их и нашего.

Два ничто — сам дьявол, которому я не могу противиться в своем грехе, и даже не это: всё равно я сам ничего не могу, — но я даже не могу завопить от страха, чтобы Ты освободил меня от него. Когда я один, он является мне как внешнее ничто, парализующее не только мою абсолютную свободу, но и свободу выбора. Хоть бы она оставалась,

я знал бы, что вредит мне, и завопил бы громким голосом. А здесь и вопить нет сил. Когда я не один, а с моим ближним, дьявол является мне как внутреннее ничто, замыкающее мне рот, изгоняющее меня из общения святых, из соборности, из открытости. Я говорю: дьявол, но здесь какой-то омерзительный союз дьявола с моим грехом, их заговор против меня, а я один, бессилен. Это бессилие тоже грех, но что делать — я не знаю. Так бывает в страшных снах: страшное приближается ко мне, а я парализован — знаю, что надо закричать, чтобы проснуться, и не могу закричать. Господи, разбуди меня, дай вопль, Эли, Эли, лама савахфани.

Может, мой грех был в том, что я увильнул от разговора о нашем М.? Но ведь и в этом я виноват, вина на мне, что мне делать, Господи, либер *Готт, Готтеньки, Обрах Монес*, афтун.

Кьеркегор говорит: дух увидел себя, осознал, устремился вверх, но сам, своими силами ничего не может. Тогда видит перед собой пропасть, в которую он неминуемо свалится, от страха — страха ничто — у него кружится голова, его мутит, он падает в пропасть: ты полетишь, как камень зыбкий, в сияющую пустоту. Только никакой божественной улыбки при этом нет, одно невыносимое отвращение к себе самому, к ничто во мне, как бы сегодня ночью, невыносимое отвращение к дьяволу в форме ничто, заполнившего меня, заключившего союз с моим тайным, неизвестным мне грехом; дьявол и мой грех, восставшие на меня. Помогите, Господи, Эли, Эли, лама савахфани.

Дьявол — это безличная вата, о которой говорил Стерлигов, вата, замыкающая мне рот, отделяющая меня от других.

Ты дал мне понять, что грех моего ближнего — мой грех, как ребе Суссия, я воплю: Боже, до чего я мерзок, не мой ближний, а я, я мерзок, даже тогда, когда он согрешил, вина на мне. Его грех бесконечно меньше моего, моей вины его греха. Но его бесконечно малый грех причиняет ему бесконечно большое страдание, и вина на мне. Освободи, Господи, его от его бесконечно малого греха, тогда и я буду освобожден от моей бесконечно большой вины за его малый грех. Помогите нам, Господи, яви Себя нам, дай знак Фомы.

У индусов есть, кажется, формула святости: я есть ты. Я всё время чувствую: я не ты. Твой грех — мой, на мне вина греха моего ближнего, но я только мучаюсь, не могу освободить моего ближнего от страдания его греха — от моей вины его греха — от моего греха. Я есть ты в грехе, это я чувствую, но в прощении греха я один перед Тобою, я не могу передать ему то, что Ты даешь мне, тогда снова я не ты, снова в грехе и, идя к Тебе, не могу захватить своего ближнего. Тогда Ты снова отталкиваешь меня от Себя и снова, отталкивая, притягиваешь, и снова иду к Тебе, и снова я есть ты в грехе, и Ты прощаешь меня, а я не могу передать ему Твое прощение, и Ты отталкиваешь меня и, отталкивая, приближаешь. Господи, рассеки этот круг, останови это бесконечное движение, этот безумный бег, дай знак Фомы.

29 января. Ин. 11:33. Иисус, когда увидел ее плачущую и пришедших с нею иудеев плачущих, Сам ВОСКОРБЕЛ ДУХОМ И ВОЗМУТИЛСЯ.

Кажется, никогда я не писал о моем богоборчестве в настоящем времени, всегда в прошлом, то есть как то, что было: я обнаруживал его в прошлом, например в самооправдывании, и каялся. Не потому, что я боялся написать, так мне кажется, а потому, что настоящее богоборчество — это не тупое внешнее фрондирование, не сознательное, а бессознательное восстание на Бога, какая-то полускрытая глубина моего греха, какое-то ядро моей глубокой мысли, ее основной тон. Этот основной тон скрыт от меня, я обнаруживаю его в каком-то верхнем обертоне, поэтому записываю позже и в покаянии, а не потому, что боюсь записать; хотя это и страшно. Вот почему я привел эту цитату: Сам Сын Божий воскорбел духом, и возмутился, и нам завещал возмущаться. Без этого возмущения нет живой веры. Но Бог обращает это возмущение против Него обратно на меня же, этим возмущением Он ведет меня к Себе; тогда я «отрицаюсь и раскаиваюсь на пепле и прахе». — Иов.

Я не могу не восставать на Бога, даже мелочно спорить и пререкаться с Ним; не могу, потому что он требует этого от меня. Неверующий не понимает, фарисей лицемерит, уверяя других и себя, что он не восстает на Бога, как это уверяли друзья Иова. Но Бог оправдал не их, а Иова. Но это богоборчество тайное, Иов высказал самые тайные мысли человека, и именно верующего. Поэтому Бог и простил Иова и примирился с ним.

14 февраля. Я боюсь ощущения или сознания моей нужности для кого-то, то есть что я нужен кому-то, что я какой-то оракул, что-то из себя представляю. Я всегда знал и знаю, что то, что я писал, нужно

всем, но никто этим с 1941 г. не интересовался, и мои вещи были сами по себе, а я, каким я являлся другим, был другим. Вернее, я и был тем, чем были мои вещи, никто ими не интересовался, и это было хорошо. И была у меня моя лестница Иакова, стержень жизни, а глупые, пошлые прихоти были в стороне, это был не я. Я был в моей лестнице Иакова, которая вела меня к Тебе, и в моих вещах, в которых Ты открывался мне, которые Ты открывал мне. Я ничего не представлял из себя, Ты был всё. И вот всё изменилось. Ты убрал от меня мою лестницу Иакова и дал мне взамен жало в плоть. И всё, кроме Тебя, мне стало неинтересным. Я снова пишу, но вещей не делаю, мне стало это безразличным — всё равно. Может, единственная вещь, которую я делаю сейчас, — эта тетрадь. И вот, когда мне стало безразличным, хорошо ли я напишу или плохо, что скажут о вещах моих другие, представляю ли я из себя что-то или кого-то, мои вещи стали читать, я стал чем-то. И это так фальшиво и глупо, что я что-то, а не ничто, как был до 16.X.63. И еще хуже приятность, которая иногда появляется при встречах. После этого невыносимое отвращение и к фальши быть чем-либо, и к приятности. Я был что как ничто, теперь же в встречах — как что — ничто. Господи, освободи меня от фальши быть чем-либо, от значительности в глазах людей, от приятности встреч, опустоши меня и наполни Собою.

Шестов спрашивает: почему Аполлон не любит людей, считающихся нравственными, а предпочитает беспутных? Потому что самое безнравственное беспутство лучше уверенности, что я что-то представляю из себя. Я должен знать и быть уверенным, что, делая что-либо, исполняю Твою волю и Твое дело, а в жизни я сам — последнее ничто. Я что только как ничто.

Если я уверен в деле, которое Ты делаешь через меня и мною, я не могу и не должен быть уверен в мирских делах. Если я уверен в Тебе, то не уверен в себе. Прочность Твоего дела в непрочности всех моих дел, в непрочности меня самого, в ничтожности меня самого. Горе мне, если обо мне говорят хорошо.

9 марта. Те же вопросы и тот же бунт против Бога, что и у Иова, возникает у каждого человека. Может, даже неверующий часто более чист перед Богом, чем верующий. Потому что оба борются с Богом, только верующий лицемерит и фарисействует. Под неверующим я имел здесь в виду скорее неопределенное отрицание, то есть: не неверующий, а неневерующий. Убежденный в своем уме атеист так же убежден в себе, как и фарисей в своей праведности. Оба верят не в

Бога, а в себя: в свой ум или в свою праведность. Но сейчас я хотел записать другое. Недавно у меня мелькнула мысль: где же Твое Провидение? — мелькнула как-то очень конкретно и нехорошо: не есть ли вся жизнь только естественно детерминированная последовательность событий, которая, поскольку мы не знаем ее, как лапласовский идеальный ум, представляется нам случайной, поэтому допускающей руководство Божие? Это не то, что было когда-то, когда мне представилась убедительность естественной необходимости — не сама необходимость, а только убедительность или убежденность; как моя убежденность она не лучше и не хуже всякой другой моей убежденности. Но сейчас было не то: мне представилась сама случайность и бесцельность жизни. И сразу же Ты произвел во мне какой-то совсем незначительный, ничтожный сдвиг, как будто две сетки — сетка моей жизни и сетка понимания моей жизни — разошлись, не вполне совпадали, а Ты чуть-чуть сдвинул вторую сетку, и они совпали: я увидел Твое Провидение в самых ужасных, страшных и непонятных событиях жизни. Это было какое-то мгновенное полное понимание целесообразности всей жизни, всего Твоего домостроительства. Такое полное понимание не могло длиться больше одного мгновения. Это было не вхождение в радость Господина моего и не просто конкретное ощущение Провидения в моей жизни, а именно полное понимание всей и всякой жизни. Я жалею, что не записал сразу. Но может, потому и не записал, что было мгновенное понимание, просто что-то блеснуло, всё осветило и сразу же погасло, как молния ночью.

Скорее, как я писал в «Симфонии»: тень мысли на мгновение осветилась и стала действительностью.

30 марта. Соборность в сознании вины, и особенно вины за грех, в котором я не виноват. Эта вина объединяет меня с Христом, взявшим на Себя грех всего мира, виноватым за всех, виноватым без вины; и через Него — со всеми. Непосредственно объединяет крест, а не слава, только через крест слава. Теология славы — путь восточной и неоплатонической мудрости, в этом ее язычество и отличие не только от Нового, но и от Старого Завета. Господом моим Иисусом Христом мир распят для меня и я для мира.

1 апреля. Есть какие-то обертоны или тени мысли, и часто, очень часто они важнее самой мысли. Сейчас я хочу быть один, один с Тобой. Во вторник позвонил М. [Мейлах], он должен был прийти ко мне и сказал, что не придет, так как заболел — что-то вроде свинки; придет

через несколько дней. Какой обертон мысли я услышал от себя еще даже до самой мысли? Удовлетворение: значит, не придет, я буду один. Конечно, если бы я знал, что, придя ко мне, он выздоровеет, я сразу же сказал бы: пусть придет сейчас же. Но ведь обертон-то я всё-таки уже услышал.

Здесь есть еще особая моя подлость, ведь я всегда могу сказать: нет, сегодня не приходите. Но я не люблю говорить нет, мне это как-то неловко, неудобно сказать. Значит, я обрадовался болезни моего ближнего только ради того, чтобы избежать некоторого своего неудобства или неловкости.

У Островского один купец говорит: до чего хочется блинков поесть, хоть бы умер кто из знакомых. Прости нас, Господи.

8 апреля. Интересно одно — Бог. Верно, что все бегут от Бога, но также верно, что во всех людей Бог вложил интерес к Себе, бесконечный интерес к Себе. Это память о том, что мы забыли. Интересно одно — Бог. Интересно всё — поскольку во всём есть искра Шехины — славы Божьей. Интересна и самая глупая статья в газете, в ней отрицательно или отрицательно-положительно есть искра Шехины Божьей. Но когда ко мне пришла не моя мысль, когда Ты допустил войти в меня не моей мысли, чтобы я возопил громким голосом, чтобы я понял, что значит возопить громким голосом, чтобы я понял счастье возопить от страха громким голосом и услышать ответ, то за те несколько минут, что прошли между моим воплем и Твоим ответом, я понял ужас Твоего отсутствия, я понял, что когда Ты отворачиваешься от меня — всё неинтересно, я понял адскую скуку, я понял ад. И я понял, что моя любовь к Тебе, моя бесконечная заинтересованность Тобою сожжет адский огонь. Он мне не страшен, я не боюсь его. Что мне на небе и что на земле, если Ты со мною. Ты со мной всюду и на земле, и на небе, и в Раю, и в аду. Тогда нет и ада. Только Ты, всё во всём Ты.

1966

28 апреля. Античное бессмертие души неубедительно, так как не личное. Бессмертие у египтян и вавилонян понималось очень материалистично, просто продолжение той же самой земной жизни и потому неубедительно. У евреев бессмертие относилось к избранности народа ради славы Божьей, затем к Мессии. И когда исполнились времена, Он пришел. В Нем и я получаю личность и вечную жизнь. Может быть, истинная личность аналитически включает в себя и вечную жизнь. До Его прихода Он давал личность и вечную жизнь по вере в Него Грядущего, так как Он вечен. Долгое время евреи как бы молчали о бессмертии, вернее о воскресении к вечной жизни. И всё же, ожидая Мессию, они тем самым жили молчаливой уверенностью в вечной жизни. Христос сказал же: Я есмь вечная жизнь.

Сп[еранский] говорил, что Обр[азцов] очень боится смерти. Ст[ерлигов] презрительно отозвался о боязни потерять свое мясо. Это уже эллинская мудрость, свойственная часто православию. Мне кажется, Ст[ерлигов] не прав. Я не знаю, как боится Обр[азцов], вряд ли правильно и хорошо боится, но сам факт страха смерти еще ничего не говорит: страх Божий связан со страхом смерти, и, может, во всяком случае часто, без второго нет и первого. И Христос в Гефсимании тосковал, страшился и скорбел.

11 мая. В [19]30 или 31 г. Введ. раз сказал мне: я рассказывал о тебе Кузмину, и он просил привести тебя; я сказал, что это невозможно, так как ты никуда не ходишь (кроме Л., В., Х., О.). Я молчал, хотя Кузмин и его вечера интересовали меня и я хотел пойти. Но я думал, что могу брать только то, что лежит на моем пути, сам же менять его не должен и что лежит в стороне от моего пути — не брать. Это, конечно, игра, правильная игра, и имеет точные правила: если бы я стал ходить к Кузмину, мой образ жизни — строй жизни — сильно изменился бы. Но если бы Введ[енский] просто сказал: Кузмин хочет тебя видеть, в субботу в 9 ч. я найду за тобою, и мы пойдем к Кузмину, — я пошел бы, правила не нарушились бы, я сам не проявлял инициативы.

До банкротства в сокрушении духа и до саморазоблачения — игра, не внешнее актерство, а соблюдение своего пути в намеренном сокровении откровения и откровении сокровения. Потом намеренность пропадает, тогда бесстыдство, экзистенциальное, ноуменальное бесстыдство. В игре может быть различно: творчество важнее жизни или жизнь важнее творчества. Но когда игра кончается, главное не

творчество, а жизнь, главное — Ты, не только как *causa finalis* — это и в творчестве, но и как *causa efficiens*, и *formalis*, и *materialis*. Главное тогда — строй души, в котором Ты. Что мне на небе и что на земле, если Ты со мною.

26 мая. Сегодня я проснулся от спазма голосовых связок. Причем это связано было со сном: каждый спазм — мысль Ницше. Как всегда, это было настолько ясным, что не записал, а потом, конечно, забыл.

Л. говорил, что мои сны напоминают сны Ивана Фёдоровича Шпоньки; а сейчас — ад Свидригайлова. Днем я Дориан Грей, а ночью — его портрет.

Может, так стало оттого, что много пишу? Исаак Сирианин говорит, что и чтение псалмов и Евангелия тоже молитва. Это неверно: очищает, но всё же, кажется, не молитва. Писание вещей очищает — опустошает, а сейчас, может, заграждает меня. Скорее эта тетрадь — жало в плоть — молитва: перед Тобой.

Я — что как ничто. В встречах как что — ничто, а сейчас и в писании рассуждений, особенно когда исправляю и переписываю. Иногда после исправления и переписывания, также после встреч я говорю, как Веспасиан: в такие годы и такой позор.

Может, это самое нехорошее сейчас — исправление и переписывание. К чему это? Проходит образ мира сего и уже почти прошел.

1 июня. Рим. 7:25. Итак, тот же самый я умом моим служу закону Божию, а плотию закону греха. Свобода выбора и грех, как мгновенный акт, — абсолютно свободны, то есть духовны; грех — духовно антидуховный; материально же, то есть в осуществлении и содержании, — плотское. Даже вина без вины и навязанная мне свобода выбора, как только навязана мне, вошла в мое духовное ядро: в акте; но в содержании — плотское рабство. Если я существую и есть только во взгляде Бога на меня, то, как только Он пожелал увидеть меня грешником, я и стал грешником: так как я и есть такой, каким меня видит Бог. Но, возложив на меня вину без вины, Он тем самым возложил на меня и ответственность за нее. Хотя я и сотворен Им, но Он пожелал увидеть меня ответственным за мою тварность и сотворенность, и как только Он пожелал и увидел меня ответственным, я и стал ответственным за всякий мой грех, за самую мою греховность.

Не только оправдание, но и грехопадение — *actus forensis*. И только через грехопадение я и стал ответственным за всякий мой поступок, за всякую мысль.

2 июня. Когда я вспоминаю свое прошлое, то есть мое поведение при встречах с людьми, разговоры, даже ближайшее прошлое, всё, кроме одного, кажется мне глупым и пошлым, и я стыжусь его даже до последнего времени. Я уже не говорю о моих грехах. Но вещи мои не кажутся мне глупыми, даже старые: есть неудачные, может, и много, но нет в них той глупости, которой я стыжусь, нет их даже в дневниковых записях. Это зафиксировано и в Лёниных «Разговорах», там есть моя глупость.

Взгляд назад на свою жизнь, даже на то, что было вчера, только что, обнажает, может, ноуменально раскрывает прошлое. Одно, которое я исключаю, это моя лестница Иакова, здесь я ничего не стыжусь, то есть моего отношения, только каюсь, здесь мой грех; может, оттого и сны такие, и сегодня также.

Время, то есть временность в встречах и общении, при греховном неумении прорвать свою загражденность — вот что опошляет, вносит какой-то дурной, грешный запах.

Мои вещи отделены от меня внешнего, встречающегося с людьми, даже сейчас, когда они стали экзистенциальны, когда почти каждая из них написана именно по случаю, по экзистенциальному случаю. Два с половиной года тому назад я записал, что стыжусь разговоров при встречах, так как говорит моя старая *eigentliche Existenz*, уже мертвая, ставшая *uneigentlicher Existenz*. Но сейчас я, кажется, и говорю о том, что пишу, и всё же при встречах существую и говорю *uneigentlich*, или как магнитофон.

4 июля. Я живу во взгляде Бога на меня. Каким Он желает видеть меня и видит, такой я и есть. Он пожелал увидеть меня грешником и увидел, и я стал грешником. Зачем? чтобы открылись глаза, чтобы ввести меня в Радость Твою.

Ответственность за всё творение — это Его привилегия. И Он передает ее мне. Грех — несоизмеримость бесконечной ответственности с моей конечностью — сотворенностью. Ответственность и соборность.

Между мною и всей для меня бесконечной во времени и пространстве Вселенной — бесконечность и бесконечная пропасть. Для Тебя же — один мгновенный акт сейчас, одно здесь, вечное мгновение, вечное сейчас-здесь. Моя ответственность в грехе, Твоя — в святости, так как Ты актуально бесконечен, Ты и есть актуальная бесконечность.

Не моя сотворенность грех, а знание моей сотворенности, и тогда, в знании моей сотворенности, я виноват и за мою сотворенность, то есть

просто: виноват, что я существую, живу. Христос освобождает от этой вины. Освободи меня, Иисусе Христе.

6 июля. Я всегда тот же самый и всегда не тот же самый. Бог — тот же самый в не том же самом — абсолютное синтетическое тождество. У меня разделилось: я тот же самый, во времени не тот же самый, то есть как бы изменяюсь.

Феноменально: «тот же самый» представляется мне во времени, которого нет, только как формальное, а не субстанциальное единство многообразия.

Ноуменально: субстанциальна моя инвариантность — лицо, взгляд, данный от Бога. Изменение же, сама временность и прехождение — только внешняя оболочка, варианты одного инварианта. Поэтому и мутит от времени, от самого прошло и проходит.

10 июля. Я читал, что «Исповедь» Августина совсем не так непосредственна, как это считалось раньше. Прошлое изложено не всегда так, как было, что подтверждается его же письмами. И это не забывчивость, а сознательно модернизированная реконструкция прошлого — так говорит автор статьи. Но можно ли провести точную границу между ноуменальным обнаружением, то есть ноуменальным раскрытием прошлого сейчас, и модернизированием его? Проецирую ли я настоящее, то есть сейчас, назад или, наоборот, прошлое сейчас открывается? Когда я сейчас вспоминаю Д. И., я вижу и понимаю его лучше, чем тогда.

И в прошлом, и в настоящем надо различать некоторое ноуменальное ядро и его явление. Ноуменальное ядро прошлого открывается сейчас, но в ретроспективном взгляде я вижу его явление, может, и иначе, не таким, каким оно было; но только явление, не ядро. Но что значит «каким оно было»? Самые подробные записи и свидетельские показания не могут восстановить его таким, «каким оно было». Помимо того, состояния одного рода пронизывают состояния другого рода, как множество иррациональных чисел множество рациональных. Ни один человек не может непрерывно иметь откровения. В промежутках он ест, пьет, спит, отвлекается и многое другое.

К. Holl — о Симеоне Новом Богослове: чувство, намеренно и искусно изображенное в литературном произведении, не обязательно надуманно и фальшиво, но может быть и истинным. Это относится и к Августину. И авторы псалмов, и пророки писали иногда стихами.

Снова о старых записях: рядом и глупое и умное, и плохое и хорошее, и низкое и высокое — что же такое человек? Что или кто я? «В чем достоинство человека? В ноздрах жизнь его».

5 августа. Я проходил мимо дома, где жил Д. И., и думал: каждый день я гуляю час, два и так же гулял 40 лет тому назад. Мне показалось, что тогда было так же и сразу же: нет, не так же. Что так же? Ощущение тайны. Что не так же? Всё не так же. Тогда тайна была почти нераскрытая, слепая, поэтому страхи, приметы, формулы безопасности. Теперь их нет: опасности пришли, потерь много, но тайна не слепая: открывается в сокровении и скрывается в откровении; и меч, пронзающий душу, и жало в плоть.

7 августа. Кажется, впервые понял или начал понимать, что значит умер, пресытившись жизнью. Это значит: примирился со всем и со всеми, с миром и с Богом, почил в Боге. Я ходил в Александровский парк, где 33 или 34 года тому назад возник третий разговор вестников, и снова всё было почти то же и уже совсем другое. Деревья, люди — всё это было совсем вне меня, чужое, уже не мой мир. Не в том смысле, как я писал в «Свердловских трактатах», но именно мой мир сейчас — не мой, а тот, не мой мир, — мой. Он уже не страшен. Я хожу по улицам, по дорогам, и всё, что было, и все, кто были и кого нет, — со мною, а то, что есть, что вижу глазами, — вне меня. И моя лестница Иакова уже не жало в плоть. Это хождение по улицам — молитва; молитва и тогда, когда не читаю молитв. Я один перед Тобою, с Тобою, и всё, что было, и кто были, и она, со мною перед Тобой, в Тебе.

Жало, конечно, осталось жалом и пусть жалит больнее, и бремя пусть будет тяжелее, но приходит какая-то отрешенность, я отрешаюсь от себя самого, от мира, от всего, с чем и с кем встречаюсь. Проходит образ мира сего.

И тогда была некоторая отрешенность и даже предчувствие жала в плоть: ведь погрешность была именно погрешностью, недостатком и, как недостаток, достоинством и совершенством. Было почти то же, что и сейчас. И какая-то удовлетворенность, примиренность и благоговение было и тогда. И всё же не то, совсем не то, хотя и то же. Различаются как начало и конец того же самого. И предчувствие жала в плоть, самое сильное экзистенциальное предчувствие, еще не экзистенциальное присутствие жала в плоть. 33 или 34 года тому назад было

экзистенциальное предчувствие, предсуществование того, что стало и есть сейчас.

31 августа. Кьеркегор мне сейчас так интересен, потому что я нахожу много общего между им и моей философией еще до 1954 г., когда я впервые познакомился с ним. Даже не общее, а иногда то же самое, только на разных языках. Исходный пункт один — Благая весть, но он отталкивается от Сократа, я — от Пиррона (апория — «Вестники»). У него *Schwermut*, у меня игнавия, игнавия лишена эмоционально-психологического оттенка, свойственного *Schwermut*. Он лиричен, я боюсь лиричности и в жизни, и в своих вещах. Он полемичен, я не выношу полемики. У него демонизм эротически окрашен, у меня скорее человек из подполья Достоевского. От этого же, должно быть, он обращал особенное внимание на *Aneignung*, *Existenzmitteilung*, я — на *Existenzlehre*, которую он отрицал, мне кажется, неправильно, тем более что у него есть и *Lehre*, а не только *Mitteilung*. У него сохранился романтический и гегелевский жаргон, я полностью освободился от них. У него сохранились еще гегелевские пережитки — синтез, триады, у меня — скорее кантовские. У него триадичность, у меня — дихотомичность. Он идет от теологии к философии, я — от философии к теологии, хотя общая основа — Благая весть — та же. Но если сделать некоторый перевод терминов, суждений, высказываний с его языка на мой, иногда (очень часто) получаются удивительные совпадения. Но всё это мне сейчас не нужно, это старое, уже умерло. Не моя философия, она мне и сейчас помогает для теологии, и не философия вообще, а мой интерес к ней. Поэтому, говоря словами Кьеркегора, у меня и получилось сейчас не *Wiederholung*, а *Erinnerung*, и от этого — *Verzweiflung* и потеря непрерывной молитвы, к которой я всё же приближался и прикасался.

2 октября. Кьеркегор искал читателя, который бы его понял и тогда отверг, потому что человек — повод, учитель один — Бог.

Понять — это значит: целиком принять и целиком отвергнуть. Поэтому Хайдеггер, Сартр, Ясперс, Бультман, вообще философы, философствующие ни о чем, не понимают Кьеркегора. Они частично принимают, частично отвергают, дополняют другими: немного тут, немного там, как говорит пророк Исаия.

Сейчас, в четвертый раз читая Кьеркегора, я понял его; раньше я только находил удивительные религиозные совпадения. Сейчас могу сказать: я целиком принимаю его и целиком отвергаю.

«Целиком принять», может, потому и равносильно «целиком отвергнуть», что оттенок оттенка моего высказывания моего существования — моя первородная ложь. Целиком принять — целиком сделать своим — целиком отвергнуть себя.

Лет 6-7 тому назад я рассказывал маме о кибернетике и ее чудесах. Неожиданно мама сказала: скоро люди дойдут до того, что будут есть друг друга. Здесь действительно есть какая-то связь: кибернетика, неопозитивизм венской школы, историзм и герменевтика, понимание без того, что понимается, философы, философствующие ни о чем, духовное одичание, людоедство.

15 октября. Бог ничего не забывает, и 16.X.[1963 г.] Он поставил меня в такое положение, что и я уже ничего не могу забыть. Он всегда в этой вечной и всегда живой памяти, а моя память в неустойчивом равновесии, и я всё время падаю, и восстанавливаюсь, и восстанавливаясь падаю. Его вечная память — реальность, моя — только заповедь мне, чтобы не усохла душа моя, живое, неустойчивое равновесие. И когда я утверждаюсь в нем, я падаю, когда же падаю, Ты поднимаешь меня и держишь: разоблачаешь мое самоутверждение в любом равновесии, чтобы оно не было моим, а Твоим, чтобы не было никакой устойчивости, повседневности. Поэтому становится так стыдно, когда что-либо забываю. Да не усохнет душа моя.

12 октября. Моя лестница Иакова, а сейчас мое жало в плоть — как моего личного отношения к Тебе, чтобы оно не стало автоматизмом мысли и повседневности. Поэтому каждый день прошу: помоги и мне, окаянному, моим жалом в плоть, чтобы было большее, бременем Твоим, чтобы было тяжелее, дай знак Фомы, чтобы бодрствовать мне днем и ночью.

17 октября. Жало в плоть — личный коэффициент веры, чтобы вера была живой. Если без страдания нет веры, то нет и без жала в плоть. Иначе устойчивое равновесие, автоматизм повседневности. Но если печаль только о земном, то и жало в плоть не поможет. Может ли быть печаль только о Боге, без всякой земной печали? Не знаю.

Было ли жало в плоть до 16.X.63? Было: и игнавия, и истина нулевой степени, и оно. Но была еще и привязанность к земному через мою лестницу Иакова, которой я был нужен и которая мне нужна. Всегда должно быть жало в плоть, чтобы равновесие было неустойчивым и поддерживал меня не я сам, а Бог.

15 ноября. Мое первое дело: быть одному. Тогда я не один: с Тобою. Мое второе дело: быть одному и писать. Мое третье дело: вместе радоваться и бояться сего славного и страшного имени Господа Бога нашего. Но оно не удастся мне, а если бы удавалось, было бы первым: где двое или трое собраны во имя Мое, там буду и Я. Поэтому бессмысленны все встречи сейчас, и виню я в этом себя: только теоретическая вертикальная соборность без горизонтальной.

Правда, суетного предвкушения встреч уже нет, скорее тягостное ожидание.

У меня сегодня некрасивое, мелкое чувство беспредметной озлобленности: мне надо продолжать «Видение»; и я не могу продолжать, потому что надо идти на выставку М. Ш[емякина]. И это мне не надо. Там будут встречи и мне надо будет говорить. И это мне не надо. Мне придется задержаться часов до 6, так надо. И это мне не надо. А то, что надо, — быть одному, до 6 ч. не удастся. А когда приду домой, будет или рассеяние, или слабость духа, или физическая слабость, которая тоже есть слабость духа.

6 декабря. Когда я был молод, еще в 20-е гг., мне казалось, что всё, что было, и приятное и неприятное, и хорошее и нехорошее, — всё не случайно и к лучшему: какая-то естественная теодицея. Но эта телеология, как естественная, была детерминирована, поэтому — страхи, приметы, предосторожности. В «Вестниках» я понял случайность и контингентность — частный случай и небольшую погрешность в некотором равновесии, поэтому же и нетелеологичность некоторых событий в моей жизни — второй и третий разговор из «Вестников». 17.VIII.34 г. было для меня абсолютно непонятным, через год я написал: выпал год жизни; зачем? не знаю. Это уже отрицание всякой теодицеи, не только детерминированной. С войны у меня начинается ощущение новой теодицеи, недетерминированной и недетерминируемой, но определяемой Провидением. Сильнее всего это ощущение было в отношении к моей лестнице Иакова. И за последние три года это ощущение стало еще сильнее. Индетерминированная теодицея не исключает моих ошибок и возможности лучшего: да, было много плохого, много моих грехов, за которые и сейчас мучаюсь, и первый — мое легкомыслие и слабость духа в отношении к моей лестнице Иакова. Многое могло быть лучше, и сейчас было бы легче. И всё же во всём этом, в моем грехе, в моей глупости, в моей пошлости — во всём, вернее, сквозь всё это я вижу Провидение, руководившее мною всю мою жизнь. Это уже индетерминированная теодицея: могло быть лучше, многое могло быть лучше, и всё же Провидение руководило

мною, и к лучшему. Небольшая погрешность вошла в телеологию, и теодицея стала индетерминированной и определяемой Богом.

23 декабря. Даже самый лучший из всех людей если он считает себя лучше своего соседа, то он слеп. Вот что значит: чтобы видящие стали слепы. Потому что самый лучший — видящий. Это ноуменальный сдвиг всего строя души, Божественное *mysterium tremendum*.

Недостатки, пороки и грехи другого человека я пойму, если найду их в себе. Если я их не реализовал, а другой реализовал, то есть осуществил, то не потому, что я лучше него, а потому что у меня были какие-то задерживающие стимулы, большей частью не нравственного и не религиозного порядка, и очень часто просто трусость: боязнь нарушить свой покой, боязнь мнения своих знакомых и другие. Но и достоинства другого человека я найду через сознание своих недостатков, иначе я не сумею отличить подлинное достоинство от ложного, или показного, или считаемого другими за достоинство. Потому что всякое понимание — симпатическое понимание. Это тоже имеет какое-то отношение к изречению Христа: чтобы видящие стали слепы.

Один православный сказал мне: я не хочу осуждать, но всё же не понимаю романы и связи Введ. Но разве это непонимание не есть уже осуждение? Если я не почувствую и не пойму, что я хуже своего ближнего, то я уже осудил его. Я не понимаю того, чего у меня нет. Если я говорю, что не понимаю какой-либо грех моего ближнего, не просто проступок, а именно грех не понимаю, то тем самым говорю, что у меня этого греха нет, и возвышаю себя.

Есть тайные мысли, которых я стыжусь и скрываю даже от себя самого. Если я удачно скрываю их, то в глазах людей я хороший и нравственный, а если удачно скрываю их и от себя самого, то и в своих глазах я не плох и не безнравственный. Но с религиозной точки зрения это грех и фарисейство. Введ. ни перед другими, ни перед собой не скрывал дурных мыслей, которые есть, может, у всякого или почти всякого человека. Что касается до реализации дурной мысли, например блудной, то в глазах людей и с нравственной точки зрения осуществление хуже мысленного греха, с религиозной же точки зрения иногда может быть и наоборот.

1967

2 января. Я думал, что с 16.X.63 игнавия прекратилась. Это и верно и неверно. Верно: игнавия прекратилась так же, как и нет со мной моей лестницы Иакова. Неверно: есть у меня моя лестница Иакова, но она стала моим жалом в плоть, Бог сделал ее моим жалом в плоть. И игнавия прозрела в опустошенности чужого, невидящего взгляда, тень от которого осталась, чтобы не усохла душа моя. Игнавия была моим грехом, теперь, объединившись с моим жалом в плоть, она стала моим жалом в плоть, чтобы не усохла душа моя. И сейчас она жалит меня после рассеяния 31.XII-1.1: мне надо исправить некоторые места моего «Видения невидения», и кажется, я уже знаю, что надо сделать, и не могу, ничего не могу.

Я всё время говорю: в одной точке и грех и святость, и вина и обращение. В одной точке были и игнавия, и моя лестница Иакова, и после X. 63 они сблизились: обе жалят, чтобы не усохла душа моя.

14 февраля. В игнавии и у Д. И., и у меня была какая-то невозможная необходимость: необходимо писать и невозможно писать. Тогда всякое другое дело, даже писание, если не самого главного, было бы изменой необходимому и главному. Но главное, необходимое дело в игнавии было невозможным. Высказывание, фиксирование на бумаге, было высказыванием жизни. Письменная фиксация высказывания была моим стеклянным кораблем. Сейчас его нет. Поэтому хотя временами и много пишу, но удовлетворения нет.

Главное переместилось. Но сейчас погрешность превысила некоторую ненеобходимую фактическую и совершенную норму. В чем избыток погрешности? Знаю, что этот избыток — грех, знаю и грех, но не знаю корень его. Помоги мне, Господи.

23 февраля. Если я что-то делаю для того, чтобы Введ. и Хармс стали известны и правильно поняты, то не в силу долга. Ты освободил меня от всякого долга. А потому, что дело В., Л., О., Х. — мое дело. Не мое, а Твое, которое Ты поручил нам выполнить, которое выполняешь через нас, нами.

11 марта. Пока человек живет, он чего-либо хочет, в крайнем случае хочет не хотеть и не жить.

Чего я хочу? Я хочу, чтобы мои ближние были более-менее здоровы и имели хотя бы некоторое удовлетворение от жизни. Я хочу, чтобы рукописи, в том числе и мои, сохранились. Я хочу, чтобы В., Х. и Л. были изданы, О. сохранится и будет издан и без моего участия. Я хочу, чтобы они были изданы скорее, но если они сохраняются и будут изданы не сейчас, а через год, два или три — это не пугает меня и не относится к моим первым желаниям. Тем более издание моих вещей не принадлежит к моим первым желаниям. К тому же в этом отношении мое желание амбивалентно: издание их связано с новыми знакомствами и встречами. Я не говорю, что все встречи мне неприятны, но и после приятных встреч почти всегда, а может, и всегда, бывает неприятно. Потому ли, что на мне лежит какое-то проклятие, или это мой грех, что я не могу вместе радоваться и бояться сего славного и страшного имени Господа Бога нашего, но после встреч бывает похмелье, и не только физическое, но и духовное. А я прежде всего хочу радоваться и бояться сего славного и страшного имени Господа Бога моего. И еще я хочу, и прежде всего хочу, и каждый день прошу: умножь во мне веру, Господи, помоги и мне, окаянному, моим жалом в плоть, чтобы оно было больнее, бременем Твоим, чтобы оно было тяжелее, дай знак Фомы. Дай знак Фомы, Господи, чтобы вложить мне руку в рану Твою и чтобы я был верующим, а не неверующим. Верую, Господи, помоги моему неверию.

15 марта. Страха адских мучений после смерти у меня нет. Почему? Потому ли, что слаба вера в личное бессмертие, или потому, что сильна вера в некоторую абсолютную инвариантность души, заключенная в абсолютной реальности Бога, то есть вера в Провидение? Если второе, то традиционный православно-католический страх адских мук и постоянная неуверенность, может быть, грех: желание противодействовать путям Провидения, то есть Богу. Да будет воля Твоя, но и в аду я буду любить Тебя. Но любовь в аду уничтожает ад.

Но верно ли, что у меня нет страха адских мук? Состояние точки, затерянной в бесконечном пространстве, нулевое состояние и представление моего отвержения, оно, пугающее меня, представление бессмертия как временного *indefinitum* и то, что я называл одиночеством Бога, представление страдания оттого, что я уже на небе не страдаю и вижу, как страдают оставшиеся на земле мои ближние, — что это, как не адские муки и страх адских мук? Может быть, у меня нет не страха адских мук, а страха материализованных (физический огонь, смола и пр.) или психологизированных (совесть, бесплодное раскаяние и пр.) адских мук, представляемых слишком по-человечески, тогда

соединенных с корыстными заботами о своей душе. Это уже психологизм в эсхатологии, страх адских мук надо тоже освободить от психологизма: 1) материалистического или эмоционально-морализирующего представления адских мук; 2) от корыстных забот о спасении своей души — это тоже психологизм.

Традиционное представление адских мук и забот о спасении своей души основано на представлении заслуг и наград. Поэтому еще Лютер отверг католическую неуверенность и страх, как греховный. Доверие к Богу несовместно с этим страхом. Это психологизм, пелагианство и синергетизм: как будто мои заботы и заслуги могут изменить решение Бога от века. *Alleinwirksamkeit Gottes* несовместна с действительностью моих забот и моей свободы выбора. Бог разрушает всякое дело моих рук, сотворенное от меня и во имя мое; и также во имя моих забот о спасении моей души. И это и есть тожество *Alleinwirksamkeit Gottes* с моей абсолютной свободой: да будет воля Твоя.

Но остается страх сейчас и страх страха сейчас, соединенного с страхом последнего сейчас, то есть эсхатологичность моего сейчас, его окончательность, как называл это Введ. То есть страх Божий.

У меня нет предметного страха адских мук, но есть беспредметный страх моей отверженности: если будущая жизнь не во времени, а в вечности, то представление адских мук как будущих — психологизм. Меня страшит не то, что я потом буду в аду, а не есть ли я уже сейчас в аду? И это тоже страх Божий.

Кьеркегор: для античности вечность позади, то есть прошлое, для иудейства — будущее, для христианства вечность возвращается из будущего, то есть сейчас.

19 марта. В математической логике, написанной только знаками, первая страница или хотя бы полстраницы написаны словами, объясняющими знаки (метаязык). Я думал: моя философия написана на чинарном языке или нет?

1. Философия и теология — первая страница всего и искусства также, поэтому, во всяком случае до некоторой степени, написана на обыкновенном, не чинарном языке.

2. Чинарный язык — атональность, то есть фиксация онтологической бессмысленности: языковой, логической и ситуационной. В мою философию и теологию фиксирование бессмыслицы входит как установление реальной онтологической и гносеологической антиномии — тожества апории или синтетического одностороннего тожества, затем антиномии акта и состояния, что и к а к, имени и усвоения, созерцания и участия и др. Тогда, во всяком случае до некоторой степени, и моя философия написана на чинарном языке.

3. Отдельные части или небольшие вещи написаны и на чисто чинарном языке.

22 марта. Классическая форма бесовского соблазна: а правда ли... (бес — Ева). В таких случаях самое опасное вступить в пререкания с бесом. Ева потому и пала. В этом случае правильный ответ один: отойди от меня, сатана, ибо ты мне соблазн. Когда я утром, только проснувшись, услышал голос: небо сходится с землей на горизонте, я с удивлением и отвращением отвернулся от него (от голоса). О явлениях беса. Я не отрицаю объективированных, даже материализованных явлений беса. Голос, который я услышал, был объективирован, то есть был голосом извне, может, даже материализованным: я почти слышал его. Я не сказал прямо словами: отойди от меня, сатана. И всё же я сказал это: отвращение к голосу, пренебрежение и было высказыванием. Я мог вступить с ним в пререкания, и здесь две возможности: беспредметное пререкание — самооправдывание — это уже падение. Предметное пререкание: возражение бесу. Тогда бес ответил бы: я ведь сказал только о видимом небе, ты сам подумал о невидимом, ты сам сказал: горизонт — **воображаемая** линия, где небо сходится с землей. Я бы ответил, что в его словах ясно слышал подлое недоговаривание, подлый намек, и так втянулся бы в пререкания, самооправдывание и пал бы. По существу, и беспредметное и предметное пререкание с дьяволом одно и то же, и, вступая в спор с соблазном и бесом, желая победить его, если и удастся победить или переговорить, всё равно это будет самооправдыванием и самоутверждением, то есть падением. Даже отвергнув соблазн, любой соблазн, в споре, пререканиях, борьбе и победе над ним, я уже погряз в соблазне. Потому что соблазн всегда мысленный, фактическое совершение соблазнительного поступка — вопрос техники.

Главное: как я отвергнул соблазн, если в свободе выбора и борьбе, то я уже погряз в нем и пал. Это знал и Нил Сорский и другие. Но многие в борьбе с соблазном погрязали в нем и в еще худшем соблазне — в самоутверждении и тогда в фарисействе, так как думали, что побеждали его.

Но сейчас я хочу сказать другое: разница между предметным и беспредметным явлением беса есть, но не по существу. Голос, сказавший, что небо с землей сходится на горизонте, и подлый намек, который я услышал тогда, был предметным: я сразу понял, просто услышал его как голос не от меня. Не моя мысль, конечно, предметна, но бес, шепнувший мне ее, сразу же скрылся, голос был беспредметным. Поэтому тогда искушение было более страшным, как Ева, услышавшая голос змия, я даже не знал, что это искушение. Но в обоих случаях бес побеждается не борьбой, не свободой воли, а

молитвой: молитвой-отвержением — отойди от меня, сатана, или молитвой-воплем.

Что за бес мучает меня уже месяц? Он не является мне в предметной форме, поэтому мне некому сказать: отойди от меня, сатана, ты мне соблазн. Но нет и предметной не моей мысли, чтобы я мог завопить громким голосом. Двойная беспредметность: беспредметность беса и беспредметность соблазна — парализует меня. Нет даже страшного, опустошенного взгляда. Что делать? Помоги мне, Господи.

31 марта. Как молитву всё время повторяю: смиренный не может пасть: куда ему пасть? он ниже всех. Великая высота смирение.

Это из Макария Египетского. Он пишет еще о простоте. Может, ее мне больше всего не хватает.

5 апреля. Неверно, не надо мне обезболивающего: пусть будет жало в плоть больнее, пусть будет бремя Твое тяжелее. Первое лекарство надо мне, во сне я правильно понял, и это лекарство Ты, Господи, Ты, Иисусе Христе, и сейчас я, окаянный, как чувствую это, как желаю, излечи меня, Господи, помоги мне, окаянному.

Ощущение и сознание греха и моего греха у меня есть, и сильное, — греха и страшности жизни из-за греха. Но к себе самому иногда какое-то безразличие и отвращение: туда тебе и дорога, грязная свинья. Это грех, и, по-видимому, большой — уныние. Я, раб неверный и ленивый, закопал свой талант в землю. Талант, конечно, не мои вещи, не писание, а дар Твой, дар вечной жизни. Какое-то вялое безразличие и безгливость к своей душе, от этого слабость веры в воскресение и жизнь вечную. Я имею вечную жизнь сейчас в ощущении абсолютной инвариантности моей души, в ощущении Провидения, но не хватает мне ощущения-чувства эсхатологичности моего сейчас, ощущения-чувства вечной жизни как будущей жизни. Я ощущаю сейчас вечности, ощущаю в сейчас прошлое как исполнение времен, и всё же нет полноты времен, слаба надежда и ощущение будущего в сейчас. От этого вялость, бесперспективность, уныние уже второй месяц. Господи, Иисусе Христе, умножь во мне веру, дай надежду, дай силу и крепость, дай знак Фомы.

19 апреля. По Фрейду, человек забывает то, что хочет забыть; по Бергсону, человек вспоминает то, что хочет вспомнить. Это не значит, что человек забывает или вспоминает всё, что хочет забыть или вспомнить. Фрейда и Бергсона интересовала структура или механизм памяти с научной, психологической точки зрения. Фрейд смотрит на человека и жизнь пессимистически, мрачно, поэтому исходит из детерминизма психической жизни. У Бергсона религиозно окрашенный, более радостный взгляд, поэтому телеологический. Фрейд спрашивает, почему человек забывает? Бергсон: **зачем** человек вспоминает? Чтобы исполнить поставленные им или природой, а может, и Богом цели. Но с чисто религиозной точки зрения, может, интересны именно противоположно поставленные вопросы: почему или, вернее, зачем я не могу вспомнить то, что хотел бы вспомнить? Почему я не могу забыть то, что хотел бы забыть? Первое сокрушает мою гордость, уверенность в себе, мою собственную праведность. Второе — мой грех и ответственность за грех, мое жало в плоть, чтобы не усохла душа моя.

20 апреля. Отчасти Юнг прав: языческие религии, во всяком случае до некоторой степени, — естественная психотерапия. Отчасти и мистика с пантеистическим уклоном, поэтому и христианская мистика не так уж сильно отличается от языческой и мусульманской. Но Благая весть от Бога.

Всякая религия от Бога, и в тот момент, когда язычник молится одному из своих богов, если молится всем сердцем, всей душой, всей крепостью своею, он молится Единому Богу Авраама, Исаака и Иакова, хотя и не знает имени Его. В молитве две стороны: я и Ты. Юнг исследует одну из сторон: я. При этом растворяет Ты в стремлении я к Ты — Зиммель: религия без Бога. Но тогда субстанциализирует и гипостазиирует Ты, к Которому стремится я, под видом бессознательного. Языческая и мистически пантеистическая догматика, мифология и фразеология дают повод для такого гипостазирования, Ветхий и Новый Завет освобождают от этого, то есть от рабства психического механизма. Естественная психотерапия — суррогат веры, Юнг принял суррогат за веру.

Когда-то я записал: великая тайна, которую открыл Христос: всё можно и всё нужно, и тогда уже ничего не нужно — свобода от рабства психического механизма.

26 апреля. Мф. 24:23-24. Тогда, если кто скажет вам: «вот здесь Христос», или «там», — не верьте; ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить,

если возможно, и избранных. — Юнг — лжехрист и лжепророк. Это удивительно: самое далекое ближе всего, рядом, на одном месте: Христос и антихрист. Но если на глаз расстояние очень большое — это еще не антихрист. Фрейд как будто значительно дальше от Евангелия, чем Юнг, на самом деле ближе и, конечно, значительнее Юнга. Он открыл рабство психического механизма, хотя ему и не дано было найти путь освобождения от этого рабства. Путь — Христос. Но у него всё же была Leidenschaft, например в книге о Моисее, а у Юнга, мне кажется, самодовольство. Он почти подошел к истине, но самое далекое от истины ближе к ней, чем почти истина. Почти истина дальше всего от истины. И это не я говорю, а Христос — Мф. 24:23–26. Юнг признал религию отчасти. Это «отчасти» в сущности полное непонимание религии, адиафора к ней. Лучше уж biederliche признание Фрейда в том, что у него нет веры, может, это уже вера, так как покаяние, начало покаяния. И его выведение и обоснование веры, более далекое от истины, чем у Юнга, именно потому, что более ложное, — менее ложно в религиозном отношении и меньший грех. Может, и вообще не грех, а несчастье Фрейда.

Эта ложь «отчасти», то есть ложь самого «отчасти», — улика Бога. Я ясно чувствую и вижу антихристову ложь «отчасти», ложь «почти». Но ясно чувствовать и видеть антихристову ложь можно, только видя и чувствуя Христа. Антихрист — ложь только потому, что Христос — истина, «отчасти» — ложь, потому что есть путь, истина и жизнь, нет и лжи, если нет истины, нет критерия для определения лжи и лживого «отчасти», если нет истины. Я не мог бы и знать, что ложь есть ложь, если бы не было истины, личной истины — Христа.

27 апреля. Письма Гоголя. Гоголя погубило православие. В одном письме, отвечая на упрек в католицизме, он пишет, что чувствует не католическое, а скорее протестантское влияние. И в другом он говорит, что умом понимает, что Христос — Богочеловек, потому что человек не может так понять человеческую природу, как понял Христос, может только Богочеловек, умом он понимает это, а веры у него нет. У него не веры не было, а веры в православный монофизитизм и докетизм с индусским оттенком и еще в православную казенщину — Филарет и др. И здесь снова ложь «отчасти»: отчасти Христос, отчасти восточная мистика. Говорить, что было бы, если бы... глупо. Очевидно, ему и предназначено было страдать в поисках Христа, истинного Христа, а не Христа, преломленного через восточную языческую мудрость и православную официальность. Теологию Христа униженного, то есть теологию креста, а не Христа, прославленного в воображении некоторых Отцов восточной Церкви, — вот что он искал, поэтому и чувствовал протестантское влияние. Не отец Матвей погубил его, а

православие в целом. И снова — это улика Бога: поиски истинного, а не воображаемого Христа. Православие тоже Denkprojekt, но, в отличие от Кьеркегора, с язычески-магическим уклоном. Православная магия не удовлетворяла Гоголя, поэтому он и жалуется на слабость своей молитвы.

Водное крещение — baptisma — иудейский обряд, причем или законнически-фарисейский, или символический: как водное обмывание очищает от физической грязи, так водное обмывание, соединенное со словом, очищает от духовной грязи. Именно слово создает из обряда таинство. Это говорил и Августин, и Лютер: вода есть вода, schlechte Wasser, а Слово очищает: μετανοια — изменение строя души, духовное и реальное, а не магическое и естественное. Так было и в раннем христианстве, но очень скоро появилась магия крещения. Христос крестился у Иоанна, но сказал: так надлежит нам исполнить всякую правду. Я думаю, эта правда только человеческая: человек — плоть и дух; поэтому правильно полностью порвать традицию и в то же время сохранить. Тогда человеческая правда становится Божьей — Божественным домостроительством. Поэтому Христос и говорит, что пришел не нарушить закон, а исполнить: полностью порвать традицию, сохранив ее. И это снова улика Бога.

Может, ошибка сектантства в односторонности: полностью порывает традицию, не сохраняя ее. Тогда православие, католичество и отчасти протестантство впадают в другую односторонность: сохраняют традицию и заменяют ею заповедь Божью, как сказал Христос о фарисеях и законниках — Мф. 15:6. Благая весть по самому смыслу своему всегда есть протест против мира сего, власть над которым пока отдана дьяволу, поэтому всегда разрыв с традицией, но при этом и сохранение; в сохранении не внешнем, а внутреннем проявляется Провидение и Божественное домостроительство.

Иоанн Креститель сказал о Христе: Он будет крестить вас Духом Святым и огнем. Христос Сам не крестил, и апостолы, кроме Павла, не прошли через водное крещение. И на язычника Корнилия снизошел Святой Дух до водного крещения. Я не отрицаю водного крещения, Христос завещал его. Я отрицаю магически-естественный характер водного крещения, потому что магия тоже естественна, если не бесовская. Не магическое естественное преобразование души, а духовное сверхъестественное — вот что крещение. Я отрицаю не водное крещение, а полуязыческое водное крещение. Главное же: я не знаю истинной видимой христианской церкви, где бы я мог креститься. Может, это от гордости, но мне кажется — от страха солгать и успокоиться, совершив обряд.

В православии и католичестве часто нет смирения, даже у Пшивары: какое-то пренебрежительно-высокомерное отношение к «не своим». В конце концов это такой же провинциализм, как у масонов и других древних и новых тайных орденов: магическая, а не духовная посвященность. К ним уже прямо относится то, что я раз записал: посвященному открывают как последнюю тайну: нет никакой тайны. Одного православного я попросил рассказать мне, как не Мария Египетская поднималась на четверть аршина над землей, а как он духовно поднимался в церкви. Он ответил мне словами настолько общими и неопределенными, что я увидел: нет никакой тайны, одно только воображение и самовнушение — Suggestion. Я говорю только о его словах, надеюсь, что у него что-то и было, но в его словах ничего не было.

Слово превращает обряд в таинство. А само слово без воды будет ли таинством? Если говорить о крещении, то надо ответить: вообще — нет, иногда — да. Если же говорить не об обряде, то слово и без вещественного знака может быть таинством. Но порвать вообще и совсем связь между словом и видимым телесным знаком — материей, плотью — плохо: Христос не только истинный Бог, но и истинный Человек, Слово, ставшее плотью. Если нет связи невидимого с видимым, то есть я не нахожу этой связи, то это или глупость абстракции, или мой грех, или мое несчастье.

29 апреля. Исихия вызывает у меня очень сильные сомнения:

1. Возвышение созерцания и молчания над верой, надеждой и любовью — влияние восточной мудрости: учение об уме — гностицизм. Но Евангелие не требует и не нуждается ни в каком дополнении. И апостол Павел был вознесен на третье небо и слышал неизреченные слова, которые нельзя передать, а исихасты думают, что можно передать. И Христос подолгу молился, и сознание «Я и Отец — одно» — созерцание, но теории созерцания — философский интеллектуализм, а не религиозный: третий род познания у Спинозы, интеллектуальное созерцание Фихте, интуиция Бергсона, *erosche* и *Wesensschau* Гуссерля и т. д. Они и обоснованы философски, и может, часто и правильно (только не *Wesensschau* Гуссерля), хотя и имеют религиозный смысл. А у Григория Паламы обоснование гностическое и религиозно-материалистическое, это неправильно.

2. Разделение на сущность и энергию — схоластическое, причем всё же очень неопределенное. Учение о Фаворском свете — фантазия, воображение и противоречит Евангелию: «...и услышав, ученики пали на лица свои и очень испугались... Возведши же очи свои, они **никого** не увидели, **кроме одного Иисуса**» (Мф. 17:6, 8). И на иконах Преображения ученики изображаются лежащими на земле, лицом к земле. Они именно не могли вынести Фаворского света.

3. Учение о молитве — смотреть на свой пуп и задерживать дыхание — учение индусских йогов — материализм и психотерапия. Христос учит совсем другой молитве. Поэтому не случайно даже у Исаака Сирианянина, тем более у Григория Паламы личность Христа, Сам Христос чувствуется мало. Как и всякая мистика, и их мистика — не индивидуальная, от других мистиков, мусульманских, индусских, персидских, они отличаются только случайными, несущественными, национальными и историческими подробностями. Не случайно Юнг нашел то же самое и в Ведах и у Майстера Экхарта. Даже у Исаака Сирианянина я часто не чувствую, что Слово стало плотью, тем более у исихастов. Две крайности у них: монофизитизм, растворяющий Иисуса, Сына Марии, в Божестве вообще, и магический, материалистически-психотерапевтическое упражнение. А от последнего:

4. Selbstgerechtigkeit — своими силами и аскетически-психотерапевтическими упражнениями добиться вознесения на третье небо. Христос требовал не упражнения — работы над собою, а обращения. На третье небо возносит Бог, а не мои упражнения. Ищите, стучите, просите, Царствие Небесное берется силой — всё это не упражнения, а μετάνοια, то есть противоположное пути совершенствования. Не лестница совершенствования (Иоанн Лествичник), а μετάνοια — покаяние и обращение, а вознесен ли я буду или нет — не от меня зависит. Может, именно в страдании и оставленности Богом Бог и возносит меня, мнимое же приобщение и желание приобщения к свету — своеволие и эвдемонизм. Я не знаю, о чем и как должно молиться, и могу только просить и вопить, чтобы Сам Дух неизреченными воздыханиями ходатайствовал за меня. Дух, исходящий от Отца и посылаемый Христом. Пошли мне, Господи, Иисусе Христе, Дух Твой, чтобы Он вывел меня из моего болота, сдвинул с мертвой точки.

30 апреля. Воскресение. Еще подобно Царство Небесное **сокровищу, скрытому** на поле, которое **найдя** человек **утаил**, и от **радости** о нем идет и **продает всё, что имеет**, и покупает поле то.

Сокровище — скрыто — найдя — утаил — радость — отречение.

5 мая. Гоголь в переписке: черствость души, то есть слабость духа, маловерие. Но если тоска по отсутствующей силе духа так сильна, что он умирает от тоски по силе духа, то это уже сила духа? Сила духа от слабости духа, тоскующего по силе духа. Наша с Д. И. игnavия. Мучение оттого, что ничего не мучает, сильнее всякого мучения. Schwermut Кьеркегора. Но если сказать: всё это маловерие и неверие, то вот Кьеркегор стал ли свидетелем веры?

Не через физически-психотерапевтические упражнения, но скорее через слабость духа, тоскующего по силе духа, через мучение оттого, что ничего не интересует и не мучает, через оставленность не людьми — это блаженство, — а Богом возносит Бог человека на третье небо и говорит ему неизреченные слова, которые передать на человеческом языке невозможно.

6 мая. Тайны, непередаваемые человеческим языком, — именно антропологические, причем теоцентрически-антропологические. А космогонические и теогонические — псевдотайны, человеческие фантазии и измышления, и останутся такими, пока мы видим не прямо, а как бы через тусклое стекло. Теоцентрически-антропологические тайны противоречивы для нашего разума. Не только высказывание их противоречиво: противоречие не только гносеологическое, но и онтологическое. Например, если самый смиренный человек скажет о себе: я смиренный, то он уже не смиренный. И также скромный не может сказать о себе: я скромный, добрый не может сказать: я добр. Другой пример: положим, я чувствую свое окаянство, ясно вижу, что я хуже моего ближнего. Но вот я осознал это и уже непроизвольно думаю: да, я хуже моего ближнего, но я знаю это, тогда уже лучше. И вот я уже фарисей. Но пусть я сознал, что я фарисей, тогда вдвойне хуже моего ближнего. Но тогда и осознал, что сознал это, и похвалил себя, тогда вдвойне фарисей и втройне хуже. — Об этом я уже писал когда-то.

Также противоречива и вера и видение. Вера непосредственна и одновременно не непосредственна: не только видение, но и видение своего видения. Но видение видения непроизвольно переходит, вернее, замещается видением видения своего видения, то есть рефлексией, тогда становится уже активным невидением: я стою, стою прочно, но как только скажу: я стою, стою прочно, — уже пал, поэтому апостол Павел и говорит: ты **думаешь**, что стоишь? бойся, как бы не упасть. — И об этом я писал в «Видении».

Есть видение, есть вера, даже уверенность, но не самоуверенность. Самоуверенность — от меня самого, уверенность, как и вера, — Test[imonium] Sanctus Spiriti, Ganz Anderes. Это совсем другое, не подчинено законам нашей мысли, чисто формально оно иногда того же

порядка, как апории теории множеств и др. Здесь действуют законы антиномического мышления — тождество апории, одностороннее синтетическое тождество. Противоречия, возникающие у смиренного, видящего, верующего, когда он думает о смирении, видении, вере, не исключают исследования и рассуждения: соблазн должен войти в мир. Наоборот: испытывайте, в вере ли вы, самих себя исследуйте, говорит апостол Павел. Сердцем будьте голуби, умом — змии, говорит Христос. Но тогда необходимо возникают и соблазны, у кого их нет или не было, тот еще и не верит. Они укрепляют веру: огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь — это с религиозной точки зрения. А с философской, гносеологически-онтологической — способ существования иного бытия в нашем.

7 мая. Перед сном, молясь, произнес: либер Готт. Готтеньки. Обрах Монес. Афтун, произнес, как это часто бывает, автоматически. И вдруг вспомнил, как мама, бывало, часами произносила эти слова с особой интонацией, переходящей почти в вопль на словах: Обрах Монес — сжался/смилуйся. Это была молитва, а у меня — пустые человеческие слова. Молитва, потому что была Leidenschaft, Leidenschaft es Leidens, leidenschaftliches Leiden. Leiden и у меня есть, а Leidenschaft? Отсутствие Leidenschaft, хотя бы и было страдание, — черствость души, как писал Гоголь в «Письмах», то есть маловерие. Но leidenschaftliches Leiden от отсутствия Leidenschaftlichkeit? Мучение оттого, что ничего не мучает?

Горе вам, что вы не холодные и не горячие, а теплые. — Когда-то я записал: ignavia не горяча и не холодна, но жжет очень больно. Тогда не горяча ли?

Часто, а может и всегда, человек чувствует слабость, недостаток, иногда даже отсутствие именно того, что у него есть в избытке; ему всегда кажется, что мало. Смиренному кажется, что у него мало смирения, добродушию, что ему не хватает доброты. Не только кажется, действительно не хватает, потому что смирение, вера бесконечны. Хватает только тому, у которого их нет. Может, так и Leidenschaft? Но я уже перешел допустимую границу, я уже хочу видеть извне, быть вне, а не внутри, я уже фарисей, тогда извергаюсь из уст Твоих и вижу не свое видение, а видение своего видения.

Если даже мучение оттого, что ничего не мучает, уже есть Leidenschaft, если мучение от отсутствия у меня чего-либо есть именно присутствие отсутствующего, если отсутствующее не прихоть и не суета, то холодный анализ мучения от отсутствия и присутствия в мучении от отсутствия — это уже видение видения своего видения, то

есть извержение из уст Твоих. Но холодный ли он — этот анализ? Не знаю, Господи, Ты знаешь. Но вчера, когда я впервые подумал, мысль эта не была холодной. Блеснуло внезапно: воспоминание, сравнение и Leidenschaft от отсутствия leidenschaftliches Leidens.

Признак последних истин (о тайнах счастья и гроба): каждый раз, когда у меня внезапно открываются глаза и я вижу свое сокровище, я вижу его:

во-первых, как новое, впервые обнаруженное мною, впервые явившееся мне;

во-вторых, как всегда бывшее у меня, никогда не покидавшее меня. То есть оно сохраняет то, чего не имеют все земные удовольствия и радости, — постоянную новизну. Оно всегда есть, но, обнаруживая его, каждый раз обнаруживаешь как новое, впервые явившееся. Это свойство Бога: быть всегда новым, всегда сейчас, не терять постоянной новизны. Я вспомнил: на путь leidenschaftliches Leidens, то есть радости страдания, я вступил в 1911 г. И не я вступил, Бог поставил меня на этот путь, положил мою руку на плуг. Но я, раб ленивый и неверный, всё время оглядываюсь назад, даже сейчас, когда уже и оглядываться некуда и не на что.

9 мая. Без сознания вины не возникло бы и само понятие, и слово «свобода». Но я могу быть виноват и без вины, тогда сознание своей виновности создает сознание своей несвободы — античность: судьба, kairos [др. — греч.]. Но сознание своей несвободы предполагает понятие свободы. Сознание же своей свободы, а не только понятия свободы невозможно без понятия греха. Сознание же греха связано с сознанием благодати, которая, может быть, есть только другая сторона сознания отрицания своих заслуг и действительности моих дел и заслуг. Это уже абсолютная свобода, она вне сферы понятий заслуги — награды — Alleinwirksamkeit Gottes.

Вина — несвобода — kairos.

Грех — абсолютная свобода —

Провидение.

Признание своих заслуг отрицает действительность благодати, то есть отрицает Провидение и Alleinwirksamkeit Gottes.

Заслуга — награда — рационалистические понятия. Но абсолютная свобода и Leidenschaft возможны только в парадоксе, абсурде, бессмысленности, в том, что для разума — безумие, для воли — соблазн (апостол Павел).

10 мая. Раньше я наблюдал только на других (например, Ст[ерлигов], Шур[ик] Тр[аугот]), как люди видят то, что хотят видеть, и не видят — чего не хотят видеть. Вчера — на себе, перечитывая Майстера Экхарта. Впервые я читал его в 1929–1930 гг., потом — в 1941, потом — в конце 40-х. У него есть изречения, близкие мне: о нищете духа, о том, что я назвал: *быть что как ничто*, есть близкие мне ощущения пограничности, есть Leidenschaft. Через это у меня преломлялся и весь Экхарт. Между тем в главном, во всяком случае в теоретически главном, он совсем не близок мне. Еще в начале 30-х гг. я записал о двух способах видеть жизнь: как процесс и как акт; первое — язычество, гностицизм, пантеизм или панлогизм, второе — Евангелие; первое — путь совершенствования, второе — обращение — μετανοια. У меня — второе, у Майстера Экхарта, во всяком случае теоретически, — первое. Почти как Гегель, он различает Божество, сущность или единство и Бога, и так же, как у Гегеля, Божество достигает самосознания только в человеке. Это мне всегда было чуждо, но я не видел этого у Экхарта, потому что не хотел видеть. И еще у Экхарта, тоже чуждое мне: Бог в человеке снова возвращается к безличному Божеству — единому, даже термин от Плотина или от Ареопагита через Прокла. Этот круговорот — тоже языческое представление жизни, чуждое мне, особенно в начале сороковых годов. Я не видел этого у Экхарта, потому что хотел видеть другое: то, что было у меня и чего не было у него.

В «Мире перед Богом» влияние Экхарта чисто внешнее, может, в терминологии, по существу же совсем другое: Бог живой — это не сущность или единство, а именно Личность. Основная тема там: абсолютное и контингентное. Экхарт освобождает абсолютное от контингентного, Евангелие именно отождествляет, это и есть вочеловечение Бога. Поэтому тема «Мира перед Богом» — личный Бог и Его вочеловечение во времени. У Майстера Экхарта вочеловечение Бога, в сущности, имманентно — в душе человека. Я не видел этого, потому что не хотел видеть. Еще бывает так, что непонимание зависит от разных языков. Так было у меня с Кьеркегором. Когда я читал его раньше, я писал «Критерий» или ТФТ, поэтому и думал на языке «Критерия» или ТФТ и не заметил, что у Кьеркегора есть и чисто философские утверждения, часто близкие моим. Год тому назад я нашел ключ к переводу с его языка на мой.

13 мая. Свобода — понятие для разума абсолютно противоречивое и невозможное. С естественной точки зрения я вообще не могу быть свободен, так как полностью детерминирован наследственностью и

воспитанием. Значит, это понятие не естественное, то есть сверхъестественное. Если свобода — дар мне от Бога, дар, даром даваемый, то я свободен только в живой вере, и, когда она есть, я уже не могу не верить, и в молитве, когда уже не я, а Сам Дух неизреченными воздыханиями ходатайствует за меня, моя свобода выражается противоречиво: пусть будет не моя, а Твоя воля. Для меня, грешника, в грехе и рефлексии, то есть когда я лишен этой свободы, — она вынужденная: абсолютная свобода или ответственность, навязанная мне Богом. Тогда в грехе и рефлексии возникают, но только для павшего в Адаме разума, и другие противоречия: могу ли я вообще принять ее, ведь она мне не по силам? Могу ли я не принять ее, если она мне уже навязана Богом как сознание ответственности и за свои поступки, и даже за мысли, никому не известные, кроме меня и Бога? Могу ли я вообще принять — не принять, то есть быть в этом состоянии дилеммы и свободы выбора? Павший разум на все эти вопросы отвечает: нет, и сам ответ этот дважды противоречив: во-первых, ответы «нет» на первый и второй вопросы несовместны: если я могу принять дар, то неверно, что я не могу принять его, и обратно. Это формальное противоречие. Второе формальное противоречие: если мои поступки детерминированы наследственностью и воспитанием, то свобода выбора — мнимая, нет никакой свободы. Во-вторых, материальное противоречие: я твердо знаю, что на все три вопроса я отвечаю: да. Я принимаю волю Божью, тогда абсолютно свободен, я не принимаю, тогда свободно выбираю, свободно выбираю грех, своеволие и тогда нахожусь в состоянии свободного выбора, рабского свободного выбора. Противоречие здесь не только в том, что свободный выбор и есть рабство, то есть несвобода, но в том, что я свободно выбираю рабство, иначе бы я и не чувствовал ответственности за мой грех.

Я ощущаю и сознаю свою свободу в двух крайних полюсах жизни: в вере и молитве; и в грехе: в грехе — я раб греха, но я отвечаю за него, значит, свободно принял рабство. Если ко мне пришел соблазн — прилог, — если я даже отверг его, но отверг в колебании, в борьбе, то я уже увяз в нем. Если мотивы борьбы и преодоления — внушенные мне воспитанием мысли о приличном, должном и т. д., то с религиозной точки зрения эта борьба и преодоление соблазна ничего не стоят: я просто еще и не дорос до греха. Я назвал это пассивным невидением. Если же мотивы религиозные, то еще хуже, тогда я и увязаю в грехе, преодолевая его свободой выбора. Если я сам, своими силами преодолеваю соблазн, это может быть еще хуже, чем, не борясь с ним, соблазниться и пасть. Второе — только моя человеческая слабость, первое — гордыня и утверждение себя. Преодоление соблазна, избавление от греха возможно только для Бога, то есть только Бог может избавить и освободить меня от соблазна и греха. Невозможное для человека возможно для Бога, говорит Христос. Кажется, Нил

Сорский сказал: в случае соблазна надо помолиться на сам соблазн, на сам грех.

Что же делать? Только одно — молиться, чтобы не я сам отверг соблазн, а Бог убрал его от меня. Разные формы молитвы: отойди от меня, сатана, ибо ты мне соблазн; вопль: Эли, Эли, лама савахфани.

Я дважды сознаю свою свободу: когда Бог дает мне молитву, я свободен и 1) в акте принятия самой молитвы, и 2) в самом состоянии молитвы, хотя для разума именно п. 1 наиболее противоречив: когда Бог дает мне веру, я не могу ее не принять. Когда же Бог не дает мне живой молитвы, я нахожу тоже два момента: 1. Сам акт перехода к греху, здесь я свободен, так как отвечаю за грех. Даже чувствуя непреодолимость соблазна, всё равно какого, хотя бы мгновенного несправедливого гнева, несмотря на эту непреодолимость, я ясно ощущаю свою ответственность, то есть свободу; если я не фарисей, то не оправдываю себя непреодолимостью соблазна. 2. Само состояние греха и свободы выбора для разума наибольшее противоречие: я раб именно в свободном выборе.

Погрешность греха. Митя Карамазов пошел убить отца и только случайно не убил. Он думал, что рука Божия остановила его. Хотя мысль и желание убить отца так же греховно, как и совершенное убийство, всё же имеет какое-то значение и реализация греховного намерения, я назову это фиксацией. Ив. Карамазов не убивал отца и всё же ответственен за убийство, ответственность скорее на нем, а не на Смердякове, даже если бы Смердякову почему-либо и не удалось убить отца. И всё же, если бы Смердякову не удалось убить отца, второй вины — за фиксацию греховной мысли — у Ив. Карамазова не было бы. Здесь уже ясно: фиксация не зависит от воли человека. Ив. Карамазов желал смерти отцу, но убил не своими руками, а рукой Смердякова. Если бы Смердякову не удалось убить отца, вины за фиксацию не было бы у Ив. Карамазова. Это относится ко всякому греху и его реализации, то есть фиксации: 1) вина за грех мысленный та же самая, как и за реализованный: всякий, взглянувший на женщину с пожеланием, уже прелюбодействовал с ней в душе своей; 2) есть две вины: за мысленный грех и за его фиксацию. Отрицание тезиса этой антиномии, признание реализованного соблазна большим грехом, чем мысленного, ведет к фарисейству. Отрицание антитезиса упрощает жизнь — забывают, что Слово стало плотью, отрицают *Alleinwirksamkeit Gottes* и Провидение.

14 мая. Когда я дал Л. читать «Чем я противен», я сидел в соседней комнате и думал: сейчас Л. прочтет и скажет мне: вот теперь я понял, кто ты, больше мы незнакомы, уходи; и он будет прав, думал я.

Конец вещи меня смущал, я боялся: не перешел ли некоторой дозволенной границы. Я так долго пытался исправить конец, что

запомнил его, и всё же вернулся к первоначальному варианту. Введенскому он тоже нравился. Вот этот текст:

«На Страшном суде я буду оправдываться, я буду говорить: я мог гвоздем колоть себе руку повыше кисти и не ощущать боли. — В этих словах есть ложь: я буду стоять перед Ним, как блудливый заяц, как выживший из ума идиот, и буду думать, что я красив и прекрасен».

Я думаю, где-то в глубине души, в самой глубине, у всякого человека иногда мелькнет эта мысль. Если же не мелькала, значит, он еще не дошел до самой глубины: всякий человек есть ложь. Если человек говорит, что он не понимает какого-либо греха другого человека, даже подлости и пакости, значит, не находит этого в себе самом, в самой глубине своей души. Тогда еще не понимает тезиса антиномии, которую я вчера записал, значит, сознательно или бессознательно — искренний лицемер и фарисей. Если это не соединено с отвращением к себе самому и с покаянием, то еще нет сознания вины греха, то есть анонимная вина еще не созрела. Д. И. чувствовал это в своих вещах — тема недочеловека.

Поэтому грех и фарисейство сказать о своем ближнем: я не понимаю его греха, не понимаю, как он мог так согрешить. Говоря так, я считаю, что у меня нет этого греха и я лучше него, уподобляюсь фарисею из притчи.

Лютер: Христос взял на Себя грех всего мира; это значит: Бог сказал Христу: не Каин убил Авеля, Ты убил. Не Давид соблазнил Вирсавию, Ты соблазнил. Не Иуда предал Богочеловека, Ты предал.

Так и мне говорит Бог, когда согрешает мой ближний. Если я не слышу этого, я лицемер и фарисей.

16 мая. Восточные Отцы Церкви говорят о труде и подвиге. Что значит труд и что значит подвиг? Когда **труд** понимают как совершенствование, «работу над собою» — это уже синергетизм и просто фарисейство. И так же **подвиг**. Но отрицать эти понятия тоже нельзя. Кьеркегор не говорит: труд, но: серьезность. Тогда несерьезно изобретать технические приемы для молитвы — определенные положения тела, правила для дыхания, повторение умной молитвы сотни, даже тысячи раз за день. Это уже самовнушение и самогипноз. Не труд, а серьезность и страдание; стремиться не к радости постижения Бога — это только сам Бог дает, — а к страданию и кресту. Потому что не я сам достигаю Бога, а Бог приводит меня к Себе, возносит на третье небо. Подвиг же один: *μετάνοια*. И всё же остается вопрос: что же мне делать? Самое правильное и самое неправильное — не задавать этого вопроса, то есть жить в состоянии, когда этот вопрос даже не возникает: самое правильное, если я знаю, что мне велит Бог, и исполняю повеленное мне; самое неправильное, если я знаю, что я

сам считаю нужным делать, значит, исполняю неповеленное — свою волю, живу своей волей. В чистом виде обе эти крайние формы, особенно первая, встречаются, должно быть, редко. И у самого праведного утешение сменяется искушением, тогда и праведный спрашивает: что же мне делать? Не вообще, а сейчас, когда малодушие, уныние и маловерие подавляют меня. Значит, вопрос остается, только его надо очистить от ложных форм. Вопрос можно ставить так:

1 ^а . Что мне делать?	1 ^б . Что мне делать, чтобы...
2 ^а . Что я должен делать?	2 ^б . Что я должен делать, чтобы...
3 ^а . Что я могу делать?	3 ^б . Что я могу делать, чтобы...

Во-первых, вопрос можно поставить в ассерторической форме (1), в аподиктической (2) и в проблематической (3). Я думаю, правильна только ассерторическая форма. Аподиктическая вводит понятия долга или долженствования, значит, возвращает меня от свободы во Христе в рабство закону. К тому же, исполняя должное, я имею заслугу и могу ожидать награды, хотя бы в наиболее идеализированной и абстрактной форме — самоудовлетворение или самодовольство — *Selbstgefälligkeit* [нем.], это уже фарисейство. Проблематическая форма закрепляет меня в возможности (могу), то есть в потенциальности, в отрицании акта и актуальности.

Во-вторых. В каждой форме два вида, во втором виде (б) стоит слово: **чтобы...** Я поставил многоточие, потому что с Евангельской точки зрения, может, вообще безразлично, что стоит за словом **чтобы**: «что мне делать, **чтобы** получить много денег» и «что мне делать, **чтобы** получить вечное блаженство» — оба вопроса поставлены эвдемонистически, то есть не религиозно. Когда юноша, которого Христос полюбил с первого взгляда, спросил: что мне делать, чтобы получить жизнь вечную? — Христос ответил перечислением заповедей. Но юноша понимал уже, что одних заповедей недостаточно, и сказал: Учитель! Всё это сохранил я от юности моей. Тогда Христос сказал: **одного** тебе недостает, пойдя, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною, взяв крест. — Не ради нищих раздать имение, а ради себя самого, это и есть одно, которое дает Христос: Его крест.

Христос отверг эвдемонистическую форму вопроса: что мне делать, **чтобы...** поэтому вначале и ответил формальным перечислением заповедей. В этом случае между Христом и мною пропасть. Эта пропасть — **чтобы**. Христос не средство, а цель: я стремлюсь, не достигну ли и я Христа, как Он достиг меня, — сказал апостол Павел. Как взять свой крест и последовать за Христом? Ответ дает Евангелие, Сам Христос, но всякие человеческие пересказывания Евангелия ставят между Христом и мною человеческие слова. Но в отдельных,

конкретных случаях возможна и человеческая помощь, то есть человек может помочь мне услышать Христа, когда я не знаю, что мне делать, как соединить мое *сейчас* с Христом. Это — кериigma.

Но теперь другой вопрос: вот меня не искушает бес, во всяком случае я не знаю, какой бес меня искушает, нет видимого искушения. И у меня нет не моей мысли, чтобы я мог завопить: Боже, Ты мой Боже, что Ты меня оставил. Меня ничего не интересует и не притягивает, кроме Христа. Но нет и Leidenschaft. Вернее, есть, есть leidenschaftliches Leiden nach Leidenschaft, nach leidenschaftlichem Leiden. И вот я не знаю, что мне делать, и спрашиваю: что мне делать? Ты касаешься меня, я уже чувствую Тебя, Твое приближение, даже присутствие. Я прислушиваюсь и уже слышу одно, о котором говорит мне Христос; и как тот юноша, смутившись от сего слова, отхожу с печалью. Но ведь у меня нет большого имени, никакого уже нет, ничего.

17 мая. Состояние «что мне делать» бывало и раньше, кажется, еще два года тому назад, как какая-то пелена перед глазами, отделяющая меня и от меня самого, и от ближнего, и от Бога, парализующая меня. Но только вчера я понял, что этот вопрос и есть ответ — послушание: всё сделано. Не я сделал, именно я не сделал и не достиг Христа. Он меня достиг. Это не квиетизм, наоборот, я уже давно так не искал, не просил, не стучал, как сейчас. И в то же время я увидел: Он просит, ищет и стучит за меня, и Он же находит, дает и отворяет мне. Это и не успокоение, но в моем беспокойстве я увидел Его покой — покой, который Он мне дает: да будет воля Твоя. Не «да будет», уже есть.

Сам вопрос есть ответ. Это бессмыслица, ноуменальная бессмыслица. *Docta ignorantia* Николая Кузанского: в Боге совмещаются противоположности, и так же в мудром незнании: вопрос есть ответ — это бессмыслица. Бессмыслица — обратная сторона чуда. Чудо бескорыстно, не всеобще и бессмысленно. Противоречие законам природы — частный случай бессмысленности чуда — нарушения естественного, то есть павшего в Адаме строя и порядка мысли. Чудо ничего не доказывает, если доказывает что-либо — уже не чудо, включается в порядок детерминированной мысли. Я подумал: главное — не чудо, а чудотворец, он цель; чудо как цель — бесовская магия. — Это неверно, я уже включил чудо в какую-то человеческую последовательность мысли, хотя бы телеологическую. Чудо — цель, самоцель, но бескорыстная и ненамеренная, тогда за чудом — Сам Чудотворец. Поэтому бессмыслица и чудо так притягивают и fasciniруют.

То, что я получил ответ в самом вопросе, то есть что вопрос есть ответ, — чудо. И сегодня еще я живу в этом чуде и когда ехал на кладбище.

Ноуменальные бессмыслицы, то есть разрывы естественного строя и порядка мысли. Есть степени ноуменальной бессмыслицы. «Что мне делать» можно ноуменально объяснить как состояние собственной неуверенности — мудрого незнания, чтобы получить уверенность от Бога, мое беспокойство, в котором я получаю Твой покой. Это верно, и всё же остается еще сверхбессмысленный остаток — чудо.

Долгое время меня смущали некоторые изречения Христа из Евангелия от Иоанна, например: Я не сужу никого; А если и сужу Я, то суд Мой истинен (Ин. 8:15–16). Дальнейшее обоснование (Ин. 8:16–17) ноуменально истинно, логически абсолютно неубедительно и бессмысленно. И вот сейчас я понял *fascinans* этой логической сверхбессмысленности: Я не сужу, а если и сужу, то суд Мой истинный.

«И знаете Меня, и знаете, откуда Я; и Я пришел не Сам от Себя, но истинен Пославший Меня, Которого вы не знаете» (Ин. 7:28). Смысл

такой: и знаете Меня и знаете, откуда Я, и не знаете Меня и не знаете, откуда Я. И снова: можно истолковать ноуменально, ноуменальное противоречие останется, но оно будет упорядочено логически, то есть приведено в логическую форму; ноуменальное противоречие всё равно останется, но в логической форме. Но еще лучше оставить так, как есть, логическая сверхбессмыслица притягивает, fasciniрует.

Но остаются в Евангелии от Иоанна места, которые и сейчас меня смущают: гл. 11:42, гл. 3 — конец. Мне кажется, что апостолу Иоанну здесь изменила память. 11:42: свои мысли о Христе он бессознательно приписал Христу, в гл. 3: слова Христа — Иоанну Крестителю.

18 мая. Вопрос и ответ — дихотомическое разделение, в каком-то отношении они противоположны, и формально-логически противоположность здесь контрарная, как да и нет, свет и тьма. А Христос и антихрист? Чисто контрарной ее нельзя назвать, потому что Христос — Богочеловек, а антихрист — тварь. Но ведь он противопоставляется Христу не как Богу, а как истинному человеку, тогда формально-логически, может, и контрарная противоположность. Но только формально-логически. Вообще же контрарная противоположность — теоретическая сублимация свободы выбора, то есть греха. Змий сказал Еве: а правда ли?.. Это классическая форма соблазна, принуждающая меня к ответу: да или нет. И оба ответа — грех, правильный: отойди от меня, сатана, ибо ты мне соблазн. Теоретически же — неопределенное отрицание, то есть контрадикторное, а не контрарное, истинность его предчувствовали, по-видимому, уже давно, назвав подобные суждения бесконечными. У меня — тождество апории, одностороннее синтетическое тождество. И противоположности, о которых я сейчас говорю, — только формально-логически контрарные, на самом же деле контрадикторные, ведь в ответе, который я увидел в вопросе, вопрос и ответ отождествились: я не знаю, что мне делать = я знаю, что мне делать. Это *coincidentia oppositorum*, которую искал Николай Кузанский. И так же противоположности праведности и греха: чем больше праведности — больше греха, вины греха, в пределе при полной праведности — полная вина греха, полная вина греха уничтожает грех.

Теория дихотомического разделения — часть ТНЗ (декабрь 1941). Дихотомические разделения, формально-логически контрарные, разделяются на противоположности только формально-логически контрарные, по существу же, или ноуменально, контрадикторные; и на контрарные и по существу, и последние тоже не однозначны, даже в одной области, только аналогичны. Например:

А	В
1. Синтез.	Анализ.
2. Соединение.	Разделение.
3. Выведение: от условия к следствию (Фихте 1794 г., Гегель).	Обоснование: от последующего к предыдущему (трансцендентальная дедукция Канта).
4. Эмоционально-волевой.	Интеллектуально-созерцательный.
5. Интровертированный.	Экстравертированный (Юнг).
6. Интенсивный.	Экстенсивный.
7. Через нигде — всюду.	Через всюду — нигде.

Эти противоположности неоднородные: одни — методологические, другие — трансцендентально-гносеологические, третьи — психологические. К ним можно добавить еще чисто логические: от основания к следствию и от отрицания следствия к отрицанию основания; *modus ponendo tollens* и *tollendo ponens*, просиллогизм и эписиллогизм и др. Общее — все они говорят о двух способах понимания. Но в каждом делении граница между двумя способами другая, так что некоторые состояния в одном способе отойдут к А, в другом — к В. В некоторых же случаях, как, например, в разделении 3, выведение, которое в принципе относится к А, может оказаться в В, а обоснование — в А. Каждое деление зависит от интуиции, которую имеет разделяющий, от этого границы между А и В непостоянные. Критерий же правильности, мне кажется, один — хотя бы скрытая контрадикторность, а не контрарность и в основе, может, *coincidentia oppositorum*. Практически же осуществляется и проявляется очень различно. Например, интенсивное и экстенсивное: всякое разделение как сказанное уже соединено самим высказыванием, поэтому всякое ε -разделение только в намерении и в интенции экстенсивное, как сказанное же стало интенсивным. Тогда всякое высказывание как сказанное интенсивно, экстенсивно же в намерении. Поэтому противоположение неопределенное. Также мой вопрос и ответ; вопрос сказан, ответ неслезан и как не сказанный есть тожество вопроса и ответа.

19 мая. Веру, то есть свободу, я принимаю не свободно, а грех, то есть рабство, — свободно.

Во-первых, надо различать волю — *Wille* и желание — *Wollen* [нем.]. Первое — свобода выбора, «я сам» и, как грех, тоже не принадлежит к естественному, то есть природному, второе — естественно.

Во-вторых, желание веры, если это *leidenschaftliches Wollen*, уже не естественно, потому что соединено с отречением от естественных желаний. Такое желание веры, как противоестественное, уже вера.

В-третьих, в естественном желании тоже надо различать:

а. Непосредственное, то есть без раздумия, удовлетворение своих естественных желаний. Это еще вне или до греха — *adiaphora*.

б. Но у человека это естественное желание соединено:

α. С противоестественным желанием:

α1. Получить сверхудовольствие, то есть удовольствие, отсутствие которого не будет неудовольствием; тогда и возникает греховное, только человеку свойственное неудовольствие от невозможности получить удовольствие, отсутствие которого не будет неудовольствием.

α2. Утвердить себя, свое своеволие, свою *Selbstheit*, даже вопреки естественным желаниям и удовольствиям, в пределе — долг, категорический императив, чистая воля — грех в чистом виде.

β. С противоестественным ощущением греха:

β1. Естественного желания.

β2. Своеволия.

В-четвертых, рабство в грехе:

а. Удовлетворяя все свои прихоти и желания, я думаю, что я свободен. Это мнимая свобода, так как мое поведение в этом случае мотивировано, то есть детерминировано моими прихотями и желаниями. Даже если и ничто не мешает мне исполнять их, то в конце концов желания и удовольствия приедаются и наступает пресыщение. Тогда я вижу пустоту этой свободы — мнимая свобода.

б. Отказываясь от своих прихотей, желаний, удовольствий ради долга, категорического императива и пр., я чувствую себя свободным от своих страстей, получаю самоудовлетворение, то есть самодовольство, нравлюсь себе самому. Но, освободившись от рабства своим страстям, я стал рабом себя самого, своей *Selbstheit*, гипостазируемой под видом долга, категорического императива, чистой воли. В пределе это «я сам» — интенциональный полюс моего чистого своеволия — трансцендентальное ничто, и, освободившись от рабства страстей, я стал рабом своего ничто.

В-пятых, свобода во Христе:

пусть будет не моя, а Твоя воля. Уже не я живу, а Христос живет во мне. Абсолютная свобода.

В-шестых, свободен ли переход к вере, то есть к абсолютной свободе, свободно ли я принимаю свободу? Здесь надо различать:

а. Рабскую свободу следования страстям.

б. Рабскую свободу выбора.

в. Абсолютную свободу.

Тогда:

абсолютную свободу я принимаю вопреки своему естественному желанию (а) и вопреки своей свободе выбора (б). Что касается (в), то здесь я ничего не могу сказать: абсолютная свобода приходит ко мне, как дар с неба.

В-седьмых, свободен ли переход к греху и рабству:

а. Рабская свобода следования страстям — рабство.

б. Рабская свобода выбора — рабство.

в. И всё же я ощущаю и чувствую свою абсолютную ответственность даже в случае непреодолимости соблазна, даже в случае вины без вины. Тогда переход, то есть акт принятия соблазна, акт перехода к греху и рабству, абсолютно свободен.

Вывод. С естественной точки зрения переход к абсолютной свободе абсолютно не свободен, так как совершается против моей воли; переход же к греху и рабству свободен, так как совершается по моей воле. С абсолютной точки зрения переход к абсолютной свободе — дар мне от Бога, переход же к греху и рабству абсолютно свободен. То есть:

переход к абсолютной свободе не свободный, переход к рабству — свободный. Я могу только грешить {но тогда это рабство} и быть рабом, абсолютную свободу дает Бог.

20 мая. Из дневника Кьеркегора: у меня есть подруга, с которой я никогда не скучаю: эта подруга — моя *Schwermut*. — Всё же в этих словах есть любование своим страданием. У меня этого нет. Пока страдание не доходит до некоторой критической предельной точки — мне не до любования, так это нехорошо и тяжело. Когда же доходит — это радость страдания. Тогда нет места любованию, потому что и я сам — уже не сам: не в себе, не один. Тогда Его крест — мой крест и я чувствую меч, пронзивший душу Девы Марии, душу Богочеловека, в моем мече и пронзении души я чувствую Его меч, я проникаю в душу самой жизни, это жизнь, о которой Христос сказал: Я есмь путь и истина и жизнь. Это радость-страдание: *mysterium* не только *tremendum*, но и *fascinosum*.

23 мая. Г. Марсель сказал: если бы не было умерших (то есть люди не умирали бы), мир был бы пустым и мертвым. — Это частный случай более общего: если бы не было бессмыслицы, жизнь была бы лишённой смысла, бессмысленной, плоской. Введенский — звезда бессмыслицы, Кьеркегор — абсурд, парадокс. Апостол Павел — безумное Божие: крест — соблазн для воли, безумие для разума; кто хочет быть мудрым в веке сем, будь безумным. Это безумие, звезда бессмыслицы — тайна, чудо и создает в жизни несколько планов, тогда жизнь имеет тайный,

чудесный смысл. Когда в искушении или унынии не видишь звезды бессмыслицы, видишь только один план жизни — естественный, одну плоскость, и жизнь становится плоской, бессмысленной.

24 мая. Сон: уже сколько дней никаких известий — ни телеграмм, ни писем. М. ходил куда-то узнавать — ничего не узнал, теперь пошла Л[ида]. Мама очень волнуется. Я чувствую: случилось несчастье, непоправимое, не вернется. Кто? — Беспредметный страх, беспредметное несчастье.

25 мая. Может, я и не прав в нападках на восточное монашество и православие, но меня смущает их педагогичность — воспитание, естественное воспитание. Естественность и физические желания сами по себе ни хороши, и ни плохи, и ни стыдны. Их стыдно, когда они встречаются с духом, то есть с духовным. А не столкнуться с духом они уже не могут. Самое же стыдное, если они преодолеваются не верой, а условностями воспитания — привычкой и правилами приличия — или физическими упражнениями, физкультурой и пр. Стыдно, что не вера, а какие-либо естественные, привитые воспитанием условности или физические упражнения, пусть даже пост и аскетизм, а не вера и молитва побеждают блудного беса. Уж лучше тогда последовать примеру Оригена. На каком-то соборе было постановлено: анафема тому, кто избегает брака не ради соблюдения святого девства, а из брезгливости. Это хорошо. Но тогда анафема всякому, кто избегает греха в свободе выбора, то есть своим решением, когда между целью и мною самым я ставлю какое-либо средство. Тогда анафема всем. Само чтобы, само ради чего-либо — грех. Пост и аскетизм ради чего-либо нехорошо. Пост не средство, и, перефразируя Спинозу, можно сказать, что пост не требует награды, а сам есть награда, так как пост — непрерывная молитва. Но ради чего-либо — корыстный. Тогда преодоление чего угодно постом так же стыдно, как преодоление физкультурой или условностями приличий. Может, и Кьеркегор имел это в виду, когда возражал Гегелю и его *Meditierung*. Всё, что стоит между мною и целью, то есть Христом, — ложь. Тогда стыдно, когда что-либо, какое-либо человеческое чтобы приближает меня к Богу. Оно и не приближает: между мною и Богом только Сам Бог — Богочеловек. Симеон Новый Богослов и др. говорят о погружении ума в сердце. Это хорошо. Но затем они советуют для этого технические физические приемы: опустить голову, задерживать дыхание и другие правила, — это уже профанация. Епископ Феофан сравнивает смену утешения искушением, живой молитвы с ее ослаблением, с естественным

утомлением после бодрости. Снова сравнение и объяснение сверхъестественного естественным. Если ослабление живой молитвы происходит от естественного утомления — это стыдно, тогда и вера только естественное самовнушение. Все эти соблазны я знаю практически, но борьба с ними, технические приемы и советы борьбы, вообще всё естественное — всё это, во всяком случае в принципе, а часто и практически, хуже, чем просто соблазниться. Преодолевать соблазн естественными приемами, может быть, больший грех, чем непосредственно соблазниться. Второе — человеческая слабость, а первое — предательство самой веры, хула на Духа Святого, и в этом часто повинно православие — религиозная педагогика естественна.

Вера — атональное состояние, атональность жизни: между небом и землей. И здесь два соблазна: вообразить, что я уже на небе, тогда нет никаких правил. Но это гордыня или мечтательность и бесовское парение мыслей. Или избрать какой-то порядок жизни. Но тогда я уже на земле, а не между небом и землей: во-первых, само избрание, то есть выбор, приковывает меня к земле; во-вторых, сам порядок, всё равно какой, по самой природе своей как порядок — естественный, религиозная педагогика тоже естественная. Тогда и возникает вопрос: что же мне делать? Я нашел ответ в самом вопросе, сам вопрос и есть ответ, тождество вопроса и ответа. Это чудо, я стою как перед чудом. Но сколько можно стоять перед чудом?

М. говорил: быть при деле. Это верно до какого-то времени. Но в конце концов приходит главное дело, и это главное дело — быть не при деле. Это не безделие, и я не говорю: не быть при деле, но: быть не при деле. Это атональное состояние, атональность жизни, но не безразличие, не апатия, не бесстрастие, как говорят восточные монахи, а, наоборот, бесконечная заинтересованность, страстность, Leidenschaft. Может, она и создает или есть додекафонный ряд атональной жизни. Нашел ли я его? Я ищу его. Может, эти поиски и есть тот ряд, который я ищу, это и значит, что сам вопрос есть ответ, но я часто избегаю быть не при деле и уже не могу быть при деле.

Игнавия, которая бывала у меня до 16.X.63, — это невозможность и быть при деле и быть не при деле. Д. И. переживал ее сильнее меня, потому что у меня была лестница Иакова: я мог быть при деле.

30 мая. В додекафонной музыке серия может быть даже не слышна и всё же она организует всю музыку, создает единство и смысл и в конце концов обнаруживается; так и в истории: эмпирические, большей частью корыстные причины определяют ее ход, и всё же в конце

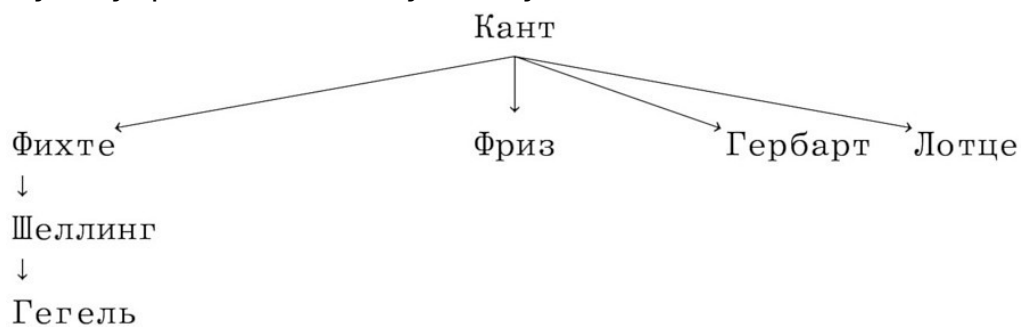
концов осуществляется воля Божия: Провидение — серия, определяющая ход истории. Государство Израиль создано англичанами, должно быть, из любви к нефти, а не к избранному народу. Но я думаю, в результате этого там, где свершилось первое пришествие Христа, свершится и второе, и народ, к которому Он пришел, придет к Нему. Вообще вся история Израиля — чудо: серия, определяющая всю историю человечества.

2 июня. Антоний Великий: если Божественная благодать не находит препятствий своим действиям в сердце человека, она искореняет из души его все страсти. — Но ведь именно страсти и препятствуют действию благодати. Получается круг. Если же сказать, что не препятствовать — значит пожелать открыть сердце для действия благодати, то ведь «хочу одного, а делаю другое» (Рим. 7:15). Могу ли я сам, своими силами не препятствовать действию благодати? Обычный синергетический ответ, пытаюсь совместить тезис и антитезис, уничтожает и действенность благодати, и мою свободу. Из круга выхода нет, он прорывается именно в невозможности порвать его: невозможное для людей возможно для Бога. Но два соблазна остаются: порядок, правила, естественность — быть при деле, и второй: трудность, невозможность всегда быть не при деле, от этого гордыня или мечтательность, то есть гордость мирская и похоть очей (1 Ин. 2:16).

3 июня. Неверно: гордость мирская не от второго соблазна, а от первого: когда человек при деле, тогда и бывает, что мое делание дела замещает мое дело, то есть центр тяжести переносится с дела на мое делание этого дела, и хуже всего, когда это бывает при деле Божьем: стремление к воле Божьей переходит к утверждению своей собственной воли, желающей осуществить волю Божью, от веры в Бога переходишь к вере в свою веру в Бога. От второго же соблазна — над- или сверхмирская гордость: смирение паче гордости.

7 июня. В истории философии, а может, и вообще в жизни есть закон: философ увидел что-то новое, новую философскую или философско-религиозную интуицию, вернее, увидел то же самое, но иначе, так что то же самое, что всегда было и есть, но скрылось за человеческими словами, стало снова явным, и то, что увидел, изложил. Реальная интуиция всегда включает в себе некоторое противоречие. Это противоречие не от неспособности автора, а ноуменальное:

реальность не укладывается в сетку рациональной, то есть павшей в Адаме, мысли, она не рациональна и не иррациональна, а арациональна. Последователи и продолжатели философа находят у него ошибки, противоречия и постепенно освобождают от них его систему. На какой-то ступени исключения противоречий обнаруживается, что система, освобожденная от противоречий, вполне последовательно развивающая мысли или одну какую-либо мысль ее автора, пуста: она потеряла свое реальное ядро, просто ничего не объясняет и не нужна. Если бы это исключение противоречий было бы доведено до конца, то система свелась бы к тавтологии: А есть А. Но и в основании системы не одна, а несколько несовместных мыслей, поэтому из одной системы возникает несколько философских школ и каждая уже упрощает основную интуицию: Кант и кантианцы.

Наконец Либман отбросил и вещь в себе, и софистику Гегеля, тогда от системы Канта уже ничего не осталось: популярная позитивистская философия науки.

Это закон не только истории философии, но и вообще духовной жизни и также жизни человека. Фихте к 1800 г. увидел, что его освобождение кантианства от противоречий и последовательное проведение мыслей «Критики» опустошило ее от реального содержания. И каждое новое «Наукоучение» кончалось банкротством — в этом его заслуга: генезис и его отмена, которую он ввел в одном из последних «Наукоучений».

Система не должна быть повсюду плотной, то есть вполне рационализированной и последовательной. Это относится и к жизни: должны быть пустые места — промежутки, щели. Тогда приходит Бог и заполняет их, тогда система и система жизни реальна и плодотворна. Гегель не оставил ни одной щели для Бога, поэтому его система мертва. Абсолютная идея, ее самоотчуждение, *Meditierung*, диалектика и пр. — суррогаты Бога, творения мира, грехопадения, спасения. Он говорит о Боге, но столько наговорил о Боге и Его деле, что Богу уже

нечего было сказать. Поэтому его система мертва — дело рук человеческих. Повсюду плотная система пуста.

В 1933 г. я нашел термин: некоторое равновесие с небольшой погрешностью. Я искал его, кажется, больше 6 лет. Я чувствовал и тогда его религиозный смысл, полностью ясен он стал позже: прообраз погрешности — вочеловечение Бога, крест. Бог так возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного. — Погрешность первоначально и была именно погрешностью, но истинное равновесие и есть равновесие с небольшой погрешностью. Погрешность — страдание и боль бытия: и твою душу пронзит меч. Но затем я пытался ввести погрешность в систему: до какой-то ступени (до осени — зимы 1934 года) погрешность углублялась, но затем пошло упрощение и абстрагирование — человеческие слова, и я бросил писать до [19]40–[19]41 гг. Еще до этого, в [19]28–[19]30 гг., я нашел ту же погрешность под другим названием (апория), но затем началась произвольная систематизация, пока сон о Георге не обнаружил ее ложь. Человек если и становится на путь истины, быстро сползает в ложь.

В том, что я писал в последнее время, есть реальное ядро. Я повторяю его для себя, чтобы не впасть в пустое абстрагирование. О том, что естественное стыдно, писал еще Плотин: он стыдился своего тела. Но это еще интеллектуализм Платона. Шпет исправил: человек стыдится не своего тела, а своей души. И то и другое верно, но я имел в виду другой стыд. Стыдно, что не вера, а часто какие-то естественные технические приемы и естественные правила приличия и воспитания возвышают меня над моим телом и над моей душой; причем часто более успешно, чем вера. Это относится и к монашеству: монах, как и Плотин, стыдится своего тела. Чтобы овладеть им, он, как и Плотин, не моется, боится даже коснуться тела не только своего ближнего, но и своего, прибегает к техническим приемам. Это предательство веры.

Я говорю не о стыде перед естественным, хотя боюсь и стыжусь его. Я говорю о другом стыде: мне стыдно, что некоторый порядок жизни, а всякий порядок, даже монашеский, естественный, мне стыдно, что часто естественный порядок оказывается более успешным для достижения Божьей цели, чем моя вера. Мне стыдно, что, когда я иду к Богу, между мною и Им не Он Сам, Богочеловек, а что-либо другое. Но всё другое, что не Он, — ложь. Всякое средство для достижения последней цели не ведет к ней, а исключает ее. Тогда уже не Он тащит меня к Себе, а я **сам** иду к Нему. Но тогда не к Нему, а к Князю мира сего, я сам только бегу от Него.

Я не могу сказать, что отрицаю монашество. Я люблю и почитаю Макария Египетского, Исаака Сирианина. Но меня смущает их религиозная, но всё же естественная педагогика и интеллектуализм. Я не отрицаю ни поста, ни аскетизма. Апостол Павел постился и знал аскетизм, и Христос 40 дней в пустыне постился. Но тот же апостол Павел сказал: я убежден Господом моим Иисусом Христом, что всё, что

Бог сотворил, хорошо и что Царствие Небесное не еда и не питье. И всё же постился, потому что пост — непрерывная молитва. И он же сказал: многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Небесное. — Тогда уже не до еды. И еще: Господом моим Иисусом Христом мир распят для меня и я для мира. Но пост по правилам он отрицал (Рим. 14:14–20), так же как и Христос. И тела не боялся, вера ничего не боится. Он же говорил: встречайте друг друга святым целованием. А Исаак Сирианин говорил: не прикасайся даже к своему телу.

Я пишу сейчас, чтобы предупредить у себя некоторые ложные тенденции, которых почти невозможно избежать, даже когда видишь истину. Слово **стало плотью**. Тогда Оно вобрало в Себя и естественный порядок, и его не может не быть. Отрицание его — интеллектуализм Платона и только другой полюс того же естественного порядка. В этом смысл вочеловечения Бога. И в то же время этот естественный порядок уже не должен быть естественным — именно потому, что **Слово** стало плотью. Это реальное экзистенциальное противоречие Благой вести, экзистенциальное противоречие верующего в Слово, ставшее плотью, экзистенциальное противоречие самой жизни. Отрицая первое, я возвращаюсь к языческому абстрактному дуализму души и тела, как, например, у Парменида или Платона. Отрицая второе, я приду к языческому пантеизму или к натурализму языческих народных религий. Предохраняет от этого некоторый стыд, когда я замечаю, что естественное помогает мне успешнее, чем моя вера. Тогда я говорю: уж лучше я буду самым последним грешником, чем богохульствовать, потому что спасение естественными путями — хула на Духа Святого, которая не прощается ни в этом, ни в будущем веке. Спасает один только Бог, спасает верой в Него, а не в естественный порядок и правила.

Это первое, что я хотел сказать. Это абсолютно ясно, и абсолютно противоречиво, и абсолютно истинно, потому что Слово стало плотью.

Второе. Я не могу жить на земле ни в каком порядке, потому что и беспорядок — некоторый порядок. Я не могу быть ни при каком деле: и безделие — некоторое дело. И всё же: я стремлюсь **быть** не при деле. Но стремление быть не при деле — дело? Я стремлюсь достигнуть Христа, как и Он достиг меня, — вот что значит быть не при деле. Но это не значит не быть при деле, то есть в праздности и безделии. Апостол Павел и не будучи при деле был при деле. Один только Христос полностью был не при деле: лисицы имеют норы и птицы небесные гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову. Не иметь, где приклонить голову, — это и есть быть не при деле. Но монах имеет где приклонить голову — не келья, не пустыня, а его правила монашеской жизни, порядок жизни. Не жизнь его смущает меня, а правила жизни, вынужденные правила, порядок, хотя бы и свободно выбранные, ино всё же выбранные. Что же делать? Ни правил, ни предписаний я не даю и не знаю. Всякое предписание,

правило, всякий ответ создает и уже есть естественный порядок, само желание получить какой-либо ответ — от желания найти, где приклонить голову. Ответ — Благая весть, Сам Христос, без всяких правил. Как увидеть его? Я увидел его, то есть ответ, и Его — Христа в самом вопросе, в котором вопрос и ответ — одно и то же. И тогда я уже действительно не имею где приклонить голову, я уже **есть** не при деле. И это — третье: атональность жизни и серия ее — вопрос: что мне делать? И ответа нет — не в поверхностном скептически-нигилистическом смысле, а в ноуменальном: вопрос и есть ответ. Сам Бог говорит мне неизреченными словами. Тогда я молчу.

10 июня. Слово стало плотью. Тогда и возник последний соблазн: Само Слово стало соблазном. Этот соблазн двойной.

Стремясь к какому-либо порядку жизни, хотя бы самому религиозному, суровому и аскетическому, монашескому, я остаюсь в естественном порядке и имею еще где приклонить голову. — Это первый соблазн.

Второй. Избегая всякого порядка, чтобы быть не при деле и не иметь где приклонить голову, я **могу** впасть в праздность и не **быть** не при деле, а только не быть при деле, то есть впадаю в праздность, малодушие, похоть очей и уныние или в мечтательность, бесовское парение мысли и смирение паче гордости.

В обоих случаях я теряю Божественную атональность жизни: в первом случае — непосредственно вводя какую-либо человеческую тональность. Во втором — отказываясь от всякой человеческой серии, вводящей порядок в атональность жизни, я **могу** впасть в импрессионистический беспорядок, который тоже есть порядок, то есть человеческий порядок. Я дважды подчеркнул слово могу. Могу, как возможность, уже есть естественный порядок, то есть когда могу, то уже и пал. И в то же время это могу есть состояние некоторого неустойчивого равновесия, равновесия с небольшой погрешностью — между небом и землей. Дух дышит, где хочет, и голос Его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит (Ин. 3:8). Но нельзя дать совет или императив: прислушивайся к Его голосу, — это может привести к квиетизму. Просто слушай Его голос. Но это не императив. А когда не слышу? Мучайся, мучай себя.

Мучить себя — это и значит: искать, просить, стучать. И всё равно не я ищу, прошу и стучу, а Он ищет, просит и стучит за меня. И в Апокалипсисе: Се, стою у двери и стучу. Правда, дальше сказано: кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему. Но и дверь-то отворить я сам не могу, сколько бы ни хотел. Я сам боюсь и именно не хочу отворить дверь Ему. Вернее: и хочу и не хочу; и не могу и могу. Когда могу — именно не могу, могу — потенциальность, возможность,

естественность. Именно в невозможности, когда уже всего лишился и ничего не могу, через невозможность и через *не могу* отворяю.

Все религии учили, как надо и как можно спастись. Только Христос сказал: невозможно спастись. И только через невозможность совершается невозможное.

11 июня. Дух дышет, где хочет... — Когда я слышу Его голос, я пишу. Надо слышать и не писать, писание — уже при деле. Вот этим и притягивает монашество. Они годами слушали и не писали и только иногда, когда уже научались всегда слышать Его голос, — писали. Но у очень многих (даже у И. Лествичника или Ефрема Сирина), даже у Исаака Сирианина есть много совсем не Евангельского. Потом — их правила, это уже при деле.

Быть не при деле, не иметь где приклонить голову, оставить пустоты и щели, куда войдет Бог. Но всю жизнь сделать одной этой щелью, пустотой? Но апостол Павел говорит, что только в конце, когда будет побежден последний враг — смерть, только тогда будет Бог всё во всём. А до этого мечты о пустоте — буддийский нигилизм или античный абстрактный интеллектуализм.

То, что я записал недавно о игнавии, неверно, это уже абстрагирование. В игнавии именно было желание быть при деле, но при главном деле, и от этого невозможность быть при всяком другом деле. Но еще не было сознания того, что главное дело — быть не при деле. Может, Д. И. уже осознал это, когда желал зажечь беду вокруг себя. Это уже быть не при деле, не иметь где приклонить голову.

12 июня. Жизнь — откровение некоторой тайны в ее сокровении, и сокровение ее в откровении. Прообраз — вочеловечение Бога. Если сокровение намеренное, то игра: быть при деле. Если не намеренное, то ноуменальное бесстыдство перед Богом: быть не при деле, не иметь где приклонить голову. Правила монашеской жизни тоже игра, я не унижаю этим монашеской жизни, серьезная ноуменальная игра — чудо, подобное творению мира. Дети хорошо понимают это: они играют вполне серьезно, с *Leidenschaft*, и всё же понимают, что это «как будто бы». Это «как будто бы» не менее реально, чем внешняя правда жизни, может, даже более реально. Игра имеет разные правила, не менее

точные, чем законы природы, и во всяком случае более священные. Поэтому дети так возмущаются, когда кто-либо нарушает правила игры, — это кощунство. Игра бескорыстна, корыстная игра — суррогат игры, ложь. Поэтому мастер игры Д. И. так не выносил игры на деньги, вообще корыстный подход к чему-либо. Но самое последнее — это уже ноуменальное бесстыдство перед Богом, последняя степень серьезности, конец игры: быть не при деле — последняя степень тайны бессмыслицы и чуда. У Д. И. — зажечь беду вокруг себя. Здесь уже кончается игра, кончается жизнь.

Кибернетика — теория получения и сообщения информации, то есть правила. Затем возникла теория игр и стратегий, не только развлекательных, но и жизненных. Если есть правила, есть и игра, по-видимому, в этом же смысле Ол[ейников] сказал, что жизнь — игра, то есть теория и практика стратегий. Но Христос освобождает от всяких правил и теорий: если Сын освободит вас, то вы истинно свободны, — эта свобода и есть «быть не при деле», не иметь где приклонить голову, атональность жизни.

16 июня. Увеличение с возрастом и смертями радиуса жизни до бесконечности и есть атональность жизни: я не чувствую себя в жизни как дома. Но одновременно в этой неуютности жизни на всеобщих развалинах и обломках я вижу некоторую абсолютную твердость и прочность — то, что я писал еще в «Вестниках». Тогда Божественная атональность жизни. Это уже давно, впервые весной 1911 г., когда еще не было ни развалин, ни обломков.

В молодости, после июня или июля 1911 г., когда я впервые почувствовал неуютность жизни, я еще долго стремился к ней, то есть к уютности жизни — чувствовать себя в жизни как дома, хотя и безуспешно. До 16.X.63 всё же был еще экстенсивно небольшой, интенсивно бесконечный кусочек жизни, где я чувствовал себя как дома: 1. Мама, 2. То, что я писал. Поэтому радиус жизни еще не был бесконечным, хотя 12.1.62 возрос очень сильно, и я перестал писать. Сейчас нет ни первого, ни второго. Нет и стремления к сокращению радиуса жизни, когда же нахожу еще остатки этого стремления, то стыжусь. Вместо этого соблазн: как удержаться в неустойчивом равновесии, не впадая в уныние, праздность и бесовское парение мыслей?

Тональная серия в монашестве не их жизнь — в жизни, может, многие имели и атональную серию, — а правила жизни. Как жить

правильной жизнью без правил? Как сообщить другим правильную жизнь, но сообщить вне правил?

По сравнению с другими религиями Христос дает и наиболее определенный ответ и наиболее неопределенный ответ. Наиболее неопределенный: от всего освобождает, не имеет где приклонить голову. Наиболее определенный: Сам Христос; взять свой крест, именно свой (Сейн) [sein (нем.)] и в своем найти Его Крест. Неопределенный: в чем мой крест? Определенный: в каждом определенном случае я знаю, что мне делать, в чем **мой** крест. Неопределенный: в некотором, а тогда в каждом определенном случае я не знаю, что мне делать. Сама эта смена определенности — неопределенности неопределенна. Но в этой неопределенности — определенность: Божественная атональность жизни.

19 июня. Евангелие — неисчерпаемый источник, каждый век и каждый человек находит в нем то, что ему нужно. Если атональность жизни характерна для нашего времени, то сказана тоже в Евангелии, но сейчас обнаружена, вернее, обнаружена по-новому:

Мф. 5:8 блаженств, вообще вся Нагорная проповедь.

5:39. Не противься злему. — Тем более доброму, просто не противься.

5:44-45, 48.

6:3. Пусть левая рука не знает, что делает правая...

О милостыне, о молитве, о посте. Никаких правил, всё — тайно и «Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (6:4). И Сам Отец — втайне (6:6).

6:25, 31-34. Не заботьтесь...

Ин. 3:8. Дух дышит, где хочет, и голос Его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: **так бывает со всяким, рожденным от Духа**, то есть почувствовавшим Божественную серию жизни.

3:34. ...Ибо не мерою дает Бог Духа.

6:2-29. Итак сказали Ему: что нам делать, чтобы творить дела Божии? Иисус сказал им в ответ: вот дело Божие, чтобы вы **веровали** в Того, Кого Он послал.

8:36. ...Если Сын освободит вас, то истинно свободны будете. — Освободит от свободы выбора, от «быть при деле».

15:19. ...А как вы **не от мира**, но Я избрал вас **от мира**.

Гал. 3:13. Христос искупил нас от клятвы закона.

1 Кор. 7:29-31. ...Время уже коротко; так что имеющие жен должны быть, как не имеющие; и плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего.

25 июня. Писать вещь — тоже быть при деле; в писании, то есть в творчестве, я нахожу, где приклонить голову. Раньше вещь, которую я писал, была, как я говорил, стеклянным кораблем: я в нем, меня никто не видит, я проникаю всюду, всё вижу — Verborgenheit [нем.], замкнутость, безопасность. В вещи, которую я писал, я расширял радиус жизни до бесконечности — это и есть Божественная атональность, я не боялся расширять его до бесконечности; но в жизни — боялся: сама вещь, как вещь, завершенная, законченная вещь, была сокращением радиуса жизни. Поэтому тщательно отделял то, что писал. Отделявание и было сокращением моего экзистенциального радиуса, то есть радиуса моей жизни, сама запись вещи уже есть сокращение экзистенциального радиуса. Но здесь ноуменальное противоречие: запись-фиксирование высказывания моего существования, оно необходимо и для бесконечного расширения радиуса жизни, но необходимо связано с чувственным знаком, а не только с сверхчувственным: чувственный знак сокращает экзистенциальный радиус, но без чувственного знака нет фиксации и не может быть и бесконечного расширения экзистенциального радиуса.

После 16.X.63 мне стало неинтересно отделять свои вещи. Не только неинтересно, но и стыдно, когда я иногда переписывал и отделявал («Взгляд», «Три искушения Христа в пустыне»), даже страшно («Видение»): радиус жизни уже не может сократиться, произвольное сокращение его нечестно: лицемерие и фарисейство.

И то же самое в монашестве. Не в жизни монах имел где приклонить голову, не в келье или пустыне — где-то, в каком-то месте человек должен жить, пока он на земле, — а в правилах его жизни. Порядок и правила монашеской жизни — вот соблазн.

26 июня. М. Брод о Кафке. Две возможности:

1. Перевести поэтический план в эмпирически-психологический, жизненный.
2. Перевести эмпирически-психологический, жизненный план в поэтический.

Из «Свердловских трактатов»: есть это (наша эмпирическая жизнь) и то (другая жизнь, невидимо, а иногда и видимо присутствующая уже и в этой). Первый путь: видеть и **то** как **это**, второй — увидеть и в **этом** — **то**. Первое — психологизм всех родов, включая и фрейдизм, психологизм в гуссерлевском смысле. Второй — обнаружить Провидение в жизни. Брод и **то** видит как **это**. Розанов в автобиографических сочинениях и **это** видит как **то**. **То** — Божественная атональность жизни. На первом пути вносят

человеческую тональность. Поэтому большинство биографий и воспоминаний так неприятны и почти ничего не дают для понимания творчества.

Брод защищает Кафку. И оправдываться и оправдывать глупо и неверно и по человеческим и по Божеским законам. Правильно: нападать или сдаваться. Иов нападал на Бога, потом отступил: отрицаюсь и раскаиваюсь на пепле и прахе. И то и другое правильно.

29 июня. «Поскольку христианская мистика сохраняет в человеке самое дорогое для него — его свободу и его личность...» Что самое дорогое и что самое ненавистное? И не самое ли дорогое самое ненавистное и самое ненавистное — самое дорогое? Какая свобода: произвол? свобода выбора? Wollen или Wille? Какая личность: эмпирическая? трансцендентальная? сокровенный сердца человек? Удивительно, как через 1900 лет христиане всё еще игнорируют слова Христа: возненавидеть свою душу/жизнь; если Сын освободит вас, то вы истинно свободны. Ведь этой свободы человек не имеет сам от себя, именно бежит от нее, хотя и бесконечно заинтересован ею. А больше всего любит свою свободу выбора, то есть свое «я сам», и это же «я сам» самое ненавистное.

1 июля. Идея обожения (θεωδισ) [греч.] в сущности античная, рационалистическая, еще от здравого смысла: естественно, а не сверхъестественно. Единение с Богом через сходство или подобие — арианский принцип подобосущия. Единосущие именно через несходство, неподobie: во-первых, не подобие, а тождество в неподобном, во-вторых, только дар — ответственность, осуществляемая через свободу, которую дает Сын.

А. Дар мне абсолютной ответственности. Это акт Бога, в этом акте я абсолютно пассивен (1). Но абсолютная ответственность — абсолютная активность, поэтому: дар мне абсолютной активности (2). Но я тварь, этот дар мне не по силам, поэтому стал мне проклятием — свободой выбора (3), которую я сознаю как свою вину без вины (4).

Б. Абсолютная ответственность стала моей виной без вины, потому что я не могу ее не принять, так как Бог уже возложил ее на меня, а Он сильнее меня, и не могу принять ее, так как я сотворен и конечен. Это мое состояние в свободе выбора — тяжесть и боль бытия. Абсолютная ответственность и свобода — благословение, ставшее проклятием. Из этого состояния рабства в свободе выбора меня может вывести только Бог, только Тот, Кто поставил меня в это состояние. Для этого Он и взял на Себя мою вину без вины. Но если бы Он сделал это как Бог, то Он

снял бы с меня навязанную мне абсолютную ответственность: убрал свое проклятие, Он убрал бы и Свое благословение. Бог взял на Себя мою вину без вины так, что она осталась моей виной, я отвечаю за нее, и в то же время она перестала быть моей виной. Это и есть вочеловечение Бога и искупление: Он взял на Себя мою вину без вины как человек. Тогда моя вина осталась моей виной и в то же время перестала быть моей виной, стала моей абсолютной ответственностью и свободой, то есть реализовала Божий дар мне. Поэтому Христос и говорит: если Сын освободит вас, то вы истинно свободны: свободны от свободы выбора, то есть от рабства, от вины, от греха. Вочеловечение, искупление, снятие с меня вины — акт Бога, значит, с моей стороны — абсолютная пассивность. Но этим актом реализуется дар мне абсолютной ответственности, то есть абсолютной свободы и активности. Мне кажется, так реализуется противоречие благодати и свободы, то есть противоречие для разума становится тожеством несовместного. — Цитаты из Старого и Нового Завета.

I. Божий дар мне стал проклятием — рабство свободы выбора, суетной псевдоактивностью: все мятется всяк земнородный.

I I. Вочеловечением Бога проклятие стало благословением — абсолютной свободой в Божественной атональности жизни.

7 июля. Я хотел переделать «Веру, которая не верит». Она плохо написана, но это самое главное, что было со мною после 16.X.63. Она поддерживает меня всё время и дает силу жить, когда уже невозможно жить. Вчера, наконец, я взялся за нее, пытался исправить. Но у меня отвращение к делу. Это уже не игнавия, а невыносимое отвращение ко всякому делу, к **быть** при деле. Так как мне вряд ли удастся исправить и совершить это дело, то записываю то, что хотел поместить после цитаты из второй тетради 21-22.X.1964 г.

На кухне полпервого (21-22.X.64) ночи вдруг, без всякой подготовки мне пришла на ум не моя мысль — то, о чем, как говорит Исаак Сирианин, и подумать страшно. Я вернулся в комнату в полной растерянности, в полной опустошенности. Я подумал: сегодня, сейчас я лягу спать — о чем я буду думать перед сном? Мне не о чем думать, мне нечего думать, ничего нет. И так до конца моих дней: ничего нет. Я упал на колени, стал молиться. Я произнес несколько слов, восклицаний. Они ничего не выражали. Что выражать, что просить? Ничего нет. Это была молитва, может, самая горячая за всю мою жизнь. Это был вопль — в полной тишине, в пустоте, в ничто, абсолютно беспредметный вопль. Потому что не моя мысль вытеснила меня. Я был не я. Я ясно видел: я не я. Я молился. Не я молился. Мы не знаем, о чем и как должно молиться. Сам Дух неизреченными вздыханиями

ходатайствует за нас. Сам Дух неизреченными воздыханиями ходатайствовал за меня.

Я молился. Не я молился. Я не мог знать, о чем молиться, ведь я был не я. Я, который не я, мог только вопить от страха, беспредметно вопить в полной тишине, пустоте, в ничто.

И свершилось чудо: Бог вернулся ко мне и вынул из меня не мою мысль.

Я назвал это состояние верой, которая не верит. Здесь есть разделение: вера и неверие. Здесь нет разделения: вера, которая не верит. Не неверие, а вера, которая не верит. Я записал: всё висело на волоске, еле-еле держалось, уже обрывалось, уже оборвалось. И этот волосок оказался самым прочным основанием.

Я потерял веру вдруг, без всякого предварительного рассуждения или сомнения, без всякого основания или какого-либо повода, вдруг ее не стало, и я стал не я. Не стало? Нет, была вера, которая не верит, и она сдвинула гору.

Я стал не я. Но кто ужасался, кто отчаялся? Я. Я, который стал не я, который был не я. Потому что не моя мысль вытеснила меня. И всё же этот не я был я. Был ужас и полное отчаяние. Но эти слова ничего не говорят. Была полная опустошенность, полная пустота, ничто. И в этой космической ноуменальной пустоте, в ничто — какая-то жалкая, ничтожная, затерявшаяся пылинка, вопившая от страха: я, который есть не я.

Я, который не я, уже не лицо, у меня не было лица, я потерял лицо: я был не я.

У Моисея, у Осии Бог говорит: вы ненарод, нелюди. В вере, которая не верит, Бога не было. Неверно: был, был небог. Я не знаю даже, как писать это слово: небог или Небог? Волос с головы моей не упадет без Его воли. Неужели такое случилось без Его воли? Бес шепнул мне не мою мысль, шепнул и так быстро исчез, что я даже не знал, что это был бес, что надо только сказать: отойди от меня, сатана, ты мне соблазн. Но я этого не знал. Не моя мысль была беспредметна: беспредметно беспредметна. Сама мысль была тем предметом, который она выражала. Какой предмет? Небог. Эту мысль, этот предмет невозможно выдержать, вынести. Он опустошает меня; как цепная реакция, он уничтожил бы меня, если бы Бог не убрал не мою мысль, если бы Бог не убрал небога. Кто этот небог? Никто и ничто. Не бес, не дьявол, не антихрист, никто и ничто. Бес только шепнул мне не мою мысль, и я увидел небога. Я ничего не увидел и не видел, я видел ничто, я был в ничто, в аду. И Бог вытащил меня из ада, из адского ничто.

Вера, которая не верит. Верит ли она? В кого? Кому? Не знаю. Знаю, что завопил в тишине, в молчании, в пустоте, в ничто; завопил, потому что не мог не завопить: я был в ничто, я был ничто.

Я не могу даже сказать, что просил веры. Я ничего не просил, не зная, не понимая, что случилось, почему, за что, зачем? Я ничего не просил, я вопил. Сам Дух неизреченными воздыханиями просил за меня.

К кому я завопил? Но к кому можно завопить, когда никого, ничего не осталось, ничего нет? Только к Богу, только тогда и воплю к Нему из ничто, когда всё потеряно, ничего не осталось, одно только ничто, не модальное, не ограниченное, полное, абсолютное ничто, не ничто, а абсолютное ничто.

Я подумал потом: бес обманул меня — $\mu\eta\ \acute{\omicron}\nu$ за $\omicron\upsilon\chi\ \acute{\omicron}\nu$ [греч.]. Но, может, бес был только сопутствующей причиной, *causa efficiens* [лат.], а последней — Бог? Потому я и говорю: я увидел небога и не знаю, как писать: небог или Небог? Я действительно увидел $\omicron\upsilon\chi\ \acute{\omicron}\nu$, и ужаснулся, и отчаялся, и в этом ничто заново родился, Бог заново сотворил меня.

Всё это я думал сегодня ночью, когда понял, что не могу уже совершить никакого дела, не могу быть ни при каком деле, могу быть только не при деле. И Бог снова пришел ко мне и снова сотворил меня, чтобы я не был при деле, но не был и в праздности, а был не при деле, не имел где приклонить голову. Благодарю Тебя, Господи.

9 июля. Вчера вечером я был свидетелем неприятной для меня ситуации, участниками которой были три человека — X, Y, Z. X и Y были активными участниками, Z — пассивным, то есть страдательным лицом. Отношение Y к X меня не трогало, мне было очень неприятно отношение X к Z, так как оно было проявлением невнимания и бестактности к Z, значит, грехом. Вернее, я видел только проявление греха, но **сам** грех, так как это был не мой грех, а грех моего ближнего, был еще неясен и непонятен. Потом я лег спать и думал о неприятной ситуации. Я сам не был заинтересован: если бы отношение X к Y (или Y к X) не затрагивали Z, эта ситуация была бы мне только непонятной, но у меня не было бы личной заинтересованности. Она появилась только потому, что мне завещано охранять Z, а я ничего не мог сделать в данной ситуации; как и Z, я был абсолютно беспомощен и беззащитен против враждебной ей и мне активности, агрессивности жизни. Потом я стал думать о будущей, предстоящей мне через месяц или полтора, встрече. Мысли эти были мне приятны, я находил в них некоторую защиту от враждебной мне агрессивной активности жизни. Потом я заснул. Часа через два проснулся и снова долго не мог заснуть. Я

вспомнил приятные мысли о будущей встрече, и мне стало стыдно. К чему мне эта встреча? Если я смогу оказать ей услугу, я окажу ее, но не она, а только Бог может защитить и защитит меня от агрессии жизни. В приятных мыслях не было ни похоти, ни вожделения, также не было, как мне казалось, и никакой сентиментальности или сентиментальной жалости к себе. И всё же были: сублимация похоти, потому что небесная Афродита — сублимация земной Афродиты (как это было и у Сузо), и сублимация сентиментальной жалости к себе, когда противостоящая мне жизнь агрессивно наступала на меня. Может ли быть вообще самое чистое душевное отношение мужчины к женщине не основано на этих двух сублимациях? Какими были отношения апостолов Петра и Павла к женщинам христианкам? Их советы об отношении мужей к женам, мне кажется, были основаны на личном опыте. У апостола Петра была жена, у апостола Павла, предполагают, было исключительно душевное отношение к диаконисе Фиве (Рим. 16), хотя он не знал женщин. Мне кажется, только у Христа Его душевные отношения к Марии Магдалине и другим женщинам были вполне чисты от этих двух сублимаций. Но затем возникают вопросы; возможно ли вообще полное освобождение от этих двух сублимаций для человека, не для Богочеловека, а для человека? И не станет ли такое полное освобождение скопческим равнодушием и черствостью, как вполне равная любовь ко всем без всякого предпочтения, — безразличием и отсутствием любви? Женщина подверглась большему проклятию, чем мужчина, в ней есть бóльшая онтологическая страдательность и пассивность. Не создаст ли это повод для возникновения в грешнике — а всякий человек есть грешник — первой сублимации? Но сама пассивность и страдательность женщины возлагает большую ответственность на мужчину, тогда уже на нем большее, хотя и вторичное, проклятие и он, защищаясь от агрессии жизни, ищет утешения уже не у Бога, а в самой ответственности, тогда и у женщины — скрытый инфантилизм и комплекс Эдипа, поэтому грех, и всё же неизбежный, — тогда невольно склоняется ко второй сублимации, и так возникает душевность, иногда красивая, поэтическая, по-человечески, может, даже очень возвышенная и благородная, а, по-Божески, всё же греховная. Я ничего не утверждаю, только спрашиваю, помимо того имею некоторое уважение к человеческой слабости, если она не агрессивная и не наглая. Эта двойная сублимация, может быть, и неизбежна, и если она 1) не вредит третьему лицу, 2) не доходит до своего саморазоблачения и 3) не слишком поэтизируется, как у Сузо в его отношениях к Екатерине, если нет этих трех крайностей, то отсутствие этой двойной сублимации может стать еще большим грехом, чем она сама: гордыней, брезгливостью к телу и в конце концов брезгливостью к своему ближнему, тогда уже не ненавистью к себе, а брезгливым безразличием к своей судьбе и к себе самому, тогда унынием. Но и этого я не утверждаю и не возвожу в общий закон, я

нахожу только некоторые тенденции жизни и, что касается меня самого, — боюсь этих двух сублимаций.

Еще что было этой ночью: Бог освобождает от обеих сублимаций и создает какое-то ясное сознание моего страдания, моей страдательности и защиты, сокровенности, *Verborgenheit* [нем.], в полной жизненной беззащитности и *Unverborgenheit* [нем.], когда уже никто и ничто не страшно и не нужно, как это и было весь сегодняшний день — непрерывная молитва.

10 июля. Я уважаю человеческую слабость, слабость грешника, но я не уважаю своей человеческой слабости, я стыжусь ее и ненавижу. И всё же уважаю чистую человеческую слабость. К самому греху отношение двойное, амбивалентное: смрад материи греха и диалектическая противоречивость его формы, то есть эйдоса греха в вине без вины. Ведь первородный грех — это несоответствие меня как сотворенного, и значит, невинного Божественному дару мне абсолютной ответственности и свободы, ставшей моей виной без вины, поэтому благословение стало проклятием. Противоречивость формы греха противоречит и прерывает непрерывную молитву: я снова падаю на землю, в грех. И так до конца моих дней, пока увижу «не через тусклое стекло, а лицом к лицу». Сама непрерывная молитва — Божественная атональность жизни. Но частные преобразования необходимо прерываются инвариантными («Разговоры вестников»), только так повышается степень частного преобразования. Тогда спрашиваю: что мне делать? — спрашиваю, когда нет непрерывной молитвы. И если в самом вопросе слышу ответ, уже не мой, Бога, то это снова непрерывная молитва, но степень ее выше степени первой молитвы. И уже вижу Божественную серию моей атональной жизни.

Уважение к скромной, а не агрессивной человеческой слабости. В этой скромности, простоте человеческой слабости, в самой слабости и беззащитности уже начало покаяния. Христос предпочитал грешников праведникам, не имеющим нужды в покаянии: я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию (Мф. 9:13).

Слово стало плотью, не погнушалось человеческой слабости.

Можно любить себя самого, себя трансцендентального, до полного овладения, даже подавления всех своих прихотей и желаний. Это крайняя степень самоутверждения, трансцендентального эгоизма — автономная этика долга, самоуважение, самоудовлетворение, то есть трансцендентальное самодовольство, *Selbstgefälligkeit*. Это те

праведники, которым Христос не нужен, то есть видящие, которые ослепли, увидев Христа.

Можно любить себя и свои прихоти. Это человеческая слабость и меньший грех, это те слепые, к которым пришел Христос, чтобы открыть им глаза.

Можно иметь безгливое отвращение к себе и к жизни. Я и не я — два моря, соединенные проливом, имея отвращение к одному, имею и к другому. Важно, где центр отвращения, куда направлено: вовнутрь или вовне. Если вовне, то это еще не полностью радикализированное отвращение. При этом есть и безгливое отвращение к себе — я и не я соединены проливом, — но не к своим прихотям, не настолько сильное, чтобы иметь силу без сожаления отказаться от них. Этот грех больше второго, так как есть рефлексия и безгливость, но меньше первого.

Можно иметь безгливое отвращение к себе и к своим прихотям настолько сильное, что не трудно отказаться от них; и это грех, и больший, чем второй и третий, потому что в радикальности безгливого отношения к себе глаза открываются, но сама безгливость — грех. Христос никем не безговал, даже Иудой. И мной не безгует. И всё же это меньший грех, чем первый, первый — сам грех.

Можно возненавидеть свою душу и жизнь, себя и свои прихоти, распять для себя мир и себя для мира, быть не при деле, не иметь где приклонить голову — это Божественная атональность жизни, которую открыл Христос и к которой призывает: приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас... Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко (Мф. 11:28, 30).

Я не претендую на полноту этой классификации. Также практически есть не только промежуточные случаи, но и частичные наложения одного на другой, и со стороны часто трудно сказать, что преобладает. Например, первый, четвертый и пятый случаи по человеческим понятиям определяются как альтруизм, но в первом случае в основе его лежит трансцендентальный эгоизм, то есть безразличие к ближнему, в четвертом — безгливость к себе, а часто и к ближнему, и только в пятом — любовь. Только изнутри мой ближний определит действительный характер моего альтруистического отношения к нему, и только в последнем случае оно не оскорбит и не унизит, а возвысит его.

12 июля. Противоположения: Веберн — Шёнберг; Введенский — Хармс. Первое пусть А, второе — Б. А — некоторая замкнутость формы, жизнь не входит в искусство, Б — некоторая незамкнутость формы, так как жизнь входит в искусство, а жизнь человека до его смерти незамкнута. И А и Б — чинарное, или атональное, искусство: определяется не категориями красивого — некрасивого, но

правильного (α) — неправильного (β). С этой точки зрения искусство нечинарное, или определяемое категориями красивого — некрасивого, эмоционального и пр., — неправильное — β . Тогда искусство А полностью определяется понятием правильно — α . Но в жизни есть и правильное и неправильное, и совершенное и несовершенное, и хорошее и плохое, вплоть до безвкусицы и пошлости. Тогда и искусство Б не определяется целиком понятием правильного (α), в нем есть и неправильное (β) в его столкновении с правильным (тональные вещи Шёнберга, его тексты к «Лестнице Иакова» и «Моисею и Аарону», у Д. И. — «Старуха» и др.), причем и в несовершенном и в неправильном может проявиться в этом случае совершенное и правильное. Тогда если в А — α , то в Б не β , а α/β . Мое сомнение, вернее, вопрос: не станет ли α как только α когда-нибудь новым классицизмом? И у Веберна и у Введенского искусство экзистенциальное, но из-за чистой правильности и замкнутости нет ли тенденции к классицизму? И у них есть небольшая погрешность в некотором равновесии, и не меньшая, чем у Шёнберга и Х., написал же В.: уважай бедность языка, уважай нищие мысли; но чистая правильность небольшой погрешности, ее абсолютная точность не есть ли или не станет ли правилом равновесия — тогда уже без погрешности? Я только спрашиваю, может, и А и Б равноправны и есть два вида экзистенциального искусства.

В. раз сказал мне: бывает, что приходит на ум две рифмы, хорошая и плохая, и я выбираю плохую, именно она будет правильной. Х. сказал: главное в искусстве — жертва. Смысл тот же, ведь жертвуют не плохим, а хорошим, жертва плохим — не жертва. Но высказывание Х. не только более общее, но и более экзистенциальное, во-первых, в пределах искусства, во-вторых, и в жизни: и Отец пожертвовал Сыном. Для Б жертва более характерна и более радикальна: жертва самой альфой. В тональном, эмоциональном и нечинарном искусстве нет жертвы α , потому что нет и самого понимания α , это просто β . Но в Б есть и α и понимание α и иногда жертва α , поэтому α/β .

Стравинский. После 1920 г. он совершил измену: изменил себе самому, предал себя самого. Ребе Суссия сказал: Бог повелел мне быть не Моисеем, а Суссией. Стравинский пожелал быть не Стравинским. Его Симфония для духовых, я думаю, правильная, то есть α , но в дальнейшем (кроме «Дамбартон-Окс») вместо правильного появилось другое: он не убеждает, с ним не споришь, как я спорил и с Бахом, и с Шёнбергом, и с Веберном, он очаровывает, опьяняет — это вне категорий правильного — неправильного, то есть вне α — β Стравинский не интеллектуален. Теноровую и баритоновую арии из *Canticum Sacrum* я мог слушать подряд по нескольку раз; настоящее искусство трудно выслушать сразу больше одного раза: поднялся на гору, всё видишь, но сам подъем вспоминаешь даже со страхом, так он труден. Это относится и к Баху. А Стравинский не труден, тогда вне самой главной категории α — β . У него не α , но и не β и не α/β , а

очарование, опьянение, наваждение, у него нет того, что так ценили восточные монахи: бодрствования, трезвения. Правда, у него и до 1920 г., даже в Симфонии для духовых, было очень сильно очарование, опьянение, фасцинирование, но было и правильное (α), он хотел избавиться от первого (так сказал М.), но от первого не избавился, а второе (α) потерял. Я знаю, мои слова противоречат тому, что он писал о творчестве и об исполнении, и всё же, мне кажется, это так. И не случайно он писал за роялем.

14 июля. Августин говорил, что обычно Бог совершает Свою волю через естественные причины. Тогда законно в последовательности естественных событий искать причину, а не цель. Волос с головы моей не упадет без воли Божьей. Но тогда и землетрясение происходит по воле Божьей. И всё же мы должны искать естественную причину землетрясения. У Ф. Студита я прочел: землетрясение было послано за грехи монахов. А не гордыня ли так думать, откуда он знает? При землетрясении страдают не только грешники, но и праведники, а Бог обещал Аврааму пощадить Содом, если там найдется хотя бы 10 праведников. Верно, что в некоторых случаях я чувствую, даже точно знаю телеологичность некоторых событий, имеющих ко мне отношение, но я думаю, во-первых, это бывает обычно не часто, во-вторых, телеологичность событий, имеющих ко мне отношение, я замечаю, кроме исключительных случаев, спустя некоторое время, и чем они дальше от меня, тем яснее мне их телеологичность, и в-третьих, с возрастом понимание телеологичности возрастает, может, только к смерти я увижу, что Провидение полностью руководило всей жизнью моей и моих близких. Здесь надо сделать поправку: понимание телеологичности жизни, то есть некоторой разумной, вернее, вне- или надразумной целесообразности, обязательно сопровождается или есть понимание бессмысленности жизни или сверхбессмыслицы — Божественного безумия. Апостол Павел говорит: если хочешь быть мудрым в веке сем, будь безумным. Видеть же сразу в каждом событии его телеологичность, может быть, даже нечестиво, это уже человеческая мудрость, которую Бог посрамляет. Если при человеческом телеологическом объяснении я не стану полностью квиетистом или фаталистом — я лицемер и несерьезен. Но вполне последовательный квиетизм или фатализм теоретически ложен, практически неосуществим. Я должен благодарить Бога за всё: и за хорошее и за плохое, а иногда, может, даже роптать и восставать на Бога, как Иов. Но гордыня и фарисейство говорить, что я действительно вижу и понимаю, за что Бог послал мне плохое. Смирение именно в том, что я не знаю и не понимаю, за что и зачем плохо, и всё же радуюсь и плохому и хорошему. И не только смирение, но и мудрость, только не

века сего. Фихте сказал: понять непонятное как непонятное, то есть именно как непонятное. Но еще выше не понять непонятное как непонятное, может, это и есть настоящее понимание. Поэтому телеологические и особенно нравственно-благочестивые объяснения так часто звучат по-фарисейски и абсолютно неубедительны — так говорили и друзья Иова. Иов же роптал и восстал на Бога. И всё же Бог признал его праведником, в его восстании было больше смирения, чем в самоуверенно-благочестивых рассуждениях его друзей.

17 июля. Ни один человек не может принять на себя дар Бога — абсолютную ответственность и свободу. Тогда, по исполнении времен, Бог сам стал человеком, чтобы не как Бог — этого мало, — а как человек принять на Себя абсолютную ответственность и свободу. Если бы Он как Бог снял с меня вину без вины (*culpa*) [*лат.*], то снял бы с меня и подаренную ответственность — вину как *causa* [*лат.*]. Если же как человек, во всём, кроме греха, подобный мне, то берет на Себя вину как *culpa*, оставляя мне вину — *causa*. Верой в Него я принимаю на себя всю вину, весь грех мира, тогда и вину — *causa*. Тогда Он освобождает меня от вины в смысле *culpa* и реализует во мне абсолютную ответственность и свободу. Верой в Богочеловека, то есть в Человека, реально взявшего на Себя весь грех мира, всю вину без вины и тем реализовавшего Божий дар мне, я принимаю его: Он реализует его во мне, осуществляет невозможное для человеков. Два важных для человека вывода — *causa cognoscendi* Божественной тайны дара: 1. Вера не психологическое, а онтологическое изменение строя души — новое сердце и новый дух, которых просили еще пророки. 2. До вочеловечения Слова человек оправдывался верой в Грядущего, то есть верой в грядущее вочеловечение Слова. А язычники? Пути Господни неисповедимы. Я думаю, и среди язычников были и есть такие, которые верили в Грядущего, а сейчас уже Пришедшего, не зная даже имени Его, не зная даже, что спасение человека только от вочеловечения Слова. И здесь возникает второй момент: контингентность, откровение смысла контингентности, случайности, тварности, телесности. Вочеловечение Слова предопределено от вечности, но сроки его никому не были известны и также сроки Его второго пришествия — даже Сыну. Это и есть онтологичность контингентности. И здесь обнаруживается — открывается, что то, что для нас *causa cognoscendi* Божественной тайны, есть ее *causa essendi*. — Экзистенциальность Божественной тайны.

Атональность жизни — невинность. Невинный живет, потому что живет, живет, чтобы жить. В грехопадении эта атональность потеряна. Тогда в грехе я вношу свою человеческую тональность в атональность сотворенной Богом жизни. Тональность, которую я вношу в

атональность моей жизни, то есть порядок, которым я организую атональность моей жизни, — то высокое у людей, что мерзость перед Богом. Желая возвысить себя, лгу себе, придумывая какие-либо правила и порядок: долг, категорический императив, чистая воля, душевность, приличие, порядок. Я уже не могу жить в атональности жизни, тогда прикрываю свои прихоти, свою гордыню высокими словами, лгу себе, чтобы оправдать себя, чтобы утвердить себя, — эта мерзость перед Богом и есть лживая моя тоникализация жизни. Бог создал атональность жизни, чтобы я увидел ее Божественную серию. Но **сам** от себя человек не может сделать этого, все его дела, намерения, мысли тональны. Для того Бог и стал человеком, чтобы как человек открыть нам Божественную серию в атональности нашей жизни. Не Своим примером — это подбосущие и арианство, — а реально, онтологически, вкушением Его тела и крови. Христос — Божественная серия моей атональной жизни, через Христа и в Христе я становлюсь участником Божественного *mysterium tremendum et fascinosum*.

20 июля. Сон отрывочен и частичен. Вот что я понимаю под частичностью сна: когда я бодрствую, у меня есть некоторая целостность сознания — самосознание. Может преобладать одна или другая окраска сознания, разные окраски могут быть несовместны, они могут вступать в самые резкие конфликты, так что одна окраска полностью исключает другую, как это и было, когда пришла не моя мысль, но и тогда остальные окраски потенциально присутствовали, присутствовали как отсутствующие, оттого и была мне так страшна не моя мысль. Во сне же, кажется, всегда есть только одна окраска, одна плоскость мыслей и чувств. В бодрствовании я сознаю в себе несколько плоскостей, их единство не только положительно, но и отрицательно-положительно: я сознаю в себе и как свои и те плоскости мыслей и чувств, которых сейчас нет, то есть присутствует и отсутствующее. Во сне этого, кажется, нет: бывает, что я и вспоминаю отсутствующие плоскости, но вспоминаю не как свои, не как присутствующее отсутствующее. Иногда даже себя самого я вижу незаинтересованно, со стороны.

Вот, кажется, точное определение различия бодрствования и сна: во мне много плоскостей мыслей и чувств, даже взаимно исключающих друг друга. Одна или несколько преобладают сейчас — это доминанта моего сознания сейчас, определяющая мое самосознание. При бодрствовании присутствуют и остальные плоскости: или как обертоны, или как отрицаемые сейчас, неприятные мне, постыдные, ненавистные, чужие мне, но, может, и желаемые, к которым я стремлюсь, бесконечно заинтересованный ими. Даже чужие мне сейчас, всё равно ненавистные

мне или любимые, они присутствуют во мне как отсутствующие, они мои как не мои. Это относится и к моим воспоминаниям, самым отдаленным, уже чуждым мне, и всё же они мои, хотя и не мои, — сейчас это не я и всё же я: чужое и уже не мое — всё же мое. Это и значит: за каждое праздное слово ответите на Страшном суде. Во сне же то, что сейчас не мое, — только не мое. Поэтому нет полноты времен. Это не святость вестников, ничего не запоминающих, живущих сейчас. Им не надо запоминать, потому что в их сейчас живет всё, что было, есть и будет, то есть полнота времен. Во сне же я бабочка-однодневка. Я не помню не потому, что мне не надо запоминать, чтобы реально иметь, но забываю — это грех. Правда, в снах бывает и другое: углубление в одну плоскость, углубленное понимание доминирующей плоскости — и от этого вещие сны и углубленное понимание дневной ситуации.

Две недели тому назад после неприятной ситуации и агрессии жизни мне снилась мама. Она поцеловала меня, и я нашел у нее защиту от агрессии жизни. Проснувшись, я понял соблазн двух сублимаций, перед этим (перед засыпанием) я нашел защиту у Бога. Сегодня совсем другой сон: мама снова здорова, я спокоен и почувствовал, что мне не хватает чего-то. Чего? Страдания. Но ведь если бы жало в плоть снова стало лестницей Иакова, кончилось бы только определенное страдание, но тяжесть и боль бытия всё равно осталась бы. И если бы и все мертвые ожили — и тогда то, что было и есть, не прошло бы, только сверхъестественное воскресение дало бы полную радость. Во сне была какая-то глупая ситуация: смерть не побеждена, вместо этого какое-то глупое, как у Фёдорова, естественно-химическое воскрешение, обнаружившее всю бессмысленность естественного, природного. Какая-то одна доминирующая плоскость сознания стала автономной, тогда бессмысленной, так как смысл ее именно в противоречивом единстве несовместных плоскостей, в тождестве нетождественного. Во мне множество плоскостей мыслей и чувств, они несовместны, но смысл каждой из них именно в противоречивом реальном единстве, даже тождестве, всех. То, что я раз писал: когда гаснет звезда бессмыслицы (в искушении), остается одна плоскость и она становится бессмысленной. Так было и в этом сне. Но это не общее правило для снов.

Сегодня во сне не было ни возвращения в прошлое, ни прихода с того света, как во сне 3 года тому назад.

23 июля. Почти год я комментировал с М. [Мейлахом] моих «Вестников». Я перечел примечания, записанные М., и, хотя большей частью записано верно, всё же я недоволен ими. Автор вообще не может комментировать свои вещи. Наиболее слабые у Фихте —

«Назначение человека» и «Ясное, как солнце...». В философии есть некоторые вечные иероглифы, мировые константы: существующее и несуществующее, некоторое волнение и некоторое спокойствие: энтелехия, переход от потенции к акту у Аристотеля, quatenus Спинозы, трансцендентальные схемы Канта, генезис и его отмена у Фихте и др. Чтобы понять «Вестников», надо знать всю историю философии. Или: можно и не знать истории философии, но тогда воспринимать творчески, поэтически, в Аристотелевом смысле: *poeticos*. Если человек может стать соавтором чужой вещи, ему не надо знать истории философии. В., Л., О., Х. были действительно соавторами «Вестников», поэтому Х. и мог сказать: я — вестник.

Оригинальные мысли рождаются из ничто, но на определенной исторической почве. Так как из ничто — то не надо знать историю, то есть предшествующее развитие. Так как на определенной исторической почве, то надо знать историю.

Тональность, атональность и серия

24 июля. Кронекер сказал: Господь Бог создал целые числа, всё остальное — дело рук человеческих. Также можно сказать: Господь Бог создал различные звуки, всё остальное — дело рук человеческих. Многообразие звуков самих по себе — атональное. Человек вносит в это многообразие порядок: античные лады, церковные, мажор-минор. Всё это можно назвать тональностью в широком смысле — тяготением = тоникализацией атонального множества звуков. Сочинение в тональном порядке аналогично свободе выбора — как будто бы свободно, на самом деле детерминированно: формально — композитор может выбрать любую тональность, любой лад, но не может писать вне лада, вне тональности; материально — детерминирован законами тяготения лада или тональности. В атональной музыке композитор абсолютно свободен, так как свободно сочиняет ряд из созданных Богом звуков. (Темперация — может, небольшая только погрешность.) Абсолютно свободно сочиненный ряд определяет его музыку — тогда это Божественная серия, так как свободна от всякого человеческого тяготения и вне свободы выбора. Ее можно сравнить с Провидением, определяющим человеческую жизнь, не нарушая свободы человека. Атональная серия — свобода даже от мотивирования. Немотивированность и есть свобода от человеческого, то есть душевного (а не духовного), тяготения. Но именно немотивированная серия организует и определяет музыку, свободно создаваемую.

Брауэр освободил математику от человеческих тяготений — номинализма и реализма понятий. Номиналист не дерзает принять бесконечный дар Бога. Реалист мнит, что этот дар не

сверхъестественен, а естественно, по природе, принадлежит ему. В первом случае не хватает великого дерзновения во Христе, во втором — гордыня. Экзистенциализм концептуализма: путь бессмыслицы, абсурда, парадокса, безумного Божьего.

Начиная с Аристотеля, а может, и раньше, физики вводили свое человеческое тяготение в физику и космологию. Эйнштейн разрушил этот антропологический антропоцентризм — десубстанциализация времени и пространства — космологическая атональность. Минковский — Фридман увидели в космологической атональности Божественную серию — творение мира из ничто.

Единство человеческого духа: аналогии атональности в математике, физике, искусстве, теологии. Но не антропоцентрическое единство, как у Майстера Экхарта, Бёме, Гегеля, а теоцентрическое.

Критерий: невозможность сдвига в апории — невозможность антропоцентрической антропологии.

Сейчас, подходя к концу, увидел, как удивительно объединяются и сходятся все линии к последней цели — славе Божьей. S. D. G.

26 июля. Вчера я чувствовал себя обиженным. И одновременно мне было стыдно: не просил ли я много раз; дай мне радость быть покинутым всеми ради Тебя?

Для обиды может не быть никакого основания, кроме природной обидчивости и мнительности, может быть и повод, может быть и причина. Вчера повод как будто бы был. Но тогда почему я не радовался, а обижался? Я молился и уговаривал себя, что не обижен, и всё же был обижен. Помимо того, хотя это, я думаю, и главное, было еще ощущение своей ноуменальной *Nichtigkeit* и бездарности к соборности. Но ведь я только как ничто — что. Почему не было ощущения ч т о?

Сегодня я встал, обиды уже не было: я думал о различии тождества и единства, синтетического и аналитического. Об этом я подумал позавчера, перечитав примечания М. [Мейлаха] к «Вестникам», — в комментарии сказано неточно. Я записал то, что думал, и пошел гулять. Я молился и ощущал что: как ничто — что. Теперь я хочу, как геометр исследует линии, исследовать, почему обида прошла полностью, хотя основание для нее не прошло, а скорее увеличилось. Когда я ходил, я чувствовал: я — в стеклянном корабле, я не беззащитен, у меня есть защита. Защита одна — Бог и всегда со мною. И не раз в беззащитности Ты был защитой. До 12.I.62 одним из двух стеклянных кораблей была вещь, которую я писал. Это не тщеславие, но ощущение некоторого сущего во мне от реальности Сущего, ощущение моего участия в Божественном *mysterium tremendum et fascinosum*. И еще: ощущение некоторого опустошения и очищения после писания. Закончив

«Квадрат миров», я написал: теперь я пуст, пуст и чист, почти чист. Но сейчас мои вещи уже не являются для меня стеклянным кораблем. Тема о синтетическом и аналитическом тождестве и единстве очень большая, и я, кажется, представляю себе, как мог бы написать. Но я ограничусь несколькими страничками, только намечу главные линии. Может, сама мысль, сама интуиция тождества и единства была для меня стеклянным кораблем, устранившим обиду? Что это: ощущение сущего во мне от Сущего или грех и гордыня, для которой достаточно ощущения величайшей силы — силы мысли? Я спрашиваю, потому что в обиде не обратился непосредственно к Тебе за помощью, нашел не в Тебе, а в пришедшей мысли защиту. По-видимому, это нехорошо. Но что за мысль и от кого? Мысль о моей греховной сущности — тогда и мысль от Тебя? Но когда я записывал то, что думал, гордости не было, была только мысль, вытеснившая всякую обиду. Здесь снова то, что я писал о монашестве: не в Тебе, а в мысли я нашел защиту, между мною и Тобою был не Ты, а мысль, хотя бы о Тебе и от Тебя. Чем эта мысль лучше правил молитвы и дыхания? Может, еще хуже: наиболее возвышенное, идеальное, абстрактное, а потому и самое греховное самоудовлетворение, то есть самодовольство. Во всяком случае нехорошо, что моя вера не сдвинула ничтожный холмик обиды и он вырос у меня в гору обид. И еще, может, нехорошо, что сегодня сдвинула эту гору мысль, а не молитва, молитва пришла потом.

В том, что я сейчас записал, многое преувеличено, преувеличено и само ощущение обиды, а не только сама обида, может, и сильно преувеличено, но и в этом преувеличении преуменьшено. Не обида, а какая-то мразь была во мне. И снова Ты ее убрал из меня.

Каждый приезд сюда вносит искушение: огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не бойтесь, как приключения для вас странного.

28 июля. Господи, Господи, отрицаюсь и раскаиваюсь на пепле и прахе, не смею даже просить: помилуй мя, Господи; *servus indignus sum*. Потому что боюсь сказать: никогда... Не надеюсь на себя, ни на кого не надеюсь, только на Тебя, Ты — моя защита и сила, охраняй меня жалом в плоть; пусть жало в плоть будет больнее, пусть бремя Твое будет тяжелее, помоги мне, Господи, помоги моему неверию.

31 июля. Предположим, двум человекам сказали: завтра ты будешь перенесен в город, где тебя никто не знает. У тебя нет в этом городе никакой репутации, никаких традиций, никаких условностей твоей прежней жизни, где тебя все знали, где у тебя была репутация

порядочного, добродетельного человека. Ты можешь начать новую, какую угодно жизнь, хотя бы жизнь удовольствий. Как будешь ты жить, зная, что больше не встретишься с теми, кто тебя знал и уважал? Если человек ответит: у меня есть нравственные правила и заповеди, никогда, ни при каких условиях я не нарушу их, — если человек так ответит, то можно почти наверное сказать, что он нарушит если не все, то очень многие свои заповеди. Если же человек скажет: силен враг рода человеческого, соблазн велик, боюсь искушения, боюсь, устою ли перед соблазном, — если он ответит так, то можно надеяться, что он устоит.

1 августа. Я перечел некоторые свои старые законченные и незаконченные вещи, написанные между 1928 и 1944 гг., — мне надо было это для рассуждения о тождестве и единстве, затем же просто заинтересовался ими. Они, по терминологии Введенского, правильные, и то, что эта правильность была высказана мною, дало мне некоторое удовлетворение. Хорошо ли это? Получил ли я удовлетворение от самой вещи или от того, что это моя вещь? Но тогда не сказал ли этим, как злая старуха из легенды: моя луковица? Ведь это самая большая гордость — мысленная, гордыня мысли. Можно сказать так: Бог каждому назначил свою роль — участие в Его *mysterium*, я получил удовлетворение оттого, что по мере сил исполнял назначенную мне роль. Но это уже самоудовлетворение, то есть самодовольство, — этика заслуг и наград. Можно сказать: я ощутил в себе что от Сущего. Но ведь может и так: блаженны нищие духом; если же у меня еще осталось какое-то мое что, какой-то стеклянный корабль, то я еще не нищ духом, не что как ничто. И чем это духовное, что у меня осталось от моего, выше и духовнее, тем хуже, самая возвышенная, идеальная гордость — самая греховная. Самая возвышенная, воздушная, прозрачная гордость грешнее самой низменной. Апостол Павел ничего не хотел знать, кроме Христа, притом распятого. И снова спрашиваю: не распинал ли и не распинаю ли себя своими вещами? Может, само желание не чувствовать никакого удовлетворения оттого, что правильные вещи — мои вещи, еще большая гордыня? Всё же, мне кажется, это ощущение мое или мои — грех, возражая же себе, я пытаюсь оправдать себя, еще не нищего духом.

7 августа. Намерение и его осуществление — фиксация. Предположим, два человека *A* и *B* имеют одно и то же греховное намерение, *A* не осуществил его, *B* осуществил — фиксировал. Почему *A* не осуществил? Возможности:

1. Побоялся замарать свою репутацию.

2. Побоялся нарушить свой покой, das Bestehende [нем.] своей жизни.

В обоих случаях мотивы не религиозные и не нравственные: в первом случае — фарисейство, во втором — эгоизм. В имеет даже некоторое преимущество — смелость, а неосуществление греховного помысла у А в конце концов поведет его к Selbstgefälligkeit и фарисейству.

3. Некоторая робость, почти даже беспредметная. Эта робость — пережитки невинности. С нравственной точки зрения, может, и достоинство, с религиозной — в лучшем случае adiaphora.

4. Некоторая боязнь нарушить свой путь жизни. Здесь А имеет некоторое преимущество перед В, но только в отношении фиксации греховного помысла, потому что помысел у обоих один и тот же, и даже у А он более грешен: незафиксированный, то есть нереализованный, помысел, может быть, втягивает в грех и загрязняет сильнее осуществленного, как у монаха, 30 лет боровшегося с дьяволом (у Игн. Брянчанинова). Правда, с другой стороны, неосуществление греховного помысла дает возможность лучше осознать его, то есть свою собственную греховность. Но можно ли приписать А заслугу в неосуществлении его греховного помысла? Мне кажется, нет: не я сам соблюдаю свой путь. Мой путь — ноуменальный путь — именно то, что не в моей власти. Я думаю, фиксация вообще зависит не от меня, а от Бога, хотя я и виноват за фиксацию. Кальвин: разбойник убил невинного человека: убил Бог, а виноват разбойник. — Если волос с головы моей не упадет без Его воли, то неужели человек, тем более невинный, умрет без воли Божьей?

Если бы Смердякову почему-либо не удалось убить отца, вина греховного помысла — отцеубийства — у Ив. Карамазова осталась бы, а вины фиксации не было бы, хотя в обоих случаях: и убил и не убил бы он не своими руками — фиксация его помысла не зависела от его воли. Может, и вообще фиксация помысла не зависит от воли человека. И когда Митя шел на убийство отца и не убил, он правильно сказал: рука Божия остановила меня.

В греховном намерении я непосредственно виноват за него, в фиксации, то есть реализации, его (намерения) я тоже виноват, но виноват без вины. Но поэтому при одинаковом греховном намерении А и В одинаково грешны и несут одинаковую вину, но у В добавляется еще вторичная вина — вина без вины; потому что осуществление и неосуществление греховного намерения в руках Божиих. Но и у А добавляется вторичная вина: увязание в греховном помысле, или фарисейство. Различие вины А и В не количественное, а качественное:

у А: греховное намерение + вторичное греховное намерение от неосуществления первого; оно может быть в двух видах:

1) неосуществление греховной мысли в борьбе с ней ведет за собой вторую греховную мысль, то есть увязание в грехе;

2) преодоление соблазна силой своей воли ведет к Selbstgefälligkeit, фарисейству и осуждению ближнего;

у В: греховное намерение + вина без вины за его осуществление. В обоих случаях и фиксация и нефиксация греховного намерения в руках Божиих, а вина на мне.

10 августа. Смысл, то есть эйдос, дьявола: желание взять на себя вину без вины в смысле causa — ответственности и абсолютной свободы, отвергнув от себя вину в смысле culpa, то есть отвержение и неприятие самого понятия эйдоса греха — абсолютного несоответствия вины causa невинности твари. Тогда грех — дар, ставший проклятием, стал только проклятием — персонифицированным грехом. Поэтому дьявол не антибог, как в манихействе и, в конце концов, у Заратустры, но антихрист: анти-Христос. Христос отказался от Своей Божественности, то есть от вины-causa, приняв целиком на Себя вину-culpa, дьявол пожелал целиком принять на себя вину-causa, отказавшись от вины-culpa. Но Христос — истинный Бог, истинный Человек, то есть Лицо; дьявол же, отвергнув вину-culpa, без которой тварь не может получить лица, не имеет лица — лживая личина (народные представления о дьяволе — Флоренский). Это эйдологически эссенциально. Экзистенциально же я ощущаю его за своей жестоковейностью в грехе, в ноуменальной сонливости, в унынии и страхе. Исторически узнаю о нем из Священного Писания.

16 августа. Русские философы всегда говорили об онтологичности, всецелостности, конкретности философии, то есть экзистенциальности, и всё же не понимали, что путь к этому через безумное Божие, через звезду бессмыслицы. Они не понимали косвенной речи (Кьеркегор). В конце концов для них всегда 2×2 равнялось 4. Бердяев упрекает Хомякова за то, что он не любил католицизма. Как и Соловьёв, Бердяев не понимает, что универсализм католичества светский — не конкретная, а абстрактная всецелостность. Не случайно Гоголь, Хомяков и Достоевский не любили католицизма и тем самым склонялись к протестантизму: Евангелие — Благая весть и есть протест, то есть отрицание мира сего и его хозяина. Русская философия и теология — не Соловьёв, не Бердяев и др., а Гоголь, Достоевский, Лесков, Чехов.

Русская официальная философия не понимала смысла неопределенного отрицания — по-старому: бесконечных суждений. Неопределенное отрицание и есть тожество нетождественного,

прообраз которого Богочеловек, то есть вочеловечение Слова. Поэтому же оно и экзистенциально.

Синтетическое тожество, прообраз которого Богочеловек, — принцип и жизни, и философии, и искусства: то же самое в различном и различное — в том же самом, причем не подобосущное, то есть правдоподобное, — это первая ложь, — а едinosущное. Этого неправдоподобного, но именно истинного тожества различного боялись все ереси, то есть человеческий разум. Монофизиты и верящие в реализм понятий абстрагировали тожество и умаляли значение различия; адоптианизм, несторианство и номинализм понятий, выделяя различие и усиливая разделение, умаляли значение тожества. Применение к Христу.

21 августа. Библейскую хронологию (то есть сроки и продолжительность) до Авраама, может быть, можно понимать так: если темп и скорость времени зависят от скорости движения, то время (сроки и продолжительность) исторических, геологических и космологических событий, с точки зрения наблюдателя, движущегося со скоростью, соизмеримой со скоростью света, сильно сократится. Для такого наблюдателя время от начала мира до Авраама, может быть, и равно 3000 лет. Можно взять и более раннее историческое событие за начало отсчета по нашему времени, например из истории Египта или Шумероаккада, тогда время от начала мира до начала истории сократится, а до нашего времени увеличится. Если же наука говорит о человеке, жившем 20 000 лет тому назад, то она определяет это время с точки зрения наблюдателя, живущего на земле. Тогда, очевидно, от начала мира прошло еще больше времени. Библию же интересует Божественное домостроительство; до Авраама — только вступление к нему, поэтому с Авраама начинается собственно человеческая история в Библии.

Если вообще верно, что $3\frac{1}{2}$, или 10, или 70 миллиардов лет истории Вселенной от ее начала определяются с точки зрения земного наблюдателя, а с точки зрения наблюдателя, движущегося со скоростью, соизмеримой со скоростью света, этот срок сократится, то мое объяснение библейской хронологии правдоподобно. Но для того, кто движется со скоростью света, время остановится. Мне кажется, так выглядит Вселенная, наблюдаемая из ее неподвижного центра. Что это значит — вечное сейчас? Не увидит ли тогда наблюдатель сразу и всё, что было от сотворения мира, и всё, что будет вплоть до его конца?

Как совместить: наблюдатель в **неподвижном** центре мира и одновременно **движется** со скоростью света? Но если он движется со скоростью света, то он вездесущ, так как время остановилось, значит,

он сразу находится всюду, тогда и в центре; вернее — в центре и из центра всюду.

23 августа. Надо различать мою детерминированность в свободе выбора, то есть детерминированность меня в свободе выбора, и детерминированность меня к свободе выбора. Второе — идея или эйдос дьявола: его стремление закрепить меня в рабской свободе выбора — детерминировать к детерминированию. Невозможность ни принять, ни не принять абсолютную свободу есть детерминированная свобода выбора. Одна только невозможность принять абсолютную свободу без ее антитезиса, то есть необходимость не принять, была бы детерминированием к свободе выбора. Тогда я не был бы и ответственен за грех. Это не состояние невинности, а противоположное ему — персонифицированный грех, то есть сам дьявол. В невинности не невозможность принять абсолютную свободу, а просто отсутствие абсолютной свободы. Невозможность принять абсолютную свободу есть необходимость свободы выбора. Моя же невозможность выйти своими силами из свободы выбора не есть необходимость свободы выбора, определяется не аподиктически, а ассерторически: невозможность ни принять, ни не принять абсолютную свободу не должна быть, а есть мое состояние в свободе выбора. — Тайна контингентности и фактичности: не необходимое, а мое фактическое состояние.

Я почувствовал это и всегда чувствую в определенном, конкретном греховном намерении, в соблазне, в ощущении его непреодолимости, в падении или преодолении его, в преодолении своими силами — тогда в еще худшем падении, или в устремлении соблазна Христом: не введи меня в искушение, но избави от лукавого.

Двойная двузначность или амбивалентность греховного намерения, соблазна и искушения:

1. Непреодолимость соблазна, то есть невозможность преодоления, падение.

2 а. Преодоление силой воли.

б. Невозможное для человека возможно для Бога, то есть: избави меня от лукавого.

Дьявольская детерминированность к детерминированию проявляется и в том, что я писал об абулии, каком-то параличе воли, вате, преграде, вдруг встающей между мною и мною же, между мною и ближним (*noli me tangere*), между мною и Богом, — в вопросе: что делать? когда вопрос не есть сразу же ответ, когда **быть** не при деле вырождается в **не быть** при деле, то есть в безделие, уныние и

бесовское парение мыслей. Этот паралич воли, то есть свободы выбора, на самом деле есть именно наиболее сильное утверждение свободы выбора: **выбор** невыбора, то есть реализация именно формы, эйдоса свободы выбора и ее формальной детерминированности. Это состояние так мучительно и тягостно потому, что именно в нем я чувствую относительную реальность дьявола, реально чувствую, что о нем мало сказать: нет. Именно он и детерминирует меня к наиболее сильному, так как формальному, эйдологическому детерминированию в **выборе** невыбора. Но о нем много сказать: есть, — поэтому я чувствую свою вину в детерминировании к детерминированности, поэтому это состояние так тягостно и мучительно.

24 августа. В связи с вчерашней записью. У меня тоже опыты, всю жизнь, особенно последние годы: вивисекция моей души. Это больно.

Вивисекция не может быть нейтральной, но, как и всё в жизни, интендирована к чему-то. Непосредственно я нахожу две интенции:

1. Причинить себе боль. Какая-то ни к чему не интендированная интенция, бескорыстная и бесцельная. Раз я записал: я нашел в себе зверя, пожирающего меня упорно, настойчиво и без всякого удовольствия. Этот зверь — я сам.

2. Видеть со стороны, извне. И также видеть себя со стороны, извне.

Затем две двойные интенции, убежденности и неубежденности:

1. Я убежден, что к этому меня и предназначил Бог: к вивисекции моей души — есть себя самого, к желанию видеть себя извне — быть изверженным из уст Его, во всяком случае иногда, часто.

Я не убежден, что это моя определенная, конкретная вина, лень или неверность — это моя вина без вины.

2. Я не убежден, что Бог предназначил меня к этому, то есть быть извне, Бог предназначил меня быть внутри.

Я убежден, что это моя определенная, конкретная вина, я раб ленивый и неверный.

Эти две убежденности и неубежденности — круг, в который я заключен, и есть истина во всех четырех. Я не могу выйти из этого круга. Бог выводит меня из круга, из которого невозможно выйти.

Самопоедание — свойство всякого грешника: грех ест грешника. Лингвистически Шеллинг, может, и не прав, религиозно прав: *ma kar* — не ешь себя. Блаженства — макаризмы: спасение от самопоедания в грехе. Но каждый грешник ест себя по-своему: личный характер самопоедания — личный характер грешника. Вивисекция моей души — мой личный характер меня как грешника: дар, ставший моим проклятием, — и я воплю: Эли, Эли, лама савахфани.

28 августа. Сон. Мама сказала мне: когда я верю в гипноз, я не верю в Бога; я не хочу верить в гипноз, я верю в Бога. Гипноз здесь — название целого по части — парапсихология. Парапсихология сейчас, может, один из самых больших соблазнов: попытка естественно доказать сверхъестественное — новая форма естественной детерминированной теодицеи, то есть маловерие.

Затем сон о Жене [Гельфанд]: она, оказывается, не умерла. На небе ее не принимают, потому что она еще не умерла. Но и на земле не принимают, потому что она считается умершей: ей нет места ни там, ни здесь. Может, это не о Жене, а обо мне.

Затем снова сон о маме: мама уезжает, причем одна, я провожаю ее. Маме очень хочется спать, она на ходу почти засыпает. Я думаю: как же она доедет одна? Надо и мне поехать вместе с мамой. Еще я подумал: а как я вернусь, у меня же нет своей машины? В этом сне снова одна плоскость из многих: своя машина — по-видимому, то, что я называю стеклянным кораблем, то есть что привязывает к жизни. Этого нет. Я не задумываясь решил ехать с мамой, куда — непонятно; и всё же было опасение. Оно есть и наяву: к суду я не готов и смерть меня страшит. Но наяву сложнее, несколько плоскостей, а во сне была одна, может, только страх порвать *das Bestehende*.

30 августа. Атональность жизни и Божественная серия ее. Меня интересует сейчас: во-первых, прежде всего Божественная серия моей атональной жизни. Иногда я приближаюсь к ней, чаще теряю ее, и в этой потере снова нахожу ее, и, что бывает не часто, полностью живу в ней. Во-вторых, меня интересует теоретически Божественная серия атональной жизни, вернее, теоретически-практически. И об этом я пишу. В-третьих, меня интересует это же философски, так как философия — язык теологии. И об этом я писал до 12.I.62, изредка и сейчас, например в рассуждении о тождестве и единстве.

В-четвертых, меня интересует это же и в искусстве. Сам термин атональной жизни взят из музыки — Веберн. И то же — Введ[енский]. И также Х., Л., О.

1 сентября. Я уже давно почти не затягиваюсь, мне нужен только какой-то шок — дымовой удар в горло. Но происходит что-то странное: от тех же самых папирос я то чувствую дымовой удар, то вдруг перестаю ощущать его. И сегодня: весь день какой-то нудный, и папиросы казались мне пустыми, не чувствовал дымового удара. Потом я перечел некоторые нужные мне места из тетрадей, и нудность прошла. И вдруг от тех же самых папирос снова почувствовал дымовой удар. Нудность, как и после второй встречи с Х [Г. Викторовой], — от некоторых внешних впечатлений. Мне это очень неприятно: впечатлительность.

Раз я записал: какое-то идиотское мое подсознательное. Я добавлю: и такое же идиотское впечатлительное сознательное.

Сегодня сон: я с В. Он вял и безразличен, почти не говорит. Затем собирается уходить. Я: ты когда уезжаешь? Он: сегодня вечером. Я: зайдешь еще? Он: нет. Я: ты писал что-нибудь за это время? Он: нет. Я: почему ты никогда не спросишь, что я пишу? Он оживился и с увлечением говорит: потому что всё, что ты пишешь, либеральный оптимизм и неинтересно. В доказательство читает какое-то мое письмо к нему, придирается к каждому слову. Затем обвиняет меня, что я даже книги рву и употребляю на известные нужды в уборной, а ведь недалеко лес, можно было нарвать листьев и пользоваться ими. Я хотел возразить, что рвал только политические брошюры, но он всё говорил и говорил, и я подумал: вот тебе и незлобивость, и ушел не попрощавшись. Еще я думал о Л.: он часто бывает у меня днем, но это я знаю уж точно: только во сне. Весь этот дурацкий сон только ответ на внешние впечатления, и это отвратительно, то есть пошлая впечатлительность.

10 сентября. Некоторая классификация:

А. Евангелие — Благая весть: то, что я сам, своим умом никогда бы не смог узнать.

Б. Некоторая личная бесконечная заинтересованность неизвестным мне абсолютно трансцендентным, восприимчивость к абсолютно трансцендентному.

В. Моя личная пошлость — личное пошлое присвоение пошлости ветхого Адама.

Г. То, что я узнал от других, из чтения книг, узнал как то, что я знал и до этого, только не знал, что знал. То есть: я узнал из книг, но, когда узнал, узнал, что знал это и до чтения. Аналогия с Сократовым воспоминанием.

Д. То, к чему стремлюсь, но лишен и не могу добиться. То, что я нахожу в некоторых книгах, но и найдя, знаю как то, чего не знал. Д — контрарная противоположность к Г, и то, что меня интересует в Д, как-то связано с А, так что Д к А в отношении субконтрарности, может, Д — один из атрибутов или акциденций А. Но к А, к некоторым другим акциденциям его, кроме Д, у меня есть восприимчивость, а к Д — нет.

Б — восприимчивость к А.

В — популярная философия: Шопенгауэр, Э. Гартман, отчасти Бергсон, Файхингер, прагматизм, Зиммель, Дильтей, Бульман, современная герменевтика и философы, философствующие ни о чем. В них есть некоторый соблазн, но пошлый. Все они как будто бы начинают с предположения, что $2 \times 2 \neq 4$, но в конце концов приходят к тому, что $2 \times 2 = 4$, хотя бы приблизительно. У них есть некоторый интерес к неофициальности, некоторое любопытство к безумному Божьему, но больше страх перед ним и нет великого дерзновения во Христе. Всё это я чувствую в себе, в моем ветхом Адаме, оно сидит где-то глубоко во мне, но я ненавижу его. Поэтому в моих вещах ничего от этого нет.

К В относится еще рационалистическое вырождение философии Канта — Фихте в неокантианстве: Коген, Риккерт, Виндельбанд, Шуппе и др. Это другой полюс той же пошлости. Файхингер объединил оба полюса пошлости: соединил, построил мост между ними. Прагматизм Шиллера, кажется, тоже исходит из Канта, но он не так пошл, как *Phylosophie Als Ob*.

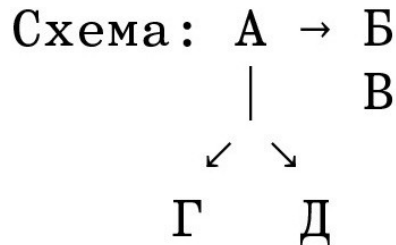
Г. Когда я читал Лютера и некоторые протестантские книги, я узнавал то, что знал, но не знал, что знал; часто же и знал, что знал. Также Кьеркегор. Может, также Кант и Фихте. Но почему я знал и узнал как то, что знал, хотя раньше и не знал, что знал? Потому что:

А — уже раньше мне открыла это Благая весть;

Б — у меня была восприимчивость к этому;

Д — Хомяков открыл мне то, чего я не знал и, когда узнал, знал, что раньше не знал. Это практическая соборность. И также русская литература XX в.

В., Л., О., Х. в взаимодействиях со мною, а иногда в противодействии мне тоже открывали мне то, чего я не знал и узнал, как то, чего не знал. Но здесь было и обратное отношение, и взаимодействие, поэтому так вошло в меня, что отделить невозможно. А Хомяков и предполагаемое истинное ядро православия всё же далеко от меня.

При этом: Г совместно с Б. Д не соединяется с Б, то есть Б не может принять Д и в то же время не может безусловно отвергнуть. Истинное ядро Д так глубоко скрыто за пошлостью (то есть объективным В) официального православия, что:

- а) мне не хватает силы Б, чтобы открыть его;
- б) меня пугает моя собственная В, то есть пошлость моего ветхого Адама, и я боюсь Д, чтобы не погрузиться и не потонуть в лицемерии и пошлости.

16 сентября. Я уже не раз записывал о своей пошлости, двойной пошлости: пошлости ветхого Адама во мне и личной пошлости присвоения пошлости ветхого Адама. Лживая искренность и искренняя лживость тоже пошлая. Каждый человек есть ложь, то есть искренне лжет. Это же я чувствую в моей пошлой впечатлительности. И Мережковский говорит о связи: черт — пошлость, — кажется, в статье о Гоголе. Гоголь чувствовал это, то есть чувствовал в себе бесовскую пошлость. Черствость души. Das Bestehende.

18 сентября. Вчера я долго гулял и было, как год тому назад: хождение-молитва. А под конец мелькнула подлая мысль. Подлая мысль — лакейская: о естественности сверхъестественного — не моя мысль (три года тому назад), мысль о горизонте, которую шепнул мне голос утром. В подлой мысли есть естественность, рассудительность — здравый смысл и пошлость. О ней знали и в древности. Исаак Сирианин говорит о состоянии уныния, когда вдруг на ум приходит то, что и вымолвить страшно. Об этом же говорит Лютер, и оба говорят, что приходят эти мысли именно опытным в вере. Не безбожие подлая мысль, а какой-то безбожный, хитрый и подлый намек, пошлый соблазн. Когда Д. Штраус к концу жизни отверг Христа, потому что Евангелие нарушает комфорт жизни (Новая вера), это была не подлая, а глупая мысль. Какая угодно безбожная, пусть злая, пусть антихристова мысль сама по себе еще не то, что я называю подлой мыслью. Подлая мысль не может явиться неверующему, но только верующему. Это даже не

мысль, а только пошлый намек, подлый вопрос. Первый подлый вопрос — вопрос змия Еве: а правда ли Бог сказал... вот это «а правда ли?..» и есть подлая, лакейская мысль. В Новое время подлая мысль являлась под именем мифа: Евангелие — миф (Д. Штраус). В сравнительно-историческом изучении Евангелия тоже есть подлая мысль. Это не значит, что Бультман и другие — подлецы, они соблазненные бесом, маловеры. Фрейд — атеист, но у него иногда чувствуется некоторая печаль, он — кающийся атеист. Но его атеизм не подлая мысль, если же он кается, то уже не атеист. Юнг внешне, то есть на словах, может, и ближе к вере, может, он сам и считал себя верующим, но весь проникнут соблазном подлой мысли, принимает ее и развивает. В отличие от Фрейда в нем не чувствуется никакой ни слабости, ни печали, скорее самодовольство. У Шеллинга последнего периода, у Я. Бёме и Майстера Экхарта есть соблазн подлой мысли {но это другое} — соблазн демонизма. Но они поддавались ему невольно, даже не сознавая, что это соблазн, а Юнг — добровольно и полностью погряз в ней {не в демонизме, а в подлой мысли, но, может, и в демонизме есть что-то от подлой мысли}. Избави меня, Господи, от подлой мысли, не введи во искушение, избави от лукавого.

Один бес ведет за собой других бесов. И вчера перед сном, и сегодня, несмотря на хождение-молитву, после подлой мысли снова пустые и глупые мысли в связи с пошлой впечатлительностью. Как апостолу Петру, Христос протянул мне руку, и я ходил по воде, пока не усумнился, и вот снова тону.

19 сентября. В грехе три основания: абсолютное, относительное и субъективное, но не психологическое, а трансцендентально и абсолютно субъективное.

Абсолютное основание: несоответствие Божественного дара мне моей тварности. Тогда Бог сказал: ты грешник. И я стал грешником.

Относительное основание: один молодой монах спросил старого монаха: что делать, мне лезут на ум греховные помыслы? Старый монах ответил: ты не можешь запретить птицам летать над твоей головой, смотри только, чтобы они не садились тебе на голову и не вили гнезда на твоей голове. Птицы-помыслы — это прилоги, обычно считают, что прилоги — *adiaphora* {но, кажется, это неверно}. Затем человек вступает в собеседование с ними, но и это еще не падение. Падение — когда он принимает их. Мне кажется, это неверно. Собеседование с птицами-помыслами — уже падение, и, может, большее, чем непосредственное принятие их; собеседование с ними — уже увязание в грехе. И тогда я чувствую свою полную невозможность победить их, полное свое бессилие, и чем больше сопротивляюсь им, тем больше увязаю в них. Тогда я вижу: во-первых, полную невозможность устоять

перед соблазном, хотя бы этот соблазн был только пустой и пошлой мыслью; и во-вторых, даже если и сам прилог — уже грех, то есть грех, что он возник у меня, что над моей головой летают птицы-помыслы, а я не сказал им: отойди от меня, сатана, ибо ты мне соблазн, — даже и тогда я непосредственно вижу, что они не от меня, не я их вызвал, виновник их — дьявол. Потому что сам прилог не естественен: то, что у животных не грешно, иногда же, как наивное, и умилительно, у человека часто бывает отвратительным и греховным. Само естественное в грехе стало моим врагом. Но затем уже потенцированный грех: сама противоестественность для меня естественного, противодействие естественному вместо того, чтобы стать для меня святым, стало соблазном, это уже потенцированный грех: не только сам грешный помысл, но мысль о нем, мысль о мысли стала грехом — ядром греха. Здесь я перехожу уже к абсолютно субъективному основанию греха. Если прилог, то есть греховную мысль, пришедшую не от меня, еще можно считать *adiaphora* — в чем я сомневаюсь, — то в мысли о греховной мысли я уже увязаю в грехе, она разъедает мою личность, моего сокровенного сердца человека. Это скрыто от людей, никто не видит, только Бог. Скрыто и от пассивно, и от активно невидящего и открывается только в глубине видения своего невидения: в глубочайшем отвращении к себе и в унынии — тогда уже дважды потенцированный грех. Это уже мой, абсолютно мой, глубочайший личный мой грех. И в то же время я абсолютно беспомощен, ничего не могу сделать, опутан и связан дьяволом и своим грехом, дьявол опутал меня моим грехом. Это не отменяет абсолютного основания греха: *causa finalis* всего — Бог, возложивший на меня непосильное мне бремя. Что мне остается? В страхе и трепете, в тоске и смятении, в полном сокрушении духа завопить. Но и этого не могу, пока скованный дьяволом пытаюсь сопротивляться ему. Только поняв всю безнадежность сопротивления дьяволу, только дойдя до полного, совершенного смирения, завоплю: Эли, Эли, лама савахфани. Тогда Бог освободит меня.

Когда наступает уныние, полное, беспросветное уныние, когда чувствуешь себя окруженным всеми бесами, закрывающими от меня и меня самого и Бога, когда приходит ощущение полного рабства, полного подчинения какой-то непонятной, отвратительной, бессмысленной, демонической силе, какому-то неизвестному, анонимному бесу, опустошающему и ум, и чувства, и волю, и сердце, помогает не свобода выбора, не *Entscheidung*, а только молитва. Но если анонимный бес, легион бесов подавляют меня так, что я уже не могу ни молиться, ни вопить, — что делать? Исаак Сирианин говорит: завернись с головой в свою мантию и ляг спать. Нил Сорский: помолись

на самый соблазн. Если же и это не помогает, то смириться полностью: когда уже никому и ничему не сопротивляешься, чувствуешь себя безвольной игрушкой в руках дьявола, теряешь всякую человеческую надежду, тогда приходит Бог.

Христос позвал Петра, и Пётр пошел по воде. Но усумнился и стал тонуть. Тогда Христос сказал: маловерный, зачем ты усумнился, — и протянул ему руку. И меня позвал Христос, и я шел по воде, но усумнился и стал тонуть.

Исаак Сирианин и Лютер, оба говорят, что мысль, которую и вымолвить страшно, приходит только к немногим, избранным. И я подумал: а также и к полностью отвергнутым. Я уже потерял всякую человеческую надежду. И пришел Бог, Христос протянул мне руку.

20 сентября. Месяц мучил меня дьявол пошлой впечатлительности. Наконец Бог освободил меня от нее, но я усумнился, и бес шепнул мне подлую мысль, а через нее проникли и другие бесы. Я уже окончательно потерял всякую надежду: я перестал сопротивляться бесам — всё равно это бесполезно. Тогда пришел Бог.

Когда птицы-помыслы летают над моей головой, не в моих силах не дать им сесть мне на голову и вить там гнезда. Чем больше я противлюсь им, тем ближе они ко мне, пока не сядут мне на голову и не станут вить свои гнезда. Если я не смог удалить их сразу молитвой или воплем, то уже никак невозможно удалить; только полностью смирившись, даже перед бесами, только в полном сокрушении сердца и смирении духа, когда наступает полная, беспросветная безнадежность, тогда Ты приходишь и удаляешь их. Господи, не оставь меня, убери от меня не мои мысли, не дай усумниться, умножь во мне веру, утверди меня в вере.

Почему я тогда усумнился? Что значит это сомнение, даже не сомнение, а мелькнувшая не от меня подлая мысль — ведь снова было хождение-молитва? Я возьму другой пример: я сознаю свою вину и вину без вины. Вина без вины выводит меня из моего естественного, имманентного состояния. Вина без вины — трансцендентальное а priori греха. И здесь возникает или может возникнуть соблазн — соблазн подлой мысли: что такое грех — только ли мое субъективное или абсолютное? Если только субъективное, то Бога нет и я виноват только перед самим собою. Тогда Юнг прав: Бог — только благоустроенность моего подсознательного, в грехе же я распускаюсь, теряю себя во

внешнем, выхожу во внешнее из некоторой внутренней целесообразной, центростремительной нормы моей жизни, только моей. Это и есть подлая мысль: моя жизнь — только моя. — Не моя она, она принадлежит Богу.

На языке «Критерия»: сдвиг в апории — вверх или вниз? Если вниз, то сдвиг остается в самой апории, нет сдвига апории, тогда и в апории сдвиг мнимый. Если вверх, то помимо сдвига в апории есть еще сдвиг самой апории. Подлая мысль — подлый вопрос: а правда ли, что сдвиг в апории — вверх, правда ли, что есть еще сдвиг апории? И ответ только один: отойди от меня, сатана, ибо ты мне соблазн. Если же сразу не отвечу, то только одно спасает: только смирение, даже перед бесом, смирение в полном сокрушении духа и безнадежности. Тогда Бог уберет подлую мысль.

21 сентября. Год тому назад, когда прекратились мои хождения-молитвы и я думал: за что? — я написал:

а. Я успокоился в моих хождениях-молитвах: я полюбил их.

б. Я не успокоился в моих хождениях-молитвах:
я не любил их.

Когда на днях снова было хождение-молитва, я как-то понял эту антиномию, вернее, почувствовал: я действительно любил их и действительно не любил: любил, когда не любил, и не любил, когда любил. В связи с Кьеркегором я раз записал: понять что-либо — это значит: целиком принять, сделать своим и как свое целиком отвергнуть. Таки хождение-молитва. И еще: радость-страдание, *mysterium tremendum et fascinosum*; не только *tremendum*, но и *fascinosum*, и не только *fascinosum*, но и *tremendum*. Как *tremendum-fascinosum* и как *fascinosum-tremendum*.

Но возможно, что слишком преобладало *fascinans*, другой элемент ослабел. Тогда я успокоился в этих хождениях-молитвах. Но тогда и беспокоился, потому что успокоился. Временная последовательность здесь необязательна, могло быть и сразу: успокоился и сразу же беспокоился, что успокоился, и сразу же успокоился, что беспокоился, что успокоился... Но само это *indefinitum*, может быть, уже соблазн — подлая мысль.

27 сентября. Я читал, вернее, просматривал — читать невозможно — эпопею Белого «Я». Неприятно в ней (и по воспоминаниям) — соблазнительный душевный эксгибиционизм: как будто его внутренности снаружи, и эти внутренности — его душа. Психопатологические состояния — ложь и фальшь. Они могут

напоминать или казаться высокими, духовными, чинарными, на самом деле это какое-то извращение установленного Богом порядка: снаружи тело, внутри душа. Поэтому духовное открывается в косвенной речи: откровение в сокровении, сокровение в откровении. В терминологии «Трактата Формула Бытия»: это и то. Всякое то, как только то, есть это; то — есть тожество этого и того. У Белого же претензия на исключительное то: быть в том, только в том. Поэтому он в этом, только в душевном, извращенном душевном. Пророчество переходит в кликушество. Возможно, это относится вообще к антропософии.

Затем: провинциализм его рассуждений о Канте и Риккертe. Русский провинциализм: подражание европейскому, но с некоторым опозданием. Неокантианство положительно или отрицательно (то есть в противодействии ему) было модным в России, когда на Западе интерес к нему спадал. Белый провинциален и в своем философствовании, и в своем эксгибиционизме. И всё же не юродивый. Юродивый не рассуждает о Риккертe и о каких-то модернистских чертежах своей Нелли. Вообще не рассуждает о Нелли. Юродивый не эксгибиционист и, несмотря на юродство, сохраняет некоторое установленное Богом соотношение между телом и душой, открывается в сокровении и скрывается в откровении.

Какое-то непонятное противоречие русской жизни и мысли: не русский, а еврей Гершензон напомнил о славянофильстве и миссии русского народа. А русский В. Соловьёв наполовину католик и западник. Западники съели славянофильство. Белинский — другой полюс Фаддея Булгарина. История русской критики за 150 лет: от Фаддея Булгарина до Фаддея Булгарина. Посередине что-то начиналось, но западники — некоммунистические и коммунистические — тщательно старались подавить.

29 сентября. История греческой философии — борьба *apeiron* с *Logos*'ом. Кажется, Анаксимандр сказал, что первородный грех — самоограничение беспредельного, и из-за этого все мы расплачиваемся страданием. Отношение между беспредельным и Логосом даже величайшие из греков — Гераклит, Парменид, Платон, Аристотель — не смогли разрешить по двум причинам: им не дано было знать творение из ничто и вочеловечение Бога, то есть Его добровольное самоограничение. Творение из ничто — всемогущество Божие. То есть им не дано было знать ни всемогущество Божье, ни Его добровольное самоограничение.

1. Греки не различали а) бесконечность Бога, б) беспредельность и беспредметность ничто. Поэтому у них не ничто, а первоначальный хаос или материя, ограничивающая и определяющая Бога, и Бог — только Демиург, даже у Платона («Тимей»).

2. Не различали грех произвольного самоограничения бесконечного в человеке и святость добровольного самоограничения Бога.

Бесконечное ограничивается в самосознании твари, то есть в человеке. Божественное самосознание в Троице не ограничено, потому что в Боге возвращение самосознания в Себя адекватно, а в человеке самосознание объективируется, тогда уходит от себя, возникает *indefinitum*. Но *indefinitum* всегда дано потенциально, а не актуально, поэтому экзистенциально конечно. Это знал еще Спиноза, а в математике понял Брауэр: для человека в его творчестве нет актуальной бесконечности, он получает ее только как дар, даром даваемый, в Христе. Самосознание человека дано в потенциальном *indefinitum*, поэтому само по себе конечно, то есть ограничивает первоначальное *apeiron*, самосознание Бога — актуальное *indefinitum*, поэтому не ограничивает Его. Но Он Сам ограничил Себя, став человеком, чтобы мы получили Его *indefinitum*, то есть взял на Себя наш грех. Поэтому Христос действительно реально взял на Себя грех всего мира и проклятие (апостол Павел).

В невинности, например у животных, есть конечные желания, страдания, так как весь мир проклят за мой грех — Бытие 3, — и всё же *apeiron* в невинном не ограничен, так как только самосознание ограничивает его.

Всё это я подумал после чтения эпопеи Белого. Из Белого ничего не вышло потому, что он был слишком гениален, то есть стихийно гениален, не сумел ограничить свое *apeiron*. Но он, как и всякий человек, уже пал, значит, его *apeiron* уже ограничено первородным грехом. Тогда грех его потенцирован: помимо первородного греха, второй — попытка прорвать границы, наложенные самим грехом, но они наложены самим Богом, чтобы открылись глаза. Вместо того чтобы освободиться через Христа, он пытается освободиться своими силами, человеческой мудростью — антропософией; может быть, вернуться в первоначальное *apeiron*. В этом его вторичный грех и крушение.

Среда 11 октября. 52х4.

Вчера перед сном думал: что значит вообще стыд? перед кем я стыжусь? Шпет сказал: человек стыдится не своего тела — это еще глупый античный интеллектуализм Плотина, — а своей души. Предположим, я совершил какой-либо нехороший поступок или просто пришла на ум нехорошая мысль и я увяз в ней, не сказав сразу: отойди

от меня, сатана, ты мне соблазн. Никто, кроме меня, не знает и не узнает об этой мысли. Почему мне стыдно? И перед кем? Мне стыдно и чувствую свою вину — в чем и перед кем? Если перед самим собою, то, мне кажется, здесь есть всё же некоторое несознаваемое лицемерие: а если бы я был перенесен в другое место, где меня никто не знает, и со старыми традициями, знакомыми и авторитетами было бы полностью навсегда покончено — было бы мне стыдно перед самим собою?

Кант разделяет этические обязанности: в отношении к другому и к себе самому. Я вообще не понимаю слова «этические», «обязанности» и совсем уж не понимаю обязанностей к себе самому. Не обязанности, а повеленное мне: возлюбите ближнего и возненавидеть себя. «Исполняя же повеленное вам, говорите: мы рабы, ничего не стоящие». Повеленное кем? Не мною. Поэтому вина перед самим собою — нарушение второй заповеди Моисея: себя самого я делаю своим кумиром под видом гипостазируемой чистой воли, или гипостазируемой упорядоченности своего бессознательного (Юнг), или как-либо иначе. Тогда и возникает фарисейское самоуважение. Всё это высокое у людей — мерзость перед Богом.

Я виноват перед кем-нибудь и стыжусь себя перед кем-нибудь, кто для меня авторитет, то есть свят. Первая ступень: для меня может быть свят какой-либо человек, но еще больше память о нем. И здесь тоже две ступени: если он жив, то стыд перед ним может тоже стать нарушением второй заповеди. Если же его уже нет на земле, то чувство вины перед ним, стыд за себя перед ним, уже не существующим здесь на земле, и святость памяти о нем переходит уже в ощущение абсолютной святости: Бог — Бог живых, а не мертвых, для Бога все живы, сказал Христос. Тогда я виноват и стыжусь перед Богом. Но эта святость памяти будет ощущением абсолютной святости как непосредственная, а как теоретизирование может стать грехом и подлой мыслью (культ предков, Фрейд о святости и авторитете). Но и до теоретизирования могут возникнуть два соблазна — два греха, но, кажется, не смертных, если нет теоретизирования, то есть рефлексии:

1. Если я сильнее чувствую вину перед памятью человека, чем перед Богом.

2. Если я, чувствуя свое осквернение грехом, каюсь мысленно перед человеком, перед его памятью, а не перед Богом. Как будто бы я думаю: я грешник окаянный и уже недостойн даже обращаться к Богу, к Христу, просить Его о прощении, какой-то человек в живой памяти о нем, может, даже живой в памяти о нем, он поймет и простит, а не Бог. Здесь два момента:

- а. Ощущение смрада греха, своей окаянности и жестоковыйности — *Verstocktheit* [нем.].

- б. Грех Иуды: уныние и маловерие — я еще не верю в бесконечную любовь Бога, в силу жертвы Христа.

Два последовательных логических вырождения гениальной ошибки Канта — автономной этики:

1. Этика личная становится социальной — Коген. Полностью осуществил, кажется, марксист Штаммлер — обоснование социализма этикой категорического императива. Но тогда: относиться к обществу, а не к каждому человеку как к самоцели. В пределе же оправдание авторитарного режима — фашизма, государства Кампанеллы, Т. Мора, Платона и др. Христос же говорит: на что человеку целый мир, если он повредит своей душе.

2. Наиболее абстрактный и возвышенный, а потому и наиболее греховный, нравственный эгоизм, даже эгоцентризм, в обожествлении категорического императива — нравственный солипсизм. Но тогда постулат практического разума не Бог, а я сам, гипостазирующий себя под видом чистой воли. Тогда любовь к ближнему становится только легальностью, так как подчиняется авторитету моего категорического императива, то есть меня самого. Эта наиболее возвышенная, идеальная любовь к себе самому, то есть к своему чистому трансцендентальному «я», к своему трансцендентальному ничто, переходит в идеальное фарисейство: поступай так, чтобы другие люди, а в наиболее идеализированной форме — я сам считал себя хорошим, нравился себе самому. Это фарисейство называют чувством собственного достоинства, самоуважением.

Если Бога нет, то у меня нет никаких нравственных обязанностей ни к другим, ни к себе самому, остается только одно: удовлетворение своих прихотей или, что еще хуже, возвышенный, идеализированный эгоизм — если себя самого сделаю для себя Богом. И если есть Бог, тоже нет обязанностей. Есть только повеленное мне Богом. Это не обязанность и не закон. Закон, обязанности — безличное и принадлежит к сфере заслуг — наград. Повеленное мне основано на любви и вере в Того и к Тому, Кто повелел. Тогда раб уже не раб. Если я занял последнее место, хозяин пира подходит ко мне и называет меня уже другом: друг, пересядь повыше, там твое место (Лк. 14:10). Христос к ученикам Своим: Я уже не называю вас рабами, но друзьями.

В автономной этике я сам себя делаю своим господином. Но всё равно остаюсь рабом: рабом своего закона, рабом своего категорического императива, рабом своего трансцендентального ничто.

16 октября. Я всё время пытаюсь собрать «Явь», но не могу ни выбрать, ни объединить — какое-то *areion*, беспредельное. Я мог бы выбрать отдельные интересные мысли, последовательности мыслей,

чаще незавершенные, но это сейчас мне не нужно. Что нужно? Найти себя. А за собою — Тебя.

Беспредельность — беспредельное множество. И это же — беспредельная пустота.

Вот что мне надо, что я хочу фиксировать в «Яви»: как я пришел к «великой скорби, которой не было от начала мира и не будет», как сон стал явью. Если бы мне удалась эта фиксация, то, может быть, моя беспредельная пустота заполнилась бы. Логос заполнит: Слово, ставшее плотью. С этим связаны мои сны и забывание снов, и я бодрствовал бы и днем и ночью: жил бы всё время сейчас, в котором исполнилась полнота времен.

Я выпадаю, всё время выпадаю в пустоту, в беспредельную пустоту.

17 октября. Слово, ставшее плотью, отказалось от принадлежащей Ему по природе вины-causa и приняло свойственную нам вину-culpa. — Кеносис. Вина-culpa свойственна нам от рождения и всё же не принадлежит нам по природе, как твари; тварь невинна и, как невинная, не несет вины: ни causa, ни culpa. Но Бог пожелал передать мне Свою бесконечную ответственность и свободу. Тогда несоответствие моей невинности возложенной на меня ответственности и свободе стало моей виной-culpa. Грех и вина-culpa — трансцендентальная, forensis. Через принятие вины-culpa я получаю лицо, личность. Христос — истинный Бог, но и истинный Человек, то есть человеческое лицо, личность. Как Бог, Он всегда лицо, но стал истинным Человеком, то есть лицом, и как человек, приняв на Себя всю вину без вины — culpa. Поэтому и я — лицо, то есть личность, только в вере в Христа, в Христе.

Мое экзистенциальное противоречие в том, что, как тварь, я не виновник своего существования и в то же время Бог возложил на меня ответственность за мое существование. Я не в силах принять ее, но Бог уже возложил на меня Свою ответственность и требует, чтобы я совершил невозможное для меня. Христос, отказавшись от вины-causa и целиком актуально приняв на Себя всю вину-culpa, обнаружил всю глубину греха, то есть всю страшность жизни, противоречивость и страшность моего существования. Полная реализация принятия вины — culpa, вины за весь мир, — завершилась на кресте: Боже, Ты Мой Боже, что Ты Меня покинул. Это и есть смертельная скорбь и кровавый пот в Гефсимании, а не боязнь физических мук и смерти, ведь Христос знал, что Он воскреснет и сядет одесную Отца. Это может быть только один миг полного отвержения, оставления Богом, один бесконечный и бесконечно страшный миг, и всё же только один миг. Может, это и есть ад.

Христос актуально принял на Себя грех всего мира, то есть всю вину-сцпра. Для меня это принятие вины обычно потенциальное: во-первых, за тех, кого я знаю, во-вторых, повеление. Но, как повеление, — абсолютное. Митя Карамазов во сне понял: я виноват за всех. Я актуально принимаю эту вину за всех в вере в Христа, тогда Он освобождает меня от нее. Как я принимаю? В одном дважды двойном акте:

1. Если Сын освободит вас, то вы истинно свободны будете.

2. а. Я что как ничто. То есть не думать, что я сам от себя что-то делаю или могу делать. Думать, что я сам от себя что-то делаю или могу делать, и есть делание от себя и грех. И всё же я ничего не могу сам от себя делать. Тогда делает дьявол во мне. Но вина-сцпра остается на мне, так как я ее же принял, думая, что делаю что-то от себя. Само это думание и есть моя вина-сцпра, то есть ее непринятие: моя вина в том, что я не хочу принять ее.

б. Увидеть всю страшность жизни, то есть сам грех, увидеть, как увидел Христос в Гефсимании. Тогда α) в Христе я беру на себя всю вину без вины — сцпра, беру на себя грех всего мира, и так как в Христе, то β) Он освобождает меня от вины-сцпра, принимая ее на Себя, и дает мне вину-сауса: Я уже не называю вас рабами, но друзьями, потому что сказал вам всё, что слышал от Отца Моего.

Этот дважды двойной акт — вневременный и внепричинный, поэтому нельзя устанавливать временную или причинную последовательность между двумя моментами: абсолютным — предопределением и избранием и абсолютно субъективным — творением себя из ничто, причем:

а. Отречение от себя самого осуществляю всё же я, именно я, значит я сам, а не кто-либо другой принимает на себя вину-сцпра. И в то же время я не могу этого сделать, всё совершает Бог, я же сам могу только утверждать себя: думать, что я сам что-то делаю или могу делать.

б. Но Бог оставил мне Свое ничто: только не думать, что я сам что-то делаю или могу делать.

в. В этом ничто уже и не я делаю, и не я думаю, а Христос во мне.

Что значит не препятствовать вселению Христа в меня, действию благодати? Может, только одно, двойное одно:

1. Не думать, что я могу препятствовать действию благодати.

2. Не думать, что я могу не препятствовать действию благодати.

То есть не думать, что я могу помогать Богу или мешать Ему. Когда я думаю это — в обоих случаях я уже противодействую Ему. Когда не думаю это, не мешаю и не помогаю — я уже помогаю. Когда я ничего не могу — я уже всё совершаю: я что как ничто.

Теперь практически, то есть лично: вот в мою четвертую Страстную неделю я снова выпадаю в пустоту, в беспредельную пустоту. Я ничего не могу — ни помочь Тебе, ни помешать, я что как ничто. Помогите мне,

Господи, помоги, Иисусе Христе, опустоши меня до конца и наполни Собою, дай знак Фомы в эту мою Страстную неделю.

18 октября. Кажется, в «Видении» я писал: понять свою жизнь как некоторую погрешность. То есть вся моя жизнь — небольшая погрешность в некотором равновесии. Во-первых, вся моя жизнь, как она непосредственно эмпирически протекала, — некоторая погрешность, и, во-вторых, — и это ноуменальная основа всей моей эмпирической жизни — сейчас я сам, то есть мое *сейчас*, как свершение и полнота времен, заключающее в себе всю мою жизнь, есть некоторая погрешность. В этом понимании всей моей жизни, заключенной в моем *сейчас* как погрешности, я вижу Божественную серию моей атональной жизни — Провидение.

Соединение некоторых ноуменальных линий:

Творение мира — небольшая погрешность в некотором Божественном равновесии и также я сам как начало себя самого в понимании себя самого в сейчас моей души. Только нельзя понимать эту погрешность пантеистически, как Майстер Экхарт или Якоб Бёме и Шеллинг, поэтому творение мира εε — ограничение Бога, творение меня — ει. Оно не интенсивное, а экстенсивное, экстенсивность предохраняет от пантеистического соблазна и также от акосмического (Спинозы).

Сын Божий, Слово, ставшее плотью. Истинный Человек, то есть лицо, Сам образ и подобие, отказавшийся от вины-συλρα, принявший на Себя вину-συλρα, чтобы я в Нем полностью принял на себя всю вину-συλρα и получил лицо. Тогда Он освобождает меня от вины-συλρα, приняв ее на Себя, чтобы дать мне вину-συλρα — абсолютную ответственность и свободу.

Вочеловечение Бога — ιε.

Принятие на Себя вины, крест — ιι.

Вочеловечение Бога — обвинение меня за то, что я не могу ни принять, ни не принять Его дар мне.

Крест — мое оправдание, снятие с меня вины-συλρα.

{Феноменология адских мук}

31 октября. Я не могу сказать сейчас, что имею или нахожусь в состоянии некоторого равновесия с небольшой погрешностью, не могу даже сказать, что нахожусь в состоянии неустойчивого равновесия: я всё время выпадаю из него, падаю. Куда? Не на землю. Если бы на

землю, то была бы привязанность к земному, земное тяготение, ожидание чего-либо земного, стеклянный корабль или интерес. Я интересуюсь всем, но в сущности ничем — ничем, кроме того, чего у меня нет. Поэтому нет интереса к моему интересу и нет стеклянного корабля настолько, что и само записывание и писание вещей не дает удовлетворения, если же иногда дает, то стыжусь этого и нет удовлетворения от удовлетворения.

Я всё время выпадаю из неустойчивого равновесия. Куда? В пустоту, в бесовскую пустоту. Но ведь я не нахожусь **всё время** в бесовской пустоте, хотя и часто нахожусь в ней. Но и находясь в ней, я не нахожусь в ней субстанциально, а именно всё время выпадаю из неустойчивого равновесия, потому так и мучаюсь. Что это — пребывание в бесовской пустоте и преисподней или, наоборот, — между небом и землей, как говорит Лютер? И к этому состоянию принадлежит хотя бы иногда, а сейчас у меня часто, очень часто, слишком часто, страх от падения в бесовскую пустоту, пребывание в ней. И тогда я чувствую какую-то свою ноуменальную отверженность, я раб жестоковыйный, ленивый и неверный. Прости меня, Господи, помоги.

16-17 ноября. Если Бог посылает мне несчастье и я прошу Его: если возможно, пронеси эту чашу мимо меня, и Он не проносит, то сокрушением духа, смирением и верой будет принятие чаши, даже благодарение за нее. Но если Ты посылаешь мне соблазн и искушение и я прошу Тебя: дай силу, силу веры противостоять искушению, и всё же падаю, то что сказать мне? Благодарить Тебя, что Ты послал мне искушение? Я благодарил бы, если бы не пал. Если же пал? Ведь сам, своими силами я не могу противостоять греху. Я знаю: если просишь и не усумнишься, то будет по моей вере. Но могу ли я сам, своими силами не усумниться? Я знаю: верь всем сердцем, всей душою, всем разумением и крепостью своею, но ведь и пророки просили: вложи в нас новое сердце и новый дух, и ведь мое разумение и моя крепость — не мои — Твои, Ты даешь мне и разумение, и крепость, и веру. Почему же не дал мне крепости? Я знаю ответ: чтобы я больше смирился, чтобы надеялся не на себя, а на Тебя. Но если всё от Тебя и всё, что от Тебя, — благо или к благу, то должен ли я благодарить Тебя и за свое падение, за то, что Ты не дал мне крепости и силы? И что мне до этого — до теоретических ответов, когда не хватило силы веры? Я бы завопил, но и завопить я не могу, если Ты не исторгнешь из меня вопля. Что я могу сделать от себя? Только грешить и обвинять себя. Но ведь и понимание греха от Тебя, и не я себя обвиняю, Ты обвиняешь меня, потому я и обвиняю себя. Но тогда уже я обвиняю Тебя? Дай, Господи, силу противостоять греху, дай силу веры, вложи в меня новое сердце и

новый дух, исторгни из меня вопль, дай мне Свое ничто, чтобы я завопил в Твоем ничто, помоги мне, Иисусе Христе.

Грех, сам грех абсолютен, но грех не факт, а мысль, намерение, может, фактическое намерение, но всё же не сам факт. Факт А при определенных условиях и определенном состоянии не грех, при других условиях и другом состоянии — простимый грех, при других — непростимый. Если же я дошел до состояния — Ты довел меня до состояния, когда при всех обстоятельствах, при всех состояниях факт А, всякий мой факт, моя мысль, мое намерение, как мое — соблазн и грех, само мое — соблазн и грех — что же мне делать? Ведь это мое несчастье, что я не могу противостоять искушению, и искушению А, и искушению ни быть при деле, ни быть не при деле, всякому искушению, соблазняющему меня; за несчастье я благодарил Тебя, так и за это благодарить Тебя, благодарить за то, что Ты не даешь мне силы веры противостоять моему окаянству? И снова я думаю: кто первый дошел до познания какого-то блага, тот не получит его и уже отвергнут за маловерие и уныние, как Иуда Искарот. Прости меня, Господи, Иисусе Христе, дай и мне вкусить плоды моего познания, не моего — Твоего, которое Ты дал мне, дай мне силу и крепость устоять хоть в одном, и если в одном, то во всём, чтобы и я святил Твое имя, приближал Царствие Твое, исполнял Твою волю.

Что говорит во мне: гордыня ли оттого, что я взял на себя слишком много? Но разве я сам взял? Ты дал мне. Или своеволие — я, горшок в руках горшечника, спорю с Тобой, требую от Тебя многого? Но не Ты ли Сам повелел требовать от Тебя многого, быть неотступным, бороться с Тобою: Царствие Небесное силой берется, и употребляющие усилие восхищают его.

Каплет око мое к Богу, я хочу говорить с Тобою, как человек с ближним своим.

Господи, вылилось горе мое к Тебе, выслушай меня, буди милостив мне, грешному.

17 ноября. Если Бог дает понять мне мой грех и, значит, я обвиняю себя, потому что Он обвинил меня, то, поняв это, я уже снова обвиняю Бога, потому что и мое самообвинение — обвинение меня Богом. Что тогда оставил Он мне? Ничего. Тогда вся моя ночная молитва — двойное восстание на Бога. Но чего я прошу? Чтобы Он оставил мне Свое ничто. И Он оставил мне Свое ничто, и в ничто я завопил и, как Иов, отрицаюсь и раскаиваюсь на пепле и прахе.

Весь день я сегодня был не при деле: и когда утром ничего не делал, и когда днем читал Евангелие, и когда вечером был при деле. Бог услышал меня, дошел до Тебя мой вопль, да святится имя Твое.

26 ноября. Два духовных плана или духовные плоскости жизни: вертикальный (в глубь истории) и горизонтальный (в современности). В вертикальном плане Лютер ближе мне, не только чем Эразм, но и чем Сартр или Хайдеггер. Но Лютер бросил в черта чернильницу, а я не брошу, хотя и не отрицаю существование дьявола, только не анти-Бога, а анти-Христа, то есть антихриста. Вертикальных плоскостей, может, только две: Христова и антихристова, но редко, может, никогда в людях они не являются в чистом виде. В некотором приближении Лютер и я в одной вертикальной плоскости, но в разных горизонтальных. Сартр и я в одной горизонтальной плоскости, но в разных вертикальных. В разных горизонтальных плоскостях может быть одинаковое материальное понимание, то есть ноуменальное, но разное формальное: понимание одно и то же, но язык разный. Находящийся в последующей плоскости поймет находящегося в предыдущей, если оба в одной вертикальной плоскости. Но если бы воскрес тот, кто находится в предыдущей горизонтальной плоскости, понял бы он того, кто находится в последующей? Кант и Фихте, может быть, в одной вертикальной плоскости, но Кант в старости не понимал Фихте, они уже в разных горизонтальных плоскостях. Но верно ли, что они в одной вертикальной плоскости? Не выходил ли уже Фихте в другую вертикальную плоскость, которая привела к Гегелю?

В современности по крайней мере две вертикальные плоскости, но горизонтальная одна. Но не всякий современник живет в современной горизонтальной плоскости. Рахманинов — современник Веберна, но живет не в современной плоскости, а в одной из предыдущих. Как определить современную плоскость, то есть современность? Здесь два вопроса: 1. Что значит современность вообще? 2. Чем определяется наша современность? Я думаю, наша современность определяется конвергенцией всех линий к одной точке: S. D. G.

1 декабря. Два полярных религиозных соблазна: акосмизм и то, что я называю подлой мыслью. Первый соблазн — более философско-теоретического порядка, второй — религиозно-практического, его знали и Исаак Сирианин и Лютер.

1. Акосмизм. У Спинозы — *quatenus*, у меня — **сам, само**. Всё же **сам** у меня не является так неожиданно и необоснованно, как *quatenus* Спинозы. По существу *quatenus* и есть **само**, но у Спинозы оно еще неопределенно, и совсем неясно, откуда оно берется, потому что он не понимал греха и не исходит из Евангелия.

Духовные явления и состояния очень разнообразны и всё же внутренне соединены. Сами ли по себе соединены, или я соединяю их в

рефлексии? Но если и в рефлексии, то принцип соединения не должен быть внешним, абстрактным и придуманным, но внутренним, интуитивным и ноуменальным: исходит из моей интуиции.

К акосмическим соблазнам я отношу еще:

а) мистику, теряющую мое **я**, тогда не видящую и **Я** Бога;

б) монофизитскую и родственную ей ереси: подавляя человеческую природу Христа Божественной, они, в сущности, умаляют человеческое я, оно теряется в Боге, но тогда я не вижу и **Я** Бога.

Во всех случаях акосмического соблазна я не ощущаю глубину своего греха: медицинское, а не религиозное отношение к греху, поэтому и в православии есть акосмический элемент, несмотря на синергетизм. А может, именно благодаря синергетизму. Ноуменальное противоречие: если я что-то **могу**, то у меня уже нет **лица**, я получаю лицо только в невозможности и через невозможность, через Alleinwirksamkeit Gottes. Если же у меня нет лица, то я не вижу и лица Бога.

Классический акосмист Спиноза вообще не понимал ни греха, ни покаяния. Поэтому его Бог хотя и личный, но холодный, в конце концов он не мог сказать: жив Господь, жива душа моя, именно второго он не мог сказать, а потому и первого. Только теоретически он теист, практически — акосмист.

Акосмизм я назвал более философско-теоретическим. Я имел в виду вот что; этот соблазн наркотический, при нем человек не ощущает боли бытия и своей безнадежной греховности.

2. Подлая мысль. Только через безнадежную греховность и ясное сознание своей безнадежной греховности, в боли бытия я получаю лицо, тогда вижу лицо Бога. Но именно в сознании моей безнадежной греховности, то есть в грехе и в боли бытия, возникает подлая мысль — вполне конкретная подлая мысль: а правда ли?.. Она является очень различно, иногда явно, иногда скрыто, неявно, и чем более скрыто, тем подлее, например юнговская благоустроенность моего бессознательного. Но тогда моя вина становится **только** моей виной, то есть передо мною, а не перед Богом, и моя жизнь принадлежит только мне, а не Богу. Но тогда, в сущности, и моя вина, и мое лицо — фикция. Я имею лицо только в абсолютной, даже немотивированной свободе, мотив моего намерения или моей мысли уже ограничивает мое лицо и в конце концов уничтожает его. Немотивированная мысль — это то, что я когда-то писал об отсутствии основания и основании, которое есть отсутствие основания. Но ни от себя, ни от моего центростремительного бессознательного я не могу получить ни абсолютной свободы, ни лица. В конце концов благоустроенность моего бессознательного сама по себе не личная. Тогда юнговская теория, может быть, разновидность акосмизма? В терминологии «Свердловских трактатов»: акосмизм отрицает это, остается только то. Но то есть тожество этого и того, а само то, то есть только то, — другое это.

Соблазн акосмизма я принимаю, даже не зная, что это соблазн, принимаю бессознательно и охотно и, соблазняясь, не мучаюсь. Соблазн подлой мысли мучает меня, я не хочу принять его, но, когда не хватает силы сказать: отойди от меня, сатана, ты мне соблазн, или когда он застигает меня врасплох, я не успокаиваюсь, как в акосмическом соблазне, но мучаюсь, не зная, как прогнать его, как отрясти блох, сигающих на меня с земли. Поэтому различие двух соблазнов такое:

А. Мой покой, и так как в моем покое я еще не нахожу себя, то принимаю его за Божий покой, акосмический, но это только мой покой, естественный.

Б. Мое беспокойство, и только в моем беспокойстве я получаю лицо, тогда вижу лицо Бога и Он дает мне Свой покой в моем беспокойстве. Его покой не естественный — сверхъестественный: сила Моя совершается в немощи, сказал Христос. Но в моей немощи, в моем грехе не может не возникнуть подлая мысль — тогда я мучаюсь.

А. Акосмизм — наркотический соблазн, в этом состоянии человек удовлетворен и даже не чувствует, не знает, что живет в соблазне.

Б. Подлая мысль — мучительный соблазн, и, даже зная, что это соблазн, когда он бывает, мучаюсь и сомневаюсь даже в том, что вымолвить страшно. (Может, соблазн один: наркотическое самоудовлетворение. Когда не сознаешь, что это соблазн, тогда это монофизитский соблазн акосмизма, когда сознаешь, что это соблазн,

подлая мысль, то мучаешься — это несторианский соблазн подлой мысли. Х. 1969.)

Как во всяком рефлектирующем исследовании, я немного абстрагировал и взял предельные случаи.

И у склонного к *Б* могут бывать состояния *А*, только обычно или в конце концов он сознает, что *А* — соблазн. Подлая мысль и есть мысль о возможности *А*, особенно в некоторых его формах, например бессознательное Юнга. У склонного к *А* соблазн возникает чаще в моралистической форме, тогда он считает, что недостаточно «работает над собой» и пр. Смена искушения — утешения бывает, возможно, у обоих, но *Б* понимает соблазн *А* как демонический, дьявольский, *А* понимает соблазн *Б* скорее только морально.

Б, то есть подлая мысль, вернее, устранение ее Богом, и есть то, что в «Исследовании о критерии» я назвал критерием понимания и столько же критерием непонимания. Потому что *Б* предполагает *А*, в *Б* заключена и возможность *А*, *Б* — двухмерно, *А* — одномерно. Но это не теоретическое доказательство, а практическое — экзистенциальное. А priori двухмерность жизни не выводится, как не выводится а priori и вочеловечение Бога. Denkprojekt Кьеркегора всё-таки только проект, кажется, сам же Кьеркегор назвал неисторический факт в истории абсолютным фактом, но факт не выводится, а есть, то есть контингентен.

Всякий факт контингентен, но все факты, кроме абсолютного, относительно контингентны, потому что воспринимаются и преломляются через мой взгляд, то есть через грех, тогда через рефлектирующий взгляд — через рассудок, разум и волю. Только абсолютный факт абсолютно контингентен, абсолютно невыводим, соблазн для моей воли, безумие для разума. Поэтому и Denkprojekt Кьеркегора — соблазн: если бы из Евангелия я не узнал абсолютного факта, я бы никак не мог додуматься до Denkprojekt'а, он — соблазн для моей воли, безумие для моего разума. Такое же безумие — сдвиг апории, выводим только сдвиг в апории. Сдвиг же апории вниз есть именно иллюзия сдвига апории, то есть невозможность сдвига апории. И невозможное для людей возможно для Бога.

3 декабря. Сон:

Вот и всё, что я запомнил из сна.

Кажется, это ответ на вопрос, который я задал себе перед сном. Он неяснее самого вопроса и так же соблазнителен.

Толкования: основания стрелок — тело земное и небесное или душевное и духовное. Двойная точка пересечения стрелок — душевное. Тогда стрелки — духовное? Но почему две?

4 декабря. {Сон.} Мама где-то на даче, в доме отдыха, одна. Но скоро возвращаться домой — как она поедет одна? Придется поехать за мамой. Но ведь я уже 4 года никуда не езжу. Но ведь и мама уже 4 года никуда не едет? Уже просыпаясь, я упорно думаю — и вдруг как молния с неба: понял.

Снова «вдруг», «как молния с неба»: ибо как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада...

12 декабря. *Вдруг* — религиозно-экзистенциальная, эсхатологическая категория и одновременно религиозно-гносеологическая, то есть гносеологическая, онтологически обоснованная. В «Видении» тоже: как молния с неба.

Снова я, раб ленивый и неверный, живу только в ожидании — в ожидании этого *вдруг*.

13 декабря. Вернулся бес и привел с собою 7 злейших бесов. И завершилось всё вчера после предыдущей записи зубной болью. Есть ли границы между духовной и физической болью, между грехом и болью, духовной и физической? Где последняя причина физической боли? Вчера она пришла *вдруг*, но после духовной, духовная же — от моей вины, вины моего греха, и тоже *вдруг*.

Боль как награда и боль как вина моего греха, вчера было второе. Когда боль должна прийти, она ищет слабое место в теле и, найдя, прорвется. Поэтому болит то горло, то зуб: прошло горло — заболел зуб.

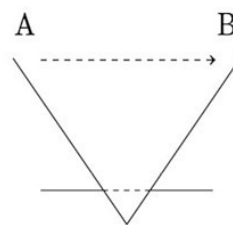
Всё это время не мог **быть** при деле, не мог **быть** не при деле. Всё это время ожидание *вдруг*. И оно пришло *вдруг*.

14 декабря. Баратынский: предрассудок, он обломок древней правды, храм упал, а руин его потомок языка не разгадал.

Леви-Брюль: партиципативная связь в отличие от причинной. Партиципация не иллюзия, а реальная причастность — Причастие. Что было позавчера? Вернувшийся бес привел семь злейших бесов: *вдруг* — вина греха — *А*, *вдруг* зубная боль — *В*. Была ли между ними причинная

связь? Нет, была партиципативная, просто A/V или AB . Я не могу даже сказать: Бог послал мне V как наказание за A . Здесь уже причинная связь, тогда предрассудок — обломок древней правды. Может, всякое причинное отношение — предрассудок рефлектирующего в грехе ума. Всё от Бога: и A Он пожелал мне послать как то, чего Он не желает. Но вина-*culpa* на мне, и A по партиципации стало V . Партиципация к чему? К абсолютной ответственности и свободе, подаренной мне Богом, которая в моем несоответствии Его дару стала моей виной. Но ум, павший в рефлексю, ищет причинного отношения: тогда или Бога делает причиной моей зубной боли или ищет имманентную причину.

Партиципация — древняя правда, прозревшая в Христе. AB — партиципативная связь. Но в грехе я рефлектирую: в рефлексии ищу трансцендентную или имманентную причину, если имманентную, то рассуждаю — вспоминаю: A не может быть причиной V , трансцендентную отрицаю, значит, была имманентная причина: на больной зуб попало что-то твердое, я закрыл рот, надавил на зуб, и он заболел.

Абсолютная
ответственность
и свобода

И мне действительно уже кажется, что так оно и было, я уже не рассуждаю, а вспоминаю: между A и V было b : $A — b — V$, b — причина V . Достоверно ли это воспоминание, было ли оно репродуктивным или продуктивным? И вот, вспоминая это воспоминание, я уже не могу сказать с уверенностью, была ли вообще эта причина b . Я ел, и в это время заболел зуб. Так как в грехе я считаю, что нет действия без причины, и ищу причину, то я и подумал: я ел, на зуб попало что-то твердое, надавило на зуб, и он заболел. Может, тогда мне и показалось, что на зуб попало что-то твердое? Может, потому мне и показалось, что я уже невольно ищу причину ко всякому действию? Но сколько раз я ел, и на зуб, должно быть, не раз попадало твердое, и он не болел. Если же и болел, то боль скоро проходила, а здесь — 2 суток. Главное же: всё это время я не был при деле и не был не при деле, поэтому читал Ли «Историю инквизиции». На меня произвела сильное впечатление бессмысленная человеческая жестокость. Я стал бояться физической боли, несколько дней я жил под страхом физической боли, которой еще не было. Я даже думал: откуда я знаю, может, ад есть и физическая мука. Не мог ли этот страх и быть последней причиной зубной боли: то, чего я боялся, то и пришло. И всё же это не сама *causa finalis*. *Causa finalis* — партиципация, страх — грех и маловерие.

Я думаю, этот частный случай можно обобщить: пусть будут два факта, имеющих ко мне отношение, — *A*, *B*. В рефлексии я могу установить между ними два причинных отношения:

1. *A* — *a* — *B*; рефлектируя, искать трансцендентную причину, как, например, Фёдор Студит установил причинное отношение между землетрясением и грехами монахов: Бог послал землетрясение за грехи монахов. Мне кажется, это рассуждение тоже греховное — от самонадеянности и отсутствия истинного смирения. Но я могу искать личную партиципативную связь: если я или мой ближний пострадал от землетрясения, я могу найти личную партиципативную связь между **моим** грехом и моим страданием от землетрясения, но не общим. Я могу даже сказать, что Бог послал мне страдание от землетрясения за мой грех, но это не общая причинно-необходимая связь, а единичная и контингентная — только для меня. Что же касается до общего страдания от землетрясения, то истинное смирение только одно: не понять непонятное как непонятное и принять. И также, если я не нахожу никакой связи между моим страданием и моим грехом.

2. *A* — *b* — *B*; рефлектируя, искать имманентную причину *b*. В некоторых случаях, может быть, Сам Бог повелел искать имманентные причины: я уже пал, и искать всегда трансцендентную причину — самонадеянность, отсутствие смирения или лень ума. Но здесь есть экзистенциальная погрешность, интенсивная и экстенсивная. Так же как Бог повелел мне в некоторых пределах заботиться о своем здоровье, но в каких пределах — не сказал, я сам должен чувствовать, а не чувствую — виноват, так же и в поисках причин — имманентных и трансцендентных и партиципации. Здесь необходим религиозный такт.

Под экстенсивной погрешностью я понимал объем событий, которые я могу объяснять партиципативно или причинно и имманентно или трансцендентно причинно. Но в некоторых случаях одно и то же событие я могу объяснять один раз причинно, другой раз — партиципативно — эта интенсивная погрешность и определяется религиозным тактом.

Партиципативная связь — ощущение Провидения, то есть провиденциальная связь. Греховное вырождение ее — теодицея. Например, Иоанн Дамаскин находит премудрость и благодать Божию в том, что Он дал человеку два глаза: если на один глаз ослепнет, то останется второй. — А почему не три глаза, не два сердца, не две головы? Это ханжеское благочестие просто глупость.

Абсолютная и субъективная необходимость. Пользуясь терминологией Канта, я бы сказал, что конститутивные принципы и законы и конститутивная необходимость всеобща, но имеют значение только на поверхности явлений. Этим и объясняется смена физических теорий, взглядов и мировоззрений. Они всеобща и необходимы только в акте высказывания, то есть необходимо высказываются как общезначимые, их общезначимость — имманентная. То, что Кант назвал

рефлектирующей способностью и регулятивными принципами, только субъективно необходимо. Но в этой субъективной необходимости я прорываю поверхность явлений, проникаю в их глубь. Субъективная необходимость трансцендентна: абсолютная субъективность. Конститутивная необходимость относительна — только объективность.

Когда же Божественную необходимость, то есть Провидение, понимают как общий конститутивный принцип поверхности явлений, то превращают Провидение в естественный закон павшей природы, то есть только в относительную имманентную объективность. Субъективности противопоставляется не объективность, а абсолютность (Д. И.), но есть абсолютная субъективность, она трансцендентна и трансцендентальна. Но объективируемое Провидение — уже не Провидение, а причинная необходимость, придумываемая от самонадеянности, отсутствия смирения и лени ума. Провидение — абсолютный личный принцип, личное руководство в глубине явлений, за явлением, проявляющееся **для меня** и на поверхности.

(Но это не отрицает общего Провидения, но только его применения в некоторых частных случаях, как у Фёдора Студита. Можно сказать, Провидение определяется абсолютно и также в единичном личном случае, но не объективно — объективность вообще ложь.)

Для меня же *вдруг А* и *вдруг В* были только провозвестником последнего вдруг, и партиципативно, то есть реально, ноуменально, *А/В* было знаком моей неверности: я раб лукавый, ленивый и неверный, жестоковыйный. Освободи меня, Господи, от моей жестоковности и неверности, дай силу веры, дай знак Фомы.

15 декабря. Я нечист сердцем: вижу грехи моих ближних, то есть вижу их нечистыми сердцем. Я фарисей: мысленно обвиняю: одного в эгоцентризме и эгоцентрическом страхе — когда думаешь только о себе, интересуешься только собою, остаешься один в своих заботах, стремлениях и страхах за себя, страшно быть одному; мысленно обвиняю другого в своеволии и гордыне, третьего — в суете, четвертого — в фарисействе. Но все эти грехи во мне, у них — у каждого преобладает один, есть интерес и *Leidenschaft*, каждый — холодный или горячий, у меня — все, поэтому нет интереса, нет *Leidenschaft*, кроме *leidenschaftliches Leiden nach Leiden und leidenschaftlichem Leiden*, я не холодный, не горячий, а теплый и извергнут из уст Твоих.

Каждый грех многообразен и может проявиться в самых различных формах: эгоцентризм — в эгоцентрическом эгоизме, если я горяч или холоден, и в таком же эгоцентрическом альтруизме, если я тепл и к себе самому. Тогда только морально, а не религиозно включив всех в себя, я безразличен и тепл и к себе, и к другим, и я снова один; но

первый в эгоцентрическом эгоистическом интересе связан с другими, а я в теплом эгоцентрическом альтруизме — может быть, только в наиболее идеальной и абстрактной форме эгоизма — оторван от всех, нет по существу интереса ни к кому. У первого много конкретных страхов, у меня — абстрактный ноуменальный страх и всё же очень конкретный в своей абстрактности, страх отверженности, страх того, что и вымолвить страшно.

Я взял на себя слишком много — Ты дал мне слишком много — и у меня не осталось связи с землей, не осталось никакого земного интереса. Когда была моя лестница Иакова и было много забот, земных забот, я был в стеклянном корабле, я был на небе. Когда была связь с землей, я был на небе, земная связь была небесной. Когда Ты убрал от меня мою лестницу Иакова, дав взамен жало в плоть, жало в плоть возносило меня на небо, но стеклянного корабля не стало, и я часто, очень часто падал уже не на землю, а в самую преисподнюю. И сейчас, опутанный страхом, скованный ноуменальным страхом, страхом чего-либо, опутан бесами, легионом бесов, извергнут из уст Твоих. Освободи же меня, Господи, помоги; верую, помоги моему неверию.

25 декабря. Майстер Экхарт: вне и внутри — одно, уйти во внешнее, чтобы вернуться назад к себе, уже не к себе — к Богу. То же самое в вещах, которые я пишу, в делах, которые делаю. Вещь, которую пишу, внутри, но уже написанная — для меня вне. Это не значит, что я не должен писать или вернуться к ней через 20 лет и, как Бах, исправлять ее. Но когда я уже написал ее, я должен вернуться к себе, она должна стать внешней для меня. Две погрешности: 1) она не сразу становится для меня внешней, а через некоторое время; 2) я могу к ней возвращаться, как я возвращаюсь к этим тетрадям или к «Видению». Тогда снова *сейчас*, если возвращаюсь не для самоублажения, а для самомучения, или чтобы понять непомещающееся в моей душе, или чтобы почувствовать Провидение. Главное же — ясно чувствовать, что вещь как написанная вещь и дело как сделанное дело уже не *сейчас*, значит ничто, если же остается для меня чем-либо, то я как что — ничто.

Может, потому Введ[енский] и терял свои вещи, что, написанные, они становились для него ничем. В «Разговорах» он сам сказал, что «Гортензией» он жил дольше, чем другими своими вещами. Это и есть возвращение к себе: не к себе, к Богу.

А Д. И.? Я думаю, во-первых, он мучился ими и возвращался к ним, чтобы мучить себя, во-вторых же, и это, может, главное, у него был примат жизни, тогда его вещи были свидетелями его жизни и возвращение к ним было возвращением к своей жизни — включение прошлого в настоящее: полнота времен и ощущение Провидения.

1968

2 января. Ясперс говорит о коммуникации. Зачем ложный стыд: почему коммуникация, а не прямо — соборность? Или это недостаток великого дерзновения во Христе, или интеллигентность, либерализм и гуманизм, что, в сущности, то же.

Я абсолютно не коммуникативен, я камерный. Но плохо, что нет таланта и к камерности — к соборности, которая лежит в основе и камерности.

Когда 31 [декабря] вечером я ехал к М., я повторял слова Веспасиана: в такие годы и такой позор. Почти перед каждой встречей я вспоминаю, во всяком случае чувствую, эти слова.

Кафка стыдился жить. Я стыжусь не только жить, но и всякой встречи, и чем больше людей, тем больше стыжусь. Кажется, это нехорошо.

И после встреч остается стыд и отвращение к себе: и за то, что говорил, хотя говорил мало, и за то, что не говорил о том, что надо было сказать. Но при встречах я большей частью если не пьян, то пуст: замкнут, опустошен, и нечего сказать. И это тоже нехорошо.

7 января. Самое главное сейчас у меня и для меня — это не то, что я пишу или делаю, а что не делаю и когда не делаю, и уже не я делаю. И может быть, самое главное — это тот час или два перед сном, когда ничего не делаю и не могу заснуть. Это время для меня не страшно даже тогда, когда бывает страшно. В это же время были написаны два заключения к «Видению»: на меня вдруг нашло, схватило и прорвало. Но почему так трудно и нудно время после 4–5 часов утра, когда часто просыпаюсь и не могу заснуть, даже когда просыпаюсь и только боюсь, что не смогу заснуть?

8 января. Я не выношу Хайдеггера — бездарного эклектика и дилетанта. И всё же в нем есть какое-то прозрение, правда поверхностное, соблазнительное и греховное, пошлое прозрение в некоторую глубину. Я записал это, потому что почувствовал и часто чувствую свое греховное пошлое Dasein, свое греховное и пошлое Sein zum Tode. Само это Sein zum Tode — моя пошлая греховная Existenz. Хайдеггер почувствовал это и принял, мне оно отвратительно и мерзко. Есть христианское и язычески-стоическое ожидание смерти, первое с Leidenschaft и leidenschaftlichem Leiden, второе — равнодушное и безразличное. У Хайдеггера скорее второе с какой-то модернистской

примесью. Если это и *eigentliche Existenz*, то всё же бесовское, а бес пошел (Достоевский, Мережковский). *Sein zum Tode* Хайдеггера именно бесовская, антихристова пошлость, именно *Uneigentlichkeit*, сознавшая себя, сознательно принятая и, как сознавшая себя, принимающая это сознание за *Eigentlichkeit*.

Современная философия часто задает серьезные вопросы, но решает их несерьезно, может, потому, что ставит их несерьезно. Кроме Гуссерля. Но Гуссерль не ответил ни на один серьезный вопрос. Он дошел до анонимности существования, но оно так и осталось для него анонимным, не хватило великого дерзновения во Христе. Я отвечаю на некоторые вопросы. Seriously ли? Мне кажется, и до 16.X.63 отвечал серьезно, тем более сейчас. Но тень страшного, опустошенного взгляда осталась — тогда ответил ли серьезно?

Царствие Небесное силой берется, и употребляющие усилие восхищают его. Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Небесное. Я имею эти скорби. Те ли, которыми входят в Царствие Небесное? Не знаю. Господи, помилуй мя грешного, буди милостив ко мне, грешному.

31 января. Я обратил внимание на **смиренномудрие** (молитва Ефрема Сирина), читая неделю или две тому назад Чехова. Главное у него — смиренномудрие: он никого не обвиняет. В «Скучной истории» профессор говорит: надо презирать богатство, а не богатых, ненавидеть подлость, а не подлецов. Такого мудрого смирения и смиренной мудрости, как у Чехова, не было ни у одного писателя.

Молитва не слова, молитва — строй души. Смиренномудрие, когда оно не слова, а экзистенциально переживается, — молитва. «Экзистенциально переживается» — не тавтология: если различать ноэзу и ноэму переживания, то экзистенциальным переживанием будет переживание, когда его ноэза не только соответствует ноэме, а отождествляется с ней — не *adaequatio* [лат.], а именно отождествление. В экзистенциальном переживании смиренномудрия ноэза смиренномудрия совпадает и отождествляется с ноэмой смиренномудрия. Если этого нет, то смиренномудрие вырождается в несмиренную мудрость или в немудрое смирение, первое не мудрость, а скорее глупость, второе — не смирение, а гордыня и фарисейство. Что было у меня, когда 35 лет тому назад я ходил в Александровском парке и у меня возник Третий разговор «Вестников»? Это была молитва, хотя я и не произносил слов молитвы. Обычные люди, не монахи и не отшельники, большей частью, может быть, молятся не тогда, когда произносят слова молитвы, а когда не произносят, в некотором состоянии, в некотором строе души.

В бесовском парении мыслей и мечтательности не обязательно участие блудного беса, скорее обязательно его неучастие: мысли могут быть и самые хорошие и умные, они лезут в меня, толпятся, закрывая меня и от меня и от Бога. Бесовское парение мыслей и мечтательность именно лишены блудных мыслей, это строй души в некоторой отрешенности от души, когда уже не видно и самой души, это **почти** молитва. Но именно потому, что почти молитва, это уже не молитва, а противоположное ей — бесовское состояние, овладение меня бесом.

8 февраля. Даже Смердяков сказал: верю, что есть хоть один праведник, по вере которого горы сдвигаются. Но почему «даже»? А человек из подполья не Смердяков? А кто не человек из подполья?

Я окаянный малOVER, нет веры и с зерно горчичное, чтобы сдвинуть гору. Но я верю, что есть хоть один праведник, хоть один на весь мир, вера которого движет горы. Если и этой веры нет, то нет никакой веры, просто тупой безбожник, раб.

Поправка. Я малOVER окаянный, но могу ли сказать с уверенностью, что и моя ничтожная вера никогда не сдвигала горы? Я же, когда видел это, не видел, что вера сдвинула. Но верно ли, что никогда не видел?

Вот праведник, по вере которого гора сдвигается. Но какой у него интерес двигать горы? У него большие интересы, чем двигать горы. Но предположим, он захотел сдвинуть гору. Не пропадет ли сила его веры двигать горы, как только он захочет сдвинуть гору — видимую гору, вместо того чтобы двигать невидимые горы? Я только задаю вопросы, по Кьеркегору — не пропадет, а именно и есть признак веры.

9 февраля. Традиция и современность. — Крещение Христа у Иоанна. В какой-то степени это вопрос об отношении к отцу — Фрейд: комплекс Эдипа в молодости, возвращение к отцу в зрелом возрасте и в старости. Легкомысленное фрондерство по отношению к отцу или к отцам — модернизм; современность без традиции — поверхностное легкомыслие, которое со временем обнаруживается как тот же традиционализм: ранний Прокофьев, Хиндемит. Традиция без ее преодоления — психический механизм.

10 февраля. {Сон.} Предстоит казнь — убийство. Действие происходит в клетке — в жизни. Должны убить человека. Абсолютно логично точно доказана необходимость казни — убийства. Я вижу

абсолютную бессмысленность этого убийства, но необходимость его доказана так точно, логично точно, что я не знаю, что сказать. Я не понимаю, не понимаю этого логично точного смысла — логично точной бессмыслицы. Надо предотвратить казнь — убийство человека, но как предотвратить, если необходимость казни логично точно доказана, бессмысленно логично точно. И вот приближается момент казни. Наступает последний такт логично точной бессмыслицы, казнь неотвратима, между второй и третьей четвертью последнего такта она совершится, в третьей четверти последнего такта всё будет уже свершено и необратимо логически бессмысленное действие в клетке жизни закончится.

И вдруг этот человек оказался мамой, в самом последнем такте на первой четверти необратимого действия в трехдольном ритме — это мама. Мама: вы обманываете меня, вы разбойники, вы убийцы. — Мы убийцы.

Я записал сон ночью, сразу как проснулся, и мне кажется, довольно точно, кроме самых последних слов «вы убийцы». — Мы убийцы. Во сне этих слов не было, они явились мне при записи как понимание сна.

29 февраля. Надо дойти до какой-то последней степени бездонного отчаяния, безнадежности и сокрушения духа, только тогда приходит Бог, а до этого Его нет. Надо освободить Ему место, тогда Он приходит. Надо, чтобы Он стал необходимым, настолько необходимым, что без Него жить нельзя, только тогда Он придет. Надо стать ничем в сокрушении духа, в полной безнадежности и опустошенности, Он приходит только в ничто, тогда заново творит меня. Самое удивительное и чудесное: пока я говорю: я и Бог или: или я, или Бог, — нет не только Бога, но и меня. Когда же дойду до «не я, но Бог», есть Бог. И самое удивительное и чудесное: если есть Бог, есть и я. Когда я говорю «не я», я уже есть, я что как ничто. Потому что, сказав «не я», я уже говорю: Бог; когда же есть Бог, есть и я. Пока же нет Бога, нет и меня, только какое-то бесформенное болото, какая-то грязная жижа.

Я сказал: надо. Ничего не надо. Пока есть какое-либо надо, нет Бога. Бог вне необходимости, вне всякого надо. Если есть надо, нет Бога. Если нет Бога, нет и меня.

Я сам не могу освободить Ему место. Я сам не могу стать ничем. Я ничего не могу. Когда же Бог доведет меня до последнего «не могу», до последнего «ничего не могу», до ничто, тогда приходит в это ничто, заполняет Собою мое ничто, уже не мое — Его ничто, — и творит меня заново из ничто, в ничто. Тогда я что как ничто. Тогда говорю: жив Господь, жива душа моя.

Я всё больше запутываюсь в жизненных отношениях, меня всё больше втягивает в себя жизнь. И чем больше втягивает, чем больше я что-то делаю, пусть даже нужное и хорошее, но с другими и для других, тем сильнее я сам ощущаю себя как какое-то бесформенное болото, не ощущаю, а превращаюсь в бесформенное болото, в грязную жижу. Я не могу тогда дойти до бездонного отчаяния, безнадежности, потому что внешние обязанности, другие люди отвлекают меня от бездонного отчаяния и безнадежности, от Божественного ничто, я делаюсь что и как что — ничто. Уже не Божье, а свое собственное, второе ничто. Это грех, мой грех, мое проклятие и несчастье.

Господи, освободи меня не от внешних дел, а от оттенка внешних дел, чтобы я делал их, если Ты уж заставляешь меня делать их, не думая о них, не втягиваясь в них, не соблазняясь, чтобы я делал их, не делая их, чтобы и будучи при деле я был не при деле, чтобы я не имел в них угла, где приклонить голову, чтобы они не заполняли моей беспредельной, бездонной опустошенности. Господи, дай бесконечное неудовлетворение, бесконечную опустошенность, безнадежность и страдание, потому что только Ты наполняешь, наполняешь, когда опустошаешь. Господи, исторгни из меня вопль, опустоши и наполни Собою, чтобы я сказал: жив Господь, жива душа моя.

11 марта. Страх перед открытым окном, по Фрейду, — страх перед женщиной. У меня страх перед открытым окном — страх выпасть из окна. В 1928 г. на эту тему я написал заклинание. «Мир перед Богом» возник тоже из страха выпасть в окно — когда я летом стоял перед открытым окном. В 30-х гг. я записал: я никогда не покончу с собой. Но лечь на подоконник и выпасть в окно — разве это значит покончить с собою? — У меня этот страх связан еще со страхом высоты и пропасти. Когда я вижу, как напротив иногда ходят по крыше у самого края, мне становится так же страшно. Иногда это бывает и во сне. Не знаю, верно ли фрейдовское объяснение окна как символа, для меня же, я думаю, этот страх связан с страхом второго мира, определяемого властью и женщиной, и, может быть, с головокружением на краю пропасти, как это объяснял Кьеркегор: обнаружение в себе бесконечной возможности духа. Связь с тем, что сейчас: тень страшного, опустошенного взгляда и всё остальное.

28 апреля. Стихотворение — некоторая формула. Формула некоторого жизненного состояния. Кажется, китайцы и греки считали неприличным формальный разбор и толкование стихотворения, это ремесленный подход. Мне нравились анализы стихов у Платона. Они

были не формальными, а содержательными. Но за содержательным анализом скрывался или подразумевался точный формальный анализ, только прямо говорить о нем считалось неприличным. Музыка — наиболее внутреннее искусство, она проникает в меня непосредственно, без слов и внешних образов. Но поэтому содержательный анализ музыки — литературщина и ничего не дает, здесь возможен только формальный анализ или сравнительный, например философско-религиозные аналогии.

Формула жизненного состояния. Это определение стихотворения можно распространить и на прозу и на всякое искусство. Точнее: прозаическое произведение тоже формула некоторого жизненного состояния, но расширенная. Если же нет формулы, то есть поэзии, то уже не искусство. И философия — формула жизненного состояния, и также если нет точной формулы, нет и поэтичности, тогда не философия, а публицистика.

Поэзия или поэтичность — точная формула. Поэтому и математики о теореме или доказательстве говорят: красиво. Но чем ближе к искусству, тем меньше применимо слово «красиво». Об этом говорили и Шёнберг и Введенский. И то, что я сейчас записал, тоже некоторая формула:

Искусство — философия — физика — математика.

Именно для искусства характерны слова: правильно, неправильно. Именно для математики характерны слова: красиво, некрасиво. В промежуточных слева направо: первый критерий ослабляется, второй усиливается.

В конце концов это относится, может быть, и к жизни: жизнь должна быть как формула жизни. И эти тетради — формула моей жизни *сейчас*, точнее: поиски формулы моей жизни, прошлой, настоящей и в некотором предвидении, а большей частью невидении будущей жизни *сейчас*. Она вся должна быть *сейчас*.

14 мая. Шеллинг: человек был в Боге (1). Именно поэтому он был способен к свободе (то есть мог стать свободным) (2). Этой свободой он злоупотребил (3), чтобы возвысить свою частную волю в противовес универсальной Божественной воле (4). — Снова всё наоборот. Верно, что человек был в Боге, но быть в Боге, то есть невинность, это именно и значит: не быть способным к свободе. «Быть в Боге» — невинность, то есть неспособность к свободе: ни к свободе выбора, ни к абсолютной свободе. Затем: что значит мог стать свободным, ведь само «мог» и есть свобода выбора, свобода выбора и есть возможность. Злоупотребление свободой вообще бессмысленно. Свобода выбора и есть возможность выбора и уже выбор, значит, я не злоупотребил своей свободой выбора, а свобода выбора уже и есть злоупотребление.

Помимо непонятности перехода от возможности свободы к ее действительности, сама возможность свободы выбора и есть свобода выбора, так же как и свобода выбора есть только возможность свободы выбора (4). **Чтобы** так же, как и **потому что**, вводит в Бога временность. Несоответствие мне, сотворенному, значит конечному и невинному, бесконечного дара мне вневременно, вследствие этого несоответствие и стало для меня началом временности и времени. Но само это несоответствие вневременно, тогда и сама жизнь во времени вневременна, я вижу ее *sub specie aeternitatis*, так как *sub specie Christi*. Тогда и **чтобы** освобождается от времени: не совершенствование, а вневременное обращение, не субъективное, а импутируемое мне через Христа и ради Христа. Это определенное понимание всей моей жизни как жизни *сейчас*, то есть полнота времен в *сейчас*.

Я жду телефонного звонка, он может изменить мой обычный порядок дня. Но я ясно чувствую, что это ожидание и изменение обычного порядка дня, так же как и этот обычный порядок дня, — не реальность, реально *сейчас*, к которому примешивается и загрязняет его нереальное ожидание. Нереальное ожидание, связанное с ощущением временности, реально, как акт ожидания — акт греха. Здесь не имеет значения ожидаемое — оно может быть и самым праведным, самым святым, но само ожидание — акт греха: ожидая, я уже не живу сейчас; но и это — сейчас: ожидая *сейчас*, я уже не живу *сейчас* — именно *сейчас* не живу *сейчас*. Это грех.

Но есть другое ожидание, о котором говорит апостол Павел: я не почитаю себя достигшим, но стремлюсь, не достигну ли и я Христа, как Он достиг меня. Л. называл это тоской по абсолюту.

И еще: скорбь — терпение — опытность — надежда от Бога. Греховное ожидание нетерпеливо. Это же — опытность в терпении и надежда, неотделимая от веры и любви. Поэтому апостол Павел и говорит: вера, надежда и любовь.

Может так: ожидание временного, надежда на вечное. В ожидании всегда только вероятность ожидаемого, в надежде или полная уверенность, тогда в молчании говорю **да**, не сказав **да**, или полная безнадежность, тогда воплю и в вопле получаю. Поэтому можно сказать, что в вероятности ожидаемого праведны или истинны только предельные значения: 0 — полная радикальная безнадежность и 1 — полная, абсолютная уверенность надежды. Всё же промежуточные значения вероятности — ложь и грех ожидания.

30 мая. Когда в 1964 году я писал о бесперспективности настоящего, я, кажется, еще не понимал ее, я понимал ее психологически. Надо и бесперспективность освободить от психологизма. Что значит перспективность настоящего? Это перспектива на день, на месяц, на

год, на 10 лет вперед, перспектива на временное. Тогда: бесперспективность настоящего — перспектива на вечное. Во всяком случае, некоторое приближение или, скорее, другая, может, не всегда явная сторона бесперспективности: во-первых, атональности жизни, во-вторых, Божественная серия атональной жизни. Бесперспективность настоящего — это смиренномудрое молчание, которым я говорю да, не сказав да; или вопль, которым я говорю нет, которое Бог обращает в Свое да. Бесперспективность настоящего — ноуменальное эсхатологическое *сейчас*. Имею ли я его? Нет, я заблудился, как овца потерянная. Да, в этих блужданиях, бесперспективных, безнадежных блужданиях, в самой бесперспективности и безнадежности, в скорби и безнадежном терпении я получаю опытность и надежду, мелькает перспектива на вечное: не на завтра, не на месяц, не на год вперед — на вечность. Когда нет никакой надежды на завтра, мелькает надежда на вечность. Когда я не жду завтрашнего дня, я жду вечности.

30 июня. И в грехе, и в праведности, и в чистом, целомудренном бесстыдстве, и в желании, и в страхе, и в пронзении души мечом — во всём человек только функция, вернее, акциденция непонятной, высшей ситуации, хотя и виноват за всё, и за то, что делает, и, может, еще больше за то, чего не делает, виноват в смысле *culpa*, оправдание же в принятии вины в смысле *causa*, то есть ответственности. Но и это не зависит от меня, и в моем грехе ответственность стала безответственностью, тогда виной без вины, самой большой виной, моей виной, виной моего греха.

В моей безответственности вместо серого покоя я дал Тамаре черное беспокойство, вина на мне. Вина за всё на мне, и *culpa* и *causa*. И в моей безответственности бесконечная ответственность за Т. Вина на мне, моя вина, *mea culpa*, *mea magna culpa*.

5 июля. Искупление вины в том, чтобы перестать быть акциденцией и стать субъектом ситуации, то есть личностью. Но лицо — дар от Бога. Тогда снова: Господом моим Иисусом Христом мир распят для меня и я для мира. Это распятие не общий закон, не безличный категорический императив, а личное повеление. Мне казалось, что вчера я пожертвовал самым важным для меня сейчас, чтобы получить еще более важное: самое высокое дается тому, кто отречется от всего, даже от самого высокого ради этого же самого высокого. Тогда получает его даром — *gratia gratis data* — и еще более высокое. Мне казалось вчера, что это я и делал, а получилось не то — я увидел это к концу. А может, и получил, но не понял? Или получу? Или не так отрекся, была не та

характеристика отречения, не тот **квантор**, не тот оттенок оттенка отречения? Тогда только самоублажение. Но ведь я отрекся именно от самоублажения, и было это не в свободе выбора. Тогда получается какое-то антиотречение, противоположное отречению от самого высокого ради самого высокого: я отрекся от самоублажения ради самоублажения. Тогда я получил самоублажение. И снова стало плохо — я остался только акциденцией некоторой непонятной, высшей ситуации. Вина осталась на мне, не causa, только culpa, mea magna culpa.

7 июля. {Сон.} Я в школе, даю урок, вернее, должен давать урок, но не могу: ученики — молодые люди, проявляющие ко мне какой-то противоестественный интерес, почти накидываются на меня. Они педерасты. Я иду к директору сказать, что при таких условиях я не могу давать урок. Но к директору требуется особый пропуск, мне не дают его. Я не знаю, что делать. Но вот я уже убежал, меня охраняет мама, мы куда-то едем вместе. Затем какой-то переход или широкая дорога. Мама уже на другой стороне, я на этой. Широкая канава или высохшее русло реки. Я хочу перейти к маме, но пустили воду. Теперь уже мама у истока реки, а я на берегу посередине. Плывет лодка. Мама кричит мне: когда лодка будет проходить мимо, не бойся, прыгай прямо в лодку. Лодка была маленькая, как игрушечная, ее несло течением.

Многие лучшие вещи Баха не просто прекрасны, а мучительно прекрасны. Есть мучительная радость или радость мучения. Если я потеряю этот коэффициент радости, я стану просто ничем — раká. Я не высказываю общего суждения, может, другим этого и не надо, мне надо, без жала в плоть я раká, ничто. Пусть жало в плоть будет больнее, пусть время Твое будет тяжелее.

8 июля. И сейчас, в полном смятении, ожидании, неожиданности, безнадежности, страхе, надежде, неизвестности, уверенности, неуверенности, мучительной радости и просто мучительности Бог, и оставляя, не оставляет меня. Я живу всё время в молитве: и когда не молюсь, и когда радуюсь, и когда мучаюсь, и когда мучительно радуюсь.

9 июля. Шесть лет я никуда не выезжал из своей комнаты больше чем на день, два. Сейчас я бросаюсь в неизвестное. Во-первых, я хочу броситься в неизвестное, во-вторых, мне не осталось ничего другого, как броситься в неизвестное, в-третьих, я боюсь броситься в неизвестное, в-четвертых, я делаю это ради Т., вдвойне ради Т. Я никогда не умел рассчитывать. Как я ни глуп, но не настолько, чтобы верить в человеческие расчеты и планы. Но если бы я был настолько глуп, что верил бы в человеческие расчеты и планы, я бы всё равно не мог ничего рассчитать. Перебирая в уме предстоящие мне возможности, я нахожу не одну, не две, не три, а множество, потому что каждая имеет несколько вариантов. Ни одна из них не представляется мне более вероятной или благоприятной, и я стою между ними, как буриданов осел.

Не так еще давно я записал: я надеюсь предопределенный мне остаток жизни дожить в моей, сейчас пустой, опустошенной, комнате. Сейчас и на это не надеюсь. Потому что какие-то неопределенные и фантастические планы и намерения, которые меня притягивают и страшат, и бесплодные неопределенные мечтания, ни на чем реально не основанные, нельзя назвать не только планами, но даже ожиданием или надеждой. Я ни на что не надеюсь, только бросаюсь в неизвестное, со страхом и желанием, с *leidenschaftlichem Leiden* бросаюсь в неизвестность.

10 июля. Вчера — о двух путях к полноте времен — В. и Х.

В. Есть только *сейчас*. Это *сейчас* и есть полнота времен. Поэтому он и терял свои вещи: написанные, они для него уже не сейчас, значит ничто. Это можно назвать интенсивной полнотой времени.

Х. *Сейчас* — экстенсивное тожество прошлого, настоящего, будущего. Тогда всё, что он писал, даже ничего не говорящая запись о том, какая у него была температура, в определенный день и час, — свидетели его жизни. Так как у него всегда был примат жизни над искусством, то Х. сохранял всё записанное. Некоторые вещи сохранились с его надписью: плохо. Он всё же не уничтожал их. Накануне последнего ареста, ожидая фининспектора, Марина сказала: вынесем из комнаты круглый обеденный стол. Хармсу не хотелось, он сказал: вынесем стол — случится несчастье. Но всё же стол вынесли. На следующий день его арестовали. Я не говорю, что между вынесением стола и арестом была причинная связь. Но я верю, что существует высшая, неизвестная нам связь — провиденциальная. Стол был тоже свидетелем жизни Д. И., тоже входил в *сейчас* его жизни.

Еще Николай Кузанский говорил, что абсолютная полнота и абсолютная пустота совпадают: *coincidentia oppositorum*. В. жил в абсолютной пустоте: негде приклонить голову, быть не при деле,

«настоящее время — час до смерти» (Введенский). И то, что Т. сказала: после победы женщины бросали его. И в то же время его слова Т.: если мы и разойдемся (я и уйду от тебя), ты останешься у меня первой и единственной. И так оно и было. У Х. было немного женщин, а по существу, ни одной. Потом — его комплекс Эдипа. Но его женские связи, включая и Марину, входили конкретно в его жизнь, тоже были свидетелями его жизни, так же как и стол, который он не хотел вынести, как его мундштуки и трубки, как его любые, иногда безразличные и как будто неинтересные записи. Всё это экстенсивная полнота жизни. У В. по-настоящему была только одна женщина, причем невозможность реально в жизни установить прочную конкретную связь — абсолютная пустота. И оба пути — один путь: тожество различного, то есть то же самое в различном, *coincidentia oppositorum*: эсхатологическое *сейчас* в интенсивной и в экстенсивной форме, в опустошении от всего и в сохранении всего.

20 июля. Мне послана некоторая передышка или отсрочка.

7 августа. Передышка от чего или кого? Если от Бога, от печали о Боге, то это ад.

Еще неделю или две тому назад, возвращаясь из Мги, думал: Бог везде: и в уроках. А сейчас: снова лезу куда меня не зовут, где мне нет места.

Когда-то я записал: я нашел в себе зверя, пожирающего меня настойчиво, упорно и без всякого удовольствия. Этот зверь — я сам. — Я снова ем себя: настойчиво, упорно и без всякого удовольствия.

Теория глупых положений. В глупом положении тоже просвечивает звезда бессмыслицы. Начало его противоречит всякому человеческому смыслу, само глупое положение — некоторый иероглиф, так как в силу своей бессмыслицы вырвано из причинной связи событий, обрезана связь с прошлым и будущим: светит звезда бессмыслицы.

Глупое положение, как и мгновение, имеет начало, конец его утерян.

Глупое положение, иероглиф, чудо, все три — в другом ряду событий, ноуменальном, начало всех трех ясно, точная граница определяет его, конец теряется, и я снова на земле: в радости или печали, в растерянности и недоумении.

В глупом положении я дурак здесь. Но всегда ли дурак здесь — умный там? Если погрешность превысила некоторую допустимую границу, то дурак здесь — дурак и там.

Я дурак и там. Не надо ли отречься и от самого высокого ради него же, чтобы получить самое высокое и то, что выше самого высокого?

Тогда дурак и здесь и там — мудр там. Это верно, но сказанное сейчас — самооправдывание, то есть искренняя ложь. Сейчас я глуп и здесь и там.

Это записано по определенному случаю.

Вся моя жизнь — глупое положение: ряд глупых положений, объединенных в одно ноуменальное глупое положение. Сама жизнь и есть одно ноуменальное глупое положение: не здесь и не там, какое-то двустороннее недоумение, непонятная акциденция непонятной, высшей ситуации, невозможность стать ее субъектом при невозможности и не стать ее субъектом, то есть грех, вина греха, mea culpa, mea magna culpa.

12 августа. Я не понимаю непонятного как непонятного. Docta ignorantia? Нет, я пытался еще понять, судить, оправдывать. Даже оправдывая, я не прав, так как человеческое оправдывание — неявное осуждение; оправдывая, я тоже сужу, но суд — привилегия одного только Бога. Я не прав, так как подсудимый — я, только я. Это было 10-11-го.

11-12 августа. Я не понимаю непонятного как непонятного. Docta ignorantia? Да, так как не понимаю, не сужу, только радуюсь. Docta ignorantia, так как, отказавшись от понимания, суждения, суда, я перестал быть акциденцией, стал субъектом непонятной мне высшей ситуации. Взяв на себя полностью вину в смысле culpa — потому что это и есть не судите, да не судимы будете, — я получил даром вину causa — ответственность: mea causa, mea magna causa.

13 августа. Оправдывание кого-либо тоже суд. Оправдывают того, кто нуждается в оправдании. Но я не судья, судья один — Бог. Я был чист сердцем в отношении к моей лестнице Иакова. Я чист сердцем в отношении к моей двери в жизнь. Но это не исключает моей вины.

Попав в непонятную мне ситуацию, я не принял ее просто, без рассуждения, как посланную мне Богом, но стал судить. И хотя оправдал, но через суд, то есть суждение. Не было того, о чем я писал еще 40 лет назад: воздержание от суждения, то есть от суда: не судите, да не судимы будете. 11-12-го мне дано было понять это, то есть не-суждение, не-суд. И вернулись вестники, вернулся Бог.

16 августа. 46 лет тому назад подземный ручей вырвался наружу. С тех пор несколько раз снова скрывался под землей и снова выходил наружу, пока окончательно не вырвался, затопил всё вокруг меня, и я тону в нем. В этом мое спасение.

24 августа. А. отдал свою волю Б. Тогда получил власть над Б.

27-28 августа. Н. Ф.

29 августа. Я живу сейчас безмысленно. Я не знаю, хорошо ли это или не хорошо, осмысленно или бессмысленно. Меня ничего не мучает, не мучает даже то, что меня ничего не мучает. Я живу хорошо, то есть мне хорошо, но не знаю, хорошо ли это или не хорошо, что мне хорошо, и меня не мучает, что мне хорошо, и не мучает, что я не знаю, хорошо ли это или не хорошо, что мне хорошо, и не мучает, что меня не мучает, что я не знаю, хорошо ли это или не хорошо, что мне хорошо.

Я встретился с трансцендентной для меня ситуацией, я испытал радость, перестал быть ее акциденцией, стал ее субъектом, я радуюсь, что не только не осуждаю, но и не оправдываю, так как не сужу, я понял, что значит не судить, то есть понял *не-суд*: да будет воля Твоя.

Я не могу еще сказать: мгновение остановилось, но только: мгновение стоит. Меня радует это. Я мог бы иметь еще сверхрадость, но меня не мучает, что я не имею ее и не знаю, смогу ли иметь. Я радуюсь.

30 августа. Я думал о:

1. Трансцендентных и имманентных ситуациях и отношениях. И те и другие могут быть ноуменальными или не ноуменальными. Имманентность связана с привычкой и с установившимся порядком жизни, поэтому потеря их изменяет весь строй и порядок жизни, даже если они не ноуменальные. Потеря трансцендентных ноуменальных изменяет суть жизни, но не внешний строй и порядок ее, во всяком случае не так сильно, как потеря имманентных.

Конец гл. 2 Книги Бытия — о переходе некоторых особых трансцендентных в имманентные: «и станут два одной плотью».

2. Раскаянии и покаянии: первое, может, не смиренномудро, второе — необходимо всегда и во всём. Потому что и волос не упадет с головы моей без воли Бога, но я всегда виноват.

3. Недетерминированности Бога — ответ Т.: один кибернетик сказал: даже если душа кибернетический робот, то кто же программирует его? — Я верю, что Бог, но это абсолютно недоказуемо, доказуемо в крайнем случае только одно: программирует не мозг и не материальный кибернетик и вполне достаточно конечного сознания. Но доказанный Бог — уже не Бог, так как не свободен, а детерминирован самим доказательством — формой доказательства. Доказанное уже в пределах мысли, то есть предельной мысли, конечного.

4. Непорочном зачатии — ответ Т.: я верю, твердо верю, что Слово стало плотью. Это абсолютно достоверно и абсолютно непонятно, соблазн для воли, безумие для разума. Двое из четырех Евангелистов не вполне однозначно и применительно к человеческому разумению рассказывают, как это произошло, то есть как вочеловечения Слова. Их рассказ, точнее, два не вполне однозначных рассказа вероятны и правдоподобны. Но и самая большая вероятность еще не истина. Вочеловечение Слова — истина, а рассказы Евангелистов — вероятные толкования или комментариев к истине. Даже сама идея непорочного зачатия — человеческий комментарий к истине. Необходимо ли включать его в Символ веры? Не знаю, апостол Павел, мне кажется, не включал (Рим.). Мне кажется, что категорическое отрицание непорочного зачатия ложно, но признание его только контингентно, то есть не необходимо. Это соответствует и интуиционистской логике: в этом случае $\bar{a} \vee a$ не истинно. Здесь $\bar{a}$ — непорочное зачатие, a — естественное зачатие. Может, так: даже из отрицания непорочного зачатия не следует естественное, то есть a не имплицирует a .

Церковные же толкования родственных отношений Иакова, Иоанна и Иуды к Христу маловероятны и не очень правдоподобны. Всё, что относится к жизни Христа до явления Его народу, покрыто как бы густым слоем тумана, иначе и не может быть: три года от явления Христа народу и до того, как разорвалась завеса в храме, — неисторический факт в истории. Его окаймляют два таких же неисторических, неисторически-исторических факта — искушение в пустыне и воскресение.

Густой туман покрывал мир. Христос прорвал его. После Его вознесения на небо снова спустился туман на землю и покрыл мир, но мир уже стал другим, совсем другим.

1 сентября. Мысль — фиксация, то есть фиксирование некоторого реального состояния. Это реальная экзистенциальная мысль, в отличие от абстрактной, то есть то В, которому тождественно А в одностороннем синтетическом тождестве. Но абстрактная мысль — само В, нетождественное А, то есть предельная мысль. Прообраз экзистенциальной мысли, то есть экзистенциального человеческого

слова, — Слово, Которым сотворен мир и Которое стало плотью, то есть тем, что Им же сотворено. Это основное реальное, экзистенциальное противоречие.

Мысль — фиксация. Когда я записал: я живу сейчас безмысленно, я зафиксировал свою безмысленность, и так как зафиксировал, то уже не жил безмысленно. И уже на следующий день я мог бы записать: меня мучает, что меня не мучает то, что меня ничего не мучает; меня мучает, что меня ничего не мучает; меня мучает, что мне хорошо; мне нехорошо, потому что мне хорошо.

Вчера вечером снова Н. Ф.

Мое табу: соединить разделенное, я боюсь этого, *es schaudert mich*. Моя односторонность перешла в противоположную односторонность. Я потерял некоторую погрешность, равновесие же без погрешности пусто. Тогда я снова стал мучить себя: мучить оттого, что меня ничего не мучает.

Кончилась безмысленность. Я почувствовал снова время, приближающийся конец передышки, тяжесть и боль бытия.

6 сентября. Колебание трансцендентной ситуации. Это напоминает смену искушений-утешений. Но только напоминает — некоторой периодичностью, а не тождественно. Потому что там — во мне, хотя и извне, а здесь — трансцендентно-имманентное: меня втягивает в нее, потом выбрасывает; какая-то пульсация трансцендентной ситуации. Значит, я еще не вполне стал ее субъектом.

7 сентября. Если, как говорил апостол Павел, образ, по которому сотворен человек, — Христос, то христология определяет антропологию, может, ее основа. Особенно ясно мне это сейчас: уже давно я записал, что монофизитизм и несторианство не ошибки, а ереси, то есть грех, так как проявляются в каждом человеке и во мне как мой грех, например в эротике и сексуальности. В намеке на дикий смысл порока моя эротика абстрагирована: свелась на взгляд, жест. Это монофизитизм: нераздельность без неслиянности абстрагировала чувственность от самой телесности — какой-то эротический докетизм.

Фрейдизм — практическое антропологическое истолкование христологии в физиологических и сексуальных терминах, приложение христологии к сексологии. Комплекс Эдипа — неслиянность без нераздельности, то есть несторианство. Две формы этой разделенности: $\epsilon\epsilon$ — тенденция к подавлению духовного плотским —

это несторианство; ει — тенденция к подавлению плотского духовным — это монофизитизм. Первое — у Д. И., второе — у меня. Комплекс Эдипа — сексуальная ересь. Ортодоксия в сексуальности: ε — кто может вместить, да вместит; ι — и оставит человек отца и мать, и прилепится к жене, и будут два одной плотью {Мф. 19, 5} или наоборот? Но εε — брезгливость — грех: анафема тому, кто не женится не ради святого девства, но из брезгливости; то есть гнушается.

И в «Дворянском гнезде»: тебе просто противен запах человеческий; это тоже грех ει.

8 сентября. Могут ли быть сведены к одному принципу соседние миры, то есть температурный, звуковой, осязательный, мир запахов и другие (Л.)? В каком-то смысле они все во мне, хотя представление твердых предметов (Л.) и невозможность выйти из этого представления подавляет все остальные миры. Если исходить из рассуждения Л., то не создает ли первая разность различность миров, причем не только психологически, хотя бы трансцендентально-психологически, вообще антропологически, но и онтологически?

Два соблазна.

Имманентизм: различие миров (их можно назвать Л-мирами) определяется только душевным, хотя бы и трансцендентально-душевным. Это ε-соблазн, монофизитизм.

Плюрализм: Л-миры абсолютно экстенсивны, то есть вполне независимы — неслиянны, вполне разделены. Это ι-соблазн, несторианство.

Найти характеристику каждого мира в моем отношении к нему, то есть его духовный, духовно-душевный и душевно-плотский коррелят или знак, характеристики отдельных душевных состояний в их отношении к Л-мирам. Субъективный смысл Л-миров, например: смрад греха... оленя бег **пахучий**, мировоззрение в носу, антиэротическая эротика. Необходима ли здесь связь с запахом? Смысл запаха, запах греха, человеческий запах («Дворянское гнездо»). Это только один из возможных Л-миров.

Каждое личное состояние определяется характеристиками из разных Л-миров. Имеется ли для каждого состояния преобладающая характеристика, то есть характеристика одного только Л-мира?

Моцарт перед смертью: у меня вкус смерти на языке. Осязание, вкушение.

Система Л-миров. Выведение системы из одного принципа? Из самой идеи разности? Имманентного или трансцендентного?

Антропологического или онтологического? Первое может повести к ι-соблазну, второе — к ε-соблазну.

14 сентября. Понятия ι, ε соотносительны и переменны, как некоторые рисунки, которые в зависимости от направленности или настроенности глаза кажутся то выпуклыми, то вогнутыми. Монофизитизм я назвал ι-соблазном. Если же монофизитизм — подавление посюстороннего потусторонним, то скорее ε-соблазн; тогда несторианство ε-соблазн. И всё же есть некоторый, может, небольшой перевес убедительности прежней терминологии, некоторый неясный, слабый, но убедительный намек. Сама эта противоречивость намека — слабость и одновременно сила убедительности, сила в слабости вполне убедительна.

Вот в чем она.

Пусть разделенность будет X , слиянность — Y . Тогда неразделенность $\bar{X}$, неслиянность $\bar{Y}$. Последовательный монофизитизм, подавляя $\bar{Y} \bar{X}$ ’ом, утверждает Y , вполне последовательный — докетизм. Аналогично последовательное несторианство утверждает X , вполне последовательное — полный либертинизм. Но X и Y — два полюса предельной мысли и в конце концов — абстрактное единство и такое же абстрактное множество. Само же единство или синтез есть ε-функция мысли, а множественность или разделение — ε-функция. Само же противоположение ι-функции ε-функции — ε-функция. Поэтому сама ересь — ε-функция мысли, то есть непонимание тождества различного — того же самого в различном, а две формы ее — ει εε. И также сексуальное применение в комплексе Эдипа.

Высокое у людей мерзость перед Богом. То, что монофизитизм принимает за потустороннее, только один из двух полюсов посюстороннего. Потустороннее потусторонне. Это не тавтология: потусторонность значит абсолютная недоступность, невозможность получить его. Но невозможное для человека возможно для Бога. Символ веры утверждает эту возможность, даже абсолютную реальность невозможного противоречивым, непонятным для разума тождеством: $\bar{X} \wedge \bar{Y}$. Монофизитизм и несторианство, вообще ереси, отрицают это противоречивое тождество, заменяют безумное Божие человеческой мудростью $\bar{X} \wedge \bar{Y} \rightarrow X \vee Y$.

Это не абстрактные рассуждения, а конкретное применение христологии к теоцентрической антропологии, в особенности сейчас для меня, когда Бог ввел меня в трансцендентную ситуацию.

Вчера был М[ейлах]. Полное неумение передать то, что видел или ощущал. Но ведь **передать** — это и значит **сказать**, зафиксировать, подтвердить. Кьеркегор назвал это *Wiederholung*, но мне кажется, психологизировал, это повторение — трансцендентальное, а не психологическое во времени. Это повторение или подтверждение и есть самосознание.

Я ищу повторения, то есть слова, чтобы зафиксировать новую ситуацию, в которую меня ввел Бог, понять свое место в новой трансцендентной ситуации. Трансцендентное повторение, фиксация, подтверждение, слово и есть самосознание. Я сознавал себя в лестнице Иакова. Потеряв ее, я сознавал себя в жале в плоть. Теперь я ищу себя, свое место в жизни, в открывшейся двери в жизнь. Прошло уже почти два месяца блаженной жизни, передышка скоро кончается, я потеряю всё, если не смогу зафиксировать новую, подаренную мне Богом трансцендентную ситуацию.

Античная онтология основана на понятии бытия, Евангельская — на понятии Слова. Зафиксировать некоторую ситуацию — это значит сказать ее. В этом отличие человека, созданного по образу Слова, от животного. Поэтому животных и называют бессловесными существами. М[ейлах] в своем неумении высказать себя — бессловесное существо. Тень опустошенного взгляда лишила меня слова. Я замолчал. В моем молчании Бог открыл мне трансцендентную ситуацию, открыл дверь в жизнь. Теперь я ищу слова, чтобы зафиксировать свое участие в трансцендентной ситуации.

М[ейлах] сказал: иногда мне казалось странным: зачем я вообще попал сюда. Я ответил: иногда кажется странным, зачем я вообще попал в этот мир. Мне кажется странным, что я попал в новую трансцендентную ситуацию. Я удивляюсь, пугаюсь, ужасаюсь, радуюсь и благодарю Бога, что попал в новую трансцендентную ситуацию. Но я еще не нашел слова, чтобы зафиксировать ее. Я потеряю всё, если не найду слова, чтобы зафиксировать ее.

20 сентября. Радиус жизни расширяется помимо воли и желания человека, часто его расширяют смерти близких, вообще смерть, мысль о смерти расширяет радиус жизни. Принятие или непринятие расширения радиуса жизни тоже не зависит от воли и желания человека. Что оставил ему Бог? Вину за принятие или непринятие

расширения радиуса жизни и две формы вины: ε- и ι-вина: оттенок и оттенок оттенка вины.

Принятие через принятие — святость или Рай.

Принятие через непринятие — например, Иов, богоборчество (Иаков).

Непринятие через принятие — фарисейство, искренняя ложь или лживая искренность.

Непринятие через непринятие — сам грех, Ставрогин, Иван Карамазов: возвращение билета. Геенна огненная.

Может быть и так, что радиус жизни, расширяясь, всё же сжимается, например при гордыне, когда гордишься расширением радиуса своей жизни, или, сжимаясь, расширяется, может быть, при смиреномудрии. Может, так и было перед взглядом: радиус жизни, расширяясь, сжимался, взгляд для того и послан мне, чтобы радиус жизни, сокращаясь (Т.), снова стал расширяться.

22 сентября. Т. о «Куприянове и Наташе»: это прощание со мною. Ш. — Т. — Л. — Кабл. — Мария — Архитектор? Может, в этом исполнение неземной воли? Авторитет, сила, власть имеющий. Во всяком случае, в 1931 г. Л. был как власть имеющий. Сон Т.

25 сентября. Однажды в трамвае я видел, как вошел какой-то оборванец, вынул из кармана хлеб, даже не завернутый в бумагу, и стал есть. Я позавидовал ему: вот человек, совершенно опустившийся, для него не существует никаких условностей, он полностью свободен от всех условностей, полностью свободен. Но могут быть разные виды освобождения: я что как ничто не только в мысли, хотя бы и экзистенциальной, но и во внешней жизни. Это те, к кому Христос обращается в Нагорной проповеди и говорит: вы соль земли. Другой вид этого освобождения — Кавалеров из «Зависти» Олеши — это уже соблазн — почти освободившийся, и как почти — ложь. Первый влечет за собой дар личности, второй — потерю ее в стихии. Но интеллигентная форма потерянности в стихии, то есть мировой уют, — искренняя ложь или лживая искренность. Энтелехия, трансцендентная ситуация — серьезное и высокое, а мировой уют — интеллигентная пошлость, то есть пошлость, сказанная в интеллигентной и красиво соблазнительной форме. Погружение Кавалерова в стихию — тот же мировой уют, только освободившийся от интеллигентной лживой красоты.

Л. говорил о нечистоте индивидуальности, то есть индивидуализации, нечистоте самой личности. Апостол Павел сказал: всякий человек есть ложь. Л. заметил эту ложь в другом плане,

взглянул на нее с другой точки зрения. Освобождение, о котором я сейчас говорю, — освобождение от лжи и нечистоты личности, первое (я что как ничто) в истине, второе (Кавалеров) в соблазне.

6 октября. 35 лет тому назад и Т., и Л. независимо друг от друга говорили мне, что я деспот. Уже несколько лет, как я понял: они правы. Я убедил Ал[ександрова] отложить Хлебникова и уже сейчас заняться Хармсом. И всё же он сказал: пока не напишу всё, не буду вам показывать, я экстерриториален. Он бунтует, и это хорошо, но вчера я понял другое: во мне есть какая-то сила, не от меня, которая подавляет окружающих, может, поэтому и Генрих [Орлов] ушел от меня. А сейчас понял: она подавляет и меня. Эта сила — Бог. Эта сила всегда Бог, но пока не осознана, пока Бог не даст осознать себя — анонимная, слепая, то есть демоническая сила: *kairos, fatum*. Случайность — демонизм. *Fatum* — анонимность Провидения. Неслучайность случайности — Провидение.

Бог давал мне осознать Себя. Но сейчас Он послал мне новую трансцендентную ситуацию, и в этой ситуации я не осознаю Его, то есть не понимаю. — Он не дает мне осознать Себя в моей новой ситуации. Но вина моя, вина без вины, самая большая вина и вина перед Т.

8 октября. Я сказал Т.: главное ведь не писать, а **быть**. Т. — **есть**. Бог сказал Моисею: Я — Сущий. Мы узнаем существование в слове, но не обязательно в произнесенных вслух или записанных словах: и в походке, и в жесте, и в взгляде — слово и, может, Слово.

Слово стало плотью. Может, это главное повеление Бога человеку, чтобы в каждом человеке Слово стало плотью, чтобы человек сказал то, что он есть, что ему дано. Это высказывание не обязательно в человеческих словах, хотя бы и умных. Умные слова могут быть той человеческой мудростью, которую посрамило Божественное безумие. Сейчас мой главный грех: я побоялся Слово сделать плотью. Греха не было бы, если бы я не боялся сейчас быть один. С 16.X.63 я стремился к монашеской келье и попал в келью с Т. Виноват ли я за неслучайную случайность, или это мое оправдание? Но всё равно вина на мне, хотя бы и без вины, и тем больше, что вина без вины, значит не только психологическая или моральная, а трансцендентальная, ноуменальная.

Вчера перед сном я думал: пусть будет два первоначальных неопределяемых термина: Н и М. Н — от слова «несторианство», М — от слова «монофизитизм», и оба — Н и М — в применении христологии к антропологии. Что было у меня до неслучайной случайности? Моя некоммуникативность, неумение слушать — М. Комплекс Эдипа — Н, но у меня в каком-то монофизитском освещении, поэтому, например, Спинозово определение ревности было мне просто непонятным. В сущности, я не понимал и Библейских слов: и станут два одной плотью. Поэтому мое Н как Н (М), даже как $f(M)$, было двойной погрешностью. Я жил в погрешности, был погрешностью. Сама погрешность — не Н, не Н (М), не М, я ощущал погрешность самой жизни, звезду бессмыслицы, я сам был небольшой погрешностью в некотором равновесии, потому и писал о небольшой погрешности. Н, или М, или Н (М) были не самой погрешностью, а ее акциденцией, экзистенциальной функцией, оттенком моей ноуменальной погрешности, моей вины без вины. Не эротика ноуменальное ядро и суть человека, а его вина без вины. Но и Н, и М, и антиэротический эрос — тоже эрос, но не основа, только некоторый оттенок основы — вины без вины. Тогда я и через эрос и через антиэротический эрос тоже проникаю в мой ноуменальный грех, в мою вину без вины. Философски и теологически мои вещи вполне независимы и понятны без характеристик Н или М, но с метаантропологической или, скорее, с метатеологической точки зрения я вижу, как из одного корня вырастают два дерева: моя жизнь и то, что я пишу; и постоянное самопоедание.

Та погрешность кончилась, и из Н (М) я перескочил в чистое М. Поэтому повторяю: я изгнан из Эдема за то, что не пал. Но мое непадение и было падением. Высокое у людей — мерзость перед Богом.

Теперь второе. Всю жизнь я ел себя. Я жил в погрешности, был погрешностью и писал о погрешности в некотором равновесии. Т. освободила меня от самопоедания, и я перестал писать. Я знаю, самое главное — не писать, а **быть**. Я был в Эдеме. То ли это бытие, которое повелено? Я радовался, я рад был продолжать жить так и дальше in infinitum. Было ли это действительно infinitum или только indefinitum? Есть определенные ситуации, и то, что в одной ситуации грех, в другой — праведность. Раз, когда я уже лег спать, Т. спросила: спишь сном праведника? И я понял, я и раньше понимал это: я не праведный грешник, а лицемерный грешник, лицемерие было не сознательным, не намеренным и тем хуже — самой моей ноуменальной сущностью, монофизитизм — моя искренняя ложь или лживая искренность.

Гоголь не раз говорил о своей душевной черствости, то есть о маловерии. У меня душевная черствость, от этого монофизитизм. Душевная черствость — это слабость духа. Но если Гоголь умер от отвращения к этой слабости духа, от тоски по силе духа, то не есть ли это уже сила духа? Я опять оправдываюсь, но я действительно не нахожу себе места, не нахожу своего места в трансцендентной

ситуации, в которую меня ввел Бог. Я бесконечно благодарен Ему за мою энтелехию, за подземный ручей, разлившийся и затопивший всё вокруг меня, за то, что я тону в нем, я верю, что в этом мое спасение, и всё же не могу установиться в нем, найти и понять свое новое место в жизни.

Мне казалось: вот я дошел до какой-то высокой ступени. И Бог послал мне опустошенный, невидящий взгляд. Я продолжал идти выше — так мне казалось. По человеческим понятиям, это и было выше. Может, и по Божеским, но, по-видимому, еще абстрактно, а не экзистенциально. В самом вопросе я нашел ответ на вопрос: что делать? и формулировал: **быть** не при деле — это и значит: не иметь где приклонить голову. И, по-видимому, испугался. Тогда Бог и послал мне несчастную случайность. Я спустился вниз. Но, может, этот спуск был подъемом? Вергилий вел Данте по аду и чистилищу, а в Раю путеводительницей стала Беатриче.

12 октября. Когда в субботу я окончательно вернулся в город и после утомительного дня лег в свою старую кровать, я подумал: всё-таки удобная кровать, укромный угол в моей комнате. Но уже через день или два понял: да, удобная кровать, укромный угол, но в Пухолово в неудобной кровати я был защищен, ощущал *Verborgenheit*, за стеной была Т., она сама была моей стеной, за которой я укрывался от агрессии жизни, радиус жизни сократился, именно там была *Verborgenheit*, а здесь — *Unverborgenheit*, радиус жизни снова стремится к бесконечности, и я ощущаю себя точкой, затерянной в бесконечном пространстве, Господи, помилуй.

Вчера была Т. Около года тому назад Т. сказала: такие отношения не стоят на месте, идут вперед. Тогда я не понимал этого, Т. оказалась права. Но верно и другое: если отношения идут назад, то они прекращаются. Если же прекратятся, что останется мне? До несчастной случайности самым главным для меня была радость страдания, тогда Бог принимал меня. Почему эта радость прекратилась? Не знаю, несчастная случайность прекратила ее. Может, я зашел слишком далеко, заглянул в недозволенное? Может, возгордился? Во всяком случае это связано с посланным мне опустошенным взглядом.

Грех замыкает меня: от Бога, от ближнего, от себя самого. Почему я боюсь прекращения несчастной случайности? Я окажусь снова один. Если раньше помимо главного — радости страдания — были и утешительные суррогаты — некоторые встречи и разговоры, то сейчас всё это мне совершенно не интересно и не нужно. Если Т. выключит меня из своей жизни, я останусь уже совершенно один, один в абсолютной пустоте, сам с собою перед Богом. Я знаю, к этому надо

стремиться, но я боюсь этого, не могу вместить: страшно впасть в руки Бога живого. Это не то *schaudern*, которое было с Т., там была радость и трепет, а здесь только один страх. Я не могу вместить.

13 октября. Сегодня воскресение и пятая годовщина 13.X.63. Вот что я записал в воскресение 11.X.64, то есть в первую годовщину:

...я не понимал в своем окаянстве, что надо сделать сверхчеловеческое усилие, то есть сделать невозможное, что, может, еще не поздно совершить невозможное. Я закоренел в своем окаянстве, в возможном. Возможное, *das Bestehende*, поглотило меня.

Сейчас в чем-то аналогичная ситуация. Я тоже не совершил невозможное, закоренел в своем окаянстве.

Раз Т. сказала мне: когда ты заснул, у меня было к тебе материнское чувство, ты лежал рядом как ребенок.

Фома Кемпийский сказал: на том свете у тебя не будут спрашивать, сколько умных книг ты прочел, сколько умных книг ты написал, но что ты сделал. Если я сделал что-либо, если у меня и было в жизни что-либо красивое, то это мое отношение к маме и к Т. Первые недели в Пухолово во сне у меня часто бывали какие-то замещения: мама — Т. И больше всего я виноват перед мамой и перед Т. Я не совершил невозможного, хотя всегда знал, что Бог требует от человека не должного, а сверхдолжного, невозможного.

Моя вторая Страстная неделя началась в воскресение 10.X. Тогда я понял, что главный грех — думать, что я сам, по своей воле что-то делаю или не делаю. Это относится и к неслучайной случайности, и об этом я писал в январе 1968 года: делаю не я, а виноват я.

Перед началом третьей Страстной недели был пустой, невидящий взгляд — 4.X.12.X я записал слова Исаака Сирианова: «Чистый сердцем тот, кто видит всех чистыми сердцем». — Но кто не видел ни одного своего ближнего чистым сердцем, кто ни в одном своем ближнем не видел сокровенного сердца человека, тот еще не знает, что значит: жив Господь, жива душа твоя. Я знаю это: в моей лестнице Иакова и в моей двери в жизнь.

В четвертую Страстную неделю, в среду 11.X, я записал: что значит вообще стыд? Перед кем я стыжусь? Перед самим собою? Мне кажется, здесь есть некоторое несознаваемое лицемерие: а если бы я был внезапно перенесен в другое место, где меня никто не знает, и со старыми традициями, знакомыми, авторитетами, репутацией было бы навсегда покончено, было бы мне стыдно перед самим собою? Не верю я в стыд перед самим собою. Это лицемерие, автономная этика Канта, в конце концов идеальное фарисейство; фарисейство в наиболее идеализированной форме: поступай так, чтобы ты сам считал себя хорошим, нравился себе самому.

Я чувствую вину и стыжусь только личного авторитета: определенного человека, памяти о нем, Бога. В связи с этим ответ Лиде: да, в Евангелии говорится и о награде, но о какой? Ребенку говорят: если ты будешь хорошо вести себя, тебя будет любить мама. Евангелие говорит: если ты будешь хорошо вести себя, тебя будет любить Бог.

В начале моей пятой Страстной недели, в начале шестого года между жизнью и житием, я снова стою на перепутье. 30 лет тому назад я записал: я жду событий, жду решения, я не принял даже решения жить, может, так и вся жизнь пройдет в ожидании решения жить. — Я всё еще не принял решения жить. В Пухолово на 67-м году моей жизни я мог принять решение жить, дверь в жизнь открывалась, и я снова не принял, побоялся. Это не субъективный страх, я хотел жить, это страх ноуменальный, я не мог совершить невозможного, это моя вина без вины, и тем большая уже не только перед Т. — перед Богом.

Я сказал: я хотел жить. И это, не знаю, верно ли. Т. была и осталась моей стеной, за которой я чувствую себя спокойно, огражденный от жизни. У меня всегда был страх жизни, и я не преодолел его и в Пухолово. И это мой грех и моя вина, тем большая, что вина без вины.

В начале 20-х гг. Шура сказал мне — я тогда увлекался Фрейдом: ты запутался в фрейдизме, — дальше я не помню, смысл был тот, что я утону в нем. Это было какое-то пророчество. Дело не во Фрейде, а в страхе жизни, в страхе принять решение жить. И не случайно еще 30 лет тому назад я написал: Т. — дверь в жизнь.

Я изгнан из Эдема, из счастья бессмысленности; изгнан за то, что не принял решения жить.

15 октября. Т. спросила: как совместить: дверь в жизнь и стена, защищающая от жизни? — Но ведь я боюсь открыть эту дверь, эта дверь и стала для меня стеной, защищающей от жизни.

Я боюсь удовлетворения, радости без страдания, счастья. Всё это было сегодня, когда была Т.

Я снова оправдываюсь, прости меня, Господи, ведь самооправдывание — обвинение Тебя. Я думаю о стеклянном корабле, о сокращении радиуса жизни. Шура был безытный. А Н. [Ивантер], а Г. [Викторова] и семья, игра в карты, ухаживание за женщинами — что это, как не сокращение радиуса жизни? У него всё это — суррогаты сокращения радиуса жизни, но и он боялся его бесконечного расширения? Возражение мне: у него всё это только суррогаты сокращения радиуса жизни, а у меня не суррогат: Т. и мое отношение к Т. не суррогат, тогда хуже: не променял ли я небесное блаженство радости страдания на земное блаженство радости с Т. без страдания? Возражение на возражение мне: да, подлинное сокращение радиуса

жизни с высшей, а не человеческой точки зрения хуже суррогата сокращения радиуса, но ведь Т. — моя энтелехия и всех нас пяти, и это не фантазия — то, что Т. говорила мне в июне о нашей общей ноуменальной сути, вся наша переписка с 1930-го года, ее слова и непосредственное отношение к «Куприянову и Наташе». Затем: невидящий, опустошенный взгляд — для чего он был послан мне? Почему или, вернее, для чего оставлена тень его? Затем — сама Т. Я не говорю о долге, о моей обязанности — всё это этика заслуг. Не долг, а повеленное мне Богом, бесконечная ответственность за Т. как моя вина без вины. Но также и с виной, и с большой виной: я понял это, читая записки Т. Но самая большая вина — вина без вины, это и есть повеленное Богом и бесконечная возложенная Им на меня ответственность.

16 октября. В прошлом году в этот день я записал: я выпадаю, всё время выпадаю в пустоту, в беспредельную пустоту.

Сейчас я не могу сказать этого. Я боюсь другого: я боюсь, что то, что я нашел, я не зафиксирую, то есть не назову, тогда потеряю.

19 октября. Разделения:

A_1 «Не как все».

B_1 «Как все».

A_2 Я прав именно потому,
что я один.

B_2 Das Bestehende,
Uneigentliche Existenz, «Man».

A_3 Некоммуникативность.

B_3 Коммуникативность.

A_4 Соборность.

B_4 Несоборность.

Эти антиномии подобны, но не тождественны. Некоммуникативность я поместил слева, а коммуникативность справа, потому что коммуникативность — profanum и именно «как все», а настоящая соборность — sacrum, и самая настоящая, может, отшельника в пустыне, который прав именно потому, что он один, и в этом одиночестве достигает истинной соборности. — Всё это о том же. Сегодня полвторого ночи начал писать что-то вроде «Исповеди». У меня есть A_1 , A_2 , A_3 , но нет A_4 . С 16.X.63 у меня особенно сильная тоска по соборности, но ничего не получалось. Соборность в том, чтобы мой ближний не был для меня **он** или **она**, но **ты**. А для этого: где двое или трое собраны во имя Мое, там буду и Я. Моя новая трансцендентная ситуация.

21 октября. Я хотел вместе радоваться и вместе бояться сего славного и страшного имени Господа Бога нашего. Но ничего не получилось: я говорил, как магнитофон, я не чувствовал, да и не интересовался своим ближним, он оставался для меня **он**. Мог ли я сказать тогда: я прав, потому что я один? Не знаю, если же прав, то что значит посланный мне пустой, невидящий взгляд? Но если и прав, то вина всё же на мне.

Сейчас я научился слушать, правда только одного человека. Я читаю записки Т., и хотя я не во всём согласен, некоторые записал бы иначе или исправил, но не исправляю, мне интересны они так, как записаны. Т. — **ты**, то есть Т. для меня **ты**.

22 октября. А. В церковности и традиционности есть ϵ -соблазн несторианства, в антицерковности и нетрадиционности есть ι -соблазн монофизитизма. Потому что церковность и традиция слишком материализуют дух, сама церковь, особенно у католиков, замещает Христа; антицерковность и нетрадиционность абстрагирует дух, лишая его тела: церковь — тело Христово.

В. В церковности и традиционализме есть ι -соблазн монофизитизма, потому что церковь, традиция и авторитет дают принципы единства, подавляя свободное различие. Антицерковность и нетрадиционализм — ϵ -соблазн, потому что ничем не ограниченная внутренняя свобода создает произвол и лишает опоры в единстве.

Разделение А — изнутри, значит, принципы его ι , разделение В — извне, значит, принципы его ϵ . Монофизитизм в обоих случаях совпадает с основанием деления, потому что само основание интенсивно.

Бог — всегда внешний авторитет, Testimonium S. Spiriti — внутренний. Но у церковников внешний авторитет часто не Бог, а церковная организация и ее авторитет, а у нецерковников Test. S. Spiriti подменяется иногда самочувствием.

Эта религиозная типология изложена здесь схематично. В жизни отношение ι - и ϵ -соблазнов у каждого человека сложно: в одном отношении он может быть склонен к ι -соблазну, в другом — к ϵ -соблазну. Когда я у Стерлигова (и также у М. М[ейлаха]) спросил, как не Мария Египетская, а он подымается в церкви, ответ был настолько неопределенный, что, кроме самочувствия и Suggestion, я ничего не видел. Это ι -соблазн, хотя они церковники, значит, склонны к ϵ -соблазну.

У меня склонность к ι -соблазну, то есть к монофизитизму. В эросе чистый монофизитизм встречается, я думаю, редко. Например: «... анафема тому, кто не женится не ради святого девства, но потому что

гнушается». Вообще всякая брезгливость, должно быть, монофизитский соблазн. Может, и педерастия.

Мой религиозный соблазн монофизитизма проявляется в слабости моей соборности, в некоммуникативности, в неумении слушать.

Чисто религиозно: так как я знаю и чувствую величайшее отвращение и омерзение к имманентизму, к которому может повести монофизитизм (например, Юнг), то, во-первых, во мне есть то, что я ненавижу, потому так и ненавижу, и, во-вторых, так как ненавижу и боюсь, то не меньше боюсь и ненавижу абсолютный экстенсивный нигилизм. Экстенсивный нигилизм — доведенное до предела несторианство, являющееся в результате банкротства монофизитизма, раскрывшегося как только душевный имманентизм. Это отчаяние и безнадежность от отвращения к имманентизму, заложенному в моем ветхом Адаме. Я живу между Сциллой и Харибдой, Сциллой душевного, монофизитского имманентизма и Харибдой абсолютного экстенсивного несторианского нигилизма. Мне одинаково ненавистны и страшны оба эти предельные состояния, но тенденция к обоим есть: первая — от природы, вторая от отвращения к моей природе, к ветхому Адаму во мне, от отвращения, даже брезгливости к себе самому. И здесь пересекаются несторианство с монофизитизмом, вернее, и в этом отвращении к несторианскому нигилизму я остаюсь монофизитом, потому что отвращение и брезгливость к себе — монофизитский соблазн. Отсутствие же ненависти (а не брезгливости) к себе — несторианский соблазн: отчасти он есть в православном благодушии.

То, что я называл:

α, радикальностью, — может повлечь за собой уменьшение погрешности, чрезмерное преобладание порядка и единства за счет погрешности — тогда соблазн монофизитизма;

α, β, смелостью, — может повлечь за собою чрезмерное увеличение погрешности, разделение — тогда ε-соблазн несторианства.

Оба соблазна во всех формах — определенное противоположение, то есть два вида предельности; неопределенное отрицание каждого из них будет их противоречивым синтетическим тожеством — отсутствием соблазна.

Монофизитизм — пренебрежение второй заповедью — любви к ближнему, абстрактное преобладание первой. В моих вещах, я надеюсь, нет ни несторианства, ни монофизитизма, но всё же недостаточный интерес, иногда же абсолютное отсутствие интереса к телесному, к соборности, а также Спинозистский акосмизм, тенденция к которому проявилась в практическом основоположении (Кр[итерий] IF) от склонности к монофизитизму.

Может, всякий грех — разделение небесного и земного, тогда несторианство в двух видах: чистое разделение — собственно несторианство: εε и абстрактное исключение земного — монофизитизм: ει.

23 октября. Сегодняшний день с самого начала, как пришла Т., — как сон. И сейчас, когда проводил Т., и всё, что было, было и вспоминается, как сон — хороший, пока была Т., плохой — сейчас, ощущение какого-то тупика, в который я зашел. Тупик сама жизнь.

24 октября. Вчера Т. показала мне свою запись: страшно одиночество, но еще страшнее быть в одиночестве вдвоем (со мною). Записано в марте 1967 г., значит еще до неслучайной случайности. Это уже моя вина с виною перед Т. Началась эта вина с середины 1950-х годов, может, даже с начала, вполне же оформилась, кажется, с 1956 или 1958 года.

Я нахожу здесь некоторые не зависящие от меня причины, как будто бы извиняющие меня. Но только «как будто бы». На самом деле теа супра, теа магна супра. Т. оставлена и поручена мне, а я увлекался алефами и пр.

И еще: когда после 16.X.63 я почувствовал, что «нехорошо человеку быть одному без соответственного ему помощника», я искал соответственных помощников не там, где надо, поэтому и не находил. А мне дано было указание, кто может быть мне соответственным помощником, — когда я был у Т. после кладбища. Я же пренебрег этим указанием. Глупо говорить или думать, что было бы, если бы... Это не смиренномудрие. Случайность неслучайна, а виноват я.

5 ноября. Уже не раз я повторял себе слова апостола Павла: «праведный жив верой» — или хотя бы своей слабостью: «когда я немощен, я силен». Я слаб, потому и бросился к Т. Если бы я бросился к кому-либо другому, моя слабость была бы отречением и предательством всего, что я писал почти 50 лет. Но я бросился к Т., потому что она реальность нас пяти, энтелехия нас всех, особенно же Ш., Л. и моя. Тогда моя слабость — моя сила?

Не принять решения жить — может, это и значит: жить не на земле, но еще и не на небе? Не иметь где приклонить голову? Но ведь в Пухолово я имел где приклонить голову?

После опустошенного взгляда я действительно дошел до такого состояния, что уже не мог писать вещь. Это не значит, что я вообще не думал и не писал, полгода после взгляда, даже больше — месяцев 7, 8, — я писал, я записывал в этих тетрадах, но я действительно не понимал, зачем делать вещь; то, что я думал, я записывал, мне это

нужно, если кому-нибудь будет интересно — когда-нибудь прочтет, но зачем делать вещь, отделять? Стекло корабля уже нет.

Так было вначале и после 16.X.63. Но затем несколько вещей сделал: «Взгляд», «Noli me tangere», «Три искушения», наконец, «Видение». И, сделав самую большую вещь — «Видение», потерял всякий интерес к деланию вещей, а через некоторое время стал иссякать и поток мыслей. Я понимал: что-то у меня неправильно, погрешность превысила допустимую норму. Тогда и случилась неслучайная случайность. Она именно случилась, помимо моей воли, тем более помимо Тамариной воли. Я даже не могу сказать точно, когда это было: первая запись в «Принадлежностях» — в начале декабря. Значит, случилось не позже ноября. Но в конце сентября я был у Т., а потом пошел к В. П.[Траугот]. Пока не выпил, мне было скучно. Когда же выпил и говорил, как магнитофон, подумал о Т. и уже не так, как до неслучайной случайности.

8 ноября. Глупо говорить и даже думать: что было бы, если бы не было то-то и то-то. Глупо говорить: то, что было, могло бы и не быть. Глупо говорить: то, что было, не могло не быть. Глупо утверждать и отрицать суждение: то, что было, могло бы и не быть. Утверждая это суждение, я в сущности отрицаю Провидение и Бога. Отрицая это суждение, я утверждаю фатализм, то есть делаю себя роботом, отрицаю, что я сотворен по образу и подобию Божьему. Не утверждая и не отрицая и тезиса и антитезиса, я признаю **контингентность** и Провидение.

Я снова думаю и пишу, началось это еще в конце пухоловской жизни. Глупо спрашивать: если бы не было неслучайной случайности, стал бы я снова думать и писать? 1. Ведь я потому и бросился к Т., что почувствовал бесконечное опустошение, космическое одиночество. 2. До 5.VI. я всё же еще что-то думал и писал, хотя всё меньше и меньше. К 1: я не бросился к Т., меня бросило к Т. К 2: я переставал писать, но вместо теряющейся мысли стала одна живая мысль — моя энтелехия.

10 ноября. Несторианство и монофизитизм в применении к человеку, также четыре стихии — всё это типология, то есть антропология. Но философская антропология имеет как бы два слоя: внешний и внутренний. Пример: пусть человек верит в Бога. Затем он говорит: я верю в Бога, вот моя вера, и он излагает свою веру. Вера — практическое состояние духа, излагая же свою веру, человек поневоле теоретизирует и систематизирует, то есть создает свою теологию. Когда я читаю его теологию, я отношусь к ней *sachlich*. Меня не

интересует автор, хороший ли он человек или плохой, искренний или не вполне искренний, меня интересуют его мысли — то, что он утверждает. Но изложение догматов веры еще не вера, теология не вера, а только изложение некоторой системы — догматов веры. Эти догматы веры я сравниваю со своей верой. Но и моя вера не тождественна догматам веры, даже если эти догматы веры я признаю истинными. Даже само это признание истинности догматов веры еще не вера. Вера — не признание чего-либо, не *Fürwahrhaltung*, а практическое экзистенциальное состояние духа. В самой вере, в самом акте живой веры уже нет и догматов, никаких догматов, никаких *Fürwahrhaltung*, никаких признаний чего-либо истинным, но Сам Бог. Потому что вера не от меня, не от мой воли или ума, скорее против моей воли и ума, неопределима. Глупо сказать, что я признаю, что сейчас утро и светит солнце. Я просто вижу: утро и светит солнце. Так же в акте живой веры: есть Бог; и всё.

Он есть — и это независимо и без моего признания. Но я маловер, в лучшем случае *justus peccator*: временем утешение, временем искушение. Если бы всё время было утешение, я бы и рта не открывал, всё время молчал — когда есть всё и больше, чем всё, — что еще надо? Но вот утешение проходит. Может, еще и не наступило искушение, но нет того, что было, нет уже полного утешения, и я начинаю думать. Я пытаюсь удержать то, что было. По существу, его уже нет, если бы оно было, я не пытался бы и удержать его: когда есть, полностью, абсолютно есть, незачем и удерживать. Так вот, я пытаюсь удержать его. Как?

Прежде всего в молитве. Но ведь и в живой молитве не я молюсь, Сам Дух неизреченными воздыханиями ходатайствует за меня. Тогда и есть утешение, полное утешение. Но я сам не знаю, о чем и как должно молиться. Утешение проходит, и уже я сам молюсь, тогда думаю. Я думаю: как удержать утешение? В чем утешение? Кто послал его? Почему я не удержал? Я уже не вижу, я помню, что видел, имел Бога, был в Боге, я чувствую, что мне необходимо, повелено зафиксировать то, что я имел. Как зафиксировать? Словом, моим словом зафиксировать Слово. Само Слово фиксирует Себя моим словом. Но всё же **моим** словом.

Утешение проходит, а я всё продолжаю фиксировать Слово моим словом, Само Слово продолжает фиксировать Себя моим словом. Но вот я замечаю вдруг: я фиксировал Слово моим словом. Но я чувствовал какую-то силу вне меня, она давит на меня. Часто мне даже не хотелось фиксировать — записывать, и всё же я писал, я не мог не писать. И часто, может, очень часто то, что я писал, было неожиданным для меня, я писал совсем не то, что хотел писать. Внешняя сила, Само Слово принуждало меня. И вдруг я замечаю: я всё знаю, у меня готовы ответы на все вопросы, я могу писать обо всём. Как только появляется такое состояние, всё делается как-то плоско, скучно и тоскливо. Ничего

нет, действительно ничего нет, я знаю ответы на все вопросы, я могу писать обо всём, но это всё — ничто, ничего нет, я сам — точка, затерянная в бесконечной пустоте, в ничто. Начинается искушение. И когда оно достигает своего максимума, высшей точки полного отчаяния, безнадежности, опустошенности, полного сокрушения духа, когда мне уже ничего не остается, ничего, кроме как завопить от страха: Эли, Эли, лама савахфани, — Он возвращается ко мне.

Теперь перехожу к теме. Пусть не я фиксировал — писал, Само Слово фиксировало Себя моим словом. Но всё же моим. Мои слова, сказанные, записанные, фиксированные, двойственны. Не я фиксировал, Само Слово фиксировало Себя **моим** словом. Тогда зафиксированное — истина. Но Слово фиксировало Себя моим словом. Тогда зафиксированное — ложь; я сам — ложь, и все мои слова — ложь, искренняя ложь или лживая искренность. Всё зафиксированное моим словом — истина, абсолютная истина, так как не я зафиксировал, Само Слово зафиксировало моим словом, я же сам — ничего не знал, ничего не знаю. Но зафиксировано моим словом — тогда я всё знаю, у меня готовы ответы на все вопросы, но эти ответы — ложь, пустота, ничто, моя искренняя ложь, моя лживая искренность. Это противоречие не временное — вневременное, ноуменальное. Сразу же мое слово — истина, так как Само Слово зафиксировало Себя моим словом, и сразу же — ложь, так как зафиксировано **моим** словом. Небольшая погрешность: мое слово сразу же и истина, и ложь; и сразу же: не сразу истина и ложь, а во времени — временем утешение, временем искушение. Когда готовы ответы на все вопросы, когда могу писать обо всём и всё знаю — само это всё — ничто, и я теряю и себя, я сам теряюсь в абсолютной пустоте, в космическом одиночестве.

Так вот, вследствие противоречивой экзистенциальной двузначности моего фиксирующего слова разделяется вера и признание, то есть исповедание веры. Это приложимо не только к вере, но к любому моему признанию: я люблю Веберна; я говорю, что люблю Веберна. Или: я люблю человека X, я говорю, что люблю человека X. Вообще:

А. Я верю в...; я верю, что...; я люблю...; я ожидаю... и т. д.

Б. Я говорю: я верю в...; я говорю: я верю, что...; я говорю: я люблю...

А. Непосредственный факт, имманентный и в то же время трансцендентальный, во всяком случае транссубъективный: то, в кого или во что верю, или люблю, или ожидаю, входит в меня помимо моей воли с какой-то трансцендентной или транссубъективной необходимостью, так что я уже не могу не верить, не любить, не ожидать. Это не исключает того, что я могу и желать, и больше всего желать этой любви, веры, ожидания. И всё же я чувствую непреодолимость моей веры, любви, ожидания, иногда даже противодействую ей, противлюсь самой необходимости.

Б. — субъективное признание моей веры, любви, ожидания, желания и т. д. И вот здесь наступает ложь — искренняя ложь или лживая

искренность. Я имею здесь в виду преимущественно признание перед самим собою. Признание перед другими может быть и обыкновенной сознательной и намеренной ложью, я имею в виду именно субъективное признание перед собою, и здесь уже ложь бывает искренней и искренность лживой. Здесь тоже есть какое-то намерение, но ненамеренное, несознаваемое, во всяком случае почти несознаваемое. Человек лжет себе, чтобы успокоить себя самого, доставить удовольствие себе самому.

Теперь перехожу уже прямо к двум слоям антропологии и к метатеологии. Даже не зная человека, по одним его писаниям, я могу составить себе некоторое представление о нем самом, о чем бы он ни писал. Это будет уже антропологией, но ее внешним слоем. По книгам даже теолога я могу получить некоторое представление о его характере, желаниях, чувствах, стремлениях. Но это еще внешний слой его души. Я могу найти даже противоречия в его стремлениях, чувствах, желаниях, и всё это еще внешний слой его души. Но я могу пойти дальше или, скорее, глубже: заметив некоторый характер или оттенок его высказываний — например, что он подчеркивает и выделяет или чего не договаривает, иногда умалчивает, — иногда его стиль, примеры, которые приводит, аналогии, я могу вдруг почувствовать, почему одно он выделяет, а другого не договаривает и скрывает; еще яснее это бывает, когда он говорит, а я слушаю его. Тогда открывается более глубокий слой антропологии, его внутренний сердца человек. Если его высказывание имеет какое-либо, хотя бы самое отдаленное отношение к его вере, всё равно во что бы он ни верил, а во что-нибудь всякий человек верит, и если он сам или другой почувствует почти незаметный субъективный характер, оттенок или направленность его мысли, то этот субъективный характер, оттенок или направленность и есть его метатеология: абсолютная субъективность.

Абсолютная субъективность не просто исповедь или покаяние, хотя бы самое искреннее; потому что всякий человек есть ложь, а именно некоторый характер, стиль, оттенок. И очень часто не то, что человек говорит, а то, чего он не договаривает, то, что он одновременно и хочет сказать, и еще больше хочет скрыть.

То, что я писал о четырех стихиях нашего мира, это наша метатеология, попытка высказать наши абсолютные субъективности.

11 ноября. Примеры метатеологических суждений. Может быть, Бультман и лучше всех понял апостола Павла и признает его учение, но, читая его большую статью об апостоле Павле в RGG, я находил только субъективное признание веры, но не веру, находил веру в Бога, но не живую веру в Бога. Исаак Сирианин иногда ошибается, у него

есть места даже несовместимые с Евангелием, но в его книге я чувствую живую веру.

Гуссерль, может быть, самый большой из современных философов, но у него не хватает великого дерзновения во Христе, поэтому он остановился на анонимности жизни. Может, поэтому же у него нет и поэтичности, так же как и у Шестова

Л. сказал: если бы Чехов сам считал себя гениальным, он был бы гений. У него не хватило великого дерзновения, также и в религиозных вопросах. И всё же он понял христианство лучше, чем очень многие, может, большинство христианских теологов, может, потому, что ни у кого не было такого смиренномудрия, и оно заменило ему недостаток великого дерзновения. «Архиерей», «Дуэль» — дьякон: если вера без дел мертва, то дела без веры — пустое времяпровождение, — и многое другое.

Рационалистическая ограниченность Толстого, доходящая до глупости, его одноплановость, психологизм, имманентизм.

Соблазны метатеологии. Не судите, да не судимы будете. В метатеологии я сужу высказывания человека — в этом нет греха. Но я сужу их не объективно, а именно субъективно, меня интересует не только содержание высказываний человека, но от них я хочу перейти к сокровенному сердца человеку, то есть к самому высказывающему; за его субъективным признанием своей веры ищу его личную веру, тогда невольно сужу его: оправдываю или обвиняю, люблю или не люблю — уже не написанное им, а его самого. Но ведь я сужу его слова; но очень трудно удержаться на этом, то есть судить его слова, расхождение его слов о вере с его верой, не судя его самого, ведь здесь я проникаю в самого сокровенного сердца человека.

14 ноября. Я писал, что ощущаю в себе какую-то силу, не от меня, извне, которая подавляет не только окружающих меня, но и меня самого. Эта сила — Бог. Но только, когда Он дает осознать Себя. Тогда эта сила заставляет меня молиться, сама молится за меня, заставляет писать, даже если не хочу писать. Но часто я чувствую другую силу, которая тоже подавляет меня, но совсем в другом смысле: та сила, подавляя, освобождает меня, освобождает от меня самого, от самого во мне, эта же парализует: я не могу молиться, не могу писать, даже если знаю, что и как писать, даже если чувствую, что и как писать. Это бесовская абулия, бесовское безволие, мечтание и парение мыслей. Что же, эта сила сильнее первой, сильнее Бога? Когда Бог не дает осознать Себя, когда я не осознаю Его, тогда Его сила — *kairos, fatum*, то есть демонизм. Осознание Бога — в принятии на себя бесконечной ответственности и абсолютной свободы. Так как она бесконечна, то не по силам мне — я не могу ее принять. Так как она уже возложена на

меня, я не могу ее не принять. Как я уже много раз писал, это противоречивое состояние и есть мое состояние в грехе, в рабской свободе выбора, моя вина без вины. Освобождение от этого невыносимого, мучительного состояния не в увеличении свободы выбора, а именно в ее уменьшении до полного уничтожения. От свободы выбора к абсолютной свободе нет непрерывного перехода, но только скачок через полное уничтожение свободы выбора. Поэтому и в бесовской абулии та же сила: Бог, который не дает осознать себя, тогда в Его гневе, обратная сторона которого моя злая воля, — бессмысленный, лишенный Логоса, непонятный мне демонический *kairos*, *fatum*, убивающий во мне всякую возможность свободного выбора, чтобы Бог, как человек, то есть Богочеловек, взяв на себя мою вину — *culpa*, дал мне вину — *causa*, то есть абсолютную свободу.

Бесовское безволие — это совсем не отречение от себя, не невыбор, а именно выбор невыбора, тогда наиболее сильное формальное утверждение себя. Я сам не могу отречься от себя самого, если бы мог, переход к абсолютной свободе был бы непрерывным. Не давая осознать Себя, Бог отвергает меня, оставляет меня себе самому. Тогда материально, то есть по содержанию, я ничего не могу, формально, оставленный себе самому, могу выбрать только возможность, возможность и есть выбор. Отвержение меня Богом субъективно есть демонизм. Отвержение меня Богом объединяется, даже отождествляется с моей виной без вины — виной *culpa*, с моей злой волей, это и есть демонизм: анонимность Провидения. Поэтому я и говорю: о дьяволе много сказать: есть, но мало сказать: нет.

В бесовском безволии, мечтании и парении мыслей, когда есть еще желание противодействовать ему и абсолютная невозможность всякого противодействия, материально свобода выбора сокращается до нуля, формально же, то есть по идее, утверждается в одновременном и желании и невозможности противодействовать безволию. Само это отвращение к невозможности противодействовать безволию есть формальное утверждение моей воли. Противодействие безволию — материальное утверждение воли; простая невозможность противодействовать безволию будет тем же безволием. Но отвращение к реальной невозможности противодействия при полной, идеальной возможности противодействия и мучительное состояние невозможности противодействия безволию — тоска по воле, то есть своеволию, тогда утверждение воли, но только идеи, эйдоса воли — свободы выбора. Если я ничего не могу делать и мучаюсь, что ничего не могу делать, то здесь уже есть дилемма: я могу/не могу делать, значит, я нахожусь в сфере свободы выбора. Формально и идеально я выбираю тезис, ведь я мучительно хочу что-то сделать, сделать повеленное мне, материально же и реально выбираю антитезис. Я не просто следую повеленному мне, я нахожусь в состоянии выбора — выбора выбора или невыбора. Как сказал апостол Павел: хочу одного, делаю другое.

Мучение оттого, что я не могу выбрать то, что хочу, есть формальное утверждение этой дилеммы — дилеммы свободного выбора. Ведь я сам мучительно хочу того, что я сам же не могу реализовать. В материальной невозможности реализации моего свободного выбора при полной, идеальной возможности его реализации, может быть, сильнее всего он реализуется формально, как выбор невыбора. Может быть, выбор невыбора — *eidos* свободы выбора.

Но всё, что я сейчас записал, это именно от отвращения ко всякому свободному выбору — и выбора и невыбора, отвращение к демонизму, которого не могу преодолеть, так как выбираю невыбор.

20 ноября. Теоретически я, может, и понял это состояние бесовского безволия, как еще никогда не понимал, практически же я всё-таки слишком часто пребываю в нем. Может, для того и пребываю, чтобы лучше понять его. Тогда ощущаю себя экспериментальным кроликом в руках Бога. Это нехорошо, то есть нехорошо, что я ощущаю себя экспериментальным кроликом, значит, еще остаюсь акциденцией неизвестной мне ситуации.

22 ноября. Я прочел: «Имя, не обладающее признаком, который оно обозначает». Это то, о чем я писал в «Симфонии» — о мысли и ее тени, в «Свердловских трактатах» и других вещах. *Слово, не обозначающее то, что оно обозначает, — вот, может, главное, формально, эйдетически главное, что объединяет мои и Шурины вещи.* Ведь и Слово, то есть Бог, стало тем, что оно не есть, — человеком. Но и в том, что оно не есть, оно есть то, что оно есть, — Бог. Тогда: слово, не обозначая того, что оно обозначает, или обозначая то, что оно не обозначает, обозначает то, что оно обозначает; обозначая именно не то, что оно обозначает, оно обозначает то, что оно обозначает. Это обозначение того, что обозначает, через обозначение того, что не обозначает, — предмет лингвистики, логики, гносеологии, теологии и поэзии.

25 ноября. В «Разговорах» В. сказал: «Гортензией» я жил дольше, чем другими своими вещами. — Это и есть то, что я назвал стеклянным кораблем. Когда пишешь и еще некоторое время после того, как написал, живешь этой вещью, не просто в мыслях, записанных в ней, тем более что в моих вещах трудно, а иногда невозможно отделить мысль от того, как она записана, но живешь именно самой вещью. Это не тщеславие: с 1941 года до 1964 никто не читал моих вещей, об опубликовании их я и думать не мог. Это то, что сказал Пушкин: ты

царь, живи один. Я жил один своей вещью — пока писал ее и некоторое время после написания. Это был какой-то устой моей жизни — я назвал это стеклянным кораблем. Я был в стеклянном корабле — что-то вроде шапки-невидимки; самая большая сила: я всё знаю, всё вижу, всё могу, меня никто не видит, не знает. Это — сила творения: никто не знал, что я как бы сотворил новый мир, может, никто никогда и не узнает, мне это было безразлично, я всё видел, знал, я сотворил новый мир. Гордыня ли это? Может, самая идеальная — тогда самая большая. Блаженны нищие духом. Был ли я нищ духом в моем стеклянном корабле? Не знаю, ведь я всегда чувствовал: я не написал, а только записал, что мне дано было. Заканчивая вещь, я чувствовал: через меня прошло, опустошило, опустошило от всей заполнявшей меня грязи, теперь я пуст, пуст и чист, почти чист — так записал я, закончив «Квадрат миров».

Вторым моим устоем была лестница Иакова, и, когда не было первого, когда я не писал, оставался второй и за ним был Бог. Но и за первым был Бог, ведь я не писал, только записывал. Первый устой я потерял 12.1.62. Но еще до этого, с 1959 или 1960 года, творчество стало иссякать. 16.X.63 я потерял и второй устой. Тогда устоем стал Сам Бог — в радости страдания. С ноября или декабря 1963 года я снова стал писать. Но стеклянного корабля уже не было, даже «Видение» не было стеклянным кораблем. Я знал, что написано правильно и хорошо, может, лучшее из всего, что было написано в этом роде и на эту тему со времен Августина, я знал, что сотворил новый мир, но радости от этого не было, не было даже удовлетворения. Еще за год или два до того я записал: иногда, когда напишу хорошо, на мгновение появится радость или удовлетворение, но нет радости от радости, удовлетворения от удовлетворения, поэтому нет и радости и удовлетворения, нет стеклянного корабля.

Кажется, в июне я написал: радость творчества — пошлая выдумка романтиков, есть только муки творчества. Вообще это, кажется, неверно, стеклянный корабль всё же некоторая радость, вернее, некоторое полное удовлетворение. Но с 16.X.63 у меня его не было: не потому, что написанное было несовершенным — «Взгляд», «Noli me tangere», «Три искушения», «Видение» совершенны, — но не было удовлетворения от удовлетворения, не было стеклянного корабля. И еще: само писание было не радостью, а страданием — радостью страдания. И всё же это не радость творчества, и могло быть и бывало и без творчества. В радости страдания был Бог, я ощущал Бога.

Может быть, отсутствие стеклянного корабля и есть то, что сказал апостол Павел: Господом моим, Иисусом Христом, мир распят для меня и я для мира?

Теперь, что сейчас? Первый устой по-прежнему отсутствует. Я начал писать — но только в этой тетради, «Исповедь» приостановилась, а может, и прекратилась. Но если и закончу, стеклянного корабля всё

равно уже нет и не будет. Жало в плоть. Оно есть, хотя и в другой форме. Но, может, и в той же, хотя и в другой. Мир для меня распят по-прежнему. В субботу была Г., потом мы пошли к Л. И.[Черных]. Возвращаясь домой, в автобусе, вспомнил слова Т.: мне не хорошо и не плохо — мне никак. Мне хорошо, когда Т. со мною. Хорошо ли это?

То есть хорошо ли, что мне хорошо, когда я с Т., и только когда я с Т.? Я всё время чувствую свою вину, поэтому и спрашиваю — хорошо ли, — не только свою вину перед Т. или перед кем-либо, свою вину без вины, вину перед Богом. Раз я сказал Т.: свою жизнь я не прожил, а продумал. Хорошо прожить и продумать, но я преимущественно думал, а не жил. Но радость страдания, молитва — это не жизнь ли? Да, но я больше думал, чем молился. Всегда ли? Но большой мир меня всё же пугал, я не выходил в большой мир, только с неслучайной случайности я стал пытаться войти в большой мир.

В Пухолово я жил, а не думал. Конечно, были и мысли, но всё же я жил, может, впервые в жизни. Впервые в жизни я прикоснулся к счастью, то есть к счастливой жизни. Я имею в виду счастье в большом мире, а не в малом — мире детской жизни, в котором я продолжал жить и став взрослым. Там было и счастье. Я имею в виду мою лестницу Иакова. И в этом мире я выходил иногда за пределы не только малого, но и большого мира в сверхбольшой, но миную большой мир, большой мир был для меня закрыт. В Пухолово он открылся. Но дверь в жизнь стала для меня стеной, защищавшей меня от жизни. Не субъективно, психологически или намеренно, а ноуменально. Значит, и это еще не жизнь, а только преддверие жизни. И всё же и это преддверие было прикосновением к счастью. Страх большого мира — то, что я писал еще 30 лет тому назад; я не принял решения жить, может, так и всю жизнь проживу, не приняв решения жить. Это решение — неосознанное, рациональное, даже не решение, а некоторый интуитивный акт. Что мне надо? Не знаю. Чего хочу? Продолжения пухоловской жизни. Хорошо ли, что реально, конкретно хочу **только** этого? Не знаю. Но всё равно не могу сделать и этого, я ощущаю свою полную беспомощность. Хорошо ли это? Не знаю, хорошо было бы, если бы я жил только одним: да будет воля Твоя. Плохо ли, что я **слишком** много думаю о Т.? Но откуда я знаю, что это слишком много? Не прорываю ли я этим границы, поставленные моим грехом, свою Selbstheit? Не впервые ли в жизни другой человек, не моя лестница Иакова, а человек из большого мира стал для меня ты? Не есть ли это атом соборности? Не исполняется ли то, что я безуспешно пытался исполнить с 1964 г.: где двое или трое собраны во имя Мое, там буду и Я.

Что понял я за этот год? Что есть и другие люди, кроме меня. Что не только я знаю то, чего они не знают, но и они знают то, чего я не знаю. Что не только мне говорит Бог, руководит мною, но и им говорит Бог, руководит ими. Я всегда знал: где двое или трое собраны во имя Мое, там буду и Я. Но знал абстрактно; конкретно знал только для меня и

моей лестницы Иакова. Теперь знаю и для большого мира. Но только для моей двери в жизнь. Что же мне делать? Не знаю, я беспомощен; да будет воля Твоя.

26 ноября. Говорить надо не тогда, когда можешь говорить, а когда не можешь не говорить. Может, так вообще в практической жизни: делай то, чего не можешь не делать, а не то, что только можешь делать. В первом случае нет никакой дилеммы, значит и свободы выбора, это определяется словами: предопределение, Провидение, «да будет воля Твоя», «не я живу, Христос живет во мне», абсолютная свобода. Во втором случае всегда, хотя бы в подавляемой, почти неосознаваемой форме, появится свобода выбора, у фарисея в Selbstgefälligkeit, у изувера — в детерминистском фаталистическом понимании Провидения, у убежденного приверженца к злу — в своеволии и его предубежденности против добра. В первом случае не возникает и мысли о личной заслуге, во втором — возникает. Если возникает, значит уже был выбор, поэтому и заслуга выбора. Если нет выбора, нет и заслуги, только Alleinwirksamkeit Gottes, предопределение. В неслучайной случайности не было ни выбора, ни заслуги, наоборот, я долго не мог даже понять, что происходит. Когда же понял — увидел: дар Бога мне, выбора у меня не было: я не мог не принять его. Когда же принял, то увидел, что желал его еще до того, как понял, что желаю. И вспомнил, что пожелал еще в 1922 г., и многое другое. Всё это было как бы предопределено. Не как бы, а просто предопределено.

28 ноября. Система или псевдосистема складывается из мыслей или псевдомыслей. И те и другие разлагаются на атомы мыслей, они очень кратки — всего 2, 3 слова; есть Бог; нет Бога; человек виноват; человек не виноват и др. Таких атомов мысли, очевидно, конечное число, и, я думаю, не так много, может, множество их измеряется всего трехзначным числом. Атом мысли сам по себе — не умный и не глупый, не истинный и не ложный, он становится умным или глупым, истинным или ложным только, во-первых, в соединении нескольких атомов мысли в мысль и, во-вторых, в присоединении к реальному экзистенциальному состоянию. Сказать просто: есть Бог — само по себе еще ничего не обозначает. Но если я знаю, что за признание: да, есть Бог — меня выгонят с работы и посадят в тюрьму, и всё же утверждаю: да, есть Бог, — этот атом мысли уже стал истинной мыслью. Но то же самое суждение: есть Бог — может быть ложным, если его высказывает лицемер или фарисей, потому что и под словом «Бог» и под словом «есть» он понимает не то, что эти слова обозначают. Так же и в соединении двух атомов мысли, например: так как в жизни всё благополучно, то есть Бог. Здесь ложен первый атом и ложен сам вывод: «так как... то», поэтому в самом умозаключении ложен и второй атом: есть Бог. Сами по себе очень часто правильные высказывания друзей Иова ложны в данной экзистенциальной ситуации, а многие высказывания Иова, ложные сами по себе, истинны в его ситуации. Истина, сама по себе безусловно абсолютная, в определенной системе атомов мысли, в определенной ситуации занимает не постоянное, а переменное место: истина, как нумерация, прогуливалась между нами (Введенский); мысль и тень мысли; слово, не обозначающее то, что оно обозначает.

Атомы мыслей порядка: «так как», «так как... то», «потому что», «для того, чтобы», «следует», «или-или», нормы, оценки, кванторы, «сейчас», «здесь», «это», «то», «вот»...

Словарь атомов мыслей.

1 декабря. Вчера были О[рловы]. И снова, когда они ушли, я подумал: мне не было ни хорошо, ни плохо, было — никак. Только встречи с Т. — события, в этих встречах и после них я ощущаю прикосновение к реальной жизни, остальное на ее поверхности, в остальном Господом моим Иисусом Христом мир для меня распят, и я для мира.

Это прикосновение к жизни — ноуменальное наполнение, каким бы оттенком ни было окрашено, радостью или страданием.

3 декабря. После 6 часов звонил Игорь [Блажков], случилось несчастье. Письмо к Тамаре.

6 декабря. Когда Галя [Мокреева] пришла ко мне после обращения, я почувствовал, что то, что она получила, через нее переходит на меня. Это — Бог. И так было еще некоторое время — встречи с ней. Но потом появились бесы. Почему они победили? Почему то не удержалось? Было ли то — Бог? И это тоже мучает меня сейчас: что было — Бог или самовнушение? И что было у меня, когда я чувствовал Бога? Но могу ли я с уверенностью сказать, что бесы победили? Во всяком случае вина на мне, тогда вина и за то, что не удержалось.

Провидение в жизни подтверждается только абсолютно субъективно. Если я увидел — для меня абсолютно достоверно; если рассказал другому — для него только вероятно, если вероятность приближается к единице, то почти достоверно, и всё же только почти. Обращение Гали было для меня почти достоверным, но то, что мне в разговорах с ней легко было упоминать имя Божие, хотя обычно я стесняюсь этого, — абсолютно достоверно. Ночью перед сном мелькнула подлая мысль: что же, и это самовнушение — ведь она повесилась, бесы запутали ее? Екклезиаст сказал: Бог делает так, чтобы ничего нельзя было понять за Ним — то есть Его намерений. Я записал по памяти, неточно, понимаю так: только когда Он Сам непосредственно открывается мне в том, что имеет ко мне отношение, это откровение и понимание абсолютно достоверно. У каждого человека своя мировая линия. Некоторые мировые линии пересекаются. Когда в этом пересечении другой **он** или **она** становится для меня **ты**, наступает ноуменальная встреча. Когда ноуменальная интенсивность этих встреч, хотя бы одной встречи, достигает некоторого максимума, ноуменальная встреча переходит в ноуменальные отношения: две мировые линии переплетаются — так у меня с Т. Но с Галей этого не было: в случайных встречах она становилась для меня **ты**, потом я забывал о ней — и чем дальше, тем чаще забывал. В этом моя вина. Не Т. мне мешала, я сам себе мешал. Не потому, что я думал о Т., я забывал о Гале, а потому, что я думал о себе, берег свой покой.

Телеология моей мировой линии может стать абсолютно достоверной. И также в случае ноуменального отношения с другим **ты**, с его мировой линией. — Это то, что сказала мне Т.: ты создаешь миф из моей жизни. Миф и есть ноуменальное понимание. В случае же только ноуменальных встреч, не достигших некоторого максимума, телеология мировой линии другого человека только в некоторых отрезках почти достоверна, в других — непонятна — это значит: я виноват, что побоялся относиться к Гале как к **ты**, это моя вина, не вина без вины, а с виною, она осталась для меня только **она**, хотя в

некоторых встречах была и хотела быть **ты**. И здесь мне нет оправдания: Т. осталась бы моим первым ты, как бы часто я ни встречался с Галей. Я не могу сослаться даже на недостаток времени: пустого времени, когда мне **никак**, столько, что не знаю, куда девать его. Но именно поэтому я не хочу встречаться ни с кем, кроме Т., — тогда оно не пустое. И это моя вина: если бы у меня не было пустого времени, я находил бы время встречаться с Г.

10 декабря. Осирис и Исида. Как Осириса, Тифон меня пожирает. Исида — мать земли, скорбная богиня, собирает части тела Осириса, соединяет, оживляет и возрождает Осириса.

11 декабря. Сейчас прочел у себя:

†5. 1966.13.XII — значит, вскоре после опустошенного взгляда:

«По-видимому должен быть какой-то *фактический, контингентный стержень, соединяющий эту жизнь с той, удерживающий меня еще в этой жизни*, раз Бог желает, чтобы я был еще здесь. Если нет такого контингентного стержня, лестницы Иакова, то не абстрагируется ли и будущая вечная жизнь? Кажется, это и открыл мне страшный, невидящий, пустой взгляд...»

20 декабря. «Может ли быть так, чтобы вообще не было никакой связи с этой жизнью? Но если искушение остается и до самой смерти и самый большой соблазн думать, что уже нет никаких соблазнов, то не может быть».

1967.10.II. «В чем сейчас моя ложь? Я не могу открыть ее. Может, слабость фактичности?

Чем больше сознание вины греха, тем больше праведности. А у меня сейчас наоборот: чем больше праведности, тем больше греха. Я нарочно записал в такой фарисейской форме; я „не почитаю себя достигшим, а только стремлюсь...“, но, чем больше стремлюсь, тем больше у меня греха. Может, потому, что нет лестницы Иакова — фактического стержня и основания моей жизни.

Определенный факт при определенном фактическом основании — не грех, при отсутствии этого фактического основания — грех.

Фактическое основание — *ноуменальная нужда во мне*».

Последняя запись — за месяц до приезда Гали, незадолго до записи Т. — о том, что страшно одиночество вдвоем (со мною). Не об этом ли думал и я, когда писал о слабости фактичности, об отсутствии

фактического контингентного стержня жизни? Во всяком случае искал его. Неслучайность случайности.

†.1967.25.V. «...Я стою как перед чудом. Но сколько времени можно *стоять перед* чудом?» Это записано не по поводу Т. Но через несколько месяцев действительно случилось чудо — неслучайная случайность. А через год Бог ввел меня в трансцендентную ситуацию.

7. VI. «Система не должна быть повсюду плотной, то есть вполне рационализированной и последовательной. Это относится и к жизни: должны быть промежутки и щели. Тогда приходит Бог и заполняет их». Уже полтора года — непоследовательности, промежутки и щели и Бог приходит и заполняет их.

16 декабря. 3 декабря снова выбило меня из некоторого равновесия, в котором, мне казалось, я устанавливаю, погрешность снова превысила допустимую норму, Тифон пожирает меня, а Исида больна.

17 декабря. Во-первых, Т. — энтелехия всех нас пяти, преимущественно же Ш., Л. и моя, то, что сказала Т. в июне, — общая суть, ноуменальная суть. Я почувствовал это в декабре 1963 г., когда бывал у Т. после кладбища, но не зафиксировал, то есть не осмелился подумать, поэтому забыл. В апреле 1967, когда была Г. [Викторова], почувствовал тогда же и то же, что сказала Т. в июне: Т. и я — мы вместе члены одного и того же ордена, понимающие друг друга с полуслова, даже взгляда. Но может ли быть ноуменальное отношение без исключительно личного, не станет ли равное отношение ко всем, даже равная любовь ко всем — безразличием ко всем? Тогда во-вторых, Т. стала для меня, как дьякониса Фива для апостола Павла, как Екатерина для Сузо. Не стала, а всегда была, и я понял это снова. Но кем была дьякониса Фива для апостола Павла, мы знаем только из человеческого предания, о Екатерине же я писал в «Взгляде»: не была ли она наиболее хитрым соблазном для Сузо? Но ведь я не апостол Павел и даже не Сузо — я не мог вместить, и был один соблазн, а стал другой — так я думал в начале неслучайной случайности. А затем уже не знал, что думать, ничего не думал. Я знал, что Т. снова, окончательно и прочно вошла в меня. Когда, потеряв лестницу Иакова, с 1964 г. я стремился к соборности, я искал ее не там, где мне завещано и повелено искать, и не нашел. Невидящий взгляд научил меня ничего не ожидать и ничего не желать. Но с неслучайной случайности я снова стал и желать, и ожидать.

В-третьих. И здесь я виноват перед Т., нарушив серый покой и дав черное беспокойство. Мой монофизитизм не оправдание, потому что и

вина без вины — моя вина, наибольшая. Вина двойная: зачем снова пожелал и ожидал? Ведь ноуменальные отношения... Я неверно сказал: ...не я их начал, не я снова бросился к Т. — меня бросило к Т., Бог бросил меня к Т., а виноват я... И еще: за то, что ко всем, кроме Т., омертвел, и прежде всего моя вина за 3 декабря.

Я повторял за апостолом Павлом: Господом моим Иисусом Христом мир распят для меня, и я для мира. И всё же желал и ожидал. Чего — только ли соборности? Но я искал не там, где надо, и были соблазны. Тогда мне был послан невидящий, пустой взгляд. Я перестал ожидать и желать. Но потом снова пожелал и стал ожидать. Я имею в виду ожидание, о котором уже писал: оно противопоставляется надежде (апостол Павел). Вероятность ожидаемого больше нуля и меньше единицы, вероятность надежды имеет только два значения: 0 и 1. Ожидаемое — человеческая суэта, надежда — Божественное безумие. Опустошенный, невидящий взгляд освободил от первого. Но тень его осталась — моя вина перед Т. Я стал искупать ее. Но снова в грехе. И снова ожидание и желание. Я ушел от одного греха и попал в другой грех. И даже не знаю, что мой грех: пртр или монофизитизм.

18 декабря. Т. несколько раз повторяла: но ведь то, что я сказала о «Наташе и Куприянове», все мои записи — чисто личное, что там может быть интересного для других, не только для тебя, но для других? Не только в искусстве или философии, может, и в науке если что и интересно, то потому, что в основе лежит личное. Кант был педантом и писал педантически школьным языком, но все три «Критики» поэтичны, даже в «Критике чистого разума» чувствуется, что все мысли, сказанные там, не продуманы, а именно пережиты, мучительно пережиты. Его философия именно субъективна, абсолютно субъективна, а потому и абсолютна. Объективность же — абстракция, пустые слова. Книга К. Барта именно объективна, поэтому не абсолютна, просто ничто.

В личных записках Т. — абсолютная субъективность, личное, которое не только личное, а абсолютное — свидетельские показания? И как сказал Ш. по другому поводу: если она этого не знает — тем лучше.

Вчера я был у Т. Две недели фактически я не видел Т. — в прошлый раз почти не был с ней один. И дошел до какого-то полного опустошения. Как Антей, прикасаясь, получаю вновь силу.

19 декабря. Жизнь я продумал, а мысли пережил. Весной 1911 г. появилась мысль, сознание себя, а за ним еще очень смутно сознание Бога. Затем 1920 г. — после доклада у Лосского, затем конец 20-х —

«Щель и грань» и Евангелие — разделение мысли и жизни, дивергенция. С 17.VIII.34 — смерть, банкротство, лестница Иакова — начинается конвергенция мысли и жизни. И всё же до 12.I.62 преобладала Existenzlehre. Затем промежуток до 16.X.63, после чего — жало в плоть, поиски соборности, то есть ноуменального **ты**, поэтому то, что писал, уже не Existenzlehre, а Existenzmitteilung. И снова банкротство, зафиксированное в «Видении». Банкротство — главная религиозная категория — «Так говорит Всевышний, Святой: Я наверху в святилище, близ сокрушенного сердцем, смиренного духом, чтобы поднять дух смиренного». Затем неслучайная случайность, предвестники ее — встречи в марте — апреле 1967 г. Так я нашел свое ноуменальное **ты**. Не я нашел — нашлось, Бог дал мне его увидеть, просто Бог дал мне его — ее.

Конвергенция мысли и жизни и усиление Existenzmitteilung проявились в жизни — бесконечным интересом к Т., в мысли — интересом к антропологии и метатеологии, причем не абстрактно и не только теоретически, а экзистенциально: мое место в трансцендентной ситуации, в которую меня ввел Бог, место и смысл нас пяти, энтелехия которых — Т. И это снова ответ Т.: ее записи метатеологичны, для нее они — ее жизнь, для другого станут пониманием его жизни.

Раз я сказал Л.: свидетельские показания, я имел в виду свидетельские показания общественной жизни. Сейчас меня интересуют свидетельские показания личной жизни — экзистенциальная практическая антропология и метатеология.

22 декабря. В «Взгляде» всё же, кажется, есть и ошибка. Труднее всего познать себя самого. Может, я хочу только оправдать себя самого? Ведь я мог бы найти в Т. свое **ты** и без пртр. Но что значит «мог бы»? Если не смог, значит и не мог. Ведь вместить и до этого я всё же не мог. В «Взгляде» я правильно указал на соблазны в двух экстремальных случаях, на само противоречие любви в отношениях учитель — ученик, мужчина — женщина, но всё же я там осудил Сузо в его отношениях к Екатерине, но главная ошибка не эта: я всё же не понимал или не до конца понимал отношения любви, которая не может быть без некоторого соблазна — в «Видении» я понял это. В «Взгляде» я заметил соблазн, но не видел ноуменальности отношения, в котором соблазн по необходимости неизбежен. Вместе с грязной водой я вылил и ребенка.

Что это — то, что я сейчас записал, — моя слабость? Да, но моя слабость — моя сила: «когда я немощен, я силен».

23 декабря. С 16.X.63 я всё время спорю с Богом: как совместить мою любовь к Нему с любовью к сотворенному Им: раньше — к моей лестнице Иакова, когда она стала моим жалом в плоть, теперь — к моей двери в жизнь. Но ведь пока лестница Иакова не стала жалом в плоть, споров не было, наоборот, было полное единство, даже тожество, например ночью у Екатерины Ивановны на даче. Почему же сейчас я оправдываюсь и спорю? Потому что то, что я писал с 16.X.63, на первый взгляд трудно совместить с тем, что началось с неслучайной случайности. Я почти ушел из жизни, а сейчас вернулся. Но действительно ли ушел, не было ли соблазнов? И действительно ли вернулся? Не ушел, и соблазны были. И вернулся только к Т., остальная же жизнь еще больше Господом моим Иисусом Христом распята для меня, и я для нее.

25 декабря. Вчера я звонил к И. [Блажкову], его не было, подошла О. К.[Блажкова], говорила целый час, после чего вторую ночь плохо сплю. Я сказал Т.: как Антей, прикасаясь к земле, получал силу, так я прикасаюсь к тебе. Сегодня ночью думал: я не только Антей, я Атлант, поддерживающий плечами землю. На моих плечах сейчас и Ш., и Л., и Д. И., и Н. М., и Т., на моих и на плечах Т. Это не значит, что я или Т. только историографы или издатели их вещей. Когда я писал «Видение», я не думал о них, но, и не думая, — думал и совершил общее положенное нам дело. И также Т. в своих записках. Когда в августе 1958 г. я закончил первую часть ТФТ, я подумал: исполнил долг, завещанный от Бога мне, грешному. Прошло 10 лет, но он еще не исполнен. И как бы ни было записано то, что я пишу в этой тетради, всё это — продолжение того же самого долга, и неслучайная случайность — тоже. Я подхожу к каким-то истокам, где человек соприкасается с Богом, соприкасается в самом сокровенном. Самое главное — Бог. Но если Он не станет для меня, лично для меня, самым главным во всём и в самом личном и интимном вплоть до моей вины без вины, до моего греха и греха монофизитизма, то это еще не Бог, а абстрактная идея. До неслучайной случайности еще оставалось что-то, хотя бы соблазны, где не было Бога. Сейчас Он и в соблазнах, тогда они уже не соблазны, и во всём — всё во всём. Он давал мне осознать Себя в каких-то редких состояниях. Сейчас их нет, но есть другие. Но и в Его отсутствие Он есть, и Он всё время дает мне осознать Себя, хотя бы в моих спорах с Ним, уже не абстрактно, а экзистенциально в моем грехе, в моей вине без вины, в неслучайной случайности, в том, что мне открыла и открывает Т., в преддверии к жизни. И сейчас я уже действительно стою **перед принадлежностями чего-либо**, не абстрактно, не мысленно, а экзистенциально. Жизнь и мысль о жизни сомкнулись, почти отождествились.

28 декабря. Вчера был Ал[ександров], я показал ему Тамирину «Бухту Баракху», ему очень понравилось, он сказал: здесь виден отсвет, отражение Введенского. Кто на ком отражался? Надо различать: личное отношение Ш. к Т. и его вещи. В его вещах 1926–1928 гг. отношение к теплу и нежности, вообще к чувству совсем другое — ироническое отражение и отстранение. Только после 1930 или 1931 года появляются первые намеки на чувство, на тяготение к чувству: «Очевидец и крыса», «Четыре описания», «Ковер Гортензия». В «Куприянове и Наташе», написанном до 1933 г., прощание не только с Т., но и с бытом и с чувством; может, и в жизни. И только в «Разговорах», «Ёлке», «Элегии», «Потец» местами уже ясное тяготение или, скорее, тоска по чувству: «в пустом смущении чувства прячем».

К метатеологии Введенского: его отношение к Т. и его стихи. Это могла бы разъяснить только Т. В 1920 г.: «я верю в одну звезду», после 1931: «я верил в одну звезду». Может быть, до 1931 у Введенского тоже было расхождение между жизнью и мыслью о жизни, после 1931 начинается конвергенция, в чем она выражалась, тоже могла бы сказать только Т., Галя [Викторова] — вряд ли.

29 декабря. Когда я занимался структурным анализом — Бах, Веберн, Введенский — он никогда не был для меня самоцелью. Когда я показывал Браудо анализ первой инвенции [Баха], он прервал меня именно там, где надо было (Conf[utatio] — a-moll), и сказал: здесь у Баха Бог. Именно это и было целью моего формального структурного анализа: найти основную интуицию музыки Баха, объясняющую и формальное строение вещи. Порядок анализа: основная идея или интуиция Баха → структурный анализ → новое, ясное понимание музыки. Основная идея у Баха — религиозная: S. D. G. Но тот, кто ее не знает, может смутно чувствовать ее, но поймет и ясно почувствует только через структурный анализ. Поэтому практически начало анализа — структурный анализ. И так же с Введенским: структурный анализ необходим для того, чтобы понять, как основная интуиция — время, смерть, Бог (с его же собственных слов) реализовалась в его вещах, тогда и вещи его станут не только понятнее, но их лучше и глубже почувствуют. Структурный анализ — формальный и дает только формальное понимание, но необходим для ноуменального понимания. Только личные встречи с автором, общие цели могут иногда заменить формальный анализ. Но сейчас меня интересует другое — то, что я назвал метатеологией, это уже самая глубина личности — сокровенный сердца человек. Здесь и происходит встреча человека с Богом. Это абсолютная субъективность — то, что я записал вчера: дивергенция

чувства (жизни) и творчества до 1931 г. и конвергенция — после 1931. Так я предполагаю и у Шуры, доказать это может только Т.

29 декабря. Искренняя ложь или лживая искренность: человек говорит или думает одно, а за этой сознаваемой мыслью скрывается другое — несознаваемая мысль, просто желание оправдать себя перед собою, тогда просто забывается то, что было раньше, что думал, говорил или делал. Можно ли увидеть искреннюю ложь на себе самом? Мне кажется, нет. Но можно сократить в себе искреннюю лживость до некоторого минимума, если поймешь до конца, что во мне самом заключены все грехи и пороки, хотя бы потенциально, поэтому не можешь судить другого: не судите, да не судимы будете. Шура никого не судил, поэтому его искренняя лживость была доведена до минимума.

И. [Блажков] после моего разговора с О. К. [Блажковой] не звонит мне уже неделю. Ситуация: Г. [Мокреева], И., О. К. [Блажкова]. Может, из них троих меньше всего искренней лжи и лживой искренности было у Г., тем больше моя вина, уже не без вины, а с виной.

1969

3 января. То, что я вчера записал, ясно в некоторых случаях наиболее сильного желания, например сейчас. Вчера Т. сказала, что сегодня не придет. Прав я или не прав, но я связал это с тем неприятным, что Т. сказала мне в понедельник, что я понял как желание вернуться к серому покою, к нудности вместо трудности, зачеркнуть всё, что было с 5.VI и даже раньше. И вот если бы Т. сейчас позвонила и сказала, что придет сейчас, я был бы, конечно, очень рад, и в то же время я заметил, как мелькнул страх: страх осуществления желания, страх действия, страх перед жизнью, потому что Т. — дверь в жизнь сейчас; да и всегда, единственная дверь в жизнь. Поэтому мелькнувший страх был именно страхом жизни, страхом осуществления того, что я больше всего хочу сейчас. Конечно, можно назвать меня неврастеником или невротиком, но еще Достоевский сказал: если привидения являются только ненормальным людям, то из этого не следует, что их нет, а только то, что они являются только тем, кого мы называем ненормальными. И также погрешность жизни, небольшую погрешность в некотором равновесии, видит только тот, кто сам и есть эта погрешность, тот, в ком она реализуется в достаточной мере, больше, чем в других людях.

Пусть будет некоторая ситуация X_1 , в период времени t_1 . В течение этого времени ситуация X_1 перешла в ситуацию X_2 . Ситуация X_2 продолжалась некоторое время — t_2 . Затем ситуация X_2 по внутренним законам своего развития должна была перейти в ситуацию X_3 , но не перешла. Наступил новый отрезок времени — t_3 . Ситуация X_2 стала ситуацией X'_2 , но всё же не перешла в ситуацию X_3 . Я всё же оставался акциденцией трансцендентной ситуации X'_2 ... смог... перевести ее в ситуацию X_3 . Я не субъективно, а ноуменально побоялся перевести ситуацию X_2 в ситуацию X_3 , остановился на полпути. Это моя вина без вины, тем большая, что без вины. Наступил конфликт между ситуацией X'_2 и временем t_3 , требовавшим перехода ситуации X_2 в ситуацию X_3 ... Наступил новый период времени: t_4 . Предположим, я... переведу ее в ситуацию X_3 . Но время сейчас другое — t_4 , разрыв между ситуацией X_3 и временем t_4 всё равно останется: то, что не совершено в свое время, уже не может быть совершено в другое время — я опоздал. И всё же я верю, что невозможное для человека возможно для Бога и невозможное совершится.

5 января. Между абсурдом и неразрешимым противоречием, может быть, нет никакой разницы. Круглый квадрат — абсурд. Этот абсурд можно выразить и в виде антиномии:

А. Квадрат — фигура, образованная четырьмя равными отрезками прямой, пересекающимися под прямыми углами.

Б. Квадрат — фигура, образованная замкнутой кривой, все точки которой равно удалены от одной точки — центра.

Абсурд не Б, а одновременное признание и А и Б. Чисто семантически понятие Богочеловека такой же абсурд. В языческих теофаниях противоречия преимущественно разрешаемые или эмпирические несообразности, так как понятие Бога недостаточно радикализировано. Если же:

А. Бог	Б. Человек
1. Чистый дух.	1. Телесно-душевно-духовное существо, то есть не чистый дух.
2. Не сотворен.	2. Сотворен.
3. Бесконечен и вечен.	3. Конечен и, во всяком случае в этой жизни, — временный,

то А и Б также несовместны, как круглое и квадрат. Потому что в христианской теофании Бог, и став человеком, остается Богом. Это такой же абсурд, как круглый квадрат, как равенство $2=1$. Такой же абсурд Троица: $3=1$ (символ Афанасия). Семантически — это абсурды, то есть бессмыслицы; реально, то есть религиозно, — истины, истинные реальности.

Ситуационная бессмыслица, по всей вероятности, сведется тоже на семантическую, потому что бессмыслица, как и смысл, понятие семантическое.

Антиномия

А. Я не могу принять бесконечную ответственность.

Б. Я не могу не принять бесконечную ответственность — тоже семантически — абсурд. Но толкование этого абсурда как моего состояния в рабской свободе выбора и вины без вины — осмысленная бессмыслица. И всё же не вполне осмысленная — понятие рабской свободы, то есть несвободной свободы, тоже бессмыслица. Но я реально ощущаю эту бессмыслицу как мое состояние в грехе, тяжесть и боль бытия, проклятие.

«На обоях человек, а **на блюдечке четверг**» категориальная бессмыслица? Неправильное соединение пространственной (блюдечко) и временной категории. Но и здесь возможна семантическая редукция:

{	А. На блюдечке могут лежать только материальные предметы.
Б. На блюдечке лежит нематериальный предмет (день недели).	}
	Введенский о критике разума более радикальной, чем Кантова.
Классификация бессмыслицы у Введенского — три тетради.
Можно и так:	
{	А. Место четверга, как дня недели, только во времени.
Б. Место четверга на блюде, то есть в пространстве.	}

Абсурд, или бессмыслица, всегда понятие семантическое, то есть отношение слова или знака к обозначаемому. Но Слово стало плотью. Тогда бессмысленное слово, то есть бессмыслица, стало пониманием моего существования, так как вочеловечение Слова алогично. И это тоже нельзя понимать иносказательно: если крест — соблазн для воли, безумие для разума и Божественное безумие посрамило человеческую мудрость, то только семантическая бессмыслица высказывает экзистенциальную и онтологическую реальность (косвенная речь, Кьеркегор). И здесь остается только один соблазн, а не как обычно два, потому что те, кто ищет смысл в смысле, в осмыслении бессмыслицы (Гуссерль, Wesensschau) не впадут в этот соблазн: осмысля фактическую бессмысленность, уничтожают ее, возвращаются к человеческой мудрости. Поэтому остается только соблазн имманентизма и релятивизма — Хайдеггер, Сартр, Камю. Но если звезда бессмыслицы не Божественное безумие, посрамившее человеческую мудрость, то она станет только другим полюсом человеческой мудрости: бессмыслица без абсолютности, без абсолютно алогичного личного Логоса — релятивизм и психологизм, и также абстрактна и сомнительна, как и безличный рациональный логос, хотя бы его и писали с большой буквы, также абстрактна, как и рациональный абсолютизм.

Различие бессмыслицы неосмысленной (круглый квадрат) и quasi осмысленной (Богочеловек, вина без вины, несвободная свобода, мое существование) не в том, что первая бессмыслица семантическая, а вторая — экзистенциальная и онтологическая, но только в содержании. Всякая бессмыслица — семантическая категория, но квадрат и круг существуют только в мысли, а Бог и я — реально. Только поэтому абсурд 1-го рода только семантический, а 2-го рода — семантический и экзистенциально-онтологический: алогичное слово, высказывающее абсолютную, а не относительную реальность, то есть в конце концов — Само алогичное Слово.

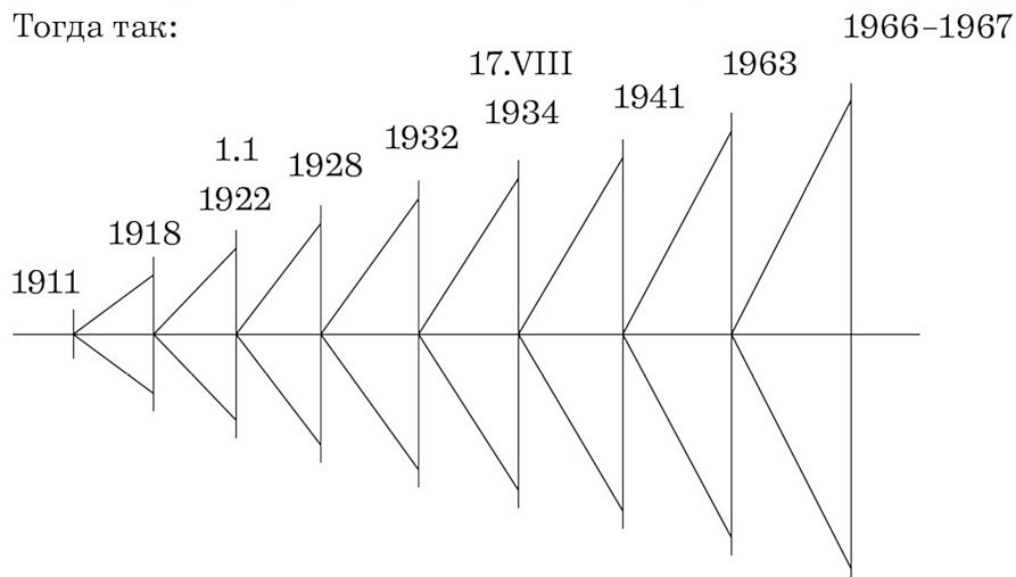
7 января. Когда я иногда читаю современные книги по философии и теологии, я вижу, что то, о чем я думаю и пишу, думают и пишут и на Западе. И всё же я нахожу очень небольшое для несведущего, а на самом деле очень большое отличие. То, что они пишут, иногда **почти** то же, что я думаю и пишу. Но это почти и есть отличие самой последней истины от самой последней лжи, Христа от антихриста. Ведь антихрист — **почти** Христос, **почти** и есть самая большая ложь. Они тоже сейчас всё время говорят, что философия — это философская антропология, некоторые даже — теоцентрическая антропология. Они полностью приняли бы, а может, и сами поняли бы мое применение христологии к антропологии. Но и это тоже было бы **почти**. Из того, что я читал и знаю о них, я предполагаю, что, применив христологию к антропологии, они перешли бы почти незаметную, но очень точную границу возможного и допустимого и свели бы христологию только к антропологии, то есть к иносказанию, как это понял и Ал[ександров], когда я говорил ему о христологических диспутах IV-VI вв. Но переход этой незаметной, но точной границы и есть ересь — несторианства или монофизитизма: имманентизм и психологизм или абстрактный трансцендентизм — другой полюс имманентизма (Гуссерль — Wesensschau, К. Барт — абсолютное трансцендентирование Бога, но абстрактное настолько, что фактически Его уже нет). Несторианство не обязательно имманентизм, монофизитизм — не обязательно трансцендентизм. Несторианство, начиная с чрезмерного разделения, приходит к абстрактной трансцендентности Бога (К. Барт): отделяя неслиянность от нераздельности, абстрактно имманентизируя человеческую природу, отдаляя Бога от человека, приходят к абстрактной трансцендентности Бога. Монофизитизм, отделяя нераздельность от неслиянности, начиная с абстрактного трансцендентизма приходит к имманентизму — гипостазировав понятие, разум, сущность, волю. Пример: Фейербах — вторая главная заповедь, Кьеркегор — первая; то, что я уже писал: от Фейербаха через Маркса к Сталину, от Кьеркегора к Сартру. Или: историзм приходит к утверждению историзма историзма — Гадамер, философы, философствующие ни о чем. Если христология только иносказание, то и применение ее к антропологии не абсолютно: только иносказание и психологизм; если нет личного Бога, то и моя личность — только абстракция и иносказание. Другой соблазн: отделять меня существующего от меня думающего и философствующего. Поэтому и последняя тетрадь этих «Принадлежностей» между восьмой и десятой тетрадями — я буду обозначать ее 8/10 — как бы она ни была написана, существенна и важна не только для меня, но и для философии и теологии; и особенно для метатеологии. Не только в тех частях, где я пишу о христологической антропологии, абсурде и пр., но и в чисто

личных записях, потому что не только я, но и всякий человек живет в трансцендентной ситуации, его душа принадлежит не ему, а Богу, как и я, он призван к тому, чтобы понять свое место в трансцендентной ситуации или, что то же, перестать быть ее акциденцией и стать ее субъектом, вину-сuiра перевести в вину-causa. Эта задача — дважды двойная, как и две главные заповеди: во-первых, к Богу и к ближнему, во-вторых — от Бога и к Богу. Последнее я понимаю так: без Его воли и волос с головы моей не упадет, значит, всё совершает Он, а виноват я. Понимание моей вины — через Христа. Теоретически — применение христологии к антропологии, практически — вера в Христа.

Дилемма: или от всего отказаться, даже от того, что считается самым высоким, — от своего разума, или честно признать, что «все мои помыслы от юности моей к злему», что «грех я и все мои помыслы грех», что и в жизни и в мыслях я не христианин, а язычник, если не хуже. Так как первое ни для кого невозможно, то я христианин только тогда, когда пойму, что я не христианин, я смел только тогда, когда увижу и признаю свою трусость. Больше всего ума надо, чтобы понять свою глупость, больше всего праведности, чтобы понять свою неправедность, больше всего смелости, чтобы понять свою трусость. Это возможно только для того, кто уязвлен Христом. Чем жить почти по Христу и лицемерно успокаивать себя, что живешь или приближаешься к жизни по Христу, лучше прямо сказать: да, я живу и думаю, как язычник; и тосковать по Христу. Уязвленный Христом знает, что он не христианин, и тоскует по Христу. Христианство и есть тоска по Христу, и пока живешь — не больше. И Христос сказал: в Царствии Небесном больше радуются одному грешнику кающемуся, чем 99 праведникам, не имеющим нужды в покаянии. Христос сказал: кающемуся, а не покаявшемуся, покаявшийся уже не грешник, а праведник. И апостол Павел сказал: ты думаешь, что стоишь? бойся, как бы не упасть.

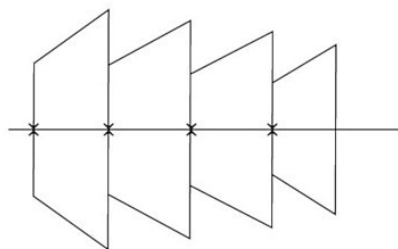
8 января. Я написал, что конвергенция началась с 17.VIII.34 г. Это схематично и не совсем верно. Ведь Георг пришел в 1932 г., он же указал мне на ложь дивергенции — разрыв между тем, что я пишу, и тем, что я есть. И еще до этого, в 1928 г. — «Душевный праздник», — я понял то же самое. Может, всё время происходит какое-то возвращение к себе?

Тогда так:

Но так получается скорее увеличение радиуса жизни, а не конвергенция.

Тогда, может, так:

В каком-то смысле обе схемы верны: несомненно, радиус жизни расширяется и, несомненно, происходит конвергенция. Поэтому я сам разрываюсь.

12 января.

A. Besitztrieb.

B. Sexualtrieb.

C. Machttrieb.

D. Selbstbestimmungstrieb — eigentliche Existenz.

A. Даже как незаинтересованное обладание знанием — эрудиция, начитанность — меня, в общем, тоже не интересовало, к тому же и память у меня направленная, а не общая, обладание же имуществом («приобрел») совсем не интересовало никогда.

B. Было и есть, может, даже сильное, но в уродливом монофизитском проявлении.

С. Во внешнем — нет. А во внутреннем? Как скупому рыцарю, мне было достаточно сознания возможности власти, причем только интеллектуальной — стеклянный корабль: я построил новый мир, я всё могу, мне достаточно было этого «могу».

Д. Стеклянный корабль, «могу» и было моим самоопределением.

Так получается при внешнем анализе — profanum. Я говорю здесь не столько о том, что писал, но что я чувствовал, когда писал. Если мне возразят, что это был самообман, то я спрошу: а зачем я обманывал себя? Ведь до 1941 г. и моим четырем читателям я показывал очень немного из того, что я писал, — я считал, что это еще не готово. А с 1941 г. до 1964 вообще никому не показывал. Если я себя не обманывал, то только потому, что я действительно стремился к тому, что может показаться самообманом. Если же я действительно стремился, то, значит, не обманывал себя. Ведь я имею в виду не содержание и не так называемую объективность того, что я писал, а именно мое чувство и стремление — Grundtrieb.

Если в «Вестниках» я писал о воздержании от суждения, то я действительно видел некоторую абсолютную реальность в внутреннем молчании — Epoche, то есть не в Selbstbestimmung, а именно в Nichtselbstbestimmung. Если, закончив «Квадрат миров», я записал: теперь я пуст и чист, почти чист, то действительно, заканчивая вещь, я ощущал какое-то опустошение, Божественное опустошение, об этом же я писал и в «Рассуждении о несуществующем», это было Божественное ничто, я действительно чувствовал, как писал позже, что я что как ничто. Что это — Selbstbestimmung или Nichtselbstbestimmung?

А стеклянный корабль? Это некоторое удовлетворение. От чего? От ощущения некоторой абсолютной прочности и твердости. Не примешивалось ли некоторое тщеславное удовлетворение оттого, что именно я написал? Во всяком случае это не было главным — ведь никто не знал, что я написал, конкретно после 1941 г. я никому и не собирался показывать. Но написал ли я или только записал? Не в этом ли различие низкого и высокого стиля? В низком — я пишу, в высоком — записываю то, что только проходит через меня. Гордился ли, что проходит именно через меня? Была ли полная нищета духа? Может, и не было. И всё же если только проходит через меня, то не Selbstbestimmung, а Nichtselbstbestimmung.

Сегодня всё утро грызет в груди. Что это? Если не связано с чем-либо определенным, то ощущение какой-то переполненности своей собственной грязью, своей Selbstheit. Когда что-то пройдет через меня и я опустошусь, оно проходит. Большей частью, когда напишу что-либо, даже в этих тетрадях, или хорошо помолюсь, то есть выскажусь. Перед кем? Если только перед самим собою, то не проходит, перед самим собою именно грызу себя. По-видимому, есть разница — как я высказываюсь. Если очищаюсь, то есть радикально высказываюсь, полностью, то это уже, по-видимому, не перед самим собою и не я сам

высказываю себя. Я сам грызу себя самого, могу ли я сам освободиться от себя самого? Тогда — перед Богом, и Он освобождает меня от меня самого: «Мы не знаем, о чем должно молиться, Сам Дух неизреченными вздыханиями ходатайствует за нас». И когда пишу, особенно вещь, всегда есть ощущение независимости вещи от меня, ее внутреннего строения, архитектоники, которую мне надо угадать, увидеть, поэтому, продолжая писать начатую вещь, прочитываю уже записанное, в нем уже заключена форма целого, самое целое.

А эти тетради? Но если моя душа принадлежит не мне, а Богу, то и в этих тетрадях я не пишу, а записываю то, что Бог дает мне увидеть в моей душе, саму мою душу, принадлежащую не мне, а Ему. Поэтому и здесь нет Selbstbestimmung и моя eigentliche Existenz заключается именно в моей Nichtigkeit, Uneigentlichkeit, в Uneigentlichkeit meiner Existenz, потому что Eigentlichkeit и eigentliche Existenz принадлежат только Богу, а я — что как ничто.

Когда я утверждаю Nichtselbstbestimmung — это не отрицает моей вины и ответственности. Наоборот, и вина и ответственность бесконечно возрастают именно потому, что они в конце концов не зависят от меня, от моего поведения, желания и мнимых заслуг, они бесконечны, потому что возложены на меня Богом, и тем более что я сам ничего не могу сделать — Он всё делает, а я виноват. Selbstbestimmung — в сознании своей вины без вины, в вере, в вопле и покаянии, которые опять-таки дает мне Бог, Selbstbestimmung в моей Nichtselbstbestimmung, в Боге.

Основное разделение: есть ли разрыв непрерывности и единства в жизни сознания, в сознании или нет. Если есть, то и в психологии должны быть оставлены щели и промежутки, куда приходит Бог. Это по поводу Келера.

«Kontinuität und Einheit des Lebens...» Именно Diskontinuität [*нем.*], разделение, разрыв жизни и сознания.

Как бы ни относиться к тому, что я сейчас написал, к тому, что я действительно, реально всегда ощущаю и чувствую, есть два взгляда на жизнь, определяемые словами: Selbst, Kontinuität или Nichtselbst, Diskontinuität, то есть **я сам** или **не я сам**, тогда Бог, и каждый из этих взглядов на жизнь и есть жизнь. И то, что я сейчас записал, — я именно записал, а не написал. Hypoteses non fingo.

13 января. Хайдеггер иногда, может, и часто, говорит о том, что надо, но всегда не так, как надо. От этого я почувствовал сейчас на себе всю тяжесть бытия, тяжесть и боль бытия, почувствовал как-то особенно болезненно. Не оттого, что он говорит, а оттого, что он всё время болтает, говорит не так и поэтому не то, что надо.

Я прочел у Хайдеггера: Gegend. У меня в третьем «Разговоре вестников» — окрестность, причем в том же смысле. У Гуссерля: Erosche. У меня то же, но по-русски: воздержание от суждения. И снова в том же смысле: трансцендентальная редукция — религиозное обращение. Термин у меня и, очевидно, у него от Пиррона. У меня: чувствуете ли вы себя в жизни как дома? У Бубера не помню как, но смысл, даже слова те же. Я уже не говорю о таких терминах, как философская антропология. Случайности? Но слишком близко по смыслу и слишком часто. Но все эти совпадения только **почти**, несмотря даже на тождественность некоторых слов и выражений. Поэтому на мне сейчас вся тяжесть и боль бытия. Раньше я ощущал это, как стеклянный корабль. Но «с ускоряющимся темпом смерти» (Т.), с расширением радиуса жизни стеклянный корабль разбился. Осталась тяжесть и боль бытия.

15 января. Вчера у М. я выпил порядочно и говорил; и как это обычно бывает, уже давно, на следующий день невыносимое отвращение к себе, тем большее, когда говорил хорошо. С Галей [Уствольской] разговоров настоящих не было, только злословие по отношению к окружающим, и тем хуже, что удачное и ей понравилось. Это во-первых. Во-вторых, инцидент с М. Пусть я не прав. Пусть это было высокомерием с моей стороны. Пусть я сказал то, чего сознательно обычно ни о ком никогда не говорю: рак. Но он мог ответить мне спокойно. Лида и Генрих [Орлов] поддержали меня. Положим, мы тоже не правы. Но его вспышка и обвинение всех нас явилась как бы отрицанием отрицания — оправданием нас, если мы даже и были не правы. В-третьих, разговор с Генрихом — слишком душевный. Во-первых, о М. М[ейлахе]. И опять мне это противно: зачем я говорю это, как недавно и в разговоре со Ст[ерлиговым]. Как будто я спрашиваю у них совета о М. М. А на самом деле просто хвастаюсь, даже тогда, когда говорил, что, в сущности, не он, а я виноват; просто я говорил: я хороший, а он плохой. Генрих сказал: всегда есть дурак, перед которым не дурак должен высказаться, чтобы понять себя самого. А я еще подтвердил: да, я понял «Вестников» лучше, чем 35 лет тому назад, когда писал их, и также Тр. Ф. Б. лучше, чем 25 лет тому назад. Зачем это надо было говорить? Водка тоже не оправдание. Затем второй разговор с Генрихом о «Видении», об основной антиномии и о том, почему наши встречи прекратились. Всё это лишнее, ни к чему, и я боюсь, что снова начнутся встречи, та же ложь, не сознательная, а ноуменальная, даже не это — какая-то магнитофонная ложь. Я знаю свою греховную замкнутость, только с Т. я освобождаюсь от нее, только с ней **я — я**.

Есть какое-то возвращение, возвращение к себе самому и в себе самом — к Богу. В Т. я возвращаюсь к себе. Опустошенный взгляд показал мне мою ложь, тогда я увидел в Т. свою энтелехию.

17 января. Лёнино возражение мне и Шуре (о роге, через который говорит Божество) он сам опроверг своими вещами. В. Иванов сказал, что «Теория слов» интересная поэтическая вещь. «Наука доказала» проходит, и часто скоро, а поэзия остается и бывает, что через некоторое время, может, и не скоро, входит в то, что «наука доказала» впоследствии. Всякий человек рог, через который говорит Бог, может, гений тот, который сознает это, может, это и отличает его от таланта. Не помню, читал ли я или сам думал, что всякое открытие делается внезапно, а чтение книг, собирание материалов, предварительные размышления и записи — всё это только подготовка к тому, чтобы стать пустым рогом, убрать лишнее, что мешает мне услышать голос Бога. Можно не знать и имени Бога, важно понять, что я сам ничего не знаю, через меня что-то проходит, всегда одно и то же и всегда различное.

В ЭС Т. написала, что время свободно течет через нее, просеивая всё неприятное. Это тоже ощущение рога. Ведь обычно, когда никак или грызет в груди, время ощущается как что-то постороннее, тяжелое, задерживающее, мешающее. Время и грызет меня.

На Западе сейчас пишут книги под заглавием: Was ist der Mensch? Дневник Анны Франк интересен не как антифашистский или социальный документ, а именно как личный: несколько человек, оказавшись изолированными от общества, перестали быть социальными существами, стали просто людьми — людьми. Анне Франк дано было записать свидетельские показания ее жизни. И также личные записи Т., ее письма, ЭС и др. — свидетельские показания.

Свидетельские показания жизни — вот что меня сейчас интересует, и прежде всего своей. А она переплетена с еще 5 жизнями помимо моей лестницы Иакова. Это ноуменально. И еще две. А остальные связи порвались.

18 января. Многообразие или многоликость Т., зафиксированные и ее фотографиями. Даже в каждой комнате она другая: та же самая в не том же самом. Многообразие многих измерений.

Н. Ф. Вчера снова что-то от Н. Ф.

18 января. У В. А. [Каменского] инсульт, и В. В. [Стерлигов] сказал, что это результат того же. Снова моя вина, она растет, принося несчастье и другим. Глупо говорить, что было бы, если бы... Случайность не случайна. Что было — было, а виноват я. Было бы то, что было, если бы я позвал ее тогда, когда она позвонила мне в тот понедельник в 2 часа? Было бы иначе, если бы не было тогда И. [Блажкова]. Не знаю. Но вот и он втянут в эту ситуацию. Но я не позвал, значит виноват, независимо ни от каких ситуаций.

Почему я избегал звать ее? Потому что все связи порывались, Т. стала для меня все и всё. Таким образом, дважды виноват: и за то, что было, и за то, что, оправдываясь, втягиваю Т., хотя она и не знала ни Г. [Мокреевой], ни то, что она мне звонила. Не Т. помешала мне, я сам помешал и Г., и И., и В. А. И себе самому.

19 января. У Л[иды] болят зубы. Вернувшись к себе в комнату, подумал: а у меня не болят. Теперь я анализирую эту мелькнувшую мысль. За ней другая: у Лиды болят, а у меня не болят. А за ней снова другая, тайная: хорошо, что не у меня, а у Лиды болят зубы. В рефлексии и в свободе выбора я сразу бы согласился взять на себя боль, чтобы освободить от нее Лиду. Но ведь это в свободе выбора, то есть в грехе, непосредственно этой мысли не было. В конце концов это то же, что я раз записал:

... у Островского один купец говорит: как хочется блинков поесть, хоть бы умер кто из знакомых.

Сейчас грипп. Я очень боюсь, чтобы не заболела Т. И здесь, кажется, уже вне выбора, непосредственно: уж если суждено кому из нас заболеть, то пусть я, а не Т. И также пусть не Л[ида] и не М., а я.

20 января. Глава из книги Померанца. Всё же он не определяет абсурда, то есть звезды бессмыслицы. Может, так: не единство A и $\bar{A}$ в третьем, а тождество A и $\bar{A}$ в $\bar{A}$, то есть во втором. Это применимо и к Лёнину иероглифу. Я возьму Лёнины примеры. Огонь, сидение у камина, смотрение на огонь. Огонь — A . Но то, что я при этом вижу, ощущаю, чувствую, совсем не огонь: $\bar{A}$. *Omnis determinatio est negatio*. Но обычно — определенное и противоположение: не это, а то. Здесь же только не это, то есть ощущение, чувство, состояние, при взгляде на огонь в камине совсем не огонь, причем у каждого различное и всё же то же самое в различном. Огонь здесь не символ, а именно огонь и как огонь — не огонь. Если я отойду от камина, само чувство-ощущение прекратится, останется только воспоминание о нем. Поэтому я и говорю, что огонь здесь не символ, а именно огонь и как огонь — не

огонь, а некоторое душевное или духовное состояние. Определить его нельзя, можно высказать только неопределенным отрицанием: не огонь, хотя и огонь и как огонь — не огонь. Второй пример: въезд в город в «Мертвых душах». Третий: «Дама с собачкой» — пристань, дама, собачка, гуляние дамы с собачкой. Иероглиф всегда материализован, то есть материальный, материальная ситуация, и как материальный — нематериальный. Неопределенное отрицание только отталкивается от определяемого, но не определяет его, только говорит: смотри и, если есть глаза, увидишь. Что? Материальное, которое как материальное уже не материально, а духовно. Поэтому иероглиф не определяется, но может быть точно указан: не определение, не объяснение, а указание и обращение внимания, взгляд. Структурный анализ тоже только находит и обращает внимание и взгляд на иероглиф. Я пробовал делать это с вещами Введенского.

Померанц не знает различия определенного и неопределенного отрицания и онтологичности неопределенного, поэтому не знает и абсолютности абсурда. Осмысление абсолютного абсурда, то есть бессмысленности, в том, что я перевожу бессмысленность из одной формы в другую, бессмысленность, не имеющую ко мне отношения, в бессмысленность, имеющую ко мне отношение — к моей жизни, применяю ее к себе, тогда непосредственно чувствую ее как Божественное безумие, посрамившее человеческую мудрость — мою человеческую мудрость. То же самое и иероглиф: если я не ощущаю иероглиф как иероглиф моей жизни, определенного моего состояния, то я еще и не вижу его. Но всё равно абсурд остается абсурдом, величайшей и блаженной тайной. Я не уверен, что Померанц это чувствует и понимает, хотя книга его очень интересна.

Опустошенный взгляд в «Видении» — тоже иероглиф, ведь он был материальный — я видел его всё время два месяца, и именно как материальный он был нематериальным. Вообще все мои вещи начинались с видения какого-то иероглифа: «Вестники», «Мир перед Богом», «Формула несуществования» — в этих вещах я и сейчас помню иероглифы, из которых они возникли. Только понятие материальности надо расширить: это может быть и моторное ощущение, например гуляние в Александровском парке, дождь и солнце (третий разговор) — здесь соединены моторные ощущения с зрительными. Но чисто моторное тоже может быть иероглифом, например тяжесть в груди, «грызет»; игнория тоже ощущалась физически.

«Мир» Введенского я ощущаю вполне экзистенциально, то есть чувствую, он близок мне, но всё же иероглиф последней строчки: на обоях человек, а на блюдечке четверг — не могу не только определить, но и сказать о нем что-либо. Может, здесь ничего и не надо сказать, это последний предел мысли; и это я чувствую.

Померанц не различает иррационального, то есть демонического, и арационального — звезды бессмыслицы.

Он релятивизирует абсурд, не понимая, что абсурд, как и Евангелие, — отрицание «мира сего». — Цитаты из Евангелия от Иоанна.

Евангелие на первый взгляд необычайно просто, его понимают все, даже логично, упорно логично; сама упорность его логична.

Но затем оказывается, что эта простота необычайно сложна, а видимая логичность — абсолютно алогична, абсурдна.

Индуистские религии дзен — как раз наоборот. С самого начала, с первой фразы, они красивы, сложны, алогичны:

«Если вы спрашиваете, вы делаете ошибку, а если не спрашиваете, то поступаете вопреки» (дзен). Именно так: вопреки **чему** — не сказано. Но дальше всё как-то рационализируется: педагогика, психотехника и разумная психотерапия, чего абсолютно нет в Евангелии. В Евангелии нет никакой техники. Психотехника, психотерапия создается уже потом церковью и монастырями под влиянием индусской психотехники, отчасти — эллинской: Исаак Сирианин, Фёдор Студит, Симеон, а должно быть, и раньше, уже с II, даже с середины I века.

Евангелие абсолютно беспредметно и атонально: «негде приклонить голову». И наибольший абсурд, звезда бессмыслицы, что это «негде» оказывается самым прочным, твердым и блаженным местом.

21 января. Померанц, мне кажется, слишком образован, прошел определенную школу, поэтому недостаточно чувствуется абсолютная субъективность. Нам повезло: мы — необразованные автодидакты. Помимо Георга и Алексеева, у нас, в сущности, и не было учителей. Даже Л. и я не прослушали ни одной лекции. Мы учились сами и друг у друга.

Когда у меня раз были Хармсы, Т. и [О. Н. Гильдебрандт-]Арб[енина], Т. сказала О. Н.: я ученица Я. С. Учитель не только учит, но и учится у ученика. Если у ученика небольшая индивидуальность, то есть личность, то ученик не много даст учителю, если большая — много. Микеланджело сказал, что в каждом куске мрамора заключена идея единственной возможной скульптуры. Скульптор находит ее в неслучайно случайном куске мрамора, находит то, что уже ищет, но всё же находит вне себя. Т. — наша энтелехия, мы нашли в ней, что искали. Мы создали Т. из того, что уже было заключено в ней, поэтому, создавая Т., создавались ею. В письмах, записках, ЭС стиль не Ш., Л. или мой, а собственный.

22 января. У Сократа, как известно, был демон, добрый демон-ангел, который его учил, от имени которого он говорил. У меня тоже есть

демон. Но злой. Вернее, он добрый и злой. И еще вернее: он добрый, а я злой, поэтому его доброту воспринимаю как зло. Но в конце концов всё же подчиняюсь ему: он подчиняет меня против моей воли, и, когда подчиняет, я вижу: он добрый, а я злой. В конце концов этот демон — Бог.

Вчера он или Он довел меня до состояния полного уныния, унижения, отвращения и омерзения к себе самому.

Когда лег спать, я думал

во-первых, о феноменологии. Чехов говорит: одна в уезде умная и та дура. Гуссерль самый серьезный и честный философ из всех современных философов, и всё же что дала его философия? Мой демон, или Демон, говорит мне: в «Вестниках», еще не зная Гуссерля, я совершил феноменологическую радикальную редукцию. В том, что я читал о Гуссерле (Финк, Хайдеггер, Келер и мн. др.), я нахожу только разговоры о феноменологической редукции, но не феноменологическую редукцию. Феноменологическая редукция, если она действительно есть, не в процессе, а в акте. Все они начинают с какого-то обыденного дофеноменологического сознания и **затем** производят редукцию. Во-первых, нет никакого **общего** дофеноменологического сознания. Оно бесконечно многообразно, как функция функций многих переменных, всего мира слов, и у каждого различна. Во-вторых, начиная со **своего** дофеноменологического сознания, феноменолог уже не может выйти из него. Сознательно или бессознательно он начинает с одной интуиции и завершает другой, первая предполагается дофеноменологическим сознанием, вторая — редуцированным. Но именно это дофеноменологическое начало и переход к редукции оставляет и вторую интуицию в дофеноменологическом сознании. Редукция не в результате перехода и не в относительном, а в абсолютном начале. В-третьих, ошибка объективности. Об ошибках объективности говорил еще Кьеркегор и, не зная его, Д. И. Феноменологическая редукция не объективна, а абсолютно субъективна, это и есть абсолютное начало. Включая свою интуицию в описание дофеноменологического сознания, феноменолог и остается в нем и уже не может выйти из него. Феноменологическая редукция именно в разрывности сознания, если не схватить ее сразу, то и останешься в объективной непрерывности дофеноменологического сознания.

Во-вторых, я думал о наших взаимодействиях. Частный случай — термин Л. Для Л. это именно термин — интуиция. Он научил меня этому. Может, и без него я дошел бы до неслучайной случайности, то есть до термина и понимания его, но во всяком случае не так, как дошел сейчас. Исследование «О несуществующем» я написал бы и без «Разговоров» Введенского, но тоже не так, как написал. Д. И.: жертва, об этом я когда-то писал.

Н. М.

Название «Квадрат миров» пришло мне на ум, когда я вспомнил квадрат совершенств (сон Т.).

У Т. в Soliloquium; «тот, кто сидит у изножия, может добраться до изголовия, но добраться до изголовия еще не значит попасть на вершину. Он всё-таки остается у подножия». Я применяю это к себе и в узком и в широком смысле.

Сегодня после вчерашнего бесконечного унижения я снова ощутил в себе силу: не мою, а моего демона, или Демона, говорящего мне: жив Господь, жива душа твоя.

26 января. Я всегда думал и желал: или всё, или ничего. В философии я не сделал многого из того, что предполагал сделать. Но зато сделал и то, о чем и не мечтал сделать: начало «Квадрата миров», «Формула чего-либо», «Формула несуществующего», «Видение». Поэтому, кажется, могу сказать: в философии я желал всего или ничего и получил всё, И в жизни я желал всего или ничего. В малом мире имел всё, в сверхбольшом — может быть, в большом, — ничего. Летом мог получить, почти получил, но побоялся совершить невозможное. Mea culpa, mea magna culpa. От этого страх оборотня — 23.1.

20 февраля. Кьеркегор прав: главное не Existenzlehre, а Existenzmitteilung. Всё Священное Писание — Existenzmitteilung. Он прав, он был пророком. И всё же не только пророком, но и философом и теологом. Тогда не прав — и у него есть Existenzlehre. Верно, что Existenzmitteilung высшее, но если к этому не готов, то претензия на исключительное Existenzmitteilung — гордыня. И не случайно он отверг почти половину Евангелия и был жесток не только в евангельском смысле, но и в демоническом. Я так спорю с ним, потому что он мне ближе всех, споря с ним, я спорю с собой. А он спорил с собой? Он мучил себя, но спорил ли — не знаю.

Existenzmitteilung отчасти было и в моих старых вещах: «Вестники», диалогичность, рассуждения о системе как примере. Преимущественно же с 16.X.63. Сейчас с Т. у меня Existenzmitteilung. С 5.VI обостренное Existenzmitteilung — отношение к миру, к существующему, к моему Dasein, к моей Existenz. Всё это сейчас экзистенциально связано с Т. Это чудо, что в безликом (как назвала его Т.) совершается наиболее личное

Existenzmitteilung. Но в моем монофизитском уродстве и безликое лично: жест, взгляд.

Как-то я записал: полностью понять — значит полностью принять, сделать своим, тогда полностью отвергнуть, понять и, значит, отвергнуть себя. Я убежден, что у Кьеркегора было монофизитское уродство — не случайно он игнорирует половину Евангелия — и это снова подтверждение моего применения христологии к антропологии. Но я в жизни отвергал вторую заповедь — моя некоммуникативность и несоборность, мой монофизитизм — мучаюсь, в Т. хочу принять ее. Мучился ли Кьеркегор? Несомненно мучился и мучил себя, но знал ли основание своего греха? Я думаю, не знал, а я знаю, в этом мое преимущество и недостаток. В своем незнании основы своего греха он был цельным, а я нецельный, раздвоен, разделен: имя мне легион.

25 марта. Ш. сказал о Т., что она неожиданно дает правильные ответы. Но также и неожиданно она задает правильные вопросы — вчера в связи с моим толкованием «Галушки»; бессмыслица, а ты осмысляешь ее — тогда бессмыслица ли? — Я ответил в «Четырех стадиях понимания».

Мой ум: я правой рукой за спиной ищу левое ухо.

Ум Т.: левую руку подносит прямо к левому уху — ясный ум. При этом умеет сохранить и небольшую погрешность и звезду бессмыслицы — «Бухта Барахта». Soliloquium, послевоенные записки.

Л. сказал, что у меня две половины ума — умная и глупая, умной пишу, глупой не понимаю того, что сам написал. — Скорее, удивляюсь тому, что написал.

Самооправдывание: в поисках правой рукой за спиной левого уха тоже есть некоторое достоинство: случайно или неслучайно я нахожу и то, что не лежит на прямом пути. А Т. находит, может, это же на прямом пути — вернее, по сторонам прямого пути, то есть сбоку от него.

25 марта. Вера не теология и не догмат, а экзистенциальное и поэтому противоречивое состояние. Теология и философия пытаются только анализировать это состояние и иногда, если это поэтическая теология и философия, дать некоторый намек на неизвестный ответ на неизвестный вопрос, ограничить область, где лежит неизвестный ответ на неизвестный вопрос. Одна из окрестностей неизвестного ответа — трансцендентность и имманентность Бога, и обе должны быть радикализированы до последней степени: самое далекое абсолютно не мое — самое близкое абсолютно мое. И в этой окрестности заключены

другие окрестности, например Бог абсолютно и Бог в моей абсолютной субъективности, и первое, и второе само по себе уже антиномично. Абсолютно: вне- или надмирность Бога, и Бог в мире, в котором и волос не упадет с головы моей без Его воли. Соблазны: деизм, как равнодушие к Богу, и пантеизм, как равнодушие к себе, сотворенному по Его образу и подобию, — к своей абсолютной субъективности. Фатализм, как мусульманская детерминизация личности, и акосмизм, как уничтожение себя, своего призвания — стать субъектом трансцендентной ситуации. Соблазны абсолютной субъективности: абсолютно не мое односторонне трансцендируется настолько, что Бог становится только абстрактной идеей Бога — *causa sui*. Или односторонне имманентизируется настолько, что растворяется в моем субъективном отношении к Богу. В пределе обе — атеизм. Применение к Кьеркегору, Барту, Бульману, Ясперсу.

3 апреля. Я пишу сейчас почти каждый день, иногда несколько строк, иногда несколько страниц, иногда больше. Иногда несколько минут, иногда несколько часов. А остальное время лежу на кровати в бесовской абулии, в бесовском парении мыслей — новая форма игнавии, уныния, боли и тяжести бытия. Избавляет только сознание некоторой устойчивости в энтелехии, и прямо — Он Сам.

Я думал и вчера говорил Т. о Пушкине, которого очень люблю: «Воспоминание» («Когда для смертного...»), «Как с дерева сорвался предатель ученик», «Пророк», «Отцы пустыnnики», «Странник», поздний Пушкин и многое др. Но «Пока не требует поэта» — некоторая ограниченность, предельность Пушкина. Он и понятия не имел о метатеологии. Пушкин ставит себе границы. Они очень отдаленные, он понимает очень многое, и всё же это границы. Лермонтов не ставит себе границы, границы его в бесконечности: сны-мучители, потенцирование действительности, выход за действительное. Н. М. сказал: если бы Лермонтов дожил до лет Пушкина, он был бы больше Пушкина. Н. М. неправильно выразился: «если бы» — неправильная формулировка. Надо сказать так: потенциально Лермонтову дано было больше, чем Пушкину, но Пушкину дано было актуализировать в предназначенной ему области больше, чем Лермонтову. Что важнее: осуществить в предназначенной, но всё же ограниченной области или обещать в почти неограниченной области? Не знаю. Гоголь тоже почти бесконечно трансцендирует возможное. Л. говорил, что в последних вещах Пушкин вступил на этот путь.

«Пока не требует поэта» — это очень разумно, с человеческой точки зрения разумно, так же разумно, как слова первосвященника: есть 6 дней в неделе — тогда и исцеляйте и исцеляйтесь, но не в седьмой. Это очень разумно с человеческой точки зрения, предохраняет от бунта и революции, но не с Божеской. С Божеской — это богохульство.

У Лермонтова и Гоголя не *ареіон*, как у Белого, а бесконечное трансцендентирование. Они преодолевают возможное и выходят в невозможное. Это всегда связано с крушением. Но, может, крушение их попыток выйти в невозможное выше самых совершенных реализаций ограниченного возможного у Пушкина, как бы далеко он ни ставил этих границ. Самое важное: ставить или не ставить границ, хотя и в невозможном. Невозможное для людей возможно для Бога. То есть Бог совершает в человеке то, что он сам совершить не может, своими силами не может.

5 апреля. Я не понимаю великодержавного патриотизма. Зачем мне надо, чтобы русские эксплуатировали и угнетали грузин, армян, латышей, эстонцев? Мой родной язык русский, я думаю и пишу по-русски, с 12 лет я воспитывался на русской литературе, позже на Библии и Евангелии. Моя родина, как и всех людей, — Эдем. Но оттуда я изгнан. Я бесконечно тоскую по моей родине, из которой я изгнан. Вторую родину я получил в России. Не в великодержавной Победоносцевской или Леонтьевской России, а в Московской и Петербургской Руси. Мне этого достаточно. Моя новая родина всё время напоминает мне о потерянном Рае — Гоголь, Достоевский, Чехов, Пушкин и Лермонтов, Тютчев и Лесков. Я иудей и русский одновременно, русский не в великодержавном смысле, я москвитянин и петербуржец; когда я был в эвакуации, я понял, что значит ностальгия: я скучал и тосковал по Петербургу. Там я всё время болел, даже физически, а приехав в Петербург, выздоровел. Кто я? Русский, иудей, петербуржец. И москвич.

Я думаю по-русски, но с иудейским уклоном. Каждый христианин, независимо от национальности, думает с иудейским уклоном. Христос сказал: я пришел не нарушить, а исполнить закон. А закон сказан в иудейской книге — Старом Завете. Но если нет иудейского закона, то есть индусский, эллинский, языческий. Пустота должна быть заполнена.

Моя первая (или вторая) национальность — иудейская — предохраняет меня от язычества, от секуляризации духовного, от *profanus*, от всякого либерализма и гуманизма. Иудейство — это теономный склад ума, строй души, *leidenschaftliches Leiden* христианского зилотизма. Без этого нет и веры в Бога, только вера в

веру в Бога, культурная эллинская, индусская или какая угодно другая комфортная фальсификация веры.

22 апреля. В связи с разговором с М. я перечел четвертую часть «Рассуждения» (добавления к «Видению»). Она не удавалась мне очень долго, и только в январе прошлого года я неожиданно очень быстро закончил ее. Телеологичность ее — связь с неслучайной случайностью — сейчас мне ясна. Тогда, не знаю, понимал ли я это, сейчас понимаю: «возьмите иго Мое на себя... ибо иго Мое благо и бремя Мое легко». Я взял на себя Его иго, я стремился к страданию, к радости страдания, я жил радостью страдания и желал страдания. А Бог послал мне радость. Принятие радости и было смиренномудрием. Раз Бог послал мне ее, я не мог не принять. Но я мог думать, что я сам добился ее, или наоборот — противиться ей, противиться только в некотором оттенке мысли, потому что актуально противиться Богу, то есть не принимать того, что Он посылает мне, я не могу. И всё же я не сразу понял, что это дар Бога мне. Я не только не мог, но и не желал противиться неслучайной случайности, и всё же до 5.VI было, я не скажу — сомнение, а некоторое недоумение. И еще одно «всё же»: мой монофизитизм. Я знаю, что это грех, моя вина, вина без вины. И вина перед Т. Как во всём, и в этом есть некоторая телеологичность. Но что сказать о ней — я не знаю. ...не став им, я и стал им? Или это новое жало в плоть, новое иго и бремя?

Первая ступень смиренномудрия: безропотно и смиренномудро принять посылаемое мне Богом страдание. Я принял его безропотно. А мои монологи перед Орл[овым]? А некоторые соблазны, о которых я писал? А замыкание в себе? «Ты думаешь, что стоишь? Бойся, как бы не упасть». — Не думал ли я иногда, что стою? Тогда Бог послал мне невидящий взгляд, а затем радость, чтобы я принял ее смиренномудро, чтобы я не думал, что я стою, чтобы боялся, как бы не упасть. И еще: чтобы я понял **ты**. Поэтому четвертая часть «Рассуждения» была некоторым завершением определенного Богом периода моей жизни, и я верю, что неслучайно начал я писать эту часть тогда, когда Т. записала: страшно одиночество, еще страшнее одиночество вдвоем (со мною), и вскоре после этого: я оперлась на его (мой) благоприятный взгляд, — это было, кажется, тогда, когда приезжала Галя В[икторова] и я был с ней у Т. Я не знал тогда эти записи Т., но Бог знал, и Он внушил их и ей и мне. А закончить «Рассуждение» мне дано было уже после неслучайной случайности. И это тоже неслучайная случайность — не случайно дано было мне закончить именно тогда.

5 мая. Есть внешнее и внутреннее понимание. Человек — некоторый многогранник. Некоторые грани его параллельны — совместны, другие непараллельны, третьи перпендикулярны, то есть вполне несовместны. Внешнее понимание объективно (но не абсолютно), оно стремится, но только стремится понять и передать все грани и указать не несовместность, то есть противоречивость, некоторых граней. Но до центра многогранника, то есть сокровенного сердца человека, оно никогда не дойдет. В конце концов это только понимание слов автора, в крайнем случае скелета системы, но скелет — это еще не человек. Внутреннее понимание субъективно и доходит до центра многогранника. Может быть, даже так, что есть полное внутреннее понимание, но повторить его на словах нельзя. Так я, мне кажется, вполне понимаю Шеллинга последнего периода, его теогонию, правильное в ней, соблазны его теогонии и его гностицизм, но знаю о ней очень мало.

Я думаю сейчас о реальности и внеположности состояний души. Но переносить их в Бога, как это делал Бёме и Шеллинг, неправильно.

8 мая. Сегодня в [тетради] †10 я записал о моем монофизитизме. Здесь добавляю: высокое у людей — мерзость перед Богом. Монофизитизм в широком и узком смысле. Страх перед материализацией обряда может дойти до греховного докетического страха телесности, до брезгливости, которая в исключительном случае может перейти в свою противоположность — благоговение, препятствующее соединить несоединимое.

8 мая. То, что я пишу после «Видения», особенно последний год, — это и мало и много. «**Быть** не при деле», подлая мысль, антихристовы соблазны, бесовская абулия — выбор невыбора, смиренномудрие, неслучайная случайность, метатеология, христоцентрическая антропология (монофизитизм и несторианство) — всё это какие-то самые предельные, пограничные вопросы. Ведь Бог есть не вообще, а сейчас здесь, во всём, даже в Его отсутствие, когда Он оставляет меня и, оставляя, не оставляет. Я приблизился к этому и всё же еще очень далек от экзистенциального понимания, понимания-состояния, даже от хотя бы законченного теоретического изложения. Кроме небольшого заключения в Добавлении к «Видению» — о смиренномудрии, ничего законченного не сделал за это время. Но не это главное, главное — что я далек от экзистенциального состояния. Вот что я понимаю под этим: во-первых, я уже не могу быть при деле, но не могу **быть** не при деле; может, потому и случилась неслучайная случайность. Вернее, **чтобы**, потому что вся жизнь телеологична и последующее определяет предыдущее. Во-вторых, трансцендентная ситуация, в которую меня ввел Бог. И здесь я уже не могу не быть ее субъектом. Бог уже сделал меня ее субъектом, и в то же время не могу быть или оставаться им, всё время выпадаю, то есть падаю. И это тоже, может, неплохо, плохо, что слишком часто, очень часто я не чувствую, что Бог поддерживает меня. Я уже понял благодарность за радость и всё же редко умею благодарить и редко радуюсь.

Мой грех всё тот же — монофизитизма: страх материального обряда, вообще материальности. Но ведь всякий обряд, и духовный, проявляется в материализованной форме, даже обряд общения с Богом. Мой страх обряда, материализованного, потому что другого нет, — монофизитизм, доведенный до предела, до крайнего докетизма. Поэтому сейчас очень редко хорошо молюсь. И всё же иногда, может, не часто, не знаю, потому что в этих случаях время разрывается, чувствую, что всё время живу в молитве, в смиренномудрой молитве, в покорности: да будет воля Твоя. Но тогда что значит эта бесовская абулия, в которой по времени или во времени пребываю еще чаще? Это два слоя во мне, и второй покрывает густым, плотным туманом первый, так что и не вижу его, это мой грех, моя греховная сущность, мое окаянство, моя вина без вины, тем большая, что без вины, и когда она достигает некоторой максимальной степени интенсивности, она вдруг прорывается, я проникаю в некоторую глубь и во всём вижу Провидение: да будет воля Твоя.

10 мая. Кошунство не в том, что человек говорит: нет Бога, это не кошунство, а глупость. И когда Элоиза писала Абеяру, что она любит его больше Бога, — это не кошунство. Она видела в нем духовным

зрением то, чего никто из людей до сих пор не видит в нем, может, потому, что видит плотским зрением. Может, она исполнила в отношении Абельяра заповедь Исаака Сириянина: чистый сердцем тот, кто всех видит чистыми сердцем.

Простится всякая хула, даже на Сына, только не на Духа Святого. Только это кощунство. И Христос обличал прежде всего фарисеев. Фарисейство — хула на Духа Святого. — Это о моих сомнениях, старых и новых, в отношении двух главных заповедей, на которых стоят закон и пророки: как исполнить вторую, чтобы она не стала или равнодушием ко всем, или эгоистической любовью к некоторым; как совместить обе. Не совмещение их соблазн и грех, а мой вопрос, как их совместить; и также первый вопрос. У апостола Павла эти вопросы не возникали. Мой грех, что я не могу радоваться всё время, всё время благодарить Бога за посланную мне радость. Апостол Павел говорит: всегда радуйтесь.

Мне открыл Бог очень много, а сделал я очень мало — это мой грех, а не те глупые вопросы, которые меня мучают, вина моего греха.

И если я называю ее виной без вины, она не умаляется от этого, тем больше она, что это именно моя вина без вины, тем больше, что Сам Бог обвинил меня.

7 июля. Кажется, я уже писал: свою жизнь я не прожил, а продумал, а мысли пережил. И в мыслях перешел предел дозволенного, поэтому жертва. Это не значит, что мысли ненужные или плохие, плохо в них, во-первых, некоторый личный оттенок, но не в том, что записано, и не в том, как записано, а в каком-то моем личном экзистенциальном отношении к ним, в незафиксированной фиксации их, то есть в фиксации настолько экзистенциальной, что ее невозможно зафиксировать словом; или в том, что я не нашел адекватного слова для их фиксации, то есть не покался. Это во-первых. Во-вторых, в некоторой недозволенной полноте мысли. Но мои вещи и «Принадлежности» необходимы всем, и читающие их не станут жертвой, может, даже найдут путь к оправданию. Во-первых, может, они найдут адекватное слово — покаются за меня. Во-вторых, никто не может экзистенциально пережить все мои мысли, каждый найдет то, что ему нужно. Я стал жертвой именно в полноте мыслей. Может, поэтому у меня так часто выбор невыбора: добру и злу внимая равнодушно. И всё же: всю жизнь у меня *leidenschaftliches Leiden*, и оно прорывало мою *Nichtleidenschaft* и равнодушие к добру и злу, я всё время ел и ем себя.

Это похоже на самооправдывание, но здесь действительно есть какой-то противоречивый круг: *leidenschaftliches Leiden* в *Nichtleidenschaft*, ревность о доме Твоем в унынии, бесконечная слабость духа и в ней же бесконечно сильная тоска по отсутствующей

силе духа. Но ведь бесконечно сильная. Я не оправдываюсь, я только ем себя. Но ведь ест себя мой грех. Но ведь я сам ем себя за грех. И снова: я сам — тогда грех. Но разве сам? Что я вообще могу делать сам?

17 августа. Выготский говорит, что социальное — это не коллективное, скорее личное. Но тогда это не социальное, а соборное и скорее антиобщественное, соборность именно противопоставляется общественному, как *sacrum* — *profanum*. Искусство не социальное и не общественное, а личное и соборное, тогда: антисоциальное и антиобщественное. Социальное и общественное автоматизирует, униформирует, а еще формалисты говорили, что искусство — остранение, уничтожение автоматизма. Социальное — *profanum* и общее, искусство, всякое, в какой-то степени *sacrum* — лично соборное и тайна.

У Выготского самое интересное, может, не то, что он говорит, а чего недоговаривает и сознательно или бессознательно подразумевает. Например, его цитаты из Спинозы о возможностях тела, упоминание теории Рутца — Сиверса — это эстетически-практическая интерпретация сказанного в Евангелии: Слово стало плотью.

Может, только в первобытном обществе *profanum* почти отождествлялось с *sacrum*. Муравей, изолированный от муравейника, как бы хорошо ни кормить его, вскоре умирает. Почти так же первобытный человек, вырванный из своего общества. У древних иудеев высшим наказанием было не только побивание камнями, но и изгнание из общества. Только наивное, по терминологии Шиллера, искусство социально соборно, но уже Песнь песней, Книга Иова, может, большинство книг Старого Завета уже не наивно, не социально-соборно, а антисоциально и лично-соборно.

Мое Царство не от мира сего, сказал Христос. Всякая религия в какой-то, хоть небольшой, степени не от мира сего, Благая весть абсолютно не от мира сего. Тогда всякое большое искусство, хотя бы в некоторой степени, не социально-, а лично-соборно, то есть антисоциально. Может, есть общий корень всякой соборности, личной соборности — молитва, в чистой форме только — в Благой вести, полностью отрицающей мир сей, то есть социальность. Автономная мораль (рыцарь нравственности, по Кьеркегору) материализуется в праве. Связь государства и государственности с автономной этикой — Фихте, Гегель, Коген, Штаммлер. Но рыцарь веры вне нравственности, гимн любви апостола Павла не имеет ничего общего с автономной этикой, они несовместны. Бог обращается не ко всем, а к каждому в отдельности. Тогда и соборность — самое личное и интимное: где собраны двое или трое во имя Мое, там буду и Я. И также искусство —

личное, интимно-соборное, хотя бы прямо ничего и не говорило о вере и Боге.

Социальное — агрегат, который официальная государственная религия кощунственно пытается освятить и превратить в органическое соборное единство.

Схема: органическое социально-соборное единство, *sacrum* — *profanum* (золотой век); абсолютное разделение социального — *profanum* и соборного — *sacrum* (Благая весть); кощунственное освящение социального, кощунственная попытка отождествить *profanum* с *sacrum*. Но золотой век был только до грехопадения Адама, то есть до истории, в истории же — только некоторое приближение к нему в древнейшие времена.

25 октября. Читать Послания, даже апостола Павла, сразу же после Евангелия рискованно, то есть соблазнительно: слишком велика пропасть между Богочеловеком и хотя бы самым мудрым человеком. Навязчивое плебейство убедительности, навязчивость, назойливость, глупость ума и убедительности даже мудрых человеческих высказываний. Иногда это чувствуется даже у апостола Павла, чаще не в содержании, а в форме высказывания, хотя большей частью он не убеждает, а уязвляет. Затем его смирение, иногда это смирение паче гордости: чувство собственного достоинства — не часто, но всё же бывает. Христос Сам называет Себя Сыном Божиим, говорит: Я и Отец — одно, — но у Него и это звучит скромнее и смиреннее, чем смирение раба Христова и «некоего изверга» Павла.

О некотором факте. Как бы ни относиться к Богочеловечности Христа и к чудесам в Евангелиях, даже Луки, в них есть некоторый такт чудесности, то есть как чуда, чего нет в Деяниях и часто и у апостола Павла.

6 ноября. Дневник Е. Иванова и «Воспоминания о Блоке» Павлович.
Последнее разделение:

А. Взять на себя грех мира:
я виноват за всех и перед
каждым. Тенденция
к Христу. | Б. Отвергнуть вину-culpa:
все виноваты за меня
и передо мною. Тенденция
к антихристу. |
|--|--|

Я говорю тенденция, потому что полностью, реально взял на Себя всю вину-*culpa* только Христос, и полностью отверг вину-*culpa*, пожелав обладать виной-*causa*, только антихрист. Личность — только через принятие на себя вины-*culpa*, значит, в стремлении и в конце концов

вере в Христа, принявшего на Себя всю вину-супра. Дьявол не анти-Бог — это манихейство или язычество, а анти-Христос, то есть антихрист, поэтому, как полностью отвергший вину-супра, безличный, имеет не лицо, а личину. (Народные поверья: у дьявола спина заменяет лицо, на бесовских шабашах дьявола или его заместителя целуют в зад.)

Я понимаю слова Гоголя, сказавшего, что умом он понимает, что Христос — Богочеловек, потому что человек не мог так понять человеческую природу, а веры не хватает. Он называл это черствостью души. Я могу понять даже слова Розанова, не записанные, а шепотом с великим страхом сказанные Мережковскому: я не люблю Его (Христа). Розанов: «У Бога два сына — мир и Христос. Оба прекрасны, хотя второй прекраснее; но Он требует отречься от первого сына, а я люблю и первого сына и не могу отречься от него» («Метафизика христианства»). В этих словах чувствуется бесконечная заинтересованность Христом, а у Блока этого не было, он до конца был далек от Христа, безразличен, даже враждебно безразличен к Нему, потому что Блок в конце концов хотел перестроить не себя, а мир, то есть брал на себя не вину-супра, а вину-сауса — его интерес к общественности, к революции.

Есть две опустошенности: онтологически-религиозная и психологически-субъективистская; первая — абсолютная субъективность, вторая — субъективизм, обвиняющий не себя, а других. О первой говорят Псалмы, Исаак Сирианин, Гоголь, Достоевский — это оставленность Богом: Эли, эли, лама савахфани. Выдержит человек — хорошо, не выдержит — сам виноват, хотя бы и без вины, и никого винить не будет. А Блок винил даже мать.

Самый сильный вопль тот, которого никто, кроме Бога, не слышит. Может, этот вопль и движет горы. А вопли Блока слышали даже на улице.

Искренняя ложь и лживая искренность — вот что Блок, и в творчестве.

«Всё не упоминай имени Господа Бога твоего». Это относится и ко всем словам в окрестностях Бога. А Блок и символисты всё упоминали.

Может, главное: не судите, да не судимы будете. Это значит: взять на себя вину своего ближнего — быть виноватым перед ним, может, это и есть вера в Христа, взявшего на Себя грех мира, тогда я сораспинаюсь Христу.

Если грешит мой ближний, которого я знаю, я осужу его грех, а не его самого, взяв его грех на себя. Если грешит человек, которого я не знаю, знаю его грех только по его книгам, по его взглядам, например Кьеркегор, Ницше, Блок, то что значит: не судите, да не судимы будете? Много лет я вел спор с Бахом, я чувствовал соблазнительную

прелесть некоторых арий Баха, соблазнительность в артикуляции речитативов из М. Р. и I. Р.; два соблазна: деспотизм волевого убеждения и наркотический соблазн, как у Стравинского. Но с ними у меня много общего, что объединяет. В воскресенье я сказал М.: мне жалко Стравинского; у Шёнберга много плохих вещей и мало хороших, но его мне не жалко, в хороших вещах он совершил то, к чему был призван, а Стравинский не совершил. Я осуждал не Стравинского, но только неправильный путь, на который он вступил после 1920 г. Еще большой спор был у меня с Кьеркегором. Но снова: я его целиком принял, целиком отверг, но тогда уже не его, а себя. Но что общего у меня с Ницше, Джеймсом, Файхингером, Дильтеем? С философами, философствующими ни о чем? Только одно: моя пошлость, именно моя, моя пошлость ветхого Адама во мне. Это я полностью отвергаю, в моих вещах ничего нет от этого. Тем сильнее я отвергаю их, что они когда-то всё же были мне чем-то соблазнительны: мне нравилось иногда читать их, хотя я и не принимал их — какая-то соблазнительная щекотка. Но именно поэтому и тем сильнее я отвергал их: в них я находил всё нехорошее и пошрое, что сидит где-то у меня в глубине, поэтому я и не мог отождествиться с ними. Если есть что-либо общее кроме греха, я могу отождествиться с грешником, принять вину его греха на себя, молиться о нем: прости его, Господи, он не ведал, что творил. Так и Якоби отнесся к Спинозе. Если же с философом, философствующим ни о чем, общее у меня только его пошлость и то, что я называю подлой мыслью, то как мне отождествиться с ним? Он сам для меня только абстрактное воплощение моего греха, моей пошлости, моей подлой мысли. И также Блок: общее с ним у меня только то настроение, которое пробуждалось под влиянием зеленого змия: лет 15 тому назад, выпив, я любил читать Блока, трезвым никогда не читал. Если бы я был знаком с ним, я бы мог взять на себя вину его греха, но ведь для меня он только символ прелестей зеленого змия, пошлого надрыва, жалости к себе, литературщины и желания взять на себя вину-causa.

Белый пишет в дневнике: был Блок, читал стихи, потом истекал клюквенным соком.

1970

3 января. Из [тетради] 8/10:

1968.13.IX. «Я ищу слова, чтобы зафиксировать новую ситуацию, в которую меня ввел Бог, понять свое место в трансцендентной ситуации... Я потеряю всё, если не найду слова, чтобы зафиксировать ее».

Я еще не нашел это слово. Это должно быть актом ноуменального названия. Этот акт двойной: ι-искупление и ε-искупление моего греха; или: искупление моего ι-греха и моего ε-греха.

3 января. Если не человек выбирает идею, а идея человека, то сейчас, мне кажется, идея, выбравшая меня, говорит мне: ты сделал что мог, больше ты мне не нужен, иди...

17 января. Слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную; и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь (Ин. 5:24).

23 января. «Возлюби Господа Бога твоего...» Предположим, я люблю кого-то, например А, или что-то, например α. Предположим, это не суетная любовь, не прихоть, а ноуменальное отношение к человеку А или к делу α. Предположим, я твердо знаю, верю и знаю, что это мое призвание, что я призван к этому и что без этой любви к А или к α я — не я.

Антиномия.

1. Я так возлюбил Господа Бога моего, что отрекся ради Него и от А (без вреда для него) и от α. Кто тогда возлюбил Бога — я ли, ноуменальный я, или только абстрактный полюс некоторого интенционального отношения? Буду ли тогда я что как ничто или только ничто как ничто? Будет ли тогда отношение и любовь к Богу личным?

2. Но ведь любовь к А или к α не эгоистическая, а ноуменальная, именно в этой любви я отрекаюсь от своих прихотей, от себя самого, именно в этой любви я что как ничто. Но есть ли это полная нищета духа? (Об этом и зимой 1940–1941 гг. и в [тетради] †2, 20.XII.)

Это одна из антиномий и аналогична антиномии отношения к единственному и к каждому ближнему, антиномии абсолютного

предопределения и абсолютной свободы и др. Я думаю, оба тезиса истинны и несовместны, истинны и совместны в своей несовместности.

В феврале 1966 г. я записал: «Сейчас есть я — Ты, но нет я — Ты — ты, как я ни стремлюсь к нему».

Сейчас есть я — Ты — ты, но все он, она, они исчезли из моего горизонта.

25 января. Кьеркегор понял, как трудна вера, сделал ее еще более трудной, настолько трудной, что некоторые маловеры стали сближать его с Ницше. Ее надо сделать еще более трудной, невозможной, тогда она будет живой верой — жив Господь, жива душа моя. Сколько останется тогда верующих? Не знаю, но лучше один верующий на легион неверующих, чем легион фарисеев и ни одного верующего. Много званых, мало призванных.

3 февраля. «Искушения друзей Божиих, которые смиренномудры.

Искушения, какие бывают душе от духовного жезла к ее преспеянию и возрастанию и которыми она обучается, испытывается и вводится в подвиг, суть следующие: леность, тяжесть в теле, расслабление членов, уныние, смущение мыслей, мнительность от изнеможения тела, временное пресечение надежды, омрачение помыслов, недостаток человеческой помощи, скудость в потребном для тела и тому подобное. От сих искушений человек приобретает душу одинокую и беззащитную, сердце омертвевшее и смирение. И сим дознается, начал ли он возделывать Создателя» (Ис[аак] Сир[ианин]. Слово 78). И также Слово 88.

6 февраля. «Жив Господь, жива душа твоя» — это выражение несколько раз встречается в Старом Завете. Может, это было приветствием в особо торжественных случаях? Когда я вижу, что жив Господь, жива душа твоя, жива и моя душа: ты — Ты — я.

14 февраля. В 1956 г. я писал, что я ноуменальный — не тот, кто живет, говорит, мучается в игнавии, а кто пишет ТФТ, вернее, даже сам ТФТ — *не помещающееся* в моей душе. Сейчас я бы сказал наоборот: я

хотел бы найти *не помещающееся* в моей душе в том, кто часами валяется на кровати, ничего не делая, почти не думая, и упорно, мучительно, без всякого удовольствия пожирает себя самого.

22 февраля. Действительно ли я так пожираю себя, как написал это? Или я мучаюсь оттого, что ничего не мучает меня? Чего мне не хватает: смиренномудрия, нищеты духа или вопля: Эли, Эли, лама савахфани? Два ли это — нищета духа и вопль — или одно? От сокрушения сердца я воплю, а в нищете духа и смиренномудрии? Я живу в какой-то Gelassenheit — та ли смиренномудрая или безнадежный автоматизм повседневности? Но если это, как я раз сказал Т., — оптимистический пессимизм, — то ли мудрое смирение или скорее немудрая безнадежность? Я в тесноте, в тесной яме и двинуться не могу, Господи, Иисусе Христе, вытащи меня, Господи, поспеши, Господи, не умедли.

26 февраля. Надо найти не общее, а вполне конкретное экзистенциальное место самого греха, акта греха. Об этом я писал еще в январе:

А. 1. **Акт** святости или праведности, то есть покаяния, — абсолютная свобода.

2. Состояние праведности — justus peccator.

Б. 1. **Акт** греха — акт свободного выбора.

2. **Состояние** в грехе — в рабстве свободного выбора.

Чем отличается акт свободного выбора от состояния в рабстве свободного выбора? Некоторой первоначальностью намерения. Б1 — абсолютно противопоставляется А1. А1 — неопределенное отрицание Б1. В самом Б1 оба — и А1 и Б1 — только два отраженных абсолютных: выбор невыбора и выбор выбора. Поэтому из Б1 естественным путем нет выхода. Б2 — незаметно проникает в А2, поэтому А2 только justus peccator. Соотношения здесь аналогичные логическому квадрату: если Б1 — А, то А1 — не Е, а скорее — $\bar{A}$, то есть О; в самом Б1: Б1 и А1 противопоставляются, как А и Е. Отношение А2 и Б2: I и О. Это только аналогия. Б1 акт $\mu\eta\ \delta\upsilon\nu$. Но ведь $\mu\eta\ \delta\upsilon\nu$ — это само $\omicron\upsilon\chi\ \delta\upsilon\nu$, то есть $\omicron\upsilon\chi\ \delta\upsilon\nu$ как само — $\mu\eta\ \delta\upsilon\nu$. Тогда:

{	А1 — возможность, которая не есть возможность: я что как
	ничто.
	Б1 — возможность, которая есть возможность: я сам.

А1/Б1 — возможность возможности или ноуменальный акт.

Если я создан по образу Христа (апостол Павел) и человеческая природа Христа подавляется Божественной, так что Христос только как бы человек, то монофизитизм, доведенный до докетизма, переходит в акосмизм: я как индивидуальность и личность существую только quatenus — поскольку или как бы.

Если произвол свободен только тогда, когда подчиняется seiner eigen allgemeinen Gesetzgebung, тогда сама воля обусловлена своей трансцендентной необходимостью, тогда трансцендентальная свобода есть трансцендентное рабство.

Сама чистая воля тогда одна и та же у всех. Тогда или нет отдельной личности, или отдельная личность только в грехе, первое — акосмизм, второе — манихейский дуализм.

Где лежит начало возможности выбирать между добром и злом, то есть Willkür? По Канту, если в сверхчувственном, то воля демонизирована, так как в интеллигибельном найдется неинтеллигибельное — неразумное, а Кант определяет волю как разумную: чистый разум — практический. Если в чувственном, то умаляется сила и всеобщность греха, — пелагианизм.

Кант из-за своего преклонения перед разумом не мог всякий произвол и выбор признать грехом и до конца провести различие между свободой выбора и абсолютной свободой — это нарушило бы автономность человеческой свободы. Он не понимал, что абсолютная свобода — не моя собственная свобода, а дар мне. Моя же собственная свобода только liberum arbitrium — servum liberum arbitrium.

Надо различать:

а. Непроизвольное желание — Wollen, например взглянул на женщину с пожеланием; пусть я сразу же воздержался, то есть отверг его, пусть я отверг его из самых чистых побуждений, но ведь всё же пожелал, хотя бы на мгновение, значит уже прелюбодействовал в душе своей.

б. Подавление греховного желания из суетных побуждений: страх возмездия или потери репутации, «неприлично» и др.

в. Подавление его во имя свое — Wille: это уже **сам** грех, больший, чем *а* или *б*, и, может быть, полная потеря личности в allgemeinen Gesetzgebung.

г. Неопределенное отрицание во имя Твое. Будьте святы, как и Я свят. Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный. Но ведь Бог не выбирает, поэтому уподобление Ему — отречение от всякого выбора: пусть будет не по моей, а по Твоей воле.

28 марта. Я удивляюсь неоригинальности и несмелости мысли. Неоригинальность и несмелость в том, чтобы смотреть чужими глазами. Я не понимаю, зачем смотрят чужими глазами, когда есть

свои. Я знаю, что это трудно — смотреть своими глазами, но ведь если смотреть чужими глазами, то вообще ничего не видно. Иногда, когда очень трудно смотреть своими глазами, я думаю: как хорошо было бы, если бы я был спинозистом, или кантианцем, или фихтеанцем, — всегда были бы чужие глаза, на которые можно сослаться, готовы ответы на все вопросы, и вот это ответы на все вопросы — страшно, это автоматизм мысли и повседневности, предельность мысли — темница, в которую я заключен. Я не говорю, что искание истины предпочитаю самой истине, само это противоположение предельно — два отраженных абсолютных. Я говорю о другом: истину я не знаю, а имею, имею, когда она владеет мною. Но тогда я не смотрю чужими глазами, я уже не могу смотреть чужими глазами, когда она владеет мною, она открывает мне мои глаза. Тогда уже нет готовых ответов на все вопросы, в вопросе рождается ответ, в вопросе я вижу ответ. Иногда же наоборот: ответ и в нем вопрос. Или сам вопрос есть ответ. Тогда нет готовых ответов на все вопросы, потому что нет всех вопросов, но один вопрос есть несколько вопросов, и нет готовых ответов, вопрос и ответ нераздельны. Это уже видение.

Странно, что мне пришло это сейчас, когда глаза почти закрыты, веки тяжелы, как у Вия, и еле-еле, чуть-чуть приоткрываются иногда, когда всё время не оставляет меня один вопрос: зачем?

8 апреля. Слова апостола Павла, что Бог будет всё во всём, не только экономическое понимание Троицы, но, во-первых, утверждение, что в конце концов все будут спасены, и, во-вторых, акосмизм, ведь для Бога всё сейчас — вечное сейчас. Правда, остается возможность, что неспасшиеся вернутся в ничто, из которого сотворены. Но если Бог будет всё во всём, то где будут спасшиеся?

Ин. 12:32. И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе.

Может, так:

актуальность акта: в конце концов спасены все, Бог всё во всём;

актуальность отрицания: разделение остается.

Обе актуальности: не логическое или гносеологическое разделение — тогда это только интенсивное и экстенсивное отношение, — а онтологическое. Поэтому оба ответа, для меня самого несовместные, реально совмещаются, хотя я сам и не могу понять этого.

16 апреля. Нил Сорский: «Блажен инок, который на содевание спасения и преспеяния всех взирает, как на свое собственное».

Труднее представить себе свое спасение, чем спасение других. Иногда даже кажется, что легче представить себе спасение всех, кроме меня, чем свое собственное.

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

29 апреля. Кажется, уж всё знаю, как исправить ТФТ, а по-настоящему не могу подступить.

Господи, как преодолеть бесовскую абулию, бесовскую инерцию, что она значит? К чему?

Т. написала на папиросной коробке:

«Где огонь, скажи?
Куда идти?
Куда?
К кому?»

16 мая. Страшное:

1. Ключевский. Пренебрежительно-враждебное отношение к России, к русским, к людям вообще. Пошло-антирелигиозное высказывание, смысл его: люди по природе лакеи, рабы, поэтому придумывают себе хозяина — Бога. Это одновременно с его «Историей России», исследованиями о святых и др. Как совместить?

2. Ефрем Сирийский. Наряду с прекрасной молитвой — Господи, Владыко живота моего — предсмертное завещание, где он перечисляет, кого ненавидит и проклинает (еретики и др.). Как совместить?

3. Церковный историк Сократ (или Сосиген, или Евогрит?) говорит, что церковь анафематствует не еретиков, но их учение. Еретики, говорил он, бывали часто хорошими людьми и христианами, только ошибались. Это либеральное прекраснотворение, может, не менее страшно, так как непонимание греха ведет к деизму, к вере в человека, а не в Бога и в конце концов к безверию. В религиозных вопросах нет ошибок, но грех. Поэтому: прости им, Господи, ибо не ведают, что творят. И меня прости, Господи, ибо не ведаю, что творю.

19 мая. Вера возникает не из страха смерти, а из потребности, из непреодолимого тяготения к непонятному, к тайне, к тому, что превосходит всякое понимание, к Божественному безумию. Но я **сам** — понимание. И в то же время в меня вложено бесконечное тяготение к

непонятному — к тому, что не я, к Тому, Кто не я сам. Не потеря личного сознания пугает — мистики всех религий стремились к этому, — а оставленность Тем, Кто вложил в меня бесконечное стремление к Нему.

21 мая. Знак — или указывает на что-то другое — символ, или как то, что он есть, есть другое — иероглиф.

25 мая. Гипостазирование в теоретическом и практическом отношении. Практически гипостазирование грех. Но это уже сказано и осознано, без осознания грех есть ли грех? Тогда ie . Но грех отражается и в теоретическом, тогда два разделения:

1) i — объективирование и противоположение само по себе не грех;
 e — активное ограничение собою и противоположение себя Богу — грех;

2) ie $\left\{ \begin{array}{l} \text{iei} - \text{грех во мне} \\ \text{iee} - \text{грех вне меня, тайна} \end{array} \right. \left\{ \begin{array}{l} \text{iei} \text{ чисто теоретически,} \\ \text{iee} \text{ теоретически-практически} \end{array} \right.$
 $\text{iee} - \text{грех вне меня, тайна} - \text{чисто практически.}$

Барух. 2:18. «Душа, сильно опечаленная и сокрушенная, с выпланными глазами, алчущая и жаждущая, славит Бога, Его величие и праведность».

Маловерие. Ездра. 8:22: так как мне стыдно было испрашивать у царя войска и всадников для охранения нашего от врага на пути; потому что мы так говаривали царю: рука Бога нашего для всех прибегающих к Нему есть благодетель; а могущество Его и гнев Его на всех оставляющих Его.

Или прощительная человеческая слабость? Или вера, победившая неверие?

«...Во времена искушения и соблазнов наступает так называемая *fühllose Glaube*, преодолеть которую очень трудно» (Oettingen).

31 мая. «Есть», «не есть» имеет не только онтологический, но и логический и гносеологический смысл. Связь слова со смыслом, с бессмыслицей и с Словом не только у меня, но и у Введенского.

«Теория слов» Л. — связь с дыханием. Но ведь: дыхание — душа — жизнь. Может, у Л. здесь то же, что и у меня, и у Введенского, но как бы другая сторона. Начало «Теории»: слово само по себе первоначально ничего не выражает, кроме того, что оно есть: вдох — выдох, то есть само по себе бессмысленно, — связь с В. и со мною: знак и знак знака. Смысл является потом при проекциях на жидкость, на мускульные усилия и др.

Хайдеггер: «Если бытие связано с пониманием, то в пределах понимания надо вернуться к понимающему». — А не скорее ли к непонимаемому и к непониманию? Во-вторых, бытие столько же связано с пониманием, как и с непониманием, — радикальность отрицания. И В., и Л., и я чувствуем непонимание, бессмыслицу, тайну, а Хайдеггер самой установкой уже отрицает путь к *docta ignorantia*.

2 июня. Без ты нет я. Есть ли ты без я? В основе: без Ты нет ни я, ни ты: где двое или трое собрались во имя Мое, там буду и Я. Тогда и я — Ты — я, я — Ты — ты, ты — Ты — я.

Гуссерль говорит: исключить всё **чужое**, не я, тогда приходишь к трансцендентальному я. Как будто бы я сам, в самой глубине своей не чужой себе: я **сам** и есть чужой себе. Но добавив: чужой себе самому, я уже объективировал и себя, отождествил первого я сам со вторым — «себе самому», и так продолжая объективирование себя самого, всё дальше ухожу от себя. В этом синтетическом единстве (а не тождестве) и заключен один из двух принципов чуждости, то есть отчуждения от себя самого: я сам → (я сам) сам... Преодоление отчуждения в синтетическом тождестве (а не единстве) различного. Как его достичь? Это мне не по силам, совершается не мною, и всё же мною, но уже в ничто, которое Бог оставил мне для моей абсолютной свободы, и снова не моей, а Его. Потому что абсолютная свобода только в ничто и из ничто. Это ничто οὐχ ὅν в μὴ ὅν только свобода выбора, то есть рабство.

6 июня. Гуссерль говорит, что не только духовное, но и душевное, даже психическое у животных принадлежит к *Nicht-Natur*. Это абсолютно неверно, при этом вообще понятие греха исчезает и разница между человеком и животным только количественная, человек уже не сотворен по образу и подобию Божьему. Только духовное принадлежит к *Nicht-Natur*, у Бога же — к абсолютному *Über-Natur*, и через Христа человек касается его (Афанасий против Ария).

«Wesensallgemeinheit». Но я не Allgemeinheit: на что человеку целый мир, если он повредит своей душе. Я не Allgemeinheit, но тот, кто вредит своей душе.

«Wesenserkenntnisse und Tatsachenerkenntnis». Но первое только через второе: онтологическое обосновано онтически, то есть фактически.

Почему вообще существует внешнее мне, трансцендентное? Потому что в моем греховном взгляде я приписываю ему, как и себе, грешнику, самостоятельное, автономное, **свое** бытие и самость.

8 июня. Пушкин.

14 июня. Вечером я играл Т. Баха, в том числе Бурре из партиты h-moll в французском стиле. Утром Т. рассказала мне сон, снившийся ей этой ночью: ко мне пришел Бах и сказал: я знаю, ты любишь Бурре. Я написал его для тебя за 200 лет до твоего рождения.

16 июня. Три требования к творческой жизни, то есть к жизни личности, а не только индивидуальности:

1. Смотреть своими глазами на жизнь, а не чужими. —

Некоторая смелость.

2. Фантазия. Правдоподобие — ложь, это подобосущие, то есть арианство, жизнь неправдоподобна. Не правдоподобие, а именно неправдоподобие — истина: единосущие.

3 Некоторая поэтичность. Это ноуменальное прикосновение к жизни, к Богу.

17 июня. Надо различать:

Во-первых. А. Несовместности и противоречия в самих вещах или состояниях, о которых я говорю.

Б. Противоречия в изложении и рассуждении об этих вещах.

Во-вторых. А. Неизбежные противоречия самого изложения и рассуждения вообще.

Б. Неизбежные противоречия определенного изложения и рассуждения: определенность предмета исследования или метода исследования.

В-третьих. А. Противоречия, сводимые на антиномию или закон.

Б. Абсолютные противоречия.

20 июня. I. Не могу, но хочу. II. Могу, но не хочу.

Всегда ли I плохо? Всегда ли II хорошо? Во всяком случае I часто, может, всегда, производит неприятное и жалкое впечатление.

21 июля. В пятницу 17.VII, когда я шел мимо Смольного в поликлинику, мелькнула мысль, очень ясная, но несформулированная, и сформулировать ее трудно. Что значит ясная, но несформулированная? Ясна была ее сила и убедительность, но содержание ее было неясно, ясна была интенсивная, а не экстенсивная ясность, ясность акта, а не содержания. Но я не смог ясно сформулировать ее, ясность была не в высказывании, а в молчании. Но тогда или в этом отношении ясность была именно экстенсивной, а не интенсивной? Это был очень ясный намек. На что? Но как я могу сказать? Очень приблизительно и неточно я могу сказать, что это был намек на то, что меня интересует и мучает уже больше двух лет. Еще более приблизительно и неточно я могу сказать, что это был намек на всемогущество и святость Божию и на мою бесконечную греховность, мою бесконечную вину без вины. Это был намек от Бога, улика Бога.

Всё же попробую сформулировать ее, ведь я всё время думаю об этом, всё время она, эта мысль, сидит во мне. И когда я отвлекаюсь от нее, почти забываю ее, я не забываю, я думаю. И сейчас я думаю: вот мне послана соломинка, тонкая как паутина, я ухвачусь за нее, и Он вытащит меня.

Мысль эта говорит мне: ты страдаешь; ты бесконечный грешник, потому ты и страдаешь, чем же Он виноват? Ты ведь даже доходил до мысли, которую и выговорить страшно, ты и не выговаривал ее, только боялся, но разве этот страх не есть уже грех, может, даже больший, чем высказать эту страшную мысль? — И Христос сказал: Я высказал твою мысль: Эли, Эли, лама савахфани. Я взял на Себя твой грех. Я виноват за тебя, за всех: проклят всяк висящий на древе.

Я останавлиюсь. Я боюсь солгать. Но и этот страх, что это — страх перед фарисейством и лицемерием или страх подлой мысли? И первое и второе — грех — грех маловерия: что вы так боязливы, маловеры? Это сказал Христос ученикам, тем более мне.

Именно в сознании своей бесконечной греховности мелькает улика Бога. В подлой мысли, внушаемой мне отцом лжи, в бесконечном страхе перед подлой мыслью мелькает улика Бога.

Рече безумец в сердце своем: несть Бог. Это еще не подлая мысль, это глупая мысль.

Deus sive natura. Спиноза растворил в первом члене — Deus — второй. Это акосмизм, грех последовательно проведенного монофизитизма. Но это еще не сам грех, не смертный грех, не хула на Духа Святого. Вот сам грех, смертный грех, хула на Духа Святого — подлая мысль: растворить первый член во втором. Эли, Эли, лама савахфани.

Я сказал, я всё время говорю: Эли, Эли, лама савахфани, и вот в этой мысли, в самой страшной мысли, мелькает Твоя улика.

Вот подлая мысль, хула на Духа Святого: soli natura. И здесь в бездне подлости, бездне страха и отчаяния явилась мне улика Бога: жив Господь, жива душа моя.

На этом я остановился вчера. Я остановился, потому что почувствовал некоторую фальшь. Я почувствовал фальшь не в этом изречении самом по себе, а в его применении ко мне. Подобные изречения, а может, и всякое изречение, всякая мысль, всякая истина, истинны, когда я могу применить их к себе, а до этого не истинны и не ложны, а *adiaphora*. Но я не просто привел это изречение, а применил его к себе. Тогда оно стало ложью. Потому что я не могу сказать: жива душа моя. Но я ухватился за соломинку и надеюсь, что Он вытащит меня, оживит мою душу.

22 июля. Я пытаюсь исправить и дополнить ТФТ. Я уже собрал и разложил по местам все необходимые записи, остается только соединить их, включить в текст, и этого я не могу. Что мешает мне? Непобедимое, непреодолимое отвращение к соединению. Что это, природное или бесовское? И я подумал: лучше уж бесовское, чем естественное. Потому что в бесовском таится двусмысленность, а естественное плоско: в нем ничего нет, кроме естественного.

После грехопадения естественность наиболее хитрая и подлая уловка дьявола.

За полтора месяца жизни в Пушкине несколько небольших записей в «Принадлежностях». Почему? Отчасти потому, что я больше жил, чем думал. Но разве есть жизнь без мысли о ней? Есть, но это актуальность отрицания. Было ли за это время? Не знаю. Но есть еще страх соединения, не макро-, а микросоединения, потому что и отдельная

мысль есть соединение микроэлементов мысли, соединение микромыслей.

25 июля. Я снова вернулся к ТФТ. На стр. 14 приготовлена запись. Я уже знал, как включить ее в текст. И снова отложил соединение, воспользовавшись тем, что через 10 или 20 минут должна вернуться Т. Я именно воспользовался этим, чтобы отложить. Лег на диван и стал думать: что это, естественный страх или Alleinwirksamkeit Gottes? Первое — страх подлой мысли. Затем я думал, могу ли я преодолеть этот страх соединения? В конце концов это страх фиксации, по-видимому, это тоже грех монофизитизма. Но что значит могу? Ведь могу значит именно не могу, из возможного нет выхода, возможное преодолевается невозможным.

29 июля. Через несколько дней я всё же соединил приготовленное на 14-й странице. Эти дни продолжаю соединение. Но вернусь к 22.VII. Когда я лег тогда на диван, я подумал: что значит **не могу** сделать, когда **могу**, то есть знаю, что могу? Что значит **могу** — **не могу** при Alleinwirksamkeit Gottes? Не опровергает ли могу Alleinwirksamkeit Gottes? Или Alleinwirksamkeit Gottes уничтожает мое **могу**? И тогда и наступает абсолютная свобода? — Если Сын освободит вас, то вы истинно свободны будете. — Как понимать, что Alleinwirksamkeit Gottes уничтожает мое **могу** и создает мою абсолютную свободу?

13 августа. Я продолжаю исправление и дополнение ТФТ. И всё же это пока только работа, а не настоящее дело. Аpeiron мыслей, а формы не чувствую. Кажется, неделю или две тому назад почувствовал приближение вестников — письмо к Т. — и всё же они еще далеки от меня.

26 августа. В ТФТ оказалось работы больше, то есть надо исправлять больше, чем я предполагал. Не так легко преодолеть монофизитизм и акосмизм. Связь даже теоретич[еской] философии с христологией: акосмизма с монофизитизмом, солипсизма с докетизмом. Если Божественная природа подавляет человеческую, то неразделенность двух природ переходит в их соединенность, а это ведет к докетизму. И в теоретич[еской] неразделенность без несоединенности приводит к акосмизму. И так же солипсизм — гносеологический докетизм. В ТФТ

абсолютный факт почти сразу переходил в единственный факт. Тогда где мир? От докетического солипсизма я переходил к монофизитскому акосмизму, только слабый намек в неразвитой теории относительного факта, может, еще в гипостазировании абсолютного факта, вернее, в его дегипостазировании. Но в изложении самого гипостазирования я всё время боялся реальности гипостазирования, то есть реальности греха. Я говорил о несущности гипостазирования, забывая, что грех моя сущность. От этого же некоторый интеллектуализм. Недостаточно ясно сказано, что гипостазирование не чисто теоретическое, но практическое в теоретическом, мой грех вмешивается и в мои теоретические рассуждения.

Что мне дали последние 2 ½ месяца? Некоторое преодоление моего монофизитизма, во-первых, практическое, во-вторых, теоретическое. Первая ступень преодоления монофизитизма — с 16.X.63 до опустошенного взгляда: я почувствовал и понял **ты**, потеряв его в жизни. Вторая ступень — после «Видения»: неслучайная случайность. Практически и теоретически мне много дал последний месяц или полтора. Может, некоторое практическое преодоление помогло и теоретическому.

Слово стало плотью. Это должно быть и в практическом, и в теоретическом. В практическом — это деятельная любовь. Но также отсутствие брезгливости к телу, брезгливость — сублимация докетического абстрактного солипсизма. Особенно то, о чем я писал в «Принадлежностях 8/10» [тетради † 8/10]. В теоретическом — это боязнь признания сущности гипостазирования — не гипостазированного, а самого гипостазирования, то есть греха. Слово стало плотью, той же самой, что и моя греховная плоть, хотя и оставалось безгрешным. Поэтому признание несущности гипостазирования — докетизм.

Мои вещи всегда были экзистенциальны — написаны по определенному, конкретному поводу. Но, может быть, еще никогда это не было так конкретно и жизненно, как сейчас, за последний месяц или полтора. Может, не случайно работа с ТФТ сдвинулась с мертвой точки во второй половине июля.

И Слово стало плотью.

15 сентября. Четыре тенденции в ТФТ:

1. Психологическая или трансцендентально-психологическая.
2. Гносеологическая.
3. Онтологическая.
4. Телеологическая, я понимаю ее как теологическую: мое слово сказано Словом. Но как тогда понять грех. Если же не сказано Словом, то мое слово — абсолютно творческое, то есть сейчас моей души само

себя сотворило. Это уничтожение не только Alleinwirksamkeit, но и Alleinwirksamkeit Gottes. Но синергетизм тоже не решение — ограничение Alleinwirksamkeit Gottes. Скорее всего, верно первое: мое слово сказано Словом, а грех останется тайной сотворенной личности. Ведь понимание греха как бесконечной дистанции между моей сотворенностью и бесконечным даром мне, как невозможности принять бесконечный дар, а рабской свободы выбора и вины — как невозможности ни принять, ни не принять бесконечный дар не объясняет различия личностей, то есть подробности, относительной, относительно-абсолютной и абсолютной, подробность остается тайной греха, но сама она не греховна, ведь абсолютно экстенсивная подробность — это творение мира (εε) и вочеловечение Слова (ελ). Подробность свята, но открывается в тайне греха или тайной греха.

16 сентября. Может, в ТФТ будут две ступени:

I. Онтологически-теологическая. II. Трансцендентально-психологическая и гносеологическая — первая часть, вторая — религиозная: тайна греха.

Может, так:

Часть первая. Онтологически-теологическая.

1. Абсолютный факт. 2. Единственный факт.

Часть вторая. Трансцендентально-психологическая, религиозная.

1. Трансцендентальная психология. 2. Религиозная.

В трансцендентальной психологии должно быть и о солипсизме экстенсивном, интенсивном, абстрактном и безличном. Более понятным было бы обратное соотношение: раньше трансцендентально-психологическая часть, а потом онтологически-теологическая, но мне кажется, раньше надо понять абсолютный факт как онтологически-теологический, а потом более лично и психологически. Тогда читать ТФТ надо так: I, потом II, потом снова I.

19 сентября. Вот я беру какого-нибудь философа, Канта или Кьеркегора, или свои вещи. Беру поэта, например Введенского, или композитора — Веберна. В самых различных вещах я нахожу общее, общую связь, не всегда дискурсивную, всегда интуитивную, остается главная неизменная интуиция — интуитивная система. Дискурсивные изложения этой интуитивной системы большей частью, может, даже всегда, не вполне адекватны неизменной даже в изменении интуитивной системе. Кто автор или творец этой системы? Теперь я ограничусь собой. Вот у меня есть некоторая интуитивная система. Но ведь эта интуитивная система — акт творения моей души. Что же, я

творец своей души, себя самого? Это бессмысленно. Автор интуитивной системы Бог, я только слабый посредник.

Музыка Веберна — мир в его творении. Не Веберн создал ее, а Бог, Веберн только посредник. Музыка его существовала от века, Веберн не написал, а только записал ее.

25 сентября. С конца 1963 г. я снова стал писать и писал много, но творчество было для меня мукой творчества — страданием. Я был **почти** тем, что Кьеркегор называет рыцарем веры, а жизнь рыцаря веры — страдание. Но **почти** — ложь. Я **почти** ушел из жизни, и это **почти** было ложью. После опустошенного взгляда с лета и осени 1967 г. началось истощение творчества. Затем неслучайная случайность, я вернулся к Т., Т. вернула меня к жизни. Четвертая часть Добавления к «Видению» (1968.I) — о молитве — прощание с периодом жизни 16.X.63–XII.67. Я вернулся к жизни, много пишу и имею от этого удовлетворение. Хорошо ли это? Я переделываю ТФТ, вернее, пишу заново седьмой вариант после восьмилетнего перерыва. То, что было, не прошло бесследно, тень опустошенного взгляда осталась, и всё же я вернулся ко времени до 16.X.63. Нет ни того страдания, ни той радости страдания, которые были после 16.X.63. Хорошо ли это или плохо? Не знаю, но лучше не быть рыцарем веры, чем почти быть рыцарем веры. И еще: мне не хватало ноуменальной близости: ту, которая была, я потерял, новой не было, я искал ее не только в Боге, и это тоже была ложь, двойная: во-первых, **не только**: Бог ревнив, Он требует **только**; во-вторых, я искал не там, где надо. Так как я был не готов к этому **только**, Он послал мне Т. Но Он отошел от меня; может быть, чтобы я искал Его на земле. Я поднялся на небо и снова упал на землю. Я поднялся **почти** на небо и потому снова упал на землю. Жалею ли? Нет, потому что у меня есть Т. Грех ли это? Не знаю, ведь я был **почти** на небе, а **почти** — грех.

12 октября. В пятницу — 16.X.

13 октября.

Некоторые даты:	12.1.62	]	ТФТ — до 1962 г. и снова с 1970. Мне надо совершить некоторое соединение того, что было до 16.X.63, даже до 12.I.62, с тем, что было в 1964–1967, и с неслучайной случайностью.
	16.X.63		
	4.X.66		
осень — зима 67	5.VI.68	]	
	VIII.70		

16 октября.

22 октября.

A_1 . Я верю в Бога.	G_1 . Я верю, что я верю в Бога.
A_2 . Я верю, что Бог есть.	G_2 . Я верю, что я верю, что Бог есть.
A_3 . Я верю, что Бог воистину есть.	G_3 . Я верю, что я верю, что Бог воистину есть.

A_1 и A_3 — правильные формулы, A_2 слишком теоретична и незаинтересованна. Но формулы G скорее формулы веры в веру, а не в Бога.

A_1 . Я верю в Бога.

G_1 . Я не верю, что я верю в Бога, потому что:

1. Вера в Бога самое трудное, невозможное и если осуществляется, то только через невозможное.

2. Как и Сам Бог, вера как то, что она есть, больше того, что она есть. Поэтому когда веришь, то

или: α) я впервые сейчас понял, что значит верить, то есть впервые поверил;

β) я вспомнил, что всегда верил, без этого не мог бы жить;

или: я недостаточно сильно верю в Бога, моя вера очень слаба, ничтожна, бесконечно ничтожно мала, почти равна нулю.

И, может, это **почти** сделает ее бесконечно большой.

Надо различать теоретическую, философскую веру и практическую, живую веру, веру в Бога Авраама, Исаака и Иакова. Без второй первая не вера.

И еще: A_2 если не равносильно: верю Богу, то еще не живая вера. Если A_2 не ответ на вопрос, не возражение на зло, например: да, еще есть Бог на небесах, то не вера, а холодное, безразличное теоретическое утверждение. И также A_3 истинно, как ответ на вопрос: есть ли Бог? Да, воистину есть.

16 ноября. Я говорил: свою профессию надо знать, но не надо быть профессионалом. Я пишу ТФТ, и меня это увлекает. Три недели у меня была и вторая работа — о Бахе, вынужденная и не увлекавшая меня. В этой работе я был профессионалом, плохо знающим свою профессию, в первой — профессионалом, хорошо знающим свою профессию. На днях я затосковал: где же я? У меня не хватало времени на себя. Вчера я отказался от второй работы. Я подвел М., но он благородно освободил меня, даже без упреков, от второй работы. Вечером я думал: разве эта работа мешала мне быть с собою, я сам мешал себе. Быть с собой — значит быть с Богом. Для этого не надо писать даже ТФТ. Скорее и ТФТ мешает.

28 ноября. В вере два момента: Аа — абсолютная субъективность и Аб — соборность. Им соответствуют, хотя и не вполне однозначно: Ба — Священное Писание и Бб — традиция. Соответствие, повторяю, не вполне однозначное. Всякая религия начинается с Ба, Ба — личный момент основания религии, без личного момента нет вообще религии, даже религии без Бога — Гаутама (Сакья Муни). В Евангелии личный момент — Сам Богочеловек. Но без традиции религии и вере грозит опасность химеризма (Якоби). Кьеркегор отрицает соборность: два рыцаря веры, встретившись, даже не узнают, что собеседник тоже рыцарь веры — это уже отрицание больше половины Евангелия. И всё же он вел борьбу с церковью. Если Аб и Бб не необходимы, то зачем вести борьбу с церковью?

3 декабря. Т. сказала, что Шура говорил, как надо читать его стихи:

1. Выделять местоимения.
2. Выделять повторяющиеся слова.
3. Читать скорее монотонно, чем оживленно.
4. К концу замедлять.

Интенсивность: та жизнь есть граница между этой и той. Хармс, Шёнберг.

Экстенсивность: понимать эту жизнь как ту. Введенский, Веберн.

О периодизации Введенского: до 1931 г. действующие лица: человек веселый Франц, Иеромонах, Теория, Бог, Царь, Фомин без головы, Парадиз Венеры, Метеорит и т. д. После 1931 г. — более обыденные, и само действие бытовое. Это критерий по действующим лицам, но также по содержанию. Помимо того, есть и формальный: действие и сюжет как будто бы реальны, на самом деле: эта жизнь как та. Звезда

бессмыслицы и формально и по содержанию остается: более скромно и искусно.

Для себя, **чтобы не забыть**. О непреодолимости монофизитизма. О Гоголе.
αὐτῶς.

14 декабря. Для себя, **чтобы не забыть**. О прошлом, его возвращении и совмещении или несовмещении с новым настоящим. О том, что меня всё время мучает. И первое и второе страшно. Господи, помилуй.

15 декабря. В математике принцип: если *A* может быть доказано без помощи *B*, а *B* не может быть доказано без помощи *A*, то в исследовании *A* предшествует *B*. Но когда подходим к математической логике и обоснованию математики, этот принцип теряет свою абсолютность — математически-логические парадоксы; Гёдель. Потому что и математика и логика основаны на закономерности мысли, а сама эта закономерность не безусловна, сама мысль в основе своей противоречива, в основе и рациональной мысли — тайна. И особенно в философии. Поэтому и Кьеркегор вводит круг. Другое дело, разъясняет ли что-либо и необходим ли его круг, его синергетизм. Не правильнее ли будет оставить здесь недоумение. Я пытался в ТФТ сомкнуть этот круг в точку. В Добавлении IV к «Видению» вместо круга я ввел ничто первое. Во всяком случае это лучше, чем синергетизм.

19 декабря. Если к вере тоже применимо синтетическое одностороннее тождество, то что будет частным сказуемым к вере: соблазн?

1971

25 июля. ТФТ. Я хочу дойти до себя самого, до своей души, но, когда мне кажется, что я дошел до своей души, я вижу, что я дошел до какого-то общего состояния, общего типа или структуры души; я знаю, что моя душа единственная, но то, что я о ней выскажу, общее. Я нахожу какую-то связь общего, что я нашел, с единственностью своей души, но эта связь — снова общее. Я пытаюсь преодолеть общность, и

снова преодоление общее. Что же здесь единственное, то есть именно мое? Может, некоторое несоответствие общего с единственностью? Тогда, может, именно то, что мне кажется недостатком в изложении ТФТ?

10 октября. Из четырех форм апории в «Критерии» вторая отчасти соответствует чисто интенсивной форме общего тождества, четвертая — онтологической, структура же апории та же, что и одностороннего синтетического тождества. Но соответствие и этих двух форм — частичное и очень приближенное: абсолютный факт — абсолютная субъективность, в «Критерии» с самого начала сильнее подчеркнута абсолютность, в ТФТ — субъективность. Это два взгляда на тот же абсолютный факт, поэтому в последовательности изложения некоторый параллелизм: абсолютный факт (апория) — фактическая возможность — единственный факт (сдвиг апории).

Мне кажется, «Исследование о критерии» выдержало испытание: сейчас я не мог бы так написать.

О недостатках изложения. Через некоторое время, когда я уже отошел от вещи и не живу в ней, а возвращаюсь к ней через 10, 20 или 40 лет, я нахожу, что эти недостатки, погрешности, может, даже ошибки реализуют ее. Те погрешности, которые меня мучили, когда я писал, исправлял и всё же не мог исправить, сейчас я вижу как реальность интуиции, как жизнь интуиции, реализованной вещи.

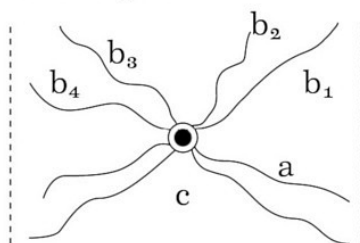
19 ноября. Абсолютный факт и общее тождество как структура тоже не отношение. Он может быть исследован структурно, структурно-качественно и качественно, всё это — формальное исследование абсолютного факта, и возможно, что оно применяется не только к сейчас моей души и не только в христологии и сотериологии. В формальном исследовании меня интересует сама структура абсолютного факта независимо от содержательного значения, главное же для меня — содержательное истолкование, то есть содержательное значение: сейчас моей души. Я заканчиваю формальное исследование — сравнение 7 форм тождества, структурно сводящихся к четырем типам, и затем перехожу к содержательному исследованию различия ι - и ε -характеристик и всех видов ε -характеристик, то есть к формуле творения — энтелехии и формального исследования.

Каждая новая форма общего тождества вводится фактически, то есть онтически: жизнь, тождественная мысли о ней, я и т. д. Сразу же обнаруживается та же структура, но с новыми структурными, качественными и структурно-качественными особенностями —

формальные отклонения, где я отвлекаюсь от содержательного значения, но и отвлекаясь я имею его в виду, то есть абсолютный факт: так как абсолютный факт — синтетическое тождество, а не отношение.

24 ноября. «Меня всю жизнь мучил Бог» — Достоевский. Но и он не говорит это от себя, это говорит действующее лицо, кто — не помню. Еще Исаак Сирианин говорил, что временем искушение, временем утешение, но он не сказал бы, что всю жизнь его мучил Бог. Тот, кто это может сказать, тот экзистенциалист — это какое-то благословение проклятием и мукой. Но и тот, кто это сознает, не говорит прямо, а или в письме, или намеком, например Сцилла и Харибда, ее знал и Якоби: религиозный материализм (традиционализм) и религиозный химеризм, первое — скорее в несторианском оттенке, второе — в монофизитском. Это не значит, что всякий несторианец — традиционалист и религиозный материалист, и аналогично монофизит, но в монофизитизме есть что-то от религиозного химеризма.

29 ноября.

Как надо писать историю философии. Площадь — дух времени или тело души культуры в определенное время; пунктирные линии — переход духа времени в другое время и другой дух времени. Волнистые линии — идеи как независимые сущности, некоторые из них переходят из одного периода времени в другой, некоторые вечны. Кругок в центре — интуиция автора, душа души. В истории философии и вообще в истории культурных течений надо различать три этих момента, но, излагая один из них, нельзя игнорировать два других.

Можно отдельно изучать, например, bk , но нельзя, изучая bk в определенные периоды, модернизировать его, отвлекаясь от языка и духа времени каждого периода. Также каждое bk имеет свою интуицию, чтобы понять ее в определенные периоды, надо знать язык и дух этого времени. Каждое предложение в разные периоды имеет разный смысл. Передавая его буквально, мы именно модернизируем его, так как понимаем его с точки зрения современного языка и современного духа времени. Изучая прошлое, надо найти ключ, переводящий язык прошлого в язык настоящего. Периоды непрерывно

переходят один в другой, тогда создаются смешанные периоды и грани периодов. Периоды делятся на подпериоды.

11 декабря. Как я отношусь к Кьеркегору? Я нашел в нем свой зилотизм — это было при первом чтении. Но затем я нашел в нем свои недостатки — свой грех: монофизитизм и одновременно синергетизм, в его мысленном проекте — практич[еское] неосуществление вочеловечения Слова, склонность к акосмизму и докетизму: рыцарь веры живет как все, даже встретясь, два рыцаря веры не узнают, что они рыцари веры, — это уже религиозный солипсизм, то есть докетизм. Я полностью принял Кьеркегора и, приняв, отверг себя, тем самым и его.

Может, вообще понять что-либо — значит понять себя, а понять себя — значит отвергнуть себя.

20 декабря. Я перечел сейчас: практическое неосуществление вочеловечения Слова. Я хотел этим сказать, что, сочиняя мысленный проект вочеловечения Слова, уже сомневаешься в вочеловечении Слова. Вочеловечение Слова фактично и несовместно ни с каким мысленным проектом, потому что противоречит всякому мысленному проекту, всякой мысли. Кьеркегор знал это и всё же сочинил мысленный проект.

23 декабря. Kant — Fries problem, теорема Гёделя, онтическое и онтологическое начало — всё это одного порядка. У меня в начале 1930-х гг. (или в конце 20-х?): начало должно быть случайным и фактическим. Затем: последнее слово не входит в систему, система как пример. Главное здесь: новое понимание отношений общего и единичного или фактического и возможного и действительного. Поэтому я и называю фундаментальной ложью понимание возможного как логически или онтологически более широкого или предшествующего в каком бы то ни было отношении действительному.

1972

Конец января. Всякая новая научная, философская или художественная система не добавляет новые факты, ситуации или взгляды к старым, но производит полную перестройку старой системы, не добавляет новые факты, категории, понятия, образы к старым,

заменяет саму категориальную систему или сетку, налагаемую на мир, чтобы понять его, так что то, что в старой системе считалось, например, предметом, в новой может стать действием или качеством, что в старой считалось фактом, в новой может стать теорией, взглядом, настроением. Еще Эйнштейн сказал: нет объективных фактов, научная установка, интуиция системы определяет, что называть фактом и что теорией.

Истину считали объективной, абсолютной. Кьеркегор сказал: истина — абсолютная субъективность. И еще: истина не *что*, а *как*. Я тоже писал об этом, еще не зная Кьеркегора. И всё же и он и я признавали по крайней мере одну абсолютную истину: Слово стало плотью. И абсолютная субъективность, и признание истиной не *что*, а *как* и Кьеркегору и мне необходимо было не для того, чтобы релятивизировать истину, но, наоборот, чтобы лучше понять и утвердить то, что Пушкин назвал великим торжеством («Когда великое свершалось торжество»).

Еще не так давно читая книгу, в которой говорилось о Боге, человек думал: убедительны ли доводы автора? Помогут ли они в моих сомнениях?

Д. Лихачёв, говоря об Аввакуме, в одном месте сказал: это был новый прием, Аввакум повторяет его, несомненно он испытал художественное наслаждение от открытия нового художественного приема. Есть и религиозное наслаждение от страдания, высшее благо или добродетель — слезный дар, так считалось. И Христос говорит: блаженны плачущие. А Лихачёв говорит: художественное наслаждение.

Уже давно, когда после встреч утром я просыпался, я со страхом думал: а не сказал ли я вчера чего-либо умного, и если не сказал, то успокаивался. Я имею в виду литературное облачение умного. И когда я перечитывал свои вещи, мне иногда становилось стыдно, если я находил там литературные совершенства. Слова Лихачёва — художественное наслаждение — меня испугали. Художественное наслаждение, может быть, величайший соблазн.

Кьеркегор сказал: истина — абсолютная субъективность. Дильтей сделал вывод: нет философских систем, есть философские характеры. То есть критерием ценности или оценки философской системы является не ее истинность, а определение характера автора системы. Но тогда надо быть последовательным: вопрос о существовании Бога сводится к антропологической типологии. Тогда, конечно, и религиозное наслаждение сводится к эстетическому.

Гадамер сказал: в наше время (60-е годы) поняли по-настоящему историчность. Но и к историчности надо подходить с исторической точки зрения: сама историчность исторична, и пройдет некоторое время, и она перестанет быть истиной и станет ложью.

Дильтей и особенно Гадамер — умные люди. Но что они говорят: я утверждаю некоторое положение А. Но я не утверждаю, что это положение истинно. Тогда зачем же утверждать его?

Я не отрицаю ни необходимости изучения стиля, ни структурализма. Я с интересом читаю книги о структурализме и в своих вещах нашел именно структурный подход к некоторым вопросам. И в то же время меня это пугает. Особенно пугает, когда религиозную вещь, например Аввакума, разбирают с стилистической и структурной точки зрения. Во времена Аввакума люди, встречаясь, спрашивали: как веруешь? А сейчас: признаешь ли структурный подход и какую из школ структурализма?

XIX век был веком наивного скептицизма: не только Евангелие, но и чуть не половину Платона признали неподлинным. Сейчас научная критика восстановила подлинность не только Платона, но и Евангелия. Штраус, Ренан, либеральная теология не были соблазном для веры, они были слишком наивны. Тиллих, Бульман, структурализм и др. — именно они подтвердили подлинность древних писаний, но ввели соблазн. Бульман не имеет отношения к структурализму, и всё же это явление того же порядка. В философии и теологии открыл бутылочку и выпустил демона Кьеркегор. Кто виноват за соблазн: Кьеркегор, Бульман, Соссюр, Леви-Стросс или я сам, читающий их и иногда находящий и у себя тот же соблазн?

Лютер сказал: разум — шлюха. Но ведь он сам же открыл дорогу разуму, сомневаясь в католическом авторитете и даже в некоторых Посланиях (например, Иакова) и в Апокалипсисе. И это снова соблазн: я не могу признать некоторых фарисейски-языческих теорий католицизма: веру угольщика, синкретизм Пшивары — это не Евангелие, а новая форма язычества. Но, признав, как Лютер, единственным авторитетом Священное Писание, я уже признаю самым последним авторитетом мою шлюху — мой разум, признающий одну из книг Священного Писания истинной, другую — неподлинной, одно из выражений — буквально, другое метафорически. Это не имеет отношения к структурализму и всё же одного порядка с ним.

Снова повторяю: я не против семиотики, структурализма, также я признаю и очень интересное и глубокое понимание и у Тиллиха, и у Гадамера, и у Бульмана, и даже Бульмана я ценю выше, чем К. Барта, кокетничающего с традиционализмом, признающего чудеса и вместо неправильного лозунга Бульмана — демифологизации, выставившего лозунг — мифологизации, — всё это в том же духе, как и у Гадамера и Бульмана, только, наоборот, всё это та же шлюха — зарвавшийся разум, потерявший Бога. Но противоположное направление — католический синкретизм, особенно у менее умного и искушенного Пшивары, еще хуже — это реконструированное язычество в христианской терминологии.

Это какая-то страшная антиномия, я надеюсь, что когда-нибудь будет найден выход из нее. Сейчас происходит какая-то радикальная перестройка всех взглядов во всех областях, перестройка взгляда на мир.

2 апреля. Еще Л. и Н. М. сказали, что мои вещи поэтичны. Я бы сказал: музыкальны. Больше месяца мучаюсь, как перейти ко второй части {ТФТ}. Это вопрос не содержания, а формы. Композиция, архитектура может быть пространственной и временной, последняя — в поэзии, прозе и музыке, но преимущественно или первоначально в музыке, потому что стихотворение я могу читать про себя, а в китайской поэзии, записанной иероглифами, существуют даже стихи непригодные, потому что нет слов для некоторых комбинаций иероглифов. Музыка же существует в реальном звучании, то есть преимущественно временное искусство. Когда я пишу, я представляю себе вещь, которую пишу, как некоторую музыкальную формулу. Если для меня возникает вопрос или дилемма: музыкальность формулы, то есть формы, или понятность, для меня всегда важнее первое. И сейчас, когда я перечитываю все черновики и варианты, я знаю, что для логической понятности лучше выбрать один вариант и поместить его в вступление или в крайнем случае в переход ко второй части, а для музыкальности — другой вариант; две группы вариантов, определяемых критерием логической понятности и музыкальности, и в конце концов я останавливаюсь, по-видимому, на одном из вариантов второй группы. Критерием музыкальности я пользуюсь и в самых абстрактных вещах, как, например, в ТФТ, и, может быть, он наиболее важен именно для наиболее абстрактных вещей. Так же и в математике, и не случайно математические способности часто сопровождаются и музыкальными. Но в математике это проще: если Я недоказуемо без В, то В раньше А. Но у меня не так: пусть будет три раздела — А, В, С. Положим, логически допустимы три порядка: С — А — В, А — С — В и А — В — С. Положим, первый вариант более всего благоприятствует логическому пониманию А и В, третий наиболее музыкален. Тогда я выберу третий. Но ведь когда я говорю здесь о логическом понимании, я имею в виду не материальное, а только формальное понимание, то есть α' -, в крайнем случае β' -очевидность. Тогда музыкальный критерий соответствует материальному пониманию. Поэтому я и говорю, что для понимания моей вещи не всегда обязательно понимание каждой отдельной части: важно понять целое, тогда от понимания целого станет понятной и каждая часть в отдельности. То же и у Введенского, а может, и вообще в искусстве, но особенно у Введенского. В «Формуле несуществования» возражения первого собеседника, кончающиеся вопросом: что доказал ты этим? —

хотя и понятны были для меня, когда я писал, сейчас непонятны даже мне, и тем лучше, что непонятны. Может быть, там можно вставить всё что угодно, и читающий, как и в алеаторике, может понимать эти возражения как хочет, даже заменять их своими, хотя бы совершенно бессмысленными, словами, только обязательно кончать словами: что доказал ты этим? Здесь важно, что два человека спорят, не понимая и даже не слушая друг друга, к концу приходят к полному взаимному пониманию-непониманию.

Первый собеседник: ты доказал, что... Что доказал ты этим? Вместо многоточия можно подставить всё что угодно, хоть полную бессмыслицу, потому что второй собеседник всё равно не слушает первого и только делает вид, что слушает. А к концу они непонятно как соединились.

Также музыкально и название вещи. К «Формуле несуществования» второе заглавие — под первым: «Вступление и разговор».

1974

26 ноября. Лида заметила, что «Из дома вышел человек» Хармса так хорошо поется под «Сурка» Бетховена, как будто бы Бетховен написал «Сурук» на стихи Хармса. Стихотворение и названо Хармсом песенка. Т. сказала, что Хармс любил «Сурка», вполне возможно, что он написал это стихотворение на музыку «Сурка», может, потому и назвал стихи песенкой.

Недавно я прочел, что у многих поэтов стихотворение возникало первоначально как ритмическое или даже ритмомелодическое звучание и потом являлись тема и слова. Возможно, так возникло и это стихотворение: мелодия «Сурка» стала стихотворением Хармса. Сознавал ли сам Хармс, или он вдруг вспомнил эту мелодию, или она зазвучала у него подсознательно перед тем, как он стал писать эти стихи?

6 декабря. Кьеркегор сказал, что его поймет тот, кто отвергнет его. Я отвергаю Кьеркегора не потому, что он признал только половину Евангелия, не потому, что его рыцарь веры настолько старается сделать свою веру внутренней, скрытой от других, что скрывает и от самого себя, но потому, что я его целиком принял, я стал им, а себя я отвергаю. Теперь уже я сам, стараясь скрыть свою веру от других, скрываю ее и от себя, тогда отвергаю себя. Я применяю это и к своей философии. Мою философию поймет только тот, кто, так же как и я, отвергнет ее, чтобы на ее место поставить веру. А для этого он должен

принять каждое мое положение от первого до последнего в точности так же, как я утверждаю их. Он должен полностью и имманентно, и трансцендентно принять всё, что я утверждаю, тогда вместе со мною отвергнув ее трансцендентно, отвергнет себя, как и я отвергаю себя.

1975

10 марта. Можно ли вообще точно разделить внутреннюю реальность от внешней? Даже если я переживаю некоторое прошлое событие, зафиксированное многими современниками, мое переживание, то есть фиксирование этого события, может быть более реальным, чем все описания современников. Ведь всё равно и внешнее событие хотя и воспринимается внешними чувствами, но фиксируется и признается реальным внутренним чувством. «Ситуация одновременности с Христом», если она достаточно интенсивна, может, больше подтверждает реальность некоторых событий, чем какие угодно описания современников.

Я хочу сказать, что так называемая внешняя реальность в некоторых случаях одинаково существует и внутри и вне. В этом высказывании нет ничего нового, если речь идет о религиозных переживаниях, точнее, о Боге. В сущности, то же самое говорит и Леви-Стросс в статье о шаманах: болезнь другого человека — внешняя реальность для шамана, но он берет ее на себя, она делается его болезнью.

16 марта. Один физик сделал открытие и записал его в виде сложного уравнения. Другой физик сказал ему: я прочел вашу работу, проверил уравнение, всё верно: и вывод уравнения из определенных, эмпирически полученных числовых данных, и его решение. Но я не понимаю ни самого явления, ни уравнения, ни его решения. На это первый физик ответил: я и сам этого не понимаю. Так бывает иногда и у меня. Я нахожу определенное явление, делаю из него некоторые, правильные по законам актуальной логики выводы, нахожу новые интересные зависимости, выражаемые часто в виде тождеств, но не понимаю этих выводов, зависимостей и тождеств.

5 мая. Сегодня снился сон, которого я ждал каждую ночь с 16.X.63. Я хотел видеть маму живую, ощущать ее такой, какой она была в лучших своих состояниях, не физических, а духовных, и чтобы ничто не омрачало наших отношений и при этом, чтобы я знал, что ее уже нет на

земле. В некоторых случаях это почти бывало, но что-либо почти всегда омрачало, например обычный и до сих пор сон: я не готов к экзамену, который предстоит завтра или послезавтра. Мне казалось, что если мама не сердится на меня и я вижу ее такой, какой она бывала в идеальных состояниях, то мне прощено одно из моих прегрешений. И вот сегодня во сне я крепко обнял маму и целовал ее, а она меня утешала, но тоже как-то странно: ведь это папа умер, а не я. А я знал, что она есть, я обнимал и целовал ее, хотя на земле и нет, она как бы вернулась оттуда на время, чтобы простить и успокоить меня. Это происходило, по-видимому, на даче в большой комнате, а за ней были еще две маленькие и одна большая комната, но грязные и запущенные, и я подумал: если их вычистить, то мы все сможем здесь жить вместе. Кто мы? По-видимому, Т., Л[ида], мама и я. Я проснулся радостный.

9 мая. Что значит **мыслить**? Обычно это понятие определяется очень широко, неопределенно и неоднозначно. Если словом *думание* назвать все акты сознания, то мышление будет только одним из них. Во-первых, что значит **мыслить**? Во-вторых, всегда ли присутствует акт мышления в акте думания?

1. Из непосредственного тождества различного я начинаю произвольно выделять какую-либо одну особенность. Это акт обобщения. Он неотделим от второго акта: выделяемая особенность отождествляется сама с собою и не отождествляется с другой. Насколько этот двойной акт произволен? Априорно он не необходим, например я могу отождествить звук со светом или цветом (мой сон), понятия которых не только различны, но не объединяются и в один род. А фактически? **Фактически** для меня неизбежен вследствие грехопадения — акта первородного гипостазирования. А в партиципации (Леви-Брюль) у так называемых первобытных народов? Тоже фактически неизбежен, но в значительно более слабой форме: если племя ведет свой род от попугая, то «ведет свой род», может быть, и нарушает закон мысли, то есть понимается как партиципация — сопричастие, а не логически, но каждый раз, когда негр этого племени говорит слово *попугай*, он имеет в виду одно и то же, то есть уже выделяет определенный признак и отождествляет его с самим собою.

В нашей культуре, даже постулируя отождествление противоп[оложных] несовместных членов, фактически неизбежно присутствует и отождествление каждого члена с самим собою. Даже сказав: **то же** и как то же — не то же самое, я имею в виду то же самое то же в первый и во второй раз, когда утверждаю, что как **то же** оно не то же самое. Это уже частичный ответ на второй вопрос, но неполный.

2. Мне кажется, что существуют состояния сознания, когда этого отождествления нет, но остается всё же пустое место этого

отождествления, то есть нуль-мысль. При этом надо различать два случая:

1) сознание существует как присутствующее, а мысль — как пустое место — нуль-мысль;

2) не только мысль, но и сознание присутствует как отсутствующее, то есть нуль-сознание.

Возможно ли состояние сознания, когда мысли нет, даже как нуль-мысли?

8 сентября. Сон. Лёня вернулся, но очень помолодевший, он выглядит таким, каким был в середине или конце 1920-х годов. Я не знаю, сказать ли мне, что он уже не раз являлся мне, но было ли то наяву или во сне — не знаю. Впрочем, думаю, он это и сам знает, важно не это, а вернутся ли остальные — Ш., Д. И., Н. М. Я задаю ему этот вопрос в странной форме: а Хармс существует? Он отвечает: да. Потом я уже думаю: а как Т., вернется ли к Лёне или останется со мною? Но если и вернется, я не могу ее винить: что я могу ей дать? — только три месяца покоя, а остальное время? Теперь уже не до игры, как осенью 1931 года, к тому же, я думаю, я скоро умру. Конечно, Т. сможет приходить ко мне всегда, когда захочет, только будет это уже не так, как сейчас.

21 сентября. Кажется, годам к 40-50 отождествляешь себя с отцом. Мне снится он, причем ходит, как я хожу сейчас, когда чувствую себя плохо, и я даже ощущаю, что он чувствует. Мама говорит мне: пойдй посмотри, что с ним. Я иду к нему, у него врач — М. В. Юдина. Я спрашиваю: Мария Веняминовна, что у него? Она отвечает: рак сердца и совести. Я пугаюсь, не хочу верить, она говорит: посмотрите на глаз. Я боюсь посмотреть. Она: как же вы еще не понимаете? Мне становится так страшно, что я просыпаюсь. Глаз, по-видимому, *lumen internum*: «Светильник для тела есть око» и т. д. Мф. 6:22-23. А сердце — Мф. 5:8: «Блаженны чистые сердцем; ибо они Бога узрят». Вот чего мне не хватает, поэтому рак сердца, ока и совести.

19 октября. И Бог и свобода, которую дает Христос (если Сын освободит вас, то вы истинно свободны будете), лишены всякой необходимости: поэтому Бог и не *causa sui*, Он лишен всякой необходимости, и также истинная свобода — свобода веры: моя конечность и даже тварность не предполагает необходимо Творца; сдвиг в апории не требует необходимо сдвига апории, сдвиг апории

вверх открывает анонимность сдвига в апории, то есть тварности, но творение не требует необходимо Творца, в то же время и без Творца оно не самотворение; мнимое самотворение на нетождественной стороне апории, то есть в самом ничто и само ничто.

Открой мне путь Твой, чтобы я познал Тебя, чтобы приобрести благоволение в очах Твоих (Исход 33:13).

21 октября. Причинность возможна только во времени, поэтому Бог не есть причина мира и творение из ничто не во времени, но создало и время. Бог — Творец не как причина, а как Субъект, то есть Лицо, и сотворил Словом.

7 ноября. Сегодня ночью меня посетили вестники. Я хотел бы сказать — вернулись; дай, Боже, чтобы они не ушли.

1976

29 февраля. Вчера Сережа [Гриб] сказал мне, что скоро приедет отец Александр и я могу с ним встретиться. Ночью я много думал, о чем бы говорил с ним, я хочу исповедаться перед ним, поэтому наедине, без Сережи. Но сегодня я подумал: не сведется ли всё это к празднословию, ведь ему 40 лет; может, у него более глубокий духовный опыт, чем у меня, но я почти вдвое старше его, возраст тоже дает духовный опыт. Я был бы рад отдать старцу свою опротивевшую мне волю, но для этого я должен поверить ему. Сережа всё сводит к крещению, но у меня есть достаточно сильные логические доводы не против крещения вообще, но против моего крещения. Я знаю, что сама логичность сомнительна, но сомневаюсь, сумеет ли 40-летний отец Александр что-либо противопоставить ей.

30 мая. Только одно я могу сказать определенно, с уверенностью: есть я и Бог; не я, но Бог. Но сейчас как часто Он оставляет меня. Тогда уже ничего я не могу сказать, могу только молчать, потому что без Него нет и меня. В молчании, когда Он оставляет меня и я мучаюсь, может, потому я и мучаюсь, что я не слышу молчания. Слушая молчание, я слышу: я и Бог — не я, но Бог. Я мучаюсь, потому что бес заглушает молчание грешными и глупыми словами, а я, вместо того чтобы сказать ему: отойди от меня, сатана, ибо ты мне соблазн, —

прислушиваюсь к его пошлым словам, тогда не слышу молчания, которым говорит со мною Бог.

Когда Он оставляет меня, я молчу. Но Он не оставляет меня, а я сам в грехе не слышу молчания, которым Он говорит со мною, и тем же молчанием я отвечаю Ему: я и Ты, не я, но Ты.

15 октября. Толкование «Душечки» Чехова Толстым сводится в конце концов к тому, что сказал Вильгельм II: самое важное для женщины — Kirche, Kinder, Küche. Мне кажется, что большинство людей почти всегда, а некоторые иногда — душечки. Во всяком случае, я уже 2 с половиной года нахожусь в состоянии Душечки между двумя любовниками. И еще в этом рассказе замечательно, что главное в мысли, и ее оригинальность не что, а как. Когда Душечка повторила: островом называется суша... — это действительно была ее собственная оригинальная мысль. И еще одно, если и не необходимое, то, может быть, достаточное условие оригинальности мысли — любовь, причем наиболее бескорыстная у Душечки — не к мужчине, а к ребенку.

25 октября. Физиолог Ухтомский считал, что простые, необразованные люди лучше и чище образованных и веруют лучше и глубже образованных. К сожалению, сказал он, он сам принадлежит ко второй категории. К сожалению, и я принадлежу к этой категории, но раз мне уж суждено думать, то я буду думать, во всяком случае стараться думать, проводя мысль до самого конца. Приближаясь к этому, я вижу, насколько мысль ничтожна по сравнению с верой. Не надо бояться и соблазнов, возникающих благодаря мысли, потому что та же мысль, проведенная достаточно далеко, обнаружит ничтожность вызванных ею же соблазнов.

1978

5 июня. Швейцер о художниках, поэтах и т. д.: для одних биографические данные помогают понять их творчество (ι), для других — не помогают (ε). О вторых и Пушкин сказал: «Пока не требует поэта... И меж детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он». Пушкин сказал это, потому что он (как и Веберн и Введенский) принадлежал к этой категории. Шёнберг и, я думаю, Лермонтов принадлежали к первой категории. О Пушкине еще Гоголь сказал: «Все наши русские поэты... удержали свою личность. У одного Пушкина ее нет... Пойди улови ее (личности Пушкина) характер как человека, на всё откликающийся и одному себе только не находящий отклика».

Кажется, Виноградов назвал это протеизмом Пушкина. Гоголь видит в этом достоинство Пушкина. Это не достоинство и не недостаток, а только ε -характер. У Лермонтова, может, в каждом стихотворении виден сам Лермонтов. Это ι -характер. Молитвы Лермонтова — это именно молитвы Лермонтова, а «Отцы пустынники и жены непорочны» — это гениальный взгляд на молитву Ефрема Сирина, именно только взгляд, почувствовавший красоту, не земную, а небесную, этой молитвы. Молился ли сам Пушкин, читал ли он эту молитву, хотя бы в Великий пост, именно как молитву? Не знаю, и никто, кроме Бога, не знает. Пушкин скрывался за своими стихами; Чехов тоже скрывался, но не так: из его писем видно, что он часто не понимал мудрости и смиренномудрия своих вещей. И в то же время и в записных книжках, и в его лучших вещах видно, что он искал веры, и я верю, что он верил. А Пушкин? В молодости он бывал и атеистом. Позднее он был настолько умен, что понимал: нельзя отрицать существования того, что по самому своему определению и по существу невозможно видеть глазами, слышать ушами, ощущать руками. Он — не не верил, а верил ли — не знаю.

Теперь перехожу к тому, что я хотел сказать — возразить Швейцеру. Да, творчество людей с ε -характером явно не зависит от их жизни, но неявно зависит. В проективной геометрии параллельные прямые определяются как прямые на плоскости, пересекающиеся в бесконечности. Так и ε -творчество и жизнь, но бывает, что эта всегда будущая бесконечность вдруг неожиданно проявляется и на конечном отрезке времени еще при жизни поэта. Так было с Введенским. До сентября 1931 г., когда Тамара ушла от него, он писал: «Здесь кончается чувство, начинается искусство». В «Куприянове и Наташе», написанном вскоре после ухода Тамары, уже появляется пока еще только намек на новое понимание и любви, и чувства, и его значения. Но это всё уже известно. У Хармса классический пример пересечения жизни и творчества: я люблю мясо и водку, я люблю толстых евреек. Конечно, хам, изображенный в этом стихотворении, — не Д. И. Но также, конечно, и Д. И. любил то, что и изображенный им хам. Разница только, что у хама, кроме этого, ничего и не было, а у Д. И. было: помимо земной Венеры и небесная, я уж не говорю о чуде и о Боге.

В ε -творчестве непосредственная связь жизни и творчества прямо или явно не видна, в ι -творчестве видна, даже если незнаком был с автором и не знал ничего, кроме его произведений. Например, в «Братьях Карамазовых» я чувствую, что не только Иван, но и сам Достоевский, может, и редко, но всё же думал о возвращении билета; ведь написал же он, что неверующий даже не представляет себе глубины сомнений, которые бывают у верующего. Также сладострастное насекомое сидело не только в Карамазовых, но и в самом Достоевском. В обоих случаях он кается и в Иване, и в отце Карамазове, я чувствую, что Достоевский кается в собственных грехах.

Но в Смердякове я чувствую не христианское покаяние, а молитву фарисея: даже у Алеши не найдется ни одного хорошего слова для Смердякова. Но ведь сказал же Смердяков на вопрос отца — есть ли хоть один верующий, по слову которого гора сдвинулась бы в море? — «Один, может, два есть». Но ведь за эти слова Христос простил бы его, а Достоевский не прощает, ставит себя выше Смердякова.

16 августа. Уже полгода, как я хочу записать: к Марксу я пришел против своей воли, к Христу — помимо своей воли. Когда я здесь говорю о воле, я имею в виду не чистую, то есть грешную, волю, а то, что называют сокровенным сердца человеком, то есть ноуменальным я, может, односторонним синтетическим тожеством. Но что заставило меня обратиться к Марксу? Тоска по полноте и совершенству, но выраженная в рационалистической и греховной форме: стремление к полной непротиворечивой системе. Но очень скоро я увидел, что марксизм очень примитивно удовлетворяет это стремление. Тогда, пытаясь исправить этот примитивизм, пришел к системе, напоминающей Марбургскую (1920 — Лосский). Хотя это и не было так омерзительно мне, как чистый ортодоксальный марксизм, но всё же и это было против моей воли. По-видимому, рационализм (Марбургская школа тоже рационалистична) — один из моих главных грехов. Только в середине 1920-х гг. через музыку — «Страсти» Баха — я помимо своей воли был полностью увлечен Благой вестью и принял Ее полностью своим сокровенным сердца человеком. 28.VIII.

Не принял 28.VIII, а закончил 28.VIII начатое 16.VIII.

1979

10 января. Мне нехорошо и физически, и духовно. Первое меня не волнует, страшно второе. Огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного. Выдержу ли его? Исаак Сирианин говорит, что последнее искушение, о котором и вымолвить страшно, посылается только избранным. А если я великий грешник, грех мой ест меня, то не съест ли он меня окончательно? Последняя надежда: Христос воскрес.

Знаю ли я, что хорошо, что плохо? А может, хорошо, что мне плохо — не физически, а духовно? Или это уловка грешника, званого, но не призванного? Господи, Иисусе Христе, помилуй меня, грешного, недостойного раба Твоего.

А не есть ли мое состояние хула на Духа Святого — ведь Царствие Небесное силой берется и совершающий усилие восхищает Его? Господи, Иисусе, дай мне усилие, ведь именно его мне не хватает, дай мне его, Господи, Иисусе Христе.

Безнадежность — вот мой грех, может, смертный грех. Что же со мною происходит: казнь грешника, то есть ад, или постоянное усилие найти усилие, которого у меня нет? Найти то, чего нет, — может, это главное, и если найду, то войду в жизнь вечную, а если нет, то не войду, но в вечную смерть.

Претерпевший до конца спасется. Претерплю ли? Дай силу претерпеть, дай найти то, чего нет у меня.

30 января. Нервное заболевание, вообще нервное, мне кажется, лежит, может, и глубоко во мне, но всё же в области сознания, а неврогенное (моя астма), мне кажется, в области подсознания. И то и другое — две разновидности первородного греха, проявляющиеся в каком-либо определенном грехе.

Мои сны (именно не желудочные) неприятные — это указание на определенный грех; приятные, вернее, доставляющие удовлетворение — прощение моего греха.

25 августа. «Душевный человек не понимает духовного». Можно, мне кажется, сказать и так: Христос являлся, я думаю, в душевном теле, потому что в духовном теле душевный человек, мне кажется, не может и увидеть духовное тело.

Но почему Христос сказал Марии Магдалине: не прикасайся ко Мне, Я еще не взошел к Отцу Моему Небесному? Затем: если Фома коснулся Его ран, когда Он явился ему, то, мне кажется, Он был еще в душевном теле? Если же Он являлся ученикам в телесном теле, то мог ли Он выйти из запертой комнаты? Но с другой стороны, почему не мог? Если он ходил по воде в душевном теле, то мог и войти в запертую комнату. И вознесся Он на небо тоже в душевном теле. Но было ли у Него душевное тело с самого начала? Да, если Он во всём, кроме греха, подобен нам: в духовном теле Он не страдал бы, не алкал и не жаждал, как мы. Снова повторяю, я не мог бы увидеть никакого человека в духовном теле, у меня есть глаза только на душевное тело.

Владимир Стерлигов, Татьяна Глебова, Людмила Глебова, Яков Друсин
(в образе грифа и в человеческом обличье).
Рисунок Г. А. В. Траугот (Георгий, Александр, Вера Траугот)
Ленинград, 1955

© Г. А. В. Траугот, наследники, 2026

Яков Друскин. Письма

Т. А. Липавской

1

«Ленинград, конец мая 1930 года»

«...» И еще о неуверенности: т. к. всё равно не можно знать будущего, то зачем об этом думать? Я это понял с фабзавучем: завтрашнего дня вообще нет, это отвлечение. И у Марка Аврелия об этом есть: если у тебя болел ребенок, то настоящее — это болезнь, а мысли об опасности болезни — это придуманное. И в Еванг[елии] есть: каждый день имеет достаточно своих забот и не нужно думать о завтрашних.

2

«Ленинград», 15 июля 1930 года

«...» Я бросил курить. Первые два дня было очень тяжело, пока я всё еще надеялся получить табак, но на третий день увидел, что табаку не будет, и тогда решил расхотеть курить, и расхотел. Сейчас почти совсем не хочется, настолько, что даже не знаю, начну ли курить зимой. Я вообще думаю, что человек ничего не хочет, но хочет хотеть. Правда, можно спросить, почему же он хочет хотеть, но на это существует дьявол. Но его намерения ограничены: он не может заставить желать чего-либо, но только желать само желание. Поэтому я думаю, что от желаний отказываться не трудно, т. к естеств[енное] состояние человека ничего не желать. Если бы все мужчины и женщины на месяц отказались от взаимных сношений — то они и совсем отказались бы. Так вот, твое желание уехать или что-то изменить, сделать, чтобы не скучать, тоже может быть уничтожено. Попробуй. Но глупо сказать: попробуй не скучать, попробуй не хотеть, чего хочешь.

3

«Ленинград», 17 июля 1930 года

«...» Сон жены Цезаря я не знаю, подумаю, паутину снимай, рецензии продолжай. Пруста можешь бросить, кажется, там нет романа и книга скучная и плохая. К Флоберу у меня раньше было хорошее отношение, но теперь он мне не нравится. Ремизова очень люблю.

4

«Ленинград, май 1931 года»

«...» А я живу всё так же: занимаюсь и иногда лечу свои зубы. Звонил раз Шуре узнать о твоих налетах, да он спал. Больше не звонил, а сегодня получил письмо. А когда кончу фабзав[уч], у меня будет 10 дней летних каникул: 1. Спрячу подальше все школьные книги и тетради. 2. Приведу в порядок комнату и свои книги — это летняя чистка, бывает два раза в году. 3. Может быть, сяду на пароход и поеду

по Неве куда-нибудь и назад. Это всё за два или три дня. 4. 7 или 8 дней буду лежать и читать. Это так каждый год бывает. (Кроме 3 — это бывает различно: в молодости ходил пешком, потом ездил. В прошлом году: сел на поезд, доехал до Павловска, слез, пообедал на станции и сел на обратный поезд.) Это называется: прогулка за городом. Потом начинаю снова заниматься (без фабз[авуча]) и раз в неделю или 5 дней езжу к родителям на дачу (но в этом году, может, не буду — неизвестно, поедут ли). Вот как живу и предполагаю жить <...>. А разница между моей глупостью и Лёнькиной та, что я сознаю свою глупость, а Лёнька не сознает. Так что я всё-таки умнее Лёньки. А я глуп. Потом еще. Глупость не надо выставлять напоказ. Но особенно прятать, да еще не от всех, а от некоторых, тоже не нужно. Ну а он, твой дурак-то, приедет? Ты, Тamarочка, не сердись, что я его ругаю, дурак ведь это не обидно, и я его не сердито ругал, а так, кстати. Вырастет, поумнеет, сама же, помнишь, писала: молодая кровь играет. Не даром же под лошадь попал. Только посечь вот его некому.

5

«Ленинград, июнь? 1931 года»

«...» Вот символ веры буддистов:

«Всё существующее мимолетно, всё мимолетно.

Всё существующее горестно, всё горестно.

Всё существующее едино, всё едино.

Всё существующее пусто, всё пусто».

Если хочешь, я вышлю тебе книжку о буддизме или дам, когда приедешь. Там есть очень хорошие и хорошо переведенные гимны, проповеди и молитвы буддистов.

6

«Ленинград, лето 1931 года»

Дорогой Тамара (т. к. всё еще мы с тобой противоположного пола). Пишу тебе письмо. Оно будет небольшим, т. к. мне нужно уходить — на днях будет больше. Хотел еще вчера писать, но вчера весь день ужасно хотел спать и лег в 8 и с небольшими перерывами спал до 9 или 10 ч. сегодняшнего утра. Теперь твое письмо. 1. Что делать, если Лёня сердится? Плюнуть. 2. Лёнин отъезд и одиночество в течение месяца совсем не такая страшная вещь, Тамара, но очень полезная и хорошая, и ты это сама должна решить. 3. Пускай Данило Хвермсья нравится крестьянам и затеняет (это слово я разбирал несколько часов и не мог понять, выходило что-то странное: затекает, запекает, застепечет, застенечет) меня, я не завистливый. Позвоню ему сегодня или завтра. 4. Карандаша я, кажется, не брал, но память у меня слаба стала, наверное не скажу. 5. С головы моей выпал не один волосок, а больше. <...> 7. «Всё-таки страшная у меня судьба — жить только для того, чтобы есть и спать. Вот так участь!» — так пишешь ты. Чтобы ты яснее

поняла ошибочность этого восклицания, построим силлогизм: Тот, кто живет только для того, чтобы есть и пить [здесь и далее: так!], у того страшная судьба — бóльшая посылка. Я живу для того, чтобы только есть и пить — меньшая посылка. У меня страшная судьба — вывод. Ошибка здесь называется *quaternio term* — средний термин (т. е. понятие, встречающееся в большей и меньшей посылке — понятие жизни только для еды и питья). Это понятие, или средний термин, употребляется в обеих посылках в разных значениях: в большей посылке — без ограничения времени — страшная судьба у человека, принужденного всегда жить только для [того-то]. Но из этого совсем не следует, что страшная судьба у человека, уделяющего 1 час в день еде и питью, или 1 месяц за несколько лет. Можно и иначе рассматривать эту ошибку: подлежащее меньшей посылки не распределено в сказуемом — не твоя жизнь, но один месяц твоей жизни оказался посвящен еде и питью.

7

«Ленинград», лето 1933 года

«...» С тех пор [с отъезда Липавской] тоже ничего не происходило, но я у Лёни был несколько раз, хотя комната по-прежнему пустая. А ходил я туда, потому что кончил школу и хочу ничего не делать. Вчера был у Вали. Был еще Лёня с поросенком и ждали Хармса. Поросенок живет сейчас на Сиверской. Он вырос, почернел, кожа огрубела и стал боров. Я хочу завтра ехать в Петергоф на пароходе. Напросился еще Лёня, а за ним Хармс, боров и другие (кроме Вали, Валю мы приглашаем). Впрочем, сегодня было холодно и сейчас тоже холодно, да и кто поедет — неизвестно. Но ехать втроем: я, Лёня, Хармс — я не согласен. Еще Лёня с боровом хотят прийти ко мне, т. е. к моему угощению. Вот какое жство[здесь и далее начало слова густо зачеркнуто]. Но я хотел позвать вас всех до твоего отъезда, а ты уехала. Всё же придется устроить, что бы ни говорил Хармс, потому что он тоже не устраивает. «...» Дорогая Тamarочка. Мы все скучаем без тебя, и Хармс, и боров, и другие, но ты не обращай внимания и раньше трех месяцев не возвращайся, а то опять станем ходить к тебе каждый день, сидеть до 2-х, 3-х и курить, а это просто жство.

8

«Ленинград, лето 1933 года»

Дорогая Тamarочка!

Некоторое время я не писал тебе, но ты не вини меня. Ты молода и красива, я же обременен годами.

Вчера был у Лёни. Был там и твой аист, хотя скорее поросенок. Впрочем, и поросенок вырос уже в целого борова.

Несмотря на свой преклонный возраст, я вел разгульный образ жизни: через день уходил из дому, играл в шахматы, на днях выпил две

рюмки водки и вчера — три рюмки вина, разбавленного водой, — это напоминает английскую соль.

Не очень давно я был на Сиверской. Я обратил внимание на одну женщину: она ростом выше тебя.

Несколько дней тому назад у меня был Башилов. Он привел с собой другого человека, который за весь вечер ничего не сказал, но всё время рассматривал со всех сторон большой палец правой руки. Впрочем, он сказал: я пишу стихи, но плоховато, а вот Макаров — тот здорово пишет. Несколько дней спустя Башилов снова пришел ко мне. Боюсь увидеть его на днях.

«...» Тамара. Мне надоел разгульный образ жизни, и я снова запираюсь дома. Что же касается до мыслей, то их всё нет. Иногда даже сам удивишься, как это их совсем нет. У других тоже нет. Вчера Хармс старался придумать какую-нибудь мысль и заснул.

Вот и всё. Принимая во внимание ограниченность моих умственных способностей, даже много.

Яша.

А женщину, которая выше тебя ростом, зовут Кирой Николаевной. Она мне понравилась. Но через некоторое время я подумал: что мне до Киры Николаевны, у меня есть Тамара Александровна.

9

«Ленинград, лето 1933 года»

«...» Вчера был у Вали, потом пошли к Лёне, у него были еще Ол[ейников] и Хармс. Хармс всё не отдает любопытных путешествий, и поэтому не могу их послать тебе. «...» Получила ли ты квадраты? Я их плохо знаю и был бы рад, если ты объяснишь мне их устройство. Вот квадрат Дюрера:

1	14	15	4
12	7	6	9
8	11	10	5
13	2	3	16

Здесь размещены все числа натурального ряда до 16. Натуральным рядом называется ряд чисел: 1, 2, 3, 4... Суммы от сложения каждого горизонтального, вертикального ряда и диагоналей равны. Напр. $1+14+15+4=1+7+10+16$ и т. д. Ты прочти книжку (о квадратах) и учись сама составлять квадраты. Затем найди законы, по которым они составляются, и напиши мне. А когда приедешь, будешь учить Хармса и Ол[ейникова]. Они будут поражены. Ну, Тамара, я кончаю, а ты садись за квадраты, и увидишь, как время быстро пройдет до приезда Лёни, а затем до сентября или октября. Жду теории квадратов.

Яша.

10

«Ленинград, 17 мая 1935 года?»

Д[орогая] Т[амара]. Я хотел написать тебе, что сегодня утром я ощутил радость. Этот день хорош, подумал я, проснувшись утром. Чем же приятен этот день, дождливый и пасмурный? Отчего хорош? И я вспомнил: сегодня Тamarочкино рождение. Поздравляю, Тamarочка. Еще я хотел написать тебе о том, что Бог сотворил мир в 6 дней и на седьмой сказал: хорошо. Затем, а может быть, и в эти же 6 дней были сотворены человеческие души, также и твоя. Оттого мир хорош. Еще я хотел написать, что мне приятно и интересно только с тобой и что сейчас я очень скучаю по тебе, что писать тебе письма легко и приятно. Еще я хотел сказать, что я тебя люблю, потому что ты красива, непонятна, твои поступки необоснованны и бесцельны, как искусство. Но всё это не то, я не сумел бы объяснить, за что люблю тебя. Я думаю, просто нельзя не любить тебя. Но затем я пошел в школу, провел там весь день и устал. И вместо радости стала печаль. Я думал: ты как бы несуществующая женщина, далеко, и когда приедешь, не станешь ближе. Мир, который я создал и положил к твоим ногам, — несуществующий. Я же сам — неудачник, не сумевший устроить своей жизни. Когда однажды Лёня спросил меня: чувствуешь ли, что перевалило за половину жизни, я сказал: чувствую, что перевалило за жизнь. И сейчас так же.

Твой Яша.

11

«Ленинград, май 1936 года»

Дорогая Тамара. Пишу тебе из школы. Сейчас перерыв, делать нечего и болит голова после вчерашнего пиршества у Шуры. После пиршества Лёня вел меня, как ты вела Лёню однажды летом. Шура потолстел и переродился. Он дает всем деньги в долг и не в долг, кто сколько попросит, и берет меня на содержание (600 р. в месяц). Д. И. купил фисгармонию и играет на ней, старый дурак, весь день. Лёня производит в уме сложные расчеты и вычисления. Я сказал ему: ты не оставляешь места для случая. Это не благородно. О Екатерине

Васильевне я сказал: это конспект женщины, а о Нюрочке: это мировой уют. Дорогая Тамара, приехал Шура. Он потолстел и переродился. Я тоже переродился. Лёня и Д. И. переродились. Все мы переродились. У нас новость. Д. И. купил фисгармонию и играет на ней весь день. Некоторые говорят, что это не умно, намекая на его годы. Лёня увлекается решением в уме сложных задач, но всегда ошибается. Тamarочка, я понял, что Екатерина Васильевна мне не нравится — это конспект женщины. Что же касается до Нюрочки — это, скорее, мировой уют. Тamarочка. Вчера у меня был Лёня и напомнил мне мои слова. Однажды я решил стать добрым и хорошим и пробовал быть таким целую неделю, но ничего не вышло. Когда я увидел, что ничего не выйдет, я сказал: кончился мой душевный праздник. Так вот и сейчас вроде этого. Так что ты приезжай скорее. А так как я переродился (и Шура переродился, и Лёня, и Д. И., и Н. М.), то я не буду уже больше сердиться на тебя или буду сердиться, но не много и редко, и буду делать всё, что ты захочешь.

Яша.

Тамара. Напиши или телеграфируй, когда приедешь, я хочу встречать тебя. Но если ты приедешь 14, 16, 17, 20, 22, 26 или 28, то я не смогу тебя встретить, если поезд придет до 7 ч. вечера — до 6 я в школе. (Мне не осталось времени для приезда. — [Помета Липавской])

12

«пос. Чаша Челябинской обл., 1943 год»

«...» Д. И. раз сказал, что из всех нас наибольший актер — я. Я думаю, что когда хорошо жить, то все играют, хотя бы немного, когда же остаешься один или живешь так, как мы здесь живем, то не до игры. Мне кажется, что даже в последнее время в Ленинграде, когда вкусовые ощущения занимали слишком большое место в жизни, — они и здесь еще занимают чрезмерное, неподобающее им место — и тогда еще был некоторый интерес к игре. Но в Чаше этого быть не может. Здесь не до игры. И это могло бы быть хорошо, т. е. хорошо стать собою и не играть, но здесь оказалось: когда перестал играть, то погрузился как бы в сон. Это не так просто: не играть и стать собою, т. е. быть искренним с самим собою. Даже когда к этому заставляют внешние условия, сам от себя уходишь: чувства, ощущения, всё притупляется.

13

«Свердловск», 6 декабря 1943 года

Дорогая моя Тamarочка. Гёте говорит: вначале на небе видны только яркие звезды, когда же присмотришься, видишь и не яркие, и от этого небо становится еще лучше. Так и в искусстве, говорит Гёте. А у меня сейчас наоборот: и яркие звезды тускнеют. Я давно хотел достать «Анну Каренину». Сейчас достал, и вот скучно, кроме немногих очень хороших мест — когда Толстой пишет о любви, рождении и смерти. Это

у него хорошо. Большею частью я, как мальчик в сказке о голем короле, вижу только, что король голый. <...> Так вот и в «Анне Карениной», мне кажется, большею частью очень серьезно говорится о несерьезном. Это одна возможность. Но полуслепому всё кажется тусклым, может быть, я потерял за два года часть чувств и поэтому мне неинтересно всё, что касается этих чувств? Но почему же тогда интересно объяснение Левина и Кити или смерть Николая Левина? Может быть и так: если ты любишь синий цвет, то тебе могут нравиться и не очень хорошие картины, если в них много синего цвета. Это уже что-то физиологическое. Так же и с чувствами. Тогда может быть, я уже без всякого пристрастия отнесся к «Анне Карениной»; и потому мне было скучно. Я думаю, есть два искусства. Первый вид. Если в комнате стоят два рояля, одинаково настроенные, и на одном ты ударишь какую-либо клавишу, то второй рояль резонирует, т. е. и на втором рояле звучит та же струна. Такой же результат может быть и в искусстве. Но если чувства ослабели потому, что ты увидел что-то более серьезное и значительное, то резонанса может и не получиться. Также может быть, что какое-либо настроение или чувство преобладает над другими, и получается ограниченный резонанс — только для одного чувства. О таком искусстве что же говорить? Здесь уже нельзя говорить: хорошо, но только: нравится, так же как нравится или не нравится синий цвет. В этом нет ничего ни хорошего, ни плохого. Это первый вид. Но о втором виде сказать уже труднее. Оно тоже, конечно, связано с какими-то чувствами и может быть и радостным и нерадостным, но действует всё же помимо твоих настроений и чувств и вызывает у тебя какое-то восхищенное удовлетворение. Так, я думаю, ты читаешь «Илиаду» или слушаешь Баха. Первый вид потворствует твоим настроениям, второй деспотичен и создает в тебе новое и подчиняет себе. Но чистые виды встречаются редко, чаще помеси, и таков Бунин, причем ближе к первому виду. Некоторые его рассказы очень хорошие, больше всего мне понравились «Осенью» и «У истоков». Но, во-первых, они близки мне по настроению. Во-вторых, я боюсь этих настроений и поэтому эти рассказы показались мне страшными. В-третьих, я вообще против настроений и за деспотическое искусство. В-четвертых, но всё же его рассказы очень хорошо написаны. И потом еще: когда о чем-либо говорят: это типично такое или типично другое — это всегда не хорошо. Бунин — типично русский писатель, и это уже не хорошо. Толстой или Гоголь не менее русские, да их и нельзя представить себе нерусскими, но типично русские к ним не подходит. 10 или 12 рассказов Бунина, и прежде всего «Осенью» и «У истоков», и еще «Господин из Сан-Франциско» и «Митина любовь», а остальное всё, может быть, только портит его.

Дорогая Тamarочка.

С твоего отъезда был только один день хороший: пятница. Но уже вечером пришел Харджиев, был и Александров. Харджиев не плохой, но уж очень инфантильный и слишком часто употребляет местоимение первого лица в разных падежах, и разговор был ни о чем. А я сейчас очень устаю не от дела, а от безделья. Я не устаю только с тобою, а всякое другое общение сейчас для меня очень утомительно, поэтому я и не хочу приехать к вам, а хочу приехать к тебе. Вообще для меня утомительно общество больше двух человек, считая меня. А второй человек — это ты.

В воскресенье мне снова пришлось встретиться с Харджиевым по делу: расшифровать одно стершееся стихотворение Шуры. Тогда же я узнал две интересные вещи:

1. Иероглиф в литературоведении никем не упоминается. Значит, это Лёнино открытие.

2. Я всё не мог вспомнить, где были напечатаны стихи Лёни. Оказывается, во втором сборнике Цеха поэтов в 1921 г. напечатаны 2 стихотворения Лёни. Ал[ександров] найдет и перепишет их. И еще Харджиев считает, что Лёня оказал поэтическое влияние на Шуру. Действительно, в те годы Лёня был авторитетом для Шуры.

15

«Ленинград», 19 июня 1969 года

Дорогая Тamarочка.

В блокаду ты сказала мне: «если я не доживу, а ты доживешь до встречи с Л., то скажи ему, что я до самого конца не опускалась». — Теперь, когда наступают новые трудности, ты не должна опускаться духовно. <...> Мысли о здоровье близких, беспокойства, волнения, трудности не должны вытеснить главное, что в тебе есть. Энтелехию я не придумал, а открыл в себе, увидев через электронный микроскоп, который называется любовью. Любовь всегда права, сказал Якоби.

Но если бы я и не открыл этого, то открыли это Ш. Л., Д. И., Н. М. Но если бы и они не открыли, то открыли бы твои записи.

<...> Твои записи интересны в трех отношениях.

Во-первых. В них действительно встречаются интересные мысли, ты всегда очень красиво стесняешься, когда произносишь слово «мысль» применительно к твоим записям. Но я применяю его к твоим записям совершенно серьезно.

Во-вторых. Есть некоторые реальные, ноуменальные состояния, их можно заметить и записать только как бы выключив себя. Об этом и ты записала (— способ добраться до истины). Эта запись твоя так поразила меня потому, что об этом писал и я, и Гуссерль. И ты тоже, напр[имер], в ЭС, в записях некоторых снов и состояний. Это большое искусство выключить себя, оставаясь собою.

В-третьих. Свидетельские показания. Я уже говорил тебе: Дневник Анны Франк интересен совсем не как антифашистский документ, а как свидетельские показания людей, исключенных из общества и именно тогда ставших людьми. Потому что человек становится человеком, т. е. личностью, именно тогда, когда он хотя бы до некоторой степени перестает быть членом общества, уходит в внутреннюю эмиграцию. По аналогии с метаматематикой, метаязыком, металогикой я называю это метатеологией. Сейчас это самое интересное для меня. Твои записи — это свидетельские показания человека, имевшего силу уйти и жить в внутренней эмиграции.

В-четвертых. Твои записи важны еще для понимания творчества всех нас пяти. Я уже не говорю сейчас: пяти, но шести, потому что твои свидетельские показания самостоятельны и самоценны. Я уже говорил тебе о внетекстовых связях, это тоже имеет отношение к методологии. Чтобы понять до конца вещи и записи одного из нас, надо изучить и записи и вещи остальных пяти.

В-пятых. Я уже говорил тебе: поэтичность необходима во всём, даже Критика чистого разума, написанная педантично школьным языком, поэтична мыслью. Твои записи поэтичны, в них есть поэтичность мысли, слова, образа и чувства.

19. VI.1969. Твой поклонник, старец и постулат Я.

16

«Ленинград», 29 сентября 1970 года

Дорогая Тamarочка.

С конца 63-го г. я снова стал писать и писал много, но творчество было для меня мукой творчества — страданием. Я был почти тем, что Кьер[кегор] называет рыцарем веры, а жизнь рыцаря веры, говорит Кьер[кегор], — страдание. Когда же страдание достигало максимума, оно переходило в радость — радость страдания. И всё же я был только почти рыцарем веры, я положил руку на плуг и всё же оглядывался по сторонам. Но почти — ложь. Антихрист — почти Христос. Я почти ушел из жизни, это почти было ложью. После опустошенного взгляда с лета и осени 67-го началось истощение творчества. Затем неслучайная случайность. Я вернулся к тебе. Ты вернула меня к жизни. Четвертая часть Добавления к «Видению» — о молитве, прощание с периодом жизни 16.X.63 — XII 67. Я вернулся к жизни, снова пишу, имею удовлетворение или радость творчества. Хорошо ли это? Я переделываю ТФТ, вернее, после 8-летнего перерыва заново пишу седьмой вариант, он отличается от 6-го больше, чем шестой от первого. То, что я узнал за четыре года после 16.X.63, не пропало даром. И то, что я узнал от тебя и через тебя. Мне не хватало ноуменальной близости: ту, которая была — мама, — я потерял, новой не было, я искал ее не только в Боге, и это тоже была ложь: не только. Бог ревнив, Он требует только. Так я был не готов к этому только. Он послал мне

тебя. Но отошел от меня; может, чтобы я искал Его на земле, в жизни: в тебе, в творчестве. Я поднялся на небо и снова упал на землю Я поднялся почти на небо и потому упал на землю. Жалею ли я, что снова упал на землю? Я скажу правду: нет, потому что у меня есть ты. Грех ли это? Не знаю, ведь я был почти на небе, а почти — грех.

29. IX.70. Я.

17

Ленинград, 11 августа 1971 года

Дорогая Тamarочка.

Сегодня я сказал тебе: может быть, и есть еще несколько женщин таких же прекрасных, как ты, но я несовместим с ними. Потом я подумал: я несовместим с жизнью, только пять человек было, с которыми я был совместен, а сейчас осталась ты одна, главная — энтелехия, дверь в жизнь. Эта дверь в жизнь и есть моя жизнь, остальная жизнь мне безразлична. Девять месяцев в году раз в неделю бывает праздник — ты приходишь. Три месяца в году праздник каждый день, он начинается в 10 — пол-одиннадцатого, когда открываются двери Рая. А до этого страшно.

Я говорил: банкротство — религиозная категория, чтобы всё получить, надо всё потерять. А тебя? Сегодня после 3-х я волновался: почему ты не звонишь? Если бы ты не позвонила, я бы всё потерял и ничего не приобрел.

В аду и в чистилище Вергилий вел Данте, а в Раю его вела Беатриче. Ты — моя Беатриче. Я тебя люблю.

11. VIII. Я.

18

«Ленинград, вторая пол 1970-х годов»

«...» Сейчас, ты знаешь, я хорошо занимаюсь, т. е. много пишу. Шура раз сказал мне, что он Иоанн Предтеча в поэзии. Я уже давно думаю, что я Иоанн Предтеча в философии. Но иногда на меня находит какое-то состояние пустоты и опустошенности. Иногда это бывает беспричинно, иногда когда я подхожу к трудному месту. То, что я пишу сейчас, ни на кого и ни на что не похоже. И тогда мне кажется: всё это так необычно, что просто невозможно. Я чувствую себя в какой-то пустоте, мне кажется тогда, что если бы я встретился даже с понимающим философом, я не мог бы объяснить или рассказать, что я пишу. Мне кажется тогда, что меня Бог оставил.

Я тебе говорил, что я люблю Шурина «Суд ушел». В конце там есть две строки:

Бог, Бог, где же Ты?

Бог, Бог, я один.

Мои вещи очень различны и разнообразны. Но сейчас, когда я пишу, я понял: всё, что я писал 40 или 50 лет, всё это об одном и том же — о

том, что я сотворен, как сказано в Библии, — по образу и подобию Божьему. Это те же три темы, что были и у Шуры: время, смерть, Бог. Только я бы добавил еще одну, она есть и у Шуры: вина.

То, что я пишу сейчас, особенно с лета, т. е. летом мне это открылось, но я долго сомневался и проверял, — то, что я пишу сейчас, формально, может, и очень не похоже на прежние мои вещи, но это то же самое, но точнее. И еще: я неожиданно увидел — я нашел очень важные бинарные оппозиции, а это, может, главное в соврем[енной] структурологии, которую я почти не знаю. Это оказалось для меня приятной неожиданностью, потому что, когда я открыл их, я еще не знал, что в структурологии и лингвистике тоже основное или одно из основных понятий — бинарная оппозиция. У меня они совершенно другие, потому что я занимаюсь не лингвистикой и не литературоведением, мне интересно было, что некоторый формальный принцип исследования в философии оказался тот же, что и в соврем[енной] структурологии. Но у меня он обоснован совершенно иначе и в другой области.

«...» Дорогая моя Тamarочка, меня мучает и моя некоммуникативность, бес закрывает мне рот, мне делается всё-всё равно, и всё же я пишу, я не понимаю, что заставляет меня писать, когда мне не только не с кем говорить о том, что я пишу, но я даже не знаю, сохранятся ли мои вещи после меня, прочтет ли их хоть один человек.

Когда я пишу свою большую и, должно быть, последнюю вещь — потому что я представляю ее в целом, она очень большая и вряд ли я успею ее закончить, а может, и не смогу, — когда я пишу, я не чувствую своей опустошенной старости, и когда я думаю о том, что мне надо писать, и когда я жду тебя и с тобою, но это ощущение опустошенной старости бывает иногда перед сном и ночью, иногда в промежутках и в встречах с людьми помимо тебя. Моя некоммуникативность — это какой-то мой грех и проклятие, я чувствовал ее и раньше, очень давно, но никогда так сильно, как сейчас. Это уже не игnavия, а что-то еще худшее и страшное, может, это и есть опустошенная старость. Но тогда откуда же то, что я пишу сейчас, ведь это хотя и то же самое, что всегда у меня было, но совершенно новое, и после «Видения» я никогда не писал с таким увлечением и не получалось так интересно. И если я сказал, что иногда я пугаюсь, ведь это просто невозможно, то ведь только через невозможное и совершается великое.

Я тебе рассказывал о стеклянном корабле. Когда я хорошо писал, то я чувствовал себя в стеклянном корабле, и после писания, и когда на работу ходил — это ощущение какой-то силы: я совершил что-то, и мне важно, что этого никто не знает и не узнает, важно, что я чувствую в себе эту силу. У Шуры тоже бывало это ощущение — в Разговорах — о Ковре Гортензии. Сейчас у меня два стеклянных корабля — то, что я пишу, и ты, но они не распространяются на всю жизнь: когда я пишу, я

живу в том, что я пишу, и ничего больше не знаю, и когда я с тобой, мне тоже ничего больше не надо.

В. В. Стерлигову

1

Репино, 21 июля 1956 года

Простите за первую записку.

Простите за вторую записку, т. е. ту, которую сейчас пишу. Т. к. продолжение первого письма приостановилось, т. е. не продолжается, то отвечаю на второе. Но т. к. и ответ задержался, то кратко сообщаю, что согласен с Вами: философы, подбирающие ключики к этому замку, никогда не подберут их. Но кто философ: Вы или я? Вы. В ответе, которого я не написал, Вы прочли бы, что каждый человек спрашивает: почему и зачем, и рассуждает — значит, философ: имеет свое мнение о ключах мира. Я же ищу ключи не к миру, а к своему представлению мира, т. е. к своей душе. Я думаю, ключ — в нерассуждении. Но не рассуждать надо уметь, и это труднее, чем рассуждать. Рассуждает каждый человек, и каждый человек имеет свою философию, только философ, научившийся не рассуждать, не имеет философии. Очевидно, здесь философ уже не Вы, а снова я, или, скорее, я хотел бы им быть. Вот что Вы прочли бы в ответе, если бы я написал его.

Передайте Татьяне Николаевне поклоны и напишите мне в Ленинград, потому что на следующей неделе мы, должно быть, вернемся, т. к. мама всё время болеет. Но до 28 или 29, я думаю, мы будем еще здесь.

21. VIII. Я. Друск[ин].

Мой адрес в Ленинграде: Невский, 150, кв. 93, а здесь: Репино, Приморское шоссе, 179.

2

«Ленинград, 1959 год?»

Дорогой Владимир Васильевич!

Вот Вы говорите: Да будет воля Твоя, а когда Бог послал Вам испытание и тяжести, Вы пошли против Его воли. Вы уехали в Москву и живете там, потому что так Вам легче. А Бог хочет, чтобы Вам было тяжелее.

Положим, меня обвинили, что я что-то украл и кого-то убил, и знакомые перестали подавать мне руку. Я не вор, ничего не крал и никого не убивал, но ведь я-то знаю, что есть грехи хуже воровства и хуже убийства — это мои мысли. И если знакомые перестали подавать мне руку, то они правы, ведь я совершил бóльший грех, чем воровство и убийство, — я извратил в себе образ и подобие Божие.

«Высокое у людей — мерзость перед Богом». И обратно: многое из того, что у людей считается позорным и за что человека презирают, перед Богом не грех или небольшой грех. Но хорошо ли бежать из города, где меня унижают, в другой город, где меня ублажают?

Пожар вокруг меня — это не несчастье других, а мое несчастье. Я боюсь остаться один, чтобы не оказаться лицом к лицу с Богом. Я боюсь попасть в руки Бога Живого. Пожар вокруг меня — это и есть ограничение меня от других всё равно чем: клеветой, презрением, болезнями, и за всё это надо благодарить Бога, а не бежать в Москву. Я сам боюсь остаться один, чтобы не впасть в руки Бога Живого, тогда Он мне помогает: зажигает пожар вокруг меня, так что я поневоле остаюсь один перед Ним.

Возненавидеть отца и мать свою, и братьев и сестер, и притом самую душу свою (вар[иант]: жизнь свою) совсем не противоречит другой заповеди: возлюбить ближнего своего. Один мир — я сам и всё, что мне близко, что служит для моего ублажения. И вот это сказано: возненавидеть — себя самого и то, что я люблю, как себя самого. Другой мир — ты. Это то, что ограничивает меня самого. И это возлюбить. Добрый самарянин возлюбил иудея, т. е. того, кто ему был чужд и кто ненавидел и презирал его. И это и был ближний ему — ненавидящий и презиравший его. Но если я возненавижу себя самого, то надо ли бежать от ненависти других? Но от себя самого я всё равно не убегу, только на время отвернусь, увлекшись суетой. Я ублажаю себя самого.

3

«Ленинград, 1959 год?»

Дорогой Владимир Васильевич!

Ваше письмо обрадовало меня, значит, Вы всё-таки вернулись в Петергоф, я так и думал, что Вы в конце концов вернетесь в Петергоф, поживете в Москве, а потом вернетесь в Петергоф. Вот Вы и вернулись в Петергоф и будете жить в Петергофе, если никуда не уедете, а если уедете, Бог даст, опять вернетесь в Петергоф. Я рад, что Вы вернулись в Петергоф, потому что Петергоф значительно ближе к Ленинграду, чем Москва. От Москвы до Ленинграда часов 6–8 езды, а от Петергофа часа полтора. Поэтому я рад, что Вы вернулись в Петергоф. Когда Вы жили в Москве, я Вас не ждал, потому что от Москвы до Ленинграда очень далеко, часов 6–8 езды поездом, а из Петергофа значительно ближе, всего часа полтора или два, поэтому я Вас жду, Т. Н. и Вас. И Лидия Семёновна ждет Т. Н. и Вас, потому что теперь Вы живете не в Москве, от которой до нас далеко, часов 6–8 езды на чугунке <...>, а от Петергофа до Ленинграда значительно ближе, всего полтора-два часа езды. И Тимофей ждет Вас. Когда Вы были в Москве, не ждал, а когда вернулись в Петергоф — ждал.

Как Ваша борода? Стекает ли драгоценный елей с головы на бороду? (Псалом 133). Лидия Семёновна и Тимофей хотели ее увидеть. Я тоже соскучился по ней. Должно быть, она выросла за это время. Но Вы будьте осторожны. Помните, как Иван Иванович, торопясь утолить свой голод, так жадно набросился на антрекот, что забыл вынуть из рта

свою бороду и съел антрекот с куском своей бороды. После этого он ходил с клочной бородой.

Л. С., Тимофей и я кланяемся Т. Н. и Вам и ждем Вас. Если поездка утомит Вас, то Вы сможете отдохнуть у нас и полежать на кроватях и на диване.

Приезжайте.

Я. Друскин.

4

«Ленинград, 1959 год?»

Дорогой Владимир Васильевич.

Т. к. большое спасибо, которое я хотел Вам написать, будет окончено через неделю, месяц, год или 10 лет, то кратко сообщаю Вам, что сообщить нечего. Т. к. у меня Великая Игнавия.

Еще сообщаю Вам под впечатлением 150 г, Матисса и еще 100 г, что второй раз был в Эрмитаже и видел французов, и особенно меня поразили Матисс, а не Пикассо, у которого мне мешает литература и чувства. Мне кажется, у Пикассо я вижу чувства, потому что их всё равно не избежать и ощущения тоже сопровождаются чувством.

Вы спрашиваете о Трауготах. Отвечаю: 2 и 3 недели тому назад я говорил с В. П. Они вместе с Г. Н. предполагали поехать на дачу в Финляндию. Вот и всё, что я знаю.

Кланяйтесь Т. Н.

Я. Друк[ин].

5

«Пушкин?», 20 июля «1960-е годы»

Дорогой Владимир Васильевич!

Сообщаю Вам, что я собираюсь написать Вам письмо, и уже не день, не два и не три, и т. к. пройдет еще некоторое время, пока я соберусь, то я и решил сообщить, что собираюсь написать Вам письмо. И вот сообщаю.

Еще сообщаю Вам, что игнавия прошла: деревья и небо прогнали ее. Что же касается до моей личной жизни, то сообщаю Вам, что сообщить нечего: кажется, ее нет, почти нет, если не считать за личную жизнь зубную боль. Но вот я написал это и вижу, что это ложь. Во-первых, кроме зубов у меня болит еще иногда живот. Во-вторых, я живу здесь не один. В-третьих, я не знаю, что значит личная жизнь, как один человек не знал, что он всю жизнь говорил прозой.

Благодарю Вас за Ваше письмо. Все Вам кланяются, передают привет и разные пожелания Вам и Вашему животу. Я тоже.

Передайте поклон и привет Татьяне Николаевне и Люсине.

Я буду рад, если Вы мне напишете.

20. VII.

Я. Друскин.

6

«Пушкин? лето, 1960-е годы»

Дорогой Владимир Васильевич!

Сообщаю Вам, что у меня здесь есть друг. Он немного моложе меня и всегда радуется. У него удивленно радостные глаза. Мне кажется, он всё время удивляется: Господи, как всё хорошо. Он очень тихий, если посмотрите на него, он улыбается. Но вчера мы поссорились, вернее, я его обидел, и он заплакал. Потом он объяснил, что я грубо поздоровался с ним. Но это было не так. В этот день мы с ним здоровались по крайней мере 3 раза, он любит здороваться, и в четвертый раз я ответил недостаточно внимательно, т. к. о чем-то думал, он это почувствовал и заплакал. Но сегодня утром мы уже помирились. Я Вам сказал, что он любит здороваться: когда он сидит на горшочке, а я прохожу мимо, он всегда кричит мне: здласьте — вместо р он говорит л. Ему 2 с половиной года и зовут его Вова.

Еще могу Вам сообщить, что через окно в уборной я вижу лестницу Иакова. Всё же остальное пока не так хорошо.

Кланяйтесь Татьяне Николаевне и Люсине.

Я. Друскин.

7

«Ленинград», 31 декабря «1960-е годы»

Дорогие Татьяна Николаевна и Владимир Васильевич!

Франциск Ассизский называл свое тело братом ослом. Он особенно не измождал его, но и не баловал. Но вообще-то его надо держать строго, потому что, что с него требовать? Осел есть осел. Так что Вы припугните Ваших ослов и ослиц, что если они и дальше так вести себя будут, то Вы перестанете кормить их. Вы увидите, они испугаются и сразу перестанут охать и вздрагивать. Что касается до моего брата осла, то он здоров как бык, как самый тощий чахлый бык. Правда, в последние дни он у меня тоже чего-то раскапризничался, но сегодня, кажется, входит в норму. А вообще мы напрасно всё сваливаем на наших братьев ослов и сестер ослиц. Во всяком случае, что касается до меня, то я точно знаю: мой брат осел ни в чем не виноват, он вполне невинный, во всём виноват я сам. Даже вдвойне виноват: как только он заболит, я его обвиняю. А между тем виноват я: я заразил его своей греховной мыслью. Но ведь он не может мыслить, у него мысль — моя греховная мысль сразу же материализуется в какую-нибудь телесную боль или болезнь. И недавно тоже у него заболел зуб и пришлось вырвать зуб и два корня. А виноват был не он, а я — мое уныние, мой грех. И выходит, что осел не он, а я. И это бы еще ничего, если бы только осел. Осел ведь не знает, что он только осел, а я знаю, и всё же остаюсь ослом, а это уже грех.

Простите, что столько написал о своем осле, т. е. о себе самом, поправляйтесь, пишите, звоните и приходите к нам.

Лидия Семёновна и я кланяемся Вам и поздравляем с Новым годом и скоро наступающим Рождеством Христовым.

31. XII.

Я. Друскин.

8

«Ленинград, январь 1973 года»

Дорогой Владимир Васильевич!

Жду великолепного идиота. Мне надоели умные аспиранты, ассистенты, кандидаты и приват-доценты. Имбецил и дебил, я мечтаю о встрече с Великолепным идиотом.

Неотвязная противность преследует меня уже с 12 октября. В конце декабря она приняла новую форму: упорный бронхит, сердечно-легочная недостаточность, леность, тяжесть в теле, расслабление членов, уныние, смущение мыслей, мнительность от изнеможения тела, временное пресечение надежды, омрачение помыслов, недостаток человеческой помощи, скудость в потребном для тела и тому подобное. Исаак Сирианин, которого я сейчас процитировал, утешает меня: от сих искушений человек приобретает душу одинокую и беззащитную, сердце омертвевшее и смирение. И сим дознается, начал ли он вожделевать Создателя. Я хочу верить авве Исааку. Ап. Павел сказал: когда я немощен, я силен. Я немощен.

Лидия Семёновна и я кланяемся Татьяне Николаевне, Люсине и Вам. И ждем Вас всех.

Я. С.

9

«Ленинград», 19 мая 1973 года

Дорогой Владимир Васильевич,

Большой маленький советский художник, простите меня, старого невежу, дебила и имб[е]цила; Вы правы, а я виноват: телефонные звонки не заменяют письма, и мой возраст не оправдывает, а усугубляет мою вину.

К сожалению, не могу ответить Вам такой же искусной, красивой и беспредметно выразительной кляксой, которую Вы нарисовали мне в последнем письме.

В среду, если Вы разрешите, если мы будем живы и здоровы и если Бог даст, то мы приедем к Вам. Т. к. я предполагаю или всё же хочу скоро уехать в Пушкин, то и у меня и у Лидии Семёновны почти все дни будут заполнены всякими делами нужными или скорее ненужными, т. к. мы «печемся о многом, а важно одно». Лидия Семёновна и я будем Вам очень благодарны, если Вы сможете принять нас именно в среду.

Если не сможете или что-либо изменится у Вас или у нас, то мы Вам или Вы нам позвоните сразу же.

Т. к. в последнее время я очень устал, и окончательно доконал меня известный Вам Михаил Борисович, сын Бориса Соломоновича, который всё больше делается похожим на своего папу, то, во всяком случае, часть дороги мы предполагаем проехать на машине. Поэтому напишите, пожалуйста, во-первых, если поедem на машине, то есть на такси, то по какой улице надо ехать в Вашем Петерховском дворе (Petershof), и на какой улице надо сворачивать, и куда — налево или направо, вверх или вниз, чтобы попасть на Озерковую улицу в Ваш дом и в Вашу квартиру. Во-вторых, если мы всё же поедem в большой машине, то есть в автобусе, то напишите, на какой автобус надо садиться, и куда ехать, и где выходить.

Если Вы будете так любезны и Вас не очень затруднит моя просьба, то постройте, пожалуйста, к нашему приезду лифт, потому что на четвертый этаж взбираться довольно трудно.

Лидия Семёновна, Тамара Александровна и я, а также и Михаил Семёнович (если бы он был сейчас в Ленинграде) кланяемся Татьяне Николаевне и Вам. Я не сомневаюсь, что и Серёжа Гриб, который завтра предполагает быть у меня, и Анатолий Анатольевич, и Серёжа Слонимский, и Михаил Борисович тоже поклонились бы Татьяне Николаевне и Вам, а также и все достойные люди в Санкт-Петербурге.

19. V.73.

Я. Друскин.

Е. Л. Фейнбергу

«Ленинград, после 27 июля 1969 года»

Дорогой Евгений Львович.

Прежде всего, я Вам очень благодарен за Ваш ответ. Но всё же он не разрешил моих недоумений. Мне очень трудно формулировать их, потому что я не могу назвать себя даже дилетантом в физике, я просто не знаю ее, кроме нескольких высказываний, очень интересных и, как мне кажется, важных не только физически, но и философски.

Я вполне согласен с Вами, что религиозные идеи не нуждаются в научном подтверждении или обосновании. Скорее, я бы сказал, что наука нуждается в философско-религиозном обосновании. В Ср[едние] века говорили: философия (включая науку) — служанка богословия. Мне кажется, это верно. Ошибка заключалась в том, что эту служанку считали недобросовестной, поэтому богословие всё время вмешивалось в ее дела, регулировало. Само же христианское богословие забыло многое, что говорится в Св. Писании, и заменило это язычески-пантеистской философией Аристотеля, в лучшем случае Платона. Мне кажется, что с конца XIX в. в европ[ейской] культуре происходит переворот, я думаю, более значительный, чем тот, что произошел в XVI

в. Это относится и к искусству и к науке. В науке это ответ Майкельсона, квантовая теория Планка, теория относительности Эйнштейна, антипсихологизм Гуссерля. Всё это Вы знаете, я повторяю, т. к. не знаю физики и мне трудно чисто физически объяснить то, что меня интересует. Я хочу сказать, что наука — так мне кажется — приблизительно с 1900 года очень часто и сама того не зная освободившись от опеки богословия, выдающего себя за христ[ианское] богословие, а на самом деле обремененная языческим наследием, стала добросовестной и честной служанкой богословия. Я слышал, что Милн в книге о космологии и теории относительности одну главу посвятил Библии. Кажется, год тому назад по радио какой-то известный английский астроном читал лекцию по физике и теории относительности и тоже упомянул о поразительном предчувствии в Библии теории относительности. Я не знаю, что он говорил, я нахожу это предчувствие, напр[имер], в 1-й главе Книги Бытия: свет сотворен в первый день, а небесное светило, т. е. первые естественные часы, в 4-й день. Значит, мир сотворен не во времени, и не мир — во времени, а время в мире. Но ведь это то же самое, что говорит Минковский в своем знаменитом докладе 1907 г. Об этом же говорит и Августин.

Существуют интуитивные предчувствия научных теорий. Напр[имер], есть сказки о том, как какой-то человек ушел в лес, заблудился там и вернулся в свою деревню только через сутки. А за это время, т. е. за сутки по его часам, в деревне, из которой он вышел, прошло около 100 лет, и, вернувшись, он нашел детей и внуков тех, кто там жил за сутки до того по его часам. Я могу привести еще пример: я не знаю, слышали ли Вы о гениальном поэте Введ[енском], умершем не в нормальных условиях в декабре 1941 г. Я приведу Вам отрывок из его стихотворения, написанного в начале 30-х гг.:

Дверь открылась
Выходит гость
Боль мою пронзила кость
Человек из человека
Наклоняется ко мне
На меня глядит как это
Он с медалью на спине.
Он обратной рукою
Показал мне над рекою
Рыбы плавали во мгле
Отражаясь, как в стекле.

Что это, как не предчувствие идей об антимире, возникших в физике через 20 и 25 лет? Причем Введ[енский] физики, может, не знал, а то, что проходил в школе, сразу же забыл — это его не интересовало.

Простите, что я пишу Вам то, что Вы знаете, я не знаю, как мне сказать Вам то, что меня интересует в нескольких известных мне физических высказываниях.

Ап. Павел сказал: крест — соблазн для иудеев, безумие для еллинов. И еще: Божественное безумие посрамило человечес[ескую] мудрость. Все мы и иудеи и еллины одновременно. Всех нас бесконечно притягивает Божеств[енное] безумие, посрамившее человечес[ескую] мудрость, и одновременно мы боимся его, боимся его как безумия, и оно стало для нас соблазном. Мне кажется, наиболее смелое сейчас не теология, во всяком случае не офиц[иальная] теология, и не философия, а искусство и наука. Эйнштейн произвел переворот в физике, равного которому еще никогда не было. Но великие люди еще более противоречивы, чем не великие. Вы пишете: Эйнштейна с детства интересовало, что будет, если двигаться со скоростью света. Он думал, что законы природы всё равно сохранятся. Вы знаете, Эйнштейн всю жизнь спорил с Богом, он хотел во что бы то ни стало сохранить идола, говоря словами Бэкона, — принцип причинности. Минковскому он, возражая, сказал, что Минковский придает слишком реальное значение математическим уравнениям. Но ведь изменение течения времени или темпы времени в системе, движущейся по сравнению с другой системой, принятой за неподвижную, это уже не только матем[атическое] уравн[ение] или теория, но уже факт, подтвержденный, как я читал, экспериментами. Тогда матем[атические] физич[еские] уравнения не только уравнения, не только способ включения опред[еленных] величин для предсказания будущих явлений, но и познание реальной действительности. Вы знаете, Эйншт[ейн] в своих философских взглядах, которые он признавал необход[имыми] для своих научных открытий, исходил из Юма и Маха, т. е. был агностиком. Поэтому мой вопрос вполне правомерен: чем становится сейчас физика: только ли методом вычисления опред[еленных] величин для предсказания будущих явлений, полезным, а большей частью вредным (Хиросима) методом и орудием практич[еской] жизни или действит[ельным] познанием матер[иальной] стороны жизни и мира? Мне кажется, верно второе предположение. Но тогда она соприкасается с философскими и философско-религ[иозными] идеями. Прошло время, когда недобросовестное богословие опекало беспринципную науку. Я хочу только понять философско-религ[иозный] смысл науки.

Если физика действит[ельно] познает матер[иальную] сторону жизни мира, то мне кажется, может быть два взгляда на Вселенную. Каждый человек живет в опред[еленное] время, находится в опред[еленном] месте, т. е. исходит из сейчас-здесь. Мне кажется, это одно из основных положений и философии, и религии, и соврем[енной] физики. Мне говорили, что об этом же упоминал и английский астроном, читавший лекцию по физике в прошлом году. Старая физика, в сущности, исключала из физики наиболее важное экзист[енциальное] понятие сейчас-здесь. Бергсон правильно заметил, что t в физических уравнениях — пространственное время, т. е. уже не время. Впервые Эйншт[ейн], а может, Минковский понял, что, исключая реальное

понятие сейчас-здесь, мы превращаем физику в полезную (а сейчас вредную — снова напоминаю Хиросиму) фикцию. А понятие сейчас-здесь противоречивое, таким образом, физика не побоялась ввести в науку противоречие — парадокс, абсурд, как говорил Кьерк[егор]... Тогда физика и стала не фикцией, а экзист[енциальным] учением. Еще Бор сказал Гейзенбергу: ваша гипотеза недостаточно неправдоподобна, чтоб быть истинной (это же самое сказал Тертулиан: *credo quia absurdum est*. А до него ап. Павел: Божие безумие посрамило человеческую мудрость). Интерес к сейчас-здесь, неправдоподобие, непредставимость — вот что сближает соврем[енную] физику с соврем[енным] искусством и религ[иозными] учениями.

Но я физики не знаю, поэтому обращаюсь к Вам как к знатоку и ценителю теории относительности. Теория относит[ельности] впервые в науке поняла экзист[енциальное] значение сейчас-здесь. Тогда может быть два взгляда на Вселенную.

1. Если радиус Вселенной конечный, значит есть центр Вселенной. Центр Вселенной — геом[етрическая] точка, и всё же в какой-то степени реальная, не только фикция. Как понимать тогда релятивизм времени, различные сейчас-здесь, о которых говорит Минковский в докладе 1907 г.? Конечно, мы не можем вернуться к абсол[ютным] пространству и времени, как созерцание Бога у Ньютона. У него это еще наследие языческого пантеизма Аристотеля. Можно ли с точки зрения соврем[енной] физики ввести некоторое общее единство относительных времен-пространств? Это уже не будет простр[анство] и время, в котором мир, но простр[анство] и время в мире, т. е. во Вселенной. Или:

2. Теория относительности принципиально ограничивает возможности познания, т. е. принципиально отрицает абстрактное понятие всего, целого. Мы, исходя из того сейчас-здесь, в котором мы находимся, строим проект Вселенной. Если мы попадем на Марс, на Сатурн, в другую солнечную систему нашей или другой галактики, мы построим другой проект Вселенной.

Иначе это можно сказать так:

религиозное учение всегда строит общий проект жизни — духовно-душевно-материаль[ный]. Физика принципиально строит ли только частичный или общий проект матер[иальной] жизни. Или еще конкретнее: теория релятивизма только относительно относительна или абсолютно относительна. С философской или философско-религ[иозной] точки зрения обе возможности одинаково правомерны.

1. В практич[еской] жизни и физик исходит из конкретного сейчас-здесь, и строит и живет в нек[оторой] антропоцентрической и геоцентрической системе. Физик даже говорит: Солнце восходит и заходит, он же говорит: Земля вращается вокруг своей оси. Я думаю, и физик согласится с тем, что две вещи возвышают нашу душу: звездное небо над нами и нравств[енный] закон в нас. Звездное небо над нами —

мы непосредственно воспринимаем не научно, а эстетически, нравственно и религиозно.

2. В человеке заложено беспредельное, бесконечное стремление к познанию. И одновременно какое-то самоограничение: Вавил[онскую] башню Бог разрушил и произвел смешение языков.

3. Решить вопрос о правильности первой или второй возможности, поскольку это касается только физич[еской] стороны реальности, должна только физика. Она освободилась от контроля нечестной теологии и стала честной ее служанкой. Философия и честная теология могут только осмыслить духовно ее решение и сделать соотв[етствующие] философские выводы. Но какие бы ни были физич[еские] решения, никогда никак не могут изменить или даже повлиять на само философское и философски-религ[иозное] учение.

Д. С. Дудко

«Ленинград», 1 декабря 1977 года

Дорогой Дмитрий Сергеевич! «...» Так как вчера Д. не пришел за этим письмом, то сегодня продолжаю его. Христос открыл одну из величайших истин: слабость побеждает силу, или лучше Его собственными словами: «Сила моя совершается в немощи». Ап. Павел: «...когда я немощен, я силен». С этой немощью, побеждающей силу, соединяется и истинная свобода, которую дает только Христос, и, может, величайшая из всех блаженств — нищета духа. Во всяком случае, для меня истинная свобода неотделима от немощи, побеждающей силу, и нищета духа. Нищету духа я не знаю, как определить точно, но я соединяю ее со словами, которые пророк Исайя услышал от Бога: «Я высоко на небе, близ сокрушенного сердцем, смиренного духом», а также со словами Филона Александрийского: «... когда душа обнищает, опустеет настолько, что в ней ничего не останется своего, вообще ничего не останется, тогда приходит Логос и занимает или заполняет душу». Правда, его Логос еще не вполне христианский: Премудрость Божья, но всё же не ставшая плотью. Церковь, основанная Христом, управляется не только Св. Духом, но и человеческими руками. Но тогда уже обязательно вводятся какие-либо правила, установления, организация. Но любое правило, любая человеческая организация всегда есть нарушение истинной свободы, немощи и нищеты духа. Для меня это не отвлеченный технический вопрос, а практический. Не я сам, а мой сокровенный сердца человек спрашивает: я стремлюсь к истинной Христовой свободе нищеты духа; как мне совместить это со вступлением в церковь, в которой не может не быть правил и организации, тогда как, мне кажется, не может быть истинной свободы нищеты духа? Я предвижу возможный ответ: слово «организация» применимо к светским общественным учреждениям, в Церкви же, основанной Христом, есть соборность, а не организация.

Может, тех, кто уже состоит в церкви, этот ответ удовлетворит, хотя, мне кажется, не полностью, если сравнить, во-первых, современную церковь с церковью первого, может, и второго века, и во-вторых, не продумать, а именно прочувствовать, пережить ту истинную свободу, которую дает Христос. Уже больше 50 лет, как я, поверив в Христа, непосредственно ощущаю и чувствую, прикасаюсь, иногда и живу в немощи, побеждающей силу, в Христовой свободе нищеты духа.

Истинную свободу, которую дает Христос, человек может иметь даже сидя в тюрьме. Но сама эта свобода, как и любовь Христа, не имеет никаких ни правил, ни ограничений, ни организаций. То же самое относится и к первому блаженству — нищете духа, она тоже не может быть организована, но всё, что попадает в руки человеческие, должно быть организовано, даже соборность; если же она организована — мне кажется — уже не истинная соборность. При Христе — Он был главой основанной Им Церкви, тогда не требовалось никакой организации. Он и сейчас Глава Церкви, но на земле Его нет, тогда есть организация, правила, установления. Как это совместить с абсолютной истинной свободой, которую Он дает, свободой без всяких правил, и с такой же свободной нищетой духа?

Даже Ваша книга — лучшая и наиболее близкая мне из трех хороших книг, прочитанных за последние два года (две из них — книги Антония Блюма), не дает мне ответа на мой вопрос, но без этого ответа я не могу совершить то, что я сам хочу, — совершить водное крещение: если я не убежден, что не могу не совершить этого акта, и совершу его, то я солгу; солгать — плохо, солгать себе — хуже, солгать Богу — это, может, уже хула на Духа Святого.

Простите, что на Ваше короткое и хорошее письмо я ответил таким длинным и, скорее, не хорошим письмом.

Преданный Вам и любящий Вас Яков Семёнович.

1. XII. 77.

Приводим фрагмент одного из написанных, по-видимому тогда же, многочисленных вариантов письма Друскина:

«...» Теперь я перехожу к главному вопросу — к тому, для чего я написал это длинное вступление:

Для меня святы все слова Христа, значит, я не могу отрицать ни необходимости крещения, ни церкви, не только невидимой, но и видимой исторической. У меня были только некоторые вопросы и сомнения, которые вполне естественно могут возникнуть не только у меня, но у всякого человека, не крещенного в детстве и поверившего в

Христа, когда он вырос. Т. к. нет двух одинаковых людей, то у каждого человека эти вопросы могут быть выражены в различной форме. От чего зависит это различие форм и вообще почему возникают эти сомнения и вопросы? Раньше я думал, что основная причина — множественность исторических церквей и очень серьезные расхождения в учении этих церквей; во-вторых, нарушение церковью некоторых даже очень простых заповедей Христа. Но главное всё же не это. Великое дело, а крещение — самое великое дело, надо совершать не тогда, когда я могу его совершить, а когда не могу не совершить. Я бы крестился сейчас, я думаю, в православной церкви, если бы такие хорошие священники, как Владимир Андреевич Каменский, Антоний Блюм или Вы, нашли, что непонимание или неверие в некоторые из православных таинств или, может, обрядов, ритуалов и обычаев не препятствует православному крещению, — я бы крестился, если бы почувствовал, что не могу не креститься. Но этого нет. Я Вам писал: во-первых, уже 60 лет (даже больше) я живу как бы в одиночном заключении. Во-вторых, то, что я писал об организации церкви, без которой, с одной стороны, церковь и не может существовать на земле с тех пор, как Христос покинул Землю, с другой же стороны, я не понимаю, как совместить ее с истинной свободой, которую дает Христос и которая неотделима для меня от нищеты духа и немощи, в которой совершается Его сила.

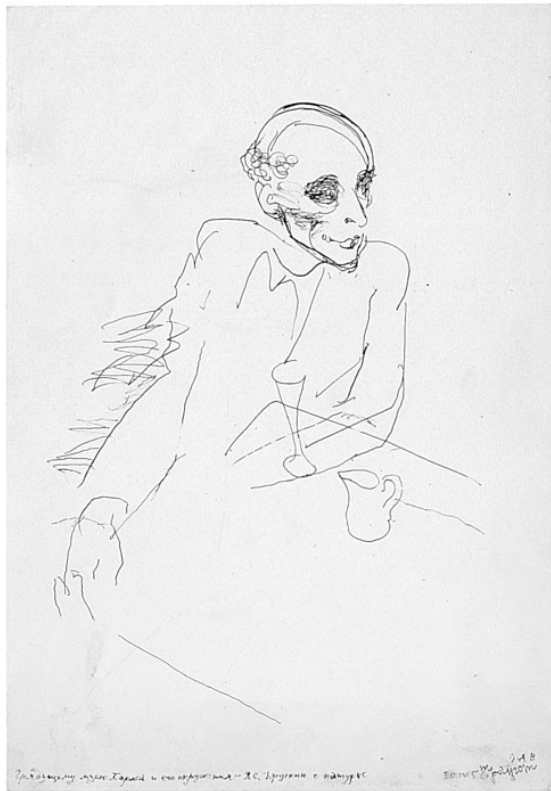
Небольшим дополнением к главной теме публикуемого письма Друскина является написанная им тогда же заметка без заглавия:

Я верю не в объективность таинства, а в абсолютность таинства.

Пять момент<ов> таинства:

- 1) Святой Дух
- 2) вера совершающего таинство
- 3) вера над тем, кем совершается таинство
- 4) слово
- 5) матер<иальные> элементы действия:
 - а) возложение рук, преломление хлеба
 - б) вода, елей, масло и т. д.

Послесловия

Янов Друскин. Рисунок Г. А. В. Траугот
Ленинград, 30 мая 1956

© Г. А. В. Траугот, наследники, 2026

Корнелия Ичин:

Яков Друскин и его вестники

Понятие «вестники», изначально предложенное Л. Липавским, закрепилось за Я. Друскиным и Д. Хармсом, которые активно использовали его в своих философских и литературных сочинениях. Сохраняя неизменный интерес к эсхатологическим вопросам, Я. Друскин вводит «вестников» в обиход, чтобы приблизить «тосвет» или «соседние миры», остававшиеся для человека по-прежнему запредельными и уму непостижимыми. Вестник (на *др. — греч.* ὁ ἄγγελος) — это же посланец, гонец из того мира, а также весть, известие, сообщение, и, конечно, библейский ангел^[1]. Жизнь вестников помогает объяснить понятия «это» и «то», целого и части, движения и неподвижности, последовательности и случая, времени и мгновения. Вестникам философ посвящает свой трактат «Разговоры вестников» 1932–1933 годов, состоявший из тематических фрагментов^[2], повлиявших на разговоры и размышления чинарей того времени. Чтение «Вестников» в кругу чинарей отмечает в своих дневниках и Л. Липавский, сетуя на то, что написать эту вещь «он бы не мог», хотя он дал и название, и тему^[3].

Как Я. Друскин передает сущность вестников? В фрагменте «Вестники и их разговоры» он пишет, что жизнь вестников проходит в неподвижности, без памяти, вне времени, но во мгновении, с которым связано лишь начало события, не знающее последовательности, действия или конца^[4]. Он сравнивает жизнь вестников с деревьями: «У них нет законов и нет порядка. Они поняли случайность. Еще преимущество деревьев и вестников в том, что у них ничего не повторяется и нет периодов»^[5]. Преимущество деревьев и вестников философ обнаруживает в неподвижности, случайной прикрепленности к месту, не позволяющей свободного передвижения, от которого и возникают повторы, однообразие и скука. Иными словами, вестники не знают времени с его действием, поэтому у них ничего не происходит, а значит нет связи с прошлым и будущим. Они — в мерцающем сейчас, во мгновении, в неподвижном нуле на оси. Этим они достигли всегда-существования, оказались невредимы от времени. Когда Я. Друскин пишет, что вестники поняли «обратное направление», узнали «то, что находится за вещами», достигли «равновесия с небольшой погрешностью»^[6], он, видимо, имеет в виду их присутствие в обоих мирах, раз они говорят (нам?) об этом и том, причем небольшую погрешность связывает с самой жизнью.

На всех этих введенных Я. Друскиным понятиях («мгновение», «неподвижность», «случайность», «соседний мир», «это» и «то») следует остановиться, поскольку они стали основополагающими для

его дальнейшего философского мышления, а также для Д. Хармса и А. Введенского, развивавших их в своих произведениях. Больше всего воплощений или даже пародирований философских мыслей Я. Друскина находим в произведениях Д. Хармса. Творческий диалог между ними зачастую принимал эпистолярную форму. Так, например, в 1937 году Я. Друскин пишет письмо-заметку под условным заглавием «Как меня покинули вестники», адресованную Д. Хармсу. Интересно, что по сути оно относится к событию 1934 года, когда не стало вестников в жизни философа, а заодно вдохновения и желания писать и думать, что позволило авторам последующих комментариев связать произошедшее со смертью отца Я. Друскина 16 августа 1934 года^[7]. Важно отметить, что автор письма-заметки уточняет время и место случившегося: «Я сидел ночью у открытого окна, и вестники еще были со мною, а затем их не стало»^[8], упоминая тему «окна», стержневую для поэтики Д. Хармса и для его определения взаимоотношений миров, в том числе мира «я» и «ты», мира «я» и «не-я», внутреннего и внешнего мира «я»^[9]. Окно в качестве щели, пропускающей в тот мир, возникает в стихотворении «Окно» 1931 года, рассматривающем занятия наукой противоположными духовным прозрениям: «Я внезапно растворилось / Я дыра в стене домов / Сквозь меня душа пролилась. / Я форточка возвышенных умов»^[10]. О значке «окна» в своей комнате Д. Хармс пишет в письме Раисе Поляковской от 2 ноября 1931 года. «Окно» для него выход в иной мир, оно и монограмма имени Эстер, сквозь «окно» он смотрит «на небо» и видит «звезду», которую называет «раем, но очень далеким»^[11]; в том же письме он передает свое состояние в бессонную ночь, у окна, в ожидании «слова»: «Я встал и подошел к окну. Я сел и стал смотреть в окно. И вдруг я сказал себе: вот я сижу и смотрю в окно на... Но на что же я смотрю? Я вспомнил: „окно, сквозь которое я смотрю на звезду“. Но теперь я смотрю не на звезду. Я не знаю, на что я смотрю теперь. Но то, на что я смотрю, и есть то слово, которое я не мог написать»^[12]. Невозможность именовать предмет наблюдения, который до этого был назван (небо — звезда), связывается с прорывом нездешнего в здешний мир сквозь окно, с остановкой времени, с амнезией, дающей возможность изначального восприятия вещи, ее остранения. На самом деле мы сталкиваемся с обратным порядком становления: от слова-графемы через слово-имя к предмету^[13]. Два года спустя Д. Хармс в письме актрисе Клавдии Пугачёвой от 16 октября 1933 года возвращается к теме собственного поэтического слова, его овеществления и меры его: он пишет о стихотворных словах, которые «можно снять с бумаги и бросить их в окно, и окно разобьется»^[14]. Иначе говоря, слово должно отменять границу между мирами, мгновенно оказываясь в безвременье, постигать трансцендентное. Это и есть то настоящее чудо, которого требовал А. Введенский от слова в разговорах с друзьями-чинарями.

Общий интерес к непостижимому, видимо, привел к молниеносному ответу Д. Хармса на текст Я. Друскина «Как меня покинули вестники»: уже 22 августа 1937 года он пишет сочинение «О том, как меня посетили вестники». Для Д. Хармса приход вестников напрямую связан с остановкой протекания времени, метафорически представленной неподвижными часами (на них без четверти четыре) и отсутствием воды^[15]. Начало события, т. е. приход вестников, ознаменовали стук механизма часов и колышущий листки календаря сквозняк, однако ход времени замедлился до нуля, несмотря на работу часов и ветра-сквозняка (стрелки показывают всё то же время, листки календаря не отрываются), последовательность и порядок были отменены, а значит, причинно-следственные и всякие другие связи (оттуда ремешок и календарь во рту героя или неожиданная замена воды чесаньем уха). Этот цисфинитный ноль, упразднявший законы времени, в понимании Д. Хармса равнялся бесконечности (вечности) настоящего (мгновения)^[16], и он полностью соответствовал неподвижности, с которой Я. Друскин связывал жизнь вестников и деревьев. К тому же нельзя забывать, что в небольшом трактате «Движение» (1934) Я. Друскин дал установку на изучение взаимосвязи времени и движения, начав с определения различия в самом движении (подвижное и неподвижное) и в самом времени (время при соединении мгновений и время при переходе от одного к другому мгновению). Это позволило ему дальше различить «то» («всё прочное и твердое») и «не-то» («несуществующее») в вещи, причем вечность/мгновение/сейчас и неподвижность Я. Друскин связал с «тем», а время и движение — с «не-тем», подытожив свои рассуждения словами, что «вечность понятнее времени, потому что есть сейчас»^[17].

Незадолго до послания «Как меня покинули вестники» Я. Друскин написал «Разговор о времени» (до марта 1937 года), в котором сосредоточился на определении разницы между мгновением и временем. В качестве персонажа Я. Друскин вывел первого древнегреческого мыслителя Фалеса, основывавшего свою философию на воде как первоэлементе и первопричине всего, чем отсылал к Л. Липавскому и его размышлениям о текучести, о темной и подземной воде, о стоячей воде и воде твердой как камень в «Трактате о воде», написанном в начале 1930-х^[18]. В трактате Я. Друскина Фалес и его ученик размышляют о «сейчас» как настоящем мгновении, в котором «ничего не движется и не происходит», потому что «оно всегда есть» и не соединяется с другим мгновением, ибо к соединению мгновений относятся «событие, время, память и смерть». В конце трактата ученик делает вывод, что «надо стремиться к останавливанию движения»: «Во время останавливания движения происходит распадание предметов и чувств. Это можно уподобить точкам, случайно разбросанным в разных местах пространства, случайному расположению деревьев в саду или лесу или звездному небу»^[19]. Схожие мысли мы находим в трактате

«Разговоры вестников» (и особенно в его части «О деревьях»), с которого и начиналось у Я. Друскина исследование вопросов времени и мгновения, и следовательно, движения и неподвижности. В нем философ отмечает, что в расположении деревьев в саду нет определенности, что «развертывание почек на дереве <...> не происходит во времени» («когда почка лопається — это подобно сотворению мира»), что неподвижность деревьев подразумевает небольшую погрешность, в которой ничего не происходит^[20]. Настаивая на принципе случайности и на разрушении всевозможных законных, упорядоченных связей, Я. Друскин выдвигал единичное мгновение как цисфинитную точку неподвижной вечности, в которой могут пребывать вестники.

Проблема времени, вместе с Богом и смертью, была частью той триады, вокруг которой вращался весь творческий мир А. Введенского, однако особое место она занимала в «Серой тетради», датированной между летом 1932 и летом 1933 года, в период написания Я. Друскиным его трактата «Разговоры вестников». А. Введенский пишет о непонимании времени, о несоответствии человеческой логики и языка понятию времени. Чтобы продемонстрировать свою мысль, он предлагает «стереть цифры» с циферблата, «забыть ложные названия» и запустить время-мышь бегать, считая каждый ее шаг, но без использования ложных слов «каждый» и «шаг». Это, по мнению поэта, должно привести к восприятию каждого шага как нового движения, которое начнет дробиться и «придет почти к нулю», когда «начнется мерцание»^[21]. Еще нагляднее он изобразит дробление времени в фрагменте «Точки и седьмой час» из той же «Серой тетради», где время, свернутое до цисфинитного нуля, уподобляется, как потом и у Я. Друскина в «Разговоре о времени», случайным точкам:

«В мире летают точки, это точки времени. Они садятся на листья, они опускаются на лбы, они радуют жуков. Умиравший в восемьдесят лет и умирающий в 10 лет, каждый имеет только секунду смерти. Ничего другого они не имеют. Бабочки-однодневки перед нами столетние псы. Разница только в том, что у восьмидесятилетнего нет будущего, а у 10-летнего есть. Но и это неверно, потому что будущее дробится. Потому что, прежде чем прибавится новая секунда, исчезнет старая, это можно было бы изобразить так:

0 0 0 0 0 0
0 0 0 0 0

Только нули должны быть не зачеркнуты, а стерты. А такое секундное мгновенное будущее есть у обоих, или у обоих его нет, не может и не могло быть, раз они умирают. Наш календарь устроен так, что мы не ощущаем новизны каждой секунды»^[22].

Как мы видим, для А. Введенского раздробленность времени, представленная точками / нулями / секундами / мгновениями, равняется смерти, секунда перед смертью становится плотной, неизменной и неподвижной. И тем не менее именно в момент смерти возможно чудо, так как законов времени уже не существует, на что и уповали А. Введенский и все чинари со своим ощущением воцарившегося в мире абсурда.

Отдельный текст точкам-мгновениям посвящает и Я. Друскин. Речь идет о небольшом трактате «Классификации точек» (1933–1934), в котором важное место занимают случайность и неупорядоченность, а значение точки определяется близостью к «я», понимаемой как соответствие или, вернее, как присутствие. Точка похожа на мгновение, не пребывает на оси времени и в пространственном измерении, точки между собой не соединены, между ними отсутствие, последняя точка — это последнее мгновение, каким оно представляется и А. Введенскому. В трактате Я. Друскин утверждает новую систему классификации, состоящую из одной точки, которая есть «начало, существующее, имеющее ко мне отношение», «которая есть сейчас / мгновение и соответствие, из которой рождаются это и то»^[23].

Понятия «это» и «то» заслуживают отдельного внимания, так как ими объясняется существование мироустройства, пребывающего в «равновесии с небольшой погрешностью». «Это» и «то» прослеживается во всём опусе Я. Друскина, ими определяются соотношения между частями, мгновениями, точками, их соединения и разделения, их преобразования. Вестники говорят об этом и том, природу «этого» и «того» формулирует Я. Друскин в отдельных частях своего трактата «Разговоры вестников». Для нас особый интерес представляют «Совершенный трактат об этом и том» из «Разговоров вестников» и небольшой трактат 1933 года «Это и то». Стоит напомнить начало трактата «Разговоры вестников», которым открывается тема бытия в языке, а именно границы, тождества, различия; читаем: «Несказанное и сказанное одно и то же или не одно и то же?» За этим скрывались вопросы о том, кому принадлежит имя, если называем несказанное, где находится имя (в названном предмете или в называющем), как называть несказанное, пока исследуются его имена и названия и их возможность. Отсюда вытекал и вопрос о части и целом: «Что часть и что целое, и есть ли что не часть и не целое? Часть — это или то, целое — только это или только то. Но всякое это или то есть только это или только то — и часть и целое. Всё — ограничение в способе существования»^[24]. Для Я. Друскина важно было понять, что всё существующее является границей между существованием и способом

существования, что она для людей и что за этим всем, за этой границей, — что-то другое, не для людей, однако, возможно, для вестников.

В «Совершенном трактате об этом и том» и в трех «Исследованиях об этом и том» (в трактате «Разговоры вестников») Я. Друскин пытается утвердить границу высказывания мысли об этом и том, противопоставляя друг другу основания этих высказываний. Приведем в качестве примера начало «Совершенного трактата об этом и том»: «Скажу что-либо. И, сказав что-либо, сказал это. Сказав это, сказал в отличие от того. Сказав в отличие от того, сказал и то. Сказав и то, сказал одно целое. Сказав в отличие от того, сказал одно. Сказав одно целое, сказал всего что-либо. Сказав одно, сказал всего это. Это будет первое основание, и в нем два направления: к одному целому и к одному. Скажу что-либо. И, сказав что-либо, сказал это. Сказав это, сказал в отличие от того. Сказав в отличие от того, сказал как другое. Сказав как другое, сказал как то. Сказав как то, сказал в отличие от этого. Сказав в отличие от этого, сказал и это. Сказав и это, сказал одно целое. Сказав в отличие от этого, сказал одно. Сказав одно целое, сказал всего что-либо. Сказав как одно, сказал всего то. Это будет второе основание, и в нем также два направления: к одному целому и к одному»^[25]. Данный фрагмент «Совершенного трактата об этом и том» наводит на мысль об одном из центральных понятий философа — о равновесии с небольшой погрешностью, которая, в свою очередь, стоит в оппозиции к определению «совершенный». Парадоксальность мышления Я. Друскина раскрывается и в трактате «Это и то», дающем определения этого и того в ключе негативной теологии Дионисия Ареопагита: «Это и то, как опровержение науки, философии и вообще всякого знания»^[26], чем он демонстрировал близость супрематическому видению мира К. Малевича, отрицавшего науку и знания как метод познания мироздания^[27].

Парадоксальность в размышлениях и высказываниях Я. Друскина хорошо улавливал Д. Хармс, поэтому она становилась объектом его пародии, как, например, в тексте-послании философу «Пять неоконченных повествований», написанном в 1937 году. В том же году он пишет и рассказ-послание Я. Друскину под названием «Связь», используя противоположный подход в повествовании: преобразование начала события в процессе перехода от одной точки к другой, причем каждая из них остается в своем неизменном вечном сейчас, а все вместе создают неподвижное равновесие с небольшой погрешностью, демонстрировавшее принцип случайности в повествовании. В эпистолярной форме Д. Хармс воплощает мысли Я. Друскина о мгновениях как существующем вечном сейчас и промежутках-бесконечностях между ними, не позволявших соединения мгновения во временную последовательность. Переход от одного повествования к другому в «Пяти неоконченных повествованиях» Д. Хармса

совершается аналогично: случайно, без соблюдения порядка и причинно-следственных законов, но с оповещением читателя о прекращении одного повествования и начале следующего с ориентацией на комический эффект; возможно, этим текстом Д. Хармс хотел дать наглядный ответ Я. Друскину, интересовавшемуся в разговорах с чинарями возможностями найти формулу закона разговоров^[28]. Свое послание Д. Хармс заканчивает словами: «Долго шумел философ. Но мы оставим эту шумную повесть и перейдем к следующей тихой повести о деревьях. Философ гулял под деревьями и молчал, потому что вдохновение покинуло его»^[29]. Нетрудно в этом усмотреть соединение в единый образ Фалеса из трактата Я. Друскина «Разговор о времени» и самого философа-чинаря. В данном контексте напрашивается также параллель с меланхоличными репликами Третьего в десятом, «Последнем разговоре» из «Некоторого количества разговоров» А. Введенского (1936–1937), напоминавшего не столько об ушедшем вдохновении, сколько о великом непонимании: «Я сел под листьями и задумался»; «Ничего я не мог понять»; «Я сел под небом и задумался»; «Ничего я не мог понять»^[30].

Что же касается Д. Хармса, он и в дальнейшем ориентировался на сочинения Я. Друскина, однако в его текстах можно было наблюдать всё меньше пародии и всё больше соответствия философским поискам своего друга. Рассуждения Д. Хармса о части, целом и границе в его трактате «О существовании, о времени, о пространстве» (1940) складывались под воздействием философских текстов Я. Друскина, к тому же упомянутый трактат являлся продолжением его трактата «Мир» (1930), который подытоживала следующая мысль: «Тогда я понял, что покуда было куда смотреть — вокруг меня был мир. А теперь его нет. Есть только я. А потом я понял, что я и есть мир. Но мир — это не я. Хотя в то же время я мир. А мир не я. А я мир. А мир не я. А я мир. А мир не я. А я мир. И больше я ничего не думал»^[31]. Оттуда несколько странное начало трактата «О существовании, о времени, о пространстве», которое дало повод исследователям Д. Хармса рассматривать его как квазитрактат: «1. Мир, которого нет, не может быть назван существующим, потому что его нет»^[32]. Обсуждаемые у Д. Хармса корреляции «я — мир» и «мир — я» можем представить как тавтологию и отрицание: я = мир; мир ≠ я. Процесс наблюдения мира у Хармса двигался от всматривания в отдельные, поддающиеся разделению, части (точки) мира к открывающимся его взору всем частям зараз, вплоть до единицы — самого себя. Развивая в трактате «О существовании, о времени, о пространстве» мысль о едином и непрерывном мире как несуществующем мире («Мир, состоящий из чего-то единого, однородного и непрерывного, не может быть назван существующим, потому что в таком мире нет частей, а раз нет частей, то нет и целого»)^[33], Д. Хармс в свой трактат вводит понятие препятствия как двигающий принцип, переход от одной части к другой

(или от одного мгновения к другому, от одной точки к другой). Это «препятствие» есть граница или промежуток, в котором совершается переход от одного к другому, о чем говорил Я. Друскин, например, в трактате «Признаки вечности» 1934 года. В адресованном Л. Липавскому трактате Я. Друскин выдвигает идею о промежутке между потом и сейчас, в котором останавливается время, в чем философ и обнаруживает признак вечности. С промежутком он связывает «соседний мир»: «Некоторый промежуток, когда он ограничен и нарушены связи и соединения с предыдущим и следующим, есть соседний мир»^[34]. К тому же Я. Друскин отличает неподвижное время, которое есть «пустота и смерть», и неподвижную вечность, которая всегда есть, время и вечность он называет этим и тем, они — одно, но не соединены. Время «бесконечно между двумя мгновениями» — так он определяет категорию времени, противопоставляя себя Л. Липавскому, рассматривавшему бесконечность времени как признак того, что время всегда было и не имеет конца^[35]. Можно найти сходство в высказываниях между Я. Друскиным и А. Введенским, который в разговорах с чинарями в том же 1934 году сообщает свое понимание жизни: «Я понял, чем я отличаюсь от прошлых писателей, да и вообще людей. Те говорили: жизнь — мгновение в сравнении с вечностью. Я говорю: она вообще мгновение, даже в сравнении со мгновением»^[36].

Возвращаясь к трактату Д. Хармса, хотелось бы отметить, что сказанное им должно пониматься как процесс разделения единой пустоты на две части при испытании некоторого препятствия извне (начала события или промежутка, по Я. Друскину), в результате чего можно говорить о том, что «основу существования составляют три элемента: это, препятствие и то»^[37]. Применимо ко Вселенной основу существования, согласно Д. Хармсу, составляют пространство, время и еще нечто, что не является ни временем, ни пространством. Будучи в своей сущности едины, однородны и непрерывны, время и пространство не существуют, однако, как только вступают во взаимоотношения, они становятся препятствием друг другу и распадаются на части: прошлое — настоящее — будущее и, соответственно, там — тут — там. «Настоящее» и «тут» из двух триад являются лишь препятствиями при переходе от прошлого к будущему и от там к там. В этих точках пересечения времени и пространства, в «настоящем» и в «тут», лежит это «нечто», то есть препятствие, образующее существование Вселенной. В пересечении этих трех элементов образуется Узел Вселенной, и человек, «говоря о себе: „я есмь“», помещает «себя в Узел Вселенной»^[38].

Знак (иероглиф) этого «я есмь» в Узле Вселенной есть крест. Поэтому Д. Хармс одновременно предлагает прочтение категорий существования, времени и пространства в религиозном ключе, озаглавив «зеркальный» трактат «О существовании. О Ипостаси. О Кресте». От общего знаменателя — «существования», как

исследуемого, Д. Хармс обращается к религиозным знамениям «ипостаси» и «креста», подчеркивая всё троичной структурой трактата. Таким образом, часть, посвященная ипостаси, состоит из одного пункта, который вытекает из положений Д. Хармса о существующем мире, основывающемся на трех элементах, то есть троице существования («Прочтя предыдущее размышление, нам делается понятно учение о ипостаси: Бог един, но в трех Лицах»)^[39]. Графически изображая существующее, которое становится таким лишь при разделении единого на части (при содействии препятствия), мы получаем крест как «знак закона существования и жизни»^[40], который древние египтяне называли Анк, то есть «ключ жизни», по форме своей напоминавший своим верхним концом Узел, о котором шла речь в предыдущем трактате. Логическим концом трактата представляется предлагаемая Д. Хармсом схема закона существования: Рай (это) — Мир (препятствие) — Рай (то).

Уход чинарей в теологические размышления представляется вполне закономерным. Он был продиктован их интересом к абсурду как миру без логики, к этому располагало предчувствие необратимой катастрофы с середины 1930-х, после убийства С. Кирова в Ленинграде в декабре 1934 года (в дневниках Д. Хармса, в его стихотворении «Из дома вышел человек»; в предчувствиях скорой гибели в «Элегии» и прощальном «Где. Когда» А. Введенского), способствовали этому также главные темы их бесед и сочинений, в которых обсуждались вопросы Бога, смерти, времени, понимания, соседних миров, Вселенной, ужаса, души, вечности. Если Д. Хармс еще в юности проникся разными мистическими учениями, чтобы познать мир, Я. Друскин через занятия философией подошел близко к эсхатологическим вопросам. Душе Я. Друскин посвятил несколько текстов уже в 1928 году («Душевный праздник», «Полет души», «Формула Федона»), изучал вопросы границы, «тосветного мира», человека / мира и Бога, в 1964 году написал «Теоцентрическую антропологию», которой обосновал через собственное понимание феноменологии души как феноменологии времени (дыхание — это естественный маятник часов) условия возникновения ноуменального отношения между «я» и «ты». Хотя трактат написан после смерти матери, чтобы «я» могло найти соответствующее «ты», кажется, в его написании сыграло роль и окончательное сознание Я. Друскина о гибели своих друзей, восстановление связи с которыми ему виделось в ноуменальном отношении душ. Место между этим (время) и тем (вечность), которое Я. Друскин в трактате «Признаки вечности» называл своим последним местом, где «ничего нет»^[41], видимо, оказалось вневременным прибежищем всех чинарей-вестников.

Анатолий Корчинский:

Явление являющегося, тайна контингентности и материя мысли: не-философия Якова Друскина

1. Актуальность чинарей?

Философ Валерий Подорога одним из первых обратил внимание^[42] на чрезвычайную актуальность наследия чинарей как мыслителей (а не только как поэтов) для современной философии и интеллектуальной культуры. Прежде всего его занимали Введенский и Хармс. Также он весьма высоко оценил оригинальную мысль Леонида Липавского, предприняв глубокий анализ ряда концептов на тот момент еще не слишком известного читающей публике прозаика и философа. При этом Подорога почти никакого интереса не проявил к Якову Друскину. Однажды без малого двадцать лет назад исследователь сказал автору этих строк: «Друскин единственный выпадает из великой чинарской четверки» (поэты Олейников и Заболоцкий хотя и были участниками знаменитых «разговоров» внутри эзотерического интеллектуально-поэтического «сборища», в качестве оригинальных мыслителей, по-видимому, не рассматривались). На вопрос «почему?» Подорога ответил: «Что это за философ, который каждый день молится и заламывает руки в религиозном экстазе?» В противовес этому я тогда заметил, что это религиозный философ, во многом близкий традиции мистической мысли, которой, впрочем, были не чужды и другие чинари, в особенности Хармс. Подобный довод мало заинтересовал великого современника, и он лишь пожал плечами.

И вот сегодня, спустя много лет, я задаюсь двумя вопросами. В какой мере мысль Друскина, зрелый и поздний архив которого значительно превышает корпус произведений собственно чинарского периода, может рассматриваться в логике продолжения и развития уникальной интеллектуально-художественной линии чинарей? Насколько эта мысль может быть интересна не только в контексте философско-теоретической парадигмы XX века, но и в концептуальном ландшафте, сложившемся в первые десятилетия века XXI?

Ниже, пытаясь ответить на эти вопросы, я позволю себе — к сожалению, уже заочно — возразить мэтру новейшей российской философии, правда, совсем иначе, нежели тогда, когда мы не сошлись относительно фигуры Друскина. Во-первых, я убежден, что без Друскина, спасшего для нас ключевую часть архива чинарей во время блокады и сохранившего верность духу и этосу этого подпольного мыслительного круга, трудно представить себе историческую судьбу феномена чинарей в культуре. Во-вторых, произведения Друскина чинарского периода являются важнейшим звеном в коллективной работе сообщества, значительно углубляющим философский аспект

этой работы. В-третьих, его позднейшие тексты очерчивают круг смысловых потенциалов и направлений мысли, по которым могла развиваться метафизика (в том числе — художественная) погибших товарищей: он как бы живет и мыслит вместе с ними, но — вместо них. И наконец, в-четвертых, по-моему, наследие чинарей крайне актуально именно в новейшей интеллектуальной ситуации, причем оно соотносится с сегодняшними философскими тенденциями несколько иначе, нежели с теоретическими школами прошлого столетия. И в этом контексте без фигуры Друскина также обойтись решительно невозможно.

Фокусируясь преимущественно на последнем, я хочу представить читателю нечто вроде концептуальной картографии, или — скромнее и вернее — первичной разметки той мысли, всё разнообразие которой воплотилось, по моему убеждению, именно в творчестве и жизненном пути Якова Друскина. Как можно видеть из текстов, вошедших в настоящее издание, его произведения тематически и стилистически связаны с дневниками и письмами. Причем эго-документы не столько представляют собой необходимый биографический фон мысли Друскина, сколько погружают читателя в саму лабораторию этой мысли и — в немалой степени — его литературного стиля.

Однако, прежде чем подробнее остановиться на ключевых позициях мысли Друскина, назову несколько тем или смысловых узлов, которые, с моей точки зрения, связывают чинарей и современную мысль. Среди них проблема взаимодействия философии и искусства с религией будет занимать, пожалуй, важнейшее место. На мой взгляд, лейтмотивом современной гуманитарной теории является необычный способ работы с различными категориями и категориальными оппозициями. Это мысль, стремящаяся не «снять» или «подвесить», как было в конце XX века, традиционные понятийные противопоставления и антиномии. Скорее наоборот, она пытается вернуть в оборот классические терминосистемы, при этом зачастую радикально пересматривая отношения внутри них. Нередко результатом такого пересмотра и оказываются парадоксальные констелляции понятий, своего рода концептуальные гибриды. Далее, опираясь в основном на Друскина и отдельные примеры из текстов других чинарей, рассмотрим их более подробно, а пока — только наметим.

Первый из таких гибридов, на которые можно обратить внимание у чинарей, это своеобразное сочетание поэтического и интеллектуального («научно-философского») начал. Все представители «великой четверки» писали как собственно художественные произведения, так и эссе, «трактаты» и «исследования». Доля каждого из этих жанров у разных авторов различна: у Хармса и Введенского больше собственно художественных текстов, у Липавского и Друскина — «исследовательских». Но главное не в количественном соотношении и не в проблеме дискурсивных разграничений между одним и другим, а

в том, что нового возникает поверх этих границ. Я бы сказал, что у чинарей поэзия всегда выступает в двух ипостасях — собственно эстетической и познавательной. При этом само познание, напротив, почти никогда не обходится без поэзии, но при этом и не равно ей. «Поэтические исследования», прокламируемые Друскиным и Липавским, могут структурироваться более или менее «художественно» (Друскин с его склонностью к классификациям зачастую пытается подсчитать соотношение в них тех и других элементов)^[43], но важно то, что «поэтическое» в них неизменно выступает не как самоцель, а как оптика познания мира, анализа языка и самого мышления. Думается, такая констелляция близка современной мысли, где всё большую роль играет философская поэзия, science art^[44], theory fiction и иные гибридные формы интеллектуально-художественной рефлексии.

Другой концептуальный гибрид основан на своеобразных отношениях мыслимого и протяженного, сознания (духа) и материи. Мышление чинарей чрезвычайно материалистично, но этот материализм следует понимать на особый манер. Вещественность или материя здесь не то, что можно «потрогать», но то, что можно вообразить при помощи материального воображения^[45]. Это нечто, сопродное не только «вещам протяженным», но и «вещам мыслимым». Таковы «стихии» и «иероглифы» Липавского, схватывающие не то, что постижимо эмпирически, а то, что лежит за пределами опыта и языка, — бытие вещей (не сущее, а именно бытие), космический порядок. Осмелюсь заявить, что подобное смещение психофизической проблемы тоже очень резонирует с современными неоматериалистическими подходами в теории^[46]. Кроме того, новейшей философской повестке близко понимание чинарями человека как гибрида человеческого и нечеловеческого. Действительно, их творчество поражает интересом к «бескачественным и безындивидуальным» (Липавский) аспектам жизни, к человеческой телесности как тому, что сближает человека скорее с миром природы, с жизнью насекомых, растений и даже неживых тел. Искусство и мысль чинарей дает почувствовать непрерывность, неотделимость человека от материальной (в означенном смысле) среды, обнаружить вокруг себя и в себе «соседний мир» (Друскин), ощутить в человеческом иное — темпоральность деревьев и «вестников», для которых «нет промежутков между мгновениями»^[47].

Третьим из основных узлов назовем уже упомянутую выше проблему светского и религиозного, чрезвычайно сложно решаемую сегодня в контексте постсекулярного поворота в гуманитарной теории^[48]. Своеобразие религиозной проблематики у чинарей хорошо известно, достаточно вспомнить знаменитую триаду Введенского «время, смерть, Бог» и тому подобное. Липавский и Введенский при этом, кажется, более тяготеют к «пантеистическим» представлениям, Друскин и Хармс

как будто больше спиритуалисты. Однако можно отметить, что и те и другие стремятся помыслить божественное и трансцендентное как сугубо имманентное, лежащее не вне мира, а наоборот — прямо здесь, у нас на виду. Не столько в глубине вещей, сколько именно на поверхности — в повседневных предметах, в «слишком» человеческом опыте, в самом обычном и очевидном. Например, в друскинском трактате «Видение невидения» изощренный теологический анализ инспирируется совершенно бытовой ситуацией столкновения автора с собственным отражением (взглядом) в зеркале. Если сравнивать это с актуальной теоретической дискуссией, то аргументы как сторонников, так и противников теологии и религии сводятся к тому, что сакральное располагается не в особом пространстве вне мира, а укоренено в структурах самого что ни на есть секулярного порядка и, вне зависимости от занимаемой по отношению к этому сакральному позиции, нуждается в обнаружении и исследовании, чем с завидным упорством и занимались чинари, особенно Друскин.

Это — основные позиции сближения. Помимо этого, есть еще настойчивый и радикальный интерес чинарей к глубинным основаниям времени, приводящий к пересмотру темпоральности как таковой, что близко сегодняшнему темпоральному повороту в философии, теории истории, теоретической антропологии и других социальных науках. Любопытен также сам статус философского знания в чинарском сообществе, не просто монтирующийся с мистикой повседневности и практиками искусства, а также принципиально вынесенный *ad marginem* каких бы то ни было «дневных» институциональных пространств, но одновременно сосредоточенный на ревизии философской традиции с точки зрения поиска иного — целостного, недискретного — постижения мира, связанного с художественным «исследованием» или религиозным опытом. Это устремление чинарей, и прежде всего Друскина, мы ниже попробуем сравнить с современной «не-философией». Добавим к этому своеобразный «перформативный» характер чинарской мысли. Она подразумевает не столько отстраненный, изучающе-созерцательный способ познания, сколько — «остраняющий», приводящий в движение, сопряженный с жизненным опытом (и лишь в этом смысле «опытный», в остальном же скорее наоборот, как мы сказали, спекулятивный). Как мне кажется, это очень созвучно сегодняшнему акценту на преобразующий и «активистский» характер даже академического знания, ассоциированного с социальной и культурной критикой, поиском концептуальных решений для жизни.

2. Эволюция Друскина и онтоэпистемология чинарей

В настоящем собрании представлены не все произведения Друскина. Но, в отличие от других изданий, здесь хорошо видна эволюция стиля

его мышления и письма. В текстах 1920–1940-х годов (как в художественно-философских произведениях, так и в дневниковых заметках) мы наблюдаем ярко выраженную авангардистскую работу с формой, с языком, композицией, стихом и прозой, вполне укладывающуюся в поэтику чинарей^[49]. В дальнейшем может показаться, что Друскин отходит от этой поэтики. Но, возможно, изначально будучи не только поэтикой, но и системой онтоэпистемологических принципов, она просто уходит «вглубь», становясь характеристикой не столько языка и стиля, сколько в целом дискурса как когнитивной и даже аффективно-оценочной матрицы мышления.

Выше уже говорилось, что для чинарей характерно понимание поэзии, искусства как познавательной и медитативно-рефлексивной практики. Причем во многом эту позицию разделяли, видимо, не только авторы искусственно выделяемой «великой четверки», но и, судя по составленным Липавским «Разговорам», Олейников и даже ранний Заболоцкий. Друскин же в конце 1920-х — 1930-х годах, пожалуй, наиболее последовательно придерживался принципов «поэтического исследования», которые в «Разговорах» систематически обосновывал Липавский, опираясь на стиль текстов именно Друскина и отчасти в полемике с Олейниковым, Введенским и Заболоцким.

Вкратце^[50] эту дискуссию чинарей можно резюмировать так. На повестке дня стоит возвращение к той, по-видимому, античной и/или романтической культурной ситуации, когда поэзия и познание не были разделены, хотя в современности искусство выделено в автономный регион и противопоставлено истинностным и прикладным практикам, например поэтическим «руководствам по огородничеству». Липавский полагает, что такое возвращение возможно, но соотношение сил будет иным. Сегодня искусство уже не может быть синкретичным или синтетическим по отношению к познанию, о чем, например, ностальгически мечтает Заболоцкий. В то же время для Липавского «наука и поэзия» — это не дискурсы, которые «нельзя спутать», как полагают Олейников и Введенский. С его точки зрения, необходимо, чтобы современное искусство было истинностным, не переставая быть современным (автономно-эстетическим) искусством.

Пример такого искусства Липавский находит у Хлебникова, который создал «стиль не просто искусства или науки, но стиль мудрости»^[51]. Другой пример — собственно «исследования» Друскина, в которых Липавского, впрочем, не устраивает «математизированный стиль, стремление заключить в формулы»^[52]. Олейникову же, наоборот, не нравится у Друскина его поэтичность, формулы же представляются вполне уместными. Здесь мы видим, что радикально гибридный дискурс Друскина порождает расхождение между чинарями в рамках в целом единой программы новой гибридности, устанавливаемой между поэзией и познанием. Думается, если рассматривать и саму полемику

как одновременно гетерогенное и целостное концептуальное поле, то можно засвидетельствовать то новое, что предлагают чинари. Это — парадоксальная констелляция, в которой искусство не просто выполняет те или иные функции, помимо эстетической, но как современное искусство именно противопоставляется самой своей функциональности, являясь при этом необходимым условием познания и жизненной практики.

В книге 2015 года я писал, что эта новая конфигурация культурного поля, фиксируемая и продвигаемая чинарями, коррелирует с интеллектуальной ситуацией первой половины XX века, характеризующейся «поворотом от установки на истинность как соответствия высказывания некоторому положению дел — к установке на убедительность высказывания»^[53]. Отчасти я и сегодня с этим согласен, потому что подразумеваемый здесь новый союз с искусством делает познавательные дискурсы скорее перформативными, энергично утверждающими, нежели просто констативно-описательными. Но в то же время мне хотелось бы немного возразить самому себе.

Дело в том, что означенная перформативность возникает не в силу простого желания убедить читателя в постигнутой или придуманной тобой истине, а в силу трансформации самой процедуры производства или рождения^[54] истины. В этом месте эстетическая эпистемология чинарей стыкуется с их материалистической онтологией и тем, что выше, немного забегая вперёд, я назвал «материальным воображением». Там я сослался на Гастона Башляра, что отчасти верно, но здесь важно услышать аргумент самих чинарей. Опять-таки его точнее всех формулирует Липавский, наиболее «естественно-научно» и «натурфилософски» настроенный автор, но, думаю, радикально спекулятивно и математически настроенный Друскин подписался бы под этим с еще большим энтузиазмом и, возможно, с еще большим правом.

Оспаривая тезис Введенского о субъективности искусства, а далее полемизируя с В. Я. Проппом, Липавский говорит так: «Субъективного не существует, всякая ассоциация — признак действительного сродства вещей, и на ассоциации и метафоры нельзя ссылаться, их следует объяснять, сводить к действительным связям»^[55]. Мне кажется, это утверждение важно услышать именно сегодня, в эпоху «спекулятивного поворота». По сути, Липавский провозглашает выход за пределы «философий доступа», как это именует современный философ Грэм Харман^[56], или «корреляционного круга», как пишет другой важный мыслитель, Квентин Мейясу^[57]. Эти установки составляют ключевую проблему наукоучения Нового и Новейшего времени, ставящего во главу угла не познаваемый мир, а познающее сознание. Решением этой проблемы оказывается обращение к возможностям спекулятивного воображения (научного и художественного), которое мыслится не как отражение мира в

сознании субъекта, а как производство виртуальных образов, объективно и реально являющихся частью и продолжением этого мира. Ясно, что подобный ход мысли чинари могли уловить в бергсонизме, который хорошо знали, или в популярной в 1920-е годы феноменологии. Но здесь важно, что познающе-познаваемый континуум мыслится как строго имманентный, материальный и постижимый средствами науки, одновременно являющейся искусством. Эта идейная констелляция представляется если не специфичной для нашего исторического момента, то уж по крайней мере очень характерной для него. И здесь чинари — наши прямые предшественники.

Посмотрим бегло, как это реализуется в ранних и более поздних текстах Друскина, которого чинари обсуждают в качестве образцового примера художественно-исследовательской гибридности. Сравним два текста — небольшой трактат «Существуют ли другие люди помимо меня?»^[58] 1929 года и написанную также в конце 1920-х работу «Щель и грань»^[59]. Первый текст выдержан в относительно строгой философской манере, хотя через некоторое время после начала чтения осознаёшь, что повторяющиеся подобно поэтическим рефренам конструкции порой кажутся пародией на философское исследование и, возможно, нацелены на чисто эстетический эффект. Однако автор удерживается в рамках интеллигентности, и этот эффект остается скорее некоторой тенью непонимания, которое как бы преследует сугубо, казалось бы, рациональные выкладки. Наоборот, «Щель и грань», хоть и содержит попытки двигаться в рамках математизированного дискурса формул, предлагая нам, например, «формулу неба, вместе с трактатом о системе щели в нем», представляет собой «безумное» нагромождение не то прихотливых художественных ассоциаций, не то мистических видений, рассчитанных на читательское сочувствие, соучастие и сотворчество. При этом данный текст тоже в каком-то смысле является «исследованием», потому что выдвигаемые в нем образы интенсивного переживания божественного присутствия в мире, приводящего к утрате всякой идентичности вещей и самого субъекта речи, к его телесному растворению в окружающей природной и сверхъестественной реальности, — всё это вполне работает на отстаиваемые чинарями идеи о взломе языка, сознания и прорыве в имманентную целостность всего, стирании границ между предметами или, во всяком случае, между субъектом и материальной действительностью объектов.

Иначе говоря, мы видим, что художественные стратегии Друскина лежат в основе его познавательного инструментария. Та же самая особенность сохраняется и в текстах позднего периода, например в том же «Видении невидения»^[60] или в этюде «Я виноват за всех»^[61]. Здесь «чинарный язык»^[62] на поверхностном уровне текста присутствует уже в меньшей степени, но структурно автор задействует то же самое

колебание между очевидным уровнем связности и интеллигибельности изложения и концептуальной «бессмыслицы», которая настойчиво трактуется им не (просто) как нонсенс или абсурд, а как постижение истины бытия. Поздний Друскин не случайно реинтегрирует когнитивный стиль чинарей 1920–1930-х годов, настойчиво создавая просветительские материалы о Введенском и Хармсе вроде вошедшей в эту книгу статьи «Звезда бессмыслицы»^[63]. Наряду с атональной музыкой, «чинарный язык» становится художественным камертоном для кажущихся более жанрово определенными — преимущественно теологических — сочинений 1950–1960-х годов.

3. «Одностороннее синтетическое тождество»: к не-философии Друскина

Не-философия чинарей, даже позднего Друскина, будто бы вполне отчетливо определявшего свои философские корни (русские, еврейские и европейские в одно и то же время^[64]), исходит из своеобразного философского «беспамятства»^[65], из «трансцендентального забывания»^[66]. Они крайне редко начинают собственную разработку той или иной проблемы с истории рассмотрения этой проблемы в философии. В отличие от Липавского (и тем паче — от Хармса и Введенского), у Друскина, особенно зрелого, много отсылок к Декарту, Канту, Бергсону и др., но, кажется, его мысль скорее отталкивается от философских «решений», нежели прибегает к их помощи или питается их энергией. Можно сказать, что эта мысль всегда идет от конкретного, от наглядно-очевидного, даже от повседневно-бытового, как если бы вопросы и проблемы «исследования» ставила перед мыслителем сама жизнь.

Отчего люди плачут? Откуда берется чувство ужаса или полового влечения? Есть ли во сне действие? Может быть, весь сон снится сразу? Существуют ли другие люди помимо меня? Могу ли я утверждать, что есть одна реальность? Что будет, когда я умру? Может ли мгновение растянуться на час, на год, на всю жизнь? Вот какого рода вопросы интересуют *не-философию* чинарей. Во-первых, в них заметна не репрезентативно-теоретическая, а своего рода практическая ориентация мышления. Во-вторых, подобно «реальному искусству», которое исповедовала часть чинарей в рамках чисто художественного проекта ОБЭРИУ, мысль здесь самой своей фактурой стремится явить то реальное, которое определяет ее в качестве внешнего по отношению к ней самой (притом что это внешнее находится внутри нас и внутри мира, то есть является имманентным ему). Содержание этой *не-философской феноменологии*, как говорит Друскин, есть явление являющегося^[67], хотя само это явление никак не может быть отражено или изображено в мысли и языке, которые приносят в мир

несвойственные ему схемы и модели, детерминации, различия и отношения.

На мой взгляд, главным теоретическим изобретением Друскина является так называемый закон одностороннего синтетического тождества. В самом общем виде он выглядит так: $A = B$, но само $B \neq A$. Этот закон становится одним из лейтмотивов мысли Друскина в 1950–1960-е годы, пронизывая его теологию, онтологию, эпистемологию и антропологию. Примерно так: Бог есть мир, но сам мир не есть Бог; бытие равно ничто, но само ничто не «тождественно» бытию и т. д. Статус этого закона специфичен. Во-первых, этот закон не является трансцендентным метафизическим основанием, он всякий раз конфигурируется исходя из конкретных условий. То есть по большому счету он не является собственно законом. Во-вторых, он не «вертикален», а «горизонтален», на что указывает сама внутренняя форма термина: «одностороннее» может быть только справа налево или слева направо, а не сверху вниз или наоборот. Иначе говоря, закон «одностороннего синтетического тождества», хотя в пределе он и описывает отношения человека и Бога, относится к плану имманентности (вспомним название одной из любимых Друскиным вещей Введенского: «Кругом возможно Бог»).

Рискну сравнить эту *не-философскую* концепцию Друскина с более поздней *не-философией* недавно ушедшего Франсуа Ларюэля — одного из ведущих интеллектуальных светочей нашей современности. Внешне мысль Ларюэля также напоминает иерархию неоплатонического (или христианско-теологического) типа: единое (реальное) возвышается над множественностью мышления и мира как условие его мыслимости, осмысленности и самого его существования. Некоторое реальное является по отношению к любой попытке ее осмыслить причиной-в-последней-инстанции. То есть не философия определяет реальное, а реальное определяет философию. Поэтому «*не-философия...* отказывается от проекта познания реального и вместо того, чтобы пытаться постичь реальное, стремится осмыслить философию из перспективы реального»^[68]. Перед нами, по сути, друскинское «одностороннее синтетическое тождество»! «Но поскольку это унилатеральное отношение, единое детерминирует философию, а философия никоим образом не детерминирует единое. Следовательно, детерминация-в-последней-инстанции образует *не-онтологическое* трансцендентальное условие философии»^[69]. Это и есть, собственно, *не-философская* мысль по Ларюэлю: «мысль не о реальном и не про реальное, а скорее в соответствии с реальным»^[70]. Так же и у Друскина: жизнь есть жизнь и мысль о ней, но мысль о жизни — не жизнь. Философия сама по себе не способна познать условия собственной возможности, человек не может постичь Бога и Его творение. Саму же эту ситуацию *не-понимания* можно схватить и обозначить при помощи «иероглифов» реального искусства и конкретной *не-философии*^[71].

Конечно же, наше сравнение должно иметь пределы: «теоцентрическая антропология» Друскина, безусловно, очень далека от строгой сциентистской имманентности Ларюэля или его последователя Рэя Брассье. Выше уже говорилось, что мысль Друскина скорее близка мистической. Но стоит также подчеркнуть одну особенность. Если традиционная мистика христианства или неоплатонизма подразумевает возможность иерархического восхождения от многого к единому, от человека к Богу, то мистика Друскина такую возможность отвергает. Это — мистика разрыва, провала: человек у него постоянно сталкивается с невозможностью «хода к Богу» через свой собственный опыт, через совершенствование своего разума или души («я потерял свою душу»), и уж тем более — через философско-теологическое познание. Отсюда необходимость не прямых, некорреляционистских, «атональных» и культивирующих «бессмыслицу» художественно-не-философских практик, в друскинском варианте соединяющихся с усилием веры и кайротически уповающих на не зависящую от человека абсолютную творческую способность, делающую невозможное возможным.

Выше я уже говорил о материальном воображении чинарей. Теперь нужно соотнести это с принципом «одностороннего синтеза». По Друскину, «абсолютный творческий акт» осуществляет Бог, собственно и являющийся этим актом^[72]. Это — абсолютная актуальность. Сотворенный мир до грехопадения равен себе и равен тому простому ничто (οὐκ ὅν), из которого он был сотворен. После грехопадения человек обрекается на то, чтобы желать, испытывать вину и нехватку. Он свободен, но эта свобода ограничена узким коридором возможного, которое принуждает к постоянному выбору между одним и другим, оборачиваясь рабством свободы выбора. Потенциальность, основанная на постоянном отрицании тех или иных возможностей, и сама состоит из негативности, из «самого ничто» (μὴ ὅν). Этот «меон», во-первых, не может быть чистым ничто (οὐκ ὅν), а постоянно обращается во что-то и, во-вторых, базируется на вечном вожделении, воле к воплощению. Всё это на первый взгляд выглядит опять-таки как обскурантистская версия христианского неоплатонизма, но, учитывая сказанное выше о «горизонтальности» одностороннего синтеза и имманентности единого / реального (Бога) у Друскина, можно снова рискнуть и сравнить эти фигуры мысли с современной философией потенциальности и творческой силы жизни.

Речь идет о концептуальной коллизии, являющейся конститутивной для таких мыслителей, как Жиль Делёз и Джорджо Агамбен.

Делёз, как и Друскин, исходит из монистической онтологии Спинозы и философии времени Бергсона. Он различает два творческих начала — потенциальное и виртуальное. Потенциальность для него также окрашена нехваткой и страстью к актуализации. Эта категория основана на ложной (согласно Бергсону) проблеме небытия / ничто^[73]

(вспомним формулу Друскина, который тоже отрицает самостоятельность категории ничто: «что = ничто, но само ничто ≠ что»). При этом, однако, Делёз определяет имманентное («план имманенции») или реальное как то, что существует не только актуально, но и в модусе возможности быть другим или быть по-другому. Этот модус реальности, отделенный от желаний, планов или проектов человеческого «я», но при этом являющий себя материальному воображению человека в виде свободно циркулирующих образов еще не явленного^[74], и представляет собой инстанцию творческой мощи бытия (становления).

Агамбен не отказывается от ценности понятия о потенциальном. При этом он, как и Друскин, прямо связывает его с грехопадением:

Поскольку бытие, наиболее близкое человеку, — это способность быть собственной возможностью, то поэтому... человек всегда испытывает фундаментальную нехватку, и он сам и есть эта нехватка... Таким образом, будучи возможностью и бытия, и небытия, человек уже всегда в долгу, у него вечно нечистая совесть — прежде, чем он совершит какой-либо поступок. В этом и состоит смысл древней теологической доктрины о первородном грехе^[75].

Однако, кроме возможности бытия и возможности небытия Агамбен выделяет еще и возможность *не-не-бытия*, которая для него ассоциируется именно с творческой потенцией:

Если каждая возможность включает в себе возможность как бытия, так и небытия, то переход к действительности может произойти лишь благодаря привнесению (Аристотель называет это «спасением») в актуальное бытие присущей ему возможности небытия. Это значит, что если каждому пианисту присуща возможность как играть на инструменте, так и не играть на нем, то, в таком случае, Гленном Гульдом оказывается лишь тот, кто может не *не-играть*^[76].

Таким образом, творение / творчество структурно связано не с меональной потенциальностью принудительного выбора возможностей, а с ничто (οὐκ ὄν) абсолютной свободы^[77] как безосновным основанием акта творения как такового. У человека нет прямого доступа к этой «высшей возможности», и по Друскину, и по Агамбену, он получает ее лишь в эсхатологической, мессианской перспективе. Агамбен весьма по-чинарски описывает это «едва уловимое смещение, которому подвергается всякая вещь в царстве Мессии»: «Блаженство в нем — это та возможность, что открывается лишь после акта и осуществления: блаженство материи, более не связанной формой, вокруг которой теперь сияет нимб»^[78] (вспомним, например, диффузию всех форм в мистико-сюрреалистическом произведении Друскина «Щель и грань»). По Агамбену, иероглифической фигурой, указывающей на чистую возможность *не-не-бытия* является мелвилловский писец Бартлби, который «предпочитает не» делать того, что может. Чинарский вариант Бартлби — воображаемый чудотворец из повести Хармса «Старуха»,

который отказывается творить чудеса (стоит ли говорить, что у Хармса эта фигура связана с ситуацией самого литературного письма?):

Теперь мне хочется спать, но я спать не буду. Я возьму бумагу и перо и буду писать. Я чувствую в себе страшную силу. Я всё обдумал еще вчера. Это будет рассказ о чудотворце, который живет в наше время и не творит чудес. Он знает, что он чудотворец и может сотворить любое чудо, но он этого не делает. Его выселяют из квартиры, он знает, что стоит ему только махнуть платком, и квартира останется за ним, но он не делает этого, он покорно съезжает с квартиры и живет за городом в сарае. Он может этот сарай превратить в прекрасный кирпичный дом, но он не делает этого, он продолжает жить в сарае и в конце концов умирает, не сделав за свою жизнь ни одного чуда^[79].

Даже обладая способностью к чуду (то есть возможностью невозможного), человек остается скован меональной потенциальностью, так как он формирует образ возможного, исходя из нехватки (утрата квартиры). При этом он исполнен гордыни в силу сознания своей «страшной силы» (заметим, что хармсовский писатель, как и его герой, своего замысла не осуществляет). Но творчество как возможность *не-не-бытия* позволяет ему вынырнуть из брэнной действительности и приобщиться к виртуальной возможности чуда, удерживая ее в качестве чистой потенции.

А вот та же идея в версии Друскина: «Философия — чудо. Ничего не изменилось, но я могу совершить чудо. Этого достаточно. Если я могу совершить чудо, мне уже не надо совершать его»^[80]. Помимо прочего, в этом примере из дневников за 1941 год мы видим еще один подход к пониманию *не-философии*: это философия возможного как неактуализированного реального.

С опорой на Агамбена можно уточнить специфику религиозного пафоса Друскина в современных координатах. Его религиозная мысль представляет собой своеобразный вид неметафизической теологии. Принцип «одностороннего синтетического тождества» предполагает, что мир разделен на сакральное и профанное (базовая религиозная оппозиция) только с одной стороны. Иначе говоря, в обратной перспективе этой ценностной иерархии не существует, поскольку Бог присутствует в мире как «равновесие с небольшой погрешностью».

Рассуждения Друскина о меональном мире после грехопадения, никогда не теряющем из вида божественное как точку иерархического восхождения и последовательного порядка времени, очень напоминают истолкование секулярной современной социальности как бесконечной сакрализации профанного: власти, товара, эстетики, комфорта, удовольствий и т. д.^[81] По Агамбену, этот (капиталистический) мир, чтобы освободиться от вездесущего сакрального, которое ответственно за производство вины и долга (держим в уме друскинское грехопадение), нуждается в процедуре профанации.

Точно так же, по Друскину, прорыв к реальному (собственно божественному) возможен только путем профанации (низвержения в бессмыслицу, в стихию хаоса и абсурда) наличного мира с его ценностным порядком и языка, репрезентирующего и структурирующего этот мир. Абсурдные «случаи», языковые и поэтические аномалии, свободные сочетания слов вне их частеречной и иной лексико-грамматической иерархии, — эти и многие другие приемы «атональной» чинарской поэтики выступают своеобразными жестами профанации, освобождающими вещи, показывая возможность иного, выводя нас в искомое измерение времени чистой длительности, прикасающееся к вечности, впрочем не отождествляясь с ней. Имманентность Бога в этой картине мира тоже можно представить на языке современной философии: «Бог пребывает в каждой вещи, он есть место, где каждая вещь есть, или же он есть в ней как причина, определенность и топос каждого сущего. Поэтому трансцендентное не следует мыслить как высшее сущее, пребывающее над всем сущим: скорее, имение-места всякой вещи есть чистая трансценденция — оно есть абсолютная имманентность»^[82].

Мотивы эсхатологии и «равновесия с небольшой погрешностью» сплетаются у Друскина не только в объединяющее чинарей бергсониянское понимание времени, но и в специфическую тему контингентности. Контингентность в аристотелевском, схоластическом и неосхоластическом варианте — это бытие человека, которое не объясняется через понятие необходимости (закономерности), но и несводимо к произвольности (случайности). Друскин пишет:

В жизни есть события, которые кажутся вначале случайными, а потом обнаруживаешь в них какую-то целесообразность, даже преднамеренность, но трансцендентную, не зависящую от воли людей. Я ввожу для подобных случаев термин «контингентность»... Контингентность — случайная неслучайность или неслучайная случайность, поэтому полное ощущение контингентности может быть только у верующего, это ощущение Провидения^[83].

В этой цитате контингентность относится только к уровню человека, а не Бога и не мироздания в целом. В других контекстах мы видим, что на Бога и Абсолютное также распространяется контингентность, что и логично, так как Бог несводим к тому или иному закону бытия, но также и не может быть определен через чистую случайность. И здесь мы вновь сталкиваемся с известным уже принципом: «Отожествление абсолютного и контингентного в вочеловечении Слова — прообраз одностороннего синтетического тождества»^[84]. Идея контингентного, т. е. не-необходимого или необходимо случайного, не-абсолютного Абсолюта, соответствующая принципу «равновесия с небольшой погрешностью», делает Друскина чрезвычайно актуальным для нас мыслителем времени и истории.

Вообще, при всём необычайном внимании к проблематике темпоральности, мысль чинарей кажется совсем неисторичной. Даже у зрелого и позднего Друскина там, где появляется контекст христианской эсхатологии, история берется скорее в космологическом ключе как история творения и конца мира, грехопадения и избавления. О собственно исторических событиях и процессах он почти никогда не пишет. Однако то, что «тайна контингентности» обсуждается им не только в плоскости подчиненной теологическому провиденциализму человеческой истории, но включает в орбиту имманентности и сам Абсолют, позволяет понять его позицию как критическую по отношению к господствующим модернистским концепциям истории и исследовать в контексте современных форм историзма, а также — при всей его аполитичности — выстроить некоторые гипотезы относительно политической перспективы этой не-философии (в 1920-е годы без особых пояснений ассоциировавшей себя с радикально левым флангом — в левой, большевистской России). Но это, как и многое другое, о чем здесь невозможно даже упомянуть, надеюсь, дело будущего, когда интерес к чинарской мысли наконец обретет должный масштаб.

Примечания

Дневники

Записи, которые в итоге стали называться дневниками, Я. С. Друскин начал вести с 1933 года. Сначала он называл их «Перед принадлежностями чего-либо» — в сущности (и в его интерпретации, которую он, как ему было свойственно, эпизодически трансформировал) это были свободные размышления на занимавшие его интеллектуальные темы (род эссе, трактатов), которые он записывал в присутствии некоей высшей инстанции (через несколько десятилетий Друскин стал называть эти записи «Формулой уныния», хотя не отказывался и от самого первого их наименования). Спустя некоторое время он стал вести и поденные записи (особенно систематически — с началом войны), вследствие чего они стали приобретать более традиционный вид дневников.

Друскин вел эти записи в тетрадах, блокнотах, параллельно: на отдельных листах, которые на свое усмотрение вставлял впоследствии в ту или иную тетрадь, и на карточках (РНБ. Опись 2. № 11–40). При этом с некоторых пор систематически (вероятно, с 1940 года) он перечитывал прежде написанное, вычеркивал или уничтожал старые записи (по этой или иным причинам — почти полное отсутствие записей за 1960–1963 годы), переписывал наново и вставлял эти обновленные записи в старые тетради; в некоторых случаях после перечитывания вставлял листы с позднейшими автокомментариями (такие ретро комментарии приводятся в настоящей публикации в фигурных скобках; все вставки в квадратных скобках — публикатора).

Таким образом, сложная контаминация текстов дневников Друскина (некоторые фрагменты которых, вследствие описанной его работы, не всегда поддаются безусловной датировке) была представлена в двух томах, последовательно изданных в 1999 и 2001 годах (см. в Списке сокращений цитируемых источников).

В настоящем издании представлены дневниковые записи Друскина, избранные из названных выше двух томов. Они снабжены посильными примечаниями. Не исправляются многочисленные библейские цитаты, которые, по своему обыкновению, Друскин приводит, ссылаясь при этом на соответствующие источники, по памяти и с неточностями.

Список сокращений цитируемых источников

Введенский. Всё — *Введенский А. И.* Всё. М., 2010.

Даниил Хармс глазами современников — Даниил Хармс глазами современников: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: Вита Нова, 2019 (2-е изд. 2021).

Дневники 1999 — *Друскин Я. С.* Дневники. СПб.: Академический проект, 1999.

Дневники 2001 — *Друскин Я. С.* Перед принадлежностями чего-либо: Дневники: 1963–1979. СПб.: Академический проект, 2001.

Лестница Иакова — *Друскин Я. С.* Лестница Иакова: Эссе, трактаты, письма. СПб.: Академический проект, 2004.

Липавский — *Липавский Л.* Исследование ужаса. М.: Ад Маргинем Пресс, 2024 (2-е изд.).

РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

Фонд 1232 (Друскин Я. С.); с указанием номера описи и единицы хранения.

«...Сборище друзей» — «...Сборище друзей, оставленных судьбою»: А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «чинари» в текстах, документах и исследованиях: в 2 т. М., 1998 (2-е изд. 2000).

Хармс — *Хармс Д.* Полн. собр. соч.: [В 5 т., 6 кн.]. СПб., 1997–2002.

Список сокращенно называемых имен

В., Введ. — А. И. Введенский.

Д. И. — Д. И. Хармс.

З. — Н. А. Заболоцкий.

Л., Лёня — Л. С. Липавский.

Лида — Л. С. Друскина.

М., Миша — М. С. Друскин.

Н., Надя — Н. А. Друскина.

Н. М. — Н. М. Олейников.

О. — Н. М. Олейников.

Т., Тамара — Т. А. Липавская.

Х. — Д. И. Хармс.

Ш., Шура — А. И. Введенский.

1933

О счастливой жизни

С. **9** *Л. говорил о счастливой жизни...* — разнообразные рассуждения Л. С. Липавского на эту тему в его работах и в тексте «Разговоров» см., например: Липавский. С. 15, 325, 353–354, 435–436 и др.

С. **10** *Ужас от отсутствия и от переполнения...* — аллюзия на фрагмент работы Липавского: см.: Липавский. С. 22–23.

С. **11** *Л. говорил о науке радости...* — см.: Липавский. С. 330–331.

С. 12 *В некотором равновесии в порядке событий...* — О «равновесии» и «небольшой погрешности» см.: наст. изд., т. 1, Тематический указатель; около второй половины 1940-х годов Друскин написал в отдельной заметке: «Мысль о небольшой погрешности впервые явилась мне, может быть, в 1911 г., вернее, еще не мысль, а чувство погрешности в жизни: не только смерть, но и сама моя жизнь — некоторая погрешность. Позже, когда я уже думал о погрешности, я всегда ощущал в ней боль и страшное, но затем непроизвольно системой скрывал боль, а тогда и погрешность. Это порочность всякой системы. В исследовании „О критерии“ я пытаюсь устранить не системность, а порочность системности в „системе как пример“. Еще раньше в „Вестниках“: фактичность истины. Может, игнавия приходит, когда я замечаю, что системой пытаюсь скрыть боль бытия» (РНБ. Опись 2. № 39). В период наиболее интенсивной близости Друскина с Д. И. Хармсом последний вручил Друскину билет члена Общества равновесия с небольшой погрешностью: «Это равновесие с небольшой погрешностью подлинно выдано мной Якову Семёновичу Друскину в среду 19 июля 1938 года. Даниил Хармс. И первая категория» (Хармсиздат представляет. Сборник материалов. СПб., 1995. С. 29).

...ко мне пришел (во сне) покойный Георг — о Л. В. Георге см.: наст. изд., т. 1, Хроника жизни и творчества Я. С. Друскина.

С. 13 *Помнишь, у Пушкина...* — фрагменты стихотворения А. С. Пушкина «Похоронная песня Иакинфа Маглановича» из цикла «Песни западных славян» (1833).

И люди у Гамсуна... — имеются в виду романы К. Гамсуна «Виктория» (1898), «Под осенней звездой» (1906) и др. См. рассуждения о том же в: Липавский. С. 435–436.

...как Гёте исследовал цвета? — речь о книге И. В. Гёте «К теории цвета» (1810); ее обсуждение см.: Липавский. С. 368.

Л. говорил о неувядаемости счастья — см.: Липавский. С. 436.

С. 14 *Бывает ли непонимание у деревьев и вестников?* — см. работу Друскина «Разговоры вестников» (с. 71–123) и примеч. в наст. изд., т. 1 (с. 543, 544); см. также далее примеч. к с. 23.

1934

Смерть

Дальнейшие рассуждения Друскина являются рефлексией по поводу смерти отца, произошедшей 17 августа 1934 года. В архиве Друскина содержатся еще некоторые записи на эту тему (РНБ. Опись 2. № 76 и 86), часть которых включена в состав дневника; некоторые из них остались за его пределами; приведем один подобный фрагмент: «Дело в том, что [я] совсем не хочу забыть этого ужаса. Я не страус,

закрывающий глаза перед опасностью. Оттого, что я забуду, ужас не перестанет быть ужасом. Ужас — случайность смерти, возможность предотвратить ее, несвоевременность, наконец, ужас, что он не мог говорить последние сутки, что он не замечал или не видел, хотя сознание было. Ужас, что я не знаю, что он думал последнюю ночь, что я не мог выполнить его желаний, потому что он не мог их сказать. Ужаснее всего здесь какая-нибудь мелочь. Может быть, он хотел, чтобы его приподняли, а я этого не сделал. Почему я не попробовал приподнять его, ведь у него был отек легких. Ужас оттого, что невозможно исправить, что это прошло совсем. Если смерть необходима, то почему ее сопровождает столько ужасных случайностей» (РНБ. Опись 2. № 86).

1936

О банкротстве

С. **16** *Если бы я должен был определить Канта...* — см. работу И. Канта «Основы метафизики нравственности» (1785).

...апории Евклида... — вероятно, речь о главном труде Евклида «Начала» (ок. 300 до н. э.).

С. **16** *...соседний мир* — см. работу Друскина «Соседний мир» (1927–1928) в наст. изд., т. 1 (с. 19) и примеч. (с. 539): см. там же Тематический указатель.

...метод этого и того — см. наст. изд., т. 1, Тематический указатель.

С. **17** *...семи или восьми исследований...* — названная работа (работы) неизвестны.

...людьми лунного света — неизвестно, прочитал ли Друскин к этому времени книгу В. В. Розанова «Люди лунного света» (СПб., 1911).

С. **18** *...Щель...* — см. в наст. изд. т. 1 работу Друскина «Щель и грань» (1929?) (с. 48–57), примеч. (с. 541) и Тематический указатель (с. 608, обложка).

С. **21** *Всуге мятется всяк земнородный* — цитата из канона об усопшем.

...сам Кант сознавал... — имеется в виду работа Канта «Критика чистого разума» (1781), в значительной мере откорректированная им для второго издания (1787).

Так же и у Аристотеля... — Друскин называет главные понятия философии Аристотеля в его «Метафизике» (IV в. до н. э.); в архиве Друскина сохранились две тетради его конспектов 1930–1940-х годов «Физики» Аристотеля с подробными комментариями, переходящими в самостоятельные исследования мотивов аристотелевского сочинения (РНБ. Опись 2. № 96).

С. **22** *...Святым Духом (Эриугена)* — речь о работе И. С. Эриугены «О природах» (862–866).

Л. сказал, что мышление — это поступок — см.: Липавский. С. 105.

Что такое Reiz... — одно из значений: привлекательность (нем.): см.: примеч. выше.

С. **23** *...характеры преобразований* — наименование одной из глав работы Друскина «Разговоры вестников» (см.: наст. изд., т. 1 (с. 71–123)).

С. **24** *...первой разности...* — термин «разность» присутствует в нескольких работах Липавского: «Объяснение времени», «Последовательности», «О телесном сочетании», «Определенное (качество, характер изменений, постоянство или изменяемость...)» и в «Разговорах».

С. **27** *В «Некотором волнении и некотором спокойствии»...* — «О некотором волнении и некотором спокойствии» — глава работы Друскина «Разговоры вестников» (см.: наст. изд., т. 1 (с. 71–123)).

...в аллемандах Баха — старинный немецкий танец, звучащий в нескольких произведениях И. С. Баха.

...«существует ли что-либо вне меня и независимо от меня?» — ср. с названием работы Друскина «Существуют ли другие люди помимо меня» (наст. изд., т. 1 (с. 26–42)).

С. **32** *Кант наложил запрещение на некоторые предметы* — могут иметься в виду, в частности, работы Канта «Основы метафизики нравственности» (1785) и «О мнимом праве лгать из человеколюбия» (1797); последняя работа обсуждалась Друскиным с друзьями — см.: Липавский. С. 395.

1937

С. **34** *Вот уже три года, как их нет* — имеется в виду ночь на 16 августа 1934 года, когда Друскин сидел у постели умирающего отца (смерть наступила 17 августа).

...«Вот что сказал ученик Фалеса, когда учитель замолчал, так как вдохновение покинуло его» — это первая фраза работы Друскина «Разговор о времени» (см.: наст. изд., т. 1 (с. 180, 181)).

С. **35** *...в «Мертвых душах»...* — поэма Н. В. Гоголя (1835).

...в «Местечке Сегельфос»... — роман К. Гамсуна (1922).

...иероглиф (термин Л.)... — см. в нескольких работах Липавского: Липавский. С. 33, 99, 117, 156, 325; см. также примеч. к работе Друскина «Звезда бессмыслицы»: наст. изд., т. 1 (с. 563).

С. **38** *Страсти по Матфею и Иоанну* — речь о двух отдельных ораториях композитора Г. Шютца (1666).

С. 39 *...И купите ему сосновый гроб...* — цитата из повести Н. В. Гоголя «Шинель» (1841).

В «Воображаемом собеседнике» — роман О. Г. Савича (1928).

С. 40 *...Crucifixus* — распятие — лат.; месса Баха си минор № 16 (1748 или 1749).

...части из «Критерия»... — полное название работы: «Исследование о критерии»; сохранилось не менее двадцати вариантов этой работы Друскина под разными (помимо указанного) заглавиями, написанных на протяжении 1930–1950-х годов, в том числе: «О критерии», «Меня интересует критика критерия» и др. (РНБ. Опись 2. № 56, 121–125, 196–203 и др.).

...в «Принадлежности» — такое наименование Друскин дал своим первоначальным дневниковым записям; впоследствии он стал называть их иначе (см. далее).

С. 40 *...апории* — философское парадоксальное неразрешимое противоречие.

...эмфазис... — эмоциональное выделение элемента; здесь: музыкальное.

1940

С. 41 *...в Келомякках...* — здесь и далее правильно: Келломаки (после 1948 года — Комарово) — поселок в Курортном районе Санкт-Петербурга.

«Рассуждать — не рассуждать»... — глава посвященной Хармсу неоконченной работы Друскина «Примеры», полный текст которой неизвестен; работа должна была состоять из пятнадцати глав; сохранившиеся фрагменты: РНБ. Опись 2. № 129; частично опубл.: «Сборище...» С. 844–853.

...«О состояниях жизни» — работа с таким заглавием неизвестна: работу под схожим заглавием («О пространстве жизни», 1939) см.: наст. изд., т. 1 (с. 182–184).

С. 42 *...после природы и двух дней у Нади с Т. ...* — не ясно, какие обстоятельства (их общая летняя дача?) имеются в виду.

...Нерка и Иван Иванович... — прозвища собак.

...«С богом, в дальнюю дорогу»... — см. примеч. к с. 13.

Ш. рассказывал мне... / что говорил П. Я. — Ш. и П. Я. — неустановленные личности.

С. 43 *Глупость Сократа...* — фрагмент из диалога Платона «Федр».

...дихотомическое разделение — контрарное... — дихотомическое — деление на две части, между собой не связанные; контрарное — две сравнимые части исключают их одновременную истинность, но не исключают одновременную ложность.

...я писал, что меня интересуют деревья... — речь о главе «О деревьях» работы Друскина «Разговоры вестников» (см.: наст. изд., т. 1 (с. 81–85)).

...ум, доброта, мелочность... — Друскин перечисляет темы, присутствующие в различных работах В. В. Розанова, в том числе в «Апокалипсисе настоящего времени» (1918), в «Уединенном» (1912) и в «Опавших листьях» (1913, 1915).

1941

С. **46** *Геометрические таблицы-схемы Кутюра* — речь о книгах Л. Кутюра «Философские принципы математики» (1913) и «Алгебра логики» (1905).

«Логика отношений»... — книга С. И. Поварнина «Логика отношений. Ее сущность и значение» (1917).

...«Горе вам, что вы не горячие и не холодные, а теплые»... — Откр. 3:15–16.

...«власть имеющий», «Царство Небесное силою берется» — Мф. 11:12.

С. **47** *В состоянии В есть мерзость запустения...* — начиная с выражения «мерзость запустения» цитаты, соответственно: Мф. 24:15; Мф. 24:16; Лк. 21:26; Мф. 24:6; Мф. 24:40.

С. **48** *Писать «Логический трактат»* — полное название работы: «Логический трактат о непосредственном умозаключении» (РНБ. Опись 1. № 13; Опись 2. № 135–144).

С. **49** *...«Блаженны нищие духом»* — Мф. 5:3.

С. **50** *Бесконечная делимость пространства и времени* — имеются в виду апории Зенона из Элеи (обсуждавшиеся в том числе в «Физике» Аристотеля) и идеи некоторых работ А. Бергсона, в частности «Материя и память» (1896).

Я мыслю, следовательно существую... — выражение Р. Декарта в его работе «Рассуждение о методе» (1637).

С. **51** *«Довлеет дневи злоба его»* — Мф. 6:34.

«Высокое у людей — мерзость перед Богом» — Лк. 16:15.

Л. говорил раз о воображаемых неприятностях — в работе «Исследование ужаса»; см.: Липавский. С. 30–32.

У Островского: я празднотлюбца — из пьесы А. Н. Островского «Сердце не камень» (1879).

С. **52** *Первая бомба в Ленинграде...* — вероятно, речь идет о 8 сентября, когда произошла первая бомбардировка Ленинграда; с этого дня отсчитывается начало блокады города.

...через улицу против нашего дома — Друскин жил по адресу: Невский проспект, дом 105, квартира 93.

Марина... — М. В. Малич, жена Хармса.

...накануне ареста Д. И. ... — арест Хармса произошел 23 августа 1941 года.

С. 53 ...положивший руку на плуг... — Лк. 9:62.

...призваны как небожители на пир — парафраз стихотворения Ф. И. Тютчева «Цицерон» (1829 — нач. 1930-х).

...indefinitum — неопределенное (лат.): см. это понятие в работе Друскина «Видение невидения» (наст. изд., т. 1 (с. 272–360)).

...Infinitum — бесконечное (лат.); см. примеч. выше.

С. 54 ...Пропал без вести... — имеется в виду известие о судьбе Липавского; в 1940 году Липавский был зачислен в части Противовоздушной обороны Балтийского флота; погиб в ноябре 1941 года под Петергофом (официально: пропал без вести).

С. 55 ...Прагматизм обращается к конкретному... — имеется в виду книга У. Джеймса «Прагматизм: новое название для некоторых старых методов мышления» (1906–1907).

...«Женщина и социализм»... — «Женщина и социализм» (1878) А. Бебеля.

...«своею собственной рукой»... — фрагмент русского текста международного коммунистического гимна «Интернационал».

С. 56 ...или «Законах» Платона... — в архиве Друскина сохранились около 150 листов его конспектов диалогов Платона: «Протагор», «Парменид», «Федон» и других; как обычно, Друскин не просто конспектировал тексты, но комментировал их и постепенно превращал свои комментарии в самостоятельные исследования (РНБ. Опись 2. № 170).

С. 57 ...кроме четырех — имеются в виду Липавский, А. И. Введенский, Н. М. Олейников и Хармс — встречи с ними теперь в воспоминаниях или в снах.

...Джозео Ройс... — вероятно, речь об одной из книг Д. Ройса: «Проблема христианства» (1913) или «Религиозный аспект философии» (1885).

...16.X.63... — дата кончины матери; это событие Друскин впредь будет отождествлять с Лестницей Иакова — ветхозаветным сюжетом о сне Иакова, в котором он увидел лестницу, соединяющую Землю и Небо (Быт. 28:12–16).

С. 59 Скрытый смысл я искал в «Разговорах» Платона — возможно, Друскин называет сочинения («диалоги») Платона «разговорами» по ассоциации с «Разговорами» Липавского.

...иерография... — см. примеч. к работе Друскина «Душевный праздник» (наст. изд., т. 1 (с. 540)) и Липавский. С. 378.

...моя «Тайнопись знаков»... — такая работа Друскина неизвестна.

...Лёнина «Теория слов» — Липавский. С. 221–314 (1935).

Монады Лейбница... — термин «монада» Г. В. Лейбниц ввел в свои философские работы конца 1690-х годов; основной труд: «Монадология» (1714).

С. 60 *Нагнуться в глубину золотистым...* — из прозаического произведения В. Хлебникова «Нужно ли начинать рассказ с детства?..» (1916–1918).

У Введенского есть поиски души... — Друскин вспоминает стихотворение Введенского «Мне жалко, что я не зверь» [1933–1934], которое слышал в прочтении автором и которое затем обсуждалось в дружеском кругу (см.: Липавский. С. 367).

...Гаусс: теория чисел и землемерие — речь о труде К. Ф. Гаусса «Арифметические исследования» (1801) и о его так называемой «формуле землемера», вычисление которой описано им в 1795 году.

С. 61 *...с августа 1934 года...* — см. примеч. к с. 34.

...как Гоголь, я мог сказать... — Друскин пересказывает смысл высказывания Н. В. Гоголя в письме к своему духовнику о. Матвею от 12 января 1848 года.

...адиафора... — термин, означающий то, что не имеет значения для спасения (или счастья).

...с весны 1911 — о сути этого события см. далее запись от 12 февраля 1965 года.

1942

С. 64 *3-го или 4-го умер Д. И.* — Хармс умер в тюремной больнице 2 февраля 1942 года; неизвестно, кто сообщил об этом Друскину: по словам Малич в письме О. Н. Гильдебрандт-Арбениной «О Даниной смерти боялись ему сообщать, — это бы его совсем сразило, приходилось лгать, когда он спрашивал» (Даниил Хармс глазами современников. С. 449–450).

Первым ушел Д. Д. ... — имеется в виду филолог Д. Д. Михайлов, общий приятель Друскина и его друзей.

...всё же Д. И. жив? — в одном из писем приятельнице Малич вспоминала: «Можно ли описать ту радость, которую я прочла на лице у Яши, когда я сказала, что Даня здесь» (Даниил Хармс глазами современников. С. 453).

«Царство» — так называется часть трактата «Контрапункт, или Соблазны» (РНБ. Описание 1. № 8).

С. 65 *...кеносис...* — (кенозис) — термин, означающий «уничтожение» по воле Бога.

...жена Лазаря... — жена Л. Л. Друскина.

...приходила Т. Н. — Т. Н. Глебова.

...и Люсине... — Л. Н. Глебова.

...у Вс. Николаевича — В. Н. Петров.

...вчера у С. Н. ... — С. Н. Иванова.

...против заколоченной квартиры Д. И. — Хармс жил по адресу: улица Маяковского, дом 11, квартира 8; предыдущий раз, поздней осенью 1941 года, Друскин посетил квартиру арестованного друга и вместе с Малич собрал рукописи Хармса и принадлежавшие ему книги, а также рукописи Введенского и Олейникова, которые затем увез в эвакуацию, сохранив таким образом их архивы.

С. 65 *«И бывает для человека того последнее хуже первого»* — Мф. 12:45.

С. 67 *...в Борисову Гриву* — Борисова Грива — деревня примерно в пятидесяти километрах от Ленинграда.

...Лаврово... — на расстоянии примерно восьмидесяти километров от Ленинграда.

С. 68 *...едем в Кособродск...* — станция и рабочий поселок в Каргопольском районе Курганской области.

...в Чашу — правильно: Чаши — село в Каргопольском районе Курганской области.

С. 70 *...недалеко от Липавских* — Липавские жили по адресу: Гатчинская улица, дом 8/39, квартира 4.

Нет писем ни от М — Н... — имеются в виду брат Друскина и его жена.

С. 71 *«И с отвращением читая жизнь мою...»*... — из «Воспоминания» (1828) А. С. Пушкина.

С. 72 *История с С. ...* — по воспоминаниям Л. С. Друскиной, речь о студентке Консерватории, но что за «история», Друскина не пояснила.

С. 74 *Помимо «Формулы чего-либо»*... — «Формула чего-либо» является добавлением I к части I работы Друскина «Квадрат миров», входящей в работу «Контрапункт, или Соблазны» (соответственно: РНБ. Опись 2. № 131-134; Опись 1. № 8).

...написана «Формула несуществования» — «Формула несуществования» является добавлением II к части I работы Друскина «Квадрат миров», входящей в работу «Контрапункт, или Соблазны» (см. примеч. выше).

1943

С. 77 *...писал «Политический трактат»* — такая работа Друскина неизвестна.

...«Трактат о мысли» — «Трактат о мысли» — то же, что «О пространствах мысли», — является частью II работы «Симфония, или О состояниях души и пространствах мысли» (см.: наст. изд., т. 1, примеч. (с. 550)).

С. **78** ...и «Соблазны»... — то есть «Контрапункт, или Соблазны» (см. примеч. к с. 64).

С. **80** *Лейбниц: пространство — это порядок...* — Друскин пересказывает, в частности, идеи работы Лейбница «Новые опыты о человеческом разумении» (1704).

Дионисий Ареопагит: Вечное существо знает... — имеется в виду работа «О небесной иерархии» (I в.) в собрании трудов, изданных под заглавием «Ареопагитики».

...«Исследование о несуществующем» — см. примеч. к с. 74

С. **81** ...*mysterium fascinosum*... — ужасающее и одновременно привлекательное (лат.); здесь: мысль о некоем неведомом, ужасном, но зачаровывающем объекте.

...*Kreaturgefühl*... — приниженность (нем.); в религиоведении — чувство тварности.

...*Majestas Dei*... — величие Господа (лат.).

С. **83** ...писал «Квадрат миров»... — см. примеч. к с. 74.

С. **84** *Розанов пишет о себе самом...* — это замечание можно отнести к любой из работ В. В. Розанова (см. примеч. к с. 43).

Ибо так возлюбил Бог мир... — Ин. 3:16.

Хорошо: «Семеро», «Мария Вечоре»... — в библиотеке Друскина было вышедшее перед войной пятитомное издание сочинений В. Хлебникова.

С. **85** ...«Ковер Гортензия» В. ... — см. примеч. к с. 60.

А еще был Пулканов — неизвестный персонаж.

С. **86** ...*лунных коров Уэллса* — в романе Г. Уэллса «Первые люди на Луне» (1900).

С. **88** ...«*Am Abend*» из *MP*... — полное наименование: «Am Abend, aber desselbigen Sabbats» (1725) — праздничная кантата Баха.

...то есть *infinitum*... — см. примеч. к с. 53.

С. **91** ...и «*Анны Карениной*», а не «*Войны и мира*»... — романы Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (1873-1877) и «Война и мир» (1863-1869, 1873).

С. **92** ...«*Смертью смерть поправ*» — из пасхального песнопения (тропарь).

С. **93** ...«*Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят*» — Мф. 5:8.

...бес старается соблазнить какими-то пустяками... — речь о «бесеревности» в «Анне Карениной» Толстого.

...написал рассуждение «*Чем я противен*» — работу «Чем я противен» (1933) Друскин читал друзьям, и они ее обсуждали (см.: Липавский. С. 344); впоследствии работа была утрачена; в архиве Друскина сохранилось «Добавление» к этой работе, написанное тоже в 1930-х годах:

«Однажды я написал, чем я противен. Когда я прочел, я заметил, что о самом противном я не написал. Я стал исправлять, но у меня ничего не получилось».

Я заметил лживость ума и чувства. Например, если я скажу, что это есть то, сразу станет видно, что это не то. Если же я скажу: хорошо, пусть это не то, это — другое, в этом тоже будет ложь. Я написал, что это противно, но я так не думал. Я написал не то, что хотел сказать. Я делаю ясное неясным, я бормочу что-то невнятно, а потом говорю: я не знаю. Еще я заметил лживость чувства, и это кажется уже действительно правда, что я ничего не знаю, и я бы мог даже доказать на одном примере, что, когда я говорю: это есть то, сразу делается видно, что это не то. Но т[ак] к[ак] этот пример относится к чувству, то я считаю, что виноват в этом я. Я думаю так: мне хотелось бы, чтобы это было тем или не тем, поэтому я думаю, что это то или не то. Но на самом деле это не так, как я хочу, поэтому возникает неясность, причем мое желание или желание желания, которое лживо, стремится запутать. Но теперь я разделю две вещи и скажу так: если я и не знаю ничего определенного, может быть, это и хорошо, но при встречах с людьми я противен. Это несомненно, и я приведу один пример. Когда я прихожу к Л. С. и Т. А. [Липавским], случается, что все радуются моему приходу, и даже В. Е. [Гольдина], которая бывает у них иногда. Конечно, я не могу утверждать этого наверно, может, мне всё это кажется, на деле же, может, когда я прихожу, они думают: опять пришел этот старый болван. Но мне кажется, что они думают так не всегда. Но когда я ухожу и когда дверь за мной уже закрыта, Л. С., может, и ничего не скажет Т. А., а Т. А. — В. Е., но мне кажется, все они подумают: вот пропало 3 часа жизни. И хоть никто из них ничем не занимается, и они не жалеют времени, время, которое они провели со мной, покажется им погибшим. Им станет жалко 3-х часов жизни, они будут считать меня виновником гибели этого промежутка времени. Они подумают: вот пропало три часа жизни, как будто ничего не произошло, между тем погибло три часа жизни, и они будут обвинять в этом меня.

Во мне нет дерзости. Скорее всего, я просто незаметен. Но при встречах с людьми я обнаруживаю много противного. Я привел пример. В этом примере я нахожу признак самого противного, ведь ощущение гибели некоторой вещи — это самое тяжелое» (РНБ. Опись 2. № 100).

С. 94 *...ens* — сущее (лат.), термин схоластической философии.

С. 96 *...ад, который посетил Одиссей* — один из эпизодов длительного возвращения Одиссея на родину после окончания Троянской войны.

...«сон — дневных трудов награда» — см. примеч. к с. 71.

С. 99 *Недавно встретил Н. И. ...* — Н. И. Гагенторн; здесь с 1942 года жила и работала в ссылке после отбытия пяти лет лагерей.

С. 101 *...Элоиза писала Абеляру...* — переписка Э. Фульбер и П. Абеляра опубликована впервые в 1616 году.

С. 103 *...уже Майстер Экхарт...* — имеется в виду книга Экхарта Майстера «Духовные проповеди и рассуждения».

Признавая различные реальности... — аллюзия на идеи трудов Д. Х. Джинса «Вселенная вокруг нас» (1932) и «Движение миров» (1933); его книги обсуждались Друскиным и его друзьями (см.: Липавский. С. 360).

С. **104** *Разговоры Гёте с Эккерманом...* — Друскин и его друзья обсуждали только что вышедшее по-русски издание книги И. П. Эккермана «Разговоры с Гёте в последние годы его жизни» (1934) (см.: Липавский. С. 379).

...«Исповедь» Руссо... — возможно, Друскин ссылается на двухтомное издание «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо, изданное по-русски в 1935 году.

...«Опавшие листья» Розанова... — см. примеч. к с. 43.

С. **107** *Л. сказал раз...* — возможно, Друскин, вспоминая, так интерпретирует диалог с ним Липавского (см.: Липавский. С. 354).

С. **109** *Еще Кант: очистить место для веры* — из «Предисловия» Канта ко второму изданию «Критики чистого разума» (1787).

...и «Числах»... — вторая часть работы «Контрапункт, или Соблазны».

С. **110** *Вечером приходила Вика...* — В. А. Каменская.

...*Schwülstigkeit* — знойное (нем.).

С. **111** ...*Дильтей, Гадамер...* — имеются в виду: В. Дильтей, автор так называемых «наук о духе» («Введение в науки о духе», 1880); и Х. Г. Гадамер, основатель философской герменевтики («Основы философской герменевтики», 1968).

С. **112** *Если бы были хоть соблазны...* — помимо многочисленных упоминаний этого мотива в дневниках, Друскин написал несколько работ, о соответствующем содержании которых можно судить по заглавиям: «Соблазны философии» (РНБ. Опись 2. № 105), «Соблазн» (РНБ. Опись 2. № 432), «Сцилла и Харибда. Соблазны» (Лестница Иакова. С. 407–412), «Три соблазна» (РНБ. Опись 2. № 677), «Контрапункт, или Соблазны» (см. примеч. к с. 74).

С. **112** ...«Свердловские трактаты» — так Друскин называл написанные в эвакуации работы, которые в итоге составили «Трактат „Формула Бытия“» (первоначальное заглавие «Трактат „Формула Мира“» (см.: Лестница Иакова. С. 484–530).

С. **113** *Исполнение приговора...* — 15–18 декабря 1943 года в Харькове состоялся судебный процесс по обвинению четверых подсудимых в соучастии в нацистских преступлениях; все приговорены к повешению; казнь происходила публично.

1944

С. **116** ...*Шпет выбирает Афины* — речь о работе Г. Г. Шпета «Мудрость или разум?» (1917).

Шестов... — Друскин пересказывает близко к тексту фрагмент книги Л. Шестова «Potestas Clavium (Власть ключей)» (1915).

С. **117** *Карлейль: труд религиозен...* — Друскин имеет в виду высказывание Т. Карлейля в его работе «Этика жизни (Трудиться и не унывать)» (1902).

С. **118** *... гуманизм (Зиммель)* — Г. Зиммель — идеолог «философии жизни», автор многочисленных работ по философии культуры.

...антропологическая критика разума (Фриз) — речь о труде Я. Ф. Фриза «Новая критика разума» (1806–1807).

Еще интереснее: «Критика чистого разума» — работа Канта. Возможно, «соседство» здесь имен Зиммеля и Канта — результат интереса Друскина к теме «Зиммель о Канте»; его выписки на эту тему из разных источников с комментариями Друскина см.: РНБ. Опись 2. № 505.

...такие как Шпет в последней статье... — не ясно, какую именно «последнюю» статью Г. Г. Шпета имеет в виду Друскин (см., например, примеч. к с. 116).

Например, Эри... — правильно: Д. Б. Эйри; не ясно, на какую именно из его работ ссылается Друскин.

С. **119** *Например, Фет: «Измучен жизнью, коварством надежды...»...* — первая строка стихотворения А. А. Фета без названия (1864).

Но у Пушкина, например, «Как с древа сорвался...»... — из стихотворения А. С. Пушкина «Подражание итальянскому» (1836).

...«Как часто плачем вы и я» — из стихотворения А. А. Блока «Голос из хора» (1910–1914).

С. **121** *Равнодушная природа...* — аллюзия на стихотворение А. С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829).

...проходили в Детском... — до 1918 года — Царское Село; с 1918 по 1937 год — Детское Село; затем — Пушкин.

...Dictum... — слово (лат.).

...из «Сильвы» — оперетта И. Кальмана (1915).

С. **122** *...«Нестле»* — швейцарская компания, производитель продуктов питания; в России с конца XIX века.

Первый страх: рождения и смерти... — см. примеч. к с. 61.

...в «Первоначальном и законе»... — правильно: «Закон и первоначальное» — уничтоженная Друскиным его работа середины 1920-х годов.

...«мировоззрение в носу» — выражение, которое придумал Друскин для обозначения плотского греха — с аллюзией на библейскую интерпретацию греховного поведения, как имеющего оскорбительные для Бога ароматы (ср.: Ис. 1:13–15).

С. **124** *...«О деревьях»* — глава из работы Друскина «Разговоры вестников» (см. примеч. к с. 43).

С. **125** *...«Зажечь беду вокруг себя»* — это из «Добротолубия» — эта фраза подчеркнута Хармсом на полях и в тексте принадлежавшей ему

книги «Искатель непрестанной молитвы, или Сборник изречений и примеров из книг Свящ[енного] Писания и соч[инений] богомудрых подвижников благочестия о непрестанной молитве» / Собрал игумен Тихон. Изд. 3-е. М., 1904; ныне: РНБ. Описание 2. № 786; соответствующий текст полностью см.: Даниил Хармс глазами современников. С. 84.

С. **128** *От Нее будто бы сохранились две записки или письма* — Друскин пишет о работе П. А. Флоренского «Философия культа (Опыт православной антропологии)» (1918); в архиве Друскина имеются выписки из разных работ Флоренского с собственными комментариями (РНБ. Описание 2. № 461).

С. **129** *Слово стало плотью и обитало с нами...* — Ин. 1:14.

С. **133** *У Флоренского я прочел* — см. примеч. к с. 21.

У Бергсона вместо пламени — жизненный поток — в работе А. Бергсона «Творческая эволюция» (1907).

С. **134** *Франциск Ассизский называл свое тело...* — легендарная фраза, приводимая от имени Франциска Ассизского, в разнообразных его жизнеописаниях.

1945

С. **136** *В начале было Слово...* — как нередко, Друскин близко к евангельскому тексту воспроизводит: Ин. 1:1-3.

С. **138** *...Мир перед Богом* — название работы Друскина (см.: наст. изд., т. 1 (с. 62-70) и примеч. (с. 542)).

Подобно этому и воздержание от суждения — один из постулатов философии скептицизма (ἐποχή — греч.).

С. **139** *...Beschaffensein* — лицемерие (нем.); Друскин пересказывает рассуждения Г. Зиммеля в его книге «Религия. Социально-психологический этюд» (1909).

...als ob... — как если бы (нем.); вероятно, аллюзия на «Критику способности суждения» Канта, в которой философ оперирует этим термином.

Воббермин: лучше вместо Бога... — Г. Воббермин оперировал термином «трансцендентально-психологический метод» в труде «Религиозно-психологический метод в систематическом богословии» (1913-1925).

...В воспоминаниях Ренана — имеется в виду книга Э. Ренана «Воспоминания о детстве и юности» (1883).

С. **140** *Итак бодрствуйте, потому что не знаете ни дня...* — Мф. 24:42.

Шперк: свобода воли или... — Друскин пересказывает некоторые положения книги Ф. Э. Шперка «Метафизика мировых процессов. Основы» (1893).

Закончил новое исследование о времени — часть работы «Исследование о критерии» (см. примеч. к с. 40).

С. **141** *...релятивистское, циническое* — Шпенглер — имеется в виду работа О. Шпенглера «Закат Европы» (1918, 1922).

С. **142** *...ignaviae* — лень, вялость (лат.); см. наст. изд., т. 1 (с. 186–190).

С. **143** *...силлогизм Аристотеля* — теория силлогистики (схемы умозаключений) в книге Аристотеля «Первая аналитика» (ок. 350 до н. э.).

С. **144** *...об этом сказано в «Симфонии»* — «Симфония, или О состояниях души и пространствах мысли» (см. примеч. к с. 74).

...грань двух столкнувшихся ничто — это выражение см. в работах Друскина «Песнь о субботе» (наст. изд., т. 1 (с. 25)) и «Щель и грань» (там же (с. 48–57)).

Нарисовал шесть мразей — среди многочисленных рисунков Друскина есть такие, которые подписаны им словом «Мразь»: эти рисунки с названными подписями он делал в специфических эмоционально-психологических состояниях. См. наст. изд. т. 1, примеч. на с. 530.

С. **145** *...с «Человеком из подполья» Достоевского* — правильно: «Записки из подполья» (1864) — повесть Ф. М. Достоевского.

Лучше Передонов у Сологуба — персонаж романа Ф. К. Сологуба «Мелкий бес» (1892–1902).

...читал сегодня «Тия Уленшпигеля» — роман Ш. де Костера «Легенда об Уленшпигеле» (1867).

1946

С. **146** *В «Трактате о критерии»...* — см. примеч. к с. 40.

С. **147** *Прежде всего в «Разговорах вестников»...* — см. примеч. к с. 14.

В «Исследовании о единице»... — полное заглавие недатированной работы Друскина «О единице. Третье исследование о непосредственном и его основании» (РНБ. Описание 2. № 377).

С. **150** *...как считал Лейбниц и другие...* — речь о работе Лейбница «Теодицея, или Оправдание Бога» (1710).

...не правы ли аверроисты? — имеются в виду философские течения в схоластике XIII века, одной из идей которых было, в частности, признание зла не как самостоятельной сущности, а как недостатка, то есть причиной зла считалось несовершенство бытия.

...двух субстанций Декарта — Лейбница? — Лейбниц полемизировал с Декартом в нескольких работах, в частности: «Об усовершенствовании первой философии и о понятии субстанции»

(1694); «Новая система природы и общения между субстанциями, а также о связи, существующей между душой и телом» (1696).

С. **151** ...«ФУ»... — Формула Уныния; так Друскин стал называть тетради со своими дневниковыми записями с 1945 по 1960-е годы.

С. **153** *Книга о Франциске Ассизском, кажется, хорошая...* — возможно, Друскин читает книгу Д. С. Мережковского «Франциск Ассизский» (1938).

С. **153** *Анахорет Памва...* — не исключено, что Друскин имеет в виду изображение отшельника IV века Памвы в святочном рассказе Н. С. Лескова «Запечатленный Ангел» (1873).

С. **155** *Сравнения Царства Небесного* — далее Друскин пересказывает: Мф. 13:31–32.

С. **157** ...*Л. назвал тоской по Абсолюту...* — см.: Липавский. С. 357.

С. **158** *Блажен, кто посетил сей мир... / Всё, всё, что гибелью грозит...* — цитируются соответственно: стихотворение Ф. И. Тютчева «Цицерон» (1836); «Пир во время чумы» А. С. Пушкина (из «Маленьких трагедий») (1830).

С. **160** *Валя...* — Гольдина.

С. **161** *Но Кант как раз отвергал молитву* — в «Критике чистого разума» (1787).

...«Формула Мира»? — см. примеч. к с. 112.

С. **163** ...«отец не понимает сына» — Друскин цитирует формулу, которую, по его словам, он услышал от Липавского.

...«что предписывает законы природе» — неточная цитата из «Критики чистого разума» Канта.

С. **164** ...*тот вечер летом 1911 г. ...* — см. примеч. к с. 61

Затем 1934 г., август... — см. примеч. к с. 64.

Авторы Дон Жуана... — из многочисленных подобных авторов и их произведений можно назвать, например, оперу В. А. Моцарта (1787), комедию Ж.-Б. Мольера (1665), пьесу А. С. Пушкина «Каменный гость» (1830).

С. **165** *Я вспомнил, как пошел к зеленой...* — по воспоминаниям Л. С. Друскиной — студентка Консерватории.

Она играла «Карнавал»... — фортепианная сюита Р. Шумана (1834–1835).

Вообще у меня какой-то уж очень глупый и нудный брат осел — см. примеч. к с. 134.

1947

С. **166** ...*(Альберт Великий, Фома Аквинат)...* — не ошибся ли здесь Друскин в интерпретации описываемых идей названных им авторов?

(Дунс Скот) — то же.

С. **167, 168** ...«Дон Кихот», «Мертвые души», «Страсти по Матфею», «Критика чистого разума» — Друскин называет, соответственно, роман М. де Сервантеса (1605, 1615), поэму Гоголя (1835), сочинение Баха (1727–1729, 1736) и работу Канта.

С. **168** ...Метерлинк «О смерти» — вероятно, имеется в виду философское сочинение М. Метерлинка «Смерть» (1913).

С. **170** Грех алчный гонится за мною по пятам... — цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Напрасно я бегу к Сионским высотам...» (1836).

По поводу Фр. Мензы в «Розе» Гамсуна — роман К. Гамсуна «Роза» (1908).

1948

С. **172** «...Счастья нет, но есть покой и воля» — из стихотворения А. С. Пушкина «Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит...» (1834).

С. **175** «Душа и тело человека в их взаимном соотношении звучат» — не ясно, по какому источнику Друскин цитирует слова Якобуса фон Блудау.

С. **176**
Великаяигнавиявеликаяигнавиявеликаяигнавиявеликаяигнавия — см. примеч. к с. 142.

С. **177** Раньше мне снилось, что он не умер... — имеется в виду отец Друскина.

1949

С. **180** Я иду по Большому к Т. ... — в это время Т. А. Липавская жила по адресу: Гатчинская улица, дом 8/39, квартира 4.

У Матвеевской... — название просуществовало до 1923 года; потом — улица Ленина.

...он просит зайти — имеется в виду отец Друскина.

...продолжение сна о дочери Тургенева от Авдотьи и о ее брате — запись такого сна неизвестна.

...там была В. ... — Гольдина.

...взял на рояле септиму... — музыкальный интервал.

С. **182** Флоренский тоже говорит... — Друскин говорит о книге П. А. Флоренского «Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах» (1908–1914).

С. **183** ...в Мельничном Ручье... — Мельничный Ручей — поселок примерно в двадцати пяти километрах от Ленинграда.

С. **185** *...экстазы Плотина...* — речь об описанных Платином в нескольких трудах своих мистических состояний.

С. **186** *...у Лескова в «Соборях»...* — роман Н. С. Лескова «Соборяне» (1866–1872).

1950

С. **187** *Д. И. хотел написать рассказ...* — рассказ Д. Хармса без заглавия (1937): Хармс. Т. 2. С. 190.

С. **188** *Нагель не женится на Дагни, а топится* — в романе К. Гамсуна «Мистерии» (1892).

С. **189** *...как это у меня и было до вестников* — имеется в виду работа Друскина «Разговоры вестников» (см. примеч. к с. 14).

...«Ибо Царствие Небесное силой берется» — см. примеч. к с. 46.

С. **190** *Он умер...* — отец Друскина.

1951

С. **192** *...закончился мой душевный праздник* — см. работу Друскина «Душевный праздник» (наст. изд., т. 1 (с. 21–24)).

С. **193** *Трактат о «Небе и но»...* — эта работа Друскина не сохранилась.

«День проходил как всегда: в сумасшествии тихом» — стихотворение А. Блока без заглавия (1914) из цикла «Жизнь моего друга».

С. **194** *Если Форкель объясняет Баха симметрией...* — речь о написанной И. Н. Форкелем биографии Баха (1802).

1952

С. **196** *...я знаю из вещей Баадера...* — вероятно, речь идет о труде Ф. К. фон Баадера «Начала познания» (1822–1825).

1954

С. **201** *...guatenum...* — насколько, поскольку (лат.); Друскин ссылается на «Этику» (1661–1675) Б. Спинозы.

Фарисей, искренно считавший себя добродетельным... — Друскин близко к тексту воспроизводит фрагмент книги Л. И. Шестова «Апофеоз беспочвенности (Опыт адогматического мышления)» (1905).

1956

С. **203** ...*неиндивидуальное бессмертие* — *Аверроэс* — невозможно утверждать, о каких именно из многочисленных сочинений Аверроэса пишет Друскин.

...*каиниты, искариотцы...* — Друскин перечисляет разнообразные, в том числе гностические, секты.

С. **204** *Перечел Лёнины «Разговоры»...* — см.: Липавский. С. 323–446.

...*tabula rasa...* — чистая доска (лат.); понятие, извлеченное из трудов Аристотеля и впоследствии широко использовавшееся в разных аспектах.

С. **205** ...*и врожденные идеи Лейбница* — имеется в виду труд Лейбница «Новые опыты о человеческом разумении» (1704).

1957

С. **207** *Фихте: догматик сердится...* — Друскин резюмирует рассуждения И. Г. Фихте о догматике и идеалисте в его книге «Первое введение в наукознание» (1797). В архиве сохранились более двухсот листов конспектов работ Фихте с обширными комментариями Друскина (РНБ. Опись 2. № 457–460).

Об этом же у Д. И. в «Четырех иллюстрациях» — речь о дискредитирующей разнообразные формы заносчивости миниатюре Хармса «Четыре иллюстрации того, как новая идея огорашивает человека, к ней не подготовленного» (1933; Хармс. Том 2. С. 342).

...*христианство — рабья религия* — Друскин так интерпретирует утверждение Ф. Ницше в его сочинении «Генеалогия морали» (1887).

1958

С. **208** ...«*Перед Принадлежностями чего-либо*» — см. примеч. к с. 40.

Я понял Вечного Жида — Вечный Жид, или Агасфер, — легендарный персонаж, за пренебрежение просьбой Христа об отдыхе в процессе его крестного пути обреченный на скитание до второго пришествия Христа.

...*μακάρ...* — блаженный (греч.).

Liberté, égalité, fraternité... — свобода, равенство, братство (франц.); национальный девиз Франции, сформулированный во время Великой французской революции (1789–1799).

...*шигалева* — персонаж романа Ф. М. Достоевского «Бесы» (1871–1872) Шигалев создал теорию «земного рая», в котором одна

десятая часть человечества получит деспотическую свободу над остальными девятью десятыми частями.

С. **209** ...Смердяков — персонаж романа Достоевского «Братья Карамазовы» (1878–1880). В архиве Друскина есть небольшая заметка о Смердякове и других персонажах этого романа: «Фёдор Павлович виноват сам в своем грехе, вина полностью на нем, но Свидригайлов и особенно Смердяков они грешны не меньше, и в то же время не виноваты, они прокляты, особенно Смердяков, с самого рождения. О Дост[оевском] говорят — жестокий талант. Самая большая его жестокость — Смердяков. От него все отвернулись, даже Алеша не находит для него ни одного хорошего слова. Но ведь он — сын юродивой и в то же время сын Смердящей. Достоевский нашел даже для Фёд[ора] Павловича неск[олько] хороших слов (старец Зосима, отношение Ф. П. к Алеше), а для Смердякова — ни одного. Христос не погнушался бы и сына Смердящей, Дост[оевский] погнушался. Это не возражение Достоевскому, а противоречие жизни. А может, и возражение» (РНБ. Описание 2. № 318).

...в «Смене всех»... — сборник публицистических и философских статей (Прага, 1921), примирительных по отношению к большевистской революции.

С. **211** ...я совершил критику разума... — см.: Липавский. С. 340.

Блок о Канте: хитрейший из мистиков — Друскин по-своему воспроизводит слова Блока о Канте в его статье «Крушение гуманизма» (1919).

С. **212** ...*Kunst der Fuge* — искусство фуги (нем.) — сборник Баха из четырнадцати фуг и четырех канонов (1742–1749).

С. **213** К двум (по Швейцеру) источникам эстетического действия... — речь о работе А. Швейцера «Культура и этика» (1923).

«Орфей в аду» Р. Мейера... — не удалось идентифицировать автора.

1959

С. **214** ...интендирует... — то есть доносит смысл: проблема интендирования обсуждается, в частности, в лингвистике, в философии.

С. **215** ...это Спиноза: *quatenum*, модусы — см. примеч. к с. 201.

С. **216** ...Я осужден на смерть и позван в суд загробный... — из стихотворения Пушкина «Странник» (1835).

А Джеймс добавляет... — речь о книге У. Джеймса «Многообразие религиозного опыта» (1902).

1960

С. **219** ...aus einem Guß... — цельная (нем.).

...«Дамбартон Окс»... — точнее: «Дамбартон-Оукс» — концерт И. Ф. Стравинского для камерного оркестра (1937–1938); Друскин иронизирует по поводу наименования произведения Стравинского в честь одноименного поместья, в котором ему был сделан заказ на это произведение (хозяева праздновали тридцатилетие своей свадьбы).

Третий удар: Орф... — имеется в виду кантата К. Орфа «Кармина Бурана» (1935–1936).

...«*Canticum sacrum*»... — произведение Стравинского «Священное песнопение во имя святого Марка» (1956).

...«Священную песнь св. Марку» — см. примеч. к с. 219.

С. **220** ...«Бабушкины сказки» — цикл из четырех камерных пьес для фортепиано С. С. Прокофьева «Сказки старой бабушки» (1918).

...истина есть критерий себя самой — см. примеч. к с. 219.

...«Я есть истина и путь и жизнь» — Ин 14:6.

«Бог избрал безумное мира, чтобы посрамить мудрых» — 1 Кор. 1:27.

В Томосе Льва... — речь о послании папы римского Льва I к константинопольскому патриарху Флавиану (449).

С. **221** ...«Моисей и Аарон» — неоконченная опера А. Шёнберга «Моисей и Аарон» (1930–1932).

...в «Современном псалме» — неоконченное произведение (1950) Шёнберга для чтеца, хора и оркестра.

...*Trotzdem bitte ich Wunder und Gnade und Gefühl Einigkeit mit Dir...* — «Несмотря на это, прошу чудес, милости и единения с Тобой» (нем.).

1963

С. **222** Как легкомыслен я был последнюю неделю до 16 — то есть до смерти мамы, случившейся 16 октября 1963 года.

С. **225** В 1935 г. 17 августа я записал: выпал год жизни — по прошествии года со дня смерти отца.

С. **227** Поэтому мне нужна Твоя помощь и второй знак — знак Фомы — так Друскин — здесь и множество раз впоследствии — интерпретирует историю, описанную в Ин. 20:26–28.

...Я Сущий — Исх. 3:14.

С. **229** ...я хочу, чтобы была боль, чтобы было жало в плоть — 2 Кор. 12:7.

С. **229** Кто любит отца или мать более, нежели Меня... — Мф. 10:37.

Кто не возненавидит отца своего и матери... — Лк. 14:26.

Не мир, но меч — Мф. 10, 34.

С. **231** ...ТФТ — Трактат Формула Творения (РНБ. Опись 2. № 206–208 и 340).

...на Серафимовском кладбище — здесь была похоронена мама.

...μετάνοια — переосмысление; раскаяние (греч.).

...но имел жизнь вечную — Ин. 3:16.

Лютер говорит: всякий человек во что-нибудь верит... — Друскин по-своему пересказывает идеи М. Лютера, высказывавшиеся им в проповедях, в частности, например, «О вере и приближении ко Христу».

С. 236 Он требовал к Себе, именно как к человеку... — Мф. 26:11.

1964

С. 238 Получил верстку своего перевода... — Швейцер А. Иоганн Себастьян Бах / пер. с нем. Я. С. Друскина, под ред. М. С. Друскина. Приложение: Я. С. Друскин. Хронограф жизни и творчества И. С. Баха. М.: Музыка, 1964.

С. 239 Афтун — молитва.

С. **240** ...как Женя — домработница.

С. **241** ...«Метаморфозах» у Кафки... — так Друскин называет повесть Ф. Кафки «Превращение» (1912).

...*Schuldbewußtsein*... — школьное (примитивное) сознание (нем.).

С. **242** ...Он приходит ко мне: жертва Богу сокрушенный дух и смиренного не отвергаешь Ты — Пс. 50:19.

...Я живу на высоте небес, в святилище и близ сокрушенного сердцем и смиренного духом, чтобы оживить дух смиренных — Пс. 57:15.

Он... — отец Друскина.

С. **245** ...как Ангелы небесные — Мф. 22:30.

С. **249** «К суду я не готов, и смерть меня страшит» — см. примеч. к с. 216.

Войди в радость Господина твоего — Мф. 25:21.

С. **250** Алеша Карамазов... — персонаж романа Достоевского «Братья Карамазовы» (1878–1880).

...«звездное небо над нами»... — цитата из работы Канта «Критика практического разума» (1788).

...*Naturreligion* — примитивное (анимизм) (нем.).

С. **255** ...Блажен муж... — из Аскетических наставлений Нила Синайского: «О молитве», пункт 122.

...не вера без дел мертва... — Иак. 2:26.

...*gratia gratis data* — даром данная благодать (лат.).

С. **256** ...не через тусклое стекло... — 1 Кор. 13:12.

С. **257** ...приклонить голову — см. примеч. к с. 53.

С. **258** ...раскаиваюсь на прахе и пепле — Иов. 42:56.

...*Bestehendes*... — существующего (нем.).

...Ты — *causa finalis* — *causa efficiens*, *causa finalis* — соответственно: производящая причина, целевая причина (лат.); из учения Аристотеля о причинах существования и изменения вещей: здесь названы две из четырех; см. также примеч. к с. 204.

С. **260** ...приблизилось Царствие Небесное — Мф. 3:2.

С. **262** ...читал Исаака Сирианина — Друскин пишет о «Подвижнических наставлениях преподобного Исаака Сирианина».

...читал статью Бультмана о Павле — невозможно утверждать, о какой именно работе Р. Бультмана, демифологизировавшего Новый Завет, пишет Друскин; возможно, это «Теология апостола Павла» (1925–1929) или «Новый Завет и мифология» (1941).

С. **263** ...не холодные, а теплые — Откр. 3:16.

...а имел жизнь вечную... — Ин. 3:16.

С. **264** ...например, Л, Р, П, Т... — см.: Дневники 2001. С. 46–47.

С. **266** ...в Шеоле — в иудаизме обитель мертвых, где не различаются праведники и грешники.

С. **274** ...приди и принеси дар твой... — Мф. 5:23–24.

С. **276** ...*tremendum*... — страх (лат.).

С. **278** *Слово 21* — см. примеч. к с. 262.

1965

С. **280** ...не женятся и не выходят замуж... — Мф. 22:30.

С. **281** ...прилог... — в православии: предлог, провокация ко греху.

С. **282** ...*concupiscentia*... — сильное желание, похоть (лат.).

...на Марсово поле... — речь о Мирре Б. Мейлах и ее муже Г. А. Орлове, живших по адресу: наб. реки Мойки, дом 1/7, кв. 39 — в угловом доме, выходящем фасадом на Марсово поле.

С. **283** ...я почувствовал страх смерти — см. примеч. к с. 61.

С. **284** ...о вырванном зубе... — произведение Введенского «Заболевание сифилисом, отрезанная нога, вырванный зуб» см.: Введенский. Всё. С. 207-208; это произведение обсуждалось друзьями: Липавский. С. 332.

С. **285** ...*servus indignus Dei sum*... — недостойный раб Божий (лат.).

...восстановить их... — имеются в виду М. Б. Мейлах и Г. А. Орлов (см. далее запись от 22 февраля).

«Мысль изреченная есть ложь»... — цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «Silentium!» (1830).

С. **286** ...имени Господа, Бога нашего... — Пс. 98.

Когда я месяц ожидал встречи с М. В[ойцеховским]... — примерно в это время Друскин написал религиозно-философское сочинение в форме письма Войцеховскому «Два оскорбления» (РНБ. Опись 2. № 226).

С. **287** ...Я и Отец одно... — Ин. 10:30.

...пелагианизм... — термин происходит от имени монаха и богослова Пелагия, утверждавшего свободу выбора человеком добра и зла (греха) без Божественной воли.

...открытый синергетизм... — догматическая теория, согласно которой человек сам должен содействовать своему исправлению.

...В. Гюго. Восставший раб... — возможно, Друскин имеет в виду роман Гюго «Бюг-Жаргаль» (1826).

С. **288** ...«Происхождение видов» Дарвина — по-видимому, в 1915 году Друскин мог читать книгу Ч. Дарвина «Происхождение видов» (1859) в русском издании 1897 года.

...о фаланстерах Фурье... — см. примеч. к с. 55.

С. **289** ...готовил и читал доклад о марксизме в семинаре у Лосского — см. «Хронику жизни и творчества Я. С. Друскина» в наст. изд., т. 1 (1920 год).

...«Соприсутствие» — эту работу см.: «Сборище друзей...» С. 689-692.

С. **290** 1932: Сон о Георге — см. примеч. к с. 12.

1962.12.1 — смерть Н. А. Друскиной.

...его хамское отношение к Вейтлингу... — вероятно, речь о конфликте К. Маркса с В. Вейтлингом по поводу первенства в публикации его произведений, произошедшем 30 марта 1846 года в Брюсселе на заседании Корреспондентского комитета; Маркс и в дальнейшем (в мае) продолжал третировать Вейтлинга.

Как Несторий, я... — архиепископ Несторий проповедовал о двух неслиянных (параллельных) ипостасях Иисуса Христа.

Как гностик-либертинец, я... — Друскин иронически применяет к себе проповедовавшееся гностиками отрицание общепризнанных моральных норм, в частности в области сексуальных отношений.

Как монофизит-докет, я... — докетизм — еретическое христианское учение, отрицавшее вочеловечение Иисуса Христа; монофизиты признавали в Иисусе Христе лишь одну природу; таким образом, как и в предыдущем высказывании, Друскин иронизирует над своим актуальным состоянием.

С. 291 *Langeweile...* — скука (нем.).

...керигму Бультмана... — керигмой (провозглашением, проповедью) Друскин иронически называет сочинения Бультмана; см. примеч. к с. 262.

Сервет кричал... — М. Сервет был сожжен в 1553 году по доносу инквизиции Ж. Кальвина, из-за его несогласий с религиозными взглядами Сервета.

...убить другого — впервые подобные идеи Фрейд высказал в работе «Влечения и их судьба» (1915); о Фрейде писал Липавский в работе «О телесном сочетании», и о нем рассуждали друзья в 1933–1934 годах (см. соответственно: Липавский. С. 156 и 387).

С. 293 *У Игн. Брянчанинова я прочел...* — речь о книге Игнатия Брянчанинова «Приношение современному монашеству» (1886).

...«опыты» Розанова... — так Друскин интерпретирует одну из записей Розанова в «Уединенном».

С. 294 *...Истина и Жизнь* — Ин. 14:6.

...и покаяние, и прощение... — см. фрагмент, завершающий работу Друскина «Душевный праздник» (наст. изд., т. 1 (с. 21–24)).

...с Ноем и его потомками... — см.: Быт. 9:11–13.

С. 296 *...Sein zum Tode...* — бытие к смерти (нем.), одно из ключевых понятий философии М. Хайдегера, концепция которого изложена им в книге «Бытие и время» (1927).

С. 297 *...блаженны алчущие и жаждущие правды* — Мф. 5:6.

...искание истины предпочитает самой истине — эту общераспространенную интерпретацию мнения Г. Э. Лессинга Друскин мог почерпнуть в разных источниках (например, у Ф. Ницше).

...Innerlichkeit... — внутренняя сущность, душевность (нем.).

С. 298 *...когда придет Хозяин дома* — Мф. 24:42.

С. 299 *...мое призвание Тобою в 1911 г. ...* — см. примеч. к с. 61.

...М. Ш[емякин] — М. М. Шемякин — автор серии фотопортретов Друскина и скульптурной группы «Диалог Платона с Сократом» (1999, Нью-Йорк, Университет Хофстра), в центре которой, на свитке, среди имен выдающихся философов Шемякин воспроизвел имя Друскина; по воспоминаниям Шемякина «<...> Яков Семёнович Друскин поражал бездонными водоемами своих знаний и памяти. В наших вечерних беседах всплывали ошеломляющие переплетения библейских откровений с научными и математическими открытиями, которые выстраивались в четкий логический строй его философии. Фигурой и лицом он походил на средневекового аскетического монаха. Тонкие кисти бледных рук, седой венчик волос обрамляет лысоватую голову, глаза святого или пророка — большие, всевидящие и всё понимающие. Образ Якова Семёновича был настолько впечатляющим, что я решил сделать серию его фотопортретов, на что получил согласие, и, кажется, мне удалось в некоторых из них уловить и запечатлеть его образ» (Шемякин М. Философствующий чинарь // М. М. Шемякин. Моя жизнь: до изгнания. М., 2023. С. 610). См. также интервью Шемякина, в котором он называет Друскина вторым «главным человеком» своей жизни (Михаил Шемякин: Фантастика реальности. Интервью, беседы, статьи о жизни и творчестве. Нальчик, 2008. С. 78).

...Ты убрал основание моей лестницы Иакова — имеется в виду смерть матери.

С. 300 ...и привел с собой 7 злейших бесов — аллюзия на сюжет об изгнании Иисусом Христом из Марии Магдалины семи бесов (Лк. 8:22; Мк. 16:9).

С. 302 ...Ал[ександров] — см. далее примеч. к с. 479.

С. 303 ...не есть Бог мертвых, но живых — Мф. 22:32.

С. 304 ...грех стоит у дверей; он стремится к тебе... — Быт 4:7.

С. 305 ...доказательство бытия Бога... — возможно, Друскин имеет в виду утверждение Канта в «Критике чистого разума» невозможности рационального доказательства бытия Бога.

С. 306 Вы всё еще спите и поживаете... — Мф. 26:45.

С. 309 ...а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову — Мф. 8:20.

С. 310 ...Мы безумны Христа ради — 1 Кор. 1:25, 27; 3:19; 4:10.

С. 311 ...лучше бы ему не родиться — Мф. 18:7.

Антоний Великий сказал... — учение Антония Великого известно главным образом из сочинения Афанасия Александрийского («Жизнь Антония» (ок. 365)).

С. 312 ...грех лежит у дверей, он стремится к тебе — Быт. 4:7.

С. 315 ...«О воскресении из мертвых»... — см. наст. изд., т. 1 (с. 191–211).

...Allwirksamkeit Gottes — всемогущество Бога (нем.).

С. **317** ...Карл Барт — эросом — Друскин интерпретирует один из постулатов, изложенных К. Бартом в его многотомной «Церковной догматике».

С. **318** ...*mysterium tremendum* — непостижимая (устрашающая) тайна (лат.).

...возможно для Бога — Лк. 18:27.

Ставрогин — персонаж романа Достоевского «Бесы» (1871–1872).

...«Молись, товарищ, вечному ничто»... — источник цитаты не обнаружен.

С. **319** ...*ustus peccator*... — правильно: *justus et peccator* — Друскин воспроизводит формулировку, высказанную Лютером в одной из проповедей, означающую одновременность праведности и греховности (лат.).

...временем утешение... — из «Подвижнических наставлений Исаака Сирианянина».

1966

С. **320** ...сам дьявол в форме ничто... — так называется работа Друскина (правильно: «...в виде...», написанная в 1966 году (см.: Лестница Иакова. С. 360–367).

С. **321** ...мой грех, как ребе Суссия... — Друскин, вероятно, воспроизводит одну из многочисленных изустных историй из жизни хасидского цадика Суссии или записей бесед с ним.

С. **323** ...почему Аполлон не любит людей... — в книге Шестова «Апофеоз беспочвенности» (см. примеч. к с. 201).

С. **324** ...как лапласовский идеальный ум... — об этом П.-С. Лаплас писал в «Философском эссе о вероятностях» (1814).

С. **325** ...М. [Мейлах]... — в 1963 году студент Университета М. Б. Мейлах по рекомендации музыковедов Г. А. Орлова (тогда мужа сестры Мейлаха) и М. С. Друскина был представлен Я. С. Друскину в качестве перспективного исследователя хранящихся у Друскина архивов Хармса и Введенского. В этом качестве он присоединился к А. А. Александрову (см. далее), уже занимавшемуся разбором названных архивов.

...хоть бы умер кто из знакомых — источник цитаты не обнаружен.

...искра Шехины... — от евр. «пребывающий», то есть имманентное присутствие в мире трансцендентного Бога; выписки Друскина на тему «Шехина» из разных книг Ветхого Завета см.: РНБ. Опись 2. № 473.

С. **326** ...Я есмь вечная жизнь — Ин. 11:25.

С. **327** ...*causa efficiens*, и *formalis*, и *materialis* — соответственно: причина целевая, причина производящая, формальная, материальная (лат.); из учения Аристотеля о причинах существования и изменения вещей (см. также примеч. к с. 258).

...если Ты со мною — Пс. 77:25.

...сны Ивана Фёдоровича Шпоньки... — из повести Гоголя «Иван Фёдорович Шпонька и его тетушка» (1831).

...ад Свидригайлова — персонаж романа Достоевского «Преступление и наказание» (1865–1866).

...Дориан Грей... — персонаж романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» (1890).

...в такие годы и такой позор — источник фразы не установлен.

С. 328 ...*actus forensis* — в прямом значении: судебный акт (лат.).

...в Лёниных «Разговорах»... — см.: Липавский. С. 323–446.

...*eigentliche Existenz / uneigentlicher Existenz* — соответственно: реальное, неаутентичное (нем.); по-видимому, аллюзия на философию Хайдеггера.

С. 330 ...но может быть и истинным — речь об исследовании К. Холлом жизни и трудов Симеона Нового Богослова.

...В ноздрях жизнь его — Ис. 2:22.

С. 331 ...*Schwermut*... — уныние (нем.); аллюзия на книгу С. Кьеркегора «Болезнь к смерти» (1849).

...*Aneignung, Existenzmitteilung, я — на Existenzlehre*... — соответственно: присвоение, экзистенциальное откровение, экзистенциальное учение. Ссылаясь здесь на Кьеркегора, Друскин, возможно, имеет в виду, в частности, его работу «Заключительное ненаучное послесловие к „Философским крохам“» (1846). В архиве Друскина сохранился корпус конспектов многочисленных работ Кьеркегора (РНБ. Опись 2. № 180 и — частично — 315; все наименования работ — по-немецки), которые, как обычно у Друскина, трансформируются в расширенные комментарии.

...не *Wiederholung, а Erinnerung, и от этого — Verzweiflung*... — соответственно: повторение, воспоминание, отчаяние (нем.); Друскин отсылает к книге Кьеркегора «Повторение» (1943).

С. 333 ...на выставку М. Ш[емякина] — в архиве Друскина сохранилось официальное Приглашение Друскина на выставку графики Шемякина в помещении редакции журнала «Звезда» (РНБ. Опись 2. № 586).

С. 334 17.VIII.34 г. ... — см. примеч. к с. 225.

...чтобы видящие стали слепы — Ин. 9:39.

1967

С. 336 ...стали известны и правильно поняты... — Друскин имеет в виду предоставление Мейлаху (и Александрову) возможности работать с сохраненными им архивами, разрешение писать о них научные статьи и их публиковать; в процессе этих занятий Друскин систематически

беседовал с названными исследователями, комментируя произведения Введенского и Хармса и сообщая важные сведения об их жизни.

С. **338** *Alleinwirksamkeit Gottes...* — здесь: Бог — единственная сила (нем.).

...написана на чинарном... — с середины 1920-х годов Хармс и Введенский включали в подпись под своими произведениями слово «чинарь»; в качестве «чинарей» они презентовали себя до организации ими с друзьями Объединения реального искусства (ОБЭРИУ), которое прекратило деятельность в 1930 году; сохранившиеся на много лет впредь дружеские, творческие и интеллектуальные связи Липавского, Хармса, Введенского, Олейникова и Друскина последний считал уместным именовать «чинарскими», и так он интерпретировал в том числе язык их (и своих) сочинений; в течение 1970-х годов Друскин написал несколько вариантов воспоминаний под заглавием «Чинари» (ни один не окончен), где подробно описал историю знакомства, дружбы и интеллектуальных связей всех поименованных друзей.

С. **341** *По Фрейду, человек забывает то...* — речь о работе Фрейда «Вытеснение» (1915).

...по Бергсону, человек вспоминает то... — в работе Бергсона «Материя и память» (1896).

С. **341** *...естественная психотерапия* — К. Г. Юнг писал об этом в книге «Психология и религия» (1937).

С. **342** *...в книге о Моисее...* — речь о книге Фрейда «Человек Моисей и монотеистическая религия» (1939).

...biederschaftliche... — простодушное (нем.).

С. **343** *...а веры у него нет* — в первом случае речь идет о высказывании Гоголя в письме от 11 февраля 1847 года С. П. Шевырëву: «<...> что же касается до *католичества* [здесь и далее курсив автора], то скажу тебе, что я пришел ко Христу скорее *протестантским*, чем *католическим*, путем»; по поводу второго высказывания Гоголя см. примеч. к с. 61.

Не отец Матвей погубил его... — о пагубном влиянии на Гоголя его духовника о. Матвея (в том числе наложении на Гоголя аскетических обетов) писали многие исследователи.

...Denkprojekt... — запланированное мероприятие (нем.); Друскин здесь и далее так называет комплекс работ Кьеркегора.

...baptisma — иудейский обряд... — вероятно, Друскин ошибается: то, что он называет «водным крещением» и иудейским обрядом, является у христиан троекратным погружением в воду; у иудеев такого обряда нет: ритуальное окупание (очищение) в бассейн, микву, в иудаизме называется твилей; только в этом отношении баптизму можно сопоставить с твилей. Друскин составил небольшую записку под заглавием «Баптизма» со ссылками на Мф. 3:11, Лк. 9:23 и Лк. 12: 49–50 и таким комментарием: «Я очень люблю изречение Христа Лк. 12:49–50, и хотя читаю Евангелие уже 50 лет, но впервые обратил внимание, что

baptisma, помимо двух обычных значений — омовение и крещение, в Лк. 12:50 имеет еще третье значение σταυρός, т. е. распятие и образованный от него глагол. По смыслу здесь Христос говорит о своей смерти, ведь у Иоанна Он уже крестился» (РНБ. Опись 2. № 486).

...schlechte Wasser... — плохая (бедная) вода (нем.).

...так надлежит нам исполнить всякую правду — Мф. 3:15.

С. **344** *...Suggestion* — внушение, воображение (англ.).

С. **346** *Selbstgerechtigkeit...* — самомнение (нем.).

...продает всё, что имеет, и покупает поле то — Мф. 13:44.

С. **347** *...бойся, как бы не упасть* — 1 Кор. 10:12.

...Test[imonium] Sanctus Spiriti, Ganz Anderes — Свидетельство Святого Духа, Совсем Другое (лат.).

С. **348** *...говорит апостол Павел* — 2 Кор. 10:12.

...змии, говорит Христос — Мф. 10:16.

...Leidenschaft, Leidenschaft es Leidens, leidenschaftliches Leiden — страсть, страсть страдания, страстное страдание (нем.).

...апостол Павел — 1 Кор. 1:23.

С. **353** *...уже прелюбодействовал с ней в душе своей...* — Мф. 5:28.

С. **355** *...и следуй за Мною, взяв крест* — Мф. 19:16-21; 16:24.

С. **356** *...отхожу с печалью* — Мф. 19:22.

Docta ignorantia Николая Кузанского — имеется в виду книга Николая Кузанского «De docta ignorantia» («Об ученом невежестве», 1440; лат.)

...фасцинируют — в данном контексте значение: завораживают.

С. **358** *...coincidentia oppositorum...* — совпадение противоположностей (лат.).

...ТНЗ... — сокращенное заглавие трактата Друскина «Теория нормальной законности философской системы»; в архиве Друскина (РНБ. Опись 2. № 130) под таким заглавием следуют многочисленные выписки из трудов разных философов с его комментариями.

...modus ponendo tollens и tollendo ponens... — термины средневековой логики; соответственно: модус утверждающе-отрицающий и отрицающе-утверждающий.

С. **359** *...leidenschaftliches Wollen...* — страстное желание (нем.).

...Selbstheit... — самость (нем.).

С. **361** *...Я есмь путь и истина и жизнь* — Ин. 14:6.

...мир был бы пустым и мертвым — Друскин интерпретирует идеи Г. Марсея, высказывавшиеся им в разных работах, в том числе, например: «Присутствие и бессмертие» (1935).

С. **362** *...последовать примеру Оригена* — о браке как союзе плотском и духовном Ориген писал во многих сочинениях, в частности в трактате «О началах» (220-230).

...когда возражал Гегелю и его Meditierung — полемика с Гегелем содержится в нескольких работах Кьеркегора.

Епископ Феофан сравнивает смену утешения искушением... — об этом Друскин мог читать в изданиях трудов Феофана Затворника,

например в «Святоотеческих наставлениях о молитве и трезвении или внимании в сердце к Богу и истолковании молитвы господней словам святых отцев» (1881) или в его «Собрании писем» (1898-1901).

С. **363** ...серия... — ряд двенадцати звуков разной высоты.

С. **364** ...она искореняет из души его все страсти — почерпнуто из «Наставлений о жизни во Христе» Антония Великого.

С. **365** ...«Наукоучение»... — речь о цикле работ Фихте, начало которому положила работа «Основа общего наукоучения» (1794).

С. **368** ...лисицы имеют норы и птицы небесные гнезда... — ср.: Мф. 8:20.

С. **370** ...если Сын освободит вас, то вы истинно свободны... — Ин. 8:36.

С. **372** ...стеклянным кораблем... — Друскин вспоминал, что в раннем детстве мечтал о стеклянном корабле, находясь внутри которого он, никому не доступный, наблюдал бы за окружающим миром.

С. **373** ...«Взгляд», «Три искушения Христа в пустыне»... — две названные работы см. в книге «Лестница Иакова», с. соответственно: 378-391 и 269-291.

С. **375** ...«Веру, которая не верит» — см.: Лестница Иакова. С. 337-345.

С. **376** ...вы ненарод, нелюди — ср.: Осия 1:9.

С. **378** ...как это было и у Сузо... — речь о «Великой книге писем» Г. Сузо.

С. **380** ...*Selbstgefälligkeit* — самодовольство, самонадеянность (нем.).

С. **381** ...у Д. И. — «Старуха» — повесть (1939) Хармса (Хармс. Т. 2. С. 161-188).

...уважай бедность языка, уважай нищие мысли... — из произведения Введенского «Некоторое количество разговоров (или начисто переделанный темник» (1936-1937)) (см.: Всё. С. 222-240).

С. **382** Его Симфония для духовых... — правильно: «Симфонии духовых инструментов» (1920).

Августин говорил... — Друскин пересказывает положения, высказывавшиеся Аврелием Августином в разных трактатах, в том числе, например, в: «О благодати и свободном решении» (426-427) или в: «О свободной воле» (388-395).

С. **383** У Ф. Студита я прочел... — «Слово 146 По случаю землетрясения» в кн.: «Наставления святого отца преподобного Фёдора Студита».

С. **384** ...*causa cognoscendi*... — основание (причина) познания (лат.).

...*causa essendi* — причина существования (лат.).

С. **386** ...за каждое праздное слово ответите на Страшном суде — Мф. 12:36.

Им не надо запоминать... — Гал. 4:2-4.

...как у Фёдорова... — речь об одной из идей философа Н. Ф. Фёдорова о «всеобщем воскрешении предков» (см.: *Фёдоров Н. Философия общего дела*; первое изд. — посмертное: 1906).

С. **387** ...«Назначение человека» и «Ясное, как солнце...» — названные работы Фихте написаны, соответственно, в 1800 и 1801 годах.

...*quatenus*... — поскольку (лат.); Спиноза во многих работах использовал это наречие в значении определенного аспекта обсуждаемого им объекта.

...*nus poeticos* — ум творящий (греч.).

Кронекер сказал... — ставшее популярным высказывание Л. Кронекера в 1886 году на берлинском съезде математиков.

С. **388** *S. D. G.* — (*Soli Dei Gloria*) — Единому Богу Слава (лат.).

...*Nichtigkeit*... — ничтожность (нем.).

С. **392** ...рука Божия остановила меня — см. примеч. к с. 209.

С. **393** Бердяев упрекает Хомякова... — Бердяев неоднократно писал о Хомякове, в том числе о его «страхе католического магизма», например, в книге «А. С. Хомяков» (1912).

С. **395** ...не введи меня в искушение, но избави от лукавого — Мф. 6:13.

...*noli me tangere*... — не прикасайся ко мне (лат.); ср. Ин. 20:11-17.

С. **397** ...макаризмы... — от μακάριος: блаженства (др. — греч.), заповеди Иисуса Христа, произнесенные им во время Нагорной проповеди.

...к суду я не готов и смерть меня страшит... — из стихотворения Пушкина «Странник» (1835).

С. **398** ...встречи с Х [Г. Викторовой]... — интенсивную и содержательную переписку Друскина с вдовой Введенского Г. Б. Викторовой (с ней он встречался и в Ленинграде) см.: *Викторов Б. Александр Введенский и мир, или «Плечо надо связывать с четыре»*. Харьков, 2009. С. 161-165; 168-170; 172-174; 178-182.

С. **399** ...*Phylosophie Als Ob* — наименование работы Г. Вайхингера (у Друскина: Файхингер), написанной в 1911 году.

С. **400** Каждый человек есть ложь... — см.: Пс. 115:2; Рим. 3:4.

С. **400** ...в статье о Гоголе — см. книгу Д. С. Мережковского «Гоголь и черт» (1906).

...Новая вера... — Речь о книге Д. Ф. Штрауса «Жизнь Иисуса» (1835).

С. **403** ...*Entscheidung*... — решение (нем.).

Исаак Сирианин говорит... — Слово 88 из «Подвижнических наставлений преподобного Исаака Сирианина».

Нил Сорский... — имеется ввиду «Устав о жительстве скитском» Нила Сорского.

С. **405** ...эпопею Белого «Я»... — речь о книге А. Белого «Записки чудака» (1922).

...Гершензон напомнил... — Друскин называет темы, о которых М. А. Гершензон неоднократно писал в своих статьях, в том числе в сборнике «Исторические записки» (1910, 1923).

С. **406** *...apeiron...* — бесконечное, беспредельное (греч.); понятие, введенное Анаксимандром.

Творение из ничто... — см. работу Друскина «О творении мира»: Лестница Иакова. С. 419–422.

С. **407** *Шпет сказал...* — речь о книге Шпета «Сознание и его собственник» (1914).

Исполняя же повеленное вам... — Лк. 17:20.

С. **408** *Христос же говорит...* — Мф. 16:26.

С. **409** *...«Явь»...* — Друскин намеревался под заглавием «Сон и явь» собрать книгу из нескольких своих работ; это намерение он не осуществил. Вместе с тем в архиве Друскина сохранились под тем же заглавием разрозненные фрагменты интерпретаций своих снов (РНБ. Опись 2. № 437).

С. **410** *...Кеносис* — божественное самоуничтожение Иисуса Христа через вочеловечение.

Митя Карамазов... — персонаж романа Достоевского «Братья Карамазовы» (1878–1880).

С. **411** *...Я уже не называю вас рабами...* — Ин. 15:15.

С. **412** *...в сейчас моей души* — наименование работы Друскина: РНБ. Опись 2. № 426 и 205.

С. **413** *...как говорит Лютер?* — впервые о двух царствах — небесном и земном — Лютер написал в трактате «О светской власти и обязательствах по отношению к ней» (1523).

С. **415** *Но Лютер бросил в черта чернильницу...* — популярная легенда о событии, якобы произошедшем в 1521–1522 годах.

С. **419** *...ибо как молния исходит от востока...* — Мф. 24:27.

Вернулся бес и привел с собою... — см. примеч. к с. 300.

С. **420** *Баратынский...* — Друскин близко к тексту приводит первую строфу стихотворения Баратынского «Предрассудок! Он обломок...» (1841).

Леви-Брюль... — см. книгу Леви-Брюля «Первобытное мышление» (1922).

С. **424** *В «Разговорах» он сам сказал...* — см.: Липавский. С. 367.

1968

С. **425** *...Dasein...* — вот (здесь) бытие (существование) (нем.) — одно из понятий философии Хайдеггера.

С. **426** *...молитва Ефрема Сирина...* — приписываемая Ефрему Сирину покаянная молитва (см. также примеч. к с. 375).

В «Скучной истории»... — повесть А. П. Чехова «Скучная история» (1889).

...если различать ноззу и нозму переживания... — нозза и нозма соответственно: мышление и мысль (= акт и предмет); парные термины, введенные в 1913 году Э. Гуссерлем.

С. **431** ...*sub specie aeternitatis*... — с точки зрения вечности (лат.).

С. **433** ...*mea magna culpa* — моя большая вина (лат.).

С. **434** ...*рака́*... — глупый, несмысленный.

С. **435** ...*Марина*... — Малич.

...*coincidentia oppositorum* — совпадение противоположностей (лат.); постулат философии Николая Кузанского, выраженный им во многих трудах, в частности, например, в «Об ученом незнании» (1440).

С. **436** ...из Мги... — городской поселок в пятидесяти километрах от тогдашнего Ленинграда.

...*звезда бессмыслицы* — см. соответствующую работу Друскина в наст. изд., том 1 (с. 414–507).

С. **437** ...не судите, да не судимы будете... — Мф. 7:1.

Н. Ф. — по-видимому, Друскин ассоциирует какую-то свою житейскую ситуацию с персонажем романа Достоевского «Идиот» (1867–1869) Настасьей Филипповной Барашковой.

С. **438** ...и волос не упадет с головы моей без воли Бога... — Мф. 10:29.

С. **441** И в «Дворянском гнезде»... — Друскин по-своему воспроизводит фрагмент фразы одного из персонажей романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» (1856–1858).

С. **444** ...Иван Карамазов... — имеются в виду слова Ивана Карамазова брату о «почтительнейшем» возвращении Богу своего билета в мир (роман «Братья Карамазовы», глава «Бунт»).

Т. о «Куприянове и Наташе»... — произведение Введенского (см.: Введенский. Всё).

...Кабл. — Мария — Архитектор? — Каблуков, Мария — персонажи произведения Хармса «Архитектор» (Хармс. Т. 1. С. 231–233).

...Кавалеров... — персонаж романа Ю. Олеши «Зависть» (1927).

...интеллигентная форма потерянности... — автоцитата Друскина из его письма Т. А. Липавской лета 1936 года (см. наст. изд.).

Апостол Павел сказал... — Рим. 3:4

С. **445** С 16.X.63... — см. примеч. к с. 222.

С. **446** ...Спинозово определение ревности... — имеются в виду рассуждения Спинозы о соединении любви с ревностью в работе «Этика» (1661–1675).

...спишь сном праведника? — см.: Притч. 3:24.

С. **447** Вергилий вел Данте... — в «Божественной комедии» (1308–1321) Данте.

...Пухолово... — деревня в Ленинградской области, примерно в пятидесяти километрах от города; см. работу Друскина «Исповедь»,

неудавшаяся, как и моя жизнь и мои писания» (наст. изд., т. 1 (с. 508–523)).

...*Verborgenheit*, а здесь — *Unverborgenheit*... — соответственно: защищенность, незащищенность (нем.); аллюзия на термин Хайдеггера «сокрытость».

С. 448 ...страшно впасть в руки Бога живого... — Евр. 10:31.

...*schaudern*... — ужас, содрогание (нем.).

Фома Кемпийский сказал... — Друскин по-своему пересказывает суждение Фомы Кемпийского из его трактата «О подражании Христу» (1427 или 1417).

С. 449 ...слова Исаака Сирианина... — из «Подвижнических наставлений преподобного Исаака Сирианина».

С. 450 ...вся наша переписка с 1930-го года... — см. в разделе «Письма» в наст. томе.

С. 451 ...*profanum* и именно «как все», а настоящая соборность — *sacrum*... — *profanum*, *sacrum* — соответственно: мирской, священный (лат.).

Я хотел вместе радоваться и вместе... — Вт. 28:58.

С. 452 ...*Testimonium S. Spiriti*... — правильно: *Testimonium Spiritus Sancti Internum* — внутреннее доказательство Святого Духа (лат.).

С. 453 ...*Кр[итерий]* ... — так Друскин обозначает один из вариантов своей работы «Исследование о критерии» (см. примеч. к с. 40).

С. 454 ...праведный жив верой... — Рим. 1:17.

...«Взгляд», «*Noli me tangere*», «Три искушения», наконец, «Видение» — см. соответственно: Лестница Иакова. С. 378–391; 309–313; 269–291; наст. изд., т. 1.

С. 455 ...*sachlich* — объективно (нем.).

С. 456 По существу, его уже нет... — над двумя последними словами Друскин надписал: «не точно».

С. 459 ...*RGG*... — *Religion in Geschichte und Gegenwart: Lexikon* — религия в прошлом и настоящем (нем.).

«Архиерей», «Дуэль»... — имеются в виду произведения Чехова: рассказ «Архиерей» (1902) и повесть «Дуэль» (1891).

С. 461 Как сказал апостол Павел... — Рим. 7:15–16.

С. 462 В «Разговорах» В. сказал... — «Это стихотворение, в отличие от других, я писал долго, три дня, обдумывая каждое слово» — высказывание Введенского о своем произведении «Мне жалко, что я не зверь...» (1933–1934; см.: Введенский. Всё) в: Липавский. С. 477.

...сказал Пушкин... — из стихотворения Пушкина «Поэту» (1830).

С. 465 ...это определяется словами... — Гал. 2:20.

С. 470 ...«Взгляде»... — см.: Лестница Иакова. С. 378–391.

Я повторял за апостолом Павлом... — см.: Гал. 6:14.

...пртр... — так Друскин обозначал некие телесные ощущения.

С. 471 *...не только для тебя, но для других?* — судя по одной из заметок Липавской на рукописи Друскина, она уничтожила свои «записи».

...Existenzmitteilung... — откровение (нем.).

...Так говорит Всевышний, Святой... — ср.: Ис. 57:15.

С. 473 *...я подумал...* — слова Пимена, персонажа драмы Пушкина «Борис Годунов» (1825).

...«Бухту Барахту»... — неизвестное сочинение Липавской.

С. 474 *...в пустом смущении чувства прячем* — цитата из «Элегии» Введенского (это и выше названные произведения см.: Введенский. Всё).

29 декабря... — Друскин повторяет дату предыдущей записи.

1969

С. 476 *...X₂ ...* — здесь и ниже многоточием отмечено зачеркнутое Т. Липавской.

С. 477 *На обоях человек, а на блюдечке четверг...* — цитата из произведения Введенского «Мир» (1931-1933; см.: Введенский. Всё).

С. 478 *...Wesensschau...* — созерцание (усмотрение) сущности (нем.); ключевое понятие феноменологии Гуссерля, сформулированное в работе «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» (1913).

С. 479 *...Ал[ександров]...* — В 1963 году тогдашний аспирант Института русской литературы (Пушкинский Дом) А. А. Александров одновременно с Мейлахом (см. примеч. к с. 325) был допущен Друскиным к изучению сохранявшихся им архивов Введенского и Хармса; в 1965 году впервые опубликовал два «взрослых» произведения Хармса; с середины 1960-х годов вел систематические записи бесед с ним Друскина, посвящавшего Александрова в подробности биографий Введенского и Хармса, комментировавшего их произведения и посвящавшего слушателя в свои философские идеи (частично эти записи опубл.: Даниил Хармс глазами современников. С. 85-90; другие см. в наст. изд., т. 1).

...К. Барт... — вероятно, Друскин читал четырехтомный труд К. Барта «Церковная догматика» (1932-1967).

С. 481 *A. Besitztrieb.*

B. Sexualtrieb.

C. Machttrieb.

D. Selbstbestimmungstrieb — eigentliche Existenz — соответственно: инстинкт обладания, сексуальный инстинкт, инстинкт власти, инстинкт самоутверждения — подлинная экзистенция (нем.).

С. 482 *...Grundtrieb* — основной инстинкт (нем.).

...Selbstbestimmung, а именно в Nichtselbstbestimmung — соответственно: самоопределение, несамоопределение (нем.).

С. **483** *...Мы не знаем, о чем должно молиться...* — ср.: Рим. 8:26.

...Uneigentlichkeit meiner Existenz... — неподлинности моей экзистенции (нем.).

С. **484** *Kontinuität und Einheit des Lebens...* — непрерывность и единство жизни (нем.).

Hypotheses non fingo — гипотез не выдумываю (нем.): так сформулировал Ньютон в работе «Математические начала натуральной философии» (1687).

...Gegend... — одно из понятий работ Хайдеггера, означающее «свободный простор» (пространство).

С. **485** «*Наука доказала*»... — фрагмент стихотворения Олейникова «Таракан» (1934).

С. **486** *В ЭС...* — речь об одном из фрагментов записок Липавской (ею впоследствии уничтоженных).

С. **487** *...у Островского один купец говорит...* — см. примеч. к с. 325.

Глава из книги Померанца... — вероятно, Друскин прочитал диссертацию Г. Померанца «Некоторые течения восточного религиозного нигилизма», распространявшуюся в самиздате вследствие отмены ее защиты из-за того, что Померанц, в числе других лиц, подписал письмо в поддержку участников демонстрации 25 августа 1968 года на Красной площади, протестовавших против ввода советских войск в Чехословакию.

Omnis determinatio est negation — всякое определение есть отрицание (лат.); выражение, приписываемое Спинозе, впервые воспроизвел Якоби в «Письмах об учениях Спинозы» (1785).

...«Дама с собачкой»... — рассказ Чехова (1898).

С. **488** «*Мир*» Введенского я ощущаю... — см. примеч. к с. 477.

С. **490** *Чехов говорит...* — Друскин по-своему пересказывает фрагмент рассказа Чехова «Дочь коммерции советника» (1883).

С. **491** *...«Разговор»...* — имеется в виду произведение Введенского «Некоторое количество разговоров (или начисто переделанный темник)» (см.: Введенский. Всё. С. 222–240).

У Т. в Soliloquium... — один из фрагментов уничтоженных Липавской ее записок.

С. **492** *...«Галушки»...* — произведение Введенского, адресованное Липавскому (1925; см.: Введенский. Всё).

...в «Четырех стадиях понимания» — см.: Wiener Slawistischer Almanach. 1985. Bd. 15. S. 405–413.

25 марта... — одинаковые даты — свидетельства того, что Друскин вел записи одновременно в разных тетрадах.

С. **493** *...causa sui* — причина сама себе (лат.).

С. **494** *...«Пока не требует поэта»...* — Друскин перечисляет произведения Пушкина, соответственно: «Воспоминание» (см. примеч. к

с. 71), «Как с древа сорвался предатель ученик...» (см. примеч. к с. 119), «Пророк» (1826), «Отцы пустынноики...» («Молитва»; 1827), «Странник» (см. примеч. к с. 216), «Поэт» (1827).

С. 495 *Христос сказал...* — Мф. 5:7.

...возьмите иго Мое на себя... — Мф. 11:29-30.

С. 496 *...Ты думаешь, что стоишь?* — 1 Кор. 10:12.

С. 498 *...чистый сердцем тот, кто всех видит чистыми сердцем* — см. примеч. к с. 262.

Простится всякая хула... — Мф. 12:31.

С. 499 *...добру и злу внимая равнодушно* — из трагедии Пушкина «Борис Годунов» (1825).

Выготский говорит, что социальное... — Друскин имеет в виду утверждение Л. С. Выготского в главе «Искусство и жизнь» в его книге «Психология искусства» (1925; изд. 1965).

...теории Рутца — Сиверса... — О. Рутц первым написал о том, что действие искусства связано «с определенным типом установки маскулатуры», а Э. Сиверс распространил эту теорию на созерцание произведений пластических искусств (см. примеч. к с. 358).

С. 501 *...«некоего изверга»...* — 1 Кор. 15:8.

Дневник Е. Иванова... — речь о Дневнике Е. П. Иванова (1922), публикацию которого («Воспоминания и записи Евгения Иванова об Александре Блоке») Друскин читал в «Блоковском сборнике». 1. Тарту, 1964, с. 344-417.

...и «Воспоминания о Блоке» Павлович — воспоминания Н. А. Павлович Друскин читал там же (см. примеч. выше).

...я не люблю Его (Христа) — так Друскин интерпретирует, по-видимому, статью (доклад) Розанова «О Сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира» (1907).

Розанов... — Друскин по-своему пересказывает слова Розанова в книге «Темный лик. Метафизика христианства» (1911).

С. 502 *...М. Р. и I. Р. ...* — имеются в виду соответственно: «Страсти по Матфею» (1727) и «Страсти по Иоанну» (1724).

С. 503 *Белый пишет в дневнике...* — Друскин по-своему и иронически пересказывает фрагмент шестой главы книги А. Белого «Воспоминания о Блоке» (1923).

1970

С. 506 *...Gelassenheit...* — невозмутимость (нем.).

С. 507 *...«Практические постулаты»...* — так Друскин называет свою работу «Основы трансцендентального учения о практических постулатах чистого разума» (РНБ. Опись 2. № 58).

...*seiner eigen allgemeinen Gesetzgebung*... — собственному всеобщему законодательству (нем.).

С. **508** ...*liberum arbitium — servum liberum arbitium* — свобода воли — рабская свобода воли; см. работу Друскина «О рабской воле и абсолютной свободе человека» (Лестница Иакова. С. 187-202).

Будьте святы, как и Я свят... — 1 Пет. 1:16.

Будьте совершенны... — Мф. 5:48.

С. **509** *Нил Сорский*... — цитируемые слова принадлежат Нилу Синайскому и взяты из его «Слова о молитве».

С. **510** *Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят* — Мф. 5:8.

С. **511** *Душа, сильно опечаленная и сокрушенная...* — Друскин цитирует апокрифическую псевдоэпиграфическую так называемую Вторую книгу Сирийского Апокалипсиса Варуха.

...*fühllose Glaube*... — пустая вера (нем.); Друскин цитирует высказывание, вероятно, А. фон. Эттингена.

С. **512** *Хайдеггер*... — Друскин по-своему пересказывает суждение Хайдеггера в книге «Бытие и время» (1927).

Гуссерль говорит... — имеется в виду трактат Гуссерля «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. I» (1913).

...*οὐχ ὂν в μὴ ὂν*... — отрицание сущего; в не-сущем (греч.).

...*Nicht-Natur* — неестественное (нем.); см. примеч. ниже.

...*Über-Natur*... — сверхъестественное (нем.).

Wesensallgemeinheit. Но я не Allgemeinheit... — соответственно: общность сущности, сущность (нем.).

С. **513** *Wesenserkenntnisse und Tatsachenerkenntnisse* — познание сущности и познание факта (нем.).

Пушкин — см. примеч. к с. 121.

С. **514** *Я останавлиюсь...* — ср.: Мф. 8:26.

С. **515** *Deus sive natura* — Бог или природа (лат.).

...*solī natura* — только природа (лат.).

С. **517** ...«Видению» (1968.I) — о молитве... — см. наст. изд., т. 1 (с. 272-360).

С. **521** ...о Бахе... — Друскин работал над книгой «Риторичні прийоми в музиці J. С. Баха»; издана в следующем году.

...*К концу замедлять*... — Друскин записал на магнитофонную пленку соответствующее чтение Липавской нескольких произведений Введенского; в настоящее время запись находится в коллекции издательства «Вита Нова».

С. **522** ...*αὐτως* — таким же образом, точно так же (др. — греч.).

1971

С. **524** *Но и он не говорит это от себя*... — слова Кириллова — персонажа романа Достоевского «Бесы» (1871-1872).

С. **525** *Kant — Fries problem*... — проблема Канта — Фриза: Друскин имеет в виду один из аспектов полемики Я. Ф. Фриза с Кантом — в

отличие от Канта, утверждавшего недоступность идей чувственному, образному восприятию, Фриз полагал, что идеи открываются в вере; тетрадь с выписками Друскина на эту тему из разных источников с его комментариями см.: РНБ. Опись 2. № 505.

1972

С. **526** ...*Когда великое свершалось торжество...* — из стихотворения Пушкина «Мирская власть» (1836).

Д. Лихачёв, говоря об Аввакуме... — речь о книге Д. С. Лихачёва «Поэтика древнерусской литературы» (1958).

С. **527** Гадамер сказал... — один из постулатов трудов Х. Г. Гадамера; см.: «Истина и метод. Основы философской герменевтики» (1960).

С. **529** ...*в алеаторике...* — случайная последовательность элементов (музыкального) сочинения (от лат.: alea — жребий).

С. **530** ...«Из дома вышел человек» Хармса... — Хармс. Т. 3. С. 57.

...под «Сурка»... — песня Бетховена на стихи Гёте (ок. 1790).

С. **531** «Ситуация одновременности с Христом»... — цитата из произведения Кьеркегора «Философские крохи» (1844).

В сущности, то же самое говорит и Леви-Стросс... — тема, о которой пишет Друскин, фигурирует в разных работах К. Леви-Стросса, например: «Структурная антропология» (1958).

С. **532** ...*Леви-Брюль...* — партиципация-соучастие, причастность; термин впервые ввел Л. Леви-Брюль в книге «Сверхъестественное в первобытном мышлении» (1931).

С. **533** ...*lumen internum...* — внутренний свет (лат.).

С. **535** ...*сумеет ли 40-летний отец Александр что-либо противопоставить ей* — речь об А. В. Мене, которого С. А. Гриб пригласил, чтоб склонить Друскина к крещению; о напористой настойчивости Гриба можно судить в том числе, например, по фрагменту его письма Друскину (не датировано): «Извините меня, но поразительно, что Вы пишете об умной молитве, не принадлежа к Православной церкви. Если Вы смотрите извне на храм, то ведь очень трудно судить о ходе богослужения — разве что по колокольному звону» (РНБ. Опись 2. № 573).

Толкование «Душечки» Чехова... — речь о «Послесловии к рассказу Чехова „Душечка“» (1905).

...*Kirche, Kinder, Küche* — церковь, дети, кухня (нем.).

С. **536** Физиолог Ухтомский считал... — рассуждение А. А. Ухтомского почерпнуто Друскиным, вероятно, из его книги «Доминанта как рабочий принцип нервных центров» (1923) или из позднейших его трудов на эту тему.

С. **537** *Швейцер о художниках, поэтах и т. д. ...* — по-видимому, речь о книге А. Швейцера «И. С. Бах» (1908).

О Пушкине еще Гоголь сказал... — из статьи Гоголя «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» (1846).

Кажется, Виноградов назвал это протеизмом Пушкина — В. В. Виноградов писал о «протеизме» Пушкина в нескольких работах, которые Друскин мог прочесть в только что вышедшем тогда сборнике статей Виноградова «Поэтика русской литературы» (1976).

...«Отцы пустынножители и жены непорочны»... — см. примеч. к с. 426.

...«Здесь кончается чувство, начинается искусство» — из стихотворения «Ответ богов» (1929): Введенский. Всё. С. 76-79.

В «Куприянове и Наташе», написанном вскоре после ухода Тамары... — Введенский. Всё. С. 162-168; см. примеч. к с. 492.

С. **538** *...я люблю мясо и водку, я люблю толстых евреек* — из стихотворения Хармса «Но сколько разных движений...» (1938; Хармс. Т. 1. С. 293-295).

...«Один, может, два есть» — см. примеч. к с. 209.

С. **539** *Не принял 28.VIII, а закончил 28.VIII начатое 16.VIII...* — см. примеч. к с. 219.

С. **540** *Претерпевший до конца спасется* — Мф. 10:22.

С. **541** *«Душевный человек не понимает духовного»* — 1 Кор. 2:15.

Письма

Для публикации в настоящем разделе избраны письма, разносторонне характеризующие содержание и стилистику эпистолярного наследия Я. С. Друскина.

Ожидаемая по преимуществу религиозная (в письме к Д. С. Дудко) и религиозно-философская (в письме к Е. Л. Фейнбергу) тематика соприсутствует с шутливо-иронической стилистикой писем Друскина к В. В. Стерлигову, а разнообразное содержание писем к Т. А. Липавской дает представление и о «лирическом», если так можно выразиться, аспекте его жизни.

Все письма (за исключением немногих ранее воспроизводившихся коротких фрагментов писем к Липавской) публикуются впервые.

Т. А. Липавской

Тамара Александровна Липавская (урожд. Мейер) (1903–1982) училась в одной школе с Я. С. Друскиным и А. И. Введенским; с последним — в одном классе, затем с ним же на факультете общественных наук в Петроградском университете. В 1921–1931 годах замужем за Введенским; в 1931 году вышла замуж за Л. С. Липавского.

Введенский познакомил Друскина с Липавской в 1922 году. В 1925 году с ней познакомился Д. И. Хармс, в творчестве которого Липавская впоследствии стала персонажем нескольких произведений, шаржированных рисунков и адресатом писем.

Липавская сохранила самые ранние стихотворения Липавского (об этом см.: Липавский. С. 469–470); сотрудничала с Друскиным в написании им работы «Звезда бессмыслицы» (см. наст. изд., т. 1 (с. 414–507)), составила Словарь языка Введенского (там же, примеч.).

Друскин посвятил Липавской работу «Исповедь, неудавшаяся, как и моя жизнь и мои писания» (наст. изд., том 1 (с. 508–523)).

Сохранилось сто пять писем Друскина Липавской за 1930 (это самые ранние из известных писем Друскина) — вторую половину 1970-х годов (РНБ. Опись 2. № 700–702). Фрагменты некоторых публикуемых писем воспроизведены в изд.: «Даниил Хармс глазами современников». С. 90–94 (в настоящей публикации они расширены). Основная часть писем Друскина Липавской публикуется — фрагментами или целиком — впервые.

Все письма 1930-х годов адресованы Липавской в украинские села Лещиновку и (или) Олиферовку, в которых Липавская проводила летние месяцы.

Сокращенно упоминаемые имена общих друзей см. в преамбуле к наст. тому.

В квадратных скобках — коррективы составителя.

С. **544** *И у Марка Аврелия об этом есть...* — из книги Марка Аврелия «К самому себе» (70-е гг. II в. н. э.)

И в Еванг[елии] есть... — Друскин пересказывает: Мф. 6:34.

Сон жены Цезаря я не знаю... — речь о приснившемся Кальпурнии, жене Гая Юлия Цезаря, сне, предвещавшем его гибель; этот сон сбылся.

Пруста можешь бросить... — к этому времени (1927-1928) была издана книга М. Пруста «В поисках утраченного времени», одну из частей которой могла читать Липавская.

С. **545** *...сел на поезд, доехал до Павловска...* — станция в тридцати пяти километрах от города; со времени открытия железнодорожного движения в 1838 году в здании вокзала для привлечения публики был открыт концертный зал с рестораном.

...без фабз[авуча]... — см. наст. изд., т. 1: сочинение Друскина «Учитель из фабзавуча» (с. 138-144) и его Хронику жизни и творчества.

Вот символ веры буддистов... — Щербатской Ф. И. Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. В 2 ч. СПб., 1909. Ч. 2. С. 212.

С. **546** *...Хвермсья...* — Д. И. Хармс.

...quaternio term... — в прямом значении: логическая ошибка (лат.).

...у Вали... — В. Е. Гольдина.

С. **547** *...на Сиверской* — поселок в Ленинградской области, в 70 км от Петербурга; со времени введения железнодорожного сообщения между Петербургом и Варшавой в 1857 году стал популярным дачным местом; из общих друзей в это время здесь жили на собственной даче Заболоцкие — именно Заболоцкого здесь (и далее) Друскин именует «поросенком» и «боровом».

...это напоминает английскую соль — Друскин иронически сравнивает напиток с английской солью: употреблялась в качестве слабительного средства.

...она ростом выше тебя — Друскин иронизирует по поводу очень высокого роста Липавской; Хармсу принадлежат несколько шаржей на чету Липавских, где она изображена ростом раза в два выше Липавского.

...у меня был Башилов — А. А. Башилов — портной, художник; всеобщий знакомец круга Друскина и его друзей, прославленный разнообразными чудачествами; подробная справка о нем в книге: «Даниил Хармс глазами современников». С. 471.

...Макаров... — неизвестный персонаж.

С. **548** *...зовут Кирой Николаевной* — неустановленное лицо; возможно, мистификация Друскина.

Хармс всё не отдаёт любопытных путешествий... — поскольку Липавская читала книги по философии, можно предположить, что речь идет о книге: Любопытное путешествие Гераклита и Демокрита / пер. с нем. М., 1802.

Я их плохо знаю и был бы рад, если ты объяснишь... — Друскин мистифицирует Липавскую, которая в письмах систематически жаловалась на скуку; Друскин таким образом дает ей повод для занятий.

Вот квадрат Дюрера... — так называемый магический квадрат Дюрера воспроизведен на его гравюре «Меланхолия» — сумма чисел такого квадрата в любом столбце, строке, диагонали и в каждой четверти и сумма угловых чисел равна 34. Друскин воспроизводит этот квадрат задом наперед и вверх ногами.

Ты прочти книжку (о квадратах)... — литература на эту тему обширна. Возможно, здесь речь идет о кн.: *Шуберт Г.* Математические развлечения и игры. Одесса, 1911.

С. 549 *О Екатерине Васильевне...* — Е. В. Заболоцкая.

...а о Нюрочке... — А. С. Ивантер.

С. 552 *...был и Александров* — об Александрове см. примеч. к с. 479.

...Лёнино открытие — см. примеч. к с. 35.

С. 553 *В блокаду ты сказала мне...* — в это время умерла сестра Липавской С. А. Мейер.

Любовь всегда права, сказал Якоби... — так Друскин резюмирует соответствующие идеи (взгляды) Ф. Г. Якоби, выраженные им во многих работах.

Но если бы и они не открыли, то открыли бы твои записи — записи Липавской (судя по рассуждениям Друскина, их было немало) не сохранились: после смерти Друскина Липавская их уничтожила; единственный ее текст — с комментариями Друскина: «Сон. Как я вступила в спор с Антоном Павловичем [Чеховым]» (РНБ. Опись 2. № 698).

Дневник Анны Франк... — издан впервые в 1947 году после гибели А. Франк в фашистском концлагере.

С. 554 *...даже Критика чистого разума...* — работа И. Канта.

Добавления к «Видению»... — Друскин имеет в виду работу «Рассуждения о Библейской онтологии, о тайне контингентности, о моем рабстве и о моей свободе и об эсхатологии, не вошедшие в „Видение невидения“».

С. 555 *Три месяца в году праздник каждый день...* — имеются в виду летние месяцы, которые Друскин проводил вместе с Липавской на дачах вне Ленинграда.

То, что я пишу сейчас, ни на кого и ни на что не похоже — вероятно, речь идет о работе «Односторонне синтетическое тождество» — она не сохранилась (и неизвестно, была ли написана), есть лишь трехстраничный фрагмент (РНБ. Опись 2. № 234; он опубликован в качестве Приложения I к более ранней работе «Тождество и единство, аналитическое и синтетическое», но схож с ней лишь по названию: см.: Лестница Иакова. С. 605–606) и, возможно, фрагментах среди черновых автографов других произведений (РНБ. Опись 2. № 205).

Бог, Бог, где же Ты? — см.: Введенский. Всё.

С. **556** ...бинарная оппозиция — о бинарных оппозициях Друскин писал в работе «Звезда бессмыслицы» (см. наст. изд., т. 1 (с. 414–507)).

...после Видения... — работа Друскина «Видение невидения».

С. **557** ...Ковре Гортензии... — см.: Липавский. С. 367.

В. В. Стерлигову

Художник Владимир Васильевич Стерлигов (1905, по другим данным, 1904–1973) был знаком с Хармсом и его друзьями с 1926 года; в 1929–1934 годах в качестве художника детского отдела Ленотгиза (Детиздата) творчески сотрудничал с ними. Сведения о его тогдашних контактах с Друскиным отсутствуют. Они появляются с конца 1940-х годов: в дневниках Друскина фиксируются его эпизодические беседы со Стерлиговым. По тому же источнику (и публикуемым ниже письмам) можно судить, что с середины 1950-х годов отношения Друскина со Стерлиговым и его женой — художницей Татьяной Николаевной Глебовой (1900–1985) становятся всё более дружескими и интеллектуально содержательными.

В архиве Друскина содержатся 24 письма Стерлигова Друскину (РНБ. Опись 2. № 583), его статьи, воспоминания, рисунки (РНБ. Опись 2. № 713–723); а также статьи и воспоминания Т. Н. Глебовой (РНБ. Опись 2. № 689–693).

В настоящей публикации письма 1 и 4 воспроизводятся по изд.: Дух дышит, где хочет. Владимир Васильевич Стерлигов, 1904–1973. Выставка произведений: Каталог. Статья. Воспоминания. СПб., 1995. С. 54–55; письма 5–7 публикуются впервые по автографам, сохраняющимся в собрании Е. С. Спицыной, — с благодарностью за любезное предоставление их владелицей для публикации в настоящем издании; письма 2, 3, 8, 9 публикуются впервые: РНБ. Опись 2. № 564.

С. **558** *Но не рассуждать надо уметь...* — аллюзия на главу «Рассуждать не рассуждать», посвященную Хармсу, из неоконченной работы Друскина «Примеры» (см.: «...Сборище друзей». С. 848–852).

Передайте Татьяне Николаевне... — Т. Н. Глебова.

«Ленинград, 1959 год?» — часть этого письма (см. примеч. далее) сохранилась в собрании Е. С. Спицыной.

С. **559** *Пожар вокруг меня...* — Друскин перефразирует фрагмент текста, подчеркнутого Хармсом в принадлежавшей ему книге (см. примеч. к с. 125).

Пожар вокруг меня — это и есть... — далее в варианте Е. С. Спицыной: «мое здешнее неблагополучие и ограничение от внешнего».

...зажигает пожар вокруг меня... — на этом месте обрывается вариант Е. С. Спицыной; опубл. впервые: Шестнадцать пятниц: Вторая

волна ленинградского авангарда. В 2 ч. / изд. подготовила Е. Спицына. Los Angeles, 2010 (Experiment / Эксперимент: Журнал русской культуры. Vol. 16). Ч. 1. С. 385–387.

«Ленинград, 1959 год?» — письмо Друскина — подражание хармсовскому произведению без заглавия, начинающемуся: «Дорогой Никандр Андреевич, получил твое письмо и сразу понял, что оно от тебя. Сначала подумал, что оно вдруг не от тебя, но как только распечатал...» — и так далее (Хармс. Т. 2. С. 38–39).

С. 560 ...*Т. Н. ...* — Т. Н. Глебова.

И Лидия Семёновна... — Л. С. Друскина.

...часов 6–8 езды на чугунке... — Друскин иронически архаизирует: так в обиходе называли первые российские железные дороги.

...Тимофей... — кличка кота Друскина.

После этого он ходил с клочной бородой — Друскин воспроизводит фрагмент рассказа Хармса «Исторический эпизод» (Хармс. Т. 2. С. 352–354).

...150 г ... — речь о водке.

Вы спрашиваете о Трауготах — супруги — художники В. П. и С. Н. Траугот жили на даче в поселке Огоньки Выборгского района Ленинградской области (прежнее финское название Линтула).

С. 561 *...он всю жизнь говорил прозой* — имеется в виду Журден, персонаж комедии Ж.-Б. Мольера «Мещанин во дворянстве» (1670).

...и Люсине — Л. Н. Глебова.

С. 563 *И сим дознается...* — см. примеч. к с. 128.

Ап. Павел сказал... — 2 Кор. 12:10.

Большой маленький советский художник... — это письмо — ответное на серию одновременно посланных Стерлиговым Друскину шести шуточных писем: иных без текста (с кляксой — см. далее) или, например, с таким стихотворением: «Возглас истины

Отдельная квартира

А в ней живет задира.

Ты этому не верь:

Открой в квартиру дверь —

В ней вдоль и поперек

Летает ангелок,

Т. е. это я и есть, простой, советский художник. В. С. Приветик!» (РНБ. Опись 2. № 583).

...«печемся о многом, а важно одно» — Друскин по-своему воспроизводит: Лк. 10:42.

С. 564 *...Михаил Борисович...* — М. Б. Мейлах (см. примеч. к с. 282).

...сын Бориса Соломоновича... — Б. С. Мейлах.

...попасть на Озерковую улицу в Ваш дом... — Стерлигов и Глебова жили в Петергофе по адресу: Озерковая улица, дом 49/2, квартира 55.

...Тамара Александровна... — Т. А. Липавская.

...Михаил Семёнович... — М. С. Друскин.

...Серёжа Гриб... — С. А. Гриб.

...Анатолий Анатольевич... — А. А. Александров (см. примеч. к с. 479).

...Серёжа Слонимский... — С. М. Слонимский.

Е. Л. Фейнбергу

Евгений Львович Фейнберг (1912–2005) — физик-теоретик, академик; автор работ по физике атомного ядра, космических лучей, элементарных частиц и по многим другим направлениям.

Брат Друскина Михаил был дружен с женой Фейнберга Валентиной Джозефовной Конен (1909–1991), музыковедом, которую консультировал по истории зарубежной музыки и о работах которой писал доброжелательные отзывы. По-видимому, рекомендация брата сыграла роль в обращении Друскина к Фейнбергу (возможно, после прочтения им статьи Фейнберга «Нелокальность», посвященной проблеме пространства и времени, в вышедшем незадолго до того сборнике статей разных авторов «Теория относительности и физика высоких энергий»).

В архиве Друскина хранится ответ Фейнберга от 27 июля 1969 года на полученное им первое письмо Друскина, по которому можно судить, что заданные физику вопросы касались теории относительности, но и религиозно-философских проблем, по поводу которых Фейнберг написал: «Я не решаюсь затрагивать философски-религиозные вопросы — здесь я неуч. Решусь однако сказать одно: мне казалось, что религиозная идея и ее следствия не только могут не согласовываться с рациональным объяснением, но в принципе не нуждаются в нем и даже, наоборот, должны лежать вне него. Но м. б., я сужу выше сапога».

В ответ Друскин написал три пространных (неоконченных) варианта письма Фейнбергу, из которых публикуем наиболее емкий: РНБ. Опись 2. № 565; публикуется впервые.

С. 565 *...ответ Майкельсона...* — речь, вероятно, об опыте А. А. Майкельсона, который считается первой попыткой в создании теории относительности.

Я слышал, что Милн в книге... — Друскин может иметь в виду одну из двух книг Э. А. Милна на эту тему: «Относительность, гравитация и строение мира» (1935) или «Кинематическая теория относительности» (1948).

С. 566 *...говорит Минковский в своем знаменитом докладе...* — Г. Минковский в 1907 году в докладе на семинаре в Гёттингене

предложил оригинальное «пространство Минковского»: четырехмерное псевдоевклидово пространство (единое пространство-время).

...есть сказки... — источник этой «сказки» не обнаружен.

...слышали ли Вы о гениальном поэте Введ[енском]... — А. Введенский после ареста в октябре 1941 года был отправлен этапом в лагерь; умер на этапе в вагоне поезда вблизи Казани 19 декабря 1941 года.

Дверь открылась... — см.: Введенский. Всё.

Ап. Павел сказал... — так Друскин интерпретирует: 1 Кор. 1:23.

И еще... — интерпретация двух схожих фрагментов: 1 Кор. 1:27; 1 Кор. 3:19.

Вы пишете... — Фейнберг написал: «Эйнштейн еще в детстве задался вопросом: что будет видно, если двигаться вместе с лучом света, со скоростью света? Он ответил своей теорией: если двигаться со скоростью сколь угодно близкой к скорости света, то все законы природы будут соблюдаться в той же физике» (РНБ. Опись 2. № 584).

С. **567** *...говоря словами Бэкона...* — речь о работах Ф. Бэкона, утверждавших необходимость индуктивного изучения причинно-следственных связей в явлениях.

С. **568** *Еще Бор сказал Гейзенбергу...* — вошедшее в обиход в искаженном виде высказывание Н. Бора на одном из научных семинаров.

...credo quia absurdum est — верую, ибо абсурдно (лат.); приписываемая Тертуллиану фраза, схожая с написанной в его сочинении «О плоти Христа» (202–208).

А до него ап. Павел... — Друскин по-своему интерпретирует: 1 Кор. 3:19.

С. **569** *...звездное небо над нами и нравств[енный] закон в нас* — выражение из работы И. Канта «Критика практического разума» (1788).

Друскин

Дмитрий Сергеевич Дудко (1922–2004) — протоиерей, проповедник, писатель.

В 1974 году получили распространение в самиздате машинописные копии его книги «О нашем уповании. Беседы» — собрание проповедей, произнесенных Дудко начиная с декабря 1973 года в московском Никольском храме у Преображенского кладбища. Одна из таких копий оказалась и в распоряжении Я. С. Друскина. Книга Дудко была для Друскина настолько интересной и важной (особенно — и в том числе — вследствие интенсивных побуждений Друскина со стороны нескольких лиц к обряду церковного крещения), что он принялся писать отзыв на книгу Дудко (в течение нескольких месяцев написал несколько десятков листов), но, по-видимому, отзыв так и не отправил, а написал

Дудко (вероятно, не позднее середины 1977 года) письмо с вопросами, на которое 28 сентября получил ответ: «Прежде всего, я хочу попросить у Вас прощения, что так давно получил Ваши вопросы, а на них еще Вам не ответил. Вопросы Ваши мне настолько показались характерными, что я их хочу включить в свою новую книгу, если, конечно, Вы не возражаете. Фамилию Вашу я не буду указывать, хотелось указать хотя образование, это нужно для того, чтоб знать, у кого такие вопросы могут возникнуть. Мне о Вас рассказали, и я Вас полюбил заочно. Ваши вопросы — это не праздность ума, а жизненно важны. Тем более, как мне сказали, для Вас образ Христа очень близок. Однако Вы креститься пока не решаетесь, хотя возраст Ваш уже преклонный. <...> Я думаю, что здесь и ответы на вопросы не помогут. Конечно, они могут помочь тогда, когда, помимо ума, тут будет присутствовать и сердце, ведь мы и мыслим не только умом, а всем существом своим».

Друскин написал не менее четырех вариантов ответа на это письмо Дудко. Не известно, отправил ли он хоть один из таких вариантов адресату: дата на публикуемом ниже тексте (его начало выявить невозможно) не является безусловным свидетельством его отправки — Друскин нередко оставлял подобные письма неотправленными, но, с другой стороны, часто оставлял себе копии отправленных писем. Так или иначе, ввиду особой важности темы, которая волновала Друскина в последние несколько лет его жизни, настоящее письмо (и далее — один из его вариантов) сочтены достойными публикации в настоящем издании: РНБ. Опись 2. № 235; публикуются впервые.

С. 570 *Так как вчера Д. ...* — невозможно установить, кто имеется в виду.

...«Сила моя совершается в немощи» — 2 Кор. 12:9.

...«когда я немощен, я силен» — 2 Кор. 12:10.

...Я высоко на небе... — Друскин пересказывает: Ис. 57:15.

...когда душа обнищает, опустеет... — Друскин пересказывает фрагмент учения Филона о Логосе, как посреднике между Богом и людьми, высказанного им в многочисленных трудах.

С. 571 *...книги Антония Блума...* — правильно: Антония Блума; одна из неназываемых книг, вероятно «Проповеди и беседы» (Париж, 1976), другая, возможно: «Учение церкви о Святом Духе» (Paris, б. г.).

С. 572 *...вода, елей, масло и т. д.* — РНБ. Опись 2. № 477.

Выходные данные

Яков Друскин
Сочинения в 2 томах
Том 2. Дневники и письма

Издатели Александр Иванов, Михаил Котомин
Исполнительный директор Кирилл Маевский
PR-директор Дмитрий Харьков
Управляющий редактор Екатерина Тарасова
Старший редактор Екатерина Морозова
Ответственный секретарь Алла Алимова
Корректоры Татьяна Глушенкова, Марина Крыжановская, Ольга Португалова, Людмила Самойлова
Принт-менеджер Дарья Пушкина
Препресс Макс Ильинов

*Ad***M***arginem*

Все новости издательства Ad Marginem на сайте:

www.admarginem.ru

По вопросам оптовой закупки книг издательства Ad Marginem обращайтесь по телефону:

8 (929) 683-50-00 или пишите:

sales@admarginem.ru

ООО «Ад Маргинем Пресс», резидент ЦТИ «Фабрика»,
105082, Москва, Переведеновский пер., д. 18,
тел.: 8 (929) 683-50-00

info@admarginem.ru

Примечания к послесловиям

1

См.: *Дворецкий И. Х.* Древнегреческо-русский словарь. В 2 т. Т. 1. А — Л. М.: ГИИНС, 1958. С. 18.

2

Ср.: «О некотором волнении и некотором спокойствии», «Признаки», «О деревьях», «Вестники и их разговоры» (1. Совершенный трактат об этом и том; 2. Исследование об этом и том; 3. Второе исследование об этом и том; 4. Характеры преобразований).

3

Липавский. С. 337. Тогда же Я. Друскин произнес, что надо написать и о снах вестников (Там же).

4

Наст. изд. Т. 1. С. 85.

5

Там же. С. 86. Ж.-Ф. Жаккар особенно подчеркивает важность мысли Я. Друскина об отсутствии закона, который регулировал бы порядок, а также с этим близко связанного понятия случайности, во многом предопределивших философию чинарей (см.: *Жаккар Ж.-Ф.* Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб.: Академический проект, 1995. С. 126).

6

Наст. изд. Т. 1. С. 87.

7

Друскина Л. С., Машевский А. Г. Примечания // Сборище друзей, оставленных судьбою... В 2 т. Т. 1. С. 1054.

8

Друскин Я. «Как меня покинули вестники» // Сборище друзей, оставленных судьбою... В 2 т. Т. 1. С. 811.

9

Напомним о его миниатюре 1931 года: «Прежде, чем придти к тебе, я постучу в твоё окно. Ты увидишь меня в окне. Потом я войду в дверь и ты меня увидишь в дверях. Потом я войду в твой дом и ты узнаешь меня. И я войду в тебя и никто, кроме тебя, не увидит и не узнает меня. Ты увидишь меня в окне. Ты увидишь меня в дверях» (*Хармс Д. Прежде, чем придти к тебе, я постучу в твоё окно... // Д. Хармс. Полное собрание сочинений. Т. 2. Проза и сценки. Драматические произведения. СПб.: Академический проект, 1997. С. 35*). Близко к ней относится и дневниковая запись Д. Хармса от 23 ноября 1932 года, приравнивающая к одному весь мир, окно и возлюбленную Эстер Русакову: «Весь мир — окно — Эстер» (*Хармс Д. Дневник // Д. Хармс. Полное собрание сочинений. Записные книжки. Дневник. В 2 кн. Кн. 2. СПб.: Академический проект, 2002. С. 208*).

10

Хармс Д. Окно // Хармс Д. Полное собрание сочинений. Т. 1. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 1997. С. 190.

11

В прощальном тексте А. Введенского «Где. Когда» (1941) мы находим то же сочетание мотивов «звезд», «мира», «рая», «дали» человеческого края; лирический субъект прощается с «небесных звезд» круговращением, с миром и раем: «Прощай мир. Прощай рай. / Ты очень далек человеческий край» (*Введенский А. Где. Когда // А. Введенский. Полное собрание произведений. В 2 т. Т. 2. Произведения 1938–1941. Приложения. М.: Гилея, 1993. С. 70, 72*).

12

Хармс Д. Письмо Р. И. Поляковской от 2 ноября 1931 года // Д. Хармс. Полет в небеса. Стихи. Проза. Драммы. Письма. Л.: Советский писатель, 1988. С. 459, 460.

13

О теме «окна» у Хармса в философско-теологическом толковании см. в: *Ямпольский М. Беспамятство как исток (Читая Хармса). М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 42–73.*

14

Хармс Д. Письмо К. В. Пугачевой от 16 октября 1933 года // *Д. Хармс. Полное собрание сочинений. Т. 4. Трактаты и статьи. Письма. Дополнения: не вошедшее в т. 1-3.* СПб.: Академический проект, 2001. С. 80.

15

Правда, с водой, вернее, с ее главным признаком — текучестью — отождествляются вестники, что вызывает опасение героя выпить одного из них. Поиски воды, потом и вестников, совершаются, видимо, мысленно, как процесс познания (на вкус, на ощупь, на слух), в отдельно взятом, случайном мгновении, при каталепсии времени. С уходом вестников восстанавливалась текучесть времени («Ветер уже почти не дул, а часы спокойно тикали, показывая правильное время: без четверти четыре») и герой уже мог переодеться и пойти в гости (*Хармс Д.* О том, как меня посетили вестники // *Хармс Д. Полное собрание сочинений. Т. 4.* С. 25).

16

О крушении идеи «цисфинитного ноля» как бесконечного настоящего см. в: *Jaccard J.-Ph.* «Cisfinitum» и смерть. «Каталепсия времени» как источник абсурда // *Russian Literature.* 2004. № LVI. P. 199–212.

17

Наст. изд. Т. 1. С. 129.

18

В «Разговорах» Л. Липавский запечатлел фразу Я. Друскина: «Ты бы обязал приходящих к тебе пять-шесть человек записывать что-нибудь по заранее выбранной формуле, например: „Фалес сказал...“ Предположим, они будут ходить к тебе еще лет десять. Получится шестьдесят вещей. Можно будет отобрать штук двадцать и соединить. Это будет правильное произведение» (Липавский. С. 351). Несколько лет спустя в трактате «Как меня покинули вестники» Я. Друскин сообщает о своем намерении написать собрание исследований, которые начинались бы фразой: «Вот что сказал ученик Фалеса, когда учитель замолчал, так как вдохновение покинуло его» (*Друскин Я.* «Как меня покинули вестники». С. 803).

19

Наст. изд. Т. 1. С. 164, 165.

20

Там же. С. 81, 84.

21

Введенский А. Приложение 1. Неоконченные произведения (33–36). «Серая тетрадь» // *А. Введенский. Полное собрание произведений. В 2 т. Т. 2. Произведения 1938–1941. Приложения. М.: Гилея, 1993. С. 80, 81.* Мерцание мира, о котором говорит А. Введенский, связано со специальной теорией относительности А. Эйнштейна и его введением абсолютной скорости света в вакуум, что привело к отмене абсолютного пространства и абсолютного времени, а заодно к формированию единого относительного пространства-времени, в котором все события выстраиваются в «линию мировых событий», где прошлое, будущее и настоящее существуют всегда (см. об этом более подробно в: *Ичин К.* Теория относительности в восприятии Александра Введенского // *Вопросы философии. 2011. № 1. С. 106–115*).

22

Введенский А. Приложение 1. Неоконченные произведения (33–36). «Серая тетрадь». С. 83.

23

Наст изд. Т. 1. С. 126, 127.

24

Там же. Т. 1. С. 71, 73.
Яков Друскин и его вестники

25

Там же. С. 87, 88.

26

Друскин Я. Это и то // *Сборище друзей, оставленных судьбою... В 2 т. Т. 1. С. 811.*

27

В 1915 году на последней футуристической выставке «0,10» Малевич придумал название супрематизм для своего направления (от лат. *superus* — *superior* — *ius*, *supremus*, *summus* и др. — греч. τό μάθημα, ατος — знание, наука, а также μάθησις, εως — обучение, воспитание, наставление, любознательность, изучение), призванного превзойти все знания, свести (предметный) мир к нулю и выйти за нуль, в космическое пространство творческого возбуждения. Супрематизм был победой чистого ощущения, вырвавшегося из-под власти мира вещей, мира видимостей. Отметим здесь, что, возможно, под влиянием философского трактата К. Малевича «Супрематизм. Мир как беспредметность, или Вечный покой» (1922) чинари, в том числе и Я. Друскин, сформировали свое понимание неподвижности и вечности.

28

Я. Друскин говорил: «В разговорах переходят от одной темы к другой по какому-то закону; потом вдруг покидают линию, по которой шли, начинают другую. Я бы хотел узнать законы разговора. Для того, чтобы их установить, мне придется исследовать гораздо шире, как математику, который, решая частную задачу, добивается формулы наиболее общей, предусматривающей и такие случаи, которые фактически не встречаются. Я хочу создать математику разговоров» (Липавский. С. 436).

29

Хармс Д. Пять неоконченных повествований // Д. Хармс. Полное собрание сочинений. Т. 4. С. 27.

30

Введенский А. Некоторое количество разговоров (или начисто переделанный темник) // А. Введенский. Полное собрание произведений. В 2 т. Т. 1. Произведения 1926–1937. М.: Гилея, 1993. С. 212.

31

Хармс Д. Мыр // Д. Хармс. Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 309.

32

Хармс Д. О существовании, о времени, о пространстве // Д. Хармс. Полное собрание сочинений. Т. 4. С. 30.

33

Там же.

34

Наст. изд. Т. 1. С. 132.

35

Там же. С. 131–134.

36

Липавский. С. 429, 430.

37

Хармс Д. О существовании, о времени, о пространстве. С. 31.

38

Там же. С. 34.

39

Хармс Д. О существовании. О Ипостаси. О Кресте // Д. Хармс. Полное собрание сочинений. Т. 4. С. 35.

40

Там же. С. 36.

41

Наст. изд. Т. 1. С. 132.

42

См., например: К вопросу о мерцании мира. Беседа с В. А. Подорогой // Логос. 1993. № 4. С. 139–150.

43

Подробнее см.: *Корчинский А.* Форманты мысли: литература и философский дискурс. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 97–113.

44

См., например, спецномер (№ 1) журнала «Логос» за 2024 год.

45

Думаю, здесь уместно прибегнуть к термину Гастона Башляра: *Башляр Г. Вода и грёзы. Опыт о воображении материи* / пер. Б. Скуратова. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2024.

46

Ветушинский А. Во имя материи: критические и метафизические исследования. Пермь: HylePress, 2018.

47

Наст. изд. Т. 1. С. 85.

48

Узланер Д. Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020.

49

Как уже мог заметить читатель, я употребляю именно эту номинацию, поскольку проект ОБЭРИУ является лишь одним из эпизодов истории чинарского сообщества и не все чинари принимали в нем участие, поэтому, на мой взгляд, не только об идеях, но и о поэтике корректнее говорить применительно именно к коллективным художественным установкам чинарей.

50

Подробнее см.: *Корчинский А. Указ. соч.* С. 103–108.

51

Липавский. С. 324–325.

52

Там же. С. 380.

53

Корчинский А. Указ. соч. С. 108.

54

Бадью А. Манифест философии. СПб.: Machina, 2003.

55

Липавский. С. 368.

56

Харман Г. Спекулятивный реализм: введение / пер. А. Писарева. М.: Рипол-классик, 2019.

57

Мейясу К. После конечности: эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2015.

58

Наст. изд. Т. 1. С. 26–42.

59

Там же. С. 48–57.

60

Наст. изд. Т. 1. С. 272–360.

61

Там же. С. 262–268.

62

Друскин Я. Перед принадлежностями чего-либо. Дневники 1963–1979 гг. СПб.: Академический проект, 2001. С. 237.

63

Наст. изд. Т. 1. С. 414–507.

64

Друскин Я. Лестница Иакова. Эссе, трактаты, письма. СПб.: Академический проект, 2004. С. 24.

65

Ямпольский М. Беспамятство как исток (Читая Хармса). М.: Новое литературное обозрение, 1998.

66

Наст. изд. Т. 1. С. 215.

67

Там же. С. 213.

68

Срничек Н. Франсуа Ларюэль, единое и не-философская традиция / пер. А. Морозова // *Insolarance Cult*. URL: https://insolarance.com/one-and-non-philosophy/#_ftnref1

69

Там же.

70

Там же.

71

Корчинский А. Указ. соч. С. 144–145.

72

Друскин Я. Рассуждения о Библейской онтологии, о тайне контингентности, о моем рабстве и моей свободе и об эсхатологии, не вошедшие в «Видения невидения». Наст. изд. Т. 1. С. 366–413.

73

Делёз Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза / пер. Свирского. М.: Пер сз, 2001. С. 232–233.

74

Массуми Б. Воображая виртуальное // Философский журнал. 2014. № 12. С. 19–34.

75

Агамбен Дж. Грядущее сообщество / пер. Д. Новикова. М.: Три квадрата, 2008. С. 45.

76

Там же. С. 38.

77

Наст. изд. Т. 1. С. 231.

78

Агамбен Дж. Грядущее сообщество. С. 55.

79

Хармс Д. Старуха. М.: Юнона, 1991. С. 101.

80

Наст. изд. Т. 2. С. 49.

81

Агамбен Дж. Профанации / пер. К. Токмачёва под ред. Б. Скуратова. М.: Гилея, 2014. С. 83–89.

82

Агамбен Дж. Грядущее сообщество. С. 20.

83

Друскин Я. Лестница Иакова. С. 749.

84

Друскин Я. Лестница Иакова. С. 22.